

S T U D I A P H I L O L O G I C A

К. В. Бабаев

НИГЕРО-
КОНГОЛЕЗСКИЙ
ПРАЯЗЫК

Личные местоимения

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 811.112.6
ББК 81.2
Б 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-04-16030

Издание подготовлено при содействии гранта РГНФ
проект № 10-04-00269
«Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки»

Рецензенты:
акад. РАН, д-р филол. наук *В. А. Дыбо*, д-р филол. наук *О. В. Столбова*

Бабаев В. К.

Б 12 Нигеро-конголезский праязык: личные местоимения. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 608 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0642-7

Книга посвящена сравнительному анализу систем личного маркирования в языках нигеро-конголезской макросемьи — крупнейшего генетического объединения языков мира. В состав макросемьи входят более 1500 языков Африки южнее Сахары. Целью работы является проведение ступенчатой реконструкции праязыковой системы личных показателей: через системы праязыков групп и семей к праязыку нигер-конго, существовавшему, как предполагается, в Западной или Центральной Африке около десяти тысяч лет назад. Книга призвана продемонстрировать, что парадигматические сходства систем личных показателей в различных семьях языков нигер-конго не могут быть результатом случайности или ареального контакта и должны рассматриваться как свидетельство глубокого генетического родства.

Книга является первым в отечественной научной литературе опытом описания и системного сравнения более 650 нигеро-конголезских языков. Книга предназначена для специалистов по африканским языкам, сравнительно-историческому и ареально-типологическому языкознанию, африканистов, а также для всех, кто интересуется историей и доисторическим развитием человеческого языка.

ББК 81.2

*В оформлении переплета использована фотография В. К. Бабаева
«Набивные ткани адинкра (Гана)»*

ISBN 978-5-9551-0642-7

© К. В. Бабаев, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Посвящается моей жене

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа¹ является опытом парадигматического анализа систем личных местоимений и личных показателей крупнейшего генетического объединения языков мира – нигеро-конголезской макросемьи Африки. Работа представляет собой попытку доказательства родства нигеро-конголезских языков с помощью реконструкции одной из важнейших парадигматических систем их языка-предка – системы личных местоимений.

В 2013 г. исполняется ровно полвека с тех пор, как американский исследователь Джозеф Гринберг выпустил в свет краткое описание своей гипотезы о распределении языков африканского континента между четырьмя генетическими объединениями, называемыми в литературе макросемьями или, реже, филами: афразийской, нило-сахарской, нигеро-конголезской (ранее часто именуемой также нигеро-кордофанской или конго-кордофанской) и койсанской. В 1963 г. выходит в свет его работа [Greenberg 1963], в которой один из наиболее выдающихся лингвистов XX столетия попытался с помощью своего оригинального метода «массового сравнения» провести контуры генеалогической классификации огромного количества – около двух тысяч – языков Африки. Дж. Гринберг во многом следовал более ранним гипотезам: так, о родстве языков афразийской (более раннее название – семито-хамитской) семьи языков говорили ещё лингвисты первой половины XIX в., идею объединения языков Африки южнее Сахары высказывал В. Блик в середине XIX столетия, а затем Д. Вестерман в начале прошлого века. Тем не менее, так как в работе Гринберга классификацией были охвачены все языки континента, обозначены границы и состав нигеро-конголезской макросемьи, а также предложен и сам термин «нигер-конго», именно 1963 г. можно считать датой появления такой области африканистики, как нигеро-конголезское языкознание.

В течение последующего десятилетия гипотеза Гринберга о существовании четырёх макросемей была позитивно воспринята большинством африканистов и за рубежом, и в СССР. Широким признанием пользуется она и по сей день, несмотря на то что с точки зрения сравнительно-исторического метода обоснования для выделения каждой из четырёх макросемей представлены крайне неравномерно.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №10-04-00269 «Диакронические процессы и генетические отношения языков Африки», Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» и проекта Фонда ФЛИ № А-11 «Недостающие звенья для реконструкции праязыка нигер-конго».

В вопросе о существовании афразийской макросемьи языков (объединяет семитскую, берберскую, кушитскую, чадскую, омотскую семьи, древнеегипетский язык и произошедший из него коптский) можно говорить о достаточном объёме сравнительно-исторических исследований, позволяющем с уверенностью говорить о составе, классификации и внешних связях афразийских языков. Исследования последних десятилетий позволили реконструировать базовый лексический состав, фонологию, основы грамматической системы афразийского праязыка, выдвинуть ряд гипотез о локализации прародин и реконструкции элементов культуры и образа хозяйствования его доисторических носителей. Довольно глубокая степень изученности языков семьи – на сегодняшний день количество неописанных афразийских языков исчисляется единицами – обеспечивает высокий уровень точности лексической реконструкции, глоттохронологических выводов и анализа морфологии.

Несмотря на множество проблем классификации языков макросемьи, реконструкции праязыка и особенно определения прародин афразийцев, степень изученности афразийских языков, общий уровень сравнительно-исторических исследований в области афразийского языкознания в мире могут служить хорошим примером для специалистов, изучающих языки трёх других макросемей африканского континента.

Уровень исследования последних на сегодняшний день значительно ниже. Нило-сахарские языки, несмотря на их относительную малочисленность (около 200), изучены очень слабо, надёжные генетические связи между различными семьями языков, включёнными Дж. Гринбергом в состав макросемьи, установить пока не удаётся. Относительно уверенно можно постулировать родство семей более низкого уровня, входящих в состав нило-сахарских языков: так, однородность языков нилотской, центральносуданской, сахарской семей не подлежит сомнению. Однако достаточно надёжно связать их между собой, а также обосновать родство с ними других языков региона «Великого Судана», такие как коман, кадугли-кронго, фур и другие, пока не получается. В последние два десятилетия были выдвинуты две сильно различающиеся между собой гипотезы о классификации нило-сахарских языков и реконструкции их общего языка-предка [Bender 1996; Ehret 2001], однако обе они продолжают подвергаться серьёзной критике в научном сообществе. Существенный шаг в данном направлении будет сделан с выходом в свет в России монографии Г.С. Старостина [2013].

Говоря о языках койсанской макросемьи (не более 30 языков), носители которой разбросаны по Южной и Восточной Африке, исследователи также нередко выражают неуверенность в её обоснованности. Несмотря на ряд существенных типологических сходств в фонологии и морфосинтаксисе, лексические расхождения между отдельными языками чрезвычайно велики, а сходства вполне могут быть результатом многотысячелетнего процесса языковой конвергенции.

Наиболее существенной между тем остаётся проблема идентификации нигеро-конголезской макросемьи языков. Это объединение по генетическому принципу

является крупнейшим в мире, насчитывая более полутора тысяч известных на сегодняшний день языков, распространённых на огромной площади африканского континента южнее Сахары. Другие языковые макросемьи, постулируемые в разное время и с разной степенью научного правдоподобия, не могут сравниться с ней ни по количеству, ни по разнообразию языков, вовлечённых в орбиту исследования. Между тем по степени изученности нигеро-конголезские языки не могут соперничать ни с языками Северной Африки, ни тем более с языками наиболее исследованных на сегодняшний день генетических объединений – индоевропейской, уральской, семитской и других семей.

Согласно гипотезе Дж. Гринберга, в состав нигеро-конголезской макросемьи входят языки, относимые к следующим десяти крупным семьям: бенуэ-конго (включающей в свой состав в том числе более пятисот языков банту), ква, кру, гур, адамауа-убанги, иджойдная, догон, манде, атлантическая (или западноатлантическая), кордофанская. Их состав, а для некоторых семей и сама валидность по сей день остаётся предметом дискуссии, однако при этом за полвека существования гипотезы макросемья не пополнялась и не теряла входящих в её состав объединений.

Спустя полвека после публикации Гринберга нигеро-конголезская гипотеза продолжает оставаться своеобразным «фантомом» сравнительно-исторического изучения языков мира. Метод «выделения сходств», «массового» или «многостороннего сравнения», принятый автором гипотезы для выявления общего генетического происхождения отдалённо родственных языков, является лишь эмпирическим, субъективистским подходом к одной из сфер языка – лексике – и не может считаться методом для такой парадигматической по своей природе науки, как сравнительное языкознание. Фактически Гринберг подобрал некоторый массив единиц базовой лексики (конкретно в работе 1963 г. приведены соответствия из 186 языков по 49 лексемам: именам существительным, глаголам, прилагательным и числительным, а также – в отдельной главе работы – соответствия 52 «нигеро-конголезским» лексемам в языках кордофанской семьи) на основании их более или менее очевидного внешнего сходства в глазах исследователя. При этом не учитывались ни регулярность фонетических соответствий, ни близость семантики лексемы в различных языках. Данные некоторых языков даны в соответствии с источниками, которые уже на момент написания работы Дж. Гринберга можно было назвать устаревшими. Помимо лексических сопоставлений, автор уделил некоторое внимание аффиксам именных классов, распространённых в нигеро-конголезских языках, их фонетическим и семантическим сходствам.

Работу Гринберга можно и весьма полезно рассматривать лишь в качестве первоначальной, рабочей гипотезы для последующего сравнительного исследования. Однако за истекшие со дня её опубликования пять десятилетий такого исследования так и не было опубликовано, и нигеро-конголезскую гипотезу стало принято рассматривать исключительно в контексте сопоставлений Дж. Гринберга, что привело к неверным выводам как сторонников, так и противников идеи нигеро-конголезского родства.

Во-первых, в корне неверно воспринимать работу Гринберга как собственно *доказательство* родства языков. Как известно, любая гипотеза существования общего предка некоторой группы языков должна быть основана на регулярных фонетических соответствиях, построенной на их основе фонетической системы праязыка, реконструкции праязыкового фонда базовой лексики и морфологии. Гринберг вовсе не стремился выполнить эту работу: да она и вряд ли была возможна в те годы и с тем объёмом языкового материала, который был доступен компаративисту полвека назад. Сам автор, вопреки распространённому в последнее время критическому мнению, вовсе не считал свою работу доказательством генетического родства полутора тысяч языков Африки. Он всегда подчёркивал, что его метод «массового сравнения» является лишь предположением родства, некоторой пунктирной линией, которую ещё предстоит верифицировать с помощью собственно сравнительно-исторического метода, активным поборником которого Дж. Гринберг оставался до конца своих дней.

Во-вторых, совершенно неприемлемо пытаться доказать гипотезу Гринберга без использования сравнительно-исторического метода. И «массовое сравнение», и различные виды нестрогой лексикостатистики, широко применяемые в западной литературе, неизбежно страдают субъективностью подхода. Типологический подход, также весьма популярный в зарубежном африканском языковедении прошлого столетия, характеризуется избыточным значением, придаваемым типологии языковых категорий и значений для сравнения языков и их генетической классификации. Так, к примеру, существование системы именных классов само по себе вовсе не является показателем родства языков. Мнение некоторой части западного научного сообщества о том, что языки с именными классами должны быть причислены к нигеро-конголезской макросемье, а языки, не имеющие классов, напротив, следует из неё решительно исключить, не может считаться основательным хотя бы потому, что наличие или отсутствие именных классов является структурной характеристикой языка, а следовательно, может на поверку оказаться по происхождению как генетическим, так и ареальным по происхождению.

Упор на типологические данные и произвольную лексикостатистику как основу для постулирования языкового родства или внутренней классификации языков нигер-конго характеризовал многие работы европейских и американских учёных второй половины XX в., результатом которых стала, пожалуй, лишь утрата доверия большей части научного сообщества к нигеро-конголезской идее вообще и потенциальной возможности реконструкции праязыка макросемьи в частности. Безусловно, впрочем, что и такие работы, пусть и не основанные на строгом сравнительно-историческом методе, ценны для любого исследователя, к тому же в числе их авторов можно назвать крупнейших учёных-африканистов прошлого столетия.

В-третьих, наконец, за последние пятьдесят лет африканское языковедение обогатилось таким количеством нового материала, включающего описание, анализ и сопоставления языков, что безоговорочное принятие научных гипотез полуве-

ковой давности уже не может быть применимо к реальности сегодняшнего дня. Как принятие гипотезы Гринберга, так и её отрицание, таким образом, не имеют ровно никакого смысла до тех пор, пока эта гипотеза не будет верифицирована на базе сравнительно-исторического метода. На сегодняшний день эта задача до сих пор не решена, но именно она является, пожалуй, ключевой для африканского сравнительно-исторического языкознания, одной из важнейших для дальнейшего развития компаративистики вообще.

Как ни странно, но объём научной литературы по комплексному сравнительному анализу языков нигер-конго остаётся крайне небольшим. В качестве примеров крупных исследований, опубликованных в пост-гринбергианский период, можно, пожалуй, назвать лишь работы Г. Мукаровского [Mukarovsky 1976–1977] и Дж. Стюарта [Stewart 2002; 2004], а также сборники обзорных статей по различным семьям [Sebeok 1971; Bendor-Samuel 1989]; остальные работы по нигеро-конголезскому языкознанию представляют собой отдельные статьи (более подробный анализ истории нигеро-конголезского языкознания см. в Главе 1). На сегодняшний день не предложено системы регулярных фонетических соответствий между входящими в неё языками и семьями языков, набор реконструированных различными исследователями праязыковых лексем остаётся довольно малочисленным, при этом многие лексические соответствия продолжают оставаться весьма спорными, «гринбергианскими». В результате последний по времени обзор достижений нигеро-конголезского языкознания в работе [Williamson, Blench 2000] констатирует, что *«ни одной убедительной реконструкции для макросемьи не сделано»*.

Очень мало сделано и в области сравнения грамматических систем языков различных семей, причисляемым к нигер-конго. Между тем именно сравнение элементов морфосинтаксиса может сыграть важную роль в установлении генетического родства и внутренней классификации языков макросемьи. Это признают не только сторонники, но и противники теорий дальнего родства языков: так, по мнению Л. Кэмпбелла, грамматика и особенно парадигматическая морфология являются необходимым критерием для обоснования языкового родства [Campbell, Poser 2008: 4]. Эта точка зрения успешно подтверждается на материале самых разных языков мира, в том числе и африканских. Достаточно сказать, что роль грамматических сходжений при сравнении языков афразийской макросемьи была чрезвычайно велика [Nichols 2010: 363]. Безусловно, для каждой крупной семьи языков роль морфосинтаксического сравнения варьирует в зависимости, в первую очередь, от грамматического строя, присущего её языкам, однако эта роль всегда важна в тех сферах языка, где грамматика пересекается с лексикой.

В условиях огромного количества анализируемых языков и недостаточной степени их изученности исследователю невольно приходится фокусировать усилия лишь на одной специфической сфере языкового анализа лексики или грамматики, например базовом словаре, природной лексике, системе именных классов, числительных или других элементов морфосинтаксиса. Среди таких элементов,

отличающихся высоким уровнем стабильности и фонологической устойчивости в системе языка, можно назвать и показатели грамматической категории лица, т. е. личные местоимения и личные приименные (притяжательные) и приглагольные маркеры (обе этих класса морфем в настоящей работе будут объединены термином «личные показатели»), имеющиеся во всех языках нигер-конго. Личные местоимения, с одной стороны, сами по себе являются лексическими единицами, в том числе входящими в состав самого узкого списка базовой лексики любого языка, а с другой стороны, представляют собой парадигматический класс, что делает их весьма устойчивыми к конвергентному влиянию, заимствованиям и другим изменениям, которым подвержены лексемы других классов.

Одним из важнейших тезисов тех, кто сегодня подвергает всё более массивной критике нигеро-конголезскую гипотезу, является именно тезис об отсутствии реконструкции парадигматической морфологии. Этот постулат непременно звучит практически в каждой скептической статье, посвящённой классификации языков Африки южнее Сахары. Анализ такой парадигматической системы, как личные показатели, и убедительная реконструкция праязыкового состояния этой системы позволят нигеро-конголезской макросемье избавиться от статуса гипотезы и встать на более прочную основу с точки зрения современной компаративистики.

Целью настоящей работы является комплексный сравнительно-исторический анализ систем личных показателей в различных языках нигеро-конголезской макросемьи и попытка реконструкции такой системы для праязыка макросемьи. Научными результатами работы будут считаться научное обоснование или опровержение гипотезы генетического родства нигеро-конголезских языков, демонстрация возможности реконструкции грамматической подсистемы праязыка макросемьи, определение путей дальнейшего совершенствования методик определения дальнего родства языков и углубления исследований в области африканского сравнительно-исторического языкознания в целом.

Итогом работы вовсе не обязательно должно стать доказательство или опровержение существования нигеро-конголезской макросемьи в том виде, в каком она была предложена Дж. Гринбергом. Напротив, мы стремимся показать, что системы личных показателей предоставляют широкие возможности для переоценки и модификации классификации нигеро-конголезских языков и постановки вопросов об обоснованности включения в её состав тех или иных групп и семей языков. В результате сравнения нигеро-конголезский генетический статус некоторых из них вполне может быть оспорен.

Важным промежуточным результатом исследования станет объединение в рамках одной работы материала по личным показателям сотен языков Тропической Африки, который впоследствии может быть использован как типологами, так и компаративистами, а также специалистами по общему языкознанию. Свод такого справочного материала на сегодня не имеет аналогов в мировой литературе.

Особое значение работа может иметь для развития отечественного языкознания. Широкое открытие африканского континента и доступа к зарубежным рабо-

там по африканистике в настоящее время служат естественными источниками роста интереса российских лингвистов к данной области языкознания. Вместе с тем изучение языков Тропической Африки можно назвать относительно новым направлением в России, в т. ч. в рамках всемирно известной отечественной школы сравнительно-исторического языкознания. Именно в последние годы появляется немалое количество работ, посвящённых сравнительному анализу языков Африки южнее Сахары. Среди них – работы В.Ф. Выдрина по языкам манде, К.И. Позднякова по атлантическим языкам, Г.С. Старостина по языкам койсанской и нило-сахарской макросемьи и целый ряд других. Публикуются и первые в отечественной африканистике обобщающие работы по типологии языков Африки: среди них можно отметить исследования В.А. Плунгяна, И.С. Аксёновой, А.Ю. Желтова и других.

Настоящее исследование является первым в отечественном языкознании опытом комплексного сравнения языков нигеро-конголезской макросемьи. Можно рассчитывать, что оно станет базой для более интенсивного изучения африканских языков в учебных и научных центрах нашей страны, включая как полевые экспедиции для описания малоисследованных языков Африки, так и типологические и сравнительно-исторические исследования.

Кроме того, настоящее исследование позволяет применить методы российской школы компаративистики на новом, чрезвычайно интересном материале – крупнейшем генетическом объединении языков в мире. Это позволит, где возможно, отшлифовать, скорректировать или усовершенствовать методологию установления дальнего родства языков, разработанную Московской компаративистической школой преимущественно на материале языков Евразии, достижения отечественных лингвистов в области синхронной и диахронической типологии, другие методологические открытия, сделанные за последние десятилетия в отечественном языкознании. Существует возможность внести вклад в типологическое и сопоставительное изучение местоименных систем языков мира, получившее развитие в Советском Союзе и современной России ещё со времён работ И.И. Мещанинова, К.Е. Майтинской и других выдающихся учёных-лингвистов.

Работа будет логично вписываться в процесс развития российской африканистики и способствовать дальнейшему росту интереса отечественных языковедов к исследованиям языков африканского континента, к сравнительно-историческому языкознанию и истории языка в целом.

Исследование представляется важным и с точки зрения развития мировой африканистики. Именно сейчас в мировом африканском языкознании, в которое уже прочно интегрированы российские африканисты, назрела очевидная необходимость ревизии, переоценки и усовершенствования генеалогических гипотез, выдвинутых Дж. Гринбергом. В последние десятилетия появляются фундаментальные труды в области изучения нило-сахарских и койсанских языков, коренным образом меняющие представления XX столетия на их генезис и классификацию. На смену субъективистским тенденциям прошлого века – безусловному принятию

или огульной критике наследия Гринберга – приходит понимание необходимости суммировать достижения последних десятилетий и провести комплексный сравнительный анализ языков различных семей, возводимых к общему праязыку.

Именно с этой целью в 2010 г. стартовал международный проект «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция», инициированный российскими учёными. Проект объединил крупнейших учёных-компаративистов со всего мира, специалистов по различным языковым семьям Тропической Африки, в том числе Д. Нурса, Л. Хаймана, К.И. Позднякова, В.Ф. Выдрина, Х. Диммендаля, Д. Хита, Ж. Филипсона, Ж.-М. Омбера, М.-Э. Дакубу, Л. Зогбо (Маркеше) и других. Целью его является проведение ступенчатой реконструкции базовой лексики и основных систем грамматики праязыка нигер-конго. На первом этапе командами учёных будет осуществлена и опубликована реконструкция элементов праязыков отдельных семей, входящих в состав макросемьи. На втором этапе на основании полученных результатов будет проведена реконструкция собственно праязыка макросемьи, его фонологической системы, базового лексического состава, системы морфологии и элементов синтаксиса. Настоящее исследование может стать важным вкладом в данный проект, первые результаты которого должны быть опубликованы в 2013–2014 гг.

Необходимо отметить огромное значение, которое будет иметь научное обоснование нигеро-конголезской гипотезы для изучения истории африканского континента и всего Старого света. В условиях всё ещё крайне недостаточных исторических и археологических данных о народах, цивилизациях, культурах древней Африки именно языкознание может предоставить важнейшие инструменты анализа таких процессов, как доисторические миграции, взаимодействие различных народов и культур на африканском континенте, в том числе с народами Европы и Азии, путях доисторического развития человека, его материальной и духовной культуры. Данные лингвистики, и прежде всего сравнительно-исторического анализа, за последнее столетие не раз доказали своё значение в рамках междисциплинарного подхода к изучению древнего человека, стоит назвать хотя бы фундаментальную работу Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова [1984], проливающую свет на целый ряд аспектов доисторической культуры индоевропейских народов Евразии. Реконструкция же нигеро-конголезского языка в этом смысле представляется не менее важной именно из-за недостатка исторических данных о первобытном периоде развития человека в тропической Африке. Такая реконструкция поможет отодвинуть хронологическую границу наших знаний на двенадцать – четырнадцать тысяч лет назад, выдвинуть гипотезы о прародине нигеро-конголезских народов, их культуре и уровне материальных достижений, о живой и неживой природе Африки, о миропонимании, которое отличало доисторического человека «чёрного континента». Возможности использования результатов такой реконструкции для развития гуманитарных знаний о народах Африке поистине трудно переоценить.

Работа суммирует исследования в области сравнительного анализа личных показателей в нигеро-конголезских языках, проводимые автором в течение ряда

лет. Методической основой для работы с личными показателями африканских языков послужила монография о происхождении индоевропейских личных показателей [Бабаев 2008]. Вместе с тем, так как языки нигеро-конголезской макросемьи по целому ряду важнейших типологических параметров далеко отстоят от языков семей Евразии, представлявших собой предмет указанной монографии, методология работы была существенно усовершенствована; её детальное описание содержится в Главе 1.

Работа над материалом нигеро-конголезских языков была начата с анализа личных показателей в языках бенуэ-конголезской семьи – наиболее крупной и изученной на сегодняшний день семьи языков нигер-конго, включающей, в частности, языки банту. Первые результаты исследования были опубликованы в отечественных и зарубежных периодических изданиях, в т. ч. [Babaev 2008; 2010a], апробированы выступлениями автора в ходе научных конгрессов и конференций в России и за рубежом, в том числе международной конференции «Проблемы дальнего родства языков. Памяти С.А. Старостина» (Москва, март 2009 г.), VI Всемирного конгресса по африканским языкам (Кёльн, август 2009 г.), IV Международной конференции по языкам банту (Берлин, апрель 2011 г.).

Реконструкция личных местоимений в праязыке семьи ква, считающихся наиболее близкими родственниками бенуэ-конголезских языков, стала логичным продолжением исследования: некоторые её результаты были суммированы, в частности, в статье [Бабаев 2010].

Участие автора в Российской лингвистической экспедиции в Западную Африку (Гвинея, Кот д'Ивуар) в 2010 г. позволило вплотную заняться сравнительным исследованием языков семьи манде. В 2010–2011 гг. опубликован ряд статей, обобщающих итоги работы по синхронному и сравнительному анализу личных показателей в языках манде, в том числе монографии [Бабаев 2011a; Babaev 2011], статьи [Babaev 2010b; Бабаев 2011б; 2012a]. Данные исследования также апробированы в ходе научных мероприятий: XXVI Международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, апрель 2011 г.), III Коллоквиуме по изучению языков манде (Париж, сентябрь 2011 г.).

В 2011–2012 гг. опубликован ряд статей автора о личных показателях в языках семей гур [Бабаев 2012б], убанги [Бабаев 2012в], в атлантических языках [Бабаев 2012г]. Одновременно отработывалась методология исследования, публиковались работы по типологическому и сравнительному анализу грамматических категорий личных показателей в языках нигер-конго [Бабаев 2012д].

Итоговые результаты исследования доложены и обсуждены на Международном Конгрессе «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция» (Париж, сентябрь 2012 г.).

Эти и другие работы и доклады на научных форумах легли в основу настоящего исследования.

Работа разделена на десять глав и структурирована на основе таксономического принципа.

В Предисловии даётся краткий экскурс в историю сравнительно-исторических исследований нигеро-конголезских языков.

Первая глава носит вводный и общетеоретический характер: в ней описаны основные методики, с помощью которых наши предшественники подходили к вопросу сравнения нигеро-конголезских языков, описан методологический инвентарь, использованный в нашем исследовании.

Главы 2–9 посвящены сравнительному анализу систем личных показателей в языках отдельных семей в составе нигеро-конголезской макросемьи. Рассмотрение различных семей проводится в определённой последовательности, согласно современным взглядам на классификацию языков нигер-конго, таким образом, что материал каждой последующей главы представляет собой следующую ступень при последовательном движении к «корням» генеалогического древа – то есть собственно нигеро-конголезскому языку-предку.

Глава 2 посвящена сравнению бенуэ-конголезских языков, Глава 3 – языков ква, Глава 4 – языков семьи гур. Глава 5 объединяет параграфы, посвящённые языкам убанги и адамауа. В Главе 6 анализируется семья языков кру. Главы 7 и 8 посвящены рассмотрению личных показателей в языках манде и атлантических. Наконец, в Главе 9 даётся обзор систем личного маркирования в небольших семьях, информации о которых на сегодняшний день относительно немного: догонских, кордофанских и иджоидных языков.

Итоги работы подводятся в Главе 10, где предложена реконструкция форм и функций нигеро-конголезской системы личных показателей, а также пути трансформации систем личного маркирования каждой семьи языков от праязыкового состояния до современности. Предложена также существенная модификация генеалогической классификации языков нигер-конго, исходя из проведённого анализа. Кроме того, для сопоставления даны краткие описания местоименных парадигм в языках других макросемей Западной и Центральной Африки, доказывающие их несводимость к предложенной нигеро-конголезской реконструкции.

В Заключении даётся оценка значимости результатов проведённого исследования, намечаются дальнейшие перспективы сравнительного исследования морфологии и синтаксиса нигеро-конголезских языков, реконструкции праязыковой грамматической системы.

Работа дополнена обширным библиографическим списком, содержащим работы отечественных и зарубежных африканистов, типологов, специалистов по общему и сравнительно-историческому языкознанию за период более чем в полтора столетия.

Текст работы снабжён фразовыми примерами, каждый из которых глоссирован с использованием Лейпцигских правил глоссирования и сокращений².

² <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

Все языковые данные, содержащиеся в работе, приведены к общей транслитерации сегментных и супraseгментных элементов фонологии в соответствии с Международным фонетическим алфавитом (IPA), с некоторыми исключениями:

знаком *y* обозначается палатальный глайд;

знаком *j* обозначается звонкая палатальная аффриката [dʒ];

знаком *w* обозначается лабиальный глайд;

знаком *o* обозначается огублённая заднерядная напряжённая (+ATR) гласная.

При обозначении долготы гласных, согласно африканистической традиции, используется удвоенная гласная.

Благодарности

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность коллегам, оказавшим мне содействие в работе, в том числе своими отзывами и замечаниями, советами по различным вопросам сравнения и реконструкции, предоставлением необходимого материала, включая рукописи неопубликованных работ.

Автор особенно благодарен:

В.Ф. Выдрину – за неизменно критическую оценку промежуточных результатов работы, благодаря которой окончательные результаты оказывались уже не столь безнадёжными;

К.И. Позднякову – за снисходительность к ошибкам, помощь в поиске труднодоступной информации и заразительный энтузиазм в изучении удивительного мира африканских языков;

В.Я. Порхомовскому – за ценные замечания в ходе рецензирования моих научных статей и поддержку в самые трудные минуты работы над проектом;

В.А. Плунгяну – за дружбу и поддержку во всех начинаниях, в том числе и при планировании данного исследования, а также за долю здорового скепсиса в адрес праязыковой реконструкции;

А.В. Дыбо и Г.С. Старостину – за неоценимую помощь при разработке методологии исследования;

В.А. Дыбо, Н.В. Громовой, О.В. Столбовой, К.Г. Красухину, Ю.А. Ландеру и другим – за критические отзывы о работе, сильно повысившие её качество;

А.Ю. Желтову – за редкие до степени уникальности данные по языкам адамауа, кропотливо собранные по моей просьбе в ходе нелёгкой полевой экспедиции;

А.Б. Шлуинскому – за множество лингвистических и экстралингвистических дискуссий, в ходе которых неизбежно рождалась истина;

М.Л. Хачатурьян – за редакторский талант и рациональные замечания о тех частях текста, которые были позже отправлены в корзину.

Не могу не поклониться памяти одного из крупнейших отечественных лингвистов – С.А. Старостина, который открыл мне чарующий мир человеческого языка и учеником которого я с гордостью буду считать себя до конца своих дней.

Хочу также высказать благодарность зарубежным коллегам, оказавшим содействие при подготовке и проведении исследования: Л. Хайману, Г. Сежереру, Б. Коннелу, Р. Карлсону, Т. Гюльдемону, Дж. Гуду, М.-Э. Дакубу, У. Кляйневиллингхёферу, Т. Шадебергу, Л. Зогбо, С. Мак-Гиллу и многим, многим другим.

В то же время все недостатки данной работы всецело лежат на совести автора.

Список использованных сокращений

AFF	утвердительная частица
AOR	аорист
AM	ассоциативный маркер
AN	одушевлённое
AUT	автосемантическое существительное
AUX	вспомогательный глагол
BAS	базовая серия
CL	клауза
CNT	контрастивный фокус
CNTR	контрактивное местоимение
COM	комитатив
COMPL	комплетив
COND	кондиционалис
CONJ	сочинительная серия
COP	копула
DEF	определённая форма
DEP	зависимая серия
DO	прямой объект
DU	двойственное число
DYN	динамический глагол
EMPH	эмфатическое местоимение
EXCL	эксклюзив
EXI	бытийный глагол
FOC	фокализованное местоимение
HAB	хабитуалис
IMP	императив
INAN	неодушевлённое
INCL	инклюзив
IO	непрямой объект
IPF	имперфект
IPFV	имперфектив
IRR	ирреалис
N	имя существительное

NEG	отрицательное
NP	именная группа
PERF	перфект
PF	полифункциональная серия
PL	множественное число
POSS	посессив
PP	послелог
PRET	претерит
PROG	прогрессив
PROSP	проспектив
PUNC	пунктив
QUAL	квалитатив
QUOT	квотативный показатель
REFL	возвратное
REL	относительное существительное
RES	результатив
S	субъект
SG	единственное число
STAT	статив
TA	видовременной маркер
V	предикат
VP	глагольная группа
абс.	абсолютное
аор.	аорист
бен.	бенефактив
ближ.	ближнее
буд.	будущее время
возв.	возвратное
вопр.	вопросительное
гл.	гласный звук
дат.	датов
дв. ч.	двойственное число
диал.	диалектное
ед. ч.	единственное число

ж.	женский род
завис.	зависимое
ИГ	именная группа
имп.	императив
имперф.	имперфект
и.	инклюзив
косв.	косвенная (речь)
л.	лицо
лич.	референт-лицо
лог.	логофорическое
м.	мужской род
мн. ч.	множественное число
МПП	местоименно-предикативный показатель
наст.	настоящее время
независ.	независимое местоимение
нелич.	референт-нелицо
неод.	неодушевлённое
неопр.	неопределённое
непр.	показатель непрямого / косвенного объекта
несубъект.	несубъектное
но.	неотчуждаемая принадлежность
объект.	объектное
од.	одушевлённое
опт.	оптатив
отр.	отрицательное
о.	отчуждаемая принадлежность
пейор.	пейоративное
перф.	перфект
портм.	портманто
пот.	потенциалис
притяжат.	притяжательный показатель
прог.	прогрессив
просп.	перспектив
прош.	прошедшее время

пр.	показатель прямого объекта
согл.	согласный звук
сосл.	сослагательное наклонение
ср.	средний род
стат.	статив
субъект.	субъектное
топик.	топикализованное местоимение
удал.	удалённое
уменьш.	уменьшительное
усл.	условное наклонение
устар.	устаревшее
утв.	утвердительное
хаб.	хабитуалис
э.	экслюзив
эмфат.	эмфатическое
юсс.	юссив

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нигеро-конголезская макросемья языков и её изучение

Относительно позднее знакомство европейских и американских учёных с массивом языков Африки южнее Сахары, многообразие и труднодоступность языкового материала предопределили низкий темп освоения, исследования и классификации языков этого обширного региона. Можно сказать, что опыты генетической классификации представляли собой двухфазовый процесс. Сперва в лингвистике происходило последовательное таксономическое дробление языковой карты – по мере более близкого знакомства учёных с языками континента масштаб её как будто становился всё более детальным, отчётливо проступали различия, ранее, с более отдалённого ракурса, не видные глазу, и языковая картина становилась всё более пёстрой. В середине XX в. появление в мировой лингвистике такой дисциплины, как изучение дальнего родства языков (макрокомпаративистика), обусловило разворот тенденции в противоположную сторону: началась работа по поиску и идентификации родства не только между небольшими группами, но и между крупными семьями языков, по поиску доказательств существования макросемей. Забегая вперёд, сегодня можно говорить о том, что и эта тенденция вновь резко меняет направление.

Пожалуй, первое известное суждение относительно родства языков африканского континента принадлежит итальянскому мореплавателю Андреа Корсали, совершившему плавание в Индию во втором десятилетии XVI в. на службе флорентийского герцога Лоренцо Медичи и опубликовавшего несколько своих заметок во Флоренции в 1518 г. Корсали, в частности, писал:

Всё побережье [Африки] от заливов Красного моря и вплоть до мыса Доброй Надежды... – это всё один язык; а от мыса Доброй Надежды и вплоть до островов Зелёного Мыса говорят на другом языке [Cole 1971: 7].

Внимание учёных к таким фактам проснулось значительно позже – даже несмотря на то, что в XVII–XVIII столетиях в Европе выходит несколько книг по языкам Южной Африки, в том числе словарей и грамматик. Лишь в 1808 г. немецкий путешественник и учёный Г. Лихтенштейн опубликовал исследование, где на основании проведённого сравнения выделил ряд существенных различий между южноафриканскими языками, относимыми сегодня к койсанской макросемье

(«готтентоты») и семье банту («кафиры»). Вслед за этим была опубликована одна из первых известных классификаций языков Африки. Она принадлежит немецким учёным И.-Х. Аделунгу и И.-С. Фатеру, работавшим в период бурного развития в Европе новой научной дисциплины – сравнительного языкознания. Под влиянием сенсационных результатов работ по классификации и сравнению индоевропейских языков многие европейские лингвисты устремились на поиски языковых семей на другие континенты, опробуя на новом экзотическом материале зарождающийся сравнительно-исторический метод в языкознании. См. *Карта 1. Нигеро-конголезские языки*³.

В 1812 г. выходит совместный многотомный труд Аделунга и Фатера «*Mithridates*», третий том которого посвящён в том числе языкам африканского континента. Классификацию Аделунга – Фатера можно сравнить со взглядом из космоса: в то время как берберские языки на севере и «бушмено-готтентотские» (койсанские) языки крайнего юга Африки были однозначно выделены благодаря особому строю фонетической и грамматической систем, языки остальных народов, населяющих огромные пространства между этими крайними точками, были сгруппированы под обобщающим названием «центральноафриканских». Благодаря наличию некоторых списков слов, оказавшихся под рукой у исследователей, им удалось выделить некоторые группы близкородственных языков – так на языковой карте Африки, тогда ещё представлявшей собой практически сплошное белое пятно, появляются объединения языков «мандинго» (в современной науке – манден или мандинг, подгруппа языков семьи манде), «амина» (акан, подгруппа языков семьи ква) и «конго» (некоторые близкородственные языки группы банту бассейна р. Конго).

Южная Африка, более основательно колонизованная европейцами до второй половины XIX в., чем центральные области континента, стала объектом более пристального внимания со стороны лингвистов. Английский лингвист Дж. Причард в 1826 г. последовал за своими европейскими коллегами, уже обосновавшими к тому времени существование семитской, «малайской» и других семей языков неиндоевропейского мира, и предложил термин «кафрская (*Kaffrarian*) семья языков» южной части Африки, носителей которых он подразделял на три основные группы – собственно кафров, народы Мозамбика и народы Конго. Именно Причарду, по-видимому, принадлежала честь первому предположить генетическое родство между языками семьи банту. В 1837 г. он пишет:

*Идиомы всего африканского континента к югу от экватора, за исключением готтентотских диалектов... показывают несомненные доказательства родства*⁴.

³ Источник: <http://www.wikipedia.org>

⁴ «The idioms of the whole African continent to the southward of the equator, except the Hottentot dialects... show undoubted proof of connexion».

Особую роль в сравнительном изучении языков африканского континента сыграли немецкие лингвисты Вильгельм Блик и Сигизмунд Кёлле. Перу первого из них принадлежит пионерская работа в африканском языкознании того времени – «Сравнительная грамматика южноафриканских языков» [Bleek 1862–1869], изданная в Лондоне. В ней В. Блик провёл детальный сравнительный анализ фонологических систем различных языков семьи банту, предложив и сам этот термин для её наименования, а также представил вполне стройную систему именных классов префиксов, нагляднее всего характеризующих родственные связи между языками банту в разных частях Африки. Система нумерации именных классов, предложенная Бликом, с небольшими модификациями продолжает использоваться в современном языкознании. Классифицируя языки банту, Блик выделял юго-западную, центральную и северо-западную группы, из которых последняя и сегодня является общепризнанной особой ветвью семьи.

Впрочем, классифицируя языки банту, Блик стал и первым лингвистом, фактически обозначившим границы того крупнейшего языкового объединения, которое столетие спустя получит наименование «нигеро-конголезской макросемьи». В предисловии к своему сборнику глоссариев языков Мозамбика [Bleek 1856] он писал:

Все языки, к которым относятся данные словники, принадлежат к обширной семье, которая, за исключением готтентотских диалектов, включает в себя языки всей Южной Африки, а также большинство языков Западной Африки – безусловно, языки отси или ашанти [акан], а также булло и тимне [темне] в Сьерра-Леоне. Семья гор [гур], включающая широко распространённые фула, а также аккра [га] и волоф, может считаться родственной им, как и укуафи [бантуязычные маасаи?] возле истоков Белого Нила и тумале [носители кордофанских языков] в Дарфуре⁵ [Bleek 1856: iv–v].

Таким образом, именно Блику принадлежит честь первого, пусть в основном эмпирического, утверждения о родстве огромного массива языковых разновидностей на пространстве от устья р. Гамбии до устья р. Оранжевой. Впрочем, до первых попыток научного доказательства этой гипотезы оставалось ещё много десятилетий.

Многие последующие исследования по сравнению и классификации африканских языков также осуществлялись германскими и британскими учёными. В 1880-х гг. выходят в свет сразу две гипотезы смешанной ареально-генетической классификации языков Африки. К тому времени европейские исследователи имели

⁵ «The languages of these vocabularies all belong to that great family which, with the exception of the Hottentot dialects, includes the whole of South Africa, and most of the tongues of Western Africa; certainly the Otsi, or Ashantee, the Bullom, and the Timneh of Sierra Leone. The Gōr family, which includes the wide-spread Fulah, the Accra, and the Wolof, may be considered as related to these; as may also the Ukuafi, spoken near the source of the White Nile, and the Tumale in Darfur».

возможность работать уже не только в прибрежных, но и во многих глубинных районах Субсахарской Африки, что, безусловно, резко повысило и количественный уровень данных, и качество анализа. В 1883 г. Роберт Каст опубликовал своё исследование «Обзор современных языков Африки» [Cust 1883], где принял незадолго до этого предложенное немцем Ф. Мюллером деление языков континента на шесть подразделений: семьи семитскую и банту, а также группы хамитскую, нубафула, негритянскую и готтентото-бушменскую. При этом термин «семья» относился к языкам, чьё родство представлялось доказанным, в то время как «группа» могла объединять идиомы по географическому признаку. Примерно такая же классификация была независимо предложена немецким лингвистом Р. Лепсиусом [Lepsius 1880], который разделил все языки южнее Сахары на готтентотские, негро-банту и негро-смешанные – при этом под последними подразумевалось всё языковое многообразие Западной и Центральной Африки; о большинстве языков этого региона у учёных того времени было лишь весьма поверхностное представление.

В отличие от Блика, его соотечественник и современник Сигизмунд Кёлле работал не в Южной, а в Западной Африке. В результате этой работы в 1854 г. в Европе были опубликованы сразу четыре монографии Кёлле, из которых, пожалуй, наибольшую известность получила его «Polyglotta Africana» [Koelle 1854], монументальная коллекция глоссариев из примерно трёхсот слов и фраз на более чем сотне языков Западной Африки. Такое собрание стало возможным благодаря кропотливой работе автора с освобождёнными рабами различных национальностей, поселённых в Сьерра-Леоне. Тысяча двести страниц «Полиглотты» Кёлле по сей день остаются практически неисчерпаемым источником сведений о языках Африки XIX столетия, даже несмотря на множество ошибок, за которые справедливо критиковали Кёлле уже его современники [Cust 1883: 32]. Благодаря работе Кёлле, во-первых, удалось составить весьма точную этнолингвистическую карту Западной Африки, что для середины XIX в. было настоящим научным прорывом. И во-вторых, Кёлле, в чьи задачи не входило сравнение столь обширных данных, всё же аккуратно попытался вычленил некоторые крупные объединения языков региона по генетическому принципу. В частности, некоторые из групп, выделенные им, соответствуют современным представлениям:

- «северо-западные атлантические языки» – атлантической семье языков;
- «северо-западные верхнесуданские» или «манденга» – семье языков манде;
- «северо-восточные верхнесуданские» – семье языков гур.

Прослеживаются в работе Кёлле и другие признанные ныне генетические объединения – так, три подгруппы «верхнегвинейских языков» в его «Полиглотте» соответствуют нынешним языкам семьи кру, группы гбе (семья ква) и группы йорубоидных языков семьи бенуэ-конго.

Основным показателем генетического родства между языками Западной и Южной Африки в то время считалось наличие системы именных классов и классного согласования, особенно образуемого с помощью префиксальных морфем,

такой тип языков Блик называл «префиксально-местоименными языками» [Bleek 1862–1869: 2–3]. Позднее на основании наличия и внешнего сходства именных классных аффиксов родство с языками банту предполагали для самых разных языков Западной Африки. Так, немецкий миссионер и лингвист Г. Кристаллер писал, что «родству языков эфик, йоруба, ашанти, темне... может быть найдено много доказательств» [Williamson 1989: 5]. Однако это были пока лишь эмпирические заявления, основанные на внешнем сходстве именных согласовательных систем различных языков. На многие десятилетия вперёд наличие или отсутствие систем именной классификации в африканском языке стало считаться основным показателем его генетической принадлежности: остатки этого мировоззрения мы можем иногда наблюдать и в работах сегодняшнего дня. Таким образом, основную роль при сравнении играла структурная типология, что с точки зрения сравнительного метода в корне неверно.

Столь некорректный подход к классификации, впрочем, ни в коем случае нельзя ставить в вину учёным XIX в. При отсутствии сколько-нибудь надёжных сведений об абсолютном большинстве языков Африки лингвистам того времени приходилось работать с крайне скудными, обрывочными и нередко неаккуратными данными, которые не давали возможности провести качественный сравнительный анализ на массиве такого масштаба, который был доступен исследователю индоевропейских или семитских языков.

Другим заблуждением конца XIX в. и начала XX в. в африканском языкознании стала концепция о существовании в Субсахарской Африке большого количества т. н. «смешанных языков», возникших в результате конвергентного развития. Об этом, в частности, много писал немецкий учёный Карл Майнхоф [Meinhof 1899–1906], полагавший, что языки Западной и Центральной Африки могли быть результатом влияния «хамитских» языков (о его понимании этого термина см. ниже) на гетерогенные языки Великого Судана. Именно тогда в литературе появляется термин «языки полубанту» (*Semi-Bantu languages*), введённый в научный оборот Августом Шлейхером [Schleicher 1891]. Так стали называть большое количество языков Западной Африки, обладающих чертами, роднящими их с языками банту.

Концепция «смешанных» языков сыграла скорее деструктивную роль в объяснении генетического происхождения языков Африки южнее Сахары. Во-первых, механизмы, приводящие к образованию «смешанных языков», так и не были удовлетворительно объяснены. Во-вторых, это поверхностное объяснение приводило к тому, что «смешанным» возможно стало объявить любой язык, носящий типологические характеристики, свойственные, к примеру, берберским языкам Северной Африки и языкам банту Южной Африки.

В то же время над лингвистической наукой продолжали довлеть расовые теории, предполагавшие изначальное превосходство одних народов над другими и приписывавшие различным этносам культурные черты, вовсе им не свойственные. При этом народы, находящиеся на схожих уровнях развития или относимые к одному хозяйственно-культурному типу, искусственно объединялись подчас для

выведения языковых закономерностей и классификаций. Именно этот недостаток отличает генетическую классификацию, выдвинутую в начале XX в. К. Майнхофом. Будучи одним из крупнейших специалистов своего времени по языкам банту и отцом реконструкции праязыка банту (см. об этом ниже), Майнхоф применял культурологические и типологические критерии для классификации других, менее изученных языков континента. Так, для обоснования состава его «хамитской» языковой семьи [Meinhof 1912] был использован набор таких показателей, как, например, фенотипические черты «кавказской расы»⁶ и скотоводческие навыки народов. В результате в составе «хамитской» семьи Майнхофа оказались, помимо прочих, языки фула, нама, маасаи и сомали, то есть представители всех четырёх принятых сегодня макросемей языков Африки. Применялись им и другие типологические критерии, как, например, наличие в языке грамматического рода и начальных фонетических чередований. И хотя в конце своей работы Майнхоф также привёл небольшой список лексических сопоставлений, они в большинстве своём оказались неубедительными (см. критику в работе [Greenberg 1963: 29 ff.]).

Классификация языков Африки, в общих чертах обрисованная Майнхофом, была широко популяризована в начале XX в. благодаря небольшой работе Алисы Вернер [Werner 1915], которая в течение как минимум двух десятилетий оставалась, пожалуй, наиболее популярной книгой по данному предмету в европейской науке. Сам Майнхоф никогда не предлагал всеобъемлющей классификации языков континента – именно этот недостаток и был компенсирован работой А. Вернер. Вторая глава книги была озаглавлена «Пять семей африканских языков», где они перечислялись в следующем порядке:

1. Суданская семья.
2. Семья банту.
3. Хамитская семья.
4. Бушменская группа.
5. Семитская семья.

Вернер основывает свои выводы на структурных сходствах языков каждого объединения между собой. Так, суданские языки в книге характеризуются односложными лексемами, отсутствием категории грамматического рода, развитой тонологией и генитивным определением, предшествующим вершинному существительному.

Работа А. Вернер не могла не привести к некоторой мешанине классификационных суждений в головах читателей. Она, в частности, утверждала, что вероятность родства между языками бушменов и суданскими языками «чрезвычайно велика» [Werner 1915: 125], что фула представляет собой «древнюю речь», из которой произошли все хамитские языки, и прочее. При этом никаких убедительных языковых данных в поддержку столь смелых утверждений не приводилось.

⁶ Для этой расы К. Майнхоф, позже вступивший в ряды НСДАП, обычно использовал термин «раса господ».

В результате в африканском сравнительном языкознании на полтора десятилетия наступило затишье: науке требовался принципиально новый, более надёжный подход к генетическим отношениям языковых объединений.

Этот новый подход к исследованию генетического родства языков Африки связан с именем немецкого учёного-африканиста Дидриха Вестермана, поставившего своей задачей тщательное сравнительное изучение языков Великого Судана. В то время как ранние работы Вестермана посвящены языкам, ныне классифицируемым как нило-сахарские, с 20-х гг. XX в. он вплотную принимается за исследование «западносуданских языков», генетические связи между которыми обосновываются им в фундаментальной работе [Westermann 1927]. Эта работа содержит первую попытку научного доказательства мысли Блика о том, что сотни языков Африки южнее Сахары имеют общее генетическое происхождение.

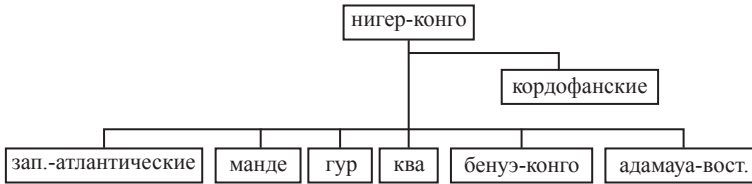
Вестерман разделил «западносуданские» языки на шесть подсемей: ква, бенуэ-кросс, гур, западноатлантические, мандинго и «остаточные языки Того» (нем. *Togorestsprachen*, англ. *Togo Remnant*). Такая классификация впервые была основана не столько на типологических критериях, сколько на базе сравнения большого объёма лексических единиц и попыток вычленения закономерных фонетических соответствий. В результате исследования был составлен список примерно из четырёхсот постулируемых пра-«западносуданских» лексических реконструкций, некоторая часть которых не потеряла актуальности по сей день (см. современный анализ реконструкций Д. Вестермана в работе [Blench 2003]). Удивительно, но даже при том, что родство между «западносуданскими» языками Вестерман считал доказанным и приводил множество примеров соответствий как корневых, так и грамматических морфем между ними и языками банту, до самой смерти он воздерживался от прямых выводов о родстве между языками банту и «западносуданским» объединением.

Достижение Джозефа Гринберга, считающегося отцом нигеро-конголезской (НК) гипотезы, состоит именно в том, что он закрыл белые пятна в работах своих предшественников – Блика, Майнхофа, Вестермана и других, придав их мыслям, вызревавшим целое столетие, форму стройной теории. В 1955 г. в работе, суммирующей ряд его статей предыдущих лет [Greenberg 1955], он впервые обосновывает гипотезу о генетическом родстве сотен языков от Зелёного мыса до мыса Игольного, а в 1963 г. прибавляет к новому объединению также небольшую семью кордофанских языков в Центральном Судане.

Своими основными достижениями в области НК классификации сам Дж. Гринберг считал, во-первых, обоснование родства кордофанских и адамауа-убангийских языков с другими языками Западной и Южной Африки, во-вторых, определение места языков банту как одного из таксонов нижнего уровня в структуре бенуэ-конголезской семьи и наконец, определение чёткого генетического положения языка фула [Greenberg 1949], о происхождении которого в первой половине XX столетия, наверно, существовало больше всего самых экзотических гипотез.

В результате родилась классификация, которая легла в основу современного сравнительного исследования языков Африки южнее Сахары. Классификация эта изначально выглядела так (Диаграмма 1).

Диаграмма 1

Метод «массового» или «многостороннего сравнения», которым пользовался Дж. Гринберг, уже был упомянут во Введении к настоящей работе и будет упомянут ещё не раз. Вслед за некоторым интересом к нему со стороны учёных после открытий в африканистике последовал быстрый возврат к критической позиции. Это было вызвано в том числе последующими работами самого Гринберга. Опираясь на «массовое сравнение» языков других континентов, где работы его предшественников не создавали столь прочного фундамента, как в Африке, он вывел ещё как минимум две гипотезы дальнего родства, не нашедшие на этот раз поддержки в научном мейнстриме: америндскую (о генетической связи между многочисленными семьями автохтонных языков Северной и Южной Америки) и индотихоокеанскую (о родстве папуасских, андаманских и австралийских языков). «Евразийская» гипотеза Гринберга, расширяющая границы предложенной В.М. Иллич-Свитычем ностратической макросемьи, также не получила серьёзной поддержки в мировом языкознании и вызвала скорее агрессию лингвистического мейнстрима вплоть до вытеснения последователей Гринберга из университетов США в последние десятилетия.

Шестидесятые и семидесятые годы XX в. в африканском историческом языкознании были посвящены в основном критике идей Гринберга, которым тем не менее так и не было противопоставлено более стройной и объяснимой модели генетической классификации. В отсутствие такой альтернативы африканисты всего мира сосредоточились на пересмотре состава семей НК языков и их взаимоотношений между собой. Состав семьи ква уже к моменту выхода работ Гринберга вызывал множество вопросов, и сам он неоднократно менял его в своих работах. В 1965 г. К. Уильямсон сделала вывод, что иджоидные языки дельты Нигера, согласно лексикостатистическому анализу, столь же близки ква, как и бенуэ-конго (а скорее одинаково далеки от обеих), и должны, следовательно, рассматриваться как отдельная семья того же хронологического уровня [Williamson 1965: 4–5]. Ещё несколько лет спустя П. Фоглер [Vogler 1974] обосновал гипотезу о выделении языков кру Либерии и Берега Слоновой Кости в самостоятельную таксономическую единицу макросемьи.

Более сложная ситуация сложилась вокруг группы т. н. «остаточных языков Того». Лексикостатистика – основной метод классификации языков Западной

Африки того времени – не давала чёткого ответа на вопрос об отнесении языков этого региона к какой-либо из семей. Так, Г. Мукаровский [Mukarovsky 1976–1977] вслед за Д. Вестерманом полагал, что «остаточные языки» должны быть признаны отдельной семьёй языков, а Де Вольф [De Wolf 1971: 180] считал их частью бенуэ-конголезской семьи.

Наконец, центральным вопросом внутренней классификации НК языков в 1970-е годы стал вопрос о взаимном положении семей ква и бенуэ-конго в составе макросемьи.

Ещё сам Дж. Гринберг испытывал неуверенность в постулировании обеих семей: «*Ква и бенуэ-конго особенно близки друг другу, и на самом деле возникают разумные сомнения относительно правомерности их разделения*» [Greenberg 1963: 39]. В 1966 г. в г. Яунде (Камерун) впервые прошло заседание рабочей группы по бенуэ-конголезским языкам, публикации по итогам которой [Cook 1971; De Wolf 1971] отчётливо демонстрировали, что твёрдых критериев для проведения границы между двумя семьями языков найти не удаётся. Прежде всего, было показано, что лексические единицы, общие для всех ветвей бенуэ-конголезской семьи Гринберга, находят соответствия также в одной или более группах семьи ква. Во-вторых, реконструкция именных классных префиксов в бенуэ-конго, предложенная Де Вольфом [De Wolf 1971], продемонстрировала, что те же аффиксы встречаются и в других семьях – и прежде всего в языках ква, то есть собственно бенуэ-конголезских инноваций в этой области морфологии обнаружить не удаётся:

Система классов в ква... и в остаточных языках Того поразительно схожа с бенуэ-конго... Наше мнение заключается в том, что... все языки семьи ква, обозначенные Гринбергом, действительно составляют часть более крупного объединения, другой частью которого являются языки бенуэ-конго [De Wolf 1971: 180].

Это исследование особенно чувствительно ударило по главному типологическому критерию, использованному для разделения языков бенуэ-конго и ква, а именно наличию именных классов в первых и почти полному их отсутствию во вторых. При более тщательном анализе выяснилось, что, в то время как в ряде бенуэ-конголезских языков именные классы отсутствуют (например, в языке эфик группы кроссривер), в некоторых языках ква классные системы вполне жизнеспособны (например, в дегема, гаде, эга и др.), хотя и выражаются обычно не префиксами, а суффиксами. Другая типологическая характеристика – преобладание лексических корней типа CV в языках ква [Westermann, Bryan 1952: 91] – также оказалась несостоятельной для генетической классификации, особенно после того, как были найдены следы фонологической редукции слогов в эдоидных и игбоидных языках бенуэ-конго [Elugbe, Williamson 1977].

Некоторое решение вопроса было предложено в работе [Bennett, Sterk 1977], предложившей более детальную классификацию НК языков с учётом достижений

предшествующего десятилетия. Опираясь на данные лексикостатистики и отчасти на ряд выделенных ими лексических инноваций отдельных групп, авторы предложили выделить из семьи ква несколько групп восточной ветви и «передать» их в состав семьи бенуэ-конго. В списке оказались группы нынешних дефоидных, игбоидных, эдоидных, нупоидных и идомоидных языков (в то время некоторые из них носили иные названия). Эта классификация стала некоторым компромиссом, однако споры вокруг валидности разделения бенуэ-конголезских языков и языков ква (совместно их стали называть языками бенуэ-ква) продолжаются в научном сообществе по сей день.

Классификация Беннета–Стерка внесла ряд других существенных коррективов в вопросы внутренней таксономической структуры НК языков. Так, в отличие от Дж. Гринберга, её авторы предположили первичное разделение праязыка макросемьи на три ветви: собственно нигер-конго, кордофанскую и манде.

Подобное «отдаление» языков манде от других ветвей призвано было примирить дискуссии между сторонниками их выделения из состава макросемьи [Mukafovsky 1966] и приверженцами гринбергианской модели. Вслед за Г. Мукаровским ряд учёных полагают, что языки манде не относятся к НК (см., например, в недавней монографии [Dimmendaal 2011]); высказывалась точка зрения, что они родственны своим соседям языкам сонгаи и должны быть, возможно, отнесены к нило-сахарской макросемье. Этот вывод следовал как из наличия большого количества грамматических и лексических сходств между манде и сонгаи, так и из отсутствия в языках манде системы именных классов – одного из краеугольных камней НК гипотезы [Creissels 1981; Nicolai 1990].

Следующей по времени ветвью, отделившейся от языкового древа, Беннет и Стерк считали атлантические языки (название «западноатлантические» постепенно выходит из употребления начиная с середины 1970-х гг.). Что же касается ядра макросемьи (в терминологии авторов – «центральные НК языки»), то оно было разделено в работе на две крупных ветви – северную (языки кру, гур и адамауа-восточные) и южную (ква, иджоидные и бенуэ-конголезские языки).

Получившаяся в результате классификация Беннета–Стерка выглядела следующим образом (Диаграмма 2).

К началу 1980-х годов название «адамауа-восточные», предложенное Гринбергом, было заменено в большинстве работ на «адамауа-убанги». Эти языки, и поныне изученные, пожалуй, хуже всех остальных семей НК языков, с точки зрения лексикостатистики демонстрировали относительно высокий процент совпадений с языками гур. В сборнике [Bendor-Samuel 1989] было предложено объединить их в рамках единой ветви, при этом языки кру из неё были выделены, так как ранее предложенные лексические соответствия не подтвердились [Schadeberg 1986].

Одной из ветвей, не включённых в анализ Беннета–Стерка, однако заслуживающих особого внимания, являются языки догон. Дж. Гринберг помещал их в состав семьи гур, однако уже первые подробные исследования [Calame-Griaule 1956] показывали значительные различия между догон и гур. Даже к концу 1980-х гг.

о догонских языках (ранее считавшихся диалектами одного языка) было известно столь мало, что К. Уильямсон [Williamson 1989], признавая, что они являются отдельной семьёй, аккуратно воздерживалась от дальнейших выводов.

Диаграмма 2

Методы лексикостатистики и выделения лексических инноваций постепенно вышли на первый план при сравнительном анализе и реклассификации языков Африки. При этом долгое время не существовало единой методики сопоставления лексем в рамках статистического подхода – каждый исследователь мог «на свой вкус» объявить две формы когнатами, что нередко довольно чувствительным образом меняло всё родословное древо макросемьи. Это упущение попытался исправить Т. Шадеберг [Schadeberg 1986], предложивший на основе лексикостатистической базы данных Беннета–Стерка анализировать связи между лексемами на основе трёх методов – «ближайшего соседа», «дальнего соседа» и «средней оценки по группе». Путём сопоставления результатов анализа по всем трём методам были выделены наиболее надёжные, с точки зрения Шадеберга, генетические объединения в рамках нигеро-конголезской макросемьи. Итоги оказались неожиданными: наряду с традиционно принятыми семьями языков (в их числе оказались кру, гур, иджоидные, адамауа-убанги, ква и бенуэ-конго) отдельными ветвями дендрограммы оказались атлантические языки фула, диола и темне. Это свидетельствовало о том, что время, прошедшее с момента расхождения между этими тремя языками, если они и имели общего предка, чрезвычайно велико и объём их общего лексического фонда в базовом списке Беннета–Стерка крайне незначителен.

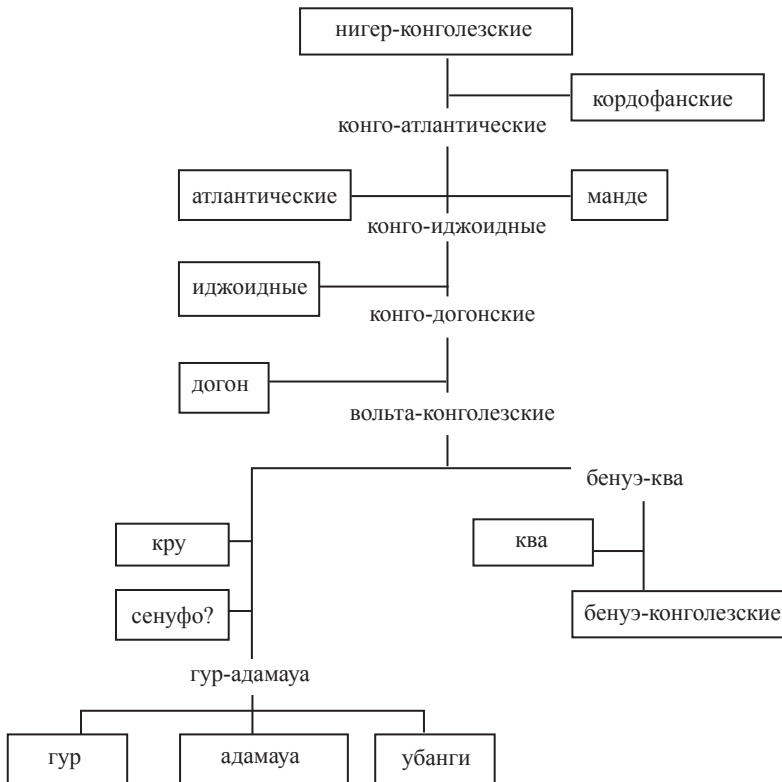
В последние десятилетия вопрос об относительной хронологии отделения различных ветвей праязыка стал одним из наиболее пристально изучаемым в нигеро-конголезском языкознании. В науке образовался относительный консенсус о том, что атлантические, кордофанские языки и языки манде были в числе самых ранних ответвлений; нет единства мнений относительно положения ещё двух небольших семей – догон и иджоидной. В обзорной статье [Williamson, Blench 2000] они впервые указаны как более ранние таксономические единицы, чем остальные семьи «центральных НК языков» Беннета–Стерка.

Эти последние в настоящее время объединяются под термином «вольта-конголезские языки» (далее – ВК языки, термин предложен Дж. Стюартом). Однако,

как развивалась хронология распада этой крупной общности, на сегодня остаётся загадкой. Тем же Дж. Стюартом была предпринята единственная на сегодняшний день попытка реконструкции модели вольта-конголезского праязыка – на основе строгого сравнительного анализа языков подгрупп поту и акан (семья ква) и банту [Stewart 1973; 1999; 2004]. Эта гипотеза, впрочем, продолжает подвергаться серьёзной критике.

Современная модель классификации НК языков представлена в работе [Seeger 2008] и в схематичной форме отражена на Диаграмме 3.

Диаграмма 3

Итогом чрезмерного увлечения классификационными моделями и построением дендрограмм стала их довольно низкая абсолютная ценность в отсутствие того, что обычно сопутствует родословному дереву в сравнительно-историческом языкознании: систем регулярных фонетических соответствий, реконструкции фонологии и морфологии праязыка, праязыкового лексического фонда. В то же время стремление «углубить» родство с помощью лишь 10–15 лексических изоглосс привело к тому, что появились гипотезы праязыков, отстоящих от нас на 18–20 тыс. лет. В их числе – конго-сахарская гипотеза Э. Грегерсена [Gregersen 1972] и во многом повторяющая её нигеро-сахарская гипотеза Р. Бленча [Blench 1995; 2007f]: обе они

приводят лексические свидетельства глубокого родства между НК и нило-сахарскими языками. Составляются и списки «панафриканских» лексических корней, призванных свидетельствовать об общем происхождении всех четырёх макросемей языков африканского континента. При этом для сравнения приводятся данные, произвольно выбранные из каждой из макросемей, соответствия между ними остаются тёмными и никак не объясняются с точки зрения методологии. В работе [Blench 2006m] постулируется, например, «панафриканская» лексема **keri* ‘резать’, реконструируемая на основании следующих «соответствий»: ик (семья кулиак нило-сахарской макросемьи) *kaukot-* ‘резать’, праиджондное **pélé* ‘резать’, ньябва (семья кру НК макросемьи) *cei* ‘резать’, !хонг (южная группа койсанской макросемьи) *t'kx'āla* с приводимым малопонятным значением ‘open meat to flatten it’ [Ibid.: 7].

С учётом теории моногенеза человеческого языка, которую поддерживает, в частности, и автор настоящей работы, гипотезы о едином происхождении всех африканских языков, безусловно, заслуживают внимания. Однако описанная выше методика разработки таких гипотез не выдерживает никакой критики. Не получая поддержки в научном сообществе, подобные «доказательства» не могут дискредитировать саму идею дальнего родства и, в частности, НК гипотезу.

Эти и другие обстоятельства привели к тому, что в последние годы XX в. в африканском языкознании наступил новый этап. На смену тенденции поисков дальнего родства, порождённой популярностью работ А. Вернер, Д. Вестермана, Дж. Гринберга и других учёных XX в., пришла обратная тенденция. В противовес сторонникам дальнего родства и крупных генетических объединений языков, названным в англоязычном научном сообществе «ламперами» (англ. *lumpers*, букв. ‘сваливающие в кучу’), среди учёных-африканистов появляется всё больше т. н. «сплиттеров» (*splitters*, букв. ‘разделяющие’) – противников идей макрокомпаративистики, направляющих усилия на выделение небольших независимых групп и семей языков, объяснение схожих элементов конвергентными отношениями, а также активный поиск языков-изолятов.

Данная тенденция, зародившись в США, где позиции гипотез дальнего родства всегда были традиционно слабыми, в настоящее время продолжает усиливаться и в университетах и научных центрах Европы, а также отчасти и в России. Она затронула не только африканский континент, но оказала сильнейшее влияние на изучение автохтонных языков обеих Америк (где позиции «сплиттеров» традиционно были очень сильными), Австралии, ряда регионов Евразии. Теоретическое обоснование идей противников дальнего родства было заложено работами ещё второй половины XX в. – многие их тезисы были сформулированы и в советской литературе, в т. ч. такими крупными учёными, как А.М. Щербак [1984] (см. также ответ на его замечания Е.А. Хелимского [1986]) и Б.А. Серебренников. В последние десятилетия возражения против методов макрокомпаративистики выдвигались в работах Р. Диксона [Dixon 1997], Дж. Николс [Nichols 1997], Л. Кэмпбелла (из последних – [Campbell, Poser 2008]) и других западных учёных.

Основные аргументы «сплиттеров» по отношению к НК языкам хорошо известны, но заслуживают того, чтобы их кратко перечислить в настоящей работе.

1. НК гипотеза основана на методах, которые не могут считаться удовлетворительными для доказательства языкового родства. Такие методы, как использование типологических критериев, «массовое сравнение», методологически необоснованная лексикостатистика, могут использоваться лишь как вспомогательные, но основывать на них выводы о генетических связях языков и классификации языковых семей без опоры на строгий сравнительный метод – в корне неверно.
2. На сегодняшний день не существует общепринятой системной реконструкции фонологической или морфологической системы ни одного из праязыков семей, входящих в состав НК объединения. Состав, классификация и границы большинства из этих семей остаются под вопросом. До тех пор пока не будет выполнена реконструкция на этом, более низком таксономическом уровне, говорить о НК реконструкции преждевременно.
3. Столь глубокого уровня реконструкции, как уровень НК праязыка, принципиально невозможно достичь, так как на глубине реконструкции свыше десяти тысячелетий из 100 % соответствий воссоздаются лишь 5–7 %, что сравнимо со случайной вероятностью (см. об этом, например, [Starostin 2000]).
4. Невозможно говорить уверенно о родстве языков до тех пор, пока не будет подробно исследована и описана большая часть семьи. Так, например, по мнению ведущего немецкого исследователя языков Нигерии А. Шторх (личное сообщение), говорить о реконструкции джукуноидного праязыка невозможно, пока отсутствуют надёжные описания языков подгруппы вурбо (3 языка из 20, входящих в джукуноидную группу). Следовательно, нужно дождаться появления удовлетворительных описаний большинства рассматриваемых языков и лишь потом делать далеко идущие реконструктивные выводы.

Множество работ последнего времени, подготовленных под влиянием этих и некоторых других теоретических постулатов, подвергли сомнению и правомерность включения ряда крупных семей в состав НК макросемьи. В результате генетические объединения, в основном укрупнявшиеся всю вторую половину XX в., сегодня вновь дробятся на более мелкие группы языков, анализ которых представляется более надёжным с точки зрения сравнительного метода. Данная тенденция отчётливо проявляется в недавней монографии [Dimmendaal 2011], описывающей актуальное состояние африканского сравнительного языкознания. В ней, в частности, в качестве независимых объединений предложено рассматривать семьи языков манде, иджонидных и убангийских.

Одновременно с этой центробежной тенденцией в африканском языкознании усиливается интерес к языкам-изолятам. В разное время южнее Сахары выделялось до трёх десятков изолированных языков (см., например, их список в работе

[Hombert, Philippson 2009: 4]). И хотя для большинства из них выдвигались гипотезы о принадлежности к той или иной из четырёх макросемей континента, в сегодняшней западной науке к таким гипотезам принято относиться скептически. Конференция «Изоляты в Африке», прошедшая в Лионе в декабре 2010 г., стала подтверждением усиления влияния «сплиттеров» в африканском языкознании в целом и в изучении НК языков в частности. Фактически она показала (ср. обзор докладов конференции в работе [Прохоров 2011]), что в отсутствие надёжных сравнительно-исторических данных для большинства крупных и малых семей африканских языков исследователь считает для себя более экономным объяснять обнаруженные в языках лексические, фонетически и морфосинтаксические сходства как результат конвергентного развития, нежели как итог длительного расхождения генетически родственных идиомов.

Мнение о том, что НК языки являются ареальным, а не генетическим объединением, стало приобретать популярность параллельно общей тенденции роста интереса лингвистов к ареально-типологическим исследованиям языков. В настоящее время мы наблюдаем довольно резкий отход учёных от ярко выраженной установки языкознания предыдущего столетия на то, что «процессы дивергенции являются парадигматическим сценарием истории языка» [Güldemann 2008a: 184]. В последние десятилетия XX в. и в первые годы нового столетия происходит, таким образом, возврат учёных к практике преимущественно типологического сопоставления языков континента, принятой в африканском языкознании XIX в. Однако теперь выделяемые на основании такого сопоставления объединения объясняются не дивергентным, а конвергентным развитием, следствием языковых контактов и ареального распространения изоморфов.

Ареально-типологические исследования языков Африки были подняты на высокий уровень публикацией широко известной монографии У. Уэлмера [Welmers 1973]. За ней в последние десятилетия XX в. последовал выход целого ряда сборников, описывающих системы фонологии, морфологии и синтаксиса языков Африки в ареально-типологической перспективе. Среди наиболее свежих публикаций можно назвать коллективные монографии и сборники статей [Heine, Nurse 2000; 2008; Aikhenvald, Dixon 2001; Creissels 2005]. Большую роль в повышении популярности ареального подхода продолжает играть «Всемирный атлас языковых структур» (WALS) [Haspelmath et al. 2008].

Следы исторических и доисторических языковых контактов между языками, относимыми к различным генетическим объединениям Западной и Центральной Африки, до недавнего времени практически не включались в орбиту лингвистических исследований. В последние десятилетия эти исследования становятся важным компонентом африканского языкознания, чрезвычайно полезным как для изучения истории континента, так и для сравнительных исследований языков НК макросемьи и их соседей.

Исследования в области африканской ареальной лингвистики развиваются по нескольким основным направлениям. Наиболее развитым из них является изуче-

ние языковых контактов между отдельными неблизкородственными языками, группами и семьями Африки. В этом отношении в последние годы сделано довольно много. Так, доисторические контакты между языками семей манде и атлантической стали предметом недавнего детального исследования Т. Чайлдса [Childs 2010], показавшего, что суть этих контактов в основном сводилась к сильнейшему влиянию языков манде на их соседей. Труды о взаимовлиянии языка фула и различных идиомов семьи манде продолжают публиковаться [Diallo 2010; Vydrin, Vydrina 2010]. В.Ф. Выдрин писал о контактных явлениях в зоне взаимодействий языков манде и кру [Vydrin 2009a]; многочисленные лексические заимствования из манде в языках сенуфо рассматриваются в работе [Dombrowsky-Hahn 2010]. Можно назвать целый ряд статей о следах добантуского субстрата (т. н. «пигмейских языков») в языках банту Габона и, возможно, Камеруна.

Вторым направлением исследования языковых контактов является изучение так называемых контактных языков. Сюда обычно включаются, во-первых, креолы и пиджины Западной Африки, по которым существует обширная литература, и ещё более широко освещённые проблемы воздействия африканских языков на языки европейских переселенцев. В качестве контактных, однако, рассматриваются и некоторые автохтонные языки Субсахарской Африки. Одним из наиболее известных является широко цитируемый пример «смешанного» банту-кушитского языка маа (мбугу), который обычно приводят, говоря о возможности заимствования языками даже парадигматических систем, таких как именные классы [Mous 2003]. В числе других языков, для которых указывались характерные черты креолизации, назывались менде Сьерра-Леоне [Dwyer 2005], санго Центральноафриканской Республики [Samarin 1970], бедик Сенегала [Ferry 1991], северные диалекты сонгаи [Dimmendaal 2011] и ряд других идиомов. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что положение большинства из них на генеалогическом древе конкретной семьи не вызывает сомнений, а элементы «креолизации» возникли в некоторых них в результате их использования в качестве *lingua franca* соответствующего региона.

Наконец, ещё одним перспективным направлением анализа языковых контактов является выделение крупных и малых конвергентных ареалов или языковых союзов на территории Африки, которые могут дополнить (а по мнению некоторых западных учёных, впоследствии заменить) ставшее привычным деление африканских языков по генеалогическому принципу.

Подходов к такой классификации может быть несколько. Ряд исследователей в своём анализе отталкиваются от устоявшихся географических ареалов, принятых в научном изучении целого ряда дисциплин – к таким ареалам относятся Северная Африка, Арабский Магриб, Сахара, зона Сахеля, Западная Африка, Восточная Африка, Южная Африка и другие. При таком подходе анализируются типологические особенности, характеризующие языки данного ареала, однако исследователь не выходит за его границы, что подчас может привести к дисбалансированным выводам, к примеру, если рассматриваемые им языковые явления присущи не только идиомам данной зоны, но и отчасти смежным зонам. При другом подходе

за точку отсчёта берётся одна типологическая характеристика или грамматическая категория. Например, в книге К. Кёниг [König 2008] африканские языки сгруппированы по типам систем падежного маркирования.

Наиболее продуктивным, впрочем, оказался третий подход, а именно лингво-географическая группировка по нескольким изоглоссам одновременно, т. е. методика, предложенная ещё Н.С. Трубецким в его теории языковых союзов. При этом составляется пучок из фонологических, морфологических и синтаксических изоглосс, что снижает возможность случайного совпадения. С помощью такого метода в последние годы на территории африканского континента было выделено несколько макроареалов или зон [Clemens, Railland 2008; Güldemann 2010] (отмечены на Карте 2): сахарская зона (I), зона Чад – Эфиопия (II), Макросуданский пояс (III), зона банту (IV) и пустыня Калахари (V). Каждая из этих зон характеризуется набором типологических черт, обнаруживаемых в большинстве языков в её составе.

Из пяти зон лишь две последние более или менее совпадают с границами языковых макросемей Африки. Наибольший же интерес для изучения в свете нигеро-конголезской проблематики оказывается зона макросуданского пояса (термин предложен Т. Гюльдеманом [Güldemann 2008a]), представляющего собой широкую полосу, протянувшуюся по параллели от Сенегала до Южного Судана.

По мнению сторонников ареально-типологического подхода к классификации языков Африки, в результате более тщательного учёта контактных явлений пересмотр гринбергианской модели станет в африканском языкознании неизбежным. Так, в последние годы подвергнута радикальному пересмотру койсанская гипотеза: в работе [Güldemann, Vossen 2000] и ряде других работ последних лет предложено считать койсанские языки ареальным объединением, возникшим в результате многотысячелетних контактов между языками различного происхождения. Это мнение на сегодняшний день превалирует среди африканистов [Dimmendaal 2011: 407; Старостин 2013]. Общая «рыхлость» нило-сахарского объединения по версии Дж. Гринберга позволяет по-новому взглянуть с ареально-типологической точки зрения и на языки сахаро-сахельской зоны.

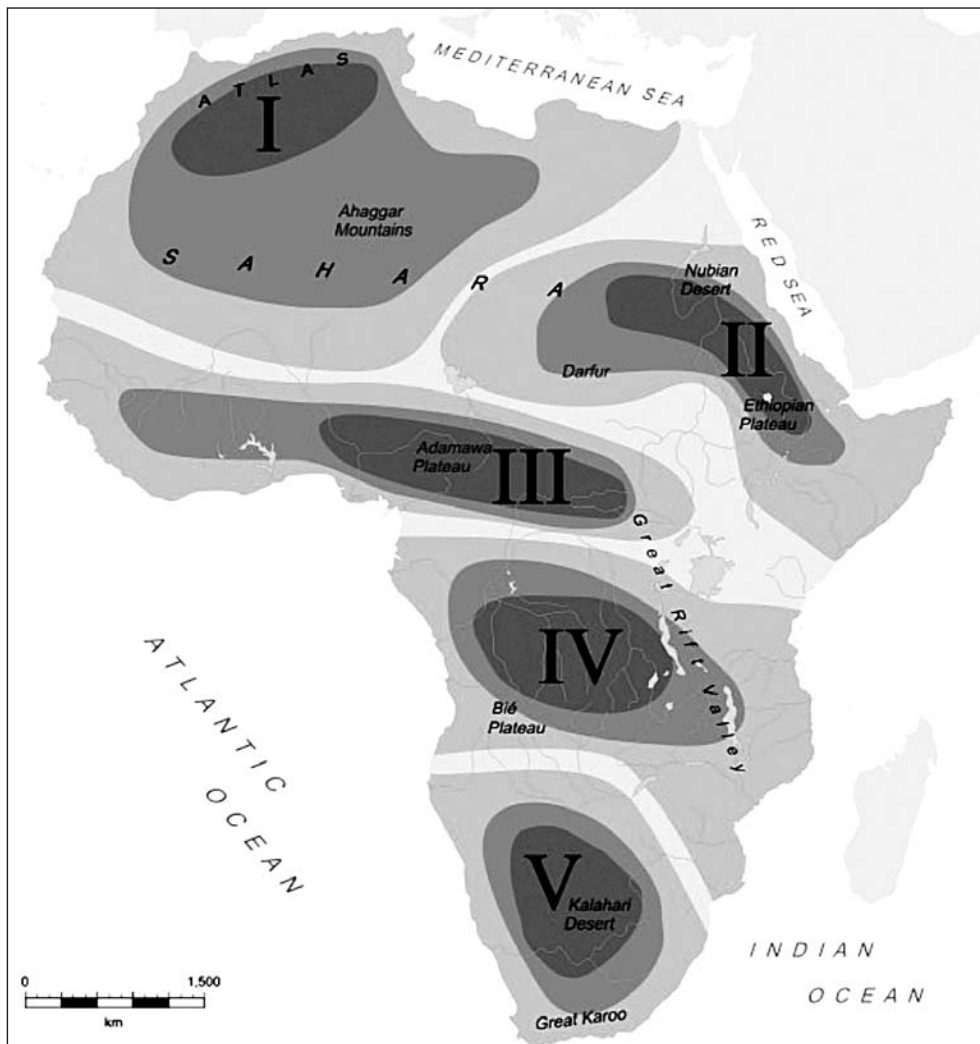
Что касается продолжения работ по сравнительному исследованию языков НК макросемьи, здесь необходимо упомянуть два крупных международных проекта, проводимых в настоящее время.

Одним из них является проект «Глагольные категории в НК языках», основанный в 2000 г. командой западных учёных под руководством Д. Нурса⁷. Родившийся с целью проведения сравнительной реконструкции глагольной системы языков банту, проект в дальнейшем вырос и приобрёл более масштабные цели. Основным предметом исследований его разработчиков является системный синхронный и диахронический анализ функционирования видовременных систем в языках различных семей, входящих в состав НК макросемьи (всего для анализа выбран

⁷ <http://www.mun.ca/linguistics/nico>

21 язык). В настоящее время промежуточные результаты проекта в виде обзорных статей по каждому языку и некоторых теоретических выводов выложены в открытый доступ на сайте Мемориального университета г. Сент-Джонс (Канада), но команда разработчиков планирует углубить исследования и издать их результаты в печатном виде.

Карта 2. Макроареалы языков в Африке

Другим проектом, уже упомянутым во Введении к настоящей работе, является международный проект «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция», инициированный в 2010 г. российскими учёными⁸. Конечной целью проекта явля-

⁸ <http://www.nigercongo.com>

ется публикация коллективной монографии, содержащей, во-первых, описание современного состояния сравнительных исследований НК языков и, во-вторых, собственно реконструкции как языков основных семей, входящих в состав макросемьи, так и элементов нигеро-конголезского праязыка. Реконструкция местоименной системы, предлагаемая в настоящей работе, призвана стать составной частью проекта.

Большим подспорьем в изучении языков Африки и реконструкции их доисторического прошлого может стать приобретающий в последнее время всё большую популярность междисциплинарный подход к решению проблем доисторического развития языка. Наиболее перспективным видится сотрудничество лингвистов с археологами, палеоботаниками и генетиками. В частности, реконструкция климатического состояния отдельных регионов субэкваториальной Африки в II–I тысячелетиях до н. э. уже сегодня позволяет сделать ряд важных выводов о направлениях миграций бантуязычных народов к югу через коридор, образованный в зоне экваториальных лесов в регионе современного Конго [Bostoen 2011]. Археологические раскопки расширяют объём данных об антропологических разновидностях популяций Тропической Африки начиная с раннего неолита, хотя эта работа движется довольно медленно: почвы на большей части территории влажных экваториальных лесов от бассейна Нигера и до бассейна Конго не способствуют сохранению окаменелых останков. Отметим рост внимания к проблемам палеоботаники Африки, особенно в свете анализа специфической по происхождению природной лексики в языках пигмеев Центральной Африки, изолированных языках Восточной Африки, а также острова Мадагаскар.

Развитие геногеографических исследований начиная с 1990-х гг. привело к ряду интересных гипотез о происхождении и генетических связях народов Африки, часть из которых коррелирует с данными сравнительного языкознания. Эти гипотезы подробно описаны в ряде работ итальянского учёного Л. Кавалли-Сфорца и его коллег. В работе [Cavalli-Sforza et al. 1994] народы Африки разделены на четыре основных гено-антропологических типа:

- а) кавказоидный тип жителей Северной Африки и Африканского Рога;
- б) негроидный тип, распространённый на большей части территории континента южнее Сахары;
- в) пигмеи, небольшие очаги распространения которых рассеяны по обширной территории субэкваториальной Африки;
- г) койсаноиды Южной Африки.

Нетрудно заметить, что народы первого типа в основном говорят на афразийских языках, а последнего – на языках койсанской макросемьи. Носители НК языков по этой классификации относятся к негроидному и пигмейскому типам. Первый из них, согласно выводам авторов, распространялся по континенту с северо-запада на юго-восток из районов Сахары и Сахеля. Высчитывая «генетическое расстояние» между представителями различных языковых семей Западной Африки, авторы выделяют три родственных группы: народы Сенегала (в работе рассматриваются

генетические данные носителей языков волоф, сереер и сенегальских диалектов фула), народы Нигерии (в обзор включены данные носителей йоруба и игбо, а также нигерийских диалектов фула) и широкое объединение народов Западной Африки, включающее носителей языков манде, гур, кру, а также ряда языков семьи ква на западе Нигерии (эве, акан, бауле, нзема и аньин). Народы бантоидной группы, включая и группу банту, генетически тяготеют к нигерийскому кластеру.

В то же время наблюдаются серьёзные различия на генетическом уровне между указанными тремя группами популяций и, например, носителями чадских и нило-сахарских языков. Среди атлантических народов Западной Африки выделяется небольшая группа носителей языка бедик, генетические данные которых оказались весьма далеки от данных других народов атлантической семьи языков. Что же касается пигмеев бассейна р. Конго и Великих Озёр, говорящих сегодня на языках банту, то данные генетики позволяют утверждать, что пигмеи представляют особую группу, не связанную родством с другими народами Тропической Африки [Cavalli-Sforza et al. 1994: 180–194]. О том же свидетельствует и мощный субстратный слой в языках центральноафриканских пигмеев, где до 30 % лексического фонда (в основной природной лексики и профессиональных терминов охоты и собирательства) имеют неизвестное происхождение.

Таким образом, данные генетических исследований в общих чертах подтверждают НК гипотезу Дж. Гринберга. Сам Кавалли-Сфорца признавал, что банк данных, находящийся в его распоряжении, пока слишком мал, чтобы делать однозначные выводы. Однако эти и другие работы по генетике и генетической географии, при всей критике, звучащей в их адрес в последние годы, могут в перспективе стать большим подспорьем при анализе лингвистических данных.

Автор этих строк не принадлежит к лагерю ортодоксальных «ламперов». В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения, что только строгая методология сравнительного анализа может являться основой любой теории языкового родства. Именно поэтому мы полагаем, что основной причиной утраты доверия к НК гипотезе стало не изменение тенденций в мировом или африканском языкознании, а методологическая непроработанность самой гипотезы. Постановка НК языкознания на твёрдый методический фундамент является, по нашему мнению, первоочередной задачей, решение которой может вывести сравнение и реконструкцию на новый уровень как по качеству результатов, так, следовательно, и по уровню доверия к ним со стороны научного сообщества.

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Описание методов сравнительного анализа нигеро-конголезских языков

Сравнительное исследование языков Африки южнее Сахары представляет собой одну из сложнейших областей сегодняшней лингвистики, требующую от учёного колоссальных затрат времени и сил, огромного напряжения памяти. Кроме того, чрезвычайно своеобразна специфика этой тематики, требующая выработки особого подхода к любой компаративистической задаче – и особенно к реконструкции морфосинтаксических элементов праязыка. Об особенностях методологии сравнения НК языков много писалось в обзорных статьях, однако до сих пор не опубликовано работы, специально посвящённой этому вопросу. В настоящем параграфе мы попробуем обозначить те методики, которые применялись в прошлом и продолжают применяться в настоящем при работе по сравнению языков макросемьи, а также предложить методологическую концепцию, которая будет использована в настоящей работе.

Проблемы, которые стоят перед исследователем, посвятившим себя решению задачи реконструкции элементов праязыка столь обширной макросемьи, можно разделить на субъективные и объективные. В совокупности они составляют набор тех препятствий, которые приходится преодолевать или обходить с помощью модификации методов исследования, поэтому уже одно их перечисление является важным шагом вперёд к надёжному научному результату.

Среди субъективных проблем можно назвать следующие.

1. Недостаточная степень изученности НК языков.

Согласно недавним самым приблизительным подсчётам, «относительно высокая» степень изученности характеризует менее сотни языков Африки [Heine, Nurse 2000: 14], что может привести в отчаяние даже убеждённого оптимиста. Сюда обычно включаются языки, по которым имеются опубликованные «относительно полная и точная грамматика» и словарь. Несмотря на некоторую, быть может, излишнюю требовательность такой оценки, стоит признать, что огромная

доля материала ненадёжна или сомнительна. Значительно больше насчитывается языков, по которым опубликованы статьи, содержащие грамматические очерки. Однако в большинстве случаев мы вынуждены иметь дело лишь с небольшими (100–500 вхождений) и весьма устаревшими словарями и лексическими списками, подготовленными ещё на заре эпохи дескриптивной лингвистики, содержащими уникальную орфографию, массу ошибок и неточностей при транскрипции речи, но не содержащими ни парадигматической, ни синтагматической информации о словарных единицах. Примерно половина из них никогда не были опубликованы и существуют лишь в рукописях, многие были изданы в университетах Африки и лишь с большим трудом могут быть добыты исследователем. Достаточно сказать, что по некоторым языкам, материал которых привлекался к анализу в настоящей работе, пришлось использовать статьи и монографии, вышедшие из печати в начале XIX в.: более новых данных в доступе просто не нашлось.

Безусловно, работы XIX столетия в первую очередь ориентировались на стандарты описания языков, идущие из классических грамматик Нового времени. Однако стандарты описания индоевропейских языков и в особенности терминологический аппарат, используемый при этих описаниях, очень мало коррелируют с языками Африки, имеющими иную грамматическую структуру. Выработка современных подходов к дескриптивной лингвистике и изложению грамматического и фонетического материала потребовали тотального пересмотра всех накопленных к середине XX в. синхронных данных – практически все языки придётся описывать заново.

В качестве одного из примеров, хорошо иллюстрирующих неизбежность этой работы, можно привести следующий. Одним из недостатков подавляющего большинства языковых описаний, изданных до середины XX в. (а нередко и позже), является отсутствие маркирования тонов, присущих большинству языков Субсахарской Африки. Однако тональные противопоставления играют важнейшую роль в системе морфосинтаксиса подавляющего числа НК языков, в том числе и в подсистеме личного маркирования: многие показатели лица различаются только тональным регистром. Корректное описание структуры тонологии языка повлечёт за собой ревизию грамматических правил, уже зафиксированных в литературе. Таким образом, всё описание грамматики необходимо будет пересматривать.

Наконец, существует довольно большое количество языков, не описанных вовсе, а также и просто не открытых. В качестве примера можно назвать язык зиало (семья манде), с которым автору этих строк довелось работать в Гвинее в 2010 г.: ранее, согласно скудным миссионерским заметкам, он считался одним из удалённых диалектов соседнего, более крупного языка лоома, однако первые же записанные материалы показали системные расхождения и отсутствие взаимопонимания между ними. Зиало приобрёл статус отдельного языкового идиома (код *zil* по международной классификации ISO). Можно предположить, что таких открытий во влажных лесах и саваннах африканского континента предстоит ещё немало.

Среди наименее изученных НК языков – представители почти всех крупных семей. Это языки, относимые к атлантическим (несмотря на условность этого

термина в свете последних исследований) – такие, как лимба и гола; языки адамауа (например, группы мумуйе-йенданг); целый ряд языков бенуэ-конголезской семьи (в т. ч. групп каинджи, платоидной, бантоидной); языки сенуфо; большинство кордофанских языков (прежде всего групп талоди и рашад); ряд языков центральной ветви семьи манде (группа самого, языки или диалекты бобо); некоторые догонские языки. В центральной части бантуязычного ареала также имеется несколько десятков языков, о которых неизвестно ничего, кроме кратких лексических списков.

2. Снижение интереса к сравнительной африканистике.

Среди субъективных причин отдельное место занимает падение интереса к сравнительно-историческим исследованиям языков Африки, о котором уже говорилось выше. Это вызвано не только сменой тенденций в мировом языкознании, но и уходом из жизни в последние годы ряда выдающихся лингвистов, посвятивших десятилетия сравнительным исследованиям африканских языков и своим авторитетом державших на должной высоте планку макрокомпаративистики как научной дисциплины. Среди них – Кэй Уильямсон (1935–2005), Джон Стюарт (1926–2006), Лионель Бендер (1934–2008), а также и сам основатель гипотезы четырёх макросемей Африки Джозеф Гринберг (1915–2001).

Отсутствие сравнительных работ приводит к тому, что подчас даже на уровне низших таксонов (групп, подгрупп) весь сравнительный анализ приходится проходить с нуля, не имея опоры на более ранние исследования.

Кроме того, расцвет новых теорий языкового анализа (и прежде всего генеративной грамматики) привёл к тому, что и дескриптивный материал анализировать становится подчас непросто: многие лингвисты пытаются подверстать материал к изучаемой ими структурной проблеме, в результате чего грамматика языка может, например, вовсе не включать описания личных местоимений или же включает его в такой удивительной форме, что их приходится буквально выуживать по крупицам, охотясь за недостающими формами парадигмы по всей монографии.

Скажем теперь о некоторых объективных проблемах, стоящих на пути сравнительного исследования языков тропической Африки.

3. Отсутствие исторического языкового материала.

Сравнительно-историческое языкознание как наука сформировалось на основе сопоставления между собой древних и новых языков индоевропейской семьи. Памятники ведийского языка Индии и микенского диалекта древнегреческого языка восходят к XII–XV столетиям до н. э., первые латинские надписи – к VI в. до н. э. В составе индоевропейской семьи нет групп, языки которых нельзя было бы проследить хотя бы на протяжении пяти столетий. Исторические данные создали возможность проанализировать развитие языков семьи с глубокой древности и до наших дней, дали массу материала для сравнения и на порядок облегчили реконструкцию праязыка. Как известно, А. Мейе писал, что «сравнение романских языков не может дать точного и полного представления о народной латыни IV в. н. э.» [Мейе 1938: 74]. Успехи семитского (и, шире, афразийского), алтайского, уральского, сино-тибетского или австронезийского сравнительного языкознания

также во многом опирались на историческую традицию, сохранившую для нас тексты древних языков.

Африканские языки не дают исследователю такой возможности. Фактически в Тропической Африке мы можем в полном смысле говорить не о сравнительно-историческом, а лишь о сравнительном языкознании. По-видимому, вплоть до появления европейцев на африканском континенте ни один из языков, принадлежащих к нигеро-конголезской макросемье, не обладал своей письменностью⁹. Первый исторически известный словник языка Тропической Африки был записан в 1523 г. (один из диалектов языка эве, семья ква), первое подобие разговорника (на языке конго, группа банту) появляется в 1578 г. В 1624 г. для конго был разработан вариант письменности на основе латинского алфавита, издан первый сборник текстов на языке. Наконец, самый ранний грамматический очерк языка НК макросемьи (язык ндонго, группа банту) появился в печати в 1659 г. [Cole 1971].

Для других семей языков первые достоверные записи относятся к ещё более позднему периоду. Для языков ква это 1673 г., год публикации небольшого словаря одного из диалектов языка акан (семья ква); для языков манде – грамматика и словарь Э. Брантона [Brunton 1802]. В 1814 г. опубликован грамматический очерк и словарь языка булло (атлантическая семья) [Nyländer 1814], в 1843 – первый йоруба-английский словарь [Crowther 1843]. И хотя лингвисты обнаруживают в записях XIX в. ряд специфических языковых явлений, претерпевших изменения в современных языках (например, ряд глосс С. Кёлле в его лексикографической коллекции «*Polyglotta Africana*» [Koelle 1854]), они не дают возможности проследить развитие языка больше чем на 2–3 столетия назад.

Скудный исторический материал, имеющийся на сегодняшний день в распоряжении исследователей, включает также отдельные глоссы (преимущественно языков банту), встречающиеся в документах средневековой эпохи и ранее, термины из области природной лексики, а также ономастический материал: личные имена и географические названия. При этом на сегодняшний день историческая ономастика в Африке тоже изучена довольно посредственно, хотя сравнение современных и исторически засвидетельствованных этнонимов может пролить свет на важные события в истории народов континента и генезис различных языков.

Отсутствие исторических данных по языку особенно сильно ощущается именно при реконструкции морфологии. В отличие от лексической реконструкции, где мы всякий раз имеем дело с конкретными и обособленными единицами для анализа, при реконструкции праязыковой морфологии мы вынуждены восстанавливать парадигмы, состоящие как минимум из четырёх лексем, связанных между собой многовековыми вторичными процессами взаимного влияния. В историческом изменении таких парадигм, как личные показатели, особенно важную роль играют

⁹ Исключением, возможно, является язык волоф, для которого в историческое время использовался один из вариантов письменности аджами, созданной на основе арабского алфавита. Некоторые авторы датируют появление этой письменности XIV в. [Ngom 2010].

именно эти внутренние процессы в рамках парадигмы: они направлены на восстановление системного состояния, на приведение парадигмы к некоторой устойчивости, подчас симметричности. Эти процессы часто не являются закономерными, они могут нарушать законы регулярных фонетических соответствий, установленные на множестве лексики языка, и потому многие из них – в особенности древнейшие – чрезвычайно трудно отследить. Чем больше глубина реконструкции, чем больше дистанция хронологического «разрыва» между засвидетельствованным языковым материалом и реконструированным праязыковым состоянием, тем сложнее оказывается задача реконструкции.

4. Чрезвычайно глубокий уровень языковой конвергенции.

Выше уже говорилось о роли конвергентных связей в процессе формирования современных языков Тропической Африки. Языковые контакты в этом регионе, безусловно, всегда носили исключительно активный характер. Это особенно касается климатических зон Сахеля и саванн Западной и Восточной Африки, где открытые, ровные пространства и скотоводческий хозяйственно-культурный тип жизнедеятельности способствуют массовым миграциям населения, особенно при важных климатических, экономических или политических изменениях. Такие переселения фиксируются с очень древних времён и хорошо известны историкам начиная с раннего Средневековья. Отголоски этих миграций звучали и в более южной зоне влажных лесов: к примеру, упадок Империи Мали в XVI в. под ударами скотоводов фульбе и сонгаи привёл к значительным переселениям народов и языковым изменениям в зоне экваториальных лесов вдоль побережья Гвинейского залива [Rodney 1970].

Миграции занимали важное место и в мирное время, составляя естественный образ жизни скотоводов, охотников, собирателей, а также народов, живущих подсечно-огневым земледелием. Даже сегодня в Западной Африке происходят активные и вялотекущие миграционные процессы, связанные с поисками новых источников воды (колодцы здесь практически не используются), истощением небогатых почв тропического леса, поисками новых пастбищ, бегством от вооружённых конфликтов и другими факторами. В 2010 г. автор этих строк проживал на юго-востоке Гвинеи в деревне, возраст которой составлял около пятидесяти лет. По словам жителей, её решили строить на холме, что объяснялось соображениями безопасности, однако в последние годы деревня подверглась оползням, а лесные участки посевов истощились, поэтому жители приняли решение готовиться к переселению и уже нашли место для новой деревни.

Помимо языковых контактов как результата миграций, как в древности, так и сегодня велика роль повседневного социально-экономического взаимодействия народов, языков и культур Тропической Африки. Этому всегда способствовали и небольшие размеры абсолютного большинства этнических групп, вынужденных осваивать языки соседних народов в целях торговли, и неравенство в эстимационных характеристиках различных этносов, вынуждающих носителей непрестижных языков использовать более престижные идиомы региона [Виноградов и др. 2008].

В результате сегодня вся Западная Африка, по замечанию Ф. Люпке [Lürke 2010: 2], состоит почти исключительно из многоязычных языковых сообществ, и практика многоязычия считается нормальным явлением повсеместно, что приводит к постоянному и глубокому воздействию конвергентных явлений на любой язык. Это не может не усложнять работы по реконструкции праязыкового состояния, особенно когда дело касается лексического состава праязыка. Ареалами особенно интенсивных контактов принято считать Западную Африку зоны саванн, долину Рифта в Восточной Африке, район озера Чад.

5. Глубокая древность и широкая разветвлённость НК макросемьи.

Глубина реконструкции в 10–12 тыс. лет, предполагаемая для НК праязыка [Vansina 1995; Hуman 2011], представляет собой одну из самых больших трудностей для компаративиста. Это совершенно иной, более глубокий уровень реконструкции, нежели уровень языковой семьи. Для сравнения можно привести предположительные хронологические границы для праязыков различных языковых семей мира:

- индоевропейский праязык – 5–6 тыс. лет [Kortlandt 1990];
- уральский праязык – 7–8 тыс. лет [Helinski 2000: 243];
- картвельский праязык – 5 тыс. лет [Я.Г. Тестелец, личное сообщение];
- дравидийский праязык – 4 тыс. лет [Андронов 1994: 13];
- семитский праязык – 6–8 тыс. лет [Diakonoff 1981: 63];
- берберский праязык – 5 тыс. лет [Louali, Philippson 2003];
- праязык пама-ньюнга – 5 тыс. лет [Evans, Jones 1997].

Что касается языков нигер-конго, то даже некоторые из отдельных семей, видимо, восходят к донеолитическому времени. Подобная глубина реконструкции означает очень слабую степень соотнесённости массы современных языков с праязыковым состоянием, как в области лексики, так и в области морфосинтаксиса.

Подходы к реконструкции таких «макропраязыков» пока лишь формируются в мировой лингвистической науке, породив пока больше дискуссий, чем признанных открытий. На сегодняшний день можно говорить об устоявшейся традиции реконструкции языков двух макросемей Евразии – ностратической [Иллич-Свитыч 1971–1976; Dolgopolsky 2010] и сино-кавказской [Старостин 1984], обе они осуществлены советскими учёными. В Азии и Африке можно говорить об элементах успешной реконструкции афразийского праязыка. Методология их реконструкции, основанная в том числе на сравнительно-историческом методе, должна послужить руководством и для настоящего исследования. В реконструкции других гипотетических макросемей языков мира пока не достигнуто сколько-нибудь сравнимых успехов.

Однако даже среди макросемей языков мира НК языки выделяются – прежде всего своим количеством. Как уже говорилось, на сегодняшний день это крупнейшее объединение языков по генетическому принципу. Размеры «старейшей» в Евразии ностратической макросемьи в разных её интерпретациях не превышают тысячи языков (данные по каталогу *Ethnologue*); сино-кавказской или её расши-

ренного варианта – дене-кавказской – шестисот языков. Наличие столь обширного языкового материала должно, казалось бы, облегчить работу исследователя; однако великое многообразие форм влечёт за собой и разнообразие интерпретаций, а также, безусловно, и необходимость обрабатывать и держать в памяти массу информации.

Пять перечисленных проблем, конечно, не исчерпывают всех тех трудностей, которые стоят на пути исследователя НК языков. Однако именно они оказали наиболее значительное влияние на методологию сравнения языков Тропической Африки, поскольку наложили и продолжают накладывать существенные ограничения на использование сравнительно-исторического метода в его традиционной, младограмматической форме.

Этот классический метод, сыгравший основную роль в реконструкции праязыков таких семей «среднего уровня» (т. е. глубины 4–7 тыс. лет), как индоевропейская или семитская. Применительно к доказательству дальнего родства языков сравнительно-исторический метод использовался в африканском языкознании довольно мало – именно из-за перечисленных выше ограничений на его применение. Системы регулярных фонетических соответствий могли быть сформированы только для таксонов уровня группы языков, таких, например, как группа гбе языков ква [Caro 1991], группа гуси языков гур [Manessy 1969], джукуноидная группа бенуэ-конголезских языков [Shimizu 1971–1980] или даже огромнейшая группа языков банту [Guthrie 1967–1971]. На более высоком уровне построение таких систем оказалось чрезвычайно сложным и трудоёмким.

Между тем именно с помощью усовершенствований сравнительного метода, благодаря работам советских и российских учёных В.М. Иллич-Свитыча, А.Б. Долгопольского, С.А. Старостина и других, компаративистика смогла выйти из тупика, в котором она фактически оказалась в первой половине XX в. Тогда с помощью классического сравнительного метода языки мира оказались разделёнными на несколько сотен языковых семей, связи между которыми, подчас понятные исследователям ещё значительно раньше на интуитивном уровне, фактически не могли быть объяснены. Некоторые из них были сравнительно молодыми, однако, как и в случае с НК макросемьёй, отсутствие письменных памятников древних языков затрудняло сколько-нибудь глубокую реконструкцию. Постулировать же независимое происхождение нескольких сотен языковых сообществ было бы неестественно: как известно, ни биология, ни история культуры, и никакая другая гуманитарная наука не знает ничего подобного, да и молекулярная биогенетика склонна выводить современного человека из единого источника – популяции *Homo Sapiens Sapiens*, от т. н. «митохондриальной Евы», проживавшей в Восточной Африке 150–200 тыс. лет назад.

Отсутствие древних языковых свидетельств можно компенсировать двумя путями. Первый метод широко использовался в науке ещё Н.С. Трубецким: из массива современных языков некоторых двух общностей выбираются несколько идиомов, которые служат базой для реконструкции праязыка обоих объединений. Данные других языков дополняют и модифицируют полученную картину. Именно

таким методом пользовался африканист Дж. Стюарт, работая над восстановлением праязыка вольта-конго на основе сравнения языков групп банту, поту и акан (семья ква). Этот метод, вполне надёжный на первой стадии исследования, может впоследствии дать неверные результаты при произвольном добавлении данных всё новых языков.

Иную методику предложил В.М. Иллич-Свитыч, выдвинувший гипотезу генетического родства языков ностратической макросемьи, объединяющей несколько языковых семей Старого Света.

Различие между традиционным сравнительным методом и методом В.М. Иллич-Свитыча и С.А. Старостина, называемого в англоязычной литературе *long-range comparison*, состоит лишь в стратегии: если традиционная компаративистика базируется на сравнении живых и письменно засвидетельствованных языков для реконструкции праязыка, то основным материалом для доказательства дальнего родства являются именно реконструированные праязыки, на базе которых проводится более глубокая реконструкция.

С помощью такого подхода устраняется один из ключевых постулатов противников дальнего родства: утверждение о невозможности восстановить генетические связи двух языков после 5–7 тыс. лет их раздельного развития. Это можно сделать, используя праязыки отдельных групп или семей в качестве промежуточной стадии реконструкции.

Показательный пример такой ступенчатой реконструкции приведён С.А. Старостиным в работе [Starostin 1999]. Современные китайские числительные *èr* ‘два’, *wǔ* ‘пять’ и *bā* ‘восемь’ внешне непохожи на их бирманские аналоги *ne*, *ŋa* и *hrać*. Установить их общее генетическое происхождение помогают реконструкции: древнекитайские формы **nijs* ‘два’, **ŋā?* ‘пять’ и **prēt* ‘восемь’ и их пратибетобирманские соответствия **gnis* ‘два’, **ŋa?* ‘пять’ и *p-riat* ‘восемь’ делают родство между бирманским и китайским языками очевидным.

Метод ступенчатой реконструкции, применённый впервые ещё в XIX в. Расмусом Раском, но теоретически разработанный в середине XX в. (см., например, [Haas 1969]), хорошо работает при анализе лексики крупных семей языков, позволяя постепенно восходить к таксонам более высоких уровней при помощи реконструкции праязыкового лексического фонда. Работает он и при анализе морфологии.

Данный метод будет применяться и в настоящей работе. Мы полагаем методологически неверным сопоставлять некоторый массив синхронного материала из языков различных семей без предварительной реконструкции промежуточных праформ: в противном случае наш метод не сильно будет отличаться от «массового сравнения». Поэтому на первом этапе нашей задачей будет сбор и стратификация синхронного материала максимального количества языков, относящихся к различным группам определённой семьи. На основании сравнения этого материала, структурированного по различным значениям, будут предложены вероятные праформы уровня групп языков, которые затем будут сравниваться между собой уже в объёме всей языковой семьи. На этом, втором этапе анализа, синхронные

данные также будут использоваться, но уже как подспорье, позволяющее, например, отыскать архаизмы в отдельных языках тех или иных групп; тем более что вполне вероятной является и ошибочная классификация языка в составе данной группы. Наконец, на третьем этапе между собой сравниваются парадигмы личных показателей праязыков семей, с тем чтобы предложить реконструкцию системы, предположительно существовавшей в НК праязыке.

Так как речь идёт о подтверждении гипотезы родства между некоторым количеством языковых семей Африки, с методологической точки зрения, безусловно, правильным было бы не ограничивать обзор только теми семьями, которые были включены Гринбергом в состав НК общности. Наиболее логичным было бы провести анализ по всем языковым семьям континента, показав тем самым, что те или иные из них сводимы к единому НК предку, а остальные должны быть исключены за недостатком доказательного материала. Подобная задача, однако, потребовала бы превратить наше исследование в двух- или трёхтомник и чрезвычайно усложнила бы и без того сложную работу. Поэтому в последней главе исследования мы решили пойти на компромисс и кратко представить местоименные системы языков нескольких семей, находящихся в непосредственном и тесном ареальном контакте с НК языками, с тем чтобы дать возможность сопоставить НК материал с материалом соседних языков, относимых к афразийской и нило-сахарской макросемьям.

Важной методологической установкой является рассмотрение местоименной системы как целостной парадигмы. Мы исходим из того, что реконструкция личных показателей есть реконструкция парадигматической системы взаимозависимых элементов, развивающихся по единым законам. Поэтому, несмотря на лексическую сущность местоимений, недостаточно сравнивать или реконструировать их в качестве отдельных, не связанных друг с другом лексических единиц. Объяснения множеству диахронических изменений находятся именно в законах функционирования парадигмы. В случае подхода к местоимениям как к любым другим лексемам эти процессы, во-первых, останутся за кадром, а во-вторых, перед исследователем почти неизбежно встанет опасность получения в восстановленном праязыке целого набора единиц с одинаковыми значениями 'я', 'ты' и т. д., существование которых будет трудно или вовсе невозможно объяснить.

Примером такого рода реконструкции являются местоимения, реконструируемые для праязыка ностратической макросемьи. В словаре А.Б. Долгопольского [Dolgorpolsky 2010] содержится четыре лексических единицы со значением 'мы', при этом две из них (№ 580 и № 1526) распределены по значениям эксклюзивности / инклюзивности, а различия двух других никак семантически не объясняются (№ 1354а и № 2555). В монографии американского ностратиста А. Бомхарда среди реконструируемых местоимений I л. ед. ч. есть «активное», два «стативных», одно «посессивно-агентивное» и одно без указания семантики, при этом все пять форм имеют различное лексическое происхождение. Конечно, доказать существование такой системы на праязыковом уровне весьма затруднительно – Бомхард, собственно, этим и не затрудняется.

Для нас, напротив, строгое объяснение грамматического значения реконструируемой формы является залогом успешной реконструкции всей парадигмы. Весьма несложно реконструировать некоторый набор праформ со сходными значениями и затем «раскладывать» их по ячейкам парадигмы. Значительно сложнее будет обосновать наличие в языке не только формы, но и определённого её значения.

Регулярные фонетические соответствия между языками рассматриваются нами там, где они установлены предшествующими исследователями. В противном случае приходится основываться на методике фонетической аппроксимации. Под последним мы понимаем установление некоторых чётких ограничений на языковые изменения, которые могут постулироваться при сравнении форм личных показателей. Это необходимое условие при анализе форм, которые нередко имеют сверхкраткую форму CV или даже N/V и очень редко превышают два слога. Такие ограничения устанавливаются нами как для гласных, так и для согласных.

Известно, что консонантные элементы в языках мира в целом значительно более стабильны, чем вокалические – это, по-видимому, универсальное свойство человеческого языка. Именно поэтому особый упор будет сделан на соответствие между согласными фонемами сравниваемых форм. Для этого мы принимаем правило, заимствованное из предложенной в своё время А.Б. Долгопольским [1964] теорией консонантных классов. Она заключается в распределении всех согласных фонем в языках мира на десять классов по месту образования, в рамках которых и происходят основные фонетические изменения в диахронии. Таким образом, принимается, что большая часть языковых изменений в языке происходит по единому признаку – способу образования, например в рамках лабиального класса изменения идут между *p*, *b*, *p^h*, *b^h*, *f*, *φ*, *v*, *β*, *β* и др. Речь не идёт о процессах изменений, вызванных контактными причинами, например палатализации заднеязычных перед гласными переднего ряда. Классы у Долгопольского обозначены заглавными согласными символами:

- класс P – лабиальные смычные и щелевые;
- класс M – лабиальные сонанты;
- класс W – лабиальный глайд;
- класс T – дентальные смычные и щелевые;
- класс C – свистящие и шипящие щелевые и аффрикаты;
- класс N – нелабиальные сонанты;
- класс L – вибранты и боковые сонанты;
- класс Y – среднеязычный глайд;
- класс K – велярные и поствелярные смычные и щелевые;
- класс H – ларингальные.

Апробация указанных классов фонем на материале НК языков показывает, что они в целом хорошо отражают большинство диахронических изменений в фонологии. Однако, с нашей точки зрения, на специфической африканской почве правило Долгопольского должно быть доработано. В частности, в качестве специфических для тропической Африки (впрочем, и не только) фонетических переходов нам

необходимо выделить также ряд переходов между отдельными членами различных консонантных классов Долгопольского, в частности:

- $t, d, d' \leftrightarrow l, r$;
- $l, r \leftrightarrow n$;
- $p, b, v, \beta, \delta \leftrightarrow w$;
- $w \leftrightarrow \eta$;
- $n \leftrightarrow y \leftrightarrow$ нуль фонемы (чаще всего в начальном положении).

Диахроническая типология фонетических переходов (или, в терминах Х. Диммендаля, «естественные звуковые изменения» [Dimmendaal 2011: 24]) должна активно использоваться в анализе языков, для которых предполагается относительно глубокое родство

Что касается вокализма, то здесь мы выдвигаем сходное ограничение: фонетический переход по одному признаку. Например, между фонемами одного ряда ($i \leftrightarrow e \leftrightarrow \varepsilon$; $u \leftrightarrow o \leftrightarrow \text{ɔ}$) или по признаку продвинутости корня языка ($i \leftrightarrow i$). Безусловно, таким переходом вовсе не всегда ограничиваются диахронические изменения вокализма: в европейских языках рефлексы индоевропейского *sal-* ‘соль’ звучат как *sal* по-испански, *sel* по-французски, *сіль* по-украински, *sol* по-болгарски и *sůl* по-чешски, то есть демонстрируют почти всю линейку вокалических рядов. Однако сопоставление будет более надёжным, если рефлексы не будут различаться по вокализму более чем на один признак.

Кроме того, для обоих типов фонем мы выдвигаем правило общей совместимости их с типологией фонетических изменений в языках мира. К примеру, хорошо известен феномен озвончения глухого сибиллянта и ротацизма, т. е. двухфазового перехода $s > z > r$ в ряде позиций, в том числе интервокальной. Обратный переход $r > s$, если и встречается в языках мира, должен быть всё же назван крайне нетипичным, так что объяснять с его помощью фонетический переход в рамках сравнительного анализа можно только на основании убедительных фактов.

Третьим дистинктивным признаком формы личного показателя является тон. Как известно, тоны в языке также подвержены диахроническим и позиционным изменениям, которые необходимо учитывать по отдельным языкам. Особенности тонологии языков каждой из семей НК языков будут описаны подробнее в соответствующих главах настоящего исследования. Однако общим принципом работы будет являться стремление к реконструкции праязыкового тонального рисунка личного показателя, а следовательно, использование тона как третьего фонологического компонента сравнения наряду с гласными и согласными фонемами. Большинство личных показателей в НК языках (как, впрочем, и в других языках мира) имеет сверхкраткую фонологическую структуру; чем больше признаков мы сможем сравнить в этих условиях, тем объективнее получится реконструкция, так что там, где тон является релевантным для реконструкции, он будет анализироваться и восстанавливаться столь же тщательно, как и вокализм и консонантизм. К сожалению, методика сравнительного анализа данных тонологии в лингвистической науке пока ещё находится на начальном этапе развития: к примеру, оста-

ются практически неизвестными причины и механизмы такого распространённого в африканских языках явления, как инверсия тонов. Тем не менее тон, как правило, может быть предположен весьма надёжно на уровне праязыка группы и в отдельных случаях – на уровне праязыка семьи.

Таковы вкратце механизмы фонологического анализа данных, которые будут приняты в настоящей работе. Безусловно, перечисленные правила не дают нам стопроцентной формализации метода. Невозможна она подчас и в рамках дистрибутивного анализа, т. е. при выборе исходной фонологической праформы при различии форм в языках потомках. В большинстве случаев, где фонетическое развитие и реконструкция того или иного вида праформы вызывает затруднения, мы будем обращаться к подтверждениям фонетических соответствий на материале базовой лексики сравниваемых языков. Тем не менее, так как сравнительного анализа лексики для большинства языковых групп и семей ранее не проводилось, это не всегда будет возможным. Кроме того, фонетические соответствия между формами личных показателей различных языков, как известно, нередко не соответствуют регулярным соответствиям, действующим на массиве лексики языка, и подвержены многочисленным вторичным процессам. Случаи, где удовлетворительного подтверждения фонетического развития найти не удаётся, будут отмечаться особо. Стремиться к соблюдению формальных закономерностей, приближающих наш анализ к классическому сравнительному методу, – необходимое условие для корректной реконструкции.

Именно по причине модификации метода выделения регулярных фонетических соответствий методом фонетической аппроксимации реконструкция, которую планируется предложить по итогам исследования, не претендует на идеальную точность. По-видимому, при наличии перечисленных выше объективных проблем исследователя идеальная точность реконструкции любой подсистемы любого африканского праязыка глубиной до 10 тыс. лет при существующих методиках анализа принципиально недостижима. Нашей задачей является предложить базовую непротиворечивую гипотезу реконструкции, – если последняя вообще окажется возможной, – которая обладала бы, во-первых, максимальной экономичностью и, во-вторых, максимальной объяснительной силой по сравнению с другими вероятными гипотезами.

Метод сравнительного анализа и ступенчатой реконструкции по принципам, описанным выше, неизбежно будет дополняться другими методами, способными верифицировать результаты реконструкции и придать им максимум надёжности.

Среди таких методов особое место занимает метод сопоставления типологических характеристик.

Выше уже говорилось о популярности сопоставительно-типологического подхода в работах по африканским языкам XIX и начала XX в. В условиях, когда о грамматической структуре исследуемых языков было известно чрезвычайно мало, структурные характеристики морфологии и синтаксиса, реже, фонологии различных языков сопоставлялись между собой, а на основании этого сопостав-

ления делались подчас далеко идущие выводы о родстве языков. Истоки такого подхода, безусловно, находятся в традициях индоевропейского языкознания: классические языки индоевропейской семьи, на материале которых работали компаративисты XIX столетия, имеют вполне единообразную структуру морфосинтаксиса: синтетический строй, развитая именная и глагольная флективность, единый набор частей речи и их грамматических категорий. Вспомним «шесть признаков индоевропейского языка» Н.С. Трубецкого, которое впоследствии были обнаружены Э. Бенвенистом в североамериканском языке такелма. Языки, отличные от привычной флективной структуры, легко классифицировались как неиндоевропейские: ср. хорошо известный пример раннего отношения к современному армянскому языку.

Одной из основных характеристик, использовавшихся для сопоставления языков в Субсахарской Африке, стала система именных классов. Известно, что категория именного класса не является распространённым явлением в именных системах языков мира: относительно компактными ареалами её распространения являются Тропическая Африка, Северный Кавказ и (частично) остров Новая Гвинея [Campbell, Poser 2008]. При этом именные классы отсутствуют в языках африкаанской макросемьи Северной и Восточной Африки.

Опора на наличие системы именных классов как критерия генетического родства характеризует, пожалуй, всю историю нигеро-конголезского языкознания. Как уже упоминалось выше, В. Блик сравнивал атлантические языки Западной Африки, субэкваториальные языки банту и кордофанские языки Восточного Судана на основании наличия в них аффиксальных маркеров именного класса. Столетие спустя Дж. Гринберг утверждал, что бинарная именная классификация с использованием сингулярных и плюральных аффиксов одного класса является основной отличительной чертой морфологии НК макросемьи языков, «дающей основной материал для сравнения» [Greenberg 1963: 9]. Позже автор гипотезы признавал:

На самом деле схожесть систем именных классов, т. е. грамматический набор критериев, сыграла важную роль в моей первой работе по НК языкам, а родство кордофанских языков с ними основывалось [мною] скорее на этой схожести, нежели на лексических единицах, из которых в то время было известно очень мало [Greenberg 1996: 534].

Тот же подход к сопоставлению языков можно подчас видеть и в работах XXI в.:

НК языки замечательны своей развитой системой именной классификации, маркирующей единственное и множественное число с помощью аффиксов (обычно префиксов, иногда суффиксов, в некоторых случаях инфиксов) и часто требующей согласования вершинного имени с другими частями речи [Williamson, Blench 2000: 12].

Вместе с тем далеко не все НК языки характеризуются однородной и типологически схожей системой классификацией. Целый ряд языков адамауа, убанги, догон, западных групп семьи ква, а также все без исключения языки манде на синхронном уровне не имеют именных классов¹⁰. Парадокс ситуации, следовательно, заключается в том, что в то время как наличие именных классов уверенно говорит исследователям о родстве языков, их отсутствие не является препятствием для постулирования такого родства [Greenberg 1999: 629]. Однако, как известно, не только ряд языков нило-сахарской макросемьи, но и множество койсанских языков имеют развитую систему именных классов, что, конечно, не делает их нигеро-конголезскими.

Другими типологическими критериями для сравнения языков макросемьи являлись отсутствие грамматического рода, отсутствие кликсов в фонологической системе, а также наличие префиксальной системы личных показателей, характерной для языков банту. Некоторые исследователи XIX – нач. XX вв. выделяли ряд грамматических характеристик, на основании которых проводилась генетическая классификация; так, Р. Лепсиус [Lepsius 1880: xx–xxiii] перечисляет следующие из них:

- 1) префиксы в языках банту vs. суффиксы в хамитских языках;
- 2) наличие грамматического рода в хамитских языках vs. его отсутствие в «негроидных» языках, т. е. языках Тропической Африки;
- 3) согласование в составе системы именных классов;
- 4) предлоги в языках банту vs. послелогов в хамитских языках;
- 5) определяемое следует за генитивным определением в хамитских языках и предшествует ему в языках банту;
- 6) порядок слов SVO в «южных» языках vs. VSO или SOV в хамитских;
- 7) наличие тона (у автора – «интонации») в языках банту vs. его отсутствие в хамитских.

Современный исследователь НК языков может с ходу назвать те из них, что противоречат установкам Лепсиуса: так, среди убангийских языков немало суффиксальных, иджоидные языки используют от двух до трёх родов имени существительного, языки манде пользуются почти исключительно послелогом, а уж варианты базового порядка слов в НК языках могут быть самыми различными.

Классификации, основанные на типологическом подходе, не ограничивались лингвистическими характеристиками. Для целого ряда работ XIX столетия характерно влияние расового или социально-экономического подхода, как, например, уже упоминавшееся отнесение К. Майнхофом языков всех скотоводческих народов «кавказской расы» Африки к «хамитским». Для Р. Каста [Cust 1883] хамитскими являлись все языки, удовлетворяющие трём условиям: 1) не быть семитскими; 2) обладать грамматическим родом; 3) локализоваться в Северной или Северо-Восточной Африке.

¹⁰ Следует признать тем не менее что во всех трёх указанных группах языков следы именных классов восстанавливают на праязыковом уровне.

В современной лингвистической науке роль типологических сходств для доказательства языкового родства снизилась: справедливо считается, что они могут являться результатом конвергентного развития языков одного ареала. Это, безусловно, касается и системы именных классов, заимствование которой с точки зрения типологии также вполне допустимо (ср., например, уже упоминавшуюся работу [Mous 2003] по языку маа/мбугу), и тем более характеристик фонологии, таких как наличие или отсутствие в языке противопоставления гласных фонем по признаку продвинутости корня языка (\pm ATR), на основании которого также нередко делались выводы о генеалогической классификации.

Схожесть типов или грамматических характеристик систем личных показателей в различных языках также не может служить основанием для постулирования генетического родства между языками. В качестве примера можно привести сопоставление двух основных типов показателей лица в разных языках африканского континента: связанных (аффиксальных) и независимых. В то время как первый из этих типов распространён в языках банту в Субэкваториальной Африке, второй превалирует в языках на Западе континента и в целом в зоне Сахеля. Таким образом, типологически местоименные системы НК языков Западной Африки скорее сходны с системами чадских и нило-сахарских языков того же региона, чем с системами языков банту. Кроме того, к примеру, ряду языков Нигерии присуща грамматическая категория ключивности в системе личных местоимений. Эта категория встречается как в чадских, так и в НК (бантоидных, кроссривер и пр.) языках. Однако при этом соответствий форм и их значений между личными показателями НК, чадских и нило-сахарских языков не наблюдается – напротив, эти соответствия прослеживаются между системами показателей лица НК языков Нигерии и языков банту.

Характерным примером злоупотребления типологическими характеристиками языка является набор «характерных черт» местоимений нило-сахарских языков, предложенный Л. Бендером [Bender 2000]. В числе таковых, например, называются гласные *a/i/e* в составе местоименных лексем, которые якобы должны свидетельствовать о языковом родстве. В качестве *comparanda* автором сравниваются следующие формы местоимений трёх лиц различных языков:

- маба *am/mi/te*;
- фул *ka/ji/ie*;
- ньиманг *ma/(y)i/ne* и другие.

Излишне говорить, что для сравнения приведённых форм просто нет оснований: никакого парадигматического сходства между ними не наблюдается, а регулярных фонетических соответствий между указанными языками, которые могли бы объяснить столь серьёзное фонетическое варьирование, Л. Бендер не приводит. Среди НК языков тоже при желании можно отыскать языки, где в личных показателях трёх лиц присутствует аналогичное распределение вокализации, например:

- гуру (семья манде) $\tilde{a}/\tilde{i}/\tilde{e}$;
- акан (семья ква) *ta-/i-/e-* и пр.

При этом ни один учёный не стал бы говорить о нило-сахарском происхождении одного из этих языков.

Безусловно, данные типологии могут использоваться как вспомогательный материал при верификации гипотез, выдвигаемых с помощью сравнительного метода. Особенно важными являются данные диахронической типологии, т. е. закономерностей происхождения и развития личных показателей в языках мира.

Известно, например, что местоимения двойственного числа обычно образуются в языке нередко с помощью сращения более ранних по происхождению местоимений множественного числа с числительным «два», ср. словенские формы *midva*, *vidva* или литовские *mudu*, *judu*. Инклюзивные местоимения очень часто образуются путём контаминации форм 1 и 2 лица, и именно так можно объяснить происхождение целого ряда местоимений с таким значением в НК языках, ср. в языке йемба (бенуэ-конголезская семья):

- *pèk* ‘мы’ + *ò* ‘ты’ > *pòkò* ‘мы двое’;
- *N* ‘я’ + *pe* ‘вы’ > *npè* ‘я и вы’ [Нагто, Наynes 1991: 18–19].

Известно, что существует широкое разнообразие лексических источников образования личных местоимений в различных языках мира. Однако более тщательный анализ позволяет показать, что наиболее распространёнными являются лишь несколько основных источников, формирующих, по нашей оценке, не менее 80 % всех личных показателей в языках мира. Описание этих источников не входит в задачи настоящего исследования, однако мы можем отослать читателя, в частности, к статье [Бабаев 2009]. Учёт типологии происхождения личных показателей в языках мира помогает объяснить множество сложных местоименных форм, которыми так богаты африканские языки. Языков, где мы можем легко отследить происхождение личных местоимений, в составе НК семьи не так уж много: в Западной Африке изолирующий строй языка и богатая тонология способствуют быстрой моносиллабизации личных местоимений, затемняющей их происхождение. Диахроническая типология в данном случае может подсказать, где искать возможные источники происхождения личных местоимений.

Другим методом сравнения и классификации языков Африки, о которой нам также важно упомянуть, была и остаётся лексикостатистика.

Сравнение единиц базовой лексики между языками является хорошим основанием для формулирования или подтверждения гипотезы о родстве или классификации языков. Количество сходств между двумя языками, подсчитанное в процентах от общего количества сравниваемого фонда, будет определять генетическое расстояние между этими языками. Таким образом, если между языками А и В существует 82 % совпадений в составе некоторого списка, то они будут более близкими родственниками, нежели языки А и С, процент совпадений между которыми, скажем, 75 %. Проверка на хорошо изученных и классифицированных языках, например, индоевропейской семьи показывает, что такой подход вполне обоснован.

Другое дело, что лексикостатистика не может, как «массовое сравнение» Дж. Гринберга, основываться на исследовательском чутье как методологическом

фундаменте. Она только тогда может показать корректный результат, когда будет основана на относительно (хотя и не полностью) формализованном методе выделения когнатов и их проекции на уровень праязыковой реконструкции. Именно этот аспект является особенно шатким в работах по сравнительному анализу языков Африки, использующих лексикостатистический метод.

Во-первых, исследователи по-разному определяют для себя выборку списка базовой лексики. Хорошо, если она совпадает со стословным списком М. Сводеша, который при всех его недостатках всё же является некоторым подобием общепринятого мерила. Однако гораздо чаще лексические списки для африканских языков носят весьма разнородный характер в зависимости от предпочтений автора или стоящей за ним научно-образовательной организации: так, в работах Р. Бленча, известного специалиста по классификации африканских языков, для лексикостатистического анализа используются единицы как природной, так и культурной лексики, подверженные частым заимствованиям, а в целом колебания в списках сравниваемых лексем оставляют стойкое впечатление, что автор старается любыми путями найти подтверждения для выдвигаемой гипотезы, «притягивая» к ней фактический материал.

Варьирование списков сравниваемых лексем и их бесконтрольное расширение приводит к опасности попадания в их состав многочисленных лексических заимствований или «бродячих» слов. В условиях, когда сравниваются неблизкородственные языки с 20–25 % соответствий, каждое из таких заимствований может привести к существенному изменению таксономических выводов.

Безусловно, некоторые элементы списка Сводеша также вызывают сомнения и дискуссии среди специалистов. В языках тропической Африки, к примеру, понятие «звезда» весьма часто выражается композитом, а не исходной лексемой: «волосы неба», «дитя Луны», «горящая часть факела» и пр. Исключение «звезды» из рассмотрения, безусловно, повысило бы качество анализа. То же можно сказать и о понятиях «волосы (человека)» и «шерсть (животного)», которые в африканских языках чаще всего обозначаются одним и тем же термином (иногда сюда же относится и «кора (дерева)»). Однако изменение базового списка Сводеша всё же нежелательно – оно чревато статистическими искажениями при сравнении между списками с различной базой.

Наконец, очень спорными остаются как объединение лексем в одну этимологию, так и постулируемые семантические переходы. Здесь, пожалуй, мы до сих пор не видим вовсе никаких закономерностей и никакого прогресса по сравнению с работами Дж. Гринберга. Выводы каждого исследователя зависят, по сути, лишь от его собственной аккуратности при выборе соответствий. Это особенно опасно при классификации языков столь многочисленных семей, как нигер-конго, во многих языках которой большинство лексем являются моносиллабическими, и при желании для слова, например, *ta* можно найти множество лексических соответствий типа *tV*, *lV*, *rV*, *matV* и т. д. до бесконечности. Возникает именно та опасность, о которой писал в своей известной статье Е.А. Хелимский [Helimski 2000],

доказывая неправомерность поверхностного подхода американского компаративиста А. Бомхарда к сравнению индоевропейских и афразийских языков. Претензии, которые он выдвигает Бомхарду, можно легко предъявить и некоторым сторонникам эксклюзивности лексикостатистического метода в сравнении языков Африки:

- чрезмерная эксплуатация глагольных основ с размытой семантикой («дышать, сдувать, дуть», «резать, разделять», «расширять, раздвигать, растягивать», «бежать, торопиться, убегать», «рассыпать, распылять», «светить, быть ярким» и пр.);
- предположения сомнительных, типологически необоснованных семантических и фонетических переходов;
- произвольное отсечение частей праязыковых основ там, где их фонетический облик не соответствует предлагаемой гипотезе;
- игнорирование дистрибутивных правил при реконструкции, например приписывание праязыкового статуса лексеме, встречающейся лишь в одной группе языков крупной семьи или даже в одном-двух языках.

Безусловно, говорит Е.А. Хелимский, предположения, сделанные таким образом, могут оказаться верными. Однако

учёный, слишком часто принимающий такие предположения в своих этимологиях и вооружённый обширным лексическим материалом, сможет представить и «доказать» любой набор фонетических соответствий между двумя любыми языками, родственными или неродственными [Helimski 2000: 479].

В условиях общей непроработанности типологии семантических переходов в мировой лингвистической науке это препятствие серьёзно снижает доверие лингвистического мейнстрима к результатам лексикостатистических исследований.

В последние десятилетия растёт популярность глоттохронологии как одной из составляющих лексикостатистического метода. Используя гипотезу о том, что скорость изменения базового словаря языка остаётся всегда примерно одинаковой, глоттохронология предоставляет возможность абсолютной датировки расхождений родственных языков. Исходная математическая формула расчётов времени их расхождения, предложенная М. Сводешем более полувека назад [Swadesh 1955], довольно быстро обнаружила ряд недостатков и продолжает подвергаться критике. Однако появившиеся в конце XX столетия модифицированные подходы продолжают использоваться в сравнительном языкознании. В числе таких модификаций следует упомянуть прежде всего метод С.А. Старостина [Starostin 2000], одним из принципов которого стало тщательное выделение заимствований из списков сравниваемой лексики. Методикой Старостина, в частности, была проверена классификация языков семьи манде [Vydrin 2009b], о которой будет подробно говориться в настоящей работе (Глава 7). Продолжающаяся в настоящее время разработка командой российских и зарубежных учёных проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных» на основании метода

Старостина позволит применить его на более широкой выборке НК языков. Углубление же самого метода также может привести к росту уровня точности глоттохронологических выводов – через тщательное отсеивание заимствованных лексем, сужение списков (возможно, до 50-словника) наиболее стабильной лексики, а также установление строгих параметров семантического отбора значений для сравниваемых лексем. Хорошая методологическая основа для лексико-статистической работы по языкам Африки, основанная на принципах проекта, описывается в работе Г.С. Старостина [2013].

На Западе некоторую популярность приобрёл близкий к глоттохронологическому математический метод Грэя и Аткинсона [Gray, Atkinson 2003], подчёркивающих, правда, что их метод «не имеет ничего общего с глоттохронологией». Кроме того, в последние годы рядом европейских и американских учёных-лингвистов разрабатывается метод «лексического сходства» на основании «программы автоматического определения сходств» (*ASJP Tree of Lexical Similarity*) [Wichmann et al. 2010]. С помощью специально разработанного программного обеспечения были впервые обработаны списки лексики для десятков языков НК макросемьи и составлено её генеалогическое древо. Оно было проанализировано нами в докладе [Babaev 2010c] и в целом продемонстрировало совпадение с традиционным, гринбергианским взглядом на классификацию НК языков, с некоторыми незначительными расхождениями.

Суммируя вышесказанное, можно ещё подчеркнуть, что лексикостатистика как метод обработки и сравнения лексических данных может являться лишь относительно надёжным инструментом для постулирования гипотезы языкового родства или вспомогательным фактором при его доказательстве с помощью более надёжного и парадигматического сравнительно-исторического метода.

В настоящей работе лексикостатистические методики не применяются. При анализе личных показателей мы имеем дело с парадигмами, состоящими в среднем из 6–10 единиц, что не может стать полноценной статистической базой. Тем не менее важно отметить, что личные местоимения также являются частью любого лексикостатистического исследования, посвящённого родству языков, так как три значения местоименной парадигмы – а именно местоимения 1–2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. – входят в состав списка Сводеша. Более того, в этом списке их роль чрезвычайно важна. Так, согласно предложенному С.А. Старостиным [2007] среднестатистическому Индексу стабильности элементов базовой лексики, в первую пятёрку наиболее стабильных лексем человеческого языка вошли все три личных местоимения: ‘мы’ (№ 1), ‘я’ (№ 3), ‘ты’ (№ 5). В разных языках мира уровень их стабильности, безусловно, сильно варьирует, однако, пожалуй, за исключением ареала Восточной и Юго-Восточной Азии, где использование грамматической категории вежливости полностью деформировало систему личных местоимений, во всём мире они представляют собой лексические единицы с высоким уровнем стабильности. Неверно было бы автоматически проецировать статистические данные Старостина на все языки Африки – скажем, для НК языков местоимение

1 л. ед. ч. является более стабильным, чем 1 л. мн. ч. Однако важно то, что местоимения необходимо рассматривать в контексте сравнительного анализа не только как элементы морфологической парадигмы, но и как лексемы с чрезвычайным высоким уровнем стабильности в языке. Таким образом, использование результатов лексикостатистического анализа списков базовой лексики, где присутствуют и личные местоимения, должно быть принято в оборот методологии настоящей работы. Такие результаты будут приводиться по ходу работы в качестве вспомогательного аргумента для верификации реконструктивных выводов.

Обработка лексического фонда дополняется методикой выделения лексических инноваций, на основании которого проводится внутренняя классификация таксонов различного уровня. Языки, чьи списки базовой лексики обнаруживают изоглоссы, определяемые как инновации, относят к одной и той же ветви языковой общности. Метод выделения инноваций был популярен ещё у учёных младограмматической школы: известно, что индоевропеист А. Мейе [Meillet 1908] выделял т. н. «словарь северо-запада», на основании которого помещал в единую диалектную группу италийские, германские и кельтские языки. Лексические изоглоссы использовал и В. Порциг при анализе способов диалектного членения индоевропейской семьи [Порциг 2003]. Однако при этом в списке индоевропейских диалектных изоглосс важнейшую роль всегда играли морфологические и фонологические характеристики: падежные и глагольные аффиксы, служебные слова, словообразовательные модели. Таким путём формировались т. н. «пучки изоглосс», где большинство последних по своей природе были вполне устойчивы к заимствованию.

Метод выделения инноваций подвергается справедливой критике, так как нередко за генетический изоморф может приниматься результат параллельного заимствования или даже независимого развития в языках различных групп или семей (например, палатализация заднеязычных в различных индоевропейских языках, наличие которой ранее были склонны рассматривать как критерий разделения семьи на две группы языков «кентум» и «сатем»). В НК языкознании выделение инноваций обычно ограничивается лексическими изоглоссами. Это диктуется одной из тех фундаментальных проблем, о которых говорилось выше, а именно отсутствием надёжного грамматического материала для абсолютного большинства исследуемых языков. Что же касается лексических списков и кратких словарей языков Африки, то их накопленный запас уже очень велик, что и вызвало естественную популярность различных лексических методов в исследованиях африканских языков.

В настоящем исследовании метод выделения инноваций также будет применяться, в частности будет показано, что распределение некоторых членов местоименной парадигмы по языкам различных семей может быть использовано при анализе классификации НК языков.

§ 2. Синхронная и диахроническая типология личных показателей в нигеро-конголезских языках

В задачи настоящего исследования не входит проведение полноценного и детального типологического обзора личных показателей в столь крупной общности языков, как НК макросемья. Это и вряд ли помогло бы в достижении нашей цели: виды и разновидности показателей лица в полутора тысячах языков макросемьи столь же разнообразны, как и в целом в языках мира. Важно, однако, выделить и сформулировать ряд особенностей, наиболее характерных для функционирования личных показателей языков Субсахарской Африки, без учёта которых любой сопоставительный анализ был бы неполным.

1. Синтаксические типы личных показателей

Автор настоящей работы исходит из предпосылки, что при сравнении систем личного маркирования необходимо учитывать как личные местоимения, так и связанные личные показатели в анализируемых языках. Разделять эти два подкласса личных показателей представляется неверным для любого языка, так как известно, что связанные показатели лица во многих, если не в абсолютном большинстве, случаев происходят именно из ранее автономных личных местоимений. Типологически личные показатели в языках Африки по их синтаксическому положению в клаузе можно разделить на четыре крупных группы:

- 1) синтаксически автономные личные местоимения субъекта и объекта;
- 2) синтаксически автономные притяжательные местоимения;
- 3) связанные или клитические показатели лица субъекта или объекта глагольного предиката;
- 4) связанные или клитические показатели субъекта именного предиката;
- 5) связанные или клитические приименные показатели притяжательности.

Их происхождение может быть как общим, так и супплетивным. Например, в языке биафада (группа тенда атлантических языков) связанные показатели субъекта и объекта *-mme*, притяжательный суффикс *-eemme* и независимое местоимение *nimme* явно восходят к единому лексическому источнику. В то же время в языке ноон (группа мель) формы, во всяком случае на первый взгляд, к единой праформе несводимы: субъект *me/mi*, объект *dɔ/rɔ*, притяжательный аффикс *-uŋɔ*, независимое местоимение *nat*.

В исследуемых нами языках весьма редко можно уверенно провести грань между морфемами различной степени связанности. Пробел, которым в доступных нам грамматических описаниях разделяются личный показатель и глагол, вовсе не гарантирует того, что указанный показатель является синтаксически автономным: многие исследователи прошлых столетий не ставили перед собой задачи диагностировать такие моменты. Связанность или автономность можно определить только путём различных тестов на «живом» языковом материале, однако в большинстве случаев нам доступен лишь очень небольшой объём данных, по которому

о таких критериях судить не приходится. По этой причине в настоящей работе мы не склонны основывать анализ на оценке независимости/связанности морфем. В качестве базового критерия классификации личных показателей избрано их синтаксическое значение в предложении.

Наиболее устойчивыми из таких значений в языках Африки являются четыре: это значения глагольного субъекта, глагольного объекта, именной притяжательности, а также ряд значений, как правило, объединяемых так называемыми независимыми местоимениями (другие названия в литературе: «ударные», «фокализованные», «абсолютные», «эмфатические», «апозитивные» и пр.).

Такие местоимения в языках континента обычно имеют несколько функций. Они маркируют фокализованный/топикализованный субъект (реже объект) в предложениях типа «Это я сломал дерево» / «Именно его мы вчера видели», выступают в качестве подлежащего в неглагольном предложении типа «Мы здесь» или «Он – лодочник» и образуют целое высказывание, например: «Кто это сделал? – Они». Эти же местоимения в целом ряде языков могут усиливать значение субъектного показателя, добавляя оттенок эмфазы.

Эти четыре значения образуют наиболее распространённую структуру серий (или, как их иногда называют, рядов) личных показателей: субъектную, объектную, притяжательную и независимую, как мы будем называть её в данной работе. Наиболее чётко они различаются в языках банту, откуда и идёт традиция их выделения. В настоящей работе в целях унификации мы также располагаем местоимения по четырём сериям, которые назовём синтаксическими сериями.

В НК языках вне бенуэ-конголезской семьи чистое противопоставление четырёх синтаксических серий встречается довольно редко. Их количество уменьшается до трёх или менее, например показатели объекта и посессивные маркеры во многих языках совпадают, часто идентичны показатели субъекта и объекта глагола, различаемые лишь по позиции, занимаемой в предложении. Крайний случай унифицированной системы – единая форма местоимения для всех синтаксических ролей актантов – встречается редко, например в дегема (эдоидная группа семьи бенуэ-конго) во всех указанных значениях употребляется местоимение 1 л. мн. ч. *eni* ‘мы, нас, наш’, связанных же показателей лица не используется. Интересным, хотя и весьма редким в НК языках случаем является функционирование местоимений типа портманто, маркирующих одновременно субъект и объект действия (последний обычно может быть выражен только 3 л.) например мано (южная группа семьи манде) *N̄ mī* [1SG > 3SG пить] ‘чтобы я его пил’.

Подход к типологической классификации показателей лица по синтаксическим сериям удобен и потому, что различие между личным местоимением и другими типами личных показателей в языках Африки не всегда объясняется лишь критерием морфологической связанности. Проблеме категориального распределения различных типов личных показателей в языках Западной Африки уделяется в лингвистической литературе значительное внимание (см., например, работу [Creissels 2005]). Прежде (в работах XIX–XX вв.) все показатели лица традици-

онно считали личными местоимениями. Согласно этому традиционному подходу, рассмотрим ряд примеров из языка зиало (юго-западная группа семьи манде). В этом языке следующие (выделенные подчеркиванием) личные показатели могли бы считаться личными местоимениями:

- 1) *tíyá lè Màsàdà* ‘они в Масанте’;
- 2) *té lí Màsàdà* ‘они идут в Масанту’;
- 3) *tá lí Màsàdà* ‘они пойдут в Масанту’;
- 4) *tátá lí Màsàdà* ‘они отправляются в Масанту’;
- 5) *tílápá-y* ‘их сумка’;
- 6) *nàgá tílè* ‘я их вижу’.

Несмотря на функциональное сходство личных показателей в этих шести примерах, – все они выражают значения лица и числа, – имеется ряд синтаксических критериев, выявляющих между ними отчётливое противопоставление.

Во-первых, анализ синтаксических контекстов может показать, что степень автономности личных показателей различна. Личное местоимение в примере (1) является автономным, поскольку способно образовывать высказывание:

(1)	<i>bè</i>	<i>vàà-gò?</i>	<i>Tíyá</i>	<i>lè</i>
	кто	приходить-AOR	3PL	EHI
	‘Кто пришел? Они’.			

В противоположность ему, личные показатели в примерах (2), (3) и (4) ниже не обладают синтаксической автономностью. Они всегда сопровождают предикат, выражая значения лица / числа субъекта. Они неотделимы от глагольной группы: единственными элементами, которые могут быть помещены между этими личными показателями и предикатом, являются либо группа прямого объекта (в составе глагольной группы), либо маркеры глагольных значений. Такие личные показатели не могут использоваться независимо от предиката и не образуют высказываний. Они также не участвуют в образовании бытийных предложений, то есть не применяются при именном сказуемом. С точки зрения типологии подобные морфемы можно сравнить с субъектными клитиками во французском языке: слово *je* ‘я’ может использоваться в составе глагольного предложения: *Je vois la maison* ‘Я вижу дом’, но не именного, и не может образовывать полного высказывания: *Qui voit la maison? *Je* ‘Кто видит дом? *Я’. В последнем контексте должно использоваться местоимение иной серии: *Qui voit la maison? Moi* ‘Кто видит дом? Я’. Личные показатели, подобные тем, что приведены в примерах (2)–(4), называют местоименно-предикативными показателями (МПП).

В целом ряде языков НК макросемьи существуют существенные различия и в инвентаре значений, выражаемых личными местоимениями, с одной стороны, и МПП, с другой. Так, в языках манде, кру, ряде языков бенуэ-конго и атлантических местоимение, как в примере (1), может выражать только грамматические

категории актанта, а именно лицо и число. Личные показатели в примерах (2)–(4), помимо указанных категорий, несут также ряд грамматических значений глагола: время / аспект, полярность и модальность, в то время как сам глагол не изменяется, оставаясь в базовой форме.

- (2) *gèy* *và* *kóvi-y* *zù*
 1SG приходит двор-DEF в
 ‘Я не приду домой’.

В данном примере МПП *gèy* выражает целый кластер значений: 1 л., ед. ч., проспективный аспект, отрицательная полярность. Глагол *pà/và* ‘приходить’ стоит в корневой форме. Различие между личными местоимениями и МПП показывает, что последние скорее являются частью глагольной, а не местоименной системы.

Другим важным синтаксическим свойством МПП является их неспособность выступать субститутами подлежащего, то есть, собственно говоря, являться местоимениями. В случае, если подлежащее выражено полной ИГ, в предложении необходим дублирующий её МПП 3 л.:

- (3) *nú-y-tì* *tátá* *lì* *Màsàdà*
 человек-DEF-PL 3PL идти Масанта
 ‘Люди [они] идут в Масанту’.

В примере (3) МПП не заменяет субъектную именную группу, как это делают собственно личные местоимения, однако дублирует её, будучи употребленным в функции повторного (называемого также «рекапитулятивным» или «резюмptивным») личного показателя с кластером значений. Такая конструкция распространена по всей Западной Африке: она употребляется, в частности, в языках бенуэ-конго, гур, ква, в некоторых чадских языках.

МПП не может считаться подлежащим – это глагольный показатель согласования, выраженный клитикой. Таким образом, следующий пример является примером предложения с нулевым подлежащим:

- (4) *tátá* *lì* *Màsàdà*
 3PL идти Масанта
 ‘Они едут в Масанту’.

В отличие и от местоимений, и от клитических МПП, посессивные и объектные личные показатели в языке зиало не являются даже и клитиками: они являются неотделимыми, связанными морфемами, которые присоединяются к следующему за ними имени или глаголу.

Категориальное расщепление между местоимениями, МПП и связанными показателями в личном маркировании является распространенной чертой в африкан-

ских языковых системах. Д. Креселем [Creissels 2005] была предложена типологическая классификация МПП (которые он называет «местоименными маркерами») в различных африканских языках, распределяющая предикативные маркеры на три категории согласно степени их синтаксической автономности в предложении, а также стадии грамматикализации во вспомогательные морфемы. К сожалению, далеко не для каждого НК языка мы обладаем достаточной информацией для проведения подобного анализа и определения того, связанным, клитическим или автономным является тот или иной личный показатель.

Исходя из данного обзора, необходимо сделать вывод, что распределение личных показателей по четырём сериям согласно их синтаксической роли в предложении не полностью стратифицирует систему. Если рассматривать фонологически различные формы одного лично-числового значения, серий личных показателей в некоторых НК языках оказывается значительно больше. К примеру, в языке банди (юго-западная группа семьи манде) выделяется тринадцать рядов местоимений субъекта, несущих различные глагольные значения: аспекта (фактатив, имперфектив, прогрессив, проспектив, хабитуалис), модальности (субъюнктив, кондиционалис), полярности, а также падежное значение (комитатив) и значение фокуса / топика. В языке бозом (группа гбая семьи убанги) выделяются серии аффиксов прямого и косвенного объекта, а также отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. В целом количество форм одного лично-числового значения в НК языках может варьировать от одного до примерно двадцати. Назовём эти серии морфологическими, в отличие от синтаксических серий, перечисленных выше. Значения таких серий маркируются в настоящей работе согласно типологической классификации, предложенной в работе [Плунгян 2011].

Однако если синтаксические серии показателей довольно часто могут происходить от супплетивных основ (так же, как рус. *субъектное я* и *объектное меня*), то морфологические серии, как правило, имеют однокоренное происхождение, а их модификация вызвана явлением слияния базовой формы личного местоимения и некоторого (или некоторых) глагольного маркера. В том же языке банди имперфективные местоимения (например, *ngá* ‘я’) образованы в результате слияния с глагольным показателем имперфектива *ya*, а условные (*ngó* ‘если я’) – слиянием с показателем ирреалиса *wó* [Бабаев 2011б].

Классификация личных показателей по синтаксическим и морфологическим сериям является центральной в настоящей работе и будет использована как при внутренней реконструкции местоименных систем, так и при сравнительном анализе систем различных языков.

2. Особенности показателей 3 лица

Типологически противопоставление между местоимения 1–2 л., с одной стороны, и местоимениями 3 л., с другой, не редкость для различных языковых семей планеты, в т. ч. индоевропейских языков, где личные местоимения 3 л., как правило, происходят из более ранних указательных местоимений. Начиная ещё

с Э. Бенвениста, ряд исследователей, в т. ч. изучающих языки Африки, выделяют 3 л., именуя его «не-лицом» или «не-локутором» и вовсе исключая из класса личных местоимений [Creissels 1993]. Д. Бхат в своём типологическом обзоре личных местоимений в различных языках мира делит последние на две группы: языки трёх местоимений (где местоимения 3 л. являются неотъемлемой частью парадигмы личного маркирования) и языки двух местоимений (где 3 л. выражается с помощью демонстративов или иных средств, а парадигма личных местоимений различает только два числа). Учитывая особенности показателей 3 л. в НК языках, для некоторых семей мы не проводим их детального сравнительного анализа (что предполагало бы глубокое вовлечение в систему именной классификации), но используем некоторые данные при анализе местоимений других лиц. Это особо оговорено в соответствующих разделах исследования.

Во многих языках НК макросемьи, прежде всего в бенуэ-конго, атлантических, гур, но также и ряде языков других семей, показатели 3 л. не являются составной частью местоименных парадигм. В таких языках 3 л., как правило, маркируется с помощью именных классных маркеров: показателей 3 л. будет столько, сколько именных классов существует для выражения актантов 3 л. Таким образом, например, в языке тонга (группа банту бенуэ-конголезской семьи) прямой объект в предложении типа ‘Я вижу его’ может выражаться восемью различными классными аффиксами, исходя из того, к какому классу относится лицо или предмет, о котором идёт речь.

В других семьях языков, где местоимения 3 л. интегрированы в систему показателей лица, они, как правило, имеют происхождение, отличное от местоимений 1–2 л. В большинстве таких языков можно показать, что местоимения 3 л. происходят либо из старых, утраченных на синхронном уровне классных маркеров, либо из разного рода демонстративов. По-видимому, встречаются и отдельные случаи именного их происхождения.

Ассортимент грамматических категорий и синтаксис показателей 3 л. даже в случае их функционирования в рамках парадигмы подчас резко отличается от показателей двух первых лиц. Например, в языке калабари (иджоидная семья) местоимения 3 л. изменяются по трём родам для одушевлённых актантов и имеют ещё одну особую форму для обозначения неодушевлённых предметов. Во многих языках показатели 3 л. обладают специфической фонетической или просодической структурой.

Отношения супплетивизма по категории числа, отличающие местоимения первых двух лиц, в формах 3 л. разбиты слабее: в целом ряде языков показатели 3 л. мн. ч. образованы от соответствующих сингулярных форм с помощью добавления некоторого плюрального аффикса. В нзакара (группа занде семьи убанги) это префикс: *kó-* ‘он’ – *àkó-* ‘они’, а в манинка (группа манден семьи манде) суффикс: *à* ‘он, она’ – *àlú* ‘они’. Аффиксальный маркер при этом, как правило, является по происхождению именным.

Показатели 3 л. обладают относительно низким уровнем стабильности в языке и довольно часто обновляются. Иногда это можно видеть на синхронном уровне

развития языка: так, в зиало (юго-западная группа семьи манде) указательное местоимение *ɲà* 'тот' может использоваться в качестве показателя 3 л., дублируя существующее личное местоимение. Этому типологически весьма распространённому переходу способствует категория логофоричности, свойственная местоименным системам многих НК языков: в предложении типа 'Он сказал, что он пришёл' второе местоимение будет отличаться от первого, и его происхождение в большинстве случаев относится к домену дейктических маркеров. Логофорические местоимения характерны для многих групп языков и нередко обладают относительной древностью, например реконструируются на уровне отдельных групп языков гур и манде. Однако выход на более глубокий уровень реконструкции местоимений 3 л. чаще всегда затруднителен. В то же время там, где в их функции употребляются классные маркеры, можно показать значительную древность этого явления: ниже будет показано, например, что использование плюрального аффикса класса лиц **bV-* в роли показателя 3 л. мн. ч. можно реконструировать уже для праязыка семьи бенуэ-конго (а вероятно, и глубже).

В задачи нашего исследования, таким образом, будет входить и ответ на вопрос о статусе показателей 3 л. в НК праязыке.

3. Диахронические процессы в системах личных показателей

Среди процессов, играющих наиболее важную роль в изменениях в составе парадигм личных показателей, стоит отметить следующие.

1. Изменения по аналогии.
2. Грамматикализация.
3. Заимствования из других языков.
4. Сужение и расширение значения.

Одним из чрезвычайно распространённых явлений в системах личных показателей НК языков является аналогическое выравнивание форм в составе парадигмы. Это явление представляет собой нейтрализацию оппозиции между членами парадигмы, которое происходит под влиянием одного из них или в результате их взаимного влияния. Аналогизация может являться полной (в этом случае две или более форм парадигмы полностью уподобляются друг другу, создавая тем самым новую грамматическую категорию) или частичной. В последнем случае члены парадигмы сохраняют сегментные или супraseгментные различия, изменяя или добавляя лишь один или несколько компонентов своей фонетической формы: гласную, согласную, тон, просодическую структуру.

Аналогия может сильно затемнить происхождение форм личных показателей, устраняя различия между ними в рамках парадигмы. Как гласит известный «парадокс Стёртеванта», в то время как звуковые изменения регулярны, но порождают нерегулярность, аналогия в языке нерегулярна, но порождает регулярность в парадигме. Именно поэтому следует особенно внимательно относиться к парадигмам личных показателей, демонстрирующим регулярность на фонетическом уровне.

Аналогическое выравнивание может происходить «по горизонтали» (по числу, т. е. формы мн. ч. изменяются под влиянием форм ед. ч. или наоборот) или «по вертикали» (по лицу, т. е. форма одного лица уподобляется форме другого). В местоименной системе языка волоф (атлантические языки) видны оба типа изменений (Табл. 1.1) (пример из работы [Pozdniakov 2010]).

Таблица 1.1

лицо	притяжательные		независимые	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>suma</i>	<i>suñu</i>	<i>tan</i>	<i>ñin</i>
2	<i>sa</i>	<i>seen</i>	<i>yow</i>	<i>yeen</i>
3	<i>-am</i>	<i>seen</i>	<i>toom</i>	<i>ñoom</i>

При общей теоретической неразработанности глубинных причин и механизмов явления аналогического выравнивания необходимо тем более внимательно отслеживать это явление при сравнительно-историческом анализе различных языков, формы личных показателей которых могут представлять собой результат действия аналогии.

Так, например, показатели 3 л. нередко оказывают существенное влияние на другие плюральные формы парадигмы. Во многих языках Западной Африки распространено явление вытеснения старых местоимений 1–2 л. мн. ч. местоимениями 3 л. мн. ч., на что обращал внимание ещё М. Делафосс [Delafosse 1904: 29]. К примеру, в языке авикам (семья ква) местоимение 2 л. мн. ч. *ba* ‘вы’ полностью уподоблено 3 л. мн. ч.: то, что влияние шло именно в этом, а не в обратном направлении, видно из того, что **bV* – распространённый НК показатель 3 л. мн. ч. Однако на более позднем этапе в авикам само местоимение 3 л. было заменено новообразованием, происходящим из дейктического местоимения. Лишь форма близкородственного языка алладиан *ba*, означающая как ‘вы’, так и ‘они’, помогает правильно определить происхождение формы 2 л. мн. ч. в авикам и понять, что выравнивание по аналогии произошло уже на праязыковом уровне.

Выравниванию по вертикали могут подвергаться местоимения в пределах одной синтаксической серии: например, случаев влияния формы 3 л. независимой серии на показатель 2 л. объектной серии не зафиксировано. В то же время аналогическое выравнивание парадигмы может происходить по горизонтали и в виде унификации синтаксических или морфологических серий. Одним из наиболее частых случаев является вытеснение старого показателя субъекта независимым местоимением со значением фокуса/топика. Этот процесс характерен для языков бенуэ-конголезской семьи (см. Главу 2) и часто происходит через промежуточную фазу топикализации субъекта и двойного маркирования лица в глагольной клаузе. Обе формы показателей могут какое-то время использоваться в одном значении совместно, ср. пример из языка элеме (группа кроссривер семьи бенуэ-конго):

- (4a) *òbàù dose dè-i ñja*
 2PL должен есть-2PL еда
 ‘Ты должен есть еду’ [Bond 2003].

Впоследствии связанный аффикс субъекта с целью экономии элиминируется. Распространение субъектного показателя на значение объекта и притяжательности также весьма распространены в НК языках.

Следует отметить также, что в настоящей работе мы придерживаемся принципа предпочтения гетерогенных парадигм при реконструкции праязыкового состояния: нерегулярность форм в составе парадигмы, как это хорошо известно, должна по умолчанию рассматриваться как архаизм, в то время как выравненная парадигма – как инновация [Dimmendaal 2011: 96].

В числе других процессов, происходящих под влиянием действия аналогии, можно назвать, помимо наиболее частого выравнивания, также реинтерпретацию (ср. пример суахили **sisi w-ote > sisi s-ote* ‘мы все’ по аналогии с такими именными группами, как *wa-tu w-ote* ‘все люди’ или *vu-tu vi-ote* ‘все вещи’), а также перенос контраста между формами в рамках парадигмы с одной позиции на другую. Эти и другие аналогические явления непременно должны учитываться при реконструкции.

Редукция фонетического облика личных показателей является одним из базовых диахронических процессов языка, хорошо описанным в рамках теории грамматикализации. Параллельным процессом является утрата показателями лица статуса автономности и переход к категории связанных морфем. Эти два процесса протекают постоянно и, безусловно, происходили также на праязыковом уровне. То, что морфологизация проходит в одном и том же направлении независимо в различных языках, делает весьма сложным восстановление первоначального облика личных местоимений. Например, если во всех современных языках некоторой группы мы имеем дело с субъектными префиксами типа *N-*, логично предположить его же существование в праязыке, однако такой префикс вполне может оказаться результатом независимой редукции форм структуры *NV-* в нескольких идиомах. Именно поэтому весьма важно отслеживать архаизмы, которые могли бы пролить свет на более ранние этапы существования связанных морфем: вероятно, что они произошли на некотором этапе развития языка из автономных морфем.

В ряде языков с развитой тонологией нередка редукция личного показателя вплоть до супrasegmentного маркера. Например, в языке лоома (юго-западная группа семьи манде) объектно-притяжательный личный показатель 1 л. ед. ч. выражается исключительно низким тоном на первом слоге последующего члена синтагмы, а показатель 3 л. ед. ч. – соответствующим высоким тоном: *zèe* ‘моя рука’, *zée* ‘его рука’. В языках кру, также характеризующихся развитой тональной системой, местоимения различных лично-числовых значений на сегментной основе могут практически не различаться, всё решает тон: например, в языке вост.

кран (западная группа) из шести членов местоименной парадигмы пять имеют одинаковую сегментную базу *a*. В таких случаях анализ тонологии как на синхронном, так и на диахроническом уровне тем более необходим как при сравнении языков, так и при внутренней реконструкции.

Частным случаем грамматикализации местоименных форм является уже упоминавшаяся контаминация их с морфемами различных глагольных значений, называемых в англоязычной литературе общим термином *auxiliaries*. В языках, где такие морфемы занимают позицию между субъектным показателем и глагольной группой (т. е. с порядком слов S – AUX – VP), слияние происходит весьма часто. Это ведёт за собой формирование многообразия морфологических серий личных показателей в зависимости от видовременного, модального и полярного значения предиката. В этом случае для внутренней реконструкции фонетического инварианта личного показателя необходимо попытаться выделить из такой морфемы-портманто составные элементы, идентифицируя исходные глагольные маркеры, например, в предложениях с именным подлежащим.

В таких случаях перед исследователем нередко встаёт вопрос, какую форму показателя лица считать исходной. Например, в языке куланго (периферийный язык семьи гур) функционируют следующие показатели 1 л. ед. ч.: *mì* (перфектив), *má* (хабитуалис), *mî* (имперфектив), *mí* (сослагательное наклонение). Вокализм играет важнейшую роль при сравнении местоименных систем, так что необходимо решить, какую именно форму куланго можно сравнивать с другими языками, а какие являются вторичным результатом контаминации с глагольными маркерами. Данные по языку куланго позволяют однозначно определить это, так как существует опубликованная грамматика этого языка: первичной является форма *mí*. То, что именно значение перфектива / фактатива чаще представляет собой исходный показатель, подтверждается и данными языков других семей: фактатив и перфектив вообще являются базовыми значениями для глагола во многих языках Африки [Welmers 1973]. В случаях, где в нашем распоряжении будет недостаточно информации на эту тему, в качестве рабочей гипотезы будет приниматься, что исходной является именно перфективная / фактативная форма.

Помимо показателей различных глагольных значений, личные показатели могут также сливаться с приименными грамматическими морфемами, имеющими значения именной ассоциативности (например, родительного падежа или принадлежности) и фокуса / топики. Именно так образуются обычно в первом случае притяжательные, во втором – независимые местоимения в НК языках. Оба типа морфем в большинстве случаев можно легко идентифицировать, а иногда и реконструировать на праязыковом уровне: например, в языках чангин (атлантическая общность) формы фокусирующих префиксов *ya-*, *ja-* и *dá-* явно восходят к единому источнику, который восстанавливают в виде **da* [Pozdniakov, Segerer 2004b].

Идентификация заимствований и других явлений языковой конвергенции – один из важнейших механизмов сравнительного анализа лексических единиц, в том числе и местоимений. Выше уже говорилось о том, что связанные маркеры

практически не заимствуются, а личные местоимения как лексемы – весьма редко, однако последние факты известны и из НК языков и должны быть внимательно отслежены. Нередко это заимствования из близкородственных языков: так, в языке нгбака (группа банда семьи убанги) местоимение 2 л. ед. ч. *m̄* заимствовано из одного из идиомов группы нгбанди той же семьи. Встречаются и дальние заимствования. В языке мбум (семья адамауа) существует два регистра местоимений: наравне с исконными формами местоимений 2 л. обоих лиц употребляются формы, заимствованные из языка фула – *à/àn* ‘ты’ и *ándí* ‘вы’.

При общем недостатке описаний для множества языков тропической Африки не всегда легко определить источник заимствования. К примеру, один из языков северной ДР Конго доко (группа банту) использует показатель субъекта 2 л. ед. ч. *dò-*; находящийся в том же ареале убангийский язык донго-ко (группа мба) в том же значении использует показатель *dǒ*. В обеих группах эти формы уникальны, не встречаются в близкородственных идиомах (хотя несколько убангийских языков имеют сходные показатели типа *lo*, *ro*) и, вероятно, могут считаться элементом какого-либо ареального субстрата.

Нельзя исключать и элементов взаимного воздействия форм контактных языков. В частности, языкам Центральной Африки, входящим как в НК, так и в нило-сахарскую макросемью, присущи местоимения 1 л. мн. ч. с анлаутом на *z-*. Они имеют различное происхождение, однако в процессе языкового контакта могли повлиять друг на друга, придавая устойчивости звонкому сибиллянту. Важно отслеживать конвергентные процессы, отражающиеся в языках, подвергшихся креолизации в качестве *lingua franca* определённого региона. Это, в частности, такие процессы, как упрощение системы (ср. элиминацию категории инклюзивности / эксклюзивности в языке менде семьи манде, воспринятом в качестве языка межэтнического общения народами Сьерра-Леоне в раннее Новое время), изменение просодической и тональной структуры парадигмы и т. д.

Сужение грамматического значения форм в составе парадигмы часто является результатом формирования новых грамматических категорий в системе личных показателей, расширение – результатом элиминирования этих значений. В обоих случаях в языке, как правило, действует принцип наименьшей маркированности: если появляется дополнительная категория, старый личный показатель занимает ячейку с наименее маркированным значением; если дополнительная категория выпадает, язык сохраняет форму с тем же наименее маркированным значением.

В числе таких значений – значения уже упоминавшихся глагольных категорий аспекта, времени, модальности и полярности. В языках, где они переносятся на показатели лица, старое местоимение обычно продолжает функционировать только в наименее маркированном глагольном значении перфектива (фактатива), в то время как для других аспектуальных значений появляются новые формы. Появление довольно распространённой в НК языках категории отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности также приводит к тому, что первоначальный посессивный маркер принимает на себя обозначение только первого типа

принадлежности (т. е. употребляется с наименованиями частей тела, ближайших родственников), в то время как отчуждаемые имена существительные требуют нового или модифицированного показателя. То же происходит при расщеплении серии объектных показателей – на формы со значениями прямого и непрямого объекта. Исходные объектные формы принимают наименее маркированное прямообъектное значение.

Появление категории расширенного 1 л. мн. ч., весьма специфической для языков Африки (она чаще всего включает в себя значения инклюзивности, эксклюзивности и дуалиса) по-разному влияет на употребление исходного местоимения ‘мы’. В некоторых языках оно уходит в значение инклюзива, в других, что случается статистически чаще, – эксклюзива (но, видимо, никогда – в значение дуалиса).

Перечислением указанных процессов вовсе не ограничивается их инвентарь в НК языках. Мы вновь хотим подчеркнуть, что не претендуем ни на исчерпывающий анализ типологии разновидностей и диахронических явлений, характеризующих личные показатели в столь обширной общности языков, ни на универсальность применяемых методов их сравнительного анализа. Мы лишь перечислили наиболее важные из таких методов, наиболее существенные для анализа процессы и характеристики анализируемого языкового материала. Без их учёта и использования в работе, как нам представляется, наше исследование не сможет претендовать на высокий уровень научной корректности.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В БЕНУЭ-КОНГОЛЕЗСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 1. Общая характеристика бенуэ-конголезских языков

Бенуэ-конголезская семья является крупнейшим объединением языков в рамках НК макросемьи. Языки, группируемые этим термином (далее – БК), принадлежат к нескольким группам языков, крупнейшей из которых является группа банту, часто благодаря своему размеру (не менее 500 языков) в лингвистической традиции называемая семьёй. Как уже упоминалось, исторически именно с языков банту началось изучение БК семьи, их генетическое родство было установлено уже в середине XIX в. Тогда же были замечены и некоторые системные сходства между языками банту, распространёнными на огромном пространстве от Камеруна до Южно-Африканской Республики, и многочисленными языками современных Камеруна и Нигерии. Некоторые из этих последних были объединены Г.Г. Джонстоном [Johnston 1919–1922] под термином «полубанту» (*Semi-Bantu*, термин введён в оборот А. Шлейхером в 1891 г.), хотя глубокий анализ генетических отношений между ними в то время не проводился. Тем не менее взгляды Джонстона и предложенная им классификация языков Африки фактически стали фундаментом последующего изучения языков Нигерии и Камеруна, на которые с момента выхода его монографии стали смотреть в основном под призмой их сходств и различий с языками банту – подход, весьма распространённый и сегодня.

Спустя несколько лет после выхода книги Джонстона Д. Вестерман [Westermann 1927] существенно расширил и детализировал схему своего предшественника, а также установил промежуточную позицию языков «полубанту», которые он называл «бенуэ-кросс», между языками банту и другими представителями более крупной генетической общности, которую Вестерман именовал западносуданской. Наконец, Дж. Гринберг предложил основу современной классификации языков, для которых предложил ныне устоявшийся термин «БК». Одной из наиболее ярких идей Гринберга стала классификация языков банту в качестве одной из групп второго уровня в составе БК семьи – до него на протяжении не менее столетия языки банту традиционно рассматривались как таксон верхнего уровня.

См. Карта 3. Бенуэ-конголезские языки Бенина, Нигерии и Камеруна¹¹.

В рамках НК макросемьи БК языки составляют не менее двух третей всех языковых идиомов (975 из 1532, согласно каталогу *Ethnologue*). Последняя по времени детальная классификация БК языков представлена в работе [Segerer 2008]; именно она будет использована в настоящей работе (Диаграмма 2.1).

Одним из основных проблемных вопросов внешней классификации БК языков остаётся вопрос взаимоотношений между семьями БК и ква, существенно пересмотренных в совместной работе [Bennett, Sterk 1977]. С помощью применения методов лексикостатистики и выделения лексических инноваций авторы работы предложили реклассифицировать группы нупоидных, идоидных, йорубоидных, эдоидных, акоидных и игбоидных языков, ранее объединявшихся в семью ква, как языки западной ветви БК семьи. И хотя это решение впоследствии не раз подвергалось сомнению в различных работах, подход Беннета – Стерка и «новый» состав БК семьи на сегодняшний день считаются в целом общепринятыми.

Тем не менее проблема лингвистической предыстории БК языков остаётся актуальной: как отмечала К. Уильямсон [Williamson 1989], надёжно не установлено ни одной лексемы, которая может с полной уверенностью быть определена как лексическая инновация БК праязыка, а те, что ранее выдвигались в качестве таковых, находят соответствия в других семьях НК языков. Лексические новообразования, предложенные как Беннетом – Стерком, так и самой Уильямсон, отмечаются лишь в отдельных группах семьи. Из этих фактов может быть сделано два вывода: либо такой ступени развития языка, как пра-БК, не было, либо, как полагала сама К. Уильямсон, он существовал лишь очень краткое время [Ibid.: 269–270]. Его распад мог начаться спустя крайне короткое время после выделения из более крупной общности (бенуэ-ква) и протекал весьма быстро, поэтому большинство инноваций относятся к уровню отдельных групп языков, которые вскоре утратили тесный контакт друг с другом.

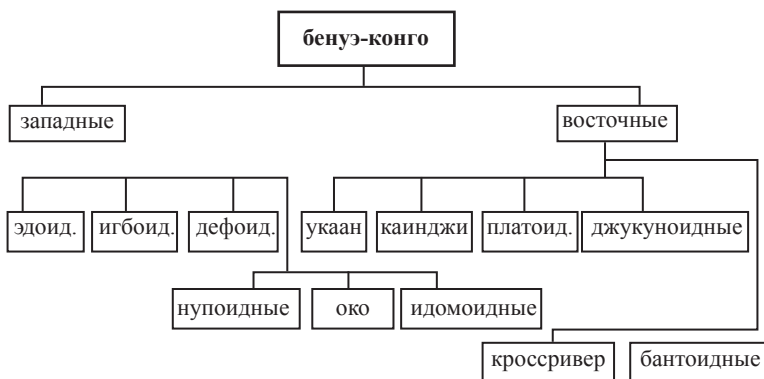
Менее важными для реконструкции БК праязыка, однако тем не менее весьма существенными остаются вопросы внутренней классификации языков семьи. Так, по сей день остаётся весьма зыбкой граница между языками банту и другими языками бантоидной группы (в западной литературе иногда объединяются под термином *Wide Bantu*, «банту в широком смысле»). В настоящее время общепринятой является точка зрения о том, что ближайшими родственниками бантоидных языков являются языки группы кроссривер (Нигерия); однако опять же убедительных подтверждений существования общего языка-предка для этих двух подгрупп так и не предложено. Нет ясности в вопросе объединения групп платоидных, джукуноидных языков и языков каинджи в составе «центральнонигерийской» общности, предложенной К. Уильямсон и Р. Бленчем [Williamson, Blench 2000]. Тем не менее с учётом анализа нового языкового материала, появляющегося

¹¹ Источник: <http://www.wikipedia.org>

ежегодно в результате полевой лингвистической работы, эти вопросы продолжают уточняться и, можно надеяться, их решение не за горами.

В настоящей работе приводится классификация БК языков, предложенная в работе [Williamson, Blench 2000] и адаптированная в статье [Blench 2004]. Согласно ей (см. Диаграмму 2.1), БК семья состоит из двух основных ветвей, которые, в свою очередь, включают десять групп. Помимо отмеченных на схеме изолированных языков око и укаан, выделяют ещё один изолят – акпес.

Диаграмма 2.1

Несмотря на дискуссии относительно валидности доисторического существования БК праязыка, примерная прародина языков семьи локализуется с большой вероятностью. Источником миграций народов этой языковой семьи, по-видимому, является район междуречья рр. Нигер и Бенуэ в центральной Нигерии. Распад языковой общности датируется примерно концом V тысячелетия до н. э. [Williamson 1988: 104] – то есть БК семья по возрасту примерно сравнима с индоевропейской. Для всех групп языков, кроме банту, эти миграции не были сколько-нибудь значительными географически – в пределах нынешней территории Нигерии, Камеруна и Бенина. Безусловно, нельзя исключать вторичной ассимиляции каких-либо из языков, носители которых могли достичь других регионов Западной Африки: элементы ареального влияния БК языков находят в языках убанги в Центральной Африке и даже в языках манде в среднем течении Нигера.

На юге языки семьи граничат с областью распространения иджоидных языков в дельте Нигера; на западе – с языками семей ква, гур и манде; на северо-востоке – с языками адамауа. Все эти семьи входят в состав НК макросемьи. На севере бенуэ-конголезцы контактируют с языками чадской семьи, принадлежащей к афразийской макросемье, отдельные анклавы которых существуют и в центральной Нигерии. Огромная область языков банту простирается на юг и восток от Камеруна вплоть до южных оконечностей континента и островов Индийского океана.

Районом наибольшей языковой плотности в этом регионе, безусловно, является небольшая область в центре Нигерии, в нескольких десятках километров к юго-

западу от междуречья рр. Нигер и Бенуэ – района предполагаемого существования БК праязыка. Здесь проживают носители языков сразу трёх групп семьи (дефоидной, нупойдной, эдоидной) и трёх языков, считающихся изолированными (око, укаан, акпес).

Большинство опубликованных работ по БК языкознанию посвящены проблемам классификации на базе анализа лексики. Среди важнейших работ – статьи [Williamson 1971; 1989; Cook 1971; Bennett, Sterk 1977; Blench 1989a]. Существует также ряд работ по реконструкции отдельных подсистем праязыка семьи или её ветвей. Так, Де Вольф [De Wolf 1971] предложил реконструкцию фонетического инвентаря праязыка западной ветви БК семьи, впрочем, с недостаточно весомым обоснованием. Р. Бленч [Blench 2004] предложил собственную реконструкцию системы фонологии БК праязыка. В отличие от реконструкции Де Вольфа, Бленч постулирует для праязыка больше аффрикат, щелевых и импловзивных звуков, а также представляет систему гласных, состоящую из семи фонем вместо пяти у Де Вольфа.

Реконструкции праязыковой системы морфологии для БК семьи на сегодняшний день не опубликовано, хотя можно назвать целый ряд работ по сравнению некоторых подсистем морфосинтаксиса для отдельных групп языков. В работах [Voorhoeve, De Wolf 1969; De Wolf 1971] была представлена вполне надёжная реконструкция системы именных классов префиксов БК праязыка. Реконструкция системы личного маркирования была предложена автором настоящего исследования в статье из двух частей [Babaev 2008; 2010a]. Настоящее исследование расширяет и детализирует указанную статью с учётом множества новых языковых данных, а также обсуждения поднимавшихся в ней вопросов на различных международных конференциях.

Наконец, необходимо отметить, что, хотя сравнительного или этимологического словаря БК языков пока не опубликовано, двухтомное собрание лексических списков [Williamson, Shimizu 1968; Williamson 1973] и коллекция кратких грамматических и лексических очерков по языкам Западной Африки [Kropp Dakubu 1976–1980] содержат поистине неоценимый материал для сравнительного анализа одной из крупнейших языковых семей мира.

Настоящая глава состоит из параграфов, в каждом из которых проанализирована система личных показателей крупных групп в составе БК семьи и осуществлён первый этап реконструкции. Полученный реконструктивный материал суммирован в итоговом параграфе главы.

§ 2. Языки банту

Как уже упоминалось выше, согласно современной классификации, языки банту составляют крупнейшую подгруппу в составе бантоидной группы БК семьи языков. В состав этой подгруппы включаются более 500 языков, однако с учётом неопределённости терминов языка и диалекта реальное число языковых идио-

мов, не обладающих взаимопониманием, может быть ниже. Так, Д. Нурс и Ж. Филипсон [Nurse, Philippson 2003a] оценивают реальное количество языков согласно принятым в науке классификационным критериям на уровне 250.

Языки банту изучаются уже около двух столетий, а сравнительной бантуистике недавно исполнилось сто лет – с момента выхода в свет последнего тома «Сравнительной грамматики» Карла Майнхофа [Meinhof 1899–1906]. Всё это время языки банту являются предметом постоянного внимания компаративистов: в середине XX в. была осуществлена успешная реконструкция базового праязыкового лексического фонда и многих подсистем грамматики, в том числе именной классификации и личного маркирования. Задачами нашего исследования в настоящем параграфе, таким образом, является прежде всего анализ обоснованности уже имеющихся реконструкций того, как могла выглядеть и функционировать система личных показателей в праязыке банту.

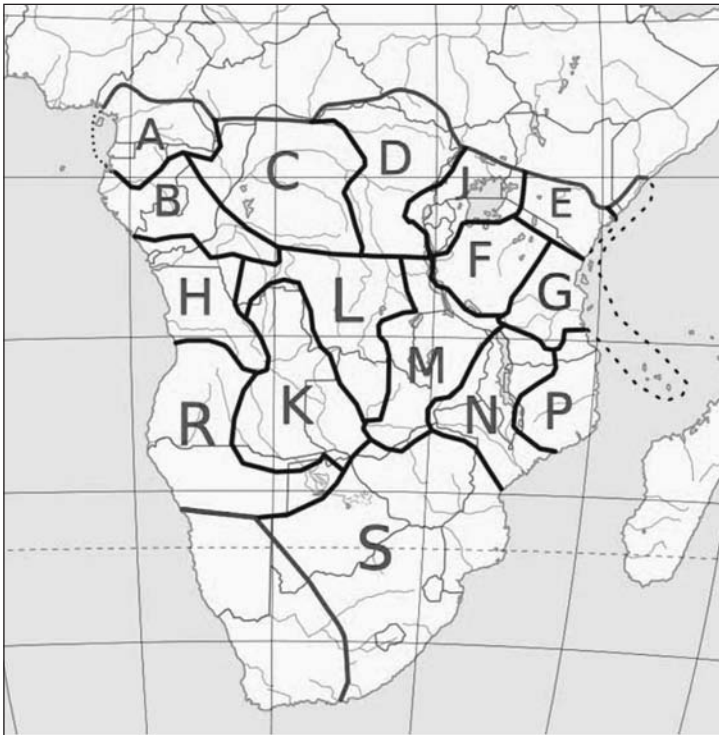
Взгляды Дж. Гринберга на прародину банту [Greenberg 1972: 192] сегодня являются в целом общепринятыми – её локализуют в среднем течении р. Бенуэ в восточной части Нигерии. Современная картина большой плотности языков востока Нигерии и Камеруна рассматривается как одно из косвенных подтверждений этой гипотезы. Формирование языкового сообщества банту обычно датируют началом IV тысячелетия до н. э. Вероятно, на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. носители банту достигли нынешней территории Габона и Демократической Республики Конго (ассимилировав аборигенные языки предков нынешних пигмеев), откуда распространение бантуязычных народов шло в двух направлениях – на восток, в зоны саванн Восточной Африки, и на юг. Появление их в зоне Великих Озёр датируют первой половиной I тысячелетия до н. э., где освоение примитивной обработки железа стало, как и для кельтов в Европе примерно в то же время, гигантским цивилизационным скачком и причиной успешной и быстрой миграции бантуязычных народов. Уже в первые столетия новой эры носители языков банту достигают крайней южной оконечности африканского континента. Такова картина, представляемая сегодняшними исследованиями как лингвистов, так и этнографов, археологов и историков Африки [Vansina 1990: 49–54; Ehret 1998; Nurse, Philippson 2003b: 165; Nurse 2007: 367–369].

Фундаментальная классификация сотен языков банту, на основе которой бантуистика работает по сей день, была предложена Малькольмом Гасри [Guthrie 1948] и усовершенствована в его многотомном труде [Guthrie 1967–1971]. В третьем томе [Ibid., III: 11–15] автор представляет её окончательный вариант, согласно которому языки банту разделены на пятнадцать крупных зон, обозначенных автором латинскими буквами от A до S, и восемьдесят четыре группы, обозначаемых числами десятков, например группа A20, группа C40 и пр. Языки, принадлежащие к каждой из этих групп, соответственно маркируются единицами; в литературе эти нумеративные обозначения принято указывать наравне с названиями языков, например «баболе C20». Несмотря на неоднократные попытки модифицировать классификацию Гасри, она в несколько видоизменённом виде использо-

вана и в последней коллективной монографии, посвящённой основам бантуистики [Maho 2003] (см. Карту 4). М. Гасри признавал, что его классификация лишена генетических обоснований и имеет чисто прикладное, реферативное значение, поэтому использовать её при сравнительно-историческом анализе можно лишь с большой осторожностью. Что касается генеалогической классификации языков банту, то некоторые попытки её разработки были предприняты К. Эретом [Ehret 1998; 1999: 47–53], учёными тервуренской школы [Bastin et al. 1999: 125–129], а также в работе [Nurse, Philippson 2003b: 173–179]. Все три классификации основываются на анализе лексических и морфологических инноваций, а роднит их то, что все они единогласно выделяют северо-западные языки (зон А, В, частично С и Н по классификации Гасри) как наиболее раннее ответвление от праязыка банту. Другие предлагаемые ветви, такие как группа восточных языков и группа саванн (*Savanna Bantu*), пока недостаточно обоснованы.

На сегодняшний день, по нашей оценке, в литературе можно найти более или менее детальные описания систем личного маркирования для примерно 200–250 языков банту. Из них в настоящей работе будут использованы данные около ста пятидесяти языков (см. Приложение 1).

Карта 4. Распределение языков банту по зонам М. Гасри¹²

¹² Источник: <http://www.wikipedia.org>

Система личных показателей в языках банту имеет четыре лично-числовых значения, а именно 1–2 л. ед. и мн. ч.: в языках банту, как уже отмечалось выше, в Главе 1, в функции личных показателей 3 л. используются префиксы именных классов, иногда также демонстративы. Для обозначения референтов-лиц это аффиксы $^{1/2}$ парного класса, для обозначения не-лиц – показатели остальных классов.

Первый сравнительный анализ личных показателей в языках банту был проведён ещё В. Бlikle [Bleek 1862–1869], за которым последовал Дж. Торренд [Torrond 1891: 155–170] с обзором более широкой выборки языков. Сравнительная грамматика К. Майнхофа [Meinhof 1899–1906] содержит описание регулярных процессов и характеристик системы личных показателей, а также поверхностную реконструкцию некоторых праформ.

Особое внимание системам личных показателей уделяется с середины XX в., начиная с работ А.-Э. Меюссена [Meeussen 1965; 1967], сделавшего попытку реконструировать парадигмы личных показателей банту, впервые распределив их по четырём синтаксическим сериям: префиксальные показатели субъекта, инфиксальные показатели объекта, притяжательные суффиксы и «ударные» местоимения (то есть независимые). Система Меюссена выглядит следующим образом:

Таблица 2.1

лицо / число	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	*n-/*ɲ	*-n-	*áné	*i-n-ε
2 л. ед. ч.	*u-	*-ku-	*-áó	*o-ε ?
1 л. мн. ч.	*tu-	*-tu-	*-áító	*i-có-ε
2 л. мн. ч.	*mu-	*-mu-	*-áíño	*i-ɲó-ε

М. Гасри [Guthrie 1967–1971, III–IV] представил свой список лексических реконструкций вскоре после опубликования работ Меюссена, обозначив в его составе личные показатели и местоимения. В его работе, однако, отсутствует обоснование реконструкции, зато содержится признание, что большинство личных показателей «сложно вычислить». Праформы, содержащиеся в работе Гасри, приведены в Табл. 2.2.

Таблица 2.2

лицо / число	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	*ni-/*ny-		*-aŋg-, *-mé	
2 л. ед. ч.	*ò-	*-kò-	*-bé	*góé
1 л. мн. ч.	*tò-	*-tò-	*-yitó	
2 л. мн. ч.	*mò-	*-mò-	*-yinó	

Недавно опубликованная праязыковая система связанных глагольных показателей лица Т. Шадеберга в основном базируется на реконструкции А.-Э. Меюссена

[Schadeberg 2003: 151]. Он, однако, не рассматривает синтаксически независимых личных местоимений, сильно отличающихся по своему облику от глагольных аффиксов лица (Табл. 2.3).

Таблица 2.3

лицо/число	субъект	объект
1 л. ед. ч.	*N-	*-N-
2 л. ед. ч.	*O-	*-kO-
1 л. мн. ч.	*tO-	*-t'ó-
2 л. мн. ч.	*mO-	*-m'ó-

Наконец, последним по времени исследованием, внесшим вклад в решение проблемы, можно считать монографию Д. Нурса [Nurse 2007], содержащую реконструкцию личных субъектных префиксов, основанную на анализе глагольных словоформ множества языков семьи. В целом его формы соответствуют реконструкциям предшественников [Ibid.: 377] (Табл. 2.4).

Таблица 2.4

лицо/число	субъект
1 л. ед. ч.	*ni-
2 л. ед. ч.	*o-
1 л. мн. ч.	*to-
2 л. мн. ч.	*mo-

Языки банту обычно рассматривают как «глагольные», исходя из центрального положения, которое занимает глагол в системе морфосинтаксиса. Практически во всех языках группы глагольная словоформа, вобравшая в себя множество агглютинативно-флективных грамматических маркеров, является основополагающим звеном всего предложения (ср. о глаголе в банту в работе [Громова 1966]). Личные показатели также обычно встроены в глагольную форму в качестве аффиксов, занимающих конкретные позиции в её составе.

Полную структуру глагольной словоформы в языках банту можно представить в виде следующей схемы [Nurse 2007: 375]:

Pre-SM + **SM** + NEG + TA + **OM** + корень + расширение корня + FV + Post-FV,

где: Pre-SM – пресубъектный глагольный префикс (имеет различные значения, но чаще всего выражает отрицание);

SM – субъектный маркер;

NEG – маркер отрицания;

TA – маркер(ы) видовременной или модальной формы;

OM – объектный маркер;

FV – конечный гласный суффикс;

Post-FV – факультативный конечный гласный суффикс.

Показатели притяжательности могут являться как независимыми (преимущественно в языках северо-западных зон), так и суффиксальными. Что касается независимых местоимений, то сфера их применения включает все те значения, которые мы обозначали в определении этой серии в Главе 1: фокуса и топика субъекта, а также подлежащего неглагольного предложения, ср. в ланги (F33):

- (4a) *ni wewe k-oodza o-ri*
 COP **2SG.FOC** CL-приходить 2SG.S-COP
 ‘Это ты пришёл’ [Dunham 2001: 222].

Во многих языках группы, расположенных в основном в северо-западном ареале (зонах А, В, С, Н), префиксальных маркеров субъекта не существует, вместо них используются автономные субъектные местоимения, идентичные независимым. В некоторых из языков этого ареала глагольная клауза содержит как независимое местоимение, так и субъектное, ср. в конзиме (A84):

- (4b) *mem me lí egíá nó*
1SG.FOC 1SG.S PREP знать так
 ‘Я знаю это’ [Beavon 1986: 180].

Там, где субъект глагола выражается префиксальным показателем, также заметно его ослабление и дополнение независимым местоимением, ср. в аква (C22):

- (4c) *yogo binu le-beg-i nga i-fudis-a binu*
 если **2PL 2PL.S**-отказываться-PRES **1SG 1SG.S**-соединить-FUT 2PL
 ‘Если вы отказываетесь, я объединю вас’ [Аксёнова, Топорова 2002: 160].

Как и абсолютное большинство современных языков банту, праязык банту характеризуют как имевший флективно-агглютинативный строй грамматики, использующий связанные показатели для выражения значений лица/числа глагольного предиката. Под этим углом аналитические системы личного маркирования в языках северо-запада следует рассматривать как инновационные. А.-Э. Меуссен [Meussen 1967] придерживался именно такой точки зрения, которая разделяется и авторами статьи [Nurse, Philippson 2003b: 177], предполагающими, что автономные местоимения стали играть роль глагольного субъекта после отделения от праязыка северо-западной ветви (в которую авторы работы включают группы A40-A80, B20, B70, C20 и др. по классификации Гасри). Источником такой инно-

вации видят ареальное влияние соседних БК языков Камеруна, в большинстве обладающих аналитическим маркированием субъекта глагола. Кроме того, тот же тип является наиболее распространённым и для большинства НК языков Западной и Центральной Африки (за характерным исключением некоторых атлантических языков) [Nurse 2007: 242–243].

В то же время существует гипотеза о том, что, напротив, языки банту могли морфологизировать изначально независимые субъектные местоимения в связанные показатели, что было предположено ещё Т. Гивоном [Givón 1972] и поддержано рядом отечественных и западных исследователей [Аксёнова, Топорова 1990: 150–151; Good, Güldemann 2006]. Д. Нурс [Nurse 2007: 247] относит переход от аналитической к синтетической структуре глагольного предложения к позднепрабантускому периоду, предполагая, таким образом, иную систему для раннего праязыка банту.

В Табл. 2.5 приведены наиболее распространённые формы личных показателей по различным языкам банту, распределённые по четырём синтаксическим сериям и по условным фонетическим моделям согласно методу фонетической аппроксимации (модели обозначены заглавными символами и выделены жирным шрифтом). Таблица базируется на данных Приложения 1.

Таблица 2.5

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
субъект	NV : <i>na-, ni-, ne-, ji-</i> NCV : <i>nda-, ndi-, ngi-, nga-, ngu-, nji-</i> N : <i>N-, n-, n-</i> MV : <i>mε, mi, mbi-, mǝ, ma-, me-</i> I : <i>i-, yi-</i> KI : <i>k(i)-, ke-</i> SI : <i>tsi-, fi-, si-</i>	U : <i>o-, u-, ɔ-</i> WV : <i>wo-, wε-, go-, yu-, gh-</i>	TV : <i>to-, tu-, ta-, ti-, t-, di-, lo-, lu-</i> SV : <i>sε-, fǝ-, h(i)-, r(i)-, re-</i> KU : <i>ku-</i> CU : <i>fu-</i>	MU : <i>mu-</i> NV : <i>nε-, ni-, no-, nu-</i> BV : <i>bi-, bo-, bu-, bi-, vu-, u-</i> LV : <i>lo-, l-, lu-</i>
объект	NV : <i>-n-, -ni-, -jni-</i> NCV : <i>-nga-, -ngu-, -nge-, -ndi-, -nji-</i> MV : <i>(a)mε, -mε-, -ma-, -mi-, -mbi-, -m</i>	U : <i>-o-</i> WV : <i>(a)wε, (a)wo, -yo-, yu-, (u)gwe</i> KU : <i>-ku-, -ko-, go</i> NV : <i>-ne-, -no-, -nd-</i>	TU : <i>-to-, -t-, -tu-, -lo-, -lu-</i> SV : <i>-es, -is, -aso-, -se, su, -hu, (h)i-, -r(i)-, -re</i>	(V)NV : <i>nε, -no-, -ne, -nu, ni, -anu, -no, -jwε, nuni</i> MV : <i>-mu-, mi,</i> BV : <i>bi</i> LV : <i>-lo-, -l-, lu</i>
притяжатель	ANI : <i>-ane, -ani</i> ANCV : <i>-(a)ngu, -nga, -nge, -ngu</i>	AWV : <i>-awe, -uwe, -(a)wo, -gwo, -oge, -yo, -afo</i>	(V)TU : <i>-ato, -it, -itu, -eto, -thu</i>	(V)NU : <i>-n, -in, -(a)no, -(ε)nu, -aŋ(o), -iju-, -ɛnu, lo-</i>

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
	VMV : -am(e), -em(e), -em, -mo, -(a)mi AKV : -akwa, -ako, -(a)ka		(A)SV : -(a)so, -se, -(a)su, -fu, -is, -eru, -iru, ro-	
независ.	(V)MV(N) : mε, amε, ami, ame, imε, eme, emi, mem, mεn, meni, meno, mene, mono (V)NV : nne, nna, ini, eni, nene (A)NGV : (a)nga, (a)nge	VWV : owe, uwe, awe, εwε, iwe, gwε, wewe, wen(a)	VSV : ise, ase, (i)so, (e)su, -(V) swe, (e)se, -sis, sese, -so, tse, hwe-, hi- ro- ITU : itu, ito, -eto, -ithu, twe(ye)	VNV : aɲε, inu, (i)no, enu, -n, ɲwe, -nwe, -nywe, -anu, eni, ɲεɲε, -(a)ne, nuni (V)MV : mwe, (i) mi LV : lo-

В последующих разделах будет проведён анализ форм и моделей в каждой из лично-числовых ячеек данной таблицы.

1 лицо единственного числа

Прабантуский показатель глагольного субъекта обычно реконструируют в виде *N- или *ni-/*ɲi-. Последняя форма засвидетельствована в большинстве зон языков банту: например, квакум (A91), пуну (B43), нанде (D42), гусии (E42), гого (G11), тонга (S62) и многих других. Более того, другие модели с начальным носовым выводят именно из *ɲi-: его реализация перед последующим переднерядным гласным может выглядеть как *ɲi-*, *ndi-*, *ngi-*. Явление эпентезы согласного, как указывает И.С. Аксёнова, носит морфонологический, но не фонетический характер и проявляется в некоторых типах морфем [Аксёнова 2000: 71]. Это позволило предположить, что исходно начальная N- в показателях 1 л. ед. ч. и следующая за ней гласная являются по происхождению различными морфемами.

Некоторые языки, подтверждая это предположение, демонстрируют субъектный префикс, состоящий из одной гоморганной носовой фонемы N-, принимающей в контексте перед согласными артикуляцию последующего согласного звука. Её исходная артикуляция проявляется лишь перед гласной фонемой, однако это возможно лишь в тех комплексах, когда между субъектным префиксом и корнем имеется вокалическая морфема. В этих случаях (например, в языке яо (P21)) мы видим, что субъектный префикс имеет вид *n-* или *ɲ-*, в зависимости от того, имеется ли в языке противопоставление палатального и зубного сонантов. Вывод о том, что праязыковая согласная должна быть определена именно как *ɲ-, но не **n-, подкрепляется сравнением поведения субъектных показателей с поведением рефлексов другого праязыкового гоморганного носового префикса *N-, служащего

показателем 9 класса имён существительных [Human 2003: 49–50]. Таким образом, наиболее логичным выводом будет предположить ассимиляцию палатального сонанта перед корневыми согласными различных артикуляционных рядов.

Можно отметить и ряд других изменений, характерных для отдельных языков, например переход **ni-* > *ĩ-* в баболе (C20), где регулярно проявляется выпадение начальной **n-*, но отпадение начальной **n-* не засвидетельствовано. Это доказывает устоявшуюся точку зрения, что начальной согласной субъектного префикса в праязыке была палатальная.

Гласная субъектного показателя обычно реконструируется как **-i-*, что объясняют дистрибутивным анализом данных современных языков. Впрочем, встречаются и иные варианты вокализма – чаще всего это формы *na-*, *ne-*. Варьирование гласной может являться результатом сращивания древнего показателя 1 л. ед. ч. **n-* с темпорально-аспектуальным показателем глагола, который, согласно приведенной выше структуре бантуской глагольной словоформы, всегда следует именно за субъектным показателем. Но так как формы большинства современных языков демонстрируют всё же узкую переднерядную гласную, то наиболее непротиворечивым предположением будет реконструкция субъектного показателя 1 л. ед. ч., вслед за предыдущими исследователями, в виде **n(i-)*. Второй распространённой моделью для маркирования 1 л. ед. ч. субъекта является М/МЕ (*mi*, *me*, *te* и др.). Две доминирующие формы в сегодняшних языках – *mi* и *me*. Исходной формой из них, как предполагают, является **me*. Так, для форм *ame* в северо-западных языках группы предполагается мутация **e > ε* под влиянием предшествующей фонемы *a* в притяжательных основах, откуда вокализ мог распространиться на субъектную серию [Guthrie 1967–1971, IV: 10, 12].

М. Гасри полагал [Ibid., III: 200], что субъектные префиксы на зубной сонант в языках банту могут быть родственны показателям на *m-*. Согласно его предположению, формы на *m-* в северо-западных языках банту могли иметь происхождение от более раннего **n-*. В свете тех данных, которые мы рассмотрели выше, и вероятного происхождения показателя **n(i-)* из двух различных морфем такая гипотеза выглядит обоснованной. Но даже если палатальная согласная здесь является результатом сдвига артикуляции под воздействием передней гласной, то происходить этот процесс должен был на более раннем этапе, чем праязык банту. На уровне праязыка банту в несубъектных сериях в любом случае реконструируется именно **m-*. Распределение форм на губной и зубной сонанты является не географическим, а грамматическим: рефлекс **n(i-)* характеризуют показатель субъекта глагола, рефлекс **me* – в основном независимые и притяжательные формы. В ряде северо-западных языков утвердительная глагольная клауза требует наличия как независимого местоимения модели МЕ, так и связанного личного префикса на *n-*.

Верно, что субъектные показатели 1 л. ед. ч. модели МЕ распространены в северо-западных зонах А–С. Здесь языки непосредственно граничат с зоной распространения других бантоидных языков, где формы типа МЕ являются доминирующими.

нирующей формой личного местоимения 1 л. ед. ч. В восточных зонах языков банту D, G, в зонах саванн и Юга Африки H, K, R, S формы данной модели встречаются в качестве независимого местоимения, реже – притяжательного показателя. В качестве субъектного маркера она здесь чрезвычайно редка.

Статистически распределение двух моделей по синтаксическим сериям устанавливается вполне отчётливо. Доля рефлексов **n(i)-* чрезвычайно высока в субъектной и резко снижается в объектной серии. Случаи использования этой морфемы для маркирования притяжательности или фокуса/топика можно назвать единичными, так что они вполне могут считаться поздней инновацией в результате аналогического выравнивания парадигмы. Обратное пропорционально выглядит изменение доли показателей, производных от **me*: наиболее частотны они в независимой серии, часто встречаются среди притяжательных местоимений, а вот в качестве субъектного суффикса весьма редки и ограничены фактически лишь северо-западным ареалом. Так как подобное распределение можно проследить не только на материале всей совокупности языков банту, но и отдельных групп, становится ясным, что мы имеем дело с праязыковым грамматическим противопоставлением двух личных показателей с различными синтаксическими значениями.

Общее происхождение показателей притяжательной, независимой и объектной серий может объясняться древним противопоставлением субъектных (прямых) и несубъектных (косвенных) местоимений, хорошо известным во многих семьях языков мира. Достаточно вспомнить, к примеру, что в индоевропейских языках до сих пор функционирует оппозиция рефлексов номинативного местоимения **eg'hom/*eg'hō* и объектного **me*. Последнее выражает значения генитива (в т. ч. притяжательность), прямого и косвенного объекта, а также фокус и топик как субъекта, так и объекта:

франц. *C'est moi qui est venu* 'Это я пришёл',
англ. *Me, I don't believe* 'Что до меня, то я не верю' или
Me, they don't believe 'Что до меня, то мне они не верят'.

Причисление независимого местоимения к «несубъектным» весьма условно, однако типологически местоимения с эмфатическими значениями весьма регулярно имеют общее происхождение именно с объектными. Данное предположение, однако, требует подтверждения на других лично-числовых значениях, так как оппозиция субъект/не-субъект должна была существовать по всей парадигме.

Для притяжательной и независимой серий характерны формы показателей структуры VMV. Для независимой серии восстанавливается форма **ime*: это выводится как результат внутренней реконструкции из сравнения с другими местоимениями парадигмы (они будут рассмотрены ниже). А.-Э. Меюссен также реконструирует узкую переднюю гласную **i-*, с высоким тоном. Нам представляется, что, исходя из дистрибутивного анализа форм современных языков, её тон скорее можно реконструировать как низкий. Таким образом, местоимение 1 л. ед. ч. независимой серии мы склонны восстанавливать в виде **ime*.

Что касается притяжательной серии, то гласная *a-*, превалирующая в формах современных языков, вполне может постулироваться и для праязыка; её тон, по-видимому, был низким, т. е. мы можем говорить о реконструкции формы **àme*. К. Майнхоф [Meinhof 1899–1906: 35] ещё столетие назад предположил, что префиксальная гласная происходит из указательной частицы **ya-*, начальная щелевая фонема которой рано отпала. Этот взгляд был поддержан и А. Вернер [Werner 1919: 86–87]. Вероятно, более логичным было бы предположить, что морфема **à-* в притяжательных местоимениях имела ассоциативное значение, как её аналоги во многих БК языках (см. ниже в последующих параграфах).

Во многих языках банту независимые местоимения образуются при помощи полной или частичной редупликации местоимения *me* (формы *mete*, *met* и др.). На праязыковой уровень это явление не выводится и образовалось в различных языках независимо друг от друга по широко известному типологическому образцу (ср. ирл. независимые местоимения типа *snisni* ‘мы’ и пр.).

Другим средством образования независимых форм, распространённым в языках банту, является прибавление суффикса *-nV* (формы типа *mene*), который стоит отметить особо из-за широчайших параллелей в других НК языках, см. об этом ниже.

В качестве результата проведённого анализа, мы можем предложить реконструкцию следующих форм показателей 1 л. ед. ч. для праязыка банту:

- *n(i)-* показатель субъектной серии;
- *(à)me* показатель притяжательной серии;
- *(i)me* показатель независимой серии.

Реконструкция какой-либо формы для объектной серии затруднена: это может означать и то, что в праязыке такой серии не существовало. Однако для других лично-числовых значений, особенно для 2 л. ед. ч., она вполне надёжно реконструируется (об этом ниже). Вероятно, что объектная серия также покрывалась несубъектным местоимением **me*: об этом говорят данные северо-западных языков зон А, В, С, Н.

В языках банту встречаются и формы показателей 1 л. ед. ч., внешне несводимые к праформам, рассмотренным выше. Среди них особое место занимают формы портманто, в которых слились несколько ранее самостоятельных грамматических маркеров. Таковы субъектные префиксы *ki-*, *ke-* в языках зон Р и S, притяжательные суффиксы *-akwa/-ako/-k'a* (зоны Е, Р, S), а также субъектные показатели *si-/fi-/tsi-*. Многие из них генетически связаны с маркерами отрицания, с которыми личные показатели нередко соседствуют в рамках глагольной словоформы, и представляют собой результат контаминации с ними.

2 лицо единственного числа

Более сложная картина вырисовывается на материале личных показателей 2 л. ед. ч. Одной из наиболее распространённых моделей субъектного показателя является вокалическая морфема модели U (заднерядная гласная), реализуемая

в виде *o-*, *o-* или *u-*. Эта основа распространена во всех зонах. Неогублённый аллофон распространён в северо-западных языках и сравним с аналогичным показателем в бантоидных языках (см. ниже). Огублённые варианты доминируют в зонах от F до S. Начиная с А.-Э. Меюссена, все указанные показатели возводились к праформе **o-*, рефлексy которой сохранили огублённость в южных и восточных зонах банту. Распределение форм позволило предположить, что праязыковой показатель субъекта нес низкий тон.

Наиболее распространённой моделью для местоимений притяжательной и независимой серий является (V)WE/(V)WU. Они различаются лишь первой гласной – это **à-* для притяжательного местоимения, по происхождению ассоциативная частица, и **i-* для местоимения независимой серии. Обе они присоединяются к форме WV – губной глайд в этой форме проявляется в большинстве языков. Другие варианты согласной этого показателя являются, как правило, фонетическими реализациями лабиального глайда в начальной позиции. Например, в гусии (E42) и нькьюса (M31) перед глайдом в абсолютном начале глагольной словоформы появляется протетическая смычная, *b-* и *g-* соответственно:

гусии *o-e-motia* > *bw-e-motia* ‘он притворился’;

нькьюса *u-a-pijile* > *gw-a-pijile* ‘ты приготовил (еду)’ [Аксёнова 2000: 71].

В гусии протетической согласной может быть и *k-/g-* [Аксёнова, Топорова 2008]. Смычные, образованные таким образом, позже по аналогии могли распространиться и на другие серии личных показателей, где мы видим *gw, f* или *b*.

Для праязыка банту лабиальный глайд **w* не восстанавливается [Schadeberg 2003: 146]. Отсутствие подтверждений для реконструкции **w* на лексическом материале указывает, что исходной фонемой в независимом и притяжательном местоимениях в праязыке была та же **o-*, что и в субъектном показателе, однако в результате добавления начального вокалического маркера происходит её сонантизация, в результате чего на синхронном уровне и появляется *w*. По всей вероятности, это произошло уже на стадии распада праязыка.

Сложнее говорить о финальной гласной показателя несубъектных серий. Самыми распространёнными вариантами являются *e/ε* и *o*; однако конечная **-e* также фиксируется в других местоимениях парадигмы, что хорошо видно на примере плюралных показателей (см. ниже). Возможно, что исходная форма, таким образом, складывается из следующих элементов: *V-* (показатель притяжательности *à-* или фокуса *i-*) + *-o-* (собственно личный показатель) + *-e* (финальная гласная автономных местоимений).

Наиболее любопытным показателем 2 л. ед. ч. является инфиксальный маркер объекта, однозначно реконструируемый как **-ko-*. Аффикс этот выглядит очень однородным по языкам различных зон и групп, практически не имеет модификаций и обнаруживается почти исключительно в объектной серии, несмотря на попытки М. Гасри (по его собственному признанию, неудачными) связать его с некоторыми посессивными аффиксами на *-k-* [Guthrie 1967–1971, III: 302].

Рефлексы объектного показателя **-kɔ-* присутствуют во всех зонах восточных языков и саванн, однако отсутствуют в языках зоны А, что могло бы являться аргументом в пользу его позднейшего происхождения уже после отделения северо-западной ветви от праязыка. Такая точка зрения поддерживается и внешним сравнением – показателя, сравнимого с **-kɔ-*, в других БК языках не обнаруживается. Однако это предположение сложно проверить: известно, что северо-западные языки регулярно ослабляют праязыковую **k-* до *ɣ* или утрачивают её [Guthrie 1967–1971, I: 74; Nurse, Philippson 2003b: 177], в результате чего объектный показатель мог превратиться в **-ɔ-* и, таким образом, фонетически уподобиться субъектному.

В некоторых северо-западных языках, например тсого и пове (В30), мы видим объектный инфикс *ɣɔ-*, регулярно соответствующий праязыковому **-kɔ-*. Рефлексы этого показателя надёжно засвидетельствованы в языках зоны С. Однако эти данные позволяют предположить и иное развитие показателя **-kɔ-* в объектной позиции. Его появлению языки банту могли быть обязаны широко распространённому и уже не раз упомянутому явлению эпентезы смычного согласного перед личным показателем **-ɔ-* в позиции после глагольной основы, всегда имеющей вокалический ауслаут. Примеры такого рода [Аксёнова 2000; Nurse, Philippson 2003b] в именных и глагольных морфологических комплексах современных языков банту хорошо известны: эпентетическими согласными чаще всего выступают *g*, *b*, а иногда и *k* [Аксёнова, Топорова 2008: 257]. То, что эпентеза могла иметь место уже на праязыковом уровне, демонстрируется единообразием форм показателей прямого объекта в языках различных зон и групп. Таким образом, вне зависимости от происхождения **-kɔ-*, его реконструкция для праязыка является обоснованной.

Принимая, что **-kɔ-* должен реконструироваться для серии объекта, мы, таким образом, приходим к тому, что праязыковых лексем со значением 2 л. ед. ч. было три, т. е. ситуация отличается от бинарной системы, реконструируемой для значения 1 л. ед. ч. Основы показателей субъекта, притяжательных и независимых местоимений имеют единое происхождение.

- *ɔ-* показатель субъектной серии;
- *-kɔ-* показатель объектной серии;
- *(á)ɔe* местоимение притяжательной серии;
- *(i)ɔe* местоимение независимой серии.

В некоторых языках банту показатели 2 л. мн. ч. распространились и на значение сингулариса, что привело к устранению старых форм единственного числа [Grégoire 2003: 364]. Некоторые из форм показателей 2 л. ед. ч. отдельных языков могут являться результатом заимствования: так, форма субъектного показателя языка доко *dɔ-* заимствована из одного из соседних языков убанги либо некоторого субстратного языка.

1 лицо множественного числа

Самой распространённой моделью для показателей 1 л. мн. ч. субъектной и объектной серий является модель TV, реализуемая в виде *tu-*, *tv-*, *to-*, *ti-* и т. п.

Такие формы, как *lo-*, генетически предположительно относятся к тому же кластеру показателей. Праформа для субъектного префикса обычно реконструируется как **ɪw-* (см. обзор предыдущих реконструкций выше), с чем мы должны согласиться. М. Гасри объясняет вариации гласных фонем как результат инновационных передвижений на периферии бантуязычного ареала [Guthrie 1967–1971, IV: 226].

В притяжательной и независимой сериях чаще всего фигурирует другая модель, имеющая основу с сибилантом; такие местоимения относятся к модели (V)SV: (*V*)*se, swe, he, šə, su, so, šo* и т. п. Здесь преобладают варианты с переднерядным вокализмом. Согласно принятой системе фонологической реконструкции праязыка банту, эти формы могут быть возведены к праязыковым **ce* либо **cu(e)* (фонетический статус прабантуской **c* остаётся предметом дискуссий: её рассматривают либо как палатальную смычную, либо как аффрикату, однако и палатальный характер подвергают сомнению [Human 2003: 42]). То, что формы с сибилантом и переднерядной гласной должны восходить именно к **cI*, подтверждается свидетельствами распространённого процесса палатализации смычных перед гласными высокого подъёма, или, как его именует Л. Хайман, «фрикации», вероятно, через стадию придыхательности [Human 2003: 53]. Многочисленные лексические примеры такого развития приводятся в работе [Guthrie 1967–1971], например [Ibid., I: 29–30], а также [Ibid., III: 74 ff.]. В качестве независимых местоимений М. Гасри реконструирует **cúé* [Ibid: 116] и **yícu*. По всей вероятности, форма **ce* является результатом редукции более сложного **cue* или, скорее, **c^we* (в ряде языков сохранившегося в виде *s^we, h^we* с начальными лабиализованными согласными) – с нашей точки зрения, это наиболее естественное предположение.

Рефлексы праязыкового **c^we* редко фигурируют в субъектной и объектной серии, однако обычны для независимых и притяжательных местоимений. Первые из них чаще всего имеют вид (*i*)*se, (i)swe, (i)swɛ*, в ряде языков *bese*; в последней форме присутствует показатель класса лиц множественного числа (2 класса) **ba-*: передвижение его гласной вперёд должно объясняться как слияние **ba-* с вокалическим префиксом независимой серии **i-*, т. е. **ba-i-se > *bese*; в некоторых языках сохраняется дифтонгическое сочетание, например курия (E43) *baito* ‘мы’ (независ.) при *-ito* ‘наш’ [Аксёнова, Топорова 1994: 111, 113]. Возможно, форма с плюральным показателем была в употреблении уже в праязыке: среди современных языков банту она распространена довольно широко (зоны А, С, D, F, H). Ниже мы увидим, что добавление плюрального классного маркера к независимым местоимениям множественного числа – распространённое явление и в других восточных БК языках.

Наиболее распространёнными формами притяжательных показателей являются *-as, ase, asu, aso*. Подобно другим формам притяжательных маркеров, о которых уже говорилось выше, в составе этой формы присутствует ассоциативный показатель **-a-*. Для праязыка, таким образом, мы можем реконструировать **àc^we*, исходя из соображений, уже изложенных выше.

Можно сделать ряд замечаний о праязыковом распределении показателей **ɪw* и **c^we*. Это распределение совпадает с тем, что мы наблюдали выше на примере

форм 1 л. ед. ч. В большинстве языков, где используются рефлексы обеих праформ, рефлексы **tɔ* выражают значения субъекта и, реже, объекта глагола, в то время как **c^we* – преимущественно значения фокализованного субъекта, подлежащего неглагольного предложения, именной посессивности. Бывает и так, что все четыре серии используют одну из двух форм. Однако в случае, если субъектный префикс образован от **c^we*, рефлекс **tɔ* в системе личных показателей вовсе отсутствует. Логичное предположение, которое мы можем сделать, – признать, что **tɔ*- являлся исходным субъектным показателем, а **c^we* – несубъектным; оба они могли быть позже распространены на другие серии при унификации парадигмы.

Для праязыка можно, таким образом, восстановить следующие варианты личных показателей:

- *tɔ*- показатель субъектной серии;
- *i^{c^w}*e местоимение независимой серии;
- *a^{c^w}*e местоимение притяжательной серии.

Вопрос о едином происхождении обеих лексических основ является вполне закономерным, особенно с учётом того, что **t*- проявляется перед заднерядной, а **c^w*- – перед переднерядной гласной фонемой. Можно сделать предположение, что аффриката стала результатом палатализации исходной **t*- или **t^w*-. Если это так, то процесс этот должен был произойти ещё до распада праязыка банту, следовательно, его истоки и подтверждения данной гипотезе следует искать в других бантоидных и БК языках.

2 лицо множественного числа

Среди личных показателей 2 л. мн. ч. наиболее распространены морфемы, представляющие собой сочетание губного или зубного сонанта или смычного с гласной заднего ряда. В частности, довольно частотными для субъектной и объектной серий являются аффиксы *bu-/bo-* (зоны В–D, R), *bi-* (зона А), *tu-/to-* (зоны D–K, M–S). Последний, таким образом, наиболее распространён по различным районам бантуязычного ареала.

Интерпретировать формы на *b-* можно, приняв во внимание влияние плюрального классного префикса *ba-*, о котором говорилось выше. Система классного согласования в языках банту распространяется на все полнозначные слова, и именно такими воспринимаются носителем автономные личные местоимения. Таким образом, оформление местоимения классным префиксом кажется вполне логичным. Именно он мог стать причиной возникновения форм модели BV, особенно если мы примем во внимание, что в этом случае создавалась понятная носителю языка новая оппозиция сингулярного **ɔ* и плюрального **b-ɔ*.

Можно предположить, вслед за предыдущими исследователями, что праязыковой показатель субъекта имел вид **mɔ*-. В ряде языков местоимение независимой серии строится на основе прибавления к **mɔ* суффикса *-e* (формы типа *mwe*).

Модель NV присутствует во всех сериях: к ней можно отнести такие показатели, как *no*, *lu*, *lo*, *ni*, *ne*, возможно, *du* и другие. Наиболее частотным из них

является *ni*. Эта форма встречается и с типовыми аффиксальными расширениями: для серии независимых местоимений это формы типа *inu(e)*, а также, с добавлением плюрального классного префикса, *bènu(e)*. В притяжательной серии наиболее распространена форма *anu(e)*. Здесь уместно, следовательно, реконструировать форму автономного местоимения **nie* с соответствующими вокалическими префиксами для различных серий.

Распределение реконструируемых основ по синтаксическим сериям в целом совпадает с тем, что обрисовано нами для других лично-числовых значений. Если рефлекс **mɔ* наиболее частотны в субъектной серии, то производные от **ni* более распространены в трёх т. н. несубъектных сериях. В результате становится возможным предположение следующего набора праязыковых личных показателей для значения 2 л. мн. ч.:

- *mɔ*- показатель субъектной серии;
- *inie* местоимение независимой серии;
- *ànie* местоимение притяжательной серии.

Мы рассмотрели по очереди все четыре лично-числовых значения показателей лица в языках банту. Суммируя вышесказанное, можно отметить ряд парадигматических особенностей, которые, проявляясь в разной степени в современных языках, вполне могут быть реконструированы для праязыкового состояния.

Прежде всего, есть основания предполагать, что, хотя все четыре серии личных показателей присутствовали уже в праязыке банту, они в большинстве случаев (а именно для всех значений, кроме 2 л. ед. ч.), базировались на противопоставлении двух исходных лексем. Первая из них имела изначальное значение глагольного субъекта, вторая – несубъектное значение. В праязыке банту уже проводилось формальное различие трёх несубъектных серий: формы местоимения независимой серии с префиксом **i-*, местоимения притяжательной серии с префиксом **à-* и в чистом виде – аффикса объектной серии. Исходной являлась именно последняя.

Противопоставление субъектной и несубъектной серий проникает в ряде языков и в показатели 3 л., то есть в систему новообразованных личных показателей, являющихся по происхождению классными маркерами, служа дополнителем подтверждением существования этой оппозиции на глубинном уровне системы. Так, в ороко (A11) показателем 3 л. ед. ч. субъекта является *à-*, объекта – *mò-*, последний и является нормальным показателем именного класса [Friesen 2002: 10]. Схожая оппозиция существует и во многих языках банту зоны саванн.

С точки зрения синтаксических ролей личных показателей у нас нет оснований предполагать праязыковое состояние, отличное от грамматического строя большинства современных языков банту. Для праязыка надёжно реконструируется синтетический строй (ср., например, [Nurse 2007]), в рамках которого можно говорить о связанном характере субъектных и объектных показателей в составе глагольной словоформы. Что касается независимых местоимений, то они уже в праязыке имели вид автономных единиц и могли формировать предложение. На основании

того, что притяжательные местоимения оформляются ассоциативными частицами, как и независимые, можно предположить, что и они в праязыке имели автономный статус, хотя в некоторых современных языках семьи значение посессивности уже выражается аффиксально. А раз они образованы прибавлением префиксов к объектным формам, следует заключить, что и объектный маркер был автономным от глагола. Таким образом, для раннего праязыка банту (а возможно, для состояния, ему предшествовавшего) следует предполагать противопоставление связанного субъектного показателя и автономного местоимения объекта, то есть состояние, которое можно сравнить с современным русским языком, где субъект глагола выражается флексией, но его объект – всегда независимое местоимение.

Этот вывод подкрепляется и некоторыми другими соображениями относительно реконструкции серии прямого объекта. Вообще, маркирование прямого объекта отдельной серией показателей – явление, присущее меньшинству языков банту. Значительно чаще прямой объект выражен показателем, идентичным субъектному или же независимому местоимению. Эти данные наводят на мысль, что инфиксальный показатель объекта – явление в языках банту сравнительно недавнее и для заполнения его «ячейки» в синтетической глагольной словоформе разными языками были использованы либо субъектный префикс, либо объектное местоимение.

Сравнительно поздним можно считать и образование аффикса прямого объекта 2 л. ед. ч. **-kw-*. Это, бесспорно, единственный показатель, который столь чётко ограничивается единственной серией и практически не проник в другие. Он не находит соответствия вне группы банту – ни в других бантоидных, ни, по всей видимости, вообще в НК языках (см. также обсуждение этой формы ниже в Главе 3). Фонологическое объяснение его происхождения заключается в том, что для языка нехарактерны объектные маркеры вида V, что сделало невозможным использование показателя субъекта **ò-* в инфиксальной объектной позиции. Тем более маловероятным стало бы употребление в этой позиции независимого объектного местоимения **ue*, которое мы склонны постулировать для раннего прабанту. Этот фактор вызвал необходимость в формировании инновации структуры CV. Период образования нового аффикса прямого объекта можно отнести к той стадии языка, когда объект глагола стал выражаться инфиксом.

На основании проведённого анализа, реконструированная система личных показателей в праязыке банту выглядит следующим образом (Табл. 2.6).

Таблица 2.6

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>*n(i)-</i>	<i>*me</i>	<i>*àme</i>	<i>*ime</i>
2 л. ед. ч.	<i>*ò-</i>	<i>*-kw-</i>	<i>*àue</i>	<i>*iue</i>
1 л. мн. ч.	<i>*iò-</i>	<i>*e^we</i>	<i>*àc^we</i>	<i>*ic^we</i>
2 л. мн. ч.	<i>*mò-</i>	<i>*nie</i>	<i>*ànie</i>	<i>*inie</i>

Попробуем ещё раз кратко суммировать выводы, сделанные в данном параграфе.

Для праязыка банту надёжно восстанавливаются четыре синтаксических серии показателей лица, однако для всех значений, кроме 2 л. ед. ч., они возводятся к двум лексическим основам: субъектной, выраженной в праязыке связанным префиксом глагола, и несубъектной, выраженной автономным местоимением. Последнее послужило в праязыке источником для образования притяжательных и независимых местоимений с помощью вокалических префиксов **á-* и **i-* соответственно. Независимые местоимения также могли использовать суффикс **-n(V)*, праязыковое происхождение которого подтверждается данными внешнего сравнения.

В ряде диалектов праязыка банту (предка южных и восточных зон) объект глагола стал маркироваться инфиксом, при образовании которого могла использоваться как субъектная, так и несубъектная основы. Во 2 л. ед. ч. в этих диалектах появляется объектный инфикс **-ku-*, происхождение которого остаётся неясным.

Вероятная генетическая связь между субъектным показателем 1 л. ед. ч. **n(i)-* и несубъектным местоимением **me* допустима только в том случае, если принять гипотезу, согласно которой субъектный показатель сперва редуцировался **me- > *m- > *ŋ-*, затем контаминировался с глагольным видовременным маркером **-i-*, а затем палатализовался до **n-i-*. Однако подтверждений протекания всех этих процессов в праязыке группы мы не видим, поэтому обсуждение вопроса следует продолжить на более высоком таксономическом уровне.

Независимые местоимения множественного числа могли также получать усиленный плюралный префикс **bà-*, что приводило к образованию форм **bec^we* ‘мы’, **benue* ‘вы’. Вполне вероятно, что это факультативно происходило уже в праязыке.

Выравнивание старых и появление новых оппозиций внутри парадигмы личных показателей привели к значительным изменениям в языках банту. Так, в некоторых из них все четыре серии каждого значения фонетически унифицированы (например, пове (B34) *tò-* (субъект), *-tó-* (объект), *-àtó* (притяжат.), *ìtó* (независ.)). В некоторых языках северо-западных зон (прежде всего зоны А) с аналитическим строем грамматики связанные префиксы в глагольном предложении постепенно стали дублироваться независимыми местоимениями и впоследствии могли отпасть, тем самым сократилось само количество серий (ср. басаа (A43) *me* ‘я, меня, мне’). Происходит выравнивание и «по вертикали» – так, в языке умбунду (R11) инфикс *-ku-* стал показателем объекта 2 л. обоих чисел.

Предложенная нами реконструкция, базирующаяся на праязыковом противопоставлении двух серий – субъектной и несубъектной, не является чем-либо революционным в бантуистике. Ещё Меюссен [Meeussen 1967] предполагал наличие некоторой бинарной оппозиции личных показателей для плюралных значений лица, а также трёх показателей во 2 л. ед. ч., хотя и не акцентировал внимания на значении этой оппозиции. К сожалению, на местоимения в банту обычно смотрели как на набор отдельных лексем, а не как на целостную парадигму. Такой взгляд

на личные показатели как на лексические единицы, когда реконструкция фонетического облика кажется исследователю достаточным результатом анализа, приводил к тому, что создавалась хаотичная картина; а ведь местоименная парадигма в любом языке – и праязык не исключение – это прежде всего логичная система взаимодействующих компонентов, действующая и меняющаяся по своим внутренним законам. Взглянем на местоименную систему языка баболе (С20), которая в целом сохранила близость к прабантускому языковому состоянию (Табл. 2.7) [Leitch 2003: 404].

Таблица 2.7

лицо / число	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>nì-</i>	<i>àmé</i>	<i>àmé</i>	<i>àmé</i>
2 л. ед. ч.	<i>ò-</i>	<i>àwé</i>	<i>àwé</i>	<i>àwé</i>
1 л. мн. ч.	<i>tò-</i>	<i>bísé</i>	<i>bísé</i>	<i>bísé</i>
2 л. мн. ч.	<i>bò-</i>	<i>bíné</i>	<i>bíné</i>	<i>bíné</i>

Из таблицы видно, что формы всех четырёх синтаксических серий (на самом деле в баболе их всего две, но в целях наглядности мы привели парадигму в традиционном виде) сформированы единообразно, согласно общему механизму. Для каждого значения используются две лексических основы – одна эксклюзивно для субъектных показателей, другая для остальных серий, выражающих несубъектные значения – все они фонетически совпали. В несубъектных сериях заметны системные различия между сингулярными и плюральными формами местоимений: префикс *à-* для форм единственного числа и префикс *bí-* для форм множественного числа. Унифицированы и тональные рисунки – для субъектной серии, для несубъектных сингулярных и плюральных местоимений. Таким образом, структура демонстрирует целый ряд системных закономерностей, во многом возникших в результате аналогических и других процессов, речь о которых шла в Главе 1. Даже если бы в нашем распоряжении не было одного-двух из имеющихся местоимений баболе, их с большой вероятностью можно было бы вполне успешно воссоздать с помощью внутренней реконструкции.

Конечно, не в каждом языке система выглядит столь стройно, как в приведённом примере. Однако парадигматическими свойствами система личных показателей обладает в каждом языке – уместно реконструировать их и для праязыков.

§ 3. Бантоидные языки

Число языков, относимых сегодня к бантоидной ветви БК семьи, достигает 691. Эта цифра включает и языки банту, составляющие около трёх четвертей всего состава группы. Так как последние были подробно рассмотрены в предыдущем параграфе, в дальнейшем для удобства изложения мы будем придерживаться

термина «бантоидные языки» только в приложении к языкам, не относящимся к банту (что исторически и является его первоначальным значением), если иное не обозначено эксплицитно.

На бантоидных языках говорят народы восточной Нигерии и большей части Камеруна. Их ближайшими соседями являются: на западе и севере – родственные БК языки групп идомоидной, джукуноидной и кроссривер, на северо-востоке – языки семьи адамауа, на востоке и юге – языки банту.

Изучение бантоидных языков имеет значительно более короткую лингвистическую традицию, чем изучение их сородичей языков банту. Хотя целый ряд их был впервые изучен и записан ещё в начале XIX в., прошло немало времени – не менее полутора столетий, прежде чем учёные получили достаточно материала для того, чтобы приступить к классификации, сравнительному анализу и определению места, занимаемого языками этого региона в генеалогии языков Африки. Объясняется это прежде всего труднодоступностью материала: ареалы большинства языков группы удалены от побережья и надёжные данные о них стали появляться лишь в течение нескольких последних десятилетий, а некоторые языки до сих пор известны лишь по коротким словникам и невнятным заметкам миссионеров. Кроме того, в отличие от в целом однородного языкового массива языков банту, весьма схожих между собой как по структуре, так и по лексическому составу, бантоидные языки представляют собой удивительное многообразие на сравнительно небольшом географическом пространстве. В некоторых регионах Камеруна каждая деревня обладает собственным языком, многие из которых не являются взаимопонимаемыми.

По сей день существует лишь очень незначительный объём работ в области сравнительного анализа бантоидных языков, в том числе сравнительной морфологии.

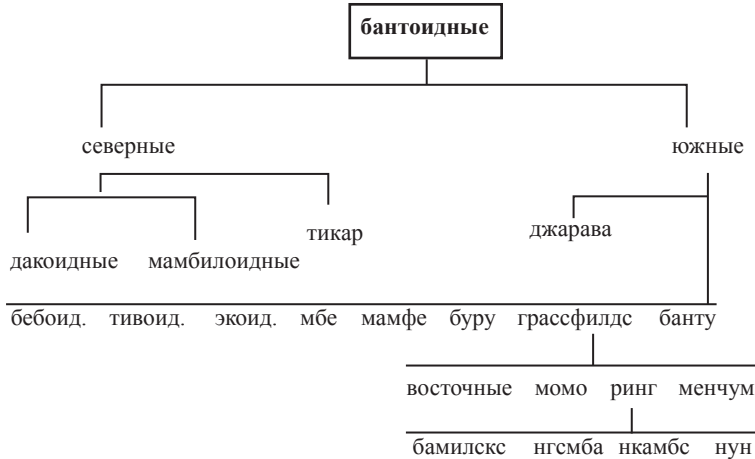
Термин «бантоидные языки» был предложен Готлибом-Адольфом Краузе [Krause 1895] для обозначения всего массива наречий Центральной и Западной Африки, обладавших чертами, сближающими их с языками банту. Многие из этих языков не относились к бантоидным в современном понимании этого термина. Впоследствии термин был подзабыт учёными, однако в новом качестве возродился под пером Дж. Гринберга, который употреблял его уже в нынешнем значении.

Шесть ветвей, на которые делил бантоидные языки Гринберг, были подвергнуты обстоятельной критике Дж. Воттерсом [Watters 1989: 404–413]. В работе [Williamson, Blench 2000] приведена обновлённая классификация группы, однако и она является предметом активных дискуссий (Диаграмма 2.2).

Однако критика данной схемы носит лишь характер уточнения дистанции между отдельными подгруппами или хронологии их выделения из праязыка. Общий состав подгрупп в целом остаётся неизменным. Это объясняется тем, что подгруппы состоят из близкородственных языков, хронологическая глубина их расхождения очень невелика, и нередко их носители хорошо осознают родство своего языка с другими языками подгруппы. В частности, довольно надёжно

выделяются подгруппы мамбилоидных, бебоидных, экойдных языков, подгруппа языков грассфилдс, языки джарава. При этом большинство исследователей осознаёт условность разделения бантоидных языков на северные и южные – это разделение так до сих пор и не было подробно обосновано.

Диаграмма 2.2

Граница между бантоидными языками и банту тоже остаётся размытой. Так, принадлежность языка тикар к банту предложена Т. Гюльдеманом [Güldemann 2003: 184–186]; Р. Бленч предполагал, что к банту должны быть причислены языки подгруппы джарава [Blench 2006k]; ещё в 1970-е годы высказывались мнения, что языки грассфилдс и экойдные лучше выглядят в составе группы банту, чем вне её [Williamson 1971: 265]. В то же время из состава сегодняшних банту выделяют некоторые языки, относя их к бантоидным: речь идёт о языках мбам (группы A40 и A60) [Dieu, Renaud 1983; Segerer 2008], о кластере диалектов маненгуба (A15) [Hedinger 1987], а иногда и обо всех языках зоны А.

Все эти гипотезы базируются на довольно поверхностной лексикостатистике или выделении горсти лексических инноваций, что чревато неточностями и опасностью неучёта заимствований. Необходим, безусловно, более глубокий анализ для определения внутренней классификации бантоидной группы языков, включая и языки банту. Последний по времени и весьма глубокий лексикостатистический анализ классификации бантоидных языков принадлежит работе [Grollemund, Hombert 2012].

Несмотря на проблемы генеалогической классификации, бантоидные языки представляют собой прекрасный и вполне надёжный инструмент внешнего сравнения для компаративиста, работающего над реконструкцией праязыка банту. До недавнего времени это их достоинство было недооценено лингвистами. На сегодняшний день сравнительной грамматики бантоидных языков не опубликовано; отдельные обзорные статьи публиковались в сборниках [Williamson 1971; Watters 1989; Hedinger 1989; Watters, Leroy 1989]. Реконструкция фонетиче-

ской системы и лексического инвентаря подгруппы вост. грассфилдс проведены в работе [Elias et al. 1984], менее детальное сопоставительное описание языков подгруппы грассфилдс дано в [Watters 2003]. Хороший, но не подробный обзор грамматических систем бебоидных языков опубликован недавно в [Good et al. 2011]. Эти и некоторые другие работы преимущественно посвящены вопросам внутренней классификации языков группы, лексическим соответствиям, но также кратко касаются вопросов сравнения грамматического материала. Большая же часть работ, посвящённых отдельным языкам бантоидной группы, представляют собой словари и лексические списки и лишь изредка подробно рассматривают системы грамматических категорий, а в числе их – системы личного маркирования.

Материал о функционировании систем личного маркирования в бантоидных языках можно найти преимущественно в синхронных описаниях отдельных идиомов, а также в словарях. Большую помощь при сборе материала оказывают «Сводные данные о западноафриканских языках» М.-Э. Кропп-Дакубу [Kropp Dakubu 1976–1980]. И тем не менее языков группы, сведения о местоименных системах которых удаётся обнаружить в литературе, мы насчитали не более пятидесяти (из 150 ныне известных). Хотя они и представляют собой хорошую выборку, сбалансированную по различным подгруппам, введение в оборот новых грамматических описаний может привести к заметным сдвигам в предложенной нами в настоящей работе реконструкции.

В отличие от языков банту, личные показатели в бантоидных языках в основном являются синтаксически автономными. Лишь в некоторых языках показатели глагольного субъекта и (ещё реже) прямого объекта можно назвать аффиксальными по их синтаксическим свойствам, прежде всего неотделимости. В языках джарава существует две серии аффиксальных показателей объекта: одна из них непосредственно следует за субъектным маркером, вторая – за показателем видовременного значения глагола. Значения притяжательности и непрямого объекта, как правило, выражаются идентичными показателями. В целом же в бантоидных языках количество синтаксических серий личных показателей редуцировано по сравнению с банту: так, субъект и прямой объект часто выражаются одной и той же формой, не выделяется специального ряда независимых местоимений, они во многих языках совпадают с субъектными. Не являются редкостью языки, в которых – что для банту крайне нехарактерно – все четыре традиционных синтаксических значения выражаются одной формой.

Притяжательные местоимения обычно формируются с помощью добавления классного префикса, которым оформляются все члены именной группы, включая и маркер определённости, ср. в бафут:

- (5) *fī-ŋkōbī* *f-ā* *f-yā*
 CL19-статуя CL19-мой CL19-DEF
 ‘моя статуя’ [Tamanji 2006].

В подобной конструкции собственно притяжательные показатели нередко непросто выделить: так, в эсимби притяжательные местоимения 2 л. ед. ч. для различных классов вершинного имени существительного могут выглядеть как *esi*, *ɔbɔ*, *ɔvi*, где финальная гласная и есть показатель лица, ассимилирующийся под влиянием предыдущей согласной, представляющей собой классный префикс [Coleman, manuscript]. Притяжательные местоимения в эсимби образованы слиянием трёх морфем:

1) гласный аффикс вида V (в литературе обычно называется ассоциативным маркером);

2) префикс именного класса вида C или CV;

3) личный притяжательный показатель вида V или CV.

Составные посессивные местоимения такого рода существуют во многих бантоидных языках, и их праязыковое происхождение вполне вероятно, ср. такие соответствия, как эсимби *ɛ-z-i* ‘твой’ (класс 9) и йемба *éé-j-u* тж.; эсимби *ɔ-bhɔ-mɔ* ‘мой’ (класс 2) и йемба *éé-p-á* тж. Однако можно показать, что в праязыке ассоциативный маркер был не аффиксом, а автономным грамматическим показателем, т. к. именно таковым он и остаётся в ряде бантоидных языков, ср. в кеньянг, где префиксальный маркер класса оформляет притяжательное местоимение, но ассоциативный маркер остаётся вне пределов этой конструкции:

(5a) *ba-ŋwa á b-a*
 CL2-кот AM CL2-мой
 ‘мои коты’ [Ramirez 1998: 5].

Автономность ассоциативного маркера от местоимения заметна и в конструкциях именной посессивности, ср. в оку:

(5b) *jém ə w-an*
 сон AM CL-ребёнок
 ‘сон ребёнка’ [Blood 1999: 6].

Здесь ассоциативный маркер и зависимое существительное также разделяет классный префикс.

Другой особенностью местоименных систем бантоидных языков является широкое использование форм с расширенными лично-числовыми значениями. По своей структуре такие местоимения являются композитными и образуются соположением двух местоимений. Составные местоимения в бантоидных языках подробно описаны М. Сисоу [Cysouw 2003: 166–184]. Они представляют собой сложение двух конъюнктов сочинительной связи – субъектной или объектной. Получившиеся формы имеют значения двойственного и множественного числа инклюзива и эксклюзива и пр.

В ряде языков (таких как агем, группа грассфилдс) видна только начальная фаза этого процесса, т. к. между двумя компонентами ставится сочинительная морфема *à* и контаминации между ними не происходит, ср. агем: *wò* ‘ты’, *ghàʔ* ‘мы (экскл.)’, *ghàʔàwò* ‘мы и ты’ [Human 1979: 47–49]. Более сложная модель зафиксирована в языке мундабли (бебоидная группа), где составные местоимения строятся путём редупликации первого компонента с добавлением союза *ā* ‘и, с’ и второго местоименного компонента: *bī* ‘мы’, *wà* ‘ты’, *bī-byā-wà* ‘мы и ты’, букв. ‘мы: мы и ты’ [Good et al. 2011].

В близкородственных языках бамбили и нгьембон уже заметны процессы контаминации, вокалической ассимиляции и редукции составных форм местоимений: бамбили *bεε* ‘мы’, *gu* ‘ты’, *bεεgu* ‘мы и ты’; нгьембон *pég* ‘мы (э.)’, *ò* ‘ты’, *pógò* ‘мы (и.)’ [Cysouw 2003: 173–174]. Наконец, полная морфологизация составных местоимений заметна в нони (бебоидная подгруппа), где приходится говорить уже об оформленном неразложимыми формами противопоставлении инклюзива и эксклюзива: *bese* ‘мы (э.)’, *ben* ‘вы’ (притяжат. *-ne*), *beene* < **be-se-ne* ‘мы (и.)’ [Lux 2003; Cysouw 2003: 177].

Показанная здесь цепочка грамматикализации, весьма возможно, является источником образования местоимений со значениями дуалиса и клюзивности также в других группах БК языков, в т. ч. в некоторых языках кроссривер (см. ниже). Однако именно в бантоидных языках это явление получило максимальный размах: так, по некоторым подсчётам, в языке гомала (подгруппа грассфилдс) используется восемнадцать форм лично-числовых значений местоимений [Wiesemann 1986: viii].

При этом мы придерживаемся того мнения, что составные местоимения являются ареальным явлением и не отражают праязыкового состояния. Их недавнее происхождение легко доказуемо и на тех примерах, которые были приведены выше, и на примерах других языков, ср. в йемба:

pèk ‘мы’ + *ò* ‘ты’ > *pòkó* ‘мы двое’,
pèk + *pε* ‘вы’ > *mpè* ‘мы с вами’ [Нагто, Haynes 1991: 18–19].

В целом же, суммируя этот краткий обзор, можно констатировать, что разброс значений, синтаксических качеств и характерных особенностей систем личных показателей в бантоидных языках значительно шире, чем в языках банту. Это объясняется в том числе и большей хронологической глубиной бантоидной группы.

В нижеследующих таблицах приведены личные показатели бантоидных языков с распределением по четырём традиционным синтаксическим сериям. Названия подгрупп даны в скобках после наименований языков, в т. ч. следующими аббревиатурами:

- Д дакоидные;
- М мамбилоидные;
- Т тивоидные;
- Б бебоидные;

Э экойдные;
Г грассфилдс;
Дж джарава.

Выборка языков составлена таким образом, чтобы включить как все основные подгруппы обоих гипотетических ветвей – южной и северной, так и постулируемые диалектные объединения более нижнего уровня (напр., для подгруппы грассфилдс), а также языки-изоляты в составе бантоидной группы. Источники данных указаны в сносках к Табл. 2.8.

1 лицо единственного числа

Таблица 2.8

	субъект	объект	притяжат.	независ.
самба-дака (Д) ¹³	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>mèè</i>	<i>nòk</i>
донг (Д) ¹⁴				<i>bɔŋ</i>
гаа (Д) ¹⁵	<i>m̄</i>		<i>-mēē-</i>	
мамбила (М) ¹⁶	<i>mè, m̄i</i>	<i>me</i>	<i>mo</i>	<i>me</i>
вуте (М) ¹⁷	<i>m̄i</i>	<i>m̄i</i>	<i>moò</i>	<i>m̄i</i>
мбонгно (М) ¹⁸	<i>m̄é</i>			
ндунда (М)	<i>m̄é</i>			
низаа (М)	<i>m̄i</i>			
тикар ¹⁹	<i>m̄ɔ</i>	<i>m̄ó, m̄un</i>	<i>yé̃/yè̃m/bém</i>	<i>m̄ɔ</i>
тив (Т) ²⁰	<i>m̄i, m̄, m̄é</i>	<i>-m̄-, m̄ó</i>	<i>-am, -ágh, -áv</i>	<i>m̄ó</i>
месака (Т) ²¹	<i>m-</i>	<i>m̄i</i>		<i>m̄i</i>
эсимби (Т?)	<i>me-, má-</i> (прош.)	<i>imi</i>	<i>-m̄i, -m̄ə, -mu</i>	<i>imi</i>
наки (Б) ²²	<i>m̄i, m-</i>	<i>m̄i(i)</i>		
нони (Б) ²³	<i>N-</i>		<i>-em</i>	<i>me</i>

¹³ [Boyd 1994; 1999].

¹⁴ [Blench 2006a].

¹⁵ [Boyd 1999].

¹⁶ [Perrin 1980 (1973); Connell 2012].

¹⁷ [Thwing 1987].

¹⁸ Данные по языкам мбонгно, ндунда и низаа представлены по материалам презентации [Connell 2012].

¹⁹ [Westermann, Bryan 1952: 120; Hagege 1969; Stanley 1991].

²⁰ [Arnott 1980 (1968)].

²¹ [Cassetta, Cassetta 1994].

²² [Good 2005: 8–10].

²³ [Lux 2003].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
абар (Б) ²⁴	<i>mā, N̄</i>			<i>mà</i>
мундабли (Б)	<i>N̄</i>	<i>mī</i>		<i>mī</i>
мбу (Б)	<i>m̄</i>	<i>mā</i>	<i>-əŋ</i>	<i>mā</i>
кошин (Б)		<i>mā</i>		<i>mā</i>
эджагам (Э) ²⁵	<i>N̄-/N̄-</i>	<i>âm</i>	<i>-V̄m̄é</i>	<i>m̄m̄è</i>
нкем (Э) ²⁶	<i>N̄-</i>	<i>mè</i>	<i>-m̄á</i>	<i>mè</i>
мбе ²⁷	<i>n̄-</i>	<i>-â, -m̄í/-m̄í</i>	<i>-m̄í</i>	
кеньянг (мамфе) ²⁸	<i>mε, n-/ŋ-</i>	<i>mε</i>	<i>-a</i>	<i>m̄m̄è</i>
денья (мамфе) ²⁹	<i>mε</i>	<i>mε</i>		
лимбум (Г) ³⁰	<i>mè</i>	<i>mè</i>	<i>-á-</i>	<i>mè</i>
бамум (Г) ³¹	<i>mə</i>	<i>mə, -a</i>	<i>-a</i>	
бафут (Г) ³²	<i>mə</i>	<i>mə, (y)à</i>	<i>-(y)a</i>	
йемба (Г) ³³	<i>N</i>	<i>m̄èŋ, -a</i>	<i>-a</i>	<i>m̄èŋ</i>
бамилеке (Г) ³⁴	<i>m̄é</i>	<i>-am, m̄è</i>	<i>-àm, -a</i>	<i>m̄è</i>
бафанджи (Г) ³⁵	<i>N̄, m̄àǎ</i> (прош.)		<i>wə</i>	
мундани (Г) ³⁶	<i>ma, m̄á, n-, n̄-</i>	<i>-(a)m</i>	<i>-(a)m, -á</i>	<i>m̄m̄ô</i>
мета (Г) ³⁷	<i>mə</i>	<i>émó</i>		
агем (Г) ³⁸	<i>N̄, m̄à</i> (сосл.), <i>m̄è</i> (перф.)	<i>m̄ùó</i>	<i>-aŋa</i>	<i>m̄ùó</i>
ламсок (Г) ³⁹	<i>m̄</i>	<i>m̄ō</i>	<i>-m</i>	<i>m̄óó</i>

²⁴ Формы языков абар, мундабли, мбу и кошин здесь и далее приводятся по материалам работы [Good et al. 2011].

²⁵ [Watters 1981].

²⁶ [Sibomana 1986].

²⁷ [Pohlig 1981].

²⁸ [Mbuagbaw 1998; Ramirez 1998].

²⁹ [Beyer, manuscript].

³⁰ [Fiore, Peck 1980 (1973)].

³¹ [Ward 1938; Hombert 1980].

³² [Tamanji 2010].

³³ [Harro, Haynes 1991].

³⁴ [Voorhoeve 1980 (1972); Toukam 2008].

³⁵ [Koopman, Kural 1994].

³⁶ [Parker, Durrant 1990; Parker 1991].

³⁷ [Westermann, Bryan 1952: 127; Spreda 1995].

³⁸ [Hyman 1979; Butler 2008].

³⁹ [Grebe, Grebe 1980 (1973)].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бамбили (Г) ⁴⁰	<i>mí</i>			<i>mə</i>
венго (Г) ⁴¹	<i>mə</i>	<i>mə</i>	<i>-áa, -āa, -āŋ</i>	<i>mə</i>
ком (Г) ⁴²	<i>mà, mí</i>	<i>mà</i>	<i>-m, ma</i>	
джарава (Дж) ⁴³	<i>mì, mí</i> (прош.)	<i>tí, ní</i>	<i>-mí, -i</i> (после носовых, <i>b, k, s</i>), <i>ànáàn/ínáàn</i> (устар.)	<i>mì</i>
бвазза (Дж) ⁴⁴	<i>mí</i>			<i>mí</i>
мбула (Дж)				<i>míim</i>
кулунг (Дж)	<i>minám</i>			<i>mminám</i>
дугури (Дж)	<i>mí</i>			<i>mí</i>

Автономные местоимения в большинстве языков базируются на модели *mV*. Вокализм *a*, появляющийся в целом ряде языков, вторичен – он маркирует значения прошедшего времени или сослагательного наклонения и отражает праязыковую глагольную морфему **a* с одним из этих значений, слившуюся с личным показателем. Эта морфема реконструируется и для праязыка банту, и иногда возводится даже на НК праязыковой уровень [Nurse 2007: 171]. Следуя в структуре глагольной словоформы непосредственно за личным маркером, она сливалась с ним, образуя новую морфологическую серию показателей. Немаркированным вокализмом можно считать варианты огласовки *i* и *e*, которые распределены по подгруппам: например, в джарава видим *-i-*, в грассфилдс скорее *-e/-ə-*. К сожалению, у нас нет оснований для более точной реконструкции, нежели **mI* с некоторой переднерядной гласной.

Огласовка данного местоимения может варьировать по различным синтаксическим сериям, однако закономерности, позволившей бы возводить такое варьирование на праязыковой уровень, не наблюдается. Субъектная и объектная серия объединены в целом ряде подгрупп языков: мамбилоидных, мамфе, грассфилдс.

Вероятно, ослабление исходной гласной до «шва» является фазой пути к редукции гласного и появлению гоморганного носового показателя субъекта *N*, который распространён в тивоидных, бебоидных, экойдных языках и языках грассфилдс.

⁴⁰ [Ayuninjam 1994].

⁴¹ [Schaub 1985].

⁴² [Schulz 1997; Jones 2001].

⁴³ [Lukas, Willms 1961].

⁴⁴ Формы языков бвазза, мбула, кулунг и дугури здесь и далее приводятся по материалам работы [Blench 2006k].

Здесь мы имеем дело с процессом очень древнего происхождения, который, однако, продолжает иметь место в современных языках. Судя по имеющимся рефлексам, субъектный показатель $*N=$ должен быть восстановлен для бантоидного праязыка, а вероятнее всего – на что указывают данные внешнего сравнения – существовал ещё на праязыковом уровне до обособления бантоидной группы. В ряде языков, использующих вместо проклитических субъектных показателей автономные местоимения, он не обнаруживается, однако и здесь наблюдается тенденция к редукции местоимения и превращению его в глагольную клитику.

Субъектный показатель неотделим – если не от собственно глагола, то во всяком случае от глагольной группы. В значении фокуса / топики он выступать не может, как не может и формировать высказывания. В целом же положение гоморганного сонантического показателя можно представить следующим образом: если в языке есть префиксальный субъектный маркер 1 л. ед. ч., то им с большей вероятностью будет именно $N=$; если же субъект выражается только автономным местоимением, то этого показателя в языке не будет.

Там, где показатель субъекта аффиксален, он чаще всего употребляется в смычке с автономным личным местоимением *me/mi*: так происходит, в частности, в мундани [Parker 1991] и кеньянг [Ramirez 1998], а факультативно – во многих языках грассфилдс. Это, по всей вероятности, позднее явление, возникшее с целью усилительного дублирования маркера субъекта.

Можно предположить, что гоморганный субъектный показатель $*N=$ и местоимение, производное от праформы $*mI$, имеют единое происхождение – такие гипотезы высказывались уже на материале языков банту, см. выше в § 2. Но и здесь, как и в предыдущем параграфе, мы должны признать, что гипотетическая редукция местоимения $*mI$ и появление $*N=$, по всей вероятности, произошли в период существования более раннего праязыка, чем праязык бантоидной группы. Как уже подчёркивалось, за свою историю НК языки должны были пройти не один цикл грамматикализации, и сегодняшние формы субъектных клитик и префиксов вида $*N$ могут быть результатом как древнего состояния, так и вполне недавних процессов. Утрата приглагольного субъектного маркера вела к использованию в его функции независимого местоимения $*mI$, которое в свою очередь редуцировалось и снова превращалось в неавтономную морфему. Этот циклический процесс проходит и в современных языках. Можно найти множество фактов, подтверждающих распространённость перехода $*mI > *m = > N=$ уже в отдельных языках бантоидной группы. Так, в целом ряде из них (дакоидные, месака, мбу) редуцированный показатель не утратил губной артикуляции и произносится как *m*. В языке нгомба субъектный показатель перед зубными согласными реализуется как *n*, перед веллярными или паузой – как *ŋ*, но перед носовыми и губными согласными появляется протетическая гласная, и показатель имеет форму *mɔ*.

Возможно, показатель $*N=$ в бантоидных языках следует связать с показателями типа $N-$, $n-$, $ŋ-$ в языках банту. Логичным является и подтверждение уже высказанной выше гипотезы, что прабантуский показатель субъекта $*ŋ(i)-$ является

инновацией, созданной на этапе после отделения языков банту от прабантоидной общности. Его происхождение может быть связано с добавлением к $*N$ - глагольной морфемы $*-i-$, которая иногда рассматривается в бантуистике как показатель актуальности действия. В рамках парадигмы показателей лица в прабанту, где, как мы установили выше, главной была оппозиция субъектного и несубъектного рядов, это позволило противопоставить субъектный показатель несубъектному местоимению $*me$. Как мы видим, для бантоидного праязыка такая оппозиция могла сформироваться после редукции местоимения в субъектной позиции до $*N=$.

Местоимение $*mI$ является в бантоидных языках также источником притяжательных показателей. Здесь его вокализм нередко отличается от вокализма субъектного местоимения, но по крайней мере в некоторых случаях можно видеть, как на вокализм притяжательного местоимения влияют фонологические правила в рамках именных групп: так, в языке вуте дополнительное удлинение гласной или вокалический слог добавляется к притяжательному показателю как к любому другому зависимому имени в составе посессивной синтагмы [Thwing 1987: 65].

Формы типа $-am$ в качестве притяжательных показателей восходят к сочетанию $*mI$ с ассоциативным вокалическим префиксом, которое мы уже наблюдали в бантуском местоимении $*àm$ (где $-e$ является аффиксом всех автономных местоимений). В ряде языков (кеньянг, лимбум, бамум) конечная $*-m$ притяжательного показателя отпадает, что приводит к появлению $*-a$. Это явление вполне регулярно и подтверждается соответствиям между данными языками, в т. ч. в базисной лексике:

‘животное’: тив $i-nuàm$, бамилеке $nàm$, ламнсок $-jám$, ком $-jám$, но кеньянг $-jà$;

‘живот’: бамилеке $bàm$, ламнсок $-bvám$, но лимбум $-bà$;

‘сердце’: тив $i-šímá$, бамилеке $túm$, ком $i-tém$, но кеньянг $j-tá$;

‘язык’: тив $nəm-bor$, бамилеке $lém$, ламнсок $-lám$, ком $lémí$, но лимбум $lé$, кеньянг $-rá$ и пр. [Williamson, Shimizu 1968; Williamson 1973; Fiore, Peck 1980].

Особой структурой обладают независимые местоимения. Там, где они составляют особую серию, они содержат вокалический, как в банту, или сонантический префикс (эсимби imi , эджагам $imè$) или удлиненную гласную (ламнсок $tóò$). Однако возможности реконструировать особую праформу для независимого местоимения на уровне бантоидного праязыка мы пока не видим.

Местоимения объектной серии чаще всего совпадают с субъектными. Безусловно, большой разброс вариантов вокализации даёт ещё очень много материала для работы, однако, к сожалению, на сегодняшнем уровне исследований в большинстве случаев делать здесь далеко идущие сравнительно-исторические выводы ещё слишком рискованно.

Суммируя изложенное, мы можем предложить следующие показатели 1 л. ед. ч. для прабантоидного состояния:

$*N=$ клитический показатель субъекта;

$*mI$ независимое местоимение;

$*-àm$ притяжательный показатель.

2 лицо единственного числа

Таблица 2.9

	субъект	объект	притяжат.	независ.
самба-дака (Д)	\bar{n}, \bar{a}	$-à$	$wèè$	$w\bar{n}$
донг (Д)				$nəŋ$
гаа (Д)	$à$		$-w\bar{e}\bar{e}-$	$y\bar{u}$
мамбила (М)	$wɔ$	$wɔ$	ci	$wɔ$
вуте (М)	wi	wi	$woò$	wi
мбонгно (М)	$bè$			
ндунда (М)	$bè$			
низаа (М)	$w\bar{u}$			
тикар	$w\bar{u}/\bar{u}$	$w\bar{u}$	$-ù$	$w\bar{u}/\bar{u}$
тив (Т)	$ú$	$ú, wé$	$-ou$	$wé$
месака (Т)	$i-$	$yè$		$yè$
эсимби (Т?)	$wo-$			$(u)vu$
наки (Б)	$wá, wə$	$w\bar{ə}, w\grave{ə}$		
нони (Б)	wo		$wo, -uw$	
абар (Б)	\bar{a}	$bí$		$w\grave{ə}$
мундабли (Б)	\grave{a}	$w\grave{a}$		$w\grave{a}$
мбу (Б)	$w\grave{ə}$	$w\grave{ə}$	$-a$	$w\grave{ə}$
кошин (Б)		$w\bar{ə}$		$w\bar{ə}$
эджагам (Э)	$\grave{ə}-$	$w\acute{a}$	$-á$	$wè$
нкем (Э)	$\grave{u}-$	$w\grave{o}, \grave{a}$		$w\grave{o}$
мбе	$\grave{o}-$	$-w\acute{e}/-w\acute{e}$	$-w\acute{e}$	
кеньянг (мамфе)	$\grave{ɔ}-, \acute{ɔ}-$	$wɔ$	$-ε$	$wɔ$
денья (мамфе)	$w\grave{ə}$	$w\grave{ə}$		$w\grave{ə}$
лимбум (Г)	$wè, \grave{a}$	$wè, \grave{a}$	$-\acute{ɔ}-$	$wè, \grave{a}$
бамум (Г)	o	$-o$	$-u$	
бафут (Г)	\grave{o}	$y\grave{o}$	$(y)\grave{o}$	
йемба (Г)	\grave{o}	$w\bar{u}$	$-u$	$w\bar{u}$
бамилеке (Г)	$\acute{o}-$	$\acute{o}, w\grave{ɪ}$	$-\acute{o}, -\grave{o}$	$w\grave{ɪ}$
бафанджи (Г)	$ɔ, \acute{ɔ}$ (прош.)			
мундани (Г)	\grave{a}	$w\grave{e}$	$-\grave{e}$	$\grave{a}w\grave{ə}$
мета (Г)	\grave{a}	$\acute{e}w\grave{e}$		

	субъект	объект	притяжат.	независ.
агем (Г)	<i>wò</i>	<i>wò</i>	<i>-ìà, -ìghà</i>	<i>wò</i>
ламнсок (Г)	<i>à</i>	<i>wò</i>		<i>wóò</i>
бамбили (Г)	<i>u</i>			<i>gu</i>
венго (Г)	<i>à</i>	<i>ghó</i>	<i>-â</i>	<i>ghó, à</i>
ком (Г)	<i>wà</i>	<i>và</i>	<i>-wà, va</i>	
джарава (Дж)	<i>wán</i>	<i>tá, ká</i>	<i>-wan, -an</i> (после носовых и <i>s</i>), <i>ifóón</i> (устар.)	<i>wán</i>
бвазза (Дж)				<i>wéi</i>
мбула (Дж)				<i>wé</i>
кулунг (Дж)				<i>yóó</i>
дугури (Дж)				<i>wû</i>

Наиболее явно выделяются модели O/A, служащая для маркирования значения субъекта, и WU/WE (*wo/wu/wó/we/wé*), превалирующая в объектной и независимой сериях. Соответствие между двумя указанными моделями можно сопоставить с тем, что мы наблюдали на материале форм 1 л. ед. ч., объясняя его противопоставлением «полного» местоимения и редуцированной субъектной клитики: в таком случае последнюю логично реконструировать как **o=* или **o-*. Редукция проявляется в связанной морфеме: в тех случаях, когда объектный или притяжательный показатель выступает в виде аффикса, он также редуцирован. Но в тех языках, где в этих сериях, согласно доступным нам описаниям, функционируют автономные местоимения, редукции не происходит. Дихотомия подобного рода наблюдается в языках различных подгрупп: самба-дака (дакоидный) *ā/wī*, мбе *ò/-wé*, кеньянг (мамфе) *ɔ/-wɔ*, бамилеке (грассфилдс) *ó/wí*, мундани (грассфилдс) *à/wè*. Эти языки представляют собой вполне репрезентативную выборку для реконструкции. Прибавив сюда языки банту, где также присутствует дихотомия субъектных / несубъектных форм **o-/*we*, получаем возможность вполне надёжно реконструировать эту же оппозицию на праязыковом уровне.

Лексические данные между бантоидными языками (например, по работе [Blench 2004]) дают возможность установить регулярное соответствие субъектных показателей *a/o/ɔ*, а также их всех – с реконструированным бантуским префиксом 2 л. ед. ч. **o-*. Принимая во внимание, что формы на *a*, по всей видимости, являются инновацией (немотивированное фонетическим окружением развитие **a* в **o* выглядело бы менее естественно), также приходим к необходимости реконструкции **o=/*o-*.

Что касается вокализма автономного (несубъектного) местоимения, то мы склонны восстанавливать его в виде **we*, чему соответствует и реконструкция в праязыке банту. Формы с заднерядными гласными вполне могли являться резуль-

татом изменения под влиянием губного глайда. В свою очередь, в ряде мамбилоидных языков губной глайд трансформировался в смычную фонему [Connell 2012], что может указывать, как мы уже предполагали в предыдущем параграфе, что исходной начальной фонемой местоимения на самом деле была гласная **ʊ*, переходившая перед **e* в губной глайд, фрикативную или смычную.

В притяжательной серии суффиксы типа *-u/-uw* имеют общее происхождение с местоимением **we* так же, как в 1 л. ед. ч. суффикс **-am* родственен местоимению **me*. В данном случае, однако, мы не можем реконструировать какой-либо конкретной притяжательной формы на праязыковом уровне: данных либо недостаточно (как в бебодных языках), либо они разноречивы. Так, в дакоидных языках можно предположить скорее форму **-wεε-*.

Таким образом, мы предлагаем реконструкцию двух показателей для прабантоидного языкового состояния:

- **o*/**ʊ*= клитический показатель субъекта;
we* (ʊe*) автономное местоимение.

1 лицо множественного числа

Показатели 1 л. не-единственного числа в бантоидных языках приведены в Табл. 2.10 в несколько усечённом виде. Здесь отсутствуют составные местоимения, о которых подробно говорилось выше при описании базовых характеристик бантоидных систем личного маркирования и которые, строго говоря, также являются членами местоименной парадигмы. Однако, поскольку в большинстве случаев их инновационный характер и происхождение не вызывают сомнений, привлечение их к сравнительному анализу не даёт новых данных, зато сильно загромождает таблицы. Приводятся лишь те формы, где процесс слияния двух местоимений уже привёл к образованию неразложимых форм.

Таблица 2.10

	субъект	объект	притяжат.	независ.
самба-дака (Д)	<i>á</i>	<i>á</i>	<i>wòò</i>	<i>w'óó</i>
донг (Д)				<i>vere</i>
гаа (Д)	<i>wíí</i>		<i>wété</i>	
мамбила (М)	<i>bele</i> (дв.), <i>vu</i> (и.), <i>bel</i> (э.)	<i>bele</i> (дв.), <i>vu</i> (и.), <i>bel</i> (э.)	<i>bele</i> (дв.), <i>vu</i> (и.), <i>bel</i> (э.)	<i>bele</i> (дв.), <i>vu</i> (и.), <i>bel</i> (э.)
вуте (М)	<i>ním</i>	<i>ním</i>	<i>nímè</i>	<i>ním</i>
мбонгно (М)	<i>tè</i>			
ндунда (М)	<i>tù, tè</i>			
низаа (М)	<i>jí</i>			
тикар	<i>bu/bwí</i>	<i>bu/bwí</i>	<i>yè/bé/sé</i>	<i>bwí</i>
тив (Т)	<i>sé</i>	<i>se</i>	<i>-sé-</i>	<i>sé(a)</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
месака (Г)	<i>i-</i>	<i>bìhì</i>		<i>bìhì</i>
эсимби (Г?)	<i>si-</i>	<i>(ə)bhəsə</i>		<i>(ə)bhəsə</i>
наки (Б)	<i>ká, ki</i>	<i>sì</i>		
нони (Б)		<i>beene</i> (и.)	<i>-sese</i>	<i>bese</i>
абар (Б)	<i>sə</i>	<i>sə</i>		<i>sə</i>
мундабли (Б)	<i>bī</i>	<i>bī</i>		<i>bī</i>
мбу (Б)	<i>sə</i>	<i>sà</i>	<i>-sqn</i>	<i>sà</i>
кошин (Б)		<i>sī</i>		<i>sī</i>
эджагам (Э)	<i>è-/é</i>	<i>éd</i>	<i>-Vdè</i>	<i>éd</i>
нкем (Э)	<i>ú-</i>	<i>wír</i>		<i>wúr</i>
мбе	<i>é-</i>	<i>-(è)yě</i>	<i>-(è)yě</i>	
кеньянг (мамфе)	<i>se-</i>	<i>bèsé</i>	<i>-esé</i>	<i>bèsé</i>
денья (мамфе)		<i>esé</i>		<i>esé</i>
лимбум (Г)	<i>sò</i> (дв.), <i>sèè</i> (и.), <i>wèr</i> (э.)	<i>sò</i> (дв.), <i>sèè</i> (и.), <i>wèr</i> (э.)	<i>sò-</i> (дв.), <i>sèè-</i> (и.), <i>-ér-</i> (э.)	<i>sò</i> (дв.), <i>sèè</i> (и.), <i>wèr</i> (э.)
бамум (Г)	<i>pö, poə</i>		<i>-útà</i> (и.), <i>-ü</i> (э.)	
бафут (Г)	<i>sì</i> (и.), <i>bì'ì</i> (э.)	<i>jì'inà</i> (и.), <i>jì'ì</i> (э.)	<i>(j)ì'ì</i>	
йемба (Г)	<i>pòkó</i> (дв.), <i>mpè</i> (и.), <i>pèk</i> (э.)	<i>wukə</i> (дв.), <i>yimpe</i> (и.) <i>wek</i> (э.)	<i>-ek</i>	
бамилеке (Г)	<i>bé/pa</i> (и.), <i>bàág/pok</i> (э.)	<i>jág(é), bàg(é)</i>	<i>-ág</i>	
бафанджи (Г)		<i>wuw</i>		<i>piε</i>
мундани (Г)	<i>pá</i>	<i>wá</i>	<i>-á</i>	<i>bàá</i>
мета (Г)	<i>tì</i>	<i>éwá</i>		
агем (Г)	<i>á/sè</i> (и.), <i>ghàʔ</i> (э.)	<i>á/sè</i> (и.), <i>ghàʔ</i> (э.)	<i>-εε</i> (и.), <i>-aʔa</i> (э.)	<i>sè</i> (и.), <i>ghàʔ</i> (э.)
ламнсок (Г)	<i>wòsò</i> (дв.), <i>vèsən</i> (и.), <i>vër</i> (э.)	<i>wòsò</i> (дв.), <i>vèsən</i> (и.), <i>vër</i> (э.)	<i>-eso</i> (дв.), <i>-esən</i> (и.), <i>-er</i> (э.)	<i>wòsò</i> (дв.), <i>vèsən</i> (и.), <i>vër</i> (э.)
бамбили (Г)	<i>sì</i> (и.)			<i>bééni</i>
венго (Г)	<i>sì</i> (дв.), <i>nsíy</i> (и.), <i>yia</i> (э.)	<i>nsòò</i> (дв.), <i>nsíy</i> (и.), <i>yia</i> (э.)	<i>-ía/-īa</i> (э.)	<i>sì/nsòò</i> (дв.), <i>nsíy</i> (и.), <i>yia</i> (э.)

	субъект	объект	притяжат.	независ.
ком (Г)	<i>ghesinà</i> (и.) <i>ghès</i> (э.)	<i>ghesinà</i> (и.)	-s (и.), <i>ghesi</i> (э.)	
джарава (Дж)	<i>yír...-ír</i>	<i>tí...-yír,</i> <i>ní...-yír</i>	-ir	<i>yír</i>
бвазза (Дж)				<i>sím</i>
мбула (Дж)				<i>səm</i>
кулунг (Дж)				<i>súm</i>
дугури (Дж)				<i>sú</i>

Разброс форм, как мы видим, весьма широк, однако можно отметить некоторые модели, общие для нескольких подгрупп языков.

Одной из таких моделей является SV (свистящая + гласная), распространённая по всему бантоидному ареалу: ср. формы *sé* (тикар, кеньянг), *sè* (агем), *sé* (тив, денья), *sə* (эсимби, абар, мбу), *sī* (кошин, венго), *sə/sèè-* (лимбум), *sú* (дугури) и некоторые другие. В качестве исходного вокализма можно предположить только переднерядную гласную – *e/i/í*; другие варианты встречаются фрагментарно. Вокализм в формах двойственного числа типа *-so/sɔ* в ряде языков грассфилдс отражает местоименные композиты: ср. в оку притяжательные суффиксы *-es* (экссклюзив, т. е. ‘только мы’, без приращений), *-eso* (‘мы и ты’, фузия с местоимением 2 л. ед. ч. *o), *-esen* (инклюзив, т. е. ‘мы и вы’, фузия с местоимением 2 л. мн. ч. *ne) [Blood 1999: 8]. Форма *sú* в дугури менее ясна, однако вспомним бантуские местоимения из **c^we*. Именно эта форма могла дать как **se* (с утратой лабиальности), так и **su* (с отпадением конечной гласной).

Значение **Se* (пока дадим его в виде некоторого сибиланта с переднеязычной гласной), возводимого на праязыковой уровень, представляет более трудную задачу. В языках грассфилдс его рефлексы маркируют инклюзив (в т. ч. дуалиса), однако в большинстве других подгрупп категории кляузивности не существует, и делать вывод о её наличии на праязыковом уровне, на наш взгляд, нет оснований.

В целом ряде языков личные показатели сформированы при помощи префикса *bi-*, *vi-*, *wi-*, родственного бантускому местоименному **be-*: всё это рефлексы известного плюрального аффикса НК класса лиц, маркирующие все плюральные члены местоименной парадигмы. В 3 л. мн. ч. этот маркер выступает в чистом виде как *bi/bi/be*, и его распространение на прочие плюральные местоимения произошло по аналогии. На прабантоидном уровне композитная форма 1 л. мн. ч. может быть реконструирована как **beSe*. Её рефлексы функционируют только в виде синтаксически автономных местоимений, но никогда в качестве связанных показателей лица. Это логично: местоимение осмысливается как субститут полноценной именной лексемы, поэтому к ней так же, как к имени, приложим классный префикс. Точно так же в языке ком личное местоимение дополняется префиксом именной плюральности *ghe-*.

К рефлексам **beSe* относятся и формы с выпавшим интервокальным сибилантом: начало процесса его ослабления и выпадения фиксируется в форме месака *bìhì*, ср. в близкородственном языке эсимби форму *b^həsə*. Параллельными инновациями являются инклюзивные формы нони (бебоидный) *beene* и бамбили (грассфилдс) *bééni*, представляющие собой слияние **beSe* и формы 2 л. мн. ч. *ne/ni*. Долгота гласной в самба-дака *wòð/wóó* также представляет собой следствие выпадения интервокального *-s- > -h-* после плюралного префикса. В лимбум местоимение инклюзива *sèè* может рассматриваться как редуцированная форма, ср. нони *sese* (и её прямое соответствие в языке диго (банту E73) *sese*).

Значительно сложнее разобраться с формами независимых местоимений, где в интервокальной позиции встречается не сибилант, а *r*, *l* или *t*. Типологически переход *s > r* (явление ротацизма) между гласными весьма распространён, однако для африканских языков, как уже упоминалось выше, столь же характерен и интервокальный переход *t > d' > r/l* через ступени озвончения и альвеоляризации зубной фонемы. Подтверждение этого явления можно видеть и на примерах сравнения базовой лексики бантоидных языков: ср., например, бамум *nšot* 'рот' – *nšor-a* 'мой рот' [Ward 1938: 433], а также соответствия типа прабанту **yóto* 'тело', кабри (мамбилоидный) *yeli*, тив *-yól* тж. [Blench 2004: 105]. В одной из работ по сравнительной лексикологии для БК лексема со значением 'мужчина' приводятся следующие соответствия из различных языков семьи (корень следует за классным префиксом с вокалическим ауслутом): *-lum*, *-dom*, *-rom*, *-no(m)* [Williamson, Shimizu 1968: 236]. Исходной праязыковой фонемой при этом считается **t*.

Вероятно, в данном случае мы имеем дело с аналогичным явлением; на это указывает соответствие между местоимениями дакоидных языков: донг *verε* vs. гаа *wéte*, а также схожее соответствие в эдоидной подгруппе: эджагам *éd* vs. нкем *wír*. В генетически близком дакоидном языке мамбила также видим местоимение *bele*, вполне вероятно происходящее из **bete*. Форма субъектного показателя *tì* наблюдается в мета, формы с начальным *t-* характерны для целого ряда мамбилоидных языков [Connell 2012]. В ряде северо-западных языков банту находим схожие формы, ср. су *li-*, мбеде *le-*, аква *le-*. Все они являются субъектными префиксами. Среди других возможных генетических соответствий в языках зоны А – басаа *di* и акосе *dè*.

Как же нам следует воспринимать две предположительные реконструкции, различающиеся лишь одним артикуляционным признаком одной согласной: **(be-)Se* и **(be-)te*? Ответ, вероятно, может подсказать соответствие между бантускими формами личных показателей 1 л. мн. ч. **to-* (субъектный показатель, где **t-* предшествует заднерядной гласной) и **c^we* (несубъектное местоимение). В последнем мы предположили отражение древней палатализации исходной зубной смычной перед **-e*. Эта палатализация была уже свершившимся фактом в праязыке банту, теперь же мы получаем подтверждение, что в бантоидном праязыке она ещё не завершилась: некоторые группы языков демонстрируют **t-* даже перед переднерядными гласными, некоторые – свистящую. Во всяком случае,

именно палатализация смычной является наиболее логичным объяснением соответствия *t/c/s/f* в различных бантоидных языках. Как мы увидим ниже, эта гипотеза подтверждается и данными других БК и НК языков.

На прабантоидном уровне, таким образом, мы склонны восстанавливать форму **te=* в качестве субъектно-объектной глагольной клитики (в объектной позиции **=te*). О том, что представляет собой в этом контексте прабантуское **c^we* с явными следами лабиализации согласной, пока говорить сложно: эта форма может быть как инновацией, созданной по аналогии с субъектным **t^w-*, так и архаизмом, редуцированным во всех остальных группах бантоидных языков, но сохранившимся в банту. Однако к этому вопросу мы вернёмся позже при анализе данных других БК языков.

Среди бантоидных местоимений 1 л. мн. ч. наблюдается множество инноваций. Нередко их происхождение можно проследить. Например, местоимение вуте *nít* создано по аналогии с местоимением 2 л. мн. ч. *ní* с использованием суффикса 1 л. *-m*. Субъектный маркер *i-* в месака по своей природе является плюральным показателем, употребляющимся во всех трёх лицах множественного числа:

i-sáhó i-gbí vá ‘животные не пришли’ [Cassetta, Cassetta 1994: 6].

Что касается формы инклюзива *á* в агем, то она, как было замечено ранее [Нуман 1979], генетически родственна показателю плюрального класса имён *á-*. Формы с *-k-* в языках грассфилдс демонстрируют дальнейшее развитие процесса **t > *c > -k-* [Л. Хайман, личное сообщение].

На праязыковом уровне мы можем реконструировать форму **(be)te*, плюральный префикс которой маркировал только автономные местоимения, в то время как в качестве субъектной и объектной клитики употреблялась форма без классного маркера – **te*.

2 лицо множественного числа

Таблица 2.11

	субъект	объект	притяжат.	независ.
самба-дака (Д)	<i>í</i>	<i>-bí</i>	<i>bèè, vèè</i>	<i>vú, vṵ́n</i>
донг (Д)				<i>mεε</i>
гаа (Д)	<i>míí</i>		<i>-mété-</i>	
мамбила (М)	<i>bene</i> (дв. ч.) <i>ben</i> (мн. ч.)	<i>bene</i> (дв. ч.) <i>ben</i> (мн. ч.)	<i>bene</i>	<i>bene</i> (дв. ч.) <i>ben</i> (мн. ч.)
вуте (М)	<i>ní</i>	<i>ní</i>	<i>nínè</i>	<i>ní</i>
мбонгно (М)	<i>nè</i>			
ндунда (М)	<i>nù</i>			

	субъект	объект	притяжат.	независ.
низаа (М)	<i>njú</i>			
тикар	<i>bí</i>	<i>bí</i>	<i>i/bí/sí</i>	<i>bí</i>
тив (Т)	<i>né</i>	<i>ne</i>	<i>-en, -éne-</i>	<i>né(a)</i>
месака (Т)	<i>ì-</i>	<i>bèn</i>		<i>bèn</i>
эсимби (Т?)		<i>(ə)bhə̀nə</i>		<i>(ə)bhə̀nə</i>
наки (Б)	<i>bá, be</i>	<i>bā, bè</i>		
нони (Б)	<i>ben, yo</i>		<i>-ne(n), yo</i>	
абар (Б)	<i>bēn</i>	<i>bēn</i>		<i>bēn</i>
мундабли (Б)	<i>bēn</i>	<i>bēn</i>		<i>bēn</i>
мбу (Б)	<i>bə̀</i>	<i>bē̄</i>	<i>-be</i>	<i>bē̄</i>
кошин (Б)		<i>mbīŋ</i>		<i>mbīŋ</i>
эджагам (Э)	<i>ə- (.-ēn)</i>	<i>ēn</i>	<i>-Vné</i>	<i>ēn</i>
нкем (Э)	<i>wún(ù)</i>	<i>wîn</i>		<i>wûn</i>
мбе	<i>é- .. -lí/-kì</i>	<i>-(è)nǒ</i>	<i>-(è)nǒ</i>	
кеньянг (мамфе)	<i>bā</i>	<i>bèkā</i>	<i>-ekā</i>	<i>bèkā</i>
денья (мамфе)		<i>ɛnú</i>		<i>ɛnú</i>
лимбум (Г)	<i>wèè</i>	<i>wèè</i>	<i>-éé-</i>	<i>wèè</i>
йемба (Г)	<i>pɛ</i>	<i>wɛ</i>	<i>-ɛ</i>	
бамум (Г)			<i>-tn</i>	
бафут (Г)	<i>nɛ̀, bù</i>	<i>yùù</i>	<i>(y)ùù</i>	
бамилеке (Г)	<i>bí, pé</i>	<i>jín(é), bìn(é)</i>	<i>-ín, -né</i>	
мундани (Г)	<i>bì</i>	<i>wí</i>	<i>-í</i>	<i>bíá</i>
мета (Г)	<i>mbú</i>	<i>áwú</i>		
агем (Г)	<i>ghè</i>	<i>ghè</i>		<i>ghè</i>
ламнсок (Г)	<i>vèn</i>	<i>vēn</i>	<i>-en</i>	<i>vèn</i>
бамбили (Г)	<i>nì</i>			<i>ben</i>
венго (Г)	<i>vìŋ</i>	<i>vìŋ</i>	<i>-íŋ, -īŋ</i>	<i>vìŋ</i>
ком (Г)	<i>yì, zì</i>	<i>zì</i>	<i>zì, ghi</i>	
джарава (Дж)	<i>yín...-ín</i>	<i>tá...-(y)in, ká...-(y)in</i>	<i>-in</i>	<i>yín</i>
бвазза (Дж)				<i>wún</i>

Выделяются следующие модели личных показателей, претендующих на праязыковое происхождение благодаря широкому распространению по различным подгруппам.

Во-первых, это субъектный показатель bV (тикар, бамилеке *bí*, наки *be*, *bá*, *bā*, мбу *bà*, кеньянг *bǎ*, мундани *bì*). Сюда же относится форма йемба *pe* с оглушением губной, заметной также в диалектах бамилеке. Во всех без исключения перечисленных языках эти показатели являются результатом аналогического выравнивания с формами 3 л. мн. ч., в некоторых языках (например, в наки) субъектные показатели обоих значений полностью совпали. Это явление весьма характерно для языков ареала: как уже указывалось выше, показатель 3 л. мн. ч. является по происхождению префиксом плюрального именного класса лиц.

Во-вторых, мы видим субъектные и притяжательные показатели модели pI (субъектные: вуте *ní*, мбонгно *nè*, тив *né*, бафут *nì*, бамбили *ní*; притяжательные: нони *-ne*, эджагам и бамилеке *-né*). К ним, безусловно, примыкают автономные местоимения, снабжённые тем же плюральным префиксом: месака *bèn*, эсимби *bʰənə*, абар и мундабли *bēn*, кошин *mbīn*, бамилеке *bìn(é)*, бамбили *ben*. К тому же кластеру генетически относятся формы с ленированной начальной смычной: венго *viŋ*, бвазза *wín*, ламнсок *vèn*, нкем *wín*.

Эти формы позволяют реконструировать показатели **ne* и **bene*. Рефлексы их видны в языках практических всех подгрупп, в языках банту их также немало, ср. конзиме (A84) *bm*, баболе (C30) *bíné*, ниламба (F31) *ipe*, умбунду (R30) *éne* и др. Однако если для прабанту мы реконструировали форму **nue*, то на материале других бантоидных языков лабиальный элемент не восстанавливается, если только не видеть некоторые его следы в языках нкем, денья и бвазза.

Могут ли описанные выше формы типа bV также восходить к **bene*? Такая возможность существует. Как и среди показателей 1 л. мн. ч., в интервокальной позиции носовая могла выпадать, а гласная подвергнуться компенсаторному удлинению. Это происходит в диалектах бамилеке (форма с долгим гласным *wèè*), где интервокальная **-n-* вообще имеет тенденцию к выпадению [Williamson 1973: 426]. Случаи такого рода видны и в банту зоны А, ср. басаа *bee* < **bene* (объектная серия). Однако такое развитие можно с большой вероятностью предположить только для форм с удлинённой гласной. Появление местоимений типа *bi/be* в различных языках может объясняться вторичными аналогическими процессами, происходившими в различных подгруппах независимо друг от друга.

Таким образом, мы не можем предложить для прабантоидного состояния иных реконструкций местоимения 2 л. мн. ч., кроме **ne/*bene*.

Теперь сведём в одну таблицу формы личных показателей, реконструированных нами для праязыков банту и бантоидного, при этом, напомним, для реконструкции прабантоидного состояния мы используем и материал языков банту.

Для бантоидных языков не подтверждается противопоставление двух серий личных показателей, которые мы определили для прабанту как субъектную (выступавшую в виде глагольных префиксов) и несубъектную (в виде автономных местоимений). Однако бинарная оппозиция здесь довольно схожа и выстроена по принципу противопоставления связанных / несвязанных показателей. При этом связанными (либо клитическими) показатели лица в бантоидных языках оказы-

ваются прежде всего именно в субъектной серии. Логично предположить, что в бантоидном праязыке также имелась бинарная оппозиция. Исходной, наиболее древней частью парадигмы можно назвать местоимения, формирующие несубъектную серию в банту. В префиксальной позиции происходит редукция показателей субъекта глагола в единственном числе – так формируется противопоставление субъектной и несубъектной серий в банту, для полного оформления которой понадобилось обособить также плюральные формы. В прочих бантоидных языках, не обладающих флективной глагольной словоформой, субъектно-объектные показатели остаются клитиками, а автономные местоимения оформляются, подобно любым полнозначным именным лексемам, классным префиксом плюральности **ba-*.

Таблица 2.12

лицо / число	банту		бантоидные (без банту)	
	субъект	не-субъект	клитические	автономные
1 л. ед. ч.	<i>*n(i)-</i>	<i>*me</i>	<i>*N=</i>	<i>*mI</i>
	субъект	не-субъект	клитические	автономные
2 л. ед. ч.	<i>*ò-</i>	<i>*ve</i>	<i>*o=/*o=</i>	<i>*we</i>
1 л. мн. ч.	<i>*tò-</i>	<i>*c^we</i>	<i>*te</i>	<i>*bete</i>
2 л. мн. ч.	<i>*mò-</i>	<i>*n(u)e</i>	<i>*ne</i>	<i>*bene</i>

Отдельного замечания заслуживают притяжательные показатели. Ассоциативный маркер **à-*, который реконструируется для праязыка банту, присутствует в идиомах и северной, и южной ветви бантоидной группы. Здесь он может модифицироваться под влиянием гласной последующего личного показателя, т. е., например, **àne* > тив *-ene* ‘ваш’. Кроме того, часто выпадает и финальная гласная фонема, сохраняющаяся в формах типа банту **àc^we* ‘наш’. Однако для реконструкции на прабантоидном уровне посессивных показателей **ame*, **awe*, **at^we*, **an(u)e* основания, на наш взгляд, имеются.

В реконструкциях плюральных форм некоторую загадку представляет различие между формами лабиализацией (в банту) и без неё (в прочих бантоидных языках). Данные языков банту, безусловно, допускают реконструкцию обоих вариантов для 1 л. мн. ч. (**ce/*c^we*), однако второй кажется более предпочтительным из-за широкой распространённости форм 1–2 л. мн. ч. типа *swe*, *nwe*. Наряду с ними встречаются и *se*, *ne*. В других подгруппах бантоидных языков мы встречаем лишь формы без лабиализации. Возможно, что ряд языков банту и все бантоидные языки редуцировали её. Следы лабиализации могут быть видны в языках, где исходные независимые местоимения 1–2 л. мн. ч. отражаются как *wur*, *wun*, что можно возвести **bV-tu*, **bV-nu*. Сложнее предположить, что более древняя форма **te* могла в языках банту получить вид **c^we* без видимых фонетических причин. А вот лаби-

ализованная форма **nie* вполне могла быть образована по аналогии с **^we*. Так что для прабантоидного языка наиболее экономичной реконструкцией плюральных форм являются **^we*/**ne*.

Финальная реконструкция системы личных показателей бантоидного праязыка представлена в Табл. 2.13. Мы принимаем форму **o* как показатель 2 л. ед. ч., так как её соответствия имеются и в банту, и в других подгруппах бантоидных языков. Мы также склоняемся к вокализму **e* для формы **me* благодаря свидетельствам языков банту. Наконец, вместо губного глайда, характерного для большинства бантоидных языков в формах 2 л. ед. ч., мы повсюду реконструировали гласную **o*, сонантизация которой, по нашему мнению, является вторичным, позиционным процессом.

Таблица 2.13

	клитические	притяжат.	автономные
1 л. ед. ч.	<i>*N=</i>	<i>*=am(e)</i>	<i>*me</i>
2 л. ед. ч.	<i>*o=</i>	<i>*=av(e)</i>	<i>*oe*</i>
1 л. мн. ч.	<i>*t^(w)e=</i>	<i>*=at^(w)(e)</i>	<i>*bet^(w)e</i>
2 л. мн. ч.	<i>*ne=</i>	<i>*=an(e)</i>	<i>*bene</i>

§ 4. Языки кроссривер

Группа кроссривер состоит из примерно 70 языков, распространенных на юго-востоке Нигерии; на языках короп и усакаде также говорят в западных пограничных районах Камеруна. Носители этих языков населяют территорию, образующую подобие длинной дуги, тянущейся с юго-запада на северо-восток от дельты р. Нигер до верхнего течения р. Кросс. Южные языки группы соседствуют с иджоидными языками, тогда как центральные и северные сжаты между ареалами игбоидных языков на западе и бантоидных языков на востоке. Северные языки кроссривер также граничат с областью распространения идоидных языков, вместе с игбоидными относимых к западным БК языкам.

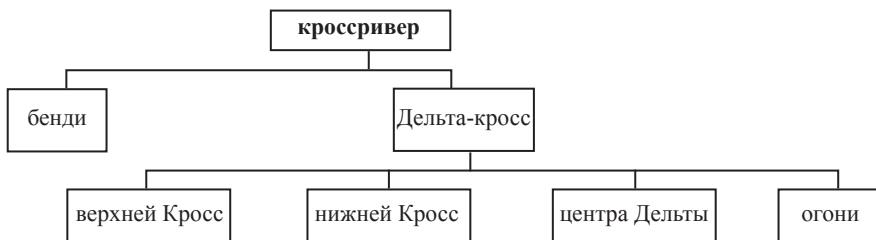
Название «кроссривер» будет употребляться в настоящей работе, как и других отечественных работах, без буквального перевода на русский язык. Однако названия подгрупп будут переводиться: это подгруппы центра дельты (англ. *Central Delta*), нижней р. Кросс (*Lower Cross*) и верхней р. Кросс (*Upper Cross*) – две последних будут кратко именоваться нижней и верхней подгруппами соответственно. Название подгруппы языков огони в литературе иногда заменяется термином «кегбоидные языки», однако мы придерживаемся более традиционного наименования.

К. Уильямсон [Williamson 1988: 104] предполагает раннюю миграцию носителей языков кроссривер из ареала прародины БК языков, который она помещает в зону слияния рр. Нигер и Бенуэ. Согласно её предположению, первое разделение праязыка кроссривер в результате отпадения языков бенди произошло примерно

5 тыс. лет назад, когда носители языков дельты двинулись от нагорья Огоя в южном направлении. По пути они оседали на берегах р. Нигер и в её окрестностях. Миграционное движение прекратилось только 1,5 тыс. лет назад в центральной части дельты Нигера, где носители языков кроссривер оттеснили племена иджо. Это хорошо соотносится и с этнографическими данными (см. подробнее в Главе 9 об иджоидных языках).

С того момента, как Дж. Гринберг классифицировал языки кроссривер как ветвь БК языков, представление о внутренней классификации группы изменилось незначительно. Её новейшая схема [Williamson, Blench 2000: 33] выглядит следующим образом (Диаграмма 2.3).

Диаграмма 2.3

Состав семьи, однако, нельзя считать устоявшимся, так как до сих пор продолжают дискуссии о том, принадлежит ли ветвь бенди к языкам кроссривер, или же она стоит ближе к бантоидным языкам [Connell 1988]. Этот вопрос является главной проблемой в классификации языков кроссривер, при том что установлено, что языки второй крупной ветви, дельты р. Кросс, имеют множество общих черт как в лексике, так и в грамматике, хотя опять же для праязыка ветви было выделено очень мало лексических и практически никаких фонетических инноваций.

Сравнительные исследования по языкам группы ограничиваются небольшими и во многом уже успевшими устареть обзорными работами [Connell 1988] и [Faraclas 1989]. Что касается реконструкций праязыков подгрупп, то по верхней подгруппе известны работы [Dimmendaal 1978; Sterk 1979], по языкам центра дельты – работы [Wolff 1969; Alex 1989], по языкам огони – статьи [Williamson 1985; Икого 1989], по нижним языкам – несколько работ Б. Коннела [Connell 1991; 1995]. Впрочем, исследователи концентрируются в этих работах в основном на реконструкции фонетики и выделении общего лексического фонда, лишь бегло касаясь морфологии. Реконструкция некоторых элементов личного маркирования присутствует в работе [Bond, Anderson 2006], посвящённой языкам огони, а также в неопубликованной работе [Connell, manuscript] по языкам нижней подгруппы. Отдельного исследования, посвящённого типологии или сравнительному анализу личных показателей языков кроссривер, не публиковалось.

В большинстве языков группы выделяется четыре традиционных синтаксических серии личных показателей. Субъектные маркеры являются либо префик-

сами, либо клитиками, в последнем случае они, как правило, совпадают по форме с синтаксически независимыми местоимениями независимой серии. В глагольной клаузе личные субъектные префиксы часто дублируются автономными местоимениями. Показатели объекта могут быть выражены местоимениями или глагольными суффиксами, тогда как посессивные маркеры чаще всего суффицируются к существительному или образуют автономные формы, снабжённые с показателями именного класса и согласуясь с существительным.

В нижеследующих таблицах даны формы личных показателей в языках кросс-ривер. Названия подгрупп в таблицах указаны в скобках, следуя за названием языка, с помощью следующих сокращений:

- Б бенди;
 В верхняя подгруппа;
 Н нижняя подгруппа;
 ЦД центра дельты;
 О огони.

1 лицо единственного числа

Таблица 2.14

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бекварра (Б) ⁴⁵	<i>N-, таа-</i> (перф.)	<i>m̄ / mī</i>	<i>iyī</i>	<i>àmì</i>
боки (Б) ⁴⁶		<i>mε</i>		<i>me</i>
кохумоно (В) ⁴⁷	<i>N-</i>	<i>ànòm</i>	<i>-úm/-óm</i>	<i>ànòm</i>
кукеле (В) ⁴⁸	<i>me</i>	<i>me</i>	<i>-ame</i>	<i>meni</i>
локаа (В) ⁴⁹	<i>n-, nn-</i> (отр.)	<i>Ñ, mīn</i>	<i>-mì</i>	<i>àmí</i>
мбембе (В) ⁵⁰	<i>N-</i>	<i>-m</i>	<i>-aam</i>	<i>kaam</i>
ибибю (Н) ⁵¹	<i>Ñ-</i>	<i>mīn, -éŋ-</i>	<i>m̄mì/ñm̄mì</i>	<i>àmì</i>
эфик (Н) ⁵²	<i>Ñ-</i>	<i>mī</i>	<i>(ò)mì</i>	<i>àmì</i>
оболо (Н) ⁵³	<i>mi-, mù</i>	<i>m̄y</i>	<i>mà</i>	<i>èmi</i>
легбо (Н) ⁵⁴	<i>N-, NN-</i> (отр.)	<i>-ñ</i>		

⁴⁵ [Stanford 1976 (1973)].

⁴⁶ [Westermann, Bryan 1952: 120–121].

⁴⁷ [Cook 1976 (1972)].

⁴⁸ [Preston 1854: 12].

⁴⁹ [Iwara 1990].

⁵⁰ [Barnwell 1980; Oyama, Barnwell 1985–1995].

⁵¹ [Cook 1976 (1968); Essien 1987].

⁵² [Westermann, Bryan 1952: 135–136; Cook 1976 (1968)].

⁵³ [Faraclas 1984; Rowland Oke 2003].

⁵⁴ [Hyman et al. 2002; Hyman, Udoh 2002].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
огбия (ЦД) ⁵⁵	<i>mi/mi</i>	<i>təami</i>	<i>-ami/-əmi</i>	<i>əmi</i>
абуа (ЦД) ⁵⁶	<i>mi</i>	<i>imi</i>	<i>ami</i>	<i>mi, mina</i>
эleme (О) ⁵⁷	<i>Ṃ-, rĩ-</i> (отр.), <i>ma-</i> (перф.)	<i>-mi</i>	<i>-àmi, ná</i>	<i>àmi</i>
кана (О) ⁵⁸	<i>ṁ=/ṁ=, ṁm=</i> (отр.), <i>māā</i> (прог.), <i>máà=</i> (перф.)	<i>mé, mī</i>	<i>nà, ṅ-dā</i> (эмфат.), <i>mē</i> (части тела)	<i>m̄m̄,</i> <i>ñ-dā</i> (эмфат.)
гокана (О) ⁵⁹	<i>m=</i>	<i>-m̄, -im</i>		
tee (О) ⁶⁰	<i>m, mē</i>	<i>mε</i>	<i>nà, ṅdāa</i>	<i>daà</i>

В качестве субъектного показателя для праязыка кроссривер восстанавливается форма **N* в виде слоговой носовой фонемы, ассимилирующей по месту образования последующей согласной. Как и в бантоидных языках, есть основания предполагать, что этот показатель появился вследствие редукции существовавшей ранее формы **mV-* ещё на уровне праязыка БК семьи или ранее: аналогичный процесс наблюдается, например, в парадигме именных классных маркеров, где БК классный префикс **ma-* редуцируется до *N-* во всех языках группы [De Wolf 1971]. В случае если за префиксом следует вокалическая морфема, начальной согласной всегда является *m-*. В случае если за субъектным префиксом следует вокалическая морфема, начальной согласной всегда является *m-*.

Автономное местоимение субъекта и объекта глагола чаще всего имеет вид *mi* (реже *me, mε*), и праязыковой показатель можно предварительно реконструировать в виде **mI*. В таком виде он восстанавливается для подгрупп огони [Bond, Anderson 2006], бенди и верхней; в нижней подгруппе однозначно восстанавливается **mi*. Форма *ma* (также возможна с долгой гласной, т. е. *maa*) образована путём слияния с глагольным маркером *-a-*, известным и по бантоидным языкам. На вокализм субъектных показателей в отдельных случаях влияют и показатели отрицательной полярности: например, в языках дельты гласная субъектного префикса при отрицании удлиняется [Iwara 2002: 106–107].

Местоимение независимой серии для праязыка группы реконструируется как **ami*; эта форма восстанавливается и в работе [Connell, manuscript] для языков нижней подгруппы, однако имеет прямые соответствия в бекварра (подгруппа бенди) и эleme (подгруппа огони). Начальную гласную данного местоимения

⁵⁵ [Isukul, manuscript].

⁵⁶ [Gardner 1976 (1966/67)].

⁵⁷ [Bond 2003; 2006; Bond, Anderson 2006].

⁵⁸ [Westermann, Bryan 1952: 137; Ikoru 1996: 114–132; Bond 2006; Williamson et al. 2007].

⁵⁹ [Bond, Anderson 2006].

⁶⁰ [Nwi-Bari 2002; Blench 2008c].

можно сравнить с ассоциативным маркером в бантоидных языках. Он же наблюдается и в показателях притяжательной серии: *-ate* в кукеле, *amí* в абуа, *-ít* в кохумоно. В языке кохумоно в форме *à-n-òtm* 'я, меня' маркер именного класса *-n-* помещён в виде инфикса между ассоциативной частицей и личным показателем. Таким образом, **àmí* можно вполне надёжно реконструировать для праязыка кроссривер как в притяжательной, так и в независимой сериях.

Интересным соответствием является соотношение независимых местоимений кукеле *meni* – абуа *tina*, напоминающих формы северо-западных языков банту (басаа (А43) *ten*, вия (В30) *tenì*, луяна (К31) *tene* и другие), а также других бантоидных языков (тикар *tùp*, йемба *tèŋ*), формы которых подробно рассматривались в предыдущем параграфе.

Следующие реконструированные формы, имеющие достаточно широкое распределение, могут быть постулированы для праязыка кроссривер:

**N* = клитический показатель субъекта;

**mI* автономное местоимение субъекта и объекта;

**àmI* независимое / притяжательное местоимение.

2 лицо единственного числа

Таблица 2.15

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бекварра (Б)	<i>o-</i>	<i>wō</i>	<i>íwòn</i>	<i>àwō</i>
боки (Б)		<i>yɔ</i>		<i>wɔ'ɔ</i>
кохумоно (В)	<i>ə-/a-</i>	<i>àgwɔ̀</i>	<i>-ó/-ɔ̀</i>	<i>àgwɔ̀</i>
кукеле (В)	<i>wě</i>	<i>wě, (a)gwě</i>	<i>yǒ</i>	<i>wěni</i>
локаа (В)	<i>a-, aa-</i> (отр.)	<i>ɔ́, wɔ́</i>	<i>-wù</i>	<i>àwù</i>
мбембе (В)	<i>a-</i>	<i>-ɔ</i>	<i>-ɔ</i>	<i>kɔ</i>
ибибиио (Н)	<i>è-</i> (утв.), <i>ù-</i> (отр.)	<i>fìèn, -ú-</i>	<i>ñfò</i>	<i>àfò</i>
эфик (Н)	<i>à-/ò-/è-</i>	<i>fí</i>	<i>(ò)fò</i>	<i>àfò</i>
оболо (Н)	<i>o-, ù-</i>	<i>ùy</i>	<i>ùɔ</i>	<i>òwù</i>
легбо (Н)	<i>a-, aà-</i> (отр.)	<i>-ɔ̀</i>		
огбиа (ЦД)	<i>(a)nwá</i>	<i>taɛnwá</i>	<i>-íyóm</i>	
абуа (ЦД)	<i>na</i>	<i>ni-na</i>	<i>a-na</i>	<i>na</i>
элеме (О)	<i>ɔ-, àʔò, rò-</i> (отр.)	<i>-rũ</i>	<i>-yo</i>	
кана (О)	<i>ò-/ó-</i>	<i>-à</i>	<i>ō, ā</i> (части тела)	<i>àà/òò⁶¹, ālō</i> (эмфат.)

⁶¹ Форма *àà* встречается в именных утвердительных и фокализованных отрицательных конструкциях; *òò* используется в нефокализованных отрицательных конструкциях, как глагольных, так и именных [Пкого 1996: 118–119].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
гокана (O)		=nì		
тее (O)	ɔ	ɔ, òò	ɔ	

Вокалический субъектный маркер должен быть восстановлен в виде *o-, исходя из соответствий между o-, a-, ɔ-. Вероятно, продвижение исходной гласной вперёд диктовалось в том числе и начальной позицией показателя: в положении объектного или притяжательного суффикса заднерядная гласная сохраняется в мбембе, кохумоно и легбо.

Судя по тому, что в большинстве языков всех подгрупп субъектный показатель является связанной морфемой, аналогичный статус можно восстановить и для праязыковой формы. Автономные объектные местоимения, а также независимые местоимения в большинстве случаев образованы от модели wU (wɔ/wu), которую для праязыка логичнее всего будет восстанавливать как *wo – именно такая форма может через один шаг фонологических изменений привести как к wɔ (более широкая гласная), так и к wu (более узкая). К *wo, по всей вероятности, восходят и формы с фрикативной согласной двух близкородственных языков нижней подгруппы – ибибио и эфик -fò. При этом независимое местоимение, как и в 1 л. ед. ч., снабжено ассоциативным префиксом *à-.

Объектные показатели также имеют тенденцию к потере синтаксической автономности, однако для праязыка, скорее всего, следует восстанавливать всё же самостоятельное объектное местоимение.

Сразу в нескольких подгруппах имеются рефлексы суффикса *-nV, который также может восходить к праязыку кроссривер. Он присоединяется к показателям несубъектных серий (бекварра *íwò-n* ‘твой’, ибибио *fiè-n* ‘тебя’). Возможно, другими рефlekсами того же аффикса является форма гокана =nì ‘тебя’. Последнему родственна форма объектного показателя элеме -rĩ, где регулярно происходит переход *n > r* [Bond, Anderson 2006].

По итогам этого краткого анализа мы можем предположить следующие праформы:

- *o- показатель субъекта;
- *wo местоимение объекта;
- *àwo независимое местоимение.

1 лицо множественного числа

Таблица 2.16

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бекварра (Б)	àbèrē é-	tī	itēn	àbèrē
боки (Б)	bɛrɛ	bɛ		
кохумоно (В)	e-/ɛ-	àdò		àdò

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
кукеле (В)	<i>befe</i>	<i>befe</i>	<i>-afi</i>	
локаа (В)		<i>mɔ̃n</i>	<i>-mì, -mɔ̃n</i>	<i>àmɔ̃n</i>
мбембе (В)	<i>mo-/mɔ-</i>	<i>mina</i>	<i>-amina</i>	<i>mina</i>
ибибю (Н)	<i>ì-</i>	<i>ɲɲìn, -ì-</i>	<i>ɲɲìn</i>	<i>ɲɲìn</i>
эфик (Н)	<i>ì-</i>	<i>ɲɲìn</i>	<i>ɲɲìn</i>	<i>ɲɲìn</i>
оболо (Н)	<i>é-, mí-</i> (прош.), <i>ème</i>	<i>èmey</i>	<i>ème</i>	<i>èzì, èjì</i>
легбо (Н)	<i>me-, mè</i> (отр.)	<i>-mán</i>		
эбугу (Н) ⁶²				<i>ijìn</i>
энванг (Н)				<i>àjìn</i>
уда (Н)				<i>àjìn</i>
огбиа (ЦД)	<i>iyər/iyər</i>	<i>məiyər</i>	<i>-iyər</i>	
абуа (ЦД)	<i>yoor</i> (э.), <i>yira</i> (и.)	<i>i-yoor</i> (э.), <i>i-yira</i> (и.)	<i>a-yoor</i> (э.), <i>a-yira</i> (и.)	<i>yoor</i> (э.), <i>yira</i> (и.)
эleme (О)	<i>rɛ-/nɛ-</i>	<i>-í</i>		<i>èbai</i>
кана (О)	<i>ì-/í-</i>	<i>ī</i>	<i>ī</i>	<i>ìì, ālī</i> (эмфат.)
тее (О)	<i>i</i>	<i>i, ìì</i>	<i>ɲlīi</i>	<i>irì</i>

Разброс данных не позволяет однозначно выделить даже наиболее устойчивые модели. Для языков бенди можно предположить общее происхождение форм бекварра *àbèrè* и боки *berɛ*, к ним примыкает форма *befe* в языке кукеле верхней подгруппы. Эти местоимения, вероятно, родственны реконструированной нами в предыдущем параграфе бантоидной форме **bete*, с регулярным ротацизмом **t* в интервокальной позиции в языках бенди. Однако для постулирования этой же праформы на уровне праязыка кроссривер данных недостаточно.

Есть шанс, однако, сравнить форму бантоидного местоимения **te* без плюрального префикса с некоторыми местоимениями кроссривер: оболо *èjì*, абуа *yira* < **ite*, огбиа *iyər* < **ite*, теe *irì* < **ite*. Посессивный аффикс *-afi* в кукеле является дополнительным аргументом для подтверждения такого развития. Основываясь на неопубликованных полевых данных Б. Коннела, для праязыка нижней подгруппы можно реконструировать форму независимого местоимения **àjin* [Connell, manuscript], которую также можно вывести из более раннего **àti(n)* с типологически закономерным озвончением интервокальной согласной.

С точки зрения фонологии было бы логично реконструировать для праязыка кроссривер форму автономного местоимения **Vti(n)*, которая близка и некоторым бантоидным местоимениям: ср. маненгуба (банту А15) *àcí* или кеньянг (мамфе) *-ɛsé*.

⁶² Данные по языкам эбугу, энванг и уда даны по [Connell, manuscript].

В отсутствие убедительных подтверждений существования в праязыке формы с плюральным префиксом **bete* будем считать местоимения с плюральным префиксом в языках бенди результатом влияния бантоидных языков либо в целом распространённого в данном ареале процесса оформления плюральных местоименных лексем классным маркером.

В языках верхней и нижней подгрупп встречаются личные местоимения, образованные по модели *mV*, – это локаа *-mi*, *-mɛn*, мбембе *to-*, *mɔ-*, *mina*, оболо *mí-*, *ète*, легбо *te-*, *-mán*. Так как для них мы не видим соответствий в других языках группы, а также в других БК языках восточной ветви, необходимо рассматривать их как инновации. На их возникновение, в частности, могла повлиять форма 1 л. ед. ч. **mI* (т. н. выравнивание парадигмы «по горизонтали»), для формальной оппозиции с которой менялись тон или огласовка личного показателя. Другой характерной особенностью языков кроссривер можно считать показатель 1 л. мн. ч. **i-*, рефлекс которого засвидетельствованы в языках нижней подгруппы и огони. В субъектной позиции он, впрочем, вполне может быть не инновацией, а развитием более древнего **ti* > **si* > **hi* – такие случаи отмечены выше в бантоидных языках.

Итак, для праязыка кроссривер восстанавливается только одна форма местоимения 1 л. мн. ч.: **Vti(n)*.

2 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Таблица 2.17

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бекварра (Б)	<i>āmīn</i>	<i>āmīn</i>	<i>ínèn</i>	<i>āmīn</i>
боки (Б)	<i>bēva</i>	<i>bē</i>		
кохумоно (В)	<i>a-/ə-</i>	<i>ànò</i>		<i>ànò</i>
кукеле (В)	<i>beba</i>	<i>bewě, begwě</i>	<i>-ani</i>	<i>begwe</i>
локаа (В)		<i>bàá</i>	<i>-wù</i>	<i>àbàá</i>
мбембе (В)	<i>ma-</i>	<i>bɔŋa</i>	<i>-abɔŋa</i>	<i>bɔŋa</i>
ибидио (Н)	<i>è-</i> (утв.), <i>í-</i> (отр.)	<i>ndùfò, -í/-é-</i>	<i>ndùfò/m bùfò</i>	<i>ndùfò/m bùfò</i>
эфик (Н)	<i>è-</i> (утв.), <i>í-</i> (отр.)	<i>m̀bùfò</i>	<i>m̀bùfò</i>	<i>m̀bùfò</i>
оболо (Н)	<i>é-</i> , <i>mí-</i> (прош.)	<i>éy</i>	<i>ébe</i>	<i>èŋì</i>
легбо (Н)	<i>ba-</i> , <i>bò</i> (отр.)	<i>-bɔ</i>		
огбиа (ЦД)	<i>ɪnɪn</i>	<i>məɪnɪn</i>	<i>-ɪnɪn</i>	
абуа (ЦД)	<i>ɲina</i>	<i>i-ɲina</i>	<i>a-ɲina</i>	<i>ɲina</i>
элеме (О)	<i>ne-</i> , <i>-i</i> , <i>rò-</i> (отр.)	<i>-i</i>		<i>òbàù</i>
кана (О)	<i>bì-</i>	<i>ī</i>	<i>bùì, á-bààlō</i> (эмфат.), <i>ī</i> (части тела)	<i>bùì, ā-bààlō</i> (эмфат.)
тее (О)	<i>bò</i>	<i>bòò</i>	<i>ɲlɔɔ</i>	<i>bɔrɔ</i>

Формы 2 л. мн. ч. во многих языках испытали действие аналогии. Например, форма **mbùfò*, реконструированная Б. Коннелом для нижней подгруппы, является результатом плюрализации местоимения 2 л. ед. ч. **(ò)fo*. Схожая модель, производная от сингулярных местоимений, наблюдается в кукеле *bewe* ‘вы’ < **be-we*, легбо *bó* ‘вы’ (vs. *-ó* ‘ты’), тее *bòò* ‘вы’ (vs. *òò* ‘ты’) и кана *á-bàā-lò* ‘вы’ (vs. *ālò* ‘ты’). В кохумоно местоимения 2 л. обоих чисел на сегментном уровне идентичны. В качестве вероятной праформы для языка подгруппы дельты можно назвать автономное местоимение **be-wo/*ba-wo*, а форма тее *bòò* позволяет, вероятно, возвести контаминированную форму уже на уровень праязыка кроссривер.

В языке ибибио показатели 2 и 3 л. обоих чисел не только совпали, но и были фонетически редуцированы, как можно видеть в Табл. 2.18.

Таблица 2.18

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>N-</i>	<i>i-</i>
2 л.	<i>è-</i>	<i>è-</i>
3 л.	<i>é-</i>	<i>é-</i>

Аналогическое выравнивание сильно затрудняет реконструкцию, особенно в отсутствие надёжных данных по большинству языков группы кроссривер. Как легко заметить, в большинстве случаев субъектный показатель 2 л. мн. ч. выражен вокалическим префиксом, иногда идентичным показателю 1 л. мн. ч. Здесь он имеет вид *e-* или *i-*, кохумоно *a-*. Вокалические маркеры никогда не встречаются в посессивной или независимой сериях.

Несубъектные показатели, которые можно обобщить в рамках модели *VnV-*, включают кохумоно *àndò* (объектное / независимое), бекварра *ínèn* и кукеле *-ani* (посессивные), оболо *èni* (независимое), огбиа *-jín* и абуа *jina*. Схожие формы обнаруживаются в подгруппе бенди, языках верхней и нижней подгрупп, а также в языках центра дельты, охватывая, таким образом, бóльшую часть языков кроссривер. В элеме (подгруппа огони) существует субъектный префикс *ne-*, дополняющий картину. Основываясь на сравнении с формами других лиц и чисел в парадигме, мы можем предложить в качестве реконструкции для языков центра дельты вариант **VnI(n)*, однако в других подгруппах подтверждений этой форме не обнаруживается. Местоимение кохумоно *àndò*, а также формы языков огони должны указывать на **nU*, однако и для этой реконструкции подтверждений явно недостаточно. Назализованная гласная форм боки *bē* < **ben* ‘нас’ и *bēva* < **benue* ‘мы’ могут отражать результат падения носового сонанта, однако в отсутствие надёжных лексических подтверждений это предположение остаётся весьма спорным.

Итак, реконструированные формы 2 л. мн. ч. выглядят следующим образом:

- *nU* языки огони и верхней подгруппы;
- *VnI(n)* языки центра дельты;
- *ba-wo/*be-wo* языки дельты.

Суммируем результаты предварительной реконструкции форм личных показателей праязыка кроссривер в Табл. 2.19:

Таблица 2.19

	субъект	объект	независ.
1 л. ед. ч.	*N-, *mI	*mI	*amI
2 л. ед. ч.	*o-	*wo	*awò
1 л. мн. ч.			*Vti(n)
2 л. мн. ч.			*VnI(n), *nU

К сожалению, реконструкция выглядит неполной: в нашем распоряжении недостаточно материала для выведения надёжных праформ для плюральных показателей субъекта, если они в праязыке действительно отличались от автономных местоимений, а не были уже ими вытеснены – что типологически характерно именно для плюральных значений. Во многих языках формы 1 л. мн. ч. и особенно 2 л. мн. ч. были либо вытеснены новообразованиями, либо коренным образом модифицированы под влиянием формы 3 л. мн. ч. Исходя из логики, которую мы наблюдаем в сингулярных рядах, можно предположить существование некогда субъектно-объектных местоимений **ti* ‘мы’ и **nV* ‘вы’, однако от них, по-видимому, сохранились лишь отдельные следы, как, например, объектный показатель *-i* (< **-ni* ?) в языках огони.

И тем не менее имеет смысл сравнить получившуюся реконструкцию с личными показателями бантоидного праязыка, реконструированными нами в предыдущем параграфе. Обе группы объединяются в составе восточной ветви БК семьи языков, так что системное сходство между ними должно теоретически прослеживаться и в такой устойчивой системе морфологии, как местоименная парадигма.

Таблица 2.20

	бантоидные	кроссривер
1 л. ед. ч. (субъект.)	*N=	*N-
1 л. ед. ч. (несубъект.)	*me, *=am(e)	*amI
2 л. ед. ч. (субъект.)	*o=	*o-
2 л. ед. ч. (несубъект.)	*oe, *=ao(e)	*wo, *awo
1 л. мн. ч.	*=at ^(w) (e)	*Vti(n)
2 л. мн. ч.	*=anu(e)	*nU

Сходство двух парадигм очевидно. Оно проявляется и на уровне лексических основ – все местоимения обеих групп происходят из единых источников, и на уровне расширений. Так, и бантоидные языки, и кроссривер используют маркер **a-* для формирования притяжательных и независимых форм. В обеих группах есть

соответствия форм с плюральным префиксом **be-* и с финальным аффиксом несубъектных форм **-n*.

Определённое различие видно в огласовках. Как уже обсуждалось выше, формы 1 л. мн. ч. праязыка банту со срединной **-u-*, вероятно, должны претендовать на весьма древнее происхождение и последующее выпадение в языках других бантоидных подгрупп. В доступных нам данных по языкам кроссривер подтверждений исходного вокализма ***ti* не наблюдается, и это, безусловно, создаёт загадку, разрешение которой кроется в данных внешнего сравнения с другими БК языками. Что касается вокализма **ue* 'ты' в прабантоидном и **wo* в кроссривер, то для последней формы легко предположить весьма типичные фонологические развития: изменение по аналогии с субъектным **o-* или сдвиг назад под влияние предшествующего губного глайда.

§ 5. Платоидные, каинджи и джукуноидные языки

С тех пор, как Дж. Гринберг впервые объединил в составе одной ветви джукуноидную группу языков восточной Нигерии и языки нигерийского плато Джос, споры относительно валидности этого объединения, его позиции в составе НК макросемьи и его внутренней классификации не прекращаются. Невозможно игнорировать факт, что языки, которые Гринберг объединил под названиями джукуноидные и платоидные (позже из состава последних была выделена отдельная группа языков каинджи), на лексическом уровне довольно близки друг другу, а также другим восточным БК языкам групп кроссривер и бантоидной. Тем не менее отсутствие надежных языковых данных, а также, следовательно, и сравнительных исследований не позволяло сделать определенных выводов о классификации многочисленных языков нигерийского штата Плато.

На севере Нигерии платоидные языки и каинджи соседствуют с ареалом, населенным носителями чадских языков, из-за чего множество идиомов сегодня находятся под угрозой вымирания в связи с растущим культурным и языковым влиянием языка хауса. К югу от плато, помимо чадских, распространены также нупоидные и идомоидные языки. Джукуноидная зона географически удалена от плато Джос – она располагается в восточной Нигерии, в непосредственном соприкосновении с ареалом бантоидных языков.

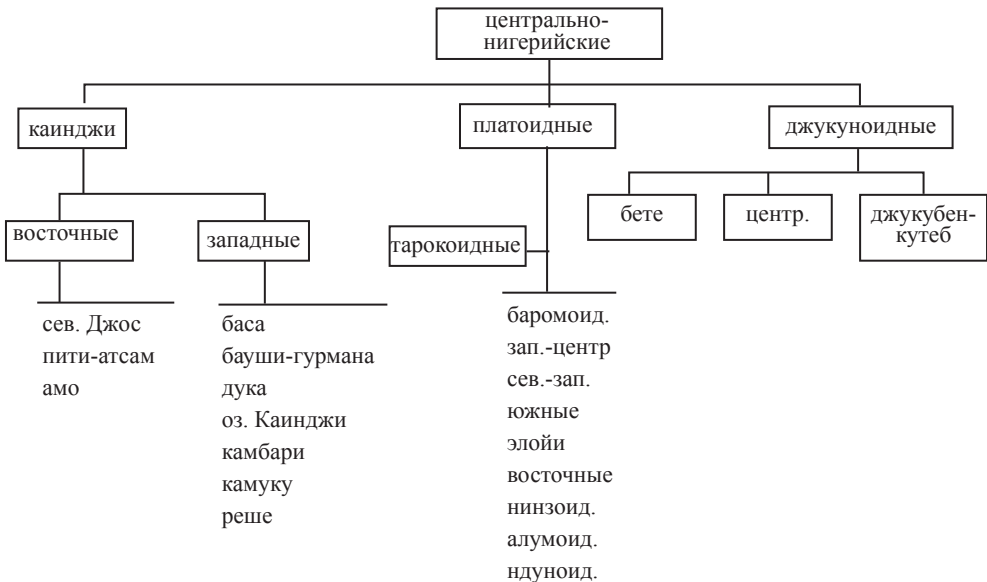
По меньшей мере шесть различных классификаций языков плато Джос было предложено между 1963 и 2000 гг. [Williamson 1971; Hoffmann 1976; Bennett, Sterk 1977; Gerhardt, Jockers 1981; Gerhardt 1989; Crozier, Blench 1992]. Последней по времени является классификация Уильямсон – Бленча [Williamson, Blench 2000], на которую сегодня чаще всего ссылаются исследователи (в модифицированном виде согласно [Blench 2004] показана на Диаграмме 2.4). В их кратком обзоре выдвигается предположение о существовании центрально-нигерийской (далее – ЦН) ветви БК языков, к которой отнесены языки всех трёх групп. Однако слишком много аспектов внутренней классификации этого гипотетического объединения

остаются спорными. Не разделяя этой гипотезы, в данном параграфе мы будем именовать ЦН ареальную совокупность языков, но не генетическое объединение.

Идея о существовании платоидного праязыка ставится под сомнение, поскольку выделяются лишь несколько лексических инноваций, которые могут быть отнесены к праплатоидному уровню. Языки каинджи изучены довольно слабо, и общих инноваций, объединявших бы восточную и западную подгруппы, также пока не найдено. Лишь джукуноидные языки образуют группу весьма близкородственных идиомов из примерно двадцати единиц, но верно ли давнее предположение К. Симидзу [Shimizu 1975] о том, что они вместе с языком тарок (платоидной группы) являются потомками некоего тарокоидного праязыка, – большой вопрос. Одна из недавних статей Р. Бленча имеет весьма показательный заголовок – вопрос, остающийся пока риторическим: «Существует ли граница между языками плато и джукуноидными?» [Blench 2005e].

Внутренняя структура платоидной группы, наиболее разветвлённой из всех трёх групп ЦН языков, согласно указанной классификации, включает по меньшей мере десять подгрупп, разделившихся на едином хронологическом уровне, что само по себе весьма сомнительно.

Диаграмма 2.4

Пожалуй, за исключением некоторых опытов Бленча, никто на сегодняшний день не брал на себя задачи выстроить правдоподобную фонологическую и морфологическую реконструкцию для платоидных языков и каинджи. Последний по времени сравнительный обзор языков обеих групп содержится в работе [Gerhardt 1989], но в нём лишь кратко описывается морфология, в основном огра-

ниченная системой именных классов, которой автор ранее посвятил отдельную работу [Gerhardt 1983]. В статье [Williamson, Blench 2000: 32] даётся краткий обзор морфологических черт, характеризующих ЦН языки:

...полные или редуцированные системы именных классов, как правило, образованных с помощью префиксов, широко распространённые глагольные расширения; объектные местоимения следуют за переходными глаголами.

Лексические списки по языкам обеих групп содержатся в двухтомнике «Сравнительных списков слов БК языков» [Williamson, Shimizu 1968; Williamson 1973]. В 2011–2013 гг. в рамках международного проекта «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция» британский учёный С. Мак-Гилл проводит работу по сбору полевого материала и подготовке сравнительного исследования языков каинджи.

В изучении джукуноидных языков большая работа была осуществлена К. Симидзу [Shimizu 1971–1980], который реконструировал фонологию и основы морфосинтаксиса праязыка, оставив, к сожалению, без внимания систему личных показателей. В его работе демонстрируется, что в морфологии джукуноидных языков содержится значительно больше инноваций, чем в языках каинджи или платоидных; это подтверждается и материалом системы именных классов: джукуноидные языки демонстрируют лишь вокалические суффиксы, тогда как в каинджи и в платоидных языках функционируют префиксы структуры CV-/V-, соответствующие классным показателям в банту и, что наиболее вероятно, являющиеся генетическим наследием БК праязыка [De Wolf 1971; Gerhardt 1989: 372].

В настоящем параграфе мы сравним личные показатели во всех трёх группах ЦН языков и попытаемся реконструировать некоторые праформы. Это позволит, во-первых, сопоставить полученные результаты с результатами реконструкции систем других языков восточной ветви БК в предыдущих параграфах и, во-вторых, ответить на вопрос о том, позволяет ли система личного маркирования подтвердить правомерность постулирования ЦН ветви как таксономической единицы.

Между системами личных показателей трёх групп, безусловно, существует структурная общность. Субъектные показатели лица повсюду предшествуют глагольной группе и синтаксически автономны. Глагольная флексия встречается редко, лишь объектный показатель в некоторых языках выступает в виде суффикса; в некоторых языках центральной части плато Джос он занимает позицию между видовременным показателем и основой глагола, в других – следует за последней. Разница между субъектными и объектными показателями часто сводится к супрасегментным характеристикам, прежде всего различию тонового регистра.

Притяжательные показатели, как правило, имеют вид приименного суффикса, но в некоторых языках являются автономными местоимениями и следуют за существительными. В этом случае их иногда называют «притяжательными прилагательными»; нередко это грамматикализованные единицы, образованные

из слияния субстантивной основы с посессивным суффиксом, как в бером и тарок [Longtau 2008]. Посессивные показатели могут присоединяться к существительному с помощью ассоциативной частицы: в уапан *atan bú ù* ‘твой дом’, букв. ‘дом АМ ты’. Так же как и в бантоидных языках, заметна тенденция к слиянию ассоциативного маркера с местоимением: джукун-такум *bú* ‘твой’ < *bú-ú* ‘АМ-ты’.

Во многих языках плато засвидетельствованы т. н. «повторные» местоимения (в литературе их также называют «рекапитулятивными» и «резюмированными»), чрезвычайно распространённые в языках региона и дублирующие маркировку лица и числа субъекта. Это означает, что субъектное местоимение, помещённое в позиции перед предикатом, дублируется в постпредикативной позиции с помощью суффикса или второго, аналогичного местоимения. Получившаяся конструкция может иметь разные значения. Дублирующие местоимения могут следовать за непереходными глаголами и обозначать отрицание, как в языках лиджили (южно-платоидный) или кенте (джукуноидный). В изере (центрально-платоидный) они употребляются только в значениях множественного числа:

- (6) *nín rus nín agabu*
 2PL бить 2PL собака
 ‘Вы бьёте собаку’.

В уапан (джукуноидный) конструкцией с дублирующим местоимением обозначается непредвиденное действие или состояние:

- (7a) *be ci zenzen kù*
 3PL EXI дети король
 ‘Они из королевской семьи’ (нейтрально),

но

- (7b) *be ci bé zenzen kù*
 3PL EXI 3PL.COPY дети король
 ‘Они из королевской семьи’ (хотя этого никак нельзя было ожидать) [Evenhouse, manuscript: 29].

В кутеб (джукуноидный) дублирующие местоимения употребляются в комплетивных и отрицательных конструкциях; Р. Коопс [Koops 2007] называет такую конструкцию «посессивным глаголом», поскольку постпредикативное дублирующее местоимение имеет в этом языке ту же форму, что и посессивное.

Несмотря на разброс грамматических значений, дублирующие местоимения являются распространённым ареальным явлением, которое можно проследить во многих языках Центрального Судана, включая чадские и убангийские языки. Неясно, являются ли источником этого явления НК языки, или же его следует

искать за пределами макросемьи [Gerhardt 1989: 374], ср. также недавний анализ явления в различных языках региона в сборнике [Storch 2011].

Количество серий личных показателей в разных ЦН языках различается. Табл. 2.21 показывает, что в джукун можно выделить как минимум семь синтаксических серий (3 субъектных, 3 притяжательных и объектную), различающихся тоном, длиной гласных и наличием префигурованного маркера (А. Шторх, полевые материалы):

Таблица 2.21

	субъект	эмфат. субъект.	объект.	дублирующие субъект.	притяжат.	эмфат. притяжат.	дублирующие притяжат.
1 ед.	<i>m</i>	<i>ám</i>	<i>m</i>	<i>m̃</i>	<i>m̃/búm</i>	<i>ábúm</i>	<i>m̃...m̃</i>
2 ед.	<i>u</i>	<i>áu</i>	<i>u</i>	<i>ú</i>	<i>bú</i>	<i>abu</i>	<i>bú...bú</i>
3 ед.	<i>kū</i>	<i>ákū</i>	<i>kū</i>	<i>á</i>	<i>bá</i>	<i>aku</i>	<i>bá...bá</i>
1 мн.	<i>ī</i>	<i>ái/ábi</i>	<i>ī</i>	<i>í</i>	<i>bí</i>	<i>ábi</i>	<i>bí...bí</i>
2 мн.	<i>ni</i>	<i>ánī</i>	<i>nī</i>	<i>ní</i>	<i>bíní</i>	<i>ábíní</i>	<i>bíní...bíní</i>
3 мн.	<i>bi</i>	<i>ábī</i>	<i>bī</i>	<i>bí</i>	<i>bíbí</i>	<i>ábíbí</i>	<i>bíbí...bíbí</i>

Отметим, что наравне с этим в джукун выделяется и несколько морфологических серий местоимений со значением глагольного субъекта. Они характеризуют видовременные значения глагола и различаются прежде всего тональным рисунком.

Считая необходимым разделять платоидные, каинджи и джукуноидные языки в генетической перспективе (по крайней мере пока их родство не будет доказано на системном уровне), в настоящем параграфе мы не будем объединять формы личных показателей трёх групп в рамках единых таблиц, как это делалось в § 2–3 настоящей главы. Более того, так как речь идёт о большом количестве языкового материала, разделённого на несколько десятков подгрупп, мы отсылаем читателя к материалу, содержащемуся в Приложении 2 настоящей работы. В рамках параграфа мы, следуя методу ступенчатой реконструкции, суммируем предположительные реконструкции для отдельных подгрупп и попытаемся вывести реконструкции для трёх праязыков групп, сравнив их затем между собой.

К сожалению, данных по системам личного маркирования платоидных языков и особенно языков каинджи в литературе крайне недостаточно. В частности, в нашем распоряжении нет практически никаких данных по языкам восточной ветви каинджи, по отдельным подгруппам платоидных языков. Материалы по платоидным языкам в большинстве почерпнуты из неопубликованных рукописей Р. Бленча, содержащихся на его личном сайте; большая часть данных по зап. каинджи предоставлена С. Мак-Гиллом из его полевых материалов. Словари и лексические списки содержат лишь формы автономных местоимений,

относимых нами к независимой серии, в то время как грамматических описаний, где содержались бы парадигмы глагольных показателей лица, опубликовано мало. В этой связи реконструкция противопоставлений между показателями различных синтаксических серий чаще всего представляется затруднительной.

1 лицо единственного числа

Субъектное местоимение в языках платоидной группы может быть реконструировано в форме **mI*, с гласной переднего ряда. Здесь, как и в кроссривер, очень частотно колебание *i/e*, и каким в точности был праязыковой вокализм, определить весьма сложно. Предположение о том, что праязыковая гласная принадлежала именно переднему ряду, подкрепляется наличием форм *туε/муа* в языках тсу, куанка и торо: здесь, по всей видимости, к более ранней форме **mi-* добавлен аспектуальный показатель *-a-*.

Лишь в двух из известных нам языков (тарок и лиджили) присутствует редуцированная форма субъектного показателя *N/n*, и в обоих случаях эта форма соседствует с *mi/me* в прочих сериях, что может свидетельствовать об их общем происхождении.

В независимой серии чаще всего видим формы модели *(a)mI*. Реконструкция **amI* становится возможной при сравнении форм в кулу (сев.), бу (нинзический), аке (юго-зап.) и лиджили (юж.). Везде вокалический префикс не выходит за пределы независимой серии.

Другие формы на праплатоидном уровне не восстанавливаются.

В языках зап. каинджи независимое местоимение также обычно двусложное и образуется прибавлением к исходной форме префикса **V-* (реше и чичипу *á-*, рор и чишингини *ə-*, тсувади *ò-*) или, в языках подгруппы камбари, **ge-*; исходная реконструкция местоимения в виде **mI* подтверждается соответствием языков подгрупп реше, дука, оз. Каинджи и отчасти камуку. Развитие в подгруппах камуку и камбари формы *-mi* объяснить сложно: возможно, оно объясняется огублением гласной после лабиального сонанта.

Редуцированный субъектный показатель *N* распространён почти по всем подгруппам языков зап. каинджи: он встречается в языках реше, камуку, баса, камбари; в подгруппе дука ему предшествует эвфоническая гласная *ə-*. Совершенно логично восстанавливать этот показатель и для праязыка зап. каинджи, хотя, вероятно, не в виде аффикса, а скорее как проклитику, так как в некоторых языках между ним и глаголом вполне возможно поместить другие части речи.

Формы джукуноидных языков более единообразны. Здесь представляется вполне надёжной реконструкция **ame* в независимой серии, клитического субъектного показателя **m=*, притяжательного суффикса **(V)m* и, вероятно, также объектного местоимения **m(e)*. Все четыре формы должны выводиться из исходного праязыкового **me* с соответствующими приращениями или усечениями. Притяжательная форма *anám* в кутеб является результатом слияния номинализатора *-a-*, маркера притяжательности *-na-* и собственно личного показателя *-m*

[Koops 2007: 107]. По тому же принципу образован показатель косвенного объекта хоне *yám/yímì*.

Следовательно, мы останавливаемся на следующих реконструкциях для праязыков трёх групп:

платоидные: **mI*, независ. **amI*;

зап. каинджи: субъект. **N=*, объект., независ. **mI*;

джукуноидные: субъект. **m=*, объект **m(e)*, притяжат. *-(*V*)*m*, независ. **ame*.

2 лицо единственного числа

Вероятно, единственной моделью, которая может быть признана кандидатом на праязыковое происхождение в платоидных языках, является WU. К ней можно отнести местоимения языков, представляющих большинство подгрупп: чара *wip-mi* (независ.), фьям *wí* (субъект.), хором *awə* (независ.), кануфи *wə* (субъект.), куанка *wo* (субъект.), тарок *bí* (субъект.), лиджили *ìwə* (независ.). Принимая во внимание частотность фонологического развития *w* <> *ɲ* в языках Западной Африки, к той же модели можно отнести местоимения *ɲi* в хьям, кулу и че, а также аке *àɲə*, тем более что существует и фонетически переходная форма эггон *ɲwo* с лабиализованным велярным сонантом. Наиболее логичной реконструкцией местоимения будет **wo*, гласная которой могла как повышаться до *-u*, так и понижаться до *-ə*. В этом виде показатель в праязыке, видимо, маркировал субъектное и объектное значения глагола; что касается независимого местоимения, то нередким является вокалическое приращение *a-*, распределение которого по подгруппам позволяет форму **awo* также возвести на праязыковой уровень.

В субъектном значении в ряде языков (бером, тарок, лиджили) функционирует усечённый вокалический показатель *o/ɔ/u*. В бером он является аффиксом. Однако проецировать эту форму на уровень праязыка всей группы не представляется возможным. Системы личного маркирования в платоидных языках в основном не являются флективными по своему строению, и предположить существование в праязыке аффиксальных субъектных показателей было бы нелогичным.

В языках зап. каинджи можно также предположить праязыковую форму типа **wU*/**bU*. К сожалению, ни вокализм, ни начальная согласная не могут быть восстановлены с точностью: для подгруппы камуку реконструируется **bU*, для камбари **vU*, в подгруппе дука видим формы хун-сааре *wə*, члела *və* и рор *bɔ̄*. В подгруппе оз. Каинджи вероятным рефлексом той же праязыковой формы является *fiú* с глухой билабиальной щелевой фонемой, а в реше произошло ослабление лабиального элемента до *h-*. Исходя из сравнения артикуляции рефлексов, именно билабиальный характер праязыковой согласной можно здесь восстанавливать. Кроме того, данные внешнего сравнения также указывают на **w-*. Так что наиболее экономичным вариантом для праязыка зап. каинджи будет **wU*. Эта форма должна постулироваться как для субъектной, так и для несубъектных серий, однако оппозиция между последними вряд ли может быть восстановлена на базе имеющегося материала.

Джукуноидные языки демонстрируют рефлексы праязыковых показателей **u* (субъект.), **wu* (объект.), **awu* (независ.). Форма *àtu* в юкубен, вероятно, испытала на себе влияние губного сонанта 1 л. ед. ч. Губной сонант распространился «по вертикали» по всему сингулярному ряду: *āmà* ‘я’, *āmī* ‘ты’, *āmí* ‘он’.

Таким образом, предложенные нами реконструкции показателей 2 л. ед. ч. для всех трёх групп очень схожи:

платоидный: **wo* (субъект / объект), **awo* (независ.);

зап. каинджи: **wU*;

джукуноидный: **u* (субъект.), **wu* (объект.), **awu* (независ.).

1 лицо множественного числа

Формы 1 л. мн. ч. в платоидных языках на первый взгляд кажутся чрезвычайно разнородными. Однако при ближайшем рассмотрении заметно, что многие местоимения можно разложить на два слоговых элемента, из которых начальный слог будет варьировать, а конечный повсюду выступает в виде *-tV/-rV*. Вариант с глухой зубной фиксируется в бером *wo-t*, чара *fu-tte*, фьям *mó-ti* (независ., при субъектном *tí*), кануфи *to-t*, че *mo-t* (притяжат.). Как уже не раз отмечалось в предыдущих параграфах, интервокальное развитие *t/d > r* характерно для языков региона в целом, поэтому такие формы, как тесу *mbɔ-rɔ*, аю *bibî-r*, изере *yî-r*, хьям *he-ra*, куанка *wô-râ*, торо *anc-rɔ*, вполне можно проанализировать как результат интервокального перехода *t > r* при добавлении к исходной форме личного показателя **-tV* префикса с вокалическим исходом. То, что этот префикс не является дистинктивным показателем лично-числового значения, хорошо видно из сопоставления форм 1–2 л. мн. ч.:

тесу *mbɔ-rɔ* ‘мы’, *mɔ-nɔ* ‘вы’;

аю *bibî-r* ‘мы’, *bibî-n* ‘вы’;

бером *hó-t* ‘мы’, *hî-n* ‘вы’;

фьям *mó-ti* ‘мы’, *mí-ni* ‘вы’.

Указанные префиксы могут обладать общим значением плюралиса, как, например, *mbɔ-*, *wo-*, *bibi-*, родственные БК плюральному классному маркеру **ba-*. Происхождение других менее ясно.

В чистом виде, без префикса, форма модели *tV* в наших материалах присутствует только в фьям *tí*, хором *taŋ*, мада *tə* и изере *tî-*; возможно, к этому же кластеру родственных форм относится лиджили *la*. Однако дальше, чем реконструкция праформы **tV* для платоидного праязыка, мы, к сожалению, уверенно двигаться не сможем.

В языках зап. каинджи ситуация представляется менее сложной. Для подгрупп камбари и камуку восстанавливается оппозиция **ti* в субъектной серии и объектного **tu*, к которому присоединяются распространённые по всей парадигме фокализирующие префиксы **ge-* (камуку) и **I-* (камбари). Однако при ближайшем рассмотрении постулирование инициальной зубной смычной должно быть поставлено под вопрос: в реше, члела, камуку-чинда и чишингини (то есть в языках четырёх

различных подгрупп!) в субъектных формах мы видим не смычные, а аффрикаты [tʃ] и [tʂ]. Они, по всей вероятности, являются результатом палатализации под влиянием последующих переднерядных гласных, как это мы наблюдали выше в бантоидных языках. Формы с заднерядными гласными, такие как реше *tsù-*, *tsɔ*, чишингини *-tsu*, могут указывать на лабиализацию исходной согласной **t*, которую мы также предполагали для бантоидного праязыка. Тем более что исходный вокализм показателя 1 л. мн. ч. следует постулировать как переднерядный: это диктуется соответствиями языков подгрупп дука, реше, оз. Каинджи. В близкородственных языках камбари и камуку, как и в 1 л. ед. ч., происходит лабиализация **l > *u*.

В языках дука существует грамматическая категория расширенного множественного числа. Её происхождение весьма позднее: в других подгруппах этой категории не обнаруживается. При расщеплении значения исходное местоимение **ti* стало маркировать эксклюзив, а инклюзивная форма **na* возникла под влиянием местоимения 2 л. мн. ч. **no*. Эта гипотеза подтверждается композитными формами местоимений члела: *cin* ‘мы двое’ из *ɛs* ‘мы’ + *ɛn* ‘вы’.

Для джукуноидного праязыка восстанавливается форма местоимения **ti* в качестве показателя субъекта и прямого объекта, **(a)ti* в качестве посессивного местоимения и **atī* в независимой серии. Фонема **t-* в интервокальной позиции регулярно выпадает во многих языках центральной подгруппы, ср., например, превращение БК показателя одного из плюралных классов **ti-* в **-i* [Shimizu 1971: 197]. На основе имеющегося в Приложении 2 материала мы даже можем восстановить различные стадии процесса озвончения, спирализации и последующей утраты зубной смычной фонемы: **t > t* (кутеб) \sim *d* (бете) \sim *j* (этквиван) \sim *y* (хоне) \sim \emptyset (джукун, уапан, луфу).

2 лицо множественного числа

Соответствия между показателями 1–2 л. мн. ч. в ряде платоидных языков, уже обозначенные в предыдущем разделе, указывают на возможность реконструкции формы **nV* для праязыка группы. Это предположение подтверждается и некоторыми другими формами, содержащими носовую согласную и переднерядную гласную. Чаще всего носовая имеет палатальную артикуляцию: изере *nín-*, иригве *ní*, хьям *nii*, куанка *nìndà*, сур *nijin*. Формы с зубным сонантом и заднерядной гласной менее репрезентативны: кулу *anuj*, аке *ánù*, торо *anɔ̀ɔ̀*. Так как обе формы встречаются в различных подгруппах, а более высоких таксонов, чем подгруппа, для платоидных языков не выявлено, для праплатоидного уровня приходится реконструировать оба варианта: **ni(n)/*nU(n)*.

Интересно, что схожая вокалическая оппозиция реконструируется и для языков зап. каинджи. На основе сравнения местоимений подгрупп реше и дука можно сделать вывод о реконструкции формы **nO*: реше *ánó*, хун-сааре *nɔ*, члела *nwá*, пор *nɔ*. Однако в языках камуку реконструируется **ni > (h)i-*: об утрате начального сонанта свидетельствует назализованная форма понгу *ĩ-*. Противопоставление по вокализму между субъектными формами из **ni* и объектными из **nU* видны только

в языках камбари: здесь произошёл переход $*n > *d$, отсюда тсувади и чичипу $d\ddot{o}$, чишингини $d\ddot{u}$. Несмотря на то что субъектно-объектное противопоставление демонстрируют языки лишь одной подгруппы, обе праформы $*ni/*nU$ следует предполагать для праязыка – распределение не указывает на предпочтительность одной из них, а формы камбари предполагают, что и в праязыке они могли сосуществовать.

Для джукуноидного праязыка мы можем вслед за К. Симидзу предложить формы $*ni$ (субъект / объект), а также $*-ni$ (притяжательный суффикс) и $*\acute{a}n\bar{i}$ (независимое местоимение). Местоимение $n\bar{i}ŋ$ в джибу, вероятно, отражает исходную форму с конечной $*-n$, однако существовала ли она в других джукуноидных языках, неясно. Местоимение с конечной носовой также встречается в языках платоидной группы, и оно вполне соответствует местоимению $*inI(n)$ в языках кроссривер.

В Табл. 2.22 сведены все формы, гипотетически восстановленные нами для трёх групп ЦН языков. Для сравнения в правых столбцах таблицы приведены также осуществлённые нами реконструкции личных показателей в других группах восточных БК языков – бантоидных и кроссривер.

Таблица 2.22

	платоидные	зап. каинджи	джукуноидные	кроссривер	бантоидные
1ед.	$*mI, *amI$	$*N=, *mI$	$*m, *me, *ame$	$*N-, *amI$	$*N=, *me, *=am(e)$
2ед.	$*wo, *awo$	$*wU$	$*u, *wu, *awu$	$*o-, *wo, *awo$	$*\acute{o}=, *oe, *=ao(e)$
1мн.	$*tV$	$*ti/*tu$	$*ti, *at\bar{i}$	$*Vti(n)$	$*=ac^v(e)$
2мн.	$*ni/*nU$	$*ni/*nU$	$*ni, *\acute{a}n\bar{i}$	$*VnI(n)$	$*=anu(e)$

Легко видеть, что таблица включает в себе как очевидные сходства, так и несколько проблемных вопросов. Суммируем результаты реконструкции местоименных систем восточных БК языков.

1. В 1 л. ед. ч. форма $*mI$ восстанавливается для всех пяти групп восточных БК языков. С точки зрения фонетического облика неясным остаётся лишь её вокализм: в большинстве групп присутствуют как формы mi , так и me – именно между ними приходится делать выбор. Столь сбалансированное распределение (отметим, что ни в одной из остальных форм парадигм ЦН языков $*I$ не фигурирует) может указывать на то, что исходной фонемой была [ɪ], передне-центральная гласная, занимающая по артикуляции промежуточное положение между [i] и [e] по шкале открытости-закрытости и между [i] и [ɪ] по шкале рядов гласных. Данная фонема присуща многим языкам Западной Африки, имеющим 9- или 10-членную систему вокализма, и целым рядом учёных восстанавливается для праязыка вольта-конголезского уровня [Williamson 1989: 23]. Она не так уж часто присутствует в системах личного маркирования БК языков, однако предположить её существование в праязыке можно в том числе и на том основании, что формы mi (с небольшим сдвигом назад) также встречаются весьма часто в языках

семьи, в т. ч. в бантоидных. Реконструкция **mi*, таким образом, представляется наиболее экономичным объяснением для варьирования между *i/e/i* в восточных БК языках.

2. Вопрос, на каком этапе праязыка произошла редукция показателя **mi* > **N* в субъектной позиции и его клитизация (а в некоторых языках, в т. ч. банту – и префиксация), остаётся весьма сложным. В данном вопросе при выборе решения мы можем опираться, в частности, на современные исследования в области НК именной классификации, изученной значительно более глубоко, чем система личного маркирования. Предполагается, что НК праязык обладал флективной системой именных классовых префиксов, сохранившейся в наиболее консервативных языковых семьях и группах (кордофанской, бак, тенда, бантоидной), в некоторых языках ква. При этом, однако, во многих других языках классовые маркеры, единые по происхождению с префиксами, напротив, суффицируются к имени (языки гур, вост. кру, некоторые адамауа, а среди БК языков – джукуноидные, тивоидные). Механизмы перехода «старых» префиксов в суффиксы хорошо описан в научной литературе (см. обзор в [Williamson 1989: 33–35]).

Схожий механизм мы склонны предполагать для показателей лица в БК языках. Исходя из данных приведённой выше таблицы, наиболее логично сделать вывод о том, что редуцированный клитический показатель **N=* существовал уже в праязыке восточной ветви БК. Он сохранился в тех языках, которые в целом сохранили флексию (в т. ч. и префиксальные классовые маркеры): южно-бантоидных (включая банту), кроссривер, зап. каинджи. Там, где система личного маркирования утратила флективный строй, префикс был элиминирован, а субъект глагола стал маркироваться автономным местоимением несубъектной серии. Ряд языков групп бантоидной и кроссривер, где существует «переходное» двойное маркирование субъекта независимым местоимением и префиксом, также указывают на верность этой гипотезы.

3. Во 2 л. ед. ч. мы снова сталкиваемся с проблемой вокализма. Вариации между **i* и **o* снова заставляют нас обратиться к возможности реконструкции 9-членной системы вокализма для праязыкового состояния: наиболее логичным будет восстанавливать гласную **o*, расположенную в Международном фонетическом алфавите между средним и задним артикуляционными рядами. Вопрос о существовании в праязыке губного глайда также непросто: противопоставление субъектного показателя **o* и автономного объектного местоимения **wo* может объясняться не редукцией глайда в последнем, а появлением начального глайда в позиции после глагола с исходом на гласную – именно в этой позиции чаще всего маркируется объект в восточных БК языках. Формы банту, кажется, как раз свидетельствуют об этом: здесь *w* отражает именно гласную, переход которой в сонант происходит после вокалического префикса в автономных местоимениях и объектных суффиксах глагола. На создание инициального глайда могли повлиять и соображения структурной унификации парадигмы, ведь показатели объекта других лично-числовых значений имеют вид CV, независимых место-

имений – VCV. В целях унификации структурных типов показателей происходит развитие $*\sigma > *w\sigma$, а $*V\sigma > *Vw\sigma$.

4. Ещё один вопрос реконструкции праязыкового консонантизма – о природе начальной согласной в формах 1 л. мн. ч. Наиболее экономичным будет предположить существование в праязыке зубной смычной $*t$. Её рефлексами в многочисленных восточных БК языках являются как смычная t , так и свистящие s , ts и шипящие f , c . Переход исходной фонемы в щелевую или аффрикату происходит в тех языках (вероятно, ещё в праязыках), где она подверглась палатализации перед переднерядными гласными. Этого не происходит, например, в джукуноидных языках, где вообще редки шипящие аффрикаты [Shimizu 1971–1980, 1: 64 ff.]. То же можно сказать о тех платоидных языках, где в качестве личного показателя 1 л. мн. ч. мы видим форму на t -.

5. Наконец, стоит ещё раз поднять вопрос вокализма плюралных личных показателей. В языках банту мы реконструировали $*\sigma$ в субъектных показателях и $*e$ в независимых местоимениях. Причём показатель 1 л. мн. ч., вероятно, исходно обладал лабиализованной фонемой $*t^v$. Другие бантоидные языки, а также языки кроссривер, джукуноидные однозначно демонстрируют переднерядный вокализм $*(V)te$, $*(V)ne$. В языках каинджи и платоидных мы видим как заднерядные, так и переднерядные рефлексы, причём в зап. каинджи они выступают в дополнительном распределении, маркируя субъектную и объектную серии. Регулярных фонетических соответствий U/I в префиксальных морфемах в БК языках не обнаруживается, – это легко видно по системе именных классовых маркеров, в большинстве случаев сохранившихся в языках различных групп с неизменным вокализмом. Выбор одного из двух вариантов в качестве праязыкового источника в любом случае будет ненадёжным – ведь нам пришлось бы объяснять грамматические или фонологические условия перехода гласной. Наиболее интересной и, быть может, многообещающей в данном контексте была бы гипотеза о варьировании вокализма в праязыке, обусловленном противопоставлением грамматических значений. Возможно, эта гипотеза получит дополнительные обоснования при сравнении с другими БК и НК языками.

§ 6. Западные бенуэ-конголезские языки

Западная ветвь БК языков включает в себя группы эдоидных, дефоидных, игбоидных языков, а также иногда объединяемые в единую таксономическую общность нупоидные и идомоидные языки (см. выше Диаграмму 2.1). Все эти языки ранее принято было относить к семье ква, и лишь после лексикостатистического исследования [Bennett, Sterk 1977] их место было определено в составе БК семьи языков. Группа дефоидных языков как понятие была введена в широкий обиход несколько позже, объединив в своём составе йорубоидные и акокоидные языки Нигерии, а также языки айере-ахан, генетический статус которых остаётся под вопросом.

Все пять групп, о которых пойдёт речь в настоящем параграфе, по количеству языков невелики по сравнению с восточными БК языками. Мы рассмотрим их последовательно, приводя максимально подробные сведения о системах личного маркирования, и сделаем попытку реконструкции систем праязыков каждой из групп. В заключении параграфа будут представлены системы личных местоимений трёх изолированных языков (или диалектных кластеров) центральной Нигерии, включаемых в состав БК, а именно око, акпес и укаан.

Эдоидная группа содержит, согласно сегодняшним данным, более 30 языков. Их носители проживают в Северной Нигерии в трёх районах, отделенных друг от друга природными границами или ареалами других групп языков. Это разделение служит естественной основой внутренней классификации эдоидных языков – начиная с работ крупнейшего исследователя языков данной группы Б. Элугбе [Elugbe 1979; 1989], эдоидные языки принято делить на четыре основные подгруппы: на языках северо-западной (СЗ) и северо-центральной (СЦ) подгрупп говорят в северной части штата Бендел; юго-западные (ЮЗ) языки граничат с ними на юге, а языки дельты (Д) разбросаны по этнически пёстрому региону широкой дельты Нигера, к востоку от основной зоны распространения языков группы. Соседние этнические группы говорят на других западных БК языках (дефоидной, игбоидной и нупоидной групп), а также – в дельте Нигера – на иджоидных языках.

Уже первые лингвисты, работавшие в регионе, обратили внимание на сходство эдоидных языков между собой [Koelle 1854], но общие морфосинтаксические характеристики этих языков были впервые зафиксированы только в начале XX в. – так, в работе [Strub 1915–1916] приведено краткое грамматическое описание одного из диалектов языка екхее, а спустя некоторое время Д. Вестерман [Westermann 1926] анализировал именные классные префиксы в нескольких эдоидных языках.

Вопросами реконструкции праэдоидного языкового состояния в последние десятилетия занимались Б. Элугбе и его коллеги в университетах Нигерии [Elugbe 1979; 1980; 1983; 1984; 1989]. Реконструирована десятичленная система вокализма, в которой к гласным *a, e, i, o, u* добавляются их соответствия с «нерасширенным фаринксом», природа которых описывается как «более открытая» [Elugbe 1989: 298]. Гармония гласных является одной из отличительных особенностей эдоидных морфем, распространяясь в том числе на личные показатели. Гласные меняют признак продвинутости корня языка (\pm ATR) под влиянием правил вокалической гармонии и в зависимости от консонантного окружения. Соответствующие пары гласных в эдоидном праязыке будут в настоящей работе обозначаться заглавной буквой (например, **mI* вместо пары **mi/mi*).

К сожалению, ни в одной из известных нам работ не содержится сравнения и реконструкции местоимений в эдоидных языках.

Личные местоимения в языках группы, как правило, синтаксически автономны, хотя субъект глагола в некоторых из них выражен проклитическими показателями. Субъектный показатель может дублировать именную группу субъекта, как, например, в ивбие:

- (8) *Ogele* *ɔ* *ma* *yεε*
 Огеле 3.SG много знать
 ‘Огеле много знает’ [Emuekpere Masagbor 1997: 190].

Рекапитулятивные показатели лица обязательны после независимых местоимений и в предложениях с именным предикатом. В дегема в глагольной клаузе одновременно используются независимое местоимение и префигированный личный показатель согласования (значение фокуса при этом может отсутствовать):

- (9) *m̄εε* *mi-m̄ɔn* *ʒji*
 1SG.FOC 1SG-видеть его
 ‘Я увидел его’ [Kari 2007: 92].

Языков, в которых различаются четыре традиционных синтаксических серии местоимений, немного: в большинстве языков совпадают либо субъектно-объектные, либо объектно-притяжательные показатели. В некоторых СЦ эдоидных языках совпадают все четыре серии показателей. Посессивные местоимения обычно располагаются после именной группы обладаемого и являются синтаксически автономными.

Местоимения в нижеследующей Табл. 2.23 даны по материалам [Elugbe 1989 (1986)] и другим работам, ссылки на которые указаны постранично.

Таблица 2.23

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
екхее (СЦ) ⁶³	<i>i-/i-</i>	<i>me, mē</i>	<i>me, m^hè</i>	<i>me, mē</i>
эдо (СЦ) ⁶⁴	<i>i</i>	<i>βĕ</i>	<i>βĕ</i>	<i>(i)mε</i>
ивбие (СЦ) ⁶⁵	<i>m^hi/i</i>	<i>m^hε</i>	<i>m^hε</i>	<i>m^hεm^hε</i>
окпамхери (СЦ) ⁶⁶	<i>mi</i>	<i>mε</i>	<i>^hmε</i>	<i>mεmε</i>
эмай (СЦ) ⁶⁷	<i>i</i>	<i>mè</i>		<i>mè mè</i>
ухами (СЗ)			<i>mε</i>	<i>umε</i>
укуэ (СЗ)			<i>mε</i>	<i>mε</i>
ибило (СЗ)		<i>m^hε</i>	<i>hmε</i>	<i>mεmε</i>

⁶³ [Strub 1915–1916: 458–459; Elimelech 1976].

⁶⁴ [Amayo 1980 (1975)].

⁶⁵ [Emuekpere Masagbor 1997]; здесь и далее сочетаниями *m^h*, *v^h* обозначаются ослабленные лабиальные.

⁶⁶ [Elugbe 1980].

⁶⁷ [Schaefer, Egbokhare 2007].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эпие (Д) ⁶⁸		<i>méni, mε</i>	<i>mε</i>	<i>mεmε</i>
дегема (Д) ⁶⁹	<i>mE-, mI-</i> (прош., отр.)	<i>mÉ</i>	<i>mÉE, mε</i>	<i>mÉÉ, omε</i>
энгенни (Д) ⁷⁰	<i>mÌ</i>	<i>-mÈ</i>	<i>mÈ</i>	<i>mE</i>
урхобо (ЮЗ) ⁷¹	<i>mí, mé</i>	<i>βε, mε</i>	<i>mé</i>	<i>omamε, meoÉ</i>
окпе (ЮЗ) ⁷²	<i>mÌ</i>		<i>mε</i>	<i>mεmε</i>
увбие (ЮЗ) ⁷³	<i>mì, mètè</i> (прог.)		<i>mε</i>	<i>mεmε</i>
2 л. ед. ч.				
екхее (СЦ)	<i>ū</i>	<i>ē, ugwe, ugweɛɛ</i>	<i>è, itsye</i>	<i>ē, ugwe, ugweɛɛ</i>
эдо (СЦ)	<i>u</i>	<i>wé, é, ó, ð, á, á, rùé, rùé</i>	<i>rué/rué</i>	<i>(u)wè</i>
ивбие (СЦ)	<i>u</i>	<i>giε, ε</i>	<i>giε</i>	<i>giε</i>
окпамхери (СЦ)	<i>u</i>	<i>wε</i>	<i>bwε</i>	<i>wεwε</i>
эмай (СЦ)	<i>ù, é</i> (отр. имп.)	<i>á</i> (непр.)		<i>wèwè</i>
эпие (Д)				<i>wɔwɔ</i>
дегема (Д)	<i>mU-, U-</i> (отр.), <i>E-</i> (отр. имп.)	<i>wó</i>	<i>wóo</i>	<i>wóò, uwɔ</i>
энгенни (Д)	<i>βU</i>	<i>-wO</i>	<i>wO</i>	<i>βO, iwó</i>
урхобо (ЮЗ)	<i>wε, wɔ</i>	<i>wε</i>	<i>wé</i>	<i>omawé</i>
окпе (ЮЗ)	<i>wÛ</i>			
увбие (ЮЗ)	<i>ù, guè</i> (прог.)			
3 л. ед. ч.				
екхее (СЦ)	<i>ð, ð</i> (прош.), <i>ð</i> (отр.)			
эдо (СЦ)	<i>ð</i>			
ивбие (СЦ)	<i>O</i>	<i>ɔli</i>	<i>ɔli</i>	<i>lε, lɔli</i>
эмай (СЦ)	<i>ɔ</i>	<i>áìn</i> (непр.)		
дегема (Д)	<i>O, mO, mI</i>			
энгенни (Д)	<i>ɔ</i>			<i>ðkì</i>

⁶⁸ [Blench 2006].⁶⁹ [Kari 2002; 2003; 2004; Thomas, Williamson 1967].⁷⁰ [Thomas 1976 (1968)].⁷¹ [Ukere 2005 (1986)].⁷² [Omatör 1988].⁷³ [Omatör 1988].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
урхобо (ЮЗ)	<i>ɔ</i>	<i>ɔye</i>	<i>rɔyeɲ</i>	
окпе (ЮЗ)	<i>o</i>			
1 л. мн. ч.				
екхее (СЦ)	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>ma</i>	<i>mā</i>
эдо (СЦ)	<i>(i)mà</i>	<i>ímà</i>	<i>ímà, βǎ</i>	<i>(i)mà</i>
ивбие (СЦ)	<i>eɛ</i>	<i>eɛ</i>	<i>eɛ</i>	
окпамхери (СЦ)		<i>mani</i>	<i>hmani</i>	<i>mani</i>
эмай (СЦ)	<i>ma</i>	<i>ámàì</i>	<i>àmáí</i>	
аома (СЦ)				<i>mama</i>
ухами (СЗ)				<i>amaɛ</i>
укуэ (СЗ)				<i>mai</i>
ибило (СЗ)				<i>m^ham^ha</i>
эпие (Д)	<i>mE-, E- (отр.)</i>	<i>ení</i>	<i>néni</i>	<i>eni</i>
дегема (Д)	<i>eni</i>	<i>eni</i>	<i>eni</i>	<i>eni</i>
энгенни (Д)	<i>èni</i>	<i>èni</i>		<i>èni</i>
урхобо (ЮЗ)	<i>ámí</i>		<i>raβare</i>	<i>avani</i>
окпе (ЮЗ)	<i>ámí</i>			<i>ami (?)</i>
увбие (ЮЗ)				<i>ónì</i>
2 л. мн. ч.				
екхее (СЦ)	<i>βā, iβā</i>	<i>βā, iβā</i>	<i>βa</i>	<i>βā, iβā</i>
эдо (СЦ)	<i>(ù)wà</i>	<i>úwà</i>	<i>úwà</i>	<i>(ù)wà</i>
ивбие (СЦ)	<i>v^hɛ/v^ha</i>	<i>v^hɛ</i>	<i>v^hɛ</i>	<i>v^hɛv^hɛ</i>
окпамхери (СЦ)	<i>we</i>	<i>wa</i>	<i>buba</i>	
эмай (СЦ)	<i>vba</i>	<i>ávba</i>	<i>àvbá</i>	<i>vbàvbà</i>
аома (СЦ)				<i>βaβa</i>
аучи (СЦ)				<i>βae</i>
ухами (СЗ)				<i>uva</i>
укуэ (СЗ)				<i>wai</i>
ибило (СЗ)				<i>wawa</i>
эхуэун (СЗ)				<i>uwari</i>
эпие (Д)	<i>mA-, A- (отр.)</i>	<i>mÁAɲ</i>	<i>mÁAɲ</i>	<i>mÁAɲ, βaa</i>
дегема (Д)	<i>ba</i>	<i>-ba</i>	<i>ba</i>	<i>ba</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
энгенни (Д)	<i>wá, βán</i>	<i>wá, βán</i>	<i>rowán, roβán</i>	<i>otarowan, bai</i>
эрува (ЮЗ)				<i>wa</i>
урхобо (ЮЗ)	<i>àrí</i>		<i>roβán</i>	<i>βa</i>
окпе (ЮЗ)	<i>àrí</i>			<i>mámá</i>
3 л. мн. ч.				
ивбие (СЦ)	<i>wε, e</i>	<i>wε</i>	<i>wε</i>	<i>wεwε</i>
эмай (СЦ)	<i>è</i>			
дегема (Д)	<i>E, I, mE</i>			
энгенни (Д)	<i>i</i>			<i>èguà</i>
урхобо (ЮЗ)	<i>áyen</i>	<i>áyen</i>	<i>rayen</i>	
окпе (ЮЗ)	<i>àyí</i>			

В 1 л. ед. ч. формы языков различных подгрупп указывают на возможность реконструкции местоимений $*m^hI$ (субъект.), $*m^hε$ (объект., притяжат.), а также независимого местоимения $*m^hem^hε$, образованного редупликацией показателя объекта. Ослабленный лабиальный сонант здесь реконструируется на основании регулярных соответствий, установленных на лексическом материале [Elugbe 1989 (1986): 102]; верны эти соответствия или нет, в данном случае не имеет большого значения, так как на более высоком языковом уровне в любом случае будет восстанавливаться неленированная $*m$, которая в эдоидном праязыке ленировалась перед переднерядными гласными. В подгруппах Д и ЮЗ ленированная фонема закономерно сливается с неленированной m . В эдо регулярным рефлексом праязыкового $*m^h$ - является билабиальная звонкая щелевая $β$ -.

Формы субъектных показателей I - в СЦ языках являются следствием последовательных процессов ослабления и выпадения начального $*m^h$ - перед узкой гласной переднего ряда. Эти процессы можно проследить на целом ряде лексем, где находим регулярное соответствие начальных СЦ i - и ЮЗ/Д mi -. В языке ивбие зафиксированы формы двух диалектов m^hi и i , отражающие различные фазы процесса выпадения сонанта.

Следовательно, подлежат реконструкции следующие праэдоидные формы местоимений 1 л. ед. ч.:

- $*m^hI$ субъектное местоимение;
- $*m^hε$ объектно-притяжательное местоимение;
- $*m^hem^hε$ независимое местоимение.

Во 2 л. ед. ч. в качестве субъектного местоимения наиболее логично предположить праформу $*wi$. Губной глайд восстанавливается для эдоидного праязыка

[Elugbe 1989 (1986): 105], однако его рефлексы в современных не всегда очевидны. Судя по лексическим соответствиям, он выпал в СЦ подгруппе, но лишь перед заднерядной гласной, в результате чего и видим формы субъекта *u* при независимом местоимении *wɛwɛ*.

Не совсем ясен вокализм несубъектных форм: в СЦ и ЮЗ подгруппах восстанавливается **wɛ*, но в языках дельты – **wɔ*. Соответственно, и редуцированные формы независимого местоимения приходится постулировать как **wɛwɛ/*wɔwɔ*. В любом случае можно предположить, что вокализм несубъектных местоимений отличался от вокализма субъектного показателя.

В языках екхее и ивбие произошла веляризация губного глайда **wɛ > *gɛ* (> *giɛ*).

Показатель *tu* в дегема содержит утвердительный префикс *m-*, пронизывающий всю парадигму лично-числовых значений и, вероятно, изначально заимствованный из формы 1 л. ед. ч. Эта форма, таким образом, праязыкового состояния не отражает.

Таким образом, следующие праформы местоимений могут быть реконструированы:

<i>*wu</i>	субъектное местоимение;
<i>*wɔ/*wɛ</i>	объектно-притяжательное местоимение;
<i>*wɔwɔ/*wɛwɛ</i>	независимое местоимение.

В 1 л. мн. ч. формы различных эдоидных языков также весьма единообразны. Элугбе [Elugbe 1989: 207] реконструирует праэдоидную форму независимого местоимения **m^han^hi* на основании форм языков трёх подгрупп (СЦ, СЗ, ЮЗ). Если местоимение энгенни *abáre* выводить из той же формы (ср. распространённое консонантное чередование *n ~ r* в интервокальной позиции), то соответствия будут охватывать все четыре подгруппы эдоидных языков. Однако двусложное местоимение, по всей вероятности, в праязыке принадлежало независимой серии. Показатели субъекта и объекта глагола, как и в других лично-числовых значениях, должны были иметь структуру CV. Именно такое местоимение, реконструируемое как **m^ha*, мы наблюдаем в екхее *mā*, эдо *mà*, эмай *ma*, эпие *mE-*. Редуцированная независимая форма *tama* в аома также должна указывать на субъектно-объектное местоимение **ma* (к сожалению, среди наших материалов по аома форм этих серий нет).

Скорее всего, праязыковые местоимения являются результатом аналогического выравнивания с показателем 1 л. ед. ч. **m^hi* (для окпе, например, это несомненно так). К примеру, в урхобо оба местоимения в субъектной серии различаются только наличием префикса *à-* в 1 л. мн. ч. Типологически это вполне оправданно. Образование плюральных местоимений на базе сингулярных (с изменением вокализма или добавлением аффикса) характерно, например, для языков Евразии (см. индоевропейские местоимения 1 ед. **me* ~ 1 мн. **mes/*mos*, тюркские 1 ед. **ben* ~ 1 мн. **bir*, монгольские 1 ед. **bi* ~ 1 мн. **ba*, венгерские 2 ед. **te* ~ 2 мн. **ti* и т. п.). Подоб-

ный агглютинативный метод образования форм множественного числа относится к наиболее распространенным в языках мира [Siewierska 2004]. Кроме того, именно изменение вокализма является основным методом образования множественного числа в именных системах эдоидных языков [Elugbe 1989], так что вполне естественно, что этот же способ используется в прономинальной системе.

Таким образом, мы реконструируем следующие местоимения 1 л. мн. ч.:

- * $m^h a$ субъектно-объектное местоимение;
 * $m^h a n^h i$ независимое (?) местоимение.

Во 2 л. мн. ч. Элугбе [Elugbe 1989 (1986): 133] склонен постулировать варианты праформы независимого местоимения * $b^h a i / *b^h a d^h i$. Вторая кажется нам весьма сомнительной: праязыковая зубная здесь может восстанавливаться только из формы эхуэун *uwari*, однако *-r-* здесь, с нашей точки зрения, скорее должна выводиться из **-n-*, исходя из сопоставления с формами 1 л. мн. ч. Надёжной реконструкцией в этом случае будет * $b^h a n^h i$ (энгени *bai*, аучи *bae*, укуэ *wai*, эхуэун *uwari*), структурно схожая с * $m^h a n^h i$ 'мы'. Субъектно-объектный показатель закономерно восстанавливается как * $b^h a$ (эрува *wa*, эдо *wa*, урхобо *ba*, ухами *iva*, а также ср. редуцированные местоимения со значением фокуса: аома *βaβa*, ибило *wawa* и некоторые другие).

Если местоимение * $m^h a$ 'мы', как мы предполагаем, происходит из сингулярного 'я' (выравнивание «по горизонтали»), то для формы * $b^h a$ несомненно влияние местоимения БК маркера плюрального именного класса **ba-*. Интересно, что в местоименных системах эдоидных языков он не исполняет функции местоимения 3 л. мн. ч., как в других языках семьи. Если местоимение 3 л. ед. ч. * ζ однозначно выводится из БК (или даже НК) префикса класса лиц, то его плюральным эквивалентом служит новообразование, почерпнутое, по-видимому, из сферы действительных маркеров.

Суммируя изложенное, в Табл. 2.24 мы предлагаем реконструкцию праэдоидной системы личного маркирования, состоящую из автономных личных местоимений.

Таблица 2.24

	субъект.	объект. / притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	* $m^h I$	* $m^h \epsilon$	* $m^h \epsilon m^h \epsilon$
2 л. ед. ч.	* wu	* $w\zeta / *w\epsilon$	* $w\zeta w\zeta / *w\epsilon w\epsilon$
3 л. ед. ч.	* ζ		
1 л. мн. ч.	* $m^h a$	* $m^h a$	* $m^h a n^h i$
2 л. мн. ч.	* $b^h a$	* $b^h a$	* $b^h a n^h i$
3 л. мн. ч.	* $E / *I$		

Разбор происхождения и внешнего сравнения реконструированных форм отнесём к концу параграфа, а теперь перейдём к обзору местоименных систем дефоидных и игбоидных языков запада Нигерии.

Напомним, что под термином «дефоидные языки» объединяют йорубоидную и акокоидную группу языки [Crozier, Blench 1992]. Сюда же в последнее время включают и два близкородственных БК языка Центральной Нигерии, ранее считавшихся изолированными, – айере и ахан. Правомерность этого объединения, впрочем, некоторые африканисты оспаривают [Сапо 1989]. Исследование Ч. Охири-Аниче [Ohiri-Aniche 1999] показало, что процент лексических соотношений между акокоидными и йорубоидными языками в сопоставлении с другими группами языков западной Нигерии вовсе не говорит об особой генетической близости дефоидных языков. Много сомнений в генетической общности дефоидных языков высказывалось на Нигеро-конголезском конгрессе в Париже в 2012 г. Тем не менее в данном параграфе мы рассмотрим языки обеих групп, а также языки айере-ахан совместно, учитывая совсем небольшой удельный вес акокоидных языков.

На примерно двух десятках дефоидных языков говорят жители юго-западной Нигерии, прилегающих районах Бенина и некоторых районах центрального Того. При этом йоруба доминирует по числу носителей: на нём говорят как минимум 19 млн. человек в самой Нигерии, а с добавлением носителей из Бенина, США и стран Карибского бассейна это число ещё более возрастает. Игала, язык йорубоидной группы, составляющий, согласно нынешней классификации, отдельную подгруппу, используется на восточном берегу нижнего течения Нигера. Что касается акокоидной группы, то это небольшой кластер, состоящий из десяти малоизученных языков или диалектов, на которых говорят около 50 тыс. человек, населяющих небольшую область к юго-западу от слияния рр. Нигер и Бенуэ. Носителей языков айере и ахан насчитывается не более 3 500 человек.

Согласно лексикостатистическим исследованиям, ближайшими родственниками языков дефоидной группы являются игбоидные языки [Williamson, Blench 2000].

Внутренняя классификация йорубоидных языков была впервые предложена в работах [Akinkugbe 1976; 1978] и позже модифицирована Х. Капо [Сапо 1989]. В её основе лежит анализ инноваций, отличающих игала от остальных йорубоидных языков. Существует неопубликованный и безымянный вариант списка лексических реконструкций для йорубоидного праязыкового уровня, составленный Г. Сежерером⁷⁴ (далее обозначается как [Segerer, manuscript]), однако анализ его автора строился, видимо, только на основе сравнения йоруба и игала. В состав списка включены некоторые субъектные местоимения.

Предварительная классификация акокоидных диалектов предложена также в неопубликованной работе Р. Бленча [Blench, manuscript d]. Ч. Охири-Аниче [Ohiri-Aniche 1991; 1999] показала, что акокоидные языки одинаково близки

⁷⁴ <http://sumale.vjf.cnrs.fr/NC/docs.php>

к эдоидным и к йорубоидным. Из всех идиомов данной группы наиболее изученным остаётся аригиди (см. например, [Abiodun 1984]), но в основном это касается фонетики и лексического фонда, тогда как системы личного маркирования практически не описаны. Материал для настоящего исследования предоставлен автору Ч. Охири-Аниче.

Из всех языков общности, пожалуй, лишь йоруба можно считать глубоко изученным. Личные местоимения этого языка хорошо описаны в работах [Bamgbose 1966; Fresco 1968; Omatog 1976] и некоторых других. Краткое сопоставление базовых личных местоимений в западно-нигерийских языках дается в работе [Ohiri-Aniche 1999: 90]. В настоящий момент не существует ни сравнительной грамматики, ни полноценного сравнительного исследования по двум группам языков, не исключая и систем личного маркирования. Ситуация объясняется в том числе и недостатком данных – по многим небольшим языкам они ограничиваются сто- или двухсловными лексическими списками, которые редко включают личные местоимения и почти никогда – полноценные парадигмы личных показателей.

Ареал распространения игбоидных языков также расположен в Нигерии, по левому берегу нижнего течения Нигера. Общее число языков (некоторые из которых скорее должны считаться диалектными кластерами) не превосходит десятка, однако идиомы, сегодня считающиеся диалектами, могут существенно различаться. В игбо, крупнейшем языке группы с более чем 25 млн. носителей, на сегодняшний день выделяют более 30 диалектов. Различия в морфологии между ними, однако, весьма незначительны. Два языка представляют собой отдельные подгруппы: помимо игбо, о котором существует обширный объём лингвистической литературы (обзор см. в работе [Manfredi 1989]), это также экпейе, малый язык, на котором говорят на территории между рр. Ораши и Самбрейро. Ареал экпейе окружен языками кроссривер, эдоидными и иджоидными и, по-видимому, подвергся значительному влиянию с их стороны. Из немногих источников сведений можно выделить работы Д. Кларка [Clark 1969; 1972] и лексический список, опубликованный на сайте Р. Бленча [Blench 2006l].

Личные показатели как в игбоидных, так и в дефоидных языках преимущественно синтаксически автономны. Субъектные личные показатели распределяются по многочисленным морфологическим сериям, противопоставленным по аспектуально-темпоральным, модальным значениям и полярности: эти глагольные значения выражаются с помощью чередования гласных и различий тона. Тон, широко используемый для маркирования различных значений повсюду в западных БК языках и языках ква [Creissels 2000: 238], играет большую роль, поскольку значительная часть личных показателей в этих языках имеет структуру V, являющуюся, видимо, результатом редукции более ранней структуры CV (ср. аналогичную редукцию в системах классных аффиксов). В некоторых языках показатели различных серий полностью совпадают на сегментном уровне, различаясь лишь тоном. Кроме того, тон может различаться и в зависимости от комбинаторных условий: например, в йоруба постпредикативный объектный показатель 1 л. ед. ч.

имеет вид $m\bar{i}$ после высокотонного глагола, $m\acute{i}$ после среднетонного и $m\grave{i}$ после низкотонного. Такие тоны, обычно называемые поверхностными, мы в таблицах не обозначаем.

Показатели прямого объекта, как правило, близки соответствующим субъектным показателям или совпадают с притяжательными местоимениями.

Личные показатели дефоидных и игбоидных языков приведены в Табл. 2.25 и 2.26 соответственно.

Таблица 2.25

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
игала ⁷⁵	<i>mi, n\acute{i}, n\grave{a}</i> (прог.)	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>omi</i>
йоруба ⁷⁶	<i>mo/m\grave{a}, N</i> (отр., прош.)	<i>mi</i>	<i>-\acute{V}mi</i>	<i>\grave{e}mi, \grave{o}mi</i>
ахан				<i>emi</i>
аригиди ⁷⁷				<i>ame</i>
эрушу				<i>ame</i>
ойин				<i>emi</i>
уро				<i>emi</i>
2 л. ед. ч.				
игала	<i>w\epsilon, \epsilon, w\epsilon\acute{e}</i> (прог.)	<i>w\epsilon</i>	<i>w\epsilon</i>	<i>uwe, \epsilon\epsilon</i>
йоруба	<i>o, w\grave{a}</i> (перед <i>\acute{a}</i>)	<i>\text{ɔ}, \epsilon</i>	<i>-\acute{V}r\epsilon</i>	<i>\grave{i}w\text{ɔ}, \grave{u}w\text{ɔ}</i>
айере				<i>\eta go</i>
ахан				<i>\eta go</i>
аригиди				<i>\acute{a}r\grave{e}</i>
эрушу				<i>ar\grave{a}</i>
ойин				<i>ra</i>
удо				<i>or\grave{a}</i>
оге				<i>\acute{a}r\grave{a}</i>
игаси				<i>ora</i>
3 л. ед. ч.				
игала	<i>\acute{i}, y\grave{a}</i> (прог.)	<i>\text{ɔ}\eta</i>	<i>-\text{ɔ}\eta</i>	<i>\text{ɔ}\eta</i>
йоруба	<i>\text{ɔ}</i>	<i>-\text{V}^{78}</i>	<i>-\acute{a}r\grave{e}</i>	

⁷⁵ [Philpot 1935].

⁷⁶ [Bamgbose 1966; Ohiri-Aniche 1999].

⁷⁷ Материалы афоидных языков / диалектов аригиди, эрушу, ойин, уро, игаси, афа, удо, оге даны по материалам, предоставленным автору Ч. Охири-Аниче.

⁷⁸ Уподобление предшествующей гласной.

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. мн. ч.				
игала	<i>a, áá</i> (прог.)	<i>wa</i>	<i>wa</i>	<i>awa</i>
йоруба	<i>a</i>	<i>wa</i>	<i>-Ṽwa</i>	<i>àwa</i>
эде		<i>wa, ya, a</i>		
айере				<i>áwa</i>
ахан				<i>a</i>
аригиди				<i>áò</i>
эрушу				<i>aho</i>
ойин				<i>eho</i>
уро				<i>éy, éò</i>
игаси				<i>ewo</i>
афа				<i>éhò</i>
удо				<i>éhò</i>
оге				<i>éwò</i>
2 л. мн. ч.				
игала	<i>атε, тε, тεε</i> (прог.)	<i>тε</i>	<i>тε</i>	<i>атε</i>
йоруба	<i>ε</i>	<i>yín</i>	<i>-yín</i>	<i>èyín, èṅwĩ</i>
айере				<i>ε</i>
ахан				<i>éтε</i>
аригиди				<i>átô</i>
3 л. мн. ч.				
игала	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>āmā</i>
йоруба	<i>wɔn</i>	<i>wɔn</i>	<i>-Ṽwɔn</i>	

Таблица 2.26

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
игбо ⁷⁹	<i>m-, m/mɔ</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>àmí</i>
эчие ⁸⁰	<i>m(ɔ)</i>	<i>-m</i>	<i>m(ɔ)</i>	
огба ⁸¹			<i>m</i>	
иквере ⁸²	<i>m</i>	<i>m̃, mé</i>	<i>mé</i>	<i>mé, m̃é</i>

⁷⁹ [Williamson 1972; Фихман 1975].⁸⁰ [Blench, manuscript c].⁸¹ [Blench 2005a].⁸² [Segeer 2002–2007].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
изи ⁸³	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>m-bedva</i>
экпейе ⁸⁴	<i>mE/ma/mO, N-</i>	<i>-m̄</i>	<i>mè</i>	<i>mê</i>
2 л. ед. ч.				
игбо	<i>I-, gI</i>	<i>gI</i>	<i>i</i>	<i>àgí</i>
эчие	<i>ì, gI</i>		<i>gI</i>	
иквере	<i>ɪ</i>	<i>ɪ</i>	<i>í</i>	<i>jí, jě</i>
огба	<i>yO, yuO</i>			
изи	<i>I</i>	<i>ngu</i>	<i>ngu</i>	<i>gO-bedva</i>
экпейе	<i>I-/E-</i>	<i>yO, -ɪ</i>	<i>yò</i>	<i>yô</i>
3 л. ед. ч.				
игбо	<i>O</i>			<i>ya, àyá</i>
эчие	<i>O</i>			<i>àya</i>
иквере	<i>ò</i>			<i>yá</i>
огба	<i>ya</i>	<i>ya</i>		<i>yé, yá</i>
изи	<i>Ó</i>	<i>ìyá</i>	<i>iyá</i>	<i>ye-bedva</i>
1 л. мн. ч.				
игбо	<i>ari</i>	<i>ari</i>	<i>ari</i>	<i>arí</i>
эчие	<i>ri</i>	<i>ri</i>	<i>ri</i>	
иквере	<i>a</i>	<i>áyì</i>	<i>áyì</i>	<i>áyilé</i>
огба	<i>yé</i>			
изи	<i>arí</i>	<i>arí</i>	<i>arí</i>	<i>arí-bedva</i>
экпейе	<i>a- (э.), a-...-nì (и.)</i>	<i>ye</i>	<i>yè</i>	<i>yê</i>
2 л. мн. ч.				
игбо	<i>unì</i>	<i>unì</i>	<i>unì</i>	<i>unú</i>
эчие	<i>no</i>	<i>no</i>	<i>no</i>	
иквере	<i>ánò</i>	<i>ánò</i>	<i>ánò</i>	<i>ánòlé</i>
огба				<i>onò</i>
изи	<i>uní</i>	<i>uní</i>	<i>uní</i>	<i>uní-bedva</i>
экпейе	<i>I- .. -nì, E- .. -nì</i>	<i>yónì</i>	<i>yò</i>	<i>yó/yónì</i>

⁸³ [Meier et al. 1975; Meier 1976].

⁸⁴ [Clark 1976].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
3 л. мн. ч.				
игбо	<i>fa, ha</i>	<i>fa</i>	<i>fa</i>	<i>fa, ha</i>
эчие	<i>we</i>	<i>we</i>		
огба	<i>wɔ</i>	<i>wɔ</i>		
изи	<i>èp^hé</i>	<i>p^hé</i>	<i>p^hé</i>	<i>èp^hé-bèdwa</i>
экпейе	<i>è..bèr</i>	<i>bèr</i>	<i>ber</i>	<i>bèè, b̂èr</i>

Формы языков обеих групп достаточно близки, однако ряд проблем при сравнении всё же возникает. В частности, в обеих группах варьирует вокализм местоимений 1 л. ед. ч., и если субъектные формы чаще имеют форму, выводимую из **mU* (йоруба *mo*, игбо, ичие *mɔ*, изи *mi*), то несубъектные, в т. ч. независимые местоимения, кажется, предпочитают переднерядный вокализм (йоруба *mi*, игбо *àmí*). К сожалению, гласная фонема субъектного показателя нередко напрямую зависит от вокализма следующего за ним глагола или же грамматического значения последнего, в частности в экпейе – от видовременного значения предиката. Это снижает возможность определить исходную гласную. Кроме того, в субъектной позиции нередко происходит фонетическая редукция личного показателя до *m*.

Сежерер [Segerer, manuscript] предлагает для праигбоидного уровня форму **mī*, но обоснование этого варианта или уточнение его грамматического значения в работе отсутствует – по-видимому, имеется в виду именно независимая форма. Однако значение фокуса / топика, как можно видеть по соответствиям форм, маркировалось префиксом **a-*, и местоимение этой серии для дефоидного праязыка можно восстановить как **amI*.

Реконструкции, таким образом, подлежат лишь формы **m* как показатель субъекта и **amI* как независимое местоимение. В йорубоидных языках **mI* восстанавливается как объектный маркер.

Во 2 л. ед. ч. данные по йорубоидным и акокоидным языкам слишком скудны, чтобы делать категоричные утверждения, и независимое местоимение **Uwo*, возможно, единственное, которое можно реконструировать для праязыкового уровня группы йорубоидных языков. Сежерер [Segerer, manuscript] также предлагает для праийорубоидного уровня форму **o*, однако мы склонны предполагать здесь скорее **wo*. Формы акокоидных диалектов *árǎ/arā* явно содержит вспомогательную (соединительную?) морфему *-r-*, которая также содержится в йоруба *-Vrɛ* ‘твой’. Её можно сопоставить с местоимением укаан *-rǎ* ‘ты’ [Ohiri-Aniche 1999: 90]. Соответствие между интервокальными *-w-* ~ *-r-* в акокоидных языках можно подтвердить на лексическом материале, например оджо *íwǎ* vs. оге *írɛ* ‘язык’, оджо *uwǎ* vs. игаси *urɔ* ‘рука’ [Blench, manuscript d]. Исходным местоимением в акокоидной группе можно назвать, вероятно, **ǎ*, назализация которой роднит её с формами айере-ахан *ŋgo*.

Игбоидные показатели реконструируются в виде **I-* (субъект) и, вероятно, **gi* в значениях несубъектного местоимения. Неясно соотношение между рефлексивами последнего и форм изи *gU*, экпейе *yo*. Вполне вероятно, что исходная форма несубъектного местоимения была именно **gU*, однако в игбо и ближайших к нему языках была уподоблена субъектному показателю по вокализму.

В 3 л. ед. ч. в игбоидных языках восстанавливается субъектный показатель **O*, происхождение которого из БК именного классного маркера не подлежит сомнению. Несубъектные серии демонстрируют рефлекс **ya*.

В 1 л. мн. ч. йорубоидные местоимения восходят к **a* (субъект.), **wa* (объект., притяжат.) и **awa* (независ.). В акокоидных языках, вероятно, можно предположить **awo*, глайд которой, соответствующий *w* в йорубоидных и *b* в языках айере-ахан, в большинстве современных идиомов ослабел до *h* или выпал. К сожалению, в отсутствие лексических подтверждений это предположение выглядит весьма гипотетическим.

Для игбоидного праязыка логично предположить местоимение **(a)ni*. Некоторое затруднение представляет субъектное местоимение в экпейе, где постфикс **-ni* переосмысливается как показатель местоименной плюральности: он фигурирует и в формах 2 л. мн. ч. Однако это развитие объясняется появлением в экпейе категории местоименной ключивности – инклюзивное значение таким образом связывается со 2 л., что типологически является весьма частым явлением. Местоимение иквере *yi* также следует выводить из **ni* с ослаблением назальности.

Во 2 л. мн. ч. для дефоидных языков можно предположить местоимение **ame* на основании форм игала, йоруба и ахан, к ним близко аригиди *ámṣ*, однако с неясным соответствием вокализма. Для праигбоидного уровня можно постулировать **(V)ni*. Эта форма характерна также для идомоидных языков и око (см. ниже).

Форма аригиди *ámṣ* имеет прямое соответствие с формой изолированного языка укаан *-mṣ*, к которой мы ещё вернёмся ниже в настоящем параграфе.

Наконец, в качестве показателя 3 л. мн. ч. в обеих группах присутствуют показатели модели *wV/bV*, источником которых является уже многократно упоминавшийся именной показатель плюрального класса лиц **ba-*, подвергшийся различным фонетическим модификациям.

Суммируем предложенные реконструкции в Табл. 2.27.

Таблица 2.27

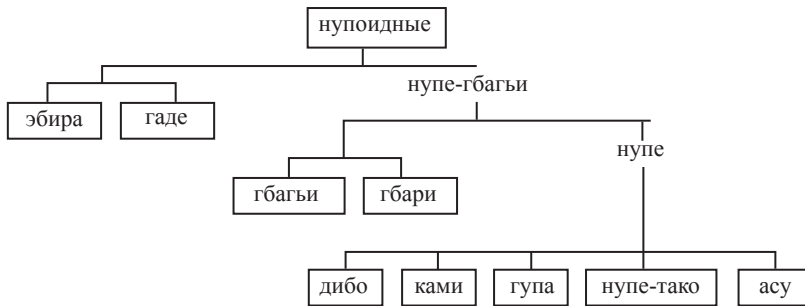
	субъект.	объект.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>*m</i>	<i>*ml</i> (йорубоид.)	<i>*aml</i>
2 л. ед. ч.	<i>*o</i> (йорубоид.) (?) <i>*ɔ</i> (акокоид.) (?) <i>*I</i> (игбоид.)	<i>*gi/*gU</i> ? (игбоид.)	<i>*Uwo</i> (йорубоид.) <i>*arṣ</i> (акокоид.)
3 л. ед. ч.	<i>*O</i> (игбоид.)	<i>*ya</i> (игбоид.)	<i>*ya</i> (игбоид.)

	субъект.	объект.	независ.
1 л. мн. ч.	*a (йорубоид.), *(a)ni (игбоид.)	*wa (йорубоид.), *(a)ni (игбоид.)	*awa (йорубоид.) *awò (акокоид.) *(a)ni (игбоид.)
2 л. мн. ч.	*(V)ni (игбоид.)	*(V)ni (игбоид.)	*ame (дефоид.) *(V)ni (игбоид.)
3 л. мн. ч.	*ba	*ba	*ba

Наконец, рассмотрим две небольшие группы западных БК языков Нигерии: нупоидные и идомоидные.

Около десятка языков нупоидной группы расположены в районе слияния рр. Нигер и Бенуэ и к северу от этой зоны. Их внутренняя классификация никогда не подвергалась сомнению – группа эбира-гаде выделяется в особую ветвь, а вторая ветвь нупе-гбагьи, в свою очередь, подразделяется на подгруппы нупе и гбагьи (или гвари) (Диаграмма 2.5).

Диаграмма 2.5

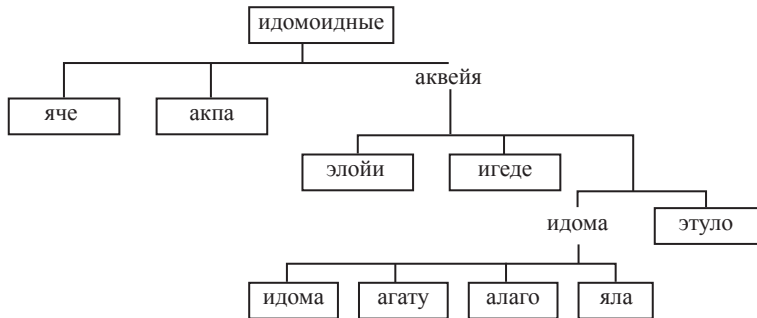
Вопросы сравнения нупоидных языков поднимаются, в частности, в работах [Human, Magajı 1970; Madugu 1975; 1979; 1985; Sterk 1977], однако к реконструкции системы личного маркирования ни одна из них не подходит.

Субъект и объект глагола в нупоидных языках обычно маркируются автономными местоимениями. В нупе объектный показатель может занимать инфиксальную позицию в составе глагольной словоформы, образованной сериализацией, например *krēuē* ‘знать’ – *mī krē-ū-yē* ‘я его знаю’ [Smith 1980 (1967)]. Притяжательные местоимения следуют за обладаемым именем.

Тогда как нупоидные языки в основном окружены близкородственными языками других групп западных БК языков, включая игбоидные и йорубоидные, ареал языков более компактной идомоидной группы расположен в восточной части Нигерии и граничит с зонами распространения восточных БК языков, таких как тив (бантоидный) и боки (кроссривер). Традиционно выделяется восемь или

девять идомоидных языков, которые классифицируются, согласно работе [Crozier, Blench 1992], следующим образом (Диаграмма 2.6):

Диаграмма 2.6

Идея ближайшего генетического родства между нупоидными и идомоидными языками была впервые предложена уже в середине XIX в. и позже обоснована в работах [Bennett, Sterk 1977] и [Blench 1989b]. Дж. Армстронг, однако, был склонен соотносить идомоидную ветвь скорее с другими западными группами БК языков [Armstrong 1989: 323]. Этот автор работал с идомоидными языками начиная с 1950-х гг. и опубликовал большое количество языковых описаний, а также ряд сравнительных исследований [Armstrong 1981; 1983]. Большинство работ, посвящённых идомоидным языкам, являются синхронными обзорами грамматики и лексики, часть из которых мы использовали в настоящей работе.

В обеих группах тон играет важную роль в морфологии, включая и системы личного маркирования, в которых значения отрицания, времени и вида глагола маркируются тоном субъектного показателя. В идомоидных языках насчитывается до четырех уровневых тонов. В нижеследующих таблицах мы иногда опускаем тональные характеристики личных показателей, если сегментная форма остаётся неизменной.

Личные показатели, как правило, присоединяются к глаголу в качестве аффиксов. Суффиксальные посессивные показатели часто присоединяются к существительному с помощью атрибутивной частицы, ср. *идома kú-m* 'мой', *kú-nī* 'его' и т. п. Подобное явление широко распространено и в других БК языках и может рассматриваться как ареальное.

Местоимения 3 л. в большинстве языков обеих групп являются по происхождению классными маркерами. В нижеследующих Таблицах 2.28 и 2.29, посвящённых соответственно личным показателям в нупоидных и идомоидных языках, приводятся лишь формы, используемые для обозначения референтов-лиц – животные и предметы требуют показателей соответствующих именных классов.

Таблица 2.28

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
эбира ⁸⁵	<i>ta/me</i>	<i>mi/mi</i>	<i>ami/emi</i>	<i>emi</i>
гаде ⁸⁶	<i>ñ</i>			
нупе-тако ⁸⁷	<i>mi, mii</i> (опт.), <i>mi</i> (отр.)	<i>mî</i>	<i>mî</i>	<i>mî</i>
гбагьи ⁸⁸	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>òmi</i>
гбари ⁸⁹	<i>myi, mà</i> (буд.), <i>má</i> (прош.)	<i>myi</i>	<i>myi</i>	
2 л. ед. ч.				
эбира	<i>u/ɔ</i>	<i>wu/wɔ</i>	<i>awɔ/ewu</i>	<i>ɛwɔ</i>
нупе-тако	<i>wo, o/woo</i> (опт.), <i>wó</i> (отр.)	<i>wó/ò</i>	<i>wó/wé/ò</i>	<i>wò</i>
гбагьи	<i>ho</i>	<i>ho</i>	<i>ho</i>	<i>òho</i>
гбари	<i>he</i>	<i>he</i>	<i>he</i>	
3 л. ед. ч.				
эбира	<i>ɔ</i>		<i>ani</i>	<i>ɛni</i>
нупе-тако	<i>wĩ</i>	<i>wu/u</i>	<i>wu/u</i>	
гбагьи	<i>wo</i>			<i>òwò</i>
гбари	<i>wo</i>	<i>wo</i>		
1 л. мн. ч.				
эбира	<i>ya/ye, i/i</i>	<i>yi/yi</i>	<i>ayi/ei</i>	<i>ɛyi</i>
нупе-тако	<i>yi, yii</i> (опт.), <i>yí</i> (отр.)	<i>yí</i>	<i>yí(-zi)</i>	<i>yí</i>
гбагьи	<i>yi</i>	<i>yi</i>	<i>yi</i>	<i>òyi</i>
гбари	<i>yi</i>	<i>yi</i>	<i>yi</i>	
2 л. мн. ч.				
эбира	<i>wa/we nini</i>	<i>wu/wu nini</i>	<i>awɔ/ewu nini</i>	<i>ɛwɔ nini</i>
нупе-тако	<i>ɲa</i>			
гбагьи	<i>ye, e</i> (перед согл.), <i>yee</i> (опт.), <i>yé</i> (отр.)	<i>é/yé</i>	<i>é/yé(-zi)</i>	<i>yé</i>
гбари	<i>fye</i>	<i>fye</i>	<i>fye</i>	<i>òfye</i>

⁸⁵ [Scholz 1976 (1973)].⁸⁶ [Sterk 1977].⁸⁷ [Smith 1980 (1967)].⁸⁸ [Hyman, Magaji 1970].⁸⁹ [Blench, Doma, manuscript].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
3 л. мн. ч.				
эбира	<i>E</i>	<i>wa</i>	<i>ɛɪɪ</i>	<i>ɛɪ</i>
нупе-тако	<i>a</i>	<i>á</i>	<i>á</i>	
гбагьи	<i>ba</i>			<i>òbā</i>
гбари	<i>ba</i>	<i>ba</i>		

Таблица 2.29

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
идома ⁹⁰	<i>ṁ</i>	<i>-ṁ</i>	<i>-m</i>	<i>àṁì</i>
элойи ⁹¹	<i>mi-</i>	<i>mī</i>	<i>-mī</i>	<i>īmī, īmīmī</i>
этуло ⁹²	<i>m</i>	<i>-ì</i>	<i>-V (но.), -nīì (о.)</i>	<i>ániì</i>
игеде ⁹³	<i>ṁ-</i>	<i>-m̄/-m̄</i>	<i>ṁāṁ</i>	<i>àṁ</i>
2 л. ед. ч.				
идома	<i>à</i>	<i>-ḍ</i>		<i>àwḍ</i>
элойи	<i>ḡo-</i>	<i>ḡḍ, ḡa</i>	<i>-ḡa</i>	<i>ūḡ(w)ḍ</i>
этуло	<i>o</i>	<i>-u</i>	<i>-ɔ (но.), -ḡwú (о.)</i>	<i>ábuù</i>
игеде	<i>à-, àhò</i>	<i>-ḡ/-ḡ</i>	<i>ṁāḡ</i>	<i>àhò</i>
3 л. ед. ч.				
идома	<i>o</i>		<i>-ni</i>	<i>anu</i>
элойи	<i>e-/a-</i>	<i>wū</i>	<i>-wú</i>	<i>ūwū</i>
этуло	<i>ó</i>		<i>-ḍ (но.), -yíì (о.)</i>	<i>óḡwú</i>
игеде	<i>Ō-</i>	<i>-O</i>	<i>ṁām̄</i>	<i>ḍwà</i>
1 л. мн. ч.				
идома	<i>àlḍ</i>	<i>-(à)lḍ</i>	<i>-alḍ</i>	<i>àlḍ</i>
элойи	<i>kī-</i>	<i>nzú</i>	<i>-nzú</i>	<i>kínzú</i>
этуло	<i>éí</i>		<i>-ìì (но.), -máà (о.)</i>	<i>eì</i>
игеде	<i>àhì</i>	<i>-hì</i>	<i>ṁāhì</i>	<i>àhì</i>

⁹⁰ [Abraham 1967 (1951); Armstrong 1989].⁹¹ [Mackay 1976 (1968); Blench 2007d].⁹² [Armstrong 1964].⁹³ [Bergman 1976 (1973)].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
2 л. мн. ч.				
идома	<i>àá</i>	<i>àá, -nò</i>	<i>-a</i>	<i>ànò, aa</i>
элойи	<i>lu-, lal-</i> (тон)	<i>yí</i>	<i>-yí</i>	<i>lú(n)yí</i>
этуло	<i>eta</i>			<i>emáà</i>
игеде	<i>ànò</i>	<i>-nó</i>	<i>nānó</i>	<i>ànò</i>
3 л. мн. ч.				
идома			<i>-wa</i>	<i>uwa</i>
элойи	<i>mbo-/o-</i>	<i>mbó/mbá</i>	<i>-mbó</i>	<i>ūmbā</i>
этуло	<i>ámá</i>			<i>ámá</i>
игеде	<i>ìwà</i>	<i>-a</i>	<i>nāâ</i>	<i>ìwà</i>

Для обеих групп могут быть реконструированы две формы местоимений 1 л. ед. ч.: показатель субъекта, объекта и посессора **mi* и эмфатическое местоимение **Vmi*. Как и в других БК языках, субъектно-объектный показатель редуцируется, будучи присоединяемым к глагольной словоформе в качестве префикса.

Показатели 2 л. ед. ч. *a/o/ɔ/ɔ* следует, вероятно, возвести к **o* как компромиссной форме, наиболее экономичной реконструкции при столь различных рефлексах. Как в нупоидных, так и в идомоидных языках вокалический анлаут не приветствуется, поэтому к личному показателю добавляется ларингальный, губной или носовой призвук, при транскрипции обозначаемый как *h-*, *w-* или *ŋ-* соответственно. Независимое местоимение образуется, как и по всей парадигме, с помощью префикса **a-*.

Показатели 2 и 3 л. ед. ч. должны были совпасть на сегментном уровне уже в праязыке: это отчётливо видно, по крайней мере, по идомоидным данным. В нупоидных языках в результате устоялся вариант с губным глайдом **wo*, идомоидные языки, видимо, различали тон двух форм: низкий для 2 л. ед. ч., высокий для 3 л. ед. ч.

Для 1 л. мн. ч. можно предложить субъектно-объектное местоимение **(y)l* (с протетическим *u-*, закрывающим вокалический анлаут) и независимое **a(y)l*. Суффикс *-zi* в нупе является показателем именной множественности. Местоимение идома *lò* схоже с формами языков банту, восходящим к **tò-*. В других идомоидных языках схожих форм нет, так что здесь, возможно, стоит предположить заимствование.

Во 2 л. мн. ч. местоимения языков идома и игеде позволяют реконструировать варианты идомоидных праформ в виде **-no* и (независимой серии) **ànò*. Для нупоидной группы следует восстанавливать праформу **yi*, соответствие которой видим и в идомоидном языке элойи. Форма этуло *eta* скорее имеет соответствия в акокоидных языках центра Нигерии.

В заключение следует отметить, что местоименные системы в нупоидных и идомоидных языках не настолько похожи друг на друга, чтобы можно было говорить об их ближайшем генетическом родстве. Единственной изоглоссой, которую можно было бы отнести к «пранупоидно-идомоидному» уровню, является местоимение **(y)l/*a(y)l* ‘мы’. Идея об уникальном таксономическом родстве между этими группами, предложенная в работе [Williamson, Blench 2000], не находит очевидного подтверждения в системах личного маркирования.

Можем ли мы говорить о том же применительно к западным БК языкам в целом? По-видимому, это именно так. Системных морфологических инноваций, которые характеризовали бы западную ветвь БК языков в отличие от восточной, мы в системах личного маркирования не видим. Сходства же во всех случаях имеют параллели в каких-либо восточных БК языках.

В заключительном разделе настоящего параграфа рассмотрим системы личных показателей нескольких языков Нигерии, считающихся изолированными в составе БК семьи.

Око (или огори) – язык, на котором говорят около 10 тыс. человек в штате Коги в Центральной Нигерии. Так же как другие языки-изоляты Нигерии – укаан и акпес, око долгое время оставался вне лингвистической классификации ввиду значительных лексических отличий от окружающих его групп языков. В обзорной работе [Williamson, Blench 2000] он был включён в состав западных БК языков, объединённый в один таксономический узел с нупоидными и идомоидными языками.

В Табл. 2.30 приведены формы личных показателей око по материалам работы [Atoyebi 2010]. Варианты, указанные через косую черту, распределены по правилам вокалической гармонии.

Таблица 2.30

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>i̇-/è̇- (+C)</i> <i>mè̇-/mà̇- (+V)</i>	<i>-mu/-mɔ</i>	<i>mV-</i>	<i>àmɛ</i>
2 л. ед. ч.	<i>ù̇-/ḡ̇- (+C)</i> <i>wè̇-/wà̇- (+V)</i>	<i>-wu/-wɔ</i>	<i>wV-</i>	<i>àwɔ</i>
3 л. ед. ч.	<i>è̇/à̇</i>	<i>-ya/-ɛ</i>	<i>yV-</i>	<i>àyɛ</i>
1 л. мн. ч.	<i>ṫ-/ṫè̇- (+C)</i> <i>ṫè̇-/ṫà̇- (+V)</i>	<i>-tu/-tɔ</i>	<i>tV-</i>	<i>àtɔ</i>
2 л. мн. ч.	<i>ṅ-/ṅè̇- (+C)</i> <i>ṅè̇-/ṅà̇- (+V)</i>	<i>-nu/-nɔ</i>	<i>nV-</i>	<i>ànɔ</i>
3 л. мн. ч.	<i>ḃ-/ḃè̇- (+C)</i> <i>ḃè̇-/ḃà̇- (+V)</i>	<i>-ba</i>	<i>bV-</i>	<i>àbɛ</i>

Система личных показателей языка око обладает рядом примечательных особенностей. В частности, субъектные показатели различают две серии в зави-

симости, как пишет Атойеби, от характера последующей фонемы. Однако, судя по приводимым автором примерам, роль этой оппозиции не фонологическая, а морфологическая. Морфема, состоящая из гласной и следующая за личным показателем, представляет собой маркер одного из глагольных значений: футурума, прогрессива, кондиционалиса или отрицания в будущем. Все эти значения относятся к имперфективному и ирреальному кластерам. Таким образом, серию, обозначенную в Таблице как (+V), можно рассматривать и как имперфективно-ирреальную, в отличие от перфективной серии показателей, предшествующей, в частности, чистой основе глагола [Atoyebi 2010: 112–116]:

- (10) *ì-sù-yá*
1SG.PFV-жениться-3SG
'Я женился на ней'

но

- (11) *mà-áka-gám* *óbín* *úsíé*
1SG.IPFV-FUT-приветствовать король завтра
'Завтра я поприветствую короля' [Atoyebi 2010: 114–115].

В цитируемой работе ничего не сказано о природе двух серий, особенно существенно различающихся в 1–2 л. ед. ч. Судя по формам 2 л. ед. ч., исходными всё же являются показатели перфективной серии, в то время как имперфективно-ирреальная серия возникла при добавлении к исходной форме вокалической морфемы.

Показатели именной притяжательности в око выражены префиксами, гласная которых уподобляется гласной последующего слога. Это весьма редкое явление в БК языках.

Основы, используемые для маркирования лиц, видимо, родственны тем, которые можно обнаружить в восточных БК языках. Так, можно продемонстрировать любопытное парадигматическое сходство между системами независимых местоимений в языках око, вия (банту В301) и реше (зап. каинджи) (Табл. 2.31).

Таблица 2.31

	око	вия	реше
1 л. ед. ч.	<i>ámε</i>	<i>ani</i>	<i>ámé</i>
2 л. ед. ч.	<i>àwε</i>	<i>awe</i>	<i>áhó</i>
1 л. мн. ч.	<i>átε</i>	<i>atú</i>	<i>átsó</i>
2 л. мн. ч.	<i>ànε</i>	<i>aní</i>	<i>ánó</i>

Это заставляет предположить принадлежность или во всяком случае близость око именно к восточным, но не к западным БК языкам.

Еще на одном языке-изоляте Центральной Нигерии, акпес, говорят к юго-западу от слияния рр. Нигер и Бенуэ, на небольшой территории, расположенной между ареалами распространения эдоидных и йорубоидных языков. В акпес насчитывают около десяти диалектов, большинство из них взаимопонимаемы. Споры о внешней классификации этого языка продолжаются с тех пор, как в работе [Hansford et al. 1976] акпес был впервые описан как «неклассифицируемый язык ква». К БК языкам акпес впервые был причислен в работе [Williamson 1989], эта гипотеза позже была подтверждена в [Elugbe 2001]. Нигерийские исследователи сегодня считают акпес близким к эдоидным языком, вместе с которыми (а также диалектами укаан) их возводят к единому узлу, для которого предложено наименование «акедоидные» [Agoyi 1997; 2012; Elugbe 2012].

Автономные местоимения акпес приводятся по работе [Ohiri-Aniche 1999: 90].

Таблица 2.32

1 л. ед. ч.	<i>òṅì</i>
2 л. ед. ч.	<i>òsì</i>
1 л. мн. ч.	<i>àbès</i>
2 л. мн. ч.	<i>àbèṅ</i>

Оба местоимения множественного числа находят прямые соответствия в восточных БК языках; общей изоглоссой является добавление к ним плюрального префикса. Форму *àbès* можно сравнить с местоимением **bete*, которое реконструируется в бантоидных языках и кроссривер. То же верно и для праформы 2 л. мн. ч. **bene* и её вероятного рефлекса в акпес *àbèṅ*. Таким образом, плюральные местоимения скорее роднят акпес с восточными, нежели с западными БК языками.

Форма 2 л. ед. ч. представляет загадку, соответствий ей в других БК языках найти не удаётся. Она может оказаться заимствованием формы 2 л. ед. ч. из одного из языков гур, распространенных в Того, к западу от района проживания носителей акпес, – ср., например, формы языка нчам *-sī*, акаселе *isé* или конкомба *sí*. Однако эта гипотеза весьма сомнительна и нуждается в проверке.

Еще один изолированный язык Центральной Нигерии – укаан, известный по пока лишь по нескольким публикациям [Jungraihtmayr 1973: 47–48; Ohiri-Aniche 1999: 90; Blench 2005b]. Как уже упоминалось выше, в последнее время высказывается идея о близком родстве укаан с эдоидными языками и изолятом акпес, однако проблем при классификации остаётся всё же больше, чем решений [Salffner, Sands 2012]. Выделяются четыре диалекта укаан, каждый из которых обладает существенными грамматическими особенностями.

Основываясь на вышеуказанных работах, мы можем перечислить местоименные формы трех из диалектов: ише, икакумо и икан, – при этом из последнего

известна только форма 1 л. ед. ч. [Adekanye, Salfner 2007]. В Табл. 2.33 названия диалектов обозначены в скобках.

Таблица 2.33

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>d̥</i> (ише) <i>ja</i> (икан)	<i>wity</i> (икан)	<i>-j/-ji</i> (икан)	<i>joo</i> (икан) <i>ihyè-jì</i> (икакумо)
2 л. ед. ч.	<i>h̥</i> (ише)			<i>ihyè-r̥</i> (икакумо)
1 л. мн. ч.	<i>b̥</i> (ише)	<i>íb̥</i> (ише)		<i>ihyè-b̥</i> (икакумо)
2 л. мн. ч.	<i>m̥</i> (ише)			<i>ihyè-m̥</i> (икакумо)

В диалекте икакумо, местоимения которого на самом деле представляют собой грамматикализованные существительные с посессивными личными суффиксами, три формы личных показателей (2 л. ед. ч., 1–2 л. мн. ч.) прекрасно – и по консонантизму, и по вокализму – соответствуют местоимениям аригиди, принадлежащего к дефоидной группе (см. выше в настоящем параграфе). С ними коррелируют и местоимения диалекта ише. На основании этого сходства укаан можно считать близким к акокоидным языкам. Формы 1 л. ед. ч. не находят соответствий ни в БК, ни в других языках ареала и, вероятно, должны считаться инновациями.

Таким образом, местоименные системы трёх изолированных БК языков Нигерии показывают некоторые сходства с языками некоторых групп семьи: око и акпес – с восточными, укаан – с западными БК языками.

§ 7. Реконструкция системы личного маркирования в бенуэ-конголезском праязыке

В настоящей главе были суммированы и по возможности подробно проанализированы данные по личным показателям в более чем трёхстах языках БК семьи (что составляет примерно треть её количественного состава). В предыдущих параграфах были последовательно проведены реконструкции систем личного маркирования в праязыках групп восточной (бантоидные, кроссривер, платоидные, каинджи, джукуноидные языки) и западной (эдоидные, дефоидные, игбоидные, нупоидные, идоидные языки) ветвей семьи. Полученные результаты позволяют делать некоторые заключения о системе личного маркирования БК праязыка. Безусловно, с учётом всех трудностей, связанных со сбором и анализом материала, мы отдаем себе отчёт в том, что надежная реконструкция системы личного маркирования праязыка столь крупной семьи всегда останется неполной без детального описания систем личного маркирования во многих неизученных ныне в достаточной степени языках семьи. Однако в качестве первого шага для ещё более глубокой реконструкции праязыка НК макросемьи такой анализ представляется вполне валидным.

Ниже приведены сводные таблицы, содержащие реконструкции, предложенные или поддержанные в настоящей главе, а также формы некоторых БК языков-изолятов. Для наглядности западная ветвь БК языков выделена серым фоном.

Таблица 2.34

1 л. ед. ч.	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
банту	* <i>n(i)</i> -	* <i>me</i>	* <i>ame</i>	* <i>ime</i>
бантоидные	* <i>N=</i>	* <i>mI</i>	* <i>(a)mI</i>	* <i>mI</i>
кроссривер	* <i>N-</i> , * <i>mI</i>	* <i>mI</i>		* <i>amI</i>
платоидные	* <i>mI</i>			* <i>amI</i>
каинджи зап.	* <i>N=</i>	* <i>mI</i>		
джукуноидные	* <i>m</i>	* <i>me</i>	* <i>m(e)</i>	* <i>ame</i>
эдоидные	* <i>m^hI</i>	* <i>m^he</i>		* <i>m^he^hm^e</i>
йорубоидные	* <i>m</i>	* <i>mI</i>		* <i>amI</i>
акокоидные				* <i>amI</i>
игбоидные	* <i>m</i>			* <i>amI</i>
нупоидные		* <i>mi</i>		* <i>Ṽmi</i>
идомоидные		* <i>mi</i>		* <i>Ṽmi</i>
око	<i>mṼ-</i>	<i>-mU</i>	<i>m-</i>	<i>ame</i>
акпес				<i>oŋi</i>
укаан	<i>dò, ja</i>			<i>joo, -ji</i>

В первую очередь проанализируем возможность реконструкции праязыковых форм личных показателей.

В 1 л. ед. ч. практически все группы языков согласно указывают на **mi* как на праязыковую форму местоимения, подтверждая тот предварительный вывод, который мы делали по итогам обсуждения восточных БК языков. Подтверждается и то, что уже в БК праязыке завершаются процессы, приведшие к образованию трёх различных серий местоимения 1 л. ед. ч. в зависимости от его синтаксического значения (и, соответственно, позиции в предложении). Субъектное местоимение в большинстве диалектов редуцируется до проклитического **m=*, сохраняя слоговой характер и, вероятно, также лабиальную артикуляцию – в западных языках семьи гоморганный показатель **N=* не восстанавливается, зато в йорубоидных и игбоидных языках видим **m* – промежуточную стадию редукции **mi* до **N* в субъектной позиции, которая завершилась только в праязыке восточной ветви. Формируется и автономное местоимение **ami*, снабжённое фокализатором **a-* и используемое в значениях независимого / топикализованного субъекта и субъекта именованного предложения. Исходная форма местоимения **mi* продолжает функционировать в качестве объектного и притяжательного показателя, а факультативно может дополнительно маркировать субъект глагола.

В восточных БК языках с флективным строем морфологии субъектный показатель **m=* уподобляется по артикуляции последующему согласному звуку и становится гоморганным **N=*, часто обретая и статус глагольного префикса.

Таблица 2.35

2 л. ед. ч.	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
банту	<i>*ò-</i>	<i>*-kò-</i>	<i>*àve</i>	<i>*ìve</i>
бантоидные	<i>*o=/*o=</i>	<i>*we</i>	<i>*(a)we</i>	<i>*we</i>
кроссривер	<i>*o-</i>	<i>*wo</i>		<i>*àwò</i>
платоидные	<i>*wo</i>			<i>*awo</i>
каинджи зап.	<i>*wU</i>			
джукуноидные	<i>*u</i>	<i>*wu</i>	<i>*wu</i>	<i>*awu</i>
эдоидные	<i>*wu</i>	<i>*wɔ/*we</i>		<i>*wɔwɔ/*wewe</i>
йорубоидные	<i>*o (?)</i>			<i>*Uwo</i>
акокоидные	<i>*ɔ (?)</i>			<i>*arɔ̃</i>
игбоидные	<i>*I</i>	<i>*gi/*gU (?)</i>		
нупоидные	<i>*o</i>			<i>*ao</i>
идомоидные	<i>*o-</i>			<i>*ao</i>
око	<i>*ù-</i>	<i>-wU</i>	<i>w-</i>	<i>àwɔ</i>
акпес				<i>òsì</i>
укаан	<i>hɔ̃</i>			<i>-rɔ̃</i>

Во 2 л. ед. ч. в качестве исходного местоимения следует восстанавливать **o*; на закрытый и лабиализованный характер гласной указывают сразу несколько свидетельств. Рефлексами этой праформы являются в абсолютном большинстве языков закрытые гласные средневерхнего и верхнего подъёма *o/u*. В субъектной позиции исходное местоимение сохраняет свою форму; однако в энклитической позиции, где в БК языках обычно расположены объектные и посессивные показатели, вокалический исход предыдущего слова потребовал появления протетического губного глайда *w*. Вероятно, датировать объектно-притяжательный показатель **wɔ* следует уже эпохой распада БК праязыка: в дефоидных языках и близком к ним укаан предполагается переход **w > r*. Наконец, независимое местоимение вида **aw* также в большинстве языков развивается в **awo* или, как в бантоидных языках, приобретает дополнительное вокалическое расширение **-e*, откуда **(V)ve*.

Некоторые трудности представляет реконструкция показателей 1 л. мн. ч. В то время как в восточной ветви, как мы уже говорили выше, восстанавливается форма **te* или **tu*, содержащая зубную смычную, рефлексов этой формы на западе БК ареала не обнаруживается (кроме, по видимому, соответствия между **tɔ-* в банту и *lo-* в идомоидных языках). Однако в западных БК языках нет вовсе никакого

консенсуса, а местоимения ‘мы’ во многих языках явно являются инновациями: эдоидное $*m^h a$ возникло под влиянием форм 1 л. ед. ч., формы $a/wa/ba$ в дефоидных языках и укаан, по всей вероятности, образованы по аналогии с местоимением 3 л. мн. ч.

Таблица 2.36

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
банту	$*t\grave{o}$ -	$*e^w e$	$*\grave{a}e^w e$	$*i\grave{e}^w e$
бантоидные	$*te$	$*bete$	$*(a)te$	$*bete$
кроссривер				$*Vti(n)$
платоидные	$*tV$			
каинджи	$*ti/*tu$			
джукуноидные		$*ti$		$*at\bar{i}$
эдоидные		$*m^h a$		$*m^h an^h i$
йорубоидные	$*a$	$*wa$		$*awa$
акокоидные				$*aw\grave{o}$
игбоидные	$*(a)ni$			
нупоидные	$*I$			$*aI$
идомоидные	$*I$			$*aI$
око	$t\grave{l}$ -	$-tU$	$t\grave{i}$ -	$\grave{a}t\zeta$
акпес				$\grave{a}b\grave{e}s$
укаан	$b\grave{a}$			$-b\grave{\delta}$

С восточно-БК местоимением можно сопоставить формы ni/yi в игбоидных языках, а также идомоидные и нупоидные $i/yi/hi$. Эти местоимения можно сравнить с $Vni(n)$ в языках кроссривер, которые мы вслед за Б. Коннелом выше выводили из $*ViI(n)$. Вполне возможно, что праязыковая зубная в западных БК языках была элиминирована, ср. лексические соответствия в базовом словаре: банту $*citi$, $*cici$ ‘волосы (на голове)’, идома, элойи $i-ju-$ тж. [Guthrie 1967–1971, II: 122; Abraham 1967 (1951): 118; Маскау 1964: 8]. В этом случае следует признать, что БК праформа должна была иметь переднерядный вокализм $*ti$, в то время как форма с заднерядной гласной $*tu$ соответствий в языках западной ветви не находит.

Таблица 2.37

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
банту	$*m\sigma$ -	$*nie$	$*\grave{a}nie$	$*i\grave{nie}$
бантоидные	$*ne$	$*bene$	$*(a)ne$	$*bene$
кроссривер				$*Vni(n)$

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
платоидные	<i>*ni/*nU</i>			
каинджи	<i>*ni/*nU</i>			
джукуноидные	<i>*ni</i>			<i>*ánī</i>
эдоидные	<i>*b^ha</i>			<i>*b^han^hi</i>
йорубоидные				<i>*amε</i>
акокоидные				<i>ámô</i>
игбоидные	<i>*(V)nu</i>			
нупоидные	<i>*yi</i>			
идомоидные	<i>*-nɔ</i>			<i>*ànò</i>
око	<i>nì-</i>	<i>-nU</i>	<i>n-</i>	<i>ànɔ</i>
акпес				<i>àbèŋ</i>
укаан	<i>mà</i>			<i>-mò</i>

Более перспективно сравнение местоимений 2 л. мн. ч. Формы игбоидных и идомоидных языков, а также изолятов око и акпес должны быть соотнесены с местоимениями восточных БК языков, выводимых из **ni/*nɔ*. Вполне возможно, что нупоидное местоимение **yi* также может восходить к этой праформе. По-видимому, западные БК языки утратили праязыковое грамматическое противопоставление между двумя вариантами вокализма: их сохраняют лишь восточные БК языки и око.

Любопытной изоглоссой можно считать формы личных показателей банту **mɔ-*, аригиди (акокоидный) *ámô* и укаан *-mò*; возможно, также йорубоидную форму *-mε*. Однако с учётом того, что йорубоидные, акокоидные языки и укаан в целом чрезвычайно близки друг другу, их формы могут являться новообразованиями. Кроме того, следует учитывать, что бантуский показатель употребляется только в префиксальной субъектной серии, в то время как дефоидные формы представлены автономными местоимениями. Судить о праязыковом происхождении показателя **mU* можно будет только при сопоставлении БК данных с данными внешнего сравнения.

Форма **b^ha* в эдоидных языках является следствием аналогического распространения плюрального классного маркера. Такие новообразования в отдельных случаях встречались и в восточных БК языках.

Скажем несколько слов и о личных показателях 3 л. Там, где эти показатели являются составной частью местоименной парадигмы, они тем не менее отчётливо сохраняют связь с показателями именных классов, из которых они кристаллизуются, по всей вероятности, уже после распада БК праязыка. В 3 л. ед. ч. следует реконструировать показатель **O*, его плюральным соответствием является **ba*. Именно эти аффиксы и реконструируются в качестве БК показателей сингулярно-плюрального класса лиц [Voorhoeve, De Wolf 1969]. Все новообразования в составе

показателей 3 л. следует признать весьма поздними. Для БК праязыка следует, таким образом, ограничивать местоименную парадигму четырьмя лично-числовыми значениями.

Далее попробуем разобрать набор синтаксических серий личных показателей, которые могут быть возведены к праязыковому хронологическому уровню. Относительно стабильно выделяются, пожалуй, лишь субъектные показатели (особенно редуцированный в значении 1 л. ед. ч.) и независимые местоимения с вокалическим префиксом **a-*. Две эти серии следует постулировать для БК праязыка. Однако обе они – и «усечённая», и «расширенная» серии – происходят из исходных форм местоимений, которые были сохранены в различных БК языках преимущественно в позициях прямого объекта глагола и притяжательного показателя имени. Значение притяжательности чаще всего выражается показателем, который следует за именем-обладаемым или присоединяется к нему в виде суффикса, значение глагольного объекта – суффиксом или инфиксом в составе глагольной словоформы либо энклитикой.

Таким образом, все синтаксические серии одного лично-числового значения происходят в БК языках из единой лексемы. Разделение местоимений на синтаксические серии окончательно оформляется уже после распада языкового единства. В некоторых случаях для создания противопоставления между сериями в языке появляются инновационные показатели: так, в языках банту, где сформировалась оппозиция между субъектной и несубъектными сериями, в составе парадигмы появились новообразования **n(i)-* (субъект 1 л. ед. ч.), **-ko-* (объект 2 л. ед. ч.) и **mo-* (субъект 2 л. мн. ч.).

В других языках для противопоставления между сериями используются различные варианты вокализации личных показателей. Как следует из нашего анализа плюральных форм, вокалическое противопоставление между формами **ti/*to* ‘мы’ и **ni/*no* ‘вы’ могло существовать уже в БК праязыке, однако его конкретное грамматическое или морфонологическое значение остаётся не до конца ясным, сильно деформировавшись в языках-потомках. Возможно, дополнительный свет на эту проблему может пролить анализ других НК языков в последующих главах нашего исследования.

С другой стороны, в западных БК языках с их преимущественно аналитическим строем грамматики префиксальные (или проклитические) субъектные показатели, существование которых мы склонны реконструировать для БК праязыка, отпадают и на их место приходят автономные местоимения. Аналогичный процесс – утрата префиксальных маркеров – происходит и в системе именных классов. Так же как это произошло с именными классными маркерами, личный показатель структуры CV- в западных БК языках редуцировался до V-, а затем был окончательно утерян. Процесс подпитывался наличием естественного «заменителя» – независимого местоимения со значением независимого субъекта, которое могло немедленно заменить префигурованный субъектный показатель. В современных БК языках Нигерии субъектные местоимения, как

правило, употребляются автономно от глагольной словоформы, будучи в большинстве случаев идентичными или как минимум имея общее происхождение с эмфатическими местоимениями.

В значительном числе языков местоименная парадигма выравнивается по аналогии. Обычно это затрагивает плюральные формы, как обычно и происходит в самых разных языках мира. Например, в единую форму объединяются все три плюральные местоимения, как это случилось в некоторых языках кроссривер – полная аналогия с среднеанглийским плюральным личным показателем *-af*, распространившимся на все плюральные значения парадигмы. Классный префикс **ba-*, маркировавший 3 л. мн. ч. класса лиц, распространялся на формы других лиц мн. ч., вытесняя исходные личные показатели. Еще одним типичным способом образования новых форм множественного числа является добавление данного префикса к соответствующему местоимению единственного числа, как это произошло, например, в тее (кроссривер) *bòò* ‘вы’ vs. *òò* ‘ты’. В эдоидных языках аналогично выравнивается парадигма на базе местоимений единственного числа *mi/me* ‘я’ ~ *ma* ‘мы’ в 1 л. и *we/wo* ‘ты’ ~ *wa* ‘вы’ во 2 л. Языки кроссривер (подгруппа дельты) используют одни и те же аффиксы для обозначения единственного и множественного числа во 2 и 3 л.

В Табл. 2.38 представлена реконструкция личных показателей в БК языке.

Таблица 2.38

	субъектная	исходная	независимая
1 л. ед. ч.	<i>*m=</i>	<i>*mi</i>	<i>*ami</i>
2 л. ед. ч.	<i>*o=</i>	<i>*o</i>	<i>*ao(V)</i>
1 л. мн. ч.	<i>*ti=/*to=</i>	<i>*tI</i>	<i>*ati/*ato</i>
2 л. мн. ч.	<i>*ni=/*no=</i>	<i>*nI</i>	<i>*ani/*ano</i>

Эти формы реконструированы на основании методики ступенчатой реконструкции по итогам последовательного рассмотрения всех групп языков БК семьи. Можно продемонстрировать, однако, что результаты реконструкции могут быть подтверждены и с помощью анализа сплошной выборки языков семьи. Некоторые рефлексy реконструированных нами личных показателей даны ниже.

**m=*: банту: ороко *Ṃ-*, ндуму *n*, энья *n-*, ши *ṅ-*, диго *n-*, тонгве *N-*, конго *N-*, хайя *N-*, пимбве *n-*, яо *n-*, тсвана *n-*;
 другие бантоидные: самба-дака *m̃*, тив *m*, нони *N-*, мбе *ṅ-*, кеньянг *n-/n-*, йемба *N*, агхем *N*, мундани *ṅ-*;
 кроссривер: бекварра *N-*, кохумоно *N-*, мбембе *N-*, ибибио *Ṃ-*, элеме *Ṃ-*;
 ЦН: тарок *n/m*, лиджили *n*, баса *n*, хоне *n-*, джукун *m*;
 дефоидные: игала *ni*, йоруба *n*, *ɲ*;
 игбоидные: игбо *m-*, иквере *m*, екпейе *N-*;

нупоидные: гаде \bar{n} ;
идомоидные: идома \bar{m} , игеде \bar{m} -.

**(a)mi* банту: басаа te , тсого $té$, келе ete , била ime , шамбала imi , конго $-àtè$, лувале $àmi$, гереро $àmi$, зулу $mìná$;
другие бантоидные: самба-дака $mèè$, мамбила te , эсимби te -, кеньянг te , бамилеке $té$, джарава $mi/mí$, бвацца $mí$;
кроссривер: боки te , кукеле te , бекварра $àmi$, локаа $-mì$, оболо mi -, эфик $mí$, огбиа mi/mi , элеме $-mi$;
ЦН: бером $té$, хором te , эггон te , тарок mi , лиджили te , хун-сааре te , эткиван̄ $tē$, кутеб te ;
эдоидные: екхее $te/mē$, эдо $(i)te$, эпие te , энгенни mi/mi , урхобо $mi/mé$;
дефоидные: игала mi , йоруба mi , аригиди ame ;
игбоидные: игбо $àmi$, иквере $té$, экпейе $mè$;
нупоидные: эбира mi/mi , гбагьи mi ;
идомоидные: элойи $mī$, идомо $àmi$;
око $àte$.

**o* банту: ороко $ò$ -, бафия $ù$ -, мпонгвее $ò$ -, нкенго u -, куму o -, диго o -, сукума o -, шамбала u -, вили $ù$ -, ши $ù$ -, квангари o -, сонге o -, пимбве o -, матуумби o -, гереро $ù$ -, венда $ù$ -, тсвана $ò$ -;
другие бантоидные: мамбила $wə$, тикар $ù$, тив $ú$, эсимби wo -, нони wo , мбе $ò$ -, кеньянг $ɔ$ -, лимбум $à$, йемба $ò$;
кроссривер: бекварра o -, кохумоно a -, мбембе a -, эфик $ò$ -, элеме $ɔ$ -;
ЦН: бером $hó$ -, тароки, лиджили $ɔ$, джибуу u , хун-сааре o , уапан $ù$, кутеб u ;
эдоидные: эдо u , увбие $ù$;
дефоидные: йоруба o ;
нупоидные: эбира o ;
око $ù$ -.

**(a)o(V)* банту: ороко owa , тсого $èwɛ$, баболе $àwé$, лега $ugwe$, ромбо $-afo$, квангари ove , ньякьюса-нгонде $ugwe$, гереро $òvè$, копи awe ;
кроссривер: кохумоно $àgwɔ$, локаа $àwú$, оболо $òwù$;
ЦН: хором $awə$, бу awu , тарок wa , лиджили $ìwɔ$, бете owu ;
эдоидные: эдо $wé$, окпамхери $wɛ$, дегема $wɔ$, урхобо $wɛ$, окпе $wù/wò$;
дефоидные: йоруба $ìwɔ$, аригиди $arɔ̃$;
идомоидные: идома $àwɔ$;
око $àwɔ$.

**ti/*to(e)* банту: пинджи to -/àsé, баболе $tò$ -/bisé, холохоло tu -/biswé, ньятуру to -/iswe, руанда tu -/icwe, икухане tu -/(a)twè;

другие бантоидные: мета *tì*, бамум -*útà* (инкл.), нони *bese*, кеньянг *bèsé*, агхем *sè* (инкл.), дугури *sú*;
 кроссривер: кохумоно *àdò*, кукеле *bešě*, оболо *èzì*;
 ЦН: бером *wot*, фьям *tí*, кануфи *tot*, мада *tə*, че *tút*, хун-сааре *te* (экскл.), лару *ti*, понгу *gááti*, чичипу *tù*, кутеб *tī*, члела *cín*;
 акпес *àbès*;
 око *tì*-.

ni*/no(e)* банту: нен *ní*, вия -*àpó*, келе *ení*, ленгола -*aní*, била *βéní*, ромбо *ɲwé*, сукума *βiɲwe*, гого *abe*, вили *bèpò*, хая *ɲwe*, лувале *èni*, луба *ni*- (субъект), гереро *èrè*, чопи *anu*;
 другие бантоидные: мамбила *ben*, месака *bèn*, нони *ben*, мбе *èpò*, бамум -*tín*, бамилеке *bìné*, ламнсок *ven*, бвазза *wún*;
 кроссривер: бекварра *ínèp*, кохумоно *ànè*, мбембе *bəŋa*, оболо *èɲi*, абуа *ɲina*;
 ЦН: аю *bìnìn*, изере *ɲín*, иригве *ɲí*, кулу *аниɲ*, аке *áni*, торо *анэпэ*, хун-сааре *пэ*, члела *nwá*, уапан *ánī*, кутеб *anī*;
 эдоидные: урхобо *βán*;
 игбоидные: игбо *unì*, иквере *ánò*, экпейе *у́ní*;
 идомоидные: идома *ànè*, игеде *ànò*;
 око *ànэ*;
 акпес *àbèp*.

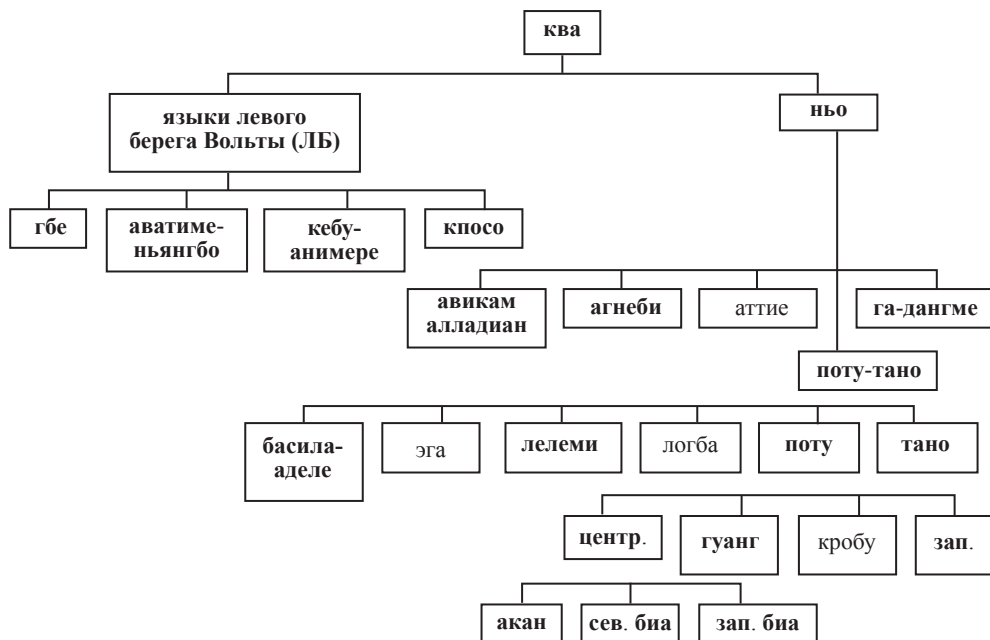
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ КВА

Семья ква (термин предложен Г.-А. Краузе [Krause 1895]), по данным на сегодняшний день, насчитывает около восьмидесяти языков, распространённых в Западной Африке, на территории небольшого ареала у северного побережья Гвинейского залива. Носители языков ква населяют восточные районы Кот д'Ивуара (в основном к востоку от р. Бандама), южную и центральную Гану, распространены в Того и Бенине вплоть до западных границ Нигерии. С запада к ним примыкают ареалы языковых семей кру и манде, с севера – семьи гур, с востока – БК языков. Все перечисленные языковые семьи включаются в состав НК макросемьи.

Внешняя и внутренняя классификация языков ква остаётся предметом научных дискуссий в африканистике. Согласно классификации Д. Вестермана [Westermann 1927], в состав семьи ква, разделённой исследователем на восемь групп, было включено большое количество языков, позже выделенных в самостоятельные семьи – иджондных языков и кру. Помимо этого, в 70-е гг. XX в. было предложено выделить восточную ветвь языков ква, отнеся её к соседней БК семье [Bennett, Sterk 1977], эта гипотеза была поддержана большинством специалистов [Williamson 1989]. Был введён термин «языки бенуэ-ква» (иное название – «восточные вольта-конголезские»), характеризующий новый таксономический уровень в рамках НК макросемьи и объединяющий две семьи географически близких языков. С лингвистической точки зрения границы между БК языками и ква остаются довольно размытыми, что позволяет рассматривать ветвь бенуэ-ква как единую языковую общность с пока недостаточно ясным таксономическим делением [Williamson, Blench 2000: 17–18].

Принятая на сегодняшний день внутренняя классификация языков семьи ква (Диаграмма 3.1) основывается на гипотезе Дж. Стюарта ([Stewart 1989], ср. также [Stewart 2001a]), и её позднейшей модификации в обзорной статье [Williamson, Blench 2000]. Она же в основном использована и в генеалогической классификации НК языков Г. Сежерера [Segeger 2008]. Жирным шрифтом на диаграмме показаны группы и подгруппы языков семьи, нежирным – отдельные языки.

Диаграмма 3.1

Приведённая классификация тем не менее не может считаться окончательной, в том числе и потому, что она в значительной степени основана лишь на отдельных лексических изоглоссах, рассматриваемых как общие инновации языков той или иной группы. Например, крупнейшая ветвь языков ньо выделяется в основном в результате наличия в ряде её идиомов лексемы 'два' [Bennett, Sterk 1977], а группа языков левого берега р. Волты и вовсе остаётся скорее географическим подразделением, нежели генетическим, просто потому что в ней слово, означающее 'два', звучит по-другому. Таким же предположительным объединением является и группа т. н. центрально-тоголезских языков, выделенная ещё Б. Хайне [Heine 1968]. В её состав включают две крупных ветви – ка-того (группы аватиме-ньянгбо, кебу-анимере, кпосо на Диаграмме 3.1) и на-того (группы лелеми, басила-аделе и язык логба). В основе такого бинарного деления – несколько лексических изоглосс, в т. ч. отражённые в названиях обеих групп изоглоссы со значением «мясо».

Кроме того, исторически в составе ква выделяют группу т. н. «остаточных языков Того» (так как, по выражению одного из современных исследователей, «никому не хочется быть остаточным»), в сегодняшней литературе принято более политкорректное название – «языки гор Того и Ганы», англ. *Ghana Togo Mountain languages* или *GTM*), в рамках которой обычно объединяют подгруппы языков лелеми, логба, басила-аделе, а также все языки левого берега, кроме подгруппы гбе. Г. Мукаровский [Mukarovskiy 1976–1977: 6–7] предпочитал видеть эту группу отдельной семьёй языков, таксономически равную языкам БК семьи. В настоящее

время внимание к этой гипотезе, похоже, вновь возрастает. В недавнем сообщении [Kropp Dakubu 2012] исследователь языков ква М.-Э. Дакубу предложила основывать сравнительный анализ языков ква на четырёх «столпах»: наиболее изученных группах языков гбе, ГТМ, поту-тано и га-дангме.

Генетические отношения языков ква между собой исследованы недостаточно: до сих пор не существует разработанной системы фонетических и лексических соответствий между языками. В отсутствие этого стабильного методологического фундамента многие таксономические выводы построены и продолжают строиться лишь на сходстве грамматических показателей, выделении дюжины лексических инноваций или же типологических характеристиках. Некоторые языки не описаны в достаточной степени, чтобы судить об их генетических связях.

Более или менее надёжные сопоставления существуют для отдельных подгрупп, границы которых могут считаться чётко установленными. Среди таких подгрупп – языки поту-тано, составляющие в сумме более половины всех языков ква и успешно исследованные в последние десятилетия. Надёжно сгруппированы между собой языки небольших и интуитивно прозрачных таксонов нижнего уровня: га-дангме [Kropp 1966], авикам-алладиан, сев. гуанг [Snider 1989; 1990a; 1990b], гбе [Caro 1991; Stewart 1994], акан и некоторые другие небольшие подгруппы; однако взаимоотношения этих подгрупп между собой исследованы значительно хуже.

Отдельных монографий по реконструкции праязыкового состояния ква не существует. Многочисленные статьи по реконструкции фонетического инвентаря, фонологии и тональной системы праязыка поту-тано принадлежат Дж. Стюарту [Stewart 1973; 1976; 1993; 1999; 2000; 2001b; 2002; 2004], стремившемуся на основании сравнения материала этой группы с языками банту реконструировать основы праязыка бенуэ-ква⁹⁴ как модели для реконструкции НК праязыкового состояния. Им же опубликовано около сотни лексических реконструкций [Stewart 2002: 214–223; 2004], в числе которых – два личных местоимения. Иной список лексических сопоставлений для группы центрально-тоголезских языков опубликован Р. Бленчем [Blench 2001], однако он не содержит реконструкций праязыковых форм.

Сравнительно-исторический анализ личных показателей языков ква как комплексной системы морфосинтаксиса в настоящей работе проводится впервые. Основным рабочим материалом для анализа являются многочисленные статьи, монографии, а также неопубликованные диссертационные работы и рукописи, посвящённые описанию отдельных языков и диалектов, обзору их грамматики. Кроме того, в работе использованы словари и лексические списки, собранные зарубежными исследователями в течение XIX–XX вв. и последнего десятилетия. Всего в работе использованы материалы около пятидесяти языков, представляющих все основные группы и подгруппы семьи ква, включая и языки, считающиеся изолятами в рамках своих групп (источники данных указаны ниже в приме-

⁹⁴ В терминологии автора, *Proto-Potou-Akanic-Bantu* (PPAB).

чаниях к Табл. 3.1). Некоторые крупные языки (такие как эве, акан) представлены несколькими диалектами.

Как фонология, так и морфосинтаксис языков ква объединяются рядом общих типологических свойств. Система именных классов представлена префиксами, сохранившимися в разной степени по различным языкам. Порядок слов в предложении в большинстве языков – SVO; определение следует за определяемым именем. Широко распространены именные послелого [Williamson, Blench 2000: 30].

Так как по своему грамматическому строю языки ква являются преимущественно аналитическими, системы личных показателей представлены в основном автономными личными местоимениями, маркирующими субъект и объект глагола, а также притяжательность. Лишь в отдельных языках субъектно-объектные значения передаются клитическими или связанными глагольными показателями (например, в сепеле, логба, лелеми). В дополнение к принятой в настоящей работе системе четырёх синтаксических серий личных показателей в ряде языков ква функционирует также особая рефлексивная серия. В языке акан (диалект аквапим) имеется также серия объектно-рефлексивных личных местоимений (для 1 л. ед. ч. *mi* ‘я’, *miara* ‘именно я’, *máŋkasa* ‘я сам’, *mi* ‘меня, мне’, *mehú* ‘меня самого, мне самому’). Кроме того, здесь действуют также две серии показателей притяжательности: клитическое приименное и автономное независимое местоимения (*me* ‘мой (приименное)’, *mede* ‘мой (независимое)’) [Riis 1853: 85–88].

Помимо синтаксических серий, выделяются и морфологические серии личных показателей, принимающих на себя маркирование глагольных значений. В частности, такие местоименно-предикативные показатели могут различать категории времени (адьюкру *ya* ‘ты’ (наст.) vs. *i* ‘ты’ (прош.)) и аспекта (аделе *tí* ‘мы’ (перф.) vs. *tée* ‘мы’ (имперф.)). Предикат при этом не модифицируется. Иногда глагольные значения выражены лишь тоном личного местоимения (например, в аброн, аньин – имперфективные и перфективные формы). Существуют и системы, располагающие особыми формами с инкорпорированными в них маркерами глагольных наклонений. В ряде языков утвердительные формы местоимений противопоставлены отрицательным и вопросительным (так в языках селе, аброн); в адьюкру существует противопоставление субъектных местоимений в зависимости от прямой или косвенной речи, в которой ведётся повествование [Hill 1995]. Перенесение глагольных и иных синтаксических значений на личные показатели субъекта широко распространено, а насколько это явление может восходить к праязыковому состоянию, мы попробуем разобраться ниже.

Для личных местоимений в языках ква, как и в БК языках, характерно чёткое противопоставление локуторов (т. е. 1–2 л.) и не-локутора (3 л.). Различаются они как по набору грамматических категорий, так и по происхождению: легко показать, что показатели 3 л. содержат в себе именные классные префиксы или им тождественны, то есть и местоимение и префикс должны происходить из единого источника. В настоящей главе данные о местоимениях 3 л. будут привлекаться для

демонстрации различных структурных диахронических процессов, таких как парадигматическое выравнивание по аналогии. В частности, в языках ква, как и в БК, весьма распространён процесс вытеснения древних местоимений 2 л. (а нередко и 1 л.) мн. ч. местоимениями 3 л., замеченный ещё ранними исследователями [Delafosse 1904: 29], что в ряде случаев сильно затрудняет реконструкцию. В справочных целях местоимения 3 л. всех описываемых здесь языков ква приведены в Приложении 3 к настоящей работе.

В некоторых языках ква личные местоимения демонстрируют расширение категории числа: в 1 л. мн. ч. здесь функционируют инклюзивные и эксклюзивные формы (в аньин, бауле, абуре, адьюкру, некоторых других языках). Однако данная категория не столь широко распространена, чтобы говорить о её праязыковом происхождении.

При описании местоимений в языках ква мы принимаем традиционную модель из четырёх синтаксических серий, которой придерживались и в Главе 2. Языки в таблицах отсортированы по подгруппам согласно схеме на Диаграмме 3.1, в скобках через запятую указаны названия групп и, если необходимо, подгрупп в виде следующих сокращений:

Гб	гбе	БА	басила-аделе
АН	аватиме-ньянгбо	Л	лелеми
Кп	кпосо	СБ	сев. биа
КА	кебу-анимере	ЮБ	юж. биа
А	агнеби	Г	гуанг
АА	авикам-алладиан	ЗТ	зап. тано.
ГД	га-дангме		

Формы местоимений через запятую указывают на морфологические модификации или разноречивые данные: в различных источниках могут быть представлены разные диалекты, возможно также, что в ряде случаев мы имеем дело с неточностью записи. Формы, разделённые знаком косой черты, указывают на аллофоны, варьирующие в зависимости от фонетического окружения или гармонии гласных.

1 лицо единственного числа

Таблица 3.1

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эве (Гб) ⁹⁵	<i>mè, ta</i> (юсс.)	<i>m</i>	<i>ɲè</i>	<i>ɲè</i>
эве-адангбе ⁹⁶	<i>mē</i>	<i>ɲ</i>	<i>-ɲē, àjē-</i>	<i>ēɲē</i>

⁹⁵ [Schadeberg 1985; Agbedor 1996].

⁹⁶ [Sprigge 1976 (1973)].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ген (Гб) ⁹⁷	<i>tù</i>	<i>tù</i>	<i>àrè, jè</i>	<i>èjè, jè</i>
гун (Гб) ⁹⁸	<i>(ù)n</i>	<i>-mi</i>	<i>cé</i>	<i>jè</i>
фон (Гб) ⁹⁹	<i>in</i>	<i>jè, mi</i>	<i>cè, jè</i>	<i>jè</i>
ньянгбо-тафи (АН) ¹⁰⁰	<i>é/é</i> (наст., буд., аор.), <i>mé</i> (перф., хаб.), <i>í</i>	<i>mé</i>	<i>mε/m-</i>	<i>mεfú</i> (возв.)
аватиме (АН) ¹⁰¹	<i>mè/mà</i>	<i>mē/mε</i>	<i>mē/m-</i>	<i>mé</i>
бовили (Кп) ¹⁰²	<i>m, mí, jìe</i>	<i>yí</i> (непр.)	<i>n-</i>	
иго (Кп) ¹⁰³				<i>ɔmí</i>
кебу (КА) ¹⁰⁴	<i>mà</i>			
анимере (КА) ¹⁰⁵	<i>mɔ</i>			
абе (А) ¹⁰⁶		<i>má</i>		<i>mà</i>
абиджи (А) ¹⁰⁷	<i>m-</i>	<i>-mú</i>		<i>ètè</i>
адьюкру (А) ¹⁰⁸	<i>mí-, ma/m-</i> (наст.), <i>me</i> (прош.)	<i>-m</i>	<i>èm/am/εm</i>	<i>èm, mes,</i> <i>me, mí</i>
алладиан (АА) ¹⁰⁹	<i>mē/mē, m (+V), ni</i>		<i>mē</i>	<i>mè</i>
авикам (АА) ¹¹⁰	<i>m-/me, ma</i> (только утв.)	<i>-m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>ám̄, mí,</i> <i>me</i>
га (ГД) ¹¹¹	<i>Ń-</i> (наст.), <i>mí-</i> (хаб., сосл., аор.), <i>má-</i> (буд.), <i>m̄m̄-</i> (прог.)	<i>m̄</i>	<i>mí</i>	<i>m̄</i>

⁹⁷ [Bôle-Richard 1983c].⁹⁸ [Aboh 1997: 31].⁹⁹ [Lefebvre, Brousseau 2002].¹⁰⁰ [Funke 1910: 173–176].¹⁰¹ [Funke 1909; Kropp 1967: 59–60; Schuh 1995a; 1995b].¹⁰² [Westermann 1922: 28; Starwalt 2008: 29].¹⁰³ [Stewart, manuscript: № 585–588].¹⁰⁴ [Blench 2001: 35].¹⁰⁵ [Casali 2006].¹⁰⁶ [N'Guessan 1983a].¹⁰⁷ [Tresbarats 1983].¹⁰⁸ [Delafosse 1904: 53; Hérault 1976 (1973); Hill 1995].¹⁰⁹ [Delafosse 1904: 53; Duponchel, Bertin Mel 1983].¹¹⁰ [Delafosse 1904: 53].¹¹¹ [Kropp Dakubu 1976 (1973); 2008].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
дангме (ГД) ¹¹²	<i>i</i>	<i>mĩ</i>	<i>yéé</i>	<i>ámĩ, ími</i>
аделе (БА) ¹¹³	<i>n, ná</i> (перф.), <i>na</i> (буд.), <i>mé/me</i> (отр.)		<i>me</i>	<i>me</i>
эга ¹¹⁴	<i>ní</i>	<i>nó</i>	<i>n-</i>	<i>ĩnó</i>
логба ¹¹⁵	<i>ma-, N-</i>	<i>-m(ú)</i>	<i>amu-</i>	<i>amú</i>
секпеле (Л) ¹¹⁶	<i>n(i)-, m(e)-, N-</i>	<i>mé</i>	<i>mó/mó</i>	<i>mó/mó</i>
селе (Л) ¹¹⁷	<i>n-</i> (хаб. утв., прош. отр.), <i>ko</i> (прог.), <i>поо</i> (имперф. отр.), <i>le/la</i> (прош.)	<i>mi</i>	<i>nĩ</i>	<i>āmi</i>
сиву (Л) ¹¹⁸	<i>lō-, le/lo</i>	<i>mē</i>	<i>ĩ</i>	<i>m̄mēè</i>
лелеми (Л) ¹¹⁹	<i>mɔ-, lɛ-/li-, nɛ-/ni-</i>	<i>-mì</i>	<i>múná</i>	<i>ámi</i>
аттисе ¹²⁰	<i>mē</i>	<i>mē, mé</i>	<i>mē, mé</i>	<i>mē, mé</i>
эбрие (поту) ¹²¹	<i>n/me</i>	<i>mi, me</i>		<i>mē</i>
мбато (поту) ¹²²	<i>n, ũ, mā</i>	<i>mó</i>	<i>n̄, mi, me</i>	<i>mē, mō</i>
аньин (СБ) ¹²³	<i>me, mi, mĩ(í), m, N</i>	<i>mĩ</i>	<i>mi, me</i>	<i>mĩ, mi, tomĩ</i>
аньин-санви ¹²⁴	<i>mĩ/N, mi</i> (буд.)	<i>mĩ</i>	<i>mi, me</i>	<i>mĩ, me</i>
бауле (СБ) ¹²⁵	<i>me, m-</i> (+V), <i>N-</i> (+C), <i>mi</i> (буд.)	<i>mĩ</i> (+V)	<i>n</i> (+C), <i>mĩ</i> (+V)	<i>mĩ, mi</i>
нзема (ЮБ) ¹²⁶	<i>mi-/mi-, me</i>		<i>me</i>	<i>mi</i>

¹¹² [Apronti 1976 (1972)].¹¹³ [Westermann 1922: 49].¹¹⁴ [Bôle-Richard 1983b; Westermann 1903].¹¹⁵ [Westermann 1903; Dorvlo 2008].¹¹⁶ [Westermann 1922: 8; Allan 1980 (1974)].¹¹⁷ [Allen 1980 (1973)].¹¹⁸ [Westermann 1922: 36 ff.; Iddah 1980 (1975)].¹¹⁹ [Kropp 1967: 7; Höftmann 1971].¹²⁰ [Delafosse 1904: 28; Kutsch Lojenga, Hood 1983].¹²¹ [Delafosse 1904: 28; Bôle-Richard 1983a].¹²² [Delafosse 1904: 28; Grassias, Bôle-Richard 1983].¹²³ [Delafosse 1900: 49–54; Burmeister 1988].¹²⁴ [Delafosse 1904: 122; Burmeister 1983b].¹²⁵ [Delafosse 1904: 122; Timyan-Ravenhill 1980; N'Guessan 1983b].¹²⁶ [Delafosse 1904: 122; Clopper 2001: 2].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
аханга (ЮБ) ¹²⁷	<i>mĩ/mĩ</i>	<i>mĩ</i>	<i>mĩ, mĩ, m</i>	<i>matĩ</i>
аброн (акан) ¹²⁸	<i>m/me, mĩ</i> (буд.)	<i>m̃, m̃</i>	<i>m̃, mi, me</i>	<i>m̃</i>
акан (акан) ¹²⁹	<i>me-/mi-/ma-</i>	<i>me</i>	<i>me</i>	<i>m(e)/mi</i>
акан-аквапим ¹³⁰	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>me</i>	<i>miara</i>
акан-фанти ¹³¹	<i>mi-/ma-</i>	<i>-mi</i>	<i>mĩ-/má-</i>	<i>ĩmi</i>
гичоде (Г) ¹³²	<i>ně/ná, Ñ, m̃</i>	<i>mě</i>	<i>mĩ/mě/m</i>	<i>mĩ</i>
гиньянга (Г) ¹³³	<i>nè/n, Ñ</i>	<i>mĩ</i>	<i>mĩ/mě/m</i>	<i>mĩ</i>
домпо (Г) ¹³⁴	<i>mi</i>			
гонджа (Г) ¹³⁵	<i>mé, Ñ</i>	<i>má</i>	<i>má/m-</i>	<i>má</i>
нконья (Г) ¹³⁶	<i>no-/nɔ-/ne-/ne-</i>	<i>me</i>	<i>me</i>	<i>me</i>
нчумуру-банда (Г) ¹³⁷	<i>m̃-</i>	<i>m̃/mɔ</i>		<i>mɔ</i>
нчумуру-беджамсо-груби (Г) ¹³⁸	<i>mě/mi</i> (наст.-буд. утв.), <i>∅</i> (наст.-буд. отр.), <i>mē</i> (прош. отр.), <i>N-</i> (усл.)	<i>mě</i>	<i>m̃/mě,</i> <i>N</i> (но.), <i>m-</i> (+V)	<i>mě</i>
черепон (Г) ¹³⁹	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>
абуре (ЗТ) ¹⁴⁰	<i>m</i>	<i>mĩ</i>	<i>mĩ, me, m</i>	<i>me, mĩ /mí</i>
эотиле (ЗТ) ¹⁴¹	<i>N-, me</i>	<i>me</i>	<i>me, m, mi</i>	<i>me/mi</i>
кробу ¹⁴²	<i>mē, N</i>	<i>mě</i>		<i>mē</i>

¹²⁷ [Burmeister 1988].¹²⁸ [Delafosse 1904: 122; Timyan-Ravenhill 1983].¹²⁹ [Christaller 1933].¹³⁰ [Riis 1853: 85–88].¹³¹ [Welmers 1946: 33–34].¹³² [Cleal 1976a (1973)].¹³³ [Cleal 1976b (1973)].¹³⁴ [Blench 2007e].¹³⁵ [Painter 1980a (1974)].¹³⁶ [Reineke 1972].¹³⁷ [Cleal, Price 1980 (1975)].¹³⁸ [Cleal, Price 1980 (1975)].¹³⁹ [Painter 1980b (1974)].¹⁴⁰ [Delafosse 1904: 28; Burmeister 1983a].¹⁴¹ [Delafosse 1904: 28; Hérault 1983].¹⁴² [Mensah 1983].

Можно выделить три модели, наиболее распространённые в качестве маркеров глагольного субъекта в языках ква:

- 1) *mV*;
- 2) *nV/лI* (то есть *n* с любой гласной и *л* с любой передней гласной);
- 3) *N*.

Символом *N*, как и повсюду в настоящем исследовании, обозначается гоморганый носовой слоговой показатель, артикуляция которого зависит от следующего за ним согласного звука: он выражается как *m-* перед губными, *n-* перед зубными, *л* перед палатальными и *η-* перед заднеязычными согласными.

На первый взгляд кажется, что по крайней мере две первые модели несводимы друг к другу и должны объясняться происхождением из различных лексических корней. Мы попытаемся доказать, что это не так и что, напротив, все три модели связаны единым генетическим происхождением.

Общность между показателями на губную согласную и гоморганным *N* подтверждается весьма просто – прежде всего тем, что в позиции перед гласной он реализуется как *m-* (например, в *нчумуру*, *аньин*, *бауле*). Безусловно, это свидетельствует о том, что форма *N* является редуцированным вариантом **mV* в проклитической позиции. И действительно, практически во всех языках гоморганый показатель маркирует исключительно субъект глагола, занимая проклитическую или префиксальную позицию. Там, где и притяжательность маркируется префиксом, также видим показатель *N-* (например, в *бовили*). Форма селе *nīi* содержит притяжательный маркер *-n-/-l-*, не несущий значения лица.

Далее, можно видеть, что показатели модели *nV* также используются в подавляющем числе случаев исключительно в субъектной серии. При этом в несубъектных сериях им соответствуют показатели модели *mV*:

гун (гбе)	<i>n</i> ‘я’, <i>-mi</i> ‘меня’;
аделе (басила-аделе)	<i>n/na</i> ‘я’, <i>te</i> ‘мой, именно я’;
секпеле (лелеми)	<i>n(i)</i> ‘я’, <i>mé</i> ‘меня’;
селе (лелеми)	<i>n-/noo</i> ‘я’, <i>mi</i> ‘меня’, <i>āmi</i> ‘именно я’;
гичоде (гуанг)	<i>nĕ/nā</i> ‘я’ (перф.), <i>mĕ</i> ‘меня, мой’;
гиньянга (гуанг)	<i>nĕ</i> ‘я’, <i>mĭ</i> ‘меня, мой’;
нконья (гуанг)	<i>no-/no-/ne-/ne-</i> ‘я’, <i>te</i> ‘меня, мой, именно я’.

Вариации вокализма показателя на *n-* маркируют различные грамматические значения глагола – прежде всего видовременные.

Мы полагаем на этом основании, что показатели модели *nV* являются следствием переосмысления гоморганного показателя как фонемы зубной артикуляции, которая в дальнейшем, при слиянии с показателями глагольных значений аспекта, времени и модальности, сохранила эту артикуляцию. Фонетическое развитие, таким образом, проходило в виде *m-* > *N-* > *n-*. Этого фонетического перехода не происходило там, где не происходило и редукции **mV* > *N*, то есть в объектной,

притяжательной (за некоторыми исключениями) и независимой сериях. В последних сохранились показатели модели mV , которую мы и склонны считать генетически исходной.

Если редукция $*mV > N$ могла произойти уже на уровне праязыка ква, о чём говорит широкое распространение редуцированных форм субъектных показателей по большинству групп языков, то процесс формирования показателей модели nV следует приписать более позднему хронологическому уровню.

Попытаемся разобраться теперь с вокализмом форм на m -, который, как это хорошо видно из таблицы, сильно варьирует.

Форма ma , как правило, является обусловленной фонетическим окружением (это хорошо видно, например, в акан-фанти). В некоторых языках (например, авикам) субъектный показатель ma характеризует морфологически маркированные формы утвердительного или отрицательного глагола, его аспекта или времени; это явление характерно и для языков БК, где форма ma в 1 л. ед. ч. чаще всего маркирует недавнее прошедшее время или перфект (напр., в языках кроссривер, см. выше в Главе 2). Аффикс $-a$ в ma является стандартным маркером перфекта и во многих языках ква [Timyan-Ravenhill 1980].

Более наглядными являются формы показателей объекта и особенно независимые местоимения, на которые не влияют последующие грамматические маркеры. Здесь в большинстве случаев мы видим $mi/me/m\epsilon$, то есть именно те гласные, которые в БК языках мы выводили из общей праформы $*mi$. Однако в языках ква, в отличие от БК, варианты с гласной средненижнего подъёма ϵ широко распространены, что заставляет считать более экономичной гипотезу о праязыковом местоимении 1 л. ед. ч. $*me$. При этом, однако, следует учитывать, что единого «исходного» местоимения в праязыке могло и не быть. Если, как предполагается, праязык ква обладал столь же развитой системой гармонии гласных, как современные языки семьи, для праязыка можно будет признать валидной реконструкцию как минимум двух вариантов, распределённых по признаку $\pm ATR$: $*mi/*m\epsilon$ или $*me/*m\epsilon$. Здесь мы можем сослаться также на Дж. Стюарта, который склонен был реконструировать личное местоимение $*mi/*me$ для праязыка бенуэ-ква [Stewart 2002: 222].

Данная форма в основном сохраняет свою структуру в объектной и отчасти притяжательной сериях личных показателей. В некоторых языках ква притяжательное местоимение стоит в препозиции к существительному: эве je 'именно я', $je \acute{a}g\acute{a}$ 'мой кокосовый орех' [Schadeberg 1985: 16–18].

В некоторых случаях посессивное местоимение содержит расширительный аффикс, имеющий общее притяжательное значение для всей парадигмы: лелеми 1 л. ед. ч. $m\acute{u}n\acute{a}$, 2 л. ед. ч. $f\acute{u}l\acute{a}$, 1 л. мн. ч. $b\acute{u}l\acute{a}$, 2 л. мн. ч. $m\acute{u}n\acute{a}$. В языках гбе притяжательный маркер префиксален: ген $ap\acute{e}$ 'мой', $\acute{a}p\acute{o}$ 'твой'. Подобные случаи известны в большинстве семей нигеро-конголезских языков и объясняются преимущественно застывшими классными префиксами, которые маркировали в посессивной конструкции не только само имя, но и определения к нему. При этом местоимение, маркируемое классным префиксом, идентично показателям объек-

ной и/или независимой серий. Таким образом, это ещё раз подтверждает причину формального сходства притяжательных и объектных показателей: в праязыке (ква, а возможно, и бенуэ-ква) грамматически выделенного подкласса притяжательных местоимений не существовало, вместо них функционировали синтаксически автономные местоимения, рассматриваемые как самостоятельные лексические единицы.

Наконец, проанализируем серию независимых (эмфатических) личных местоимений. Синтаксически значение этой серии в большинстве языков схоже: оно выступает для фокуса субъекта (в предложениях типа 'Именно я разбил окно') или там, где местоимение служит именным сказуемым и формирует высказывание (в предложениях типа 'Это я'). Там, где такие местоимения формально отличаются от объектно-притяжательных, для маркирования фокуса используются местоимения с различными суффиксальными или префиксальными расширениями. Из последних наиболее частыми являются префиксы структуры *V-*: *a-*, *i-*, *ɔ-*, *ε-*, а также слоговая носовая *m-*. Все эти формы можно сопоставить с БК независимым местоимением **ami*, рефлекс которого хорошо сохранился во всех основных группах БК языков. Можно предположить, что и в праязыке ква уже существовало независимое местоимение **Vme*, рефлексами которой в различных группах семьи являются, в частности, иго *ɔmĩ*, абиджи *èmè*, авикам *ámé*, дангме *ámĩ*, эга *amú*, селе *āmi*, акан-фанти *imi*. Возвратные местоимения, формирующие особую серию в некоторых языках (например, в ньянгбо с суффиксом *-fi*), являются поздними образованиями и не восходят к праязыку.

Таким образом, реконструкции подлежат следующие показатели 1 л. ед. ч. в языках ква:

<i>*m</i> =	субъектный показатель;
<i>*me/*mε/*mi</i>	объектное местоимение;
<i>*Vme/*Vmε/*Vmi</i>	независимое местоимение.

К сожалению, на этом этапе говорить о тональной структуре праязыковых форм не приходится: для этого необходим значительно более глубокий сравнительный анализ. Вместе с тем нужно отметить, что некоторые выводы на имеющемся материале можно сделать и о тонологии местоимений в праязыке ква, что, видимо, должно стать предметом более объёмного исследования.

2 лицо единственного числа

Таблица 3.2

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эве (Гб)	<i>è, nè</i> (косв. речь)	<i>wò</i>	<i>wò</i>	<i>wò</i>
эве-адангбе	<i>ē</i>	<i>wō</i>	<i>àfē-, -wō</i>	<i>ēwō</i>
ген (Гб)	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>àpò, ò</i>	<i>èò</i>
гун (Гб)	<i>à</i>	<i>-wè</i>	<i>-tòwè</i>	<i>jè</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
фон (Гб)	<i>à</i>	<i>wè, hwè</i>	<i>tówé, hwè</i>	<i>hwè</i>
ньянгбо (АН)	<i>wɔ/wo</i>	<i>wɔ/wo</i>	<i>wɔ/w-</i>	<i>wɔ/ú</i> (ВОЗВ.)
аватиме (АН)	<i>wò/wò</i>	<i>wō/wō</i>	<i>wō/w-</i>	<i>wó</i>
бовили (Кп)	<i>ɔ-, nɔ</i>			
иго (Кп)				<i>ɔwē</i>
кебу (КА)	<i>lə</i>			
анимере (КА)	<i>wo</i>			
абе (А)		<i>fə</i>		<i>fə</i>
абиджи (А)	<i>f-</i>	<i>-fú</i>		<i>èfè</i>
адыюкру (А)	<i>ø-, ya</i> (наст.), <i>i/e</i> (прош.)	<i>-ɲ</i>	<i>ni, ɲ</i>	<i>ɲ, i</i>
алладиан (АА)	<i>w(o)</i> (утв.), <i>ɛ/è/a</i> (отр.)	<i>vé</i>	<i>vē, e</i>	<i>vè, e</i>
авикам (АА)	<i>a-</i>	<i>-à</i>	<i>à</i>	<i>áyé, a</i>
га (ГД)	<i>ó-</i> (перф., сосл.), <i>ò-</i> (аор.), <i>òò-</i> (прог.)	<i>bò/ò</i>	<i>ó</i>	<i>bò</i>
дангме (ГД)	<i>o</i>	<i>ò</i>	<i>ó</i>	<i>mò</i>
аделе (БА)	<i>á, a</i> (буд.)		<i>ai</i>	<i>áwɔ</i>
эга	<i>ɔ́</i>	<i>ɣɔ́</i>	<i>ɣ-</i>	<i>ĩɣɔ́</i>
логба	<i>a-</i>	<i>-(w)ú</i>	<i>au-</i>	<i>aú, awú</i>
секпеле (Л)	<i>a-, e-</i>	<i>fæ, fɛ</i>	<i>fɛ</i>	<i>fɛ̄/fɛ̄</i>
селе (Л)	<i>fan-</i> (хаб. утв.), <i>fa-</i> (прош. отр.), <i>foo-</i> (прог. утв.), <i>fo- fɔ-</i> (отр.)	<i>fɔ</i>	<i>lɛ̄fɔ</i>	<i>āfɔ</i>
сиву (Л)	<i>ā, fɔ̄</i>	<i>ɔ̄</i>	<i>fɔ̄</i>	<i>fɔ̄ɔ̄</i>
лелеми (Л)	<i>a-</i>		<i>fúla</i>	<i>awɔ</i>
атгие	<i>bu/bɔ</i>	<i>bū, bó</i>	<i>bū, bó</i>	<i>bū</i>
эбрие (поту)	<i>è</i>	<i>e</i>	<i>e, è</i>	<i>hè, e</i>
мбато (поту)	<i>a/ā</i>		<i>a</i>	<i>hē, a</i>
аньин (СБ)	<i>ɛ, wo</i> (+C), <i>w-</i> (+V), <i>o, e/è</i>		<i>(w)o, wó</i>	<i>wó</i>
аньин-санви	<i>ɛ</i>	<i>wó</i>	<i>wo, è</i>	<i>wó</i>
бауле (СБ)	<i>a, wo, è</i>	<i>wɔ</i> (+V)	<i>ɔ</i> (+C), <i>wɔ</i> (+V)	<i>wɔ</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
нзема (ЮБ)	<i>e-/ɛ-, ho</i>		<i>è</i>	<i>wè</i>
аханта (ЮБ)	<i>ɛ, mɔ</i>	<i>wɔ̃</i>	<i>wɔ̃</i>	<i>mɔw</i>
аброн (акан)	<i>o, wo, u</i> (вопр., отр.)	<i>ò</i>	<i>ó, wo</i>	<i>wó</i>
акан-ашанти	<i>wo-, i-/a-, wu-, woa-</i>	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wo</i>
акан-аквапим	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wóara</i>
акан-фанти	<i>i-/a-, wu/wa</i>	<i>-wu</i>		<i>íwu</i>
домпо (Г)	<i>wo</i>			
гонджа (Г)	<i>fé</i>	<i>fó</i>	<i>fó</i>	<i>fó</i>
нконья (Г)	<i>fo-/fɔ-/fe-/fɛ-</i>	<i>fo</i>	<i>fo</i>	<i>fo</i>
нчумуру-банда (Г)	<i>fi-</i>	<i>fɔ</i>		<i>fɔ</i>
нчумуру-беджамсо-груби (Г)	<i>fe/fi</i> (не-прош. утв.), <i>fɔ̃/fɛ</i> (не-прош. отриц.), <i>fɛ</i> (прош. отриц.), <i>fé</i> (усл.)	<i>fó</i>	<i>fé, f-</i> (+V), <i>fó</i> (но.)	<i>fó</i>
черепон (Г)	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó</i>
абуре (ЗТ)	<i>ɛ</i>	<i>wó</i>	<i>wó, w</i>	<i>wó</i>
эотиле (ЗТ)	<i>e</i>		<i>e, è</i>	<i>fo, e</i>
кробу	<i>bo</i>	<i>bó</i>		<i>bó</i>

Попробуем проанализировать многообразие форм таблицы с помощью анализа наиболее распространённых моделей.

Во-первых, следует отметить, что большинство языков демонстрируют в одной или нескольких сериях личные местоимения на губную согласную. Эта губная варьирует по своей артикуляции. В группах лелеми, гуанг, агнеби и языке эотиле (принадлежащих к различным ветвям семьи) видим щелевую *f*-; в языках кробу и аттие – смычную *b*-; в многочисленных языках, принадлежащих к различным группам, фигурирует губной глайд *w*-. Начальная согласная местоимения алладиан записана как *v*-. Всё это те же самые рефлексy, которые мы наблюдали в формах показателей 2 л. ед. ч. в языках БК семьи в Главе 2. Здесь мы также склонны постулировать на праязыковом уровне губной глайд **w*-, ставший результатом спирантизации гласной заднего ряда: **u/*ɔ*.

Вокалический маркер, по-видимому, должен восстанавливаться для субъектной серии, где в большинстве языков мы видим показатели структуры V. К сожалению, реконструировать его весьма сложно: слишком разноречивыми кажутся данные. При этом в языках ква можно выделить интересную закономерность: противопоставление переднерядных гласных показателей субъекта и заднерядных – показателей объекта глагола. Сравним следующие формы (Табл. 3.3).

Таблица 3.3

	субъект.	объект.
эве (Гб)	è	wò
эве-адангбе (Гб)	ē	wō
аньин-санви	ε	wó
гонджа (Г)	fé	fó
нчумуру-банда (Г)	fí-	fú
абуре (ЗТ)	ε	wó

Это весьма любопытное явление не слишком ярко выражено, однако в силу своей распространённости даёт основания предполагать его существование и для праязыка.

Таким образом, мы имеем дело с двумя группами местоименных форм 2 л. ед. ч., подлежащих реконструкции на праязыковом уровне, – условно обозначим их как $*V$ (субъектный показатель) и $*wV$ (несубъектный показатель). Бинарное противопоставление рефлексов этих форм наблюдается в эве, гун, алладиан, авикам, аделе, эга, секпеле, лелеми, аньин-санви, акан, абуре, т. е. в языках всех основных групп, что позволяет реконструировать это явление и для праязыка ква.

В серии независимых местоимений мы видим модель Vwe/VwU , аналогичную по структуре той, что рассматривалась в 1 л. ед. ч.: соединение независимого местоимения с вокалическим префиксом. Эта изоглосса присутствует в иго, абиджи, авикам, аделе, эга, селе, лелеми, акан-фанти и может быть возведена к праязыку.

Дж. Стюарт [Stewart 2002; 2004] реконструирует для праязыка поту-акан местоимение 2 л. ед. ч. $*k^wU$, из которого, по его мнению, происходят формы wov в диалектах акан. На этой гипотезе стоит остановиться подробнее, потому что в той же работе автор перекидывает мостик к языкам банту, реконструируя общий для языков бенуэ-ква личный показатель 2 л. ед. ч. $*k^wi$. Рефлексами этой праформы, как следует из работы Стюарта, являются как личные местоимения типа wU в языках ква, так и инфиксальный объектный показатель в языках банту $*-kU-$. В качестве подтверждения указанного лексического соответствия Стюартом приводятся ещё две лексемы: банту $*-kú-$, акан $-wi$ ‘умирать’, банту $*-kóp-$, акан $*-waw$ ‘кашлять’.

Эта гипотеза могла бы объяснить происхождение формы $*-kU-$ в системе местоимений банту (для которой выше мы предположили морфологическое объяснение), однако в этом случае возникает целый ряд системных сложностей, которые мы перечисляем ниже.

1. Во-первых, придётся признать, что праязыковая велярная $*k-$ в объектном показателе из всех языков бенуэ-ква была сохранена только языками банту: ни в бантоидных, ни в других БК языках, ни в языках ква её следы не обнаруживаются, зато повсюду мы видим губной глайд и его вероятные производные v, β, f, b . Все указанные фонемы могли происходить непосредственно из $*U/*w$, но для их

перехода из $*k^w$ требуется по меньшей мере два «шага». Таким образом, гипотеза об исходной фонеме $*\upsilon/*w$ всё же является более экономичной.

2. Во-вторых, в случае принятия гипотезы Стюарта придётся признать, что объектный показатель во всех языках бенуэ-ква не является генетически родственным субъектному: последний мы реконструировали для БК праязыка как $*\upsilon=$, так же он восстанавливается и для праязыка банту, но переход $*k^w\upsilon > *o$ никакими данными не подтверждается. Предполагать же отсутствие родства между двумя фонетически близкими показателями столь большого количества языков – заведомо более шаткая гипотеза, нежели находить их происходящими из единого источника.

3. Наконец, лексические примеры Стюарта, демонстрирующие сопоставление $*k \sim *w$ между языками банту и акан, проверяются на множестве языков ква и БК, где видно, что лабиовелярный согласный в них сохраняется – в отличие от формы личного показателя 2 л. ед. ч. Это хорошо иллюстрируется на примере лексемы ‘умирать’, обладающей, по Стюарту, идентичной фонетической структурой с личным показателем (Табл. 3.4)¹⁴³.

Таблица 3.4

	$**k^w\upsilon$ ‘ты, тебя’	$*k^w\upsilon$ ‘умирать’
кеньянг (бантоид.)	<i>wɔ</i>	<i>gú</i>
бамилеке (бантоид.)	<i>wɪ</i>	<i>kɪ</i>
ламнсок (бантоид.)	<i>wɔ</i>	<i>kɪ</i>
тив (бантоид.)	<i>wé</i>	<i>kɛ́, -kí</i>
боки (кроссривер)	<i>wɔ ’ɔ</i>	<i>gboo</i>
кутеб (джукуноид.)	<i>fú</i>	<i>swù</i>
йоруба (йорубоид.)	<i>ɔ</i>	<i>ku</i>

Приходится признать, что праязыковые согласные для этих двух фонем всё же были разными. Причём если рефлекс лексемы ‘умирать’ вполне поддерживают реконструкцию $*k^w-$, то личные показатели 2 л. ед. ч. скорее предполагают именно губной глайд. К этому вопросу мы также вернёмся позже, при обсуждении данных внешнего сравнения, которые могут пролить дополнительный свет на вопрос происхождения показателей 2 л. ед. ч. в БК языках и ква.

Пока же в качестве реконструкции можно предположить формы местоимений 2 л. ед. ч. в языках ква:

- $*V=$ субъектный показатель;
- $*wU$ объектное местоимение;
- $*VwU/*Vwe$ независимое местоимение.

¹⁴³ Формы в таблице даны по материалам [Greenberg 1963: 16; Williamson, Shimizu 1968: 106–108].

I лицо множественного числа

Таблица 3.5

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эве (Гб)	<i>míe</i>	<i>mí</i>	<i>mía</i>	<i>míawó</i>
эве-адангбе	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mía mé-</i>	<i>míawó</i>
ген (Гб)	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mía</i>	<i>míáo</i>
гун (Гб)	<i>mí</i>	<i>-mí</i>	<i>-mítɔn</i>	<i>milé</i>
фон (Гб)	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>
ньянгбо (АН)	<i>blɔ-/bɔ-</i> (перед <i>l, d</i>)	<i>blɔ, lɔ</i>	<i>blɔ/bl-</i>	<i>blɔfú</i>
аватиме (АН)			<i>blɔ/bl-</i>	<i>bé</i> (э.), <i>blɔ</i> (и.)
бовили (Кп)	<i>bɔ-/bu-</i>		<i>bue</i>	
иго (Кп)				<i>ówò</i>
кебу (КА)	<i>lɔ</i>			
анимере (КА)	<i>wɔ</i>			
абе (А)				<i>èlɔ</i>
абиджи (А)	<i>r-</i>			<i>èrè</i>
адьюкру (А)	<i>s-/se/si-</i> (и.), <i>we</i> (э.)	<i>ɛy</i>	<i>èpum, ɛy</i>	<i>èy, si, ɛs</i>
алладиан (АА)	<i>bɔ̄ /bō</i>	<i>bɔ̄</i>	<i>bɔ̄/bō</i>	<i>bɔ̄</i>
авикам (АА)	<i>o-/ɔ-</i> (+C), <i>w-/wa</i> (+V)	<i>-wà</i>	<i>ò/ɔ, wa</i>	<i>áwá, wa</i>
га (ГД)	<i>wɔ̄-</i> (прог., буд., аор.), <i>wɔ̄-</i> (перф.)	<i>wɔ̄</i>	<i>wɔ̄</i>	<i>wɔ̄</i>
дангме (ГД)	<i>wɔ̄</i>	<i>wɔ̄</i>	<i>wà</i>	<i>wɔ̄</i>
аделе (БА)	<i>téɛ, tí</i> (перф.), <i>te</i> (буд.)		<i>tí</i>	<i>ɛté</i>
эга	<i>wá</i>	<i>wé</i>	<i>w-</i>	<i>īwé</i>
логба	<i>atí-</i>	<i>-tí</i>	<i>atu</i>	<i>atí</i>
секпеле (Л)	<i>bo-</i>	<i>bu, bo</i>	<i>bó, bó</i>	<i>bó, bó</i>
селе (Л)	<i>mɔn-</i> (хаб. утв.), <i>bwo-/bwa-</i> (прог./прош. утв.), <i>bu-</i> (прог./прош. отр., буд.), <i>mu-</i> (прош. отр.)	<i>-wo</i>	<i>lōo</i>	<i>āwo</i>
сиву (Л)	<i>bō</i>	<i>bō</i>	<i>bō</i>	<i>bōò</i>
лелеми (Л)	<i>bɔ-</i>		<i>búlá</i>	<i>àbù</i>
аттие	<i>hā, a, an</i>	<i>hā, há, a, an</i>	<i>hā, há, a, an</i>	<i>hā, há, a, an</i>
эбрие (поту)	<i>o</i>		<i>lo</i>	<i>lò</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
мбато (поту)	<i>lo/nḑ, do</i>		<i>l̃ḑ, do</i>	<i>l̃ḑ, do</i>
аньин (СБ)	<i>(y)e/yε (э.), ame (и.)</i>	<i>yε</i>	<i>ye, ame</i>	<i>yé, ye, ame</i>
аньин-санви	<i>yε/ye (э.), ame (и.)</i>	<i>yé</i>	<i>ye, ame</i>	<i>yé</i>
бауле (СБ)	<i>(y)e (э.), ame (и.)</i>	<i>ye, ame</i>	<i>ye, ame</i>	<i>é, ye, ame</i>
нзема (ЮБ)	<i>ye (э.), yame (и.)</i>		<i>ye, yame</i>	<i>ye, yame</i>
аханга (ЮБ)	<i>yε</i>	<i>yε</i>	<i>yé</i>	<i>amε (и.?)</i>
аброн (акан)	<i>ye (э.), ame (и.)</i>	<i>yè</i>	<i>ye, ame</i>	<i>ye, ame</i>
акан-ашанти	<i>yε-/ye-/yεa- (э.), ame (и.)</i>	<i>yεŋ</i>	<i>yεŋ</i>	<i>yεŋ, hen</i>
акан-аквапим	<i>yεŋ</i>	<i>yεŋ</i>	<i>yεŋ</i>	<i>yépara</i>
акан-фанти	<i>ye-/ya-, hen</i>		<i>hén-</i>	<i>íhen</i>
гичоде (Г)	<i>à</i>	<i>àyé</i>	<i>àyí/àyé</i>	<i>àyé</i>
гиньянга (Г)	<i>à</i>	<i>àŋí</i>	<i>àŋí/àŋé</i>	<i>àŋí</i>
домпо (Г)				<i>aniya</i>
гонджа (Г)	<i>àŋ, àŋé</i>	<i>àŋé</i>	<i>àŋé bá</i>	<i>àŋé</i>
нконья (Г)	<i>a-/ã-</i>	<i>ane</i>	<i>ane</i>	<i>ane</i>
нчумуру-банда (Г)	<i>àni</i>	<i>àni</i>		<i>àni</i>
нчумуру-беджамсо-груби (Г)	<i>an- (+V), àné (+C)</i>	<i>àné</i>	<i>an- (+V), àné (+C)</i>	<i>àné</i>
черепон (Г)	<i>èní</i>	<i>èní</i>	<i>èní</i>	<i>èní</i>
абуре (ЗТ)	<i>ye (э.), ame (и.)</i>	<i>yé/e (э.), ame</i>	<i>e (э.), ame</i>	<i>e (э.), ame</i>
эотиле (ЗТ)	<i>ye (э.), ame (и.)</i>		<i>ye (э.), ame</i>	<i>ye (э.), ame</i>
кробу	<i>ně</i>	<i>ně</i>		<i>ně</i>

Начнём с выделения наиболее распространённых моделей, которые мы могли бы возвести к праязыку.

Местоимение **mí* может быть реконструировано на уровне праязыка подгруппы гбе, но не выше: за её пределами оно практически нигде в ква не встречается. Заметим фонетическую близость этой формы с формой 2 л. мн. ч. (см. ниже): они различаются только тоном и являются продуктом аналогического выравнивания. Суффиксы *-á*, *-áwó*, *-áó* являются распространёнными именными маркерами фокуса/топика в языках гбе.

Формы *bo/bu/wo/wa* фиксируются во всех основных ветвях ква, кроме групп языков гбе и тано. Происхождение этой формы определённо связано с НК классным префиксом лиц множественного числа **ba-* [Williamson, Blench 2000: 40], который в языках ква нередко маркирует всю парадигму личных местоимений мн. ч. (например, секпеле *bo* ‘мы’, *ba* ‘вы’, *ba* ‘они’), см. об этом ниже. Это явление характерно и для БК языков (см. в Главе 2), где данный классный префикс либо присоединяется к исходному плюральному местоимению, либо полностью заменяет его. В результате действия аналогии местоимение 1 л. мн. ч. часто приобретает вид *bV*: ср. *bà* ‘мы’ в укаан [Jungrauthmayr 1973: 47], *wa* в дефоидных языках йоруба и игала [Philpot 1935; Ohiri-Aniche 1999]. Соответствие в начальной позиции смычного *b-* в одних языках ква глайду *w-* в других распространено довольно широко. Вытеснение местоименной формы 1 л. мн. ч. плюральным классным аффиксом могло иметь место уже в праязыках отдельных групп семьи ква, но не в самом праязыке ква.

Форма **уе* является эксклюзивным местоимением 1 л. мн. ч. центральной подгруппы языков тано. На хронологический уровень праязыка ква эта форма претендовать не может, однако её можно сравнить с формой **ане*, которую мы реконструируем для языков группы гуанг. По всей видимости, эта последняя изначально являлась независимым местоимением, если исходить из её структуры. Если в эту же цепочку соответствий добавить форму кробу *nē*, можно будет говорить о местоимении **(à)пЕ* для языков тано. То, что все указанные формы объединены общим происхождением и не являются ареальными, показать легко: достаточно сказать, что языки кробу и нконья, находящиеся практически на противоположных полюсах ареала ква, демонстрируют очень схожие формы.

Данные внешнего сравнения предоставляют некоторый материал для сопоставления с формой тано **(à)пЕ*. Прежде всего это западные БК языки: игбоидное местоимение 1 л. мн. ч. восстанавливается как **(a)пi*, в ряде языков эта форма трансформировалась в *уе* (экпейе, огба). В языках нупоидной группы мы видим *уе/уi*, а в языках ибибио и эфик (кроссривер) – *̀̀пiпi*.

В тех же языках тано местоимение **ате* выражает значение инклюзивности. Его происхождение может быть связано с местоимением 1 л. ед. ч. **те*, а именно из контаминации двух местоимений разных чисел в языках тано: **а-* ‘ты’ и **те* ‘я’. Типологически это явление имеет широчайшие параллели в языках мира, – это вообще один из наиболее распространённых механизмов образования инклюзивных форм. Достаточно вспомнить тунгусо-маньчжурские формы *bi-ti*, *mi-ti*, *mün-ti* [Rédei 1988: 294] или монгольское 1 л. мн. ч. инклюзива *bide*, *bida* < **bi* ‘я’ + **ta* ‘вы’ [Рамстедт 1957: 71]. В филиппинском языке илокано инклюзивное местоимение *таво* представляет собой сложение *та* ‘мы двое’ и *уо* ‘вы’ [Cysouw 2003: 90]. Инклюзивная форма *уити* новогвинейского пиджина ток-писин происходит из англ. *you-me* ‘тебя-меня’. Есть подобные параллели и в бантоидных языках, речь о них шла выше, в Главе 2.

Вне группы тано категория клязивности фиксируется только в аватиме и адьюкру. Так как повсюду формы различных значений клязивности образуются по-разному, все их можно считать инновациями; в праязыке ква категории расширенного 1 л. мн. ч. не существовало.

Наконец, следует отметить ряд форм, которые мы можем сравнить с БК местоимением **tI/*tu*. Это личные показатели языков, принадлежащих к различным группам основной ветви семьи ква: аделе *tí, te*, логба *-tu, atu*, мбато *do/lo*, адьюкру (и.) *s-/se/si*. В подгруппе агнеби, к которой принадлежит язык адьюкру, мы находим ещё несколько местоимений, в которых интервокальная согласная может быть сопоставлена с **-t-*: абе *èlá* и абиджи *èrè*. В языках левого берега сопоставимой формой является кебу *lá*.

По совокупности соответствий реконструируемая форма должна выглядеть так же, как и в БК языках: **tI/*tU*. Вопрос о том, можно ли проецировать её на уровень праязыка ква, остаётся открытым. В пользу этого говорят как распределение рефлексов по нескольким неблизкородственным группам языков, так и данные внешнего сравнения. Однако, так как существует целый ряд крупных ветвей (тано, гбе), где рефлексов этой праформы не обнаруживается, мы можем лишь предположить её под знаком вопроса.

Таким образом, выясняется, что для праязыка ква не так легко восстановить местоимение 1 л. мн. ч. с той степенью надёжности, с какой мы осуществляли реконструкцию для БК языков. Многие формы являются распространёнными, но ни одна из них не демонстрирует достаточно широкого и равномерного распределения, чтобы её можно было постулировать для праязыка.

В качестве праязыковых форм местоимений 1 л. мн. ч. нами восстановлены следующие:

- *tI/*tU* 1 л. мн. ч. (ква?);
- *bV* 1 л. мн. ч. (авикам-алладиан, кпосо, лелеми);
- *(à)ne* 1 л. мн. ч. эксклюзива (тано);
- *ame* 1 л. мн. ч. инклюзива (тано);
- *mí* 1 л. мн. ч. (гбе).

2 лицо множественного числа

Таблица 3.6

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эве (Гб)	<i>mìe</i>	<i>mì</i>	<i>mìa</i>	<i>mìawó</i>
эве-адангбе	<i>mī</i>	<i>mī</i>	<i>mīā mé-</i>	<i>mīāwó</i>
ген (Гб)	<i>mì</i>	<i>mì</i>	<i>mìà</i>	<i>mìàò</i>
гун (Гб)	<i>mì</i>	<i>-mì</i>	<i>-mìtòn</i>	<i>mìlé</i>
фон (Гб)	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ньянгбо (АН)	<i>wɔnɔ-, nɔ-</i>	<i>wɔnɔ, nɔ</i>	<i>wɔnɔ/wɔn-</i>	<i>wɔnɔfú</i> (ВОЗВ.)
аватиме (АН)			<i>mlɔ̃/ml-</i>	
бовили (Кп)	<i>mì</i>		<i>mi</i>	
кебу (КА)	<i>ná</i>			
анимере (КА)	<i>yi</i>			
абе (А)				<i>éɲɔ̃</i>
абиджи (А)	<i>f...-ní</i>			<i>n-ɛfɛ</i>
адьюкру (А)	<i>ɔ...-rí</i>	<i>ɔɲ</i>	<i>ɔɲ</i>	<i>ɔɲ</i>
алладиан (АА)	<i>ɲɛ̃/ɲɛ̄</i>	<i>ɲɛ̄</i>	<i>ɲɛ̃</i>	<i>ɲɛ̄, ɲɛ̃</i>
авикам (АА)	<i>ʒ- (+C), w̃- (+V), un</i>	<i>-wà</i>	<i>ʒ, un</i>	<i>àwá, unɔ̃</i>
га (ГД)	<i>ɲɛ̄-</i>	<i>ɲɛ̃</i>	<i>ɲɛ̃</i>	<i>ɲɛ̃</i>
дангме (ГД)	<i>ɲɛ̃</i>	<i>ɲɛ̃</i>	<i>ɲɛ̃</i>	<i>ɲɛ̃</i>
аделе (БА)	<i>yéɛ, yí</i> (перф.), <i>yɛ</i> (буд.)		<i>yi</i>	<i>ɛyɛ</i>
эга	<i>ɲɔ̃</i>	<i>ɲɛ̄</i>	<i>ɲ-</i>	<i>ɪɲɛ̄</i>
логба	<i>ani-</i>	<i>-nú</i>	<i>anu-</i>	<i>aní</i>
секпеле (Л)	<i>ba</i>	<i>mí</i>	<i>mimí</i>	<i>mimí</i>
селе (Л)	<i>min-</i> (хаб. утв.), <i>bye-/bya-</i> (прог./ прош. утв.), <i>bi-</i> (прог./ прош. отр., буд.), <i>mi-</i> (прош. отр.)	<i>-ye</i>	<i>lɛ̀ɛ̀</i>	<i>āyɛ̀</i>
сиву (Л)	<i>mī</i>	<i>mī</i>	<i>mī</i>	<i>mīl</i>
лелеми (Л)		<i>-mí</i>	<i>míná</i>	<i>àmí</i>
атгие	<i>mũ/mɔ̃, mun(e)</i>	<i>mú, une</i>	<i>mú, mune</i>	<i>mú, mun(e)</i>
эбрие (поту)	<i>o</i>		<i>lo, o</i>	<i>hɔ̃, lo</i>
мбато (поту)	<i>nã, u</i>		<i>nã, bo</i>	<i>hɛ́, bo</i>
аньин (СБ)	<i>amũ, amwĩ, émɔ́, ámɔ́,</i> <i>bé</i>	<i>émɔ́/ámɔ́</i>	<i>amũ</i>	<i>émɔ́, amwĩ,</i> <i>amũ/amɔ̃</i>
аньин-санви	<i>émɔ́, be</i>	<i>émɔ́</i>	<i>be</i>	<i>émɔ́, be</i>
бауле (СБ)	<i>a, amũ</i>	<i>amũ</i>	<i>amũ</i>	<i>amũ, ámù</i>
нзема (ЮБ)	<i>be-/bɛ-, yamee</i>		<i>yamee, be</i>	<i>yamee, be</i>
аханта (ЮБ)	<i>mɔ̃lɔ̃mɔ̃-be</i>	<i>mɔ̃lɔ̃mɔ̃</i>	<i>mɔ̃lɔ̃mɔ̃-bé,</i> <i>bɔ́/b</i>	

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
аброн (акан)	<i>hǒ, amene</i>	<i>hǒ</i>	<i>amene</i>	<i>hǒ</i>
акан-ашанти	<i>mo-, mi-, moa-, amene</i>	<i>mo</i>	<i>mo, amene</i>	<i>mo, hum</i>
акан-аквапим	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>múara</i>
акан-фанги	<i>hum-</i>	<i>-hum</i>	<i>hum-</i>	<i>ihum</i>
домпо (Г)	<i>aniide</i>			
гонджа (Г)	<i>bě, bènè</i>	<i>bènè</i>	<i>bènè bá</i>	<i>bènè</i>
нконья (Г)	<i>mle-</i>	<i>mle</i>	<i>mle</i>	<i>mle</i>
нчумуру-банда (Г)	<i>mìni</i>	<i>mìni</i>		<i>mìni</i>
нчумуру-беджамсо-груби (Г)	<i>mén, mǎn, mǎnè</i>	<i>mǎnè</i>	<i>mǎnè</i>	<i>mǎnè</i>
черепон (Г)	<i>èní</i>	<i>èní</i>	<i>èní</i>	<i>èní</i>
абуре (ЗГ)	<i>ve, ama</i>	<i>vé</i>	<i>vé, ama</i>	<i>vé, ama</i>
эотиле (ЗГ)	<i>ama</i>		<i>ama</i>	<i>mo, ama</i>
кробу	<i>be</i>	<i>bé</i>		<i>bē</i>

Для языков ква, как уже указывалось выше, характерно использование местоимения 3 л. мн. ч. в значении 2 л., что приводит в огромном множестве языков к их дублированию в функции 2 л. мн. ч., а затем и к унификации. Так, сравним формы субъекта 2 и 3 л. мн. ч. ряда языков ква из Табл. 3.5.

Таблица 3.7

язык	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
секпеле	<i>ba</i>	<i>ba</i>
селе	<i>min-/bye-/bi-</i>	<i>man-/bee-/bo-</i>
мбато	<i>nǎ, u, bo</i>	<i>bo</i>
аньин-санви	<i>é mǎ, be</i>	<i>be</i>
нзема	<i>be-/be-</i>	<i>be-/be-</i>
гонджа	<i>bě, bènè</i>	<i>bě</i>
абуре	<i>ve, ama</i>	<i>ve</i>

Эта специфическая черта – замена местоимения ‘вы’ местоимением ‘они’ – характерна не только для языков ква, она широко распространена в языках Западной и Центральной Африки. В эдоидных языках (зап. БК) произошло практически повсеместное замещение местоимения 2 л. мн. ч. формой 3 л. (энгенни *ba*, йекхе *bā*, эдо (*ù*)*wá*, окпамхери *we* и т. д.); в языках кроссривер мы видим формы тее *bòò*, легбо *ba-*, кукеле *beba* ‘вы’ и другие. Даже в считающихся консервативными языках

банту это явление широко представлено в северо-западном и северо-восточном ареалах, например в акосе (A15) наряду с местоимением 2 л. мн. ч. *ŋé* 'вы' в том же значении используется форма 3 л. мн. ч. *bé*, в языках баболе (C20), макаа (A83), била (D30) и других формы 2 и 3 л. во мн. ч. различаются лишь огласовкой. Вытеснение местоимения 2 л. мн. ч. наблюдается в некоторых языках адамауа (например, дай, см. Главу 5) и манде (например, лигби, см. Главу 7).

Вопрос стоит о том, к какому этапу развития языка можно возводить данное явление. Исходя из данных Табл. 3.6, его можно относить к праязыку ветви потутано, во всяком случае, ни языки левого берега, ни языки таких групп, как агнеби и авикам-алладиан, сходства между местоимениями 2–3 л. не демонстрируют.

Среди других форм местоимений 2 л. мн. ч. можно назвать две модели, у которых есть неплохая перспектива реконструкции: mU (формы *tu/mo/mɔ*) и nE (формы *ne/nɛ/nə/ɲe/ɲɛ*). Первая из них (в аттие, аньин, логба, бауле, акан, эотиле и, возможно, *ama* в языках зап. тано) не засвидетельствована в языках левого берега р. Вольты, но распространена в большинстве групп ветви ньо. Формы с префиксальной гласной типа бауле *amí* могут свидетельствовать об их распространении из независимой серии с её вокалическим префиксом. Данный показатель, реконструируемый как **mɔ*, имеет хорошее соответствие в языках банту (**mɔ-*), а также, вероятно, в некоторых других БК языках: ср. укаан *mɔ̃*, аригиди *ámɔ̃*. Реконструкция этого показателя для праязыка бенуэ-ква (в виде **mɔ*) предложена и Дж. Стюартом [Stewart 2002: 223]. Однако в этом случае, как и в ряде предыдущих, мы должны принять, что форма, не реконструируемая на уровне праязыка ква, имеет тем не менее явное праязыковое происхождение более высокого таксономического уровня.

Вторая форма, восходящая к тому же праязыковому уровню, должна быть реконструирована в виде двух вариантов: **nE*, **VnE*. Вокализм этих форм может быть восстановлен лишь предположительно: ясно, что он подвергся масштабному разрушению в ходе различных фонетических процессов. Рефлексы этих форм таковы:

**nE*: ньянгбо-тафи *nɔ-*, кебу *ná*, алладиан *ŋɛ̄/ŋɛ̄*, га *ŋɛ̄-*, эга *ŋɔ̄*, *ŋɛ̄*, мбато *nǎ*;

**VnE*: абе *ɛ́nɔ̄*, адьюкру *ɔ̄n*, авикам *unɔ̄*, эга *ɪ̄ŋɛ̄*, логба *ani*, аттие *une*, домпо *ani-ide*, черепон *ɛ́ní*;

а также с плюральным префиксом **bV-nE*: ньянгбо-тафи *wonɔ̄*, гонджа *bɛ́nɛ̄*.

Соблазнительно было бы сравнить с последними формами также местоимения, подвергшиеся фонетической модификации, например аватиме *mɪ̄*, происходящую, вероятно, из **bɔ-nE*, учитывая близкородственную форму ньянгбо-тафи *wɔ̄nɔ̄*. В ряду сходных местоимений 2 л. мн. ч. языков северной подгруппы гуанг фонетически выделяется форма нконья *mle-* – её происхождение из **bV-ne* также не вызывает сомнений.

Таким образом, согласно распределению указанных форм по различным группам языков ква мы можем постулировать праязыковое происхождение для двух форм: **nE* и **VnE*. Исходя же из парадигматических соображений и сопоставления

этих предположительных праформ с формами других лично-числовых значений, логично относить местоимение **ne* к объектно-притяжательной серии, а **VnE* – к независимой. О том, что данное местоимение обладало свойством синтаксической автономности, может свидетельствовать и его оформление именным классным префиксом **bV-*.

В Табл. 3.6 приведены и немногочисленные новообразования. Для группы гбе, языка бовили и группы лелеми восстанавливается местоимение **mi*, подвергшееся аналогическому взаимовлиянию с формой 1 л. мн. ч. **mi*. Происхождение местоимений аброн *hō* и подобных ему в эбрие и мбато неясно, однако форма аброн, по всей вероятности, генетически связана с местоимением 2 л. ед. ч. *ō*.

Праязыковое распределение между двумя праязыковыми местоимениями **mi* и **(V)ne/*bI-ne* также неочевидно. По образцу сингулярных местоимений можно предполагать, что одно из них могло быть субъектным, другое – несубъектным. Именно таково распределение между генетически родственными местоимениями в банту: **mV-* реконструируется как субъектный префикс, **n(u)e* как независимое несубъектное местоимение (см. выше в Главе 2). Однако эти данные внешнего сравнения могут помочь обосновать выводы, но на материале сравнения самих языков ква такие выводы кажутся более чем преждевременными.

По итогам проведённого анализа формы личных показателей праязыка ква реконструируются в следующем составе (Табл. 3.8):

Таблица 3.8

	субъект.	объект.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>*m=</i>	<i>*mE/*mi</i>	<i>*VmE/*Vmi</i>
2 л. ед. ч.	<i>*V=</i>	<i>*wU</i>	<i>*VwU/*Vwe</i>
1 л. мн. ч.	<i>*tI/*tU</i>		–
2 л. мн. ч.	<i>*nE</i>		<i>*VnE</i>

Сравним результат с реконструкцией БК форм личных показателей, осуществлённой в Главе 2.

Таблица 3.9

	субъектная	исходная	независимая
1 л. ед. ч.	<i>*m=</i>	<i>*mi</i>	<i>*ami</i>
2 л. ед. ч.	<i>*v=</i>	<i>*v</i>	<i>*av(V)</i>
1 л. мн. ч.	<i>*tI/*tV=</i>	<i>*tI</i>	<i>*ati/*atv</i>
2 л. мн. ч.	<i>*ni/*nv=</i>	<i>*nI</i>	<i>*ani/*anv</i>

По итогам обсуждения в настоящей главе следует ещё раз акцентировать два соображения, которые, как представляется, ведут нас к одному выводу.

С одной стороны, бросается в глаза значительное сходство между личными показателями языков двух семей – БК и ква, а также между двумя осуществлёнными нами соответствующими реконструкциями. Последние близки настолько, что остаётся неясным, что же, собственно, отличает друг от друга языки двух семей: ни одной характерной морфологической инновации реконструированная парадигма праязыка ква не содержит, и это при том, что хронологическая глубина реконструкции никак не может составлять менее 6–7 тысячелетий.

С другой стороны, можно сделать вывод и о том, что на самом деле близкое сходство существует скорее между *отдельными языками и группами* языков ква, с одной стороны, и БК языками, с другой. В то же время внутренние связи между группами языков ква значительно слабее, чем между БК языками. По сути дела, из четырёх местоименных в составе парадигмы личных показателей с уверенностью восстанавливается только одно – местоимение 1 л. ед. ч., наиболее стабильный элемент этой парадигмы. Что касается форм 2 л. ед. ч. и особенно плюральных форм, то вопросительных знаков здесь пока чересчур много. И это при том, что многие из форм, которые можно реконструировать для отдельных групп языков, находят весьма близкие внешние соответствия, например форма **tI/*tU* в 1 л. мн. ч., форма **mU* во 2 л. мн. ч.

Всё это в совокупности заставляет нас задумываться о том, можно ли говорить о бинарном членении генетической общности бенуэ-ква. То, что такая общность существует, в местоименной перспективе представляется несомненным. Несомненно и то, что в её составе существуют подобности, имеющие свои характерные инновационные изоглоссы – крупнейшей из таких общностей являются восточные БК языки, менее крупной, но значительной – языки поту-тано. Однако материал личных показателей даёт возможность усомниться в том, что такая общность, как праязык ква, действительно существовала.

Безусловно, материала одних только личных местоимений недостаточно для того, чтобы делать столь громкие таксономические выводы, однако учитывать эти данные при дальнейших сравнительно-исторических исследованиях необходимо, и, будучи подкреплёнными реконструкцией других аспектов грамматической системы, а также, в первую очередь, анализом базовой лексики, они могут внести существенные изменения в нынешнюю классификацию языков НК макросемьи.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ ГУР

В состав семьи гур¹⁴⁴ входит около 100 языков, носители которых проживают в странах Западной Африки, прежде всего в Буркина-Фасо, но также в ряде соседних стран: на юге Мали и Нигера, в северной части Кот д'Ивуара, Ганы, Того, Бенина, на северо-западе Нигерии. Несмотря на разброс стран, можно говорить о значительной компактности языкового ареала гур: существующие в этом ареале анклавы языков других семей (прежде всего манде, но также кру и чадских) относительно невелики. Зона распространения языков гур граничит на юге с языками семьи ква, на западе – манде, на севере – догон и атлантическими, на востоке – преимущественно с языками сонгаи. Кроме последних, все перечисленные семьи языков, как и семью гур, объединяют в составе НК макросемьи языков.

См. *Карта 5. Языки гур* (Источник: *Wikipedia*).

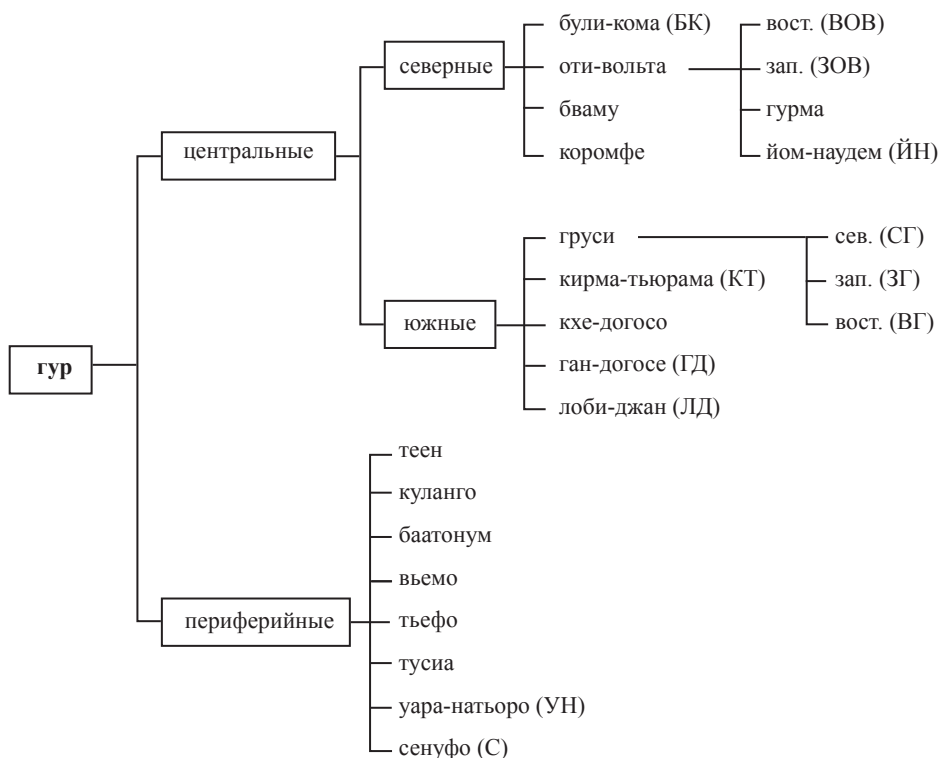
Благодаря своему местоположению вдалеке от морского побережья языки гур сравнительно поздно стали известны лингвистам. Хотя первые сведения о них содержатся ещё в «Полиглотте» С. Кёлле [Koelle 1854], говорить о системном изучении языков семьи можно только начиная с середины XX столетия. Тем не менее благодаря активным усилиям команд полевых исследователей (прежде всего христианских миссионеров, а позже института SIL) на сегодняшний день существуют публикации грамматических очерков и словарей по большинству языков гур. Среди наиболее выдающихся исследователей можно назвать Г. Манесси, А. Проста, У. Вильсона, Дж. Бендор-Самуэля. Российские учёные, насколько нам известно, пока не публиковали работ, посвящённых языкам гур¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Название было введено Г.-А. Краузе в конце XIX в. благодаря созвучию глоттонимов гурма, гурунси (грусси), гурманчема и других и употребляется в англо- и немецкоязычной литературе. Во франкоязычных работах устоялось название «вольтийские языки» (франц. *voltaiques*, англ. *Voltaic*).

¹⁴⁵ Настоящая глава представляет исправленный и дополненный вариант статьи [Бабаев 2012б].

В основе принятой на сегодняшний день внутренней генеалогической классификации языков семьи лежат работы М. Сводеша [Swadesh et al. 1966] и Дж. Бендор-Самуэля [Bendor-Samuel 1971], основанные целиком на лексикостатистическом анализе. Иной подход, с опорой на сравнительно-исторический метод, был использован в работе Г. Манесси [Manessy 1977], но полученные им результаты классификации лишь незначительно отличаются от дендрограмм предшественников. Классификация Манесси была без существенных изменений воспроизведена в обзорной работе [Naden 1989], а также совсем недавно в [Miche 2004] (Диаграмма 4.1; в скобках приведены сокращения для наименований групп языков, используемые в настоящей работе).

Диаграмма 4.1

Тем не менее дискуссия о принадлежности к семье гур ряда групп языков Центральной Африки не стихает. Языки гур довольно чётко делятся на две части: вполне гомогенную по своему составу центральную ветвь, объединяющую большинство идиомов семьи, и прочие языки, сгруппированные во многом по остаточному принципу терминами «вероятные центральные» (*Central possible*) и «сомнительные центральные» (*Central improbable*). Сюда относят языки групп

тусиа, ура-натъоро, изолированные языки теен, тьефо, вьемо и баатонум, а также большую группу языков сенуфо, которые в последние годы нередко выделяют из состава языков гур в самостоятельную семью [Segerer 2008]¹⁴⁶. Однако если общее генетическое происхождение языков сенуфо представляется довольно прозрачным, то статус других «сомнительных» идиомов, географически расположенных на крайнем западе ареала языков гур (кроме языка баатонум – на крайнем востоке), остаётся совершенно неясным. Данные языки мы будем далее называть периферийными языками гур, противопоставляя их центральным.

Ранее некоторые из языков небольших периферийных групп также относили к сенуфо [Bendor-Samuel 1971]. Привязка многих из этих идиомов к семье гур довольно условна и может объясняться географической близостью вкупе с недостаточным уровнем их изученности. Так, в числе «сомнительных» языков гур долгое время фигурировал язык семе, который по степени лексикостатистической близости с соседними языками гур вполне сравним с некоторыми из перечисленных выше идиомов. Более тщательное изучение семе показало, что данный язык скорее всего принадлежит к семье кру [Marchese 1986: 10].

Исследование систем личного маркирования может пролить дополнительный свет на проблему классификации и генетических связей различных групп языков, относимых к семье гур. По сравнительному анализу и реконструкции местоименных систем есть несколько исследований последних десятилетий, однако практически все они были посвящены отдельным группам языков; это прежде всего работы Г. Манесси по языкам груси и оти-вольта [Manessy 1969; 1975], работа Э. Надена по западным языкам оти-вольта [Naden 1986], а также недавняя монография К. Самбьени [Sambiéni 2005] по языкам восточной подгруппы оти-вольта. Все три работы, впрочем, лишь мельком касаются реконструкции личных местоимений, часто недостаточно обосновывая приведённые праформы, и ограничиваются субъектными показателями. Ни одна из них, что примечательно, не рассматривает периферийных языков гур.

Важный шаг в направлении реконструкции личных показателей в языках гур сделан в статье Г. Миэ [Miehe 2004], однако выводы автора не следуют дальше определения круга наиболее распространённых моделей в качестве «кандидатов» в праформы, без дальнейшего анализа и собственно реконструкции праязыковой системы. Таким образом, сравнительно-исторический анализ местоимений в языках гур можно как расширить (включив материал языков, ранее не фигурировавших в сравнительных исследованиях), так и углубить (перейдя от постулирования набора возможных праформ к реконструкции целостной парадигмы).

Задачей нашего исследования является сведение воедино всех ранее достигнутых промежуточных результатов сравнения систем личного маркирования

¹⁴⁶ В настоящей работе языки гур, не относящиеся к центральной ветви, в т. ч. языки сенуфо, будут совместно для краткости именоваться периферийными, что соответствует как их генетическому, так и географическому положению.

языков гур и на основании максимально широкого грамматического материала осуществление реконструкции системы, имевшей место в праязыке семьи. Параллельно будет дана оценка нынешней классификации языков гур и выделены группы языков, чья принадлежность к семье на местоименном материале не подтверждается.

Одним из основных методов, использованных в настоящей главе, вновь будет метод ступенчатой реконструкции: на основании сравнения современных языков будут реконструированы промежуточные системы личных показателей праязыков ряда групп, которые, в свою очередь, станут материалом для реконструкции системы, предположительно существовавшей в праязыке семьи гур. Этот метод позволит нам повысить точность реконструкции форм праязыков в условиях довольно глубокого расхождения между различными группами. Так как в настоящем исследовании мы имеем возможность сравнивать довольно большое количество идиомов (82 из 96 языков семьи), групповые реконструкции будут вполне надёжными.

Структурно приглагольные показатели субъекта в языках гур предшествуют предикату, нередко в форме префикса, что объясняет их сверхкраткую форму (С, V, реже CV). Субъектные показатели в ряде языков выражают также собственно глагольные значения аспекта, наклонения, времени и отрицательной полярности. Прямой объект глагола располагается справа от него и может быть маркирован как автономным местоимением, так и клитикой, и аффиксом (граница между различными уровнями синтаксической автономности и связанности для множества языков остаётся крайне неопределённой). Притяжательное значение выражается префиксом или местоименной клитикой слева от имени-обладаемого. Во многих языках объектные и притяжательные показатели идентичны соответствующим показателям субъекта глагола, однако нередко между ними имеются различия – как сегментные, так и супraseгментные, прежде всего тональные. Утверждение Г. Миэ, что «*тоны [личных показателей] можно не принимать в расчёт*» [Miehe 2004: 100], таким образом, в корне неверно.

Особыми формами почти во всех языках семьи являются т. н. «абсолютные», или независимые, местоимения, обладающие синтаксической автономностью в предложении и несущие грамматические значения фокуса и топика. Они же, как правило, формируют неглагольные предложения, например с именным предикатом. Фонологически они имеют более сложную форму, чем субъектные или объектные показатели, т. к. их структура часто включает суффиксальный элемент дейктического происхождения или же является результатом редупликации.

В качестве собственно личных показателей в языках гур обычно рассматриваются только формы первых двух лиц. Третье лицо единообразно выражается приименными и согласовательными аффиксами именных классов. Тем не менее игнорировать их при анализе личных показателей очень опасно: в целом ряде языков аффиксы класса лиц (имеется в виду сингулярно-плюральный пара маркеров, употребляющихся при именах существительных, обозначающих лиц)

оказывают непосредственное влияние на местоименные парадигмы, способствуя в т. ч. их изменению по аналогии. Мы будем учитывать именные аффиксы личного класса там, где это необходимо, и также коснёмся вопроса их реконструкции на праязыковом уровне.

Ниже будут по очереди рассмотрены показатели четырёх лично-числовых значений, данные по которым приведены в таблицах в Приложении 4 к настоящей работе. Материал таблиц сгруппирован согласно классификации, обозначенной на Диаграмме 4.1. При реконструкции праформ учитываются некоторые особенности вокализма языков гур, и прежде всего противопоставление гласных фонем по признаку продвинутости корня языка (\pm ATR), создающее пары узких гласных *u/o*, *i/l*. В случае если значение этого признака в праформе неясно, гласная фонема обозначается, соответственно, как **U* или **I*. Согласно общепринятой традиции, гласная неопределённого ряда и подъёма в реконструкциях будет обозначаться знаком **V*.

1 лицо единственного числа

Первое лицо единственного числа в большинстве рассматриваемых языков представлено, пожалуй, наиболее широко распространёнными в НК языках моделями личных показателей – Ни *mV*.

Первая из них фонологически представляет собой гоморганную носовую фонему, реализуемую в зависимости от последующей согласной в виде одного из носовых сонантов: *n*, *ɲ*, *ŋ* или *m*. Гоморганный показатель характерен для тех языков, где личные показатели предшествуют сказуемому в виде префиксов, и именно поэтому он наиболее частотен в значении субъекта, как мы это уже наблюдали в языках БК и ква в предыдущих главах.

В этом же виде он может быть реконструирован для субъектной серии в праязыках групп оти-вольта (**N*), гурма (**N*), кхе-догосо (**N*), подгруппы зап. груси (**N*). Отметим практически повсеместное отсутствие его в периферийных языках – форма *N* встречается из них лишь в ура, баатонум и караборо. В качестве объектного (т. е. постпредикативного) показателя гоморганный носовой более редок и может быть восстановлен лишь для праязыков восточной подгруппы оти-вольта и группы гурма, т. е. там, где объектная и субъектная серии личных показателей регулярно совпадают. В виде самостоятельного местоимения независимой серии рефлексy **N* не встречаются нигде. Именно связанный (префиксальный) характер показателя *N*- в большинстве использующих его языков позволяет предположить вслед за Г. Манесси [Manessy 1969: 23], что он представляет собой редуцированную степень показателя *mV*, также широко распространённого в языках гур, однако уже в виде синтаксически автономного или постпредикативного местоимения¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Проверить исконный характер носового показателя можно было бы лишь перед начальной гласной последующей корневой морфемы, однако полнозначные лексемы в абсолютном большинстве языков гур не имеют вокалического анлаута.

Данное местоимение преимущественно имеет вид *mI* (то есть *mi/mi*) или *ma*; другие огласовки (*me, te, to, to*) весьма редки и объясняются широко распространёнными гармоническими процессами в языках гур. Огласовка среднего ряда и подъёма *a* в субъектной серии (например, коромфе, турка и лама *mə*) представляет собой промежуточную стадию, ведущую к выпадению гласной. С уверенностью можно восстанавливать праформу с узкой гласной для праязыков кирма-тьюрама (**mI*, субъект. и объект.), ган-догосе (**mi*, субъект.), этот показатель фигурирует также в других центральных языках гур – натени, винье, кхе, бвamu, джан, а также в ряде периферийных языков, включая и некоторые языки сенуфо.

Показатель **ma*, с другой стороны, реконструируется для праязыков групп йом-наудем (субъект, объект и посессив), вост. гуси (**mà*, субъект и, возможно, объект), он также довольно частотен в языках других групп центральной ветви. Сводить к единой праформе показатели со столь различной огласовкой сложно, однако для праязыка гур вполне можно постулировать личное местоимение с двумя вариантами **mI/*ma*, имеющими некоторый перебой в вокализме. Функционируя в качестве субъектного префикса сказуемого, данный показатель редуцируется, обычно теряя вокализацию, но в некоторых языках – консонантный элемент, отсюда формы бирифор *ĩ*, варианты с сонантом и без него в бвamu *mìṽ*, догосе *mi/i* и другие.

Вокалическое чередование субъектных маркеров, породившее алломорфы **mI/*ma*, может быть объяснено как грамматическим, так и фонологическим противопоставлением этих двух форм в праязыке. Первое предполагал ещё Г. Манесси [Manessy 1975: 176]. Уже упоминавшееся маркирование глагольных значений с помощью различных морфологических серий личных местоимений – не редкость в языках гур. В качестве примера можно привести периферийный язык куланго: субъектные местоимения здесь выражают, помимо лично-числовых, значения аспекта и склонения глагола, например *mi* (сосл.), *mii* (имперф.), *má* (хаб.). Все эти формы порождены контаминацией личного местоимения с различными (преимущественно вокалическими) аспектуальными и модальными показателями глагола. Немаркированным же в этом ряду форм представляется местоимение перфектива *mì* – этот вывод можно сделать не только на том основании, что типологически перфектив в языках Западной Африки является наименее маркированным значением глагола [Плунгян 2003], но и с помощью сравнения с показателем прямого объекта *-mi*, который также содержит переднерядную гласную. В некоторых языках вариации вокализма представляют оппозицию субъектного и объектного значений (ср. в були субъект *mì-*, объект *-mi* и др.). Оппозиция схожего характера могла иметь место и в праязыке. Впоследствии отдельные языки обобщили форму с узкой или широкой гласной, что и привело к бинарной вокалической вариативности, которую мы наблюдаем в современных языках гур. Однако для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту точку зрения, необходимо рассмотреть другие элементы местоименной парадигмы, что и будет сделано ниже.

В то же время необходимо учитывать и тот факт, что во многих языках центральной ветви гур гласная субъектного показателя подвержена гармонии и уподобля-

ется гласной первого слога следующего за ним сказуемого. С одной стороны, это не может не затруднять реконструкцию, с другой – можно предположить, что явление вокалической гармонии существовало уже в праязыке, а впоследствии различные аллофоны были зафиксированы для языков различных подгрупп, что представляется вполне правдоподобным объяснением для столь «нерегулярного» чередования, которое мы, кажется, видим между современными языками.

Можно ли отнести к рефлексам той же праязыковой местоименной лексемы **mI/*ma* формы языков сев. гуси, сводимые к **à*, сказать сложно. Форму **à* можно объяснить как результат вокализации носового показателя **N-* в субъектной позиции, произошедшей в т. ч. в целях устранения аналогии с формой 2 л. ед. ч. **N̄-*. В ином случае её необходимо трактовать как локальную инновацию.

В независимой серии мы видим убедительное подтверждение реконструкции единой праформы **mI/*ma*. Формы этой серии в большинстве языков семьи представляют собой расширение местоимения каким-либо суффиксальным элементом, имеющим, как уже упоминалось, дейктическое происхождение. Во многих языках это носовая фонема: на уровне отдельных групп восстанавливаются праформы зап. оти-вольта **máN*, вост. оти-вольта **mIŋ*, гурма **min*, йом-наудем **man*, вост. гуси **máj*, зап. гуси **mIŋ*, сев. гуси **(a)mɛ/*amo* (где **a-* – местоименная основа!), ган-догосе **mma*. Сюда же относится, по-видимому, форма лоби *miri* < **mini*. Из периферийных языков данная модель бесспорно прослеживается только в куланго (диал. *mian*). Общую для промежуточных реконструкций форму праязыка центральной ветви гур следует восстановить в виде **mIŋ/*maŋ*, с показателем фокуса **-ŋ*, который функционирует и в современных языках гур, ср. в конкомба (группа гурма):

- (12) *uc̣ini-ń* *ṇ* *sáji* *ubʷóri*
 гиена-FOC PST быть вождь

‘Королём была [именно] гиена’ [Adouna 2009: 87].

Несмотря на возможность реконструкции, образование независимых и других эмфатических местоимений в ряде языков следует всё же считать относительно недавним явлением. Повсюду аффиксальный элемент в местоимениях соответствует именному маркеру фокуса или эмфазы, в т. ч. и в тех языках, где этот последний является инновацией: так, в касем видим форму *amv* (независ.), содержащую именную показатель фокуса *-mv*, ср.:

- (13) *ḍiin-mv* *a* *tuə*
 вчера-FOC 1SG приходит

‘Я пришёл вчера’ [Niggli, Niggli 2008: 29].

Таким образом, праязыковую конструкцию следует предполагать в виде **mI=ŋ/*ma=ŋ*, где показатель фокуса служил скорее клитическим, но не связанным элементом.

Другой стратегией образования независимых и эмфатических местоимений является редупликация; примеры её видим в натени *mtĩ* (видимо, с добавлением *-η, ср. неназализованная форма субъекта *mi*), нотре *mta* (при объектном местоимении *ta*), нчам *tata* (субъект *táá*), конкомба *mtε* и некоторых других центральных языках гур.

Проведённый анализ, как можно заметить, практически обходит стороной периферийные языки семьи, формы которых кажутся не только несводимыми к общим праформам, но и редко соотносятся с реконструкциями, предлагаемыми для языков центральной ветви. Можно говорить лишь об общей для обеих ветвей реконструкции местоимения **mI*, которую находим во многих периферийных языках: куланго *ti*, вьемо *ti*, чебаара *ti*, джимини *ti* и пр. Однако для периферийных языков характерен и ряд других форм, прежде всего форма местоимения *ne/na*, в ряде языков редуцированная до *n-* в субъектной позиции. Мы видим это местоимение в баатонум, тьефо, уара, мамара, а в объектной серии – также во вьемо и большинстве языков сенуфо (в т. ч. в виде *la, ta, ra*). В отличие от периферийных, центральные языки совсем не используют данную форму в субъектной серии, но в объектной она обнаруживается в подгруппе сев. груси (**né*), некоторых языках гурма, зап. груси и зап. оти-вольта. Для реконструкции морфемы на уровне праязыка гур оснований недостаточно, однако широкое распространение формы *na/ne* именно в формах показателей объекта глагола заставляет предположить её древность. Для языков сенуфо объектный показатель **na* можно вполне надёжно реконструировать; возможно, появление его в других языках гур можно объяснить языковыми контактами: большинство таких языков расположены в западной части ареала.

Прежде чем подытожить сравнительный анализ форм личных показателей 1 л. ед. ч., следует сказать несколько слов о возможности реконструкции их праязыкового тонального рисунка. Низкотоновые формы показателей субъекта восстанавливаются для праязыков були-кома (**N̄*), сев. груси (**à*), вост. груси (**mà*), кирма-тьюрама (**mĪ*); среди центральных языков низкий тон демонстрируют также мооре, нотре, наудем, бвamu, чакали, дег, пвие, кхе, лоби и другие, а среди периферийных – куланго. Высокотоновый рисунок при этом обнаруживается всего лишь в нескольких языках: мампрули *N̄*, нчам *m̄* (наряду с *m̄*, их распределение неясно), акаселем *N̄*. Это даёт больше оснований реконструировать именно низкотоновый характер праязыкового субъектного показателя. В большинстве языков ему соответствует и низкотоновый притяжательный префикс.

Иная картина складывается при анализе объектных и независимых местоимений. Оппозиция «низкий тон показателя субъекта – высокий тон показателя объекта и/или независимого местоимения» может быть реконструирована для праязыков сразу нескольких групп:

- були-кома субъект **N̄* – независ. *mí, mán*;
- зап. оти-вольта субъект **N̄* – объект *má*, независ. *má(η)*;
- вост. груси субъект **mà* – независ. **máj*;
- сев. груси субъект **à* – объект **né*.

В языках йом-наудем низкому тону субъектных маркеров соответствует средний (в йом) или высокий (в наудем) тон объектных и независимых показателей. Тональную оппозицию с более высоким регистром несубъектных местоимений логично, таким образом, восстанавливать для праязыка центральной ветви семьи гур. Вновь приходится отмечать, что периферийные языки этому правилу в основном не соответствуют (кроме, видимо, языков баатонум и юж. тусиа).

В Табл. 4.1 приведены реконструкции показателей 1 л. ед. ч. в промежуточных праязыках и праязыке гур. Сомнения обозначены знаками вопроса.

Таблица 4.1

	субъект. / притяжат.	объект.	независ.
були-кома	* \dot{N}		
вост. оти-вольта	* N	* N	? * $mI\eta$
зап. оти-вольта	* N	* $má(m)$	* $má(N)$
гурма	* N	* N	* min
йом-наудем	* $mà$	* ma	* man
сев. грузи	* \grave{a}	* $né$	* $am\epsilon$ /* amo
зап. грузи	* \dot{N}		* $mI\eta$ /* $m\epsilon\eta$
вост. грузи	* $m\grave{a}$	* mV	* $má\eta$
кирма-тьюрама	* $m\grave{l}$	* mI	
ган-догосе	* mi	* mI	* $minV$
лоби-джан	* mI	* mI	* $mInu$
сенуфо	? * me /* mi	? * na	
гур	* \dot{N} -, * $m\grave{l}$ /* $m\grave{a}$	*- $m\acute{I}$ /*- $m\acute{a}$	* $m\acute{I}-n(V)$ /* $m\acute{a}-n(V)$

Выводы, которые можно сделать, исходя из такой двухступенчатой реконструкции, вкратце таковы.

Базовым праязыковым личным местоимением 1 л. ед. ч. было * $m\grave{l}$ /* $m\grave{a}$ с двумя вариантами вокалического чередования, которое может объясняться как грамматическое, хотя его значение ещё предстоит определить. Исходя из данных периферийных языков, включая сенуфо, исходной, немаркированной ступенью скорее можно считать форму * mI , имеющую к тому же широкие внешние соответствия в других языках НК макросемьи. Нулевая (или редуцированная) ступень того же показателя * \dot{N} - выступала в качестве личного глагольного или притяжательного префикса перед согласными, в то время как огласованные алломорфы * mI /* ma функционировали в качестве показателей прямого объекта, но в языках-потомках распространились на другие позиции. При этом сформировалась тональная оппозиция между низкотоновыми субъектными и высокотоновыми объектно-притяжательными показателями.

Местоимение в абсолютной позиции могло нести значение фокуса, топика или в целом эмфазы; уже в праязыке оно могло осложняться усилительной клитикой $*nV > *ŋ$ и характеризовалось повышением тона. При развитии в отдельных языках гур других дискурсивных частиц с указанными значениями, эти последние могли заменять $*nV$ и в местоименной системе.

Учитывая глубокий возраст семьи гур, сохранность рефлексов праязыкового местоимения можно считать очень хорошей. Основной инновацией в пределах центральной ветви является форма субъектного показателя $*à$ в сев. гуси, где исконное местоимение $*mV$, однако, сохранилось в языках каламсе и пана (в несубъектных формах).

Формы периферийных языков в целом слабо соответствуют реконструируемой нами системе: не прослеживается тонального противопоставления между низким тоном субъектных и высоким тоном несубъектных показателей, не обнаруживается независимых форм на $*-ŋ$ (кроме диалектных форм куланго *men, mian*), полностью отсутствует показатель нулевой ступени $*\dot{N}$ - (субъектный префикс N - в языке ура восходит к *ni*). В языках сенуфо, ура-натъоро, баатонум, тьефо видим субъектные местоимения типа nV (*ni, na, ne, ne*), отсутствующие в других языках гур; любопытно, что форма сев. гуси $*né$ (объект) также может быть отнесена к этому кластеру. Фактически единственной изоглоссой, которая объединяет центр и периферию семьи гур, является форма $*mi$. Однако, как указано выше, это местоимение широко распространено по всей НК макросемье, так что данное сходство должно рассматриваться только как общий архаизм. Исходя из этого можно сделать вывод, что периферийные языки гур не укладываются в картину реконструкции показателей 1 л. ед. ч. Некоторые языки сенуфо демонстрируют варьирование nV/mi в диалектах (нафаанра, мамара), что наводит на мысль об ареальном распространении местоимения гур на данные языки.

2 лицо единственного числа

Формы 2 л. ед. ч. в языках гур демонстрируют значительно большее разнообразие: в частности, Г. Миэ [Miehe 2004: 102] выделяет шесть распространённых моделей, многие из которых осложнены вариациями. Так как анализ Миэ выполнен вполне корректно, приведём её модели в качестве отправной точки дальнейшего анализа:

- fV (*fu, fi, fe*) / BV (*ve, bE, pO*);
- hV (*ho, hi*);
- mV (*mu, mi, ma, n, N*);
- $(w)o/(w)u$;
- i/e ;
- a .

По нашему мнению, существует реальная возможность уйти от этого многообразия, сведя некоторые из указанных моделей к единым генетическим источникам.

Наиболее перспективной в этом смысле выглядит праформа с алломорфами $*fi/*f\dot{v}$ (с более редким вариантом $*fa$). Местоимение $*fi$ реконструируется для

праязыков були-кома (субъектная, посессивная и независимая серии, в объектной серии **fò*), лоби-джан (субъект и объект **fì*, независ. **fì-nì*). Её алломорф с гласной заднего ряда, восходящей к **u*, восстанавливается для праязыка оти-вольта, несмотря на то что в восточной подгруппе он сохраняется только в независимой серии (в виде **fon/*fen*). Независимое местоимение **fin/*fun* есть основания реконструировать и для праязыка гурма, а форма *fò* в бвamu завершает вполне стройную картину рефлексов, достаточную для реконструкции праформы гур с двумя вариантами вокализма **fi/*fò*, праязыковое чередование между которыми вновь остаётся неясным. То, что мы имеем дело с более открытыми или напряжёнными праязыковыми гласными, чем **i* и **u*, хорошо отслеживается по варьированию их рефлексов, соответственно, между *i/ɪ/e* и *u/ʊ/o/ɔ* [Manessy 1975: 63–64]. Вариант **fa* может быть предположен по совокупности форм дитаммари, моба, а также по многочисленным субъектным маркерам формы *a*, которые будут подробнее разобраны ниже.

Список рефлексов указанной праформы должен быть пополнен с учётом мутации начального **f-* в целом ряде языков гур [Manessy 1975: 33–34, Tab. III]. К рефлексам праформы **fi/*fò* можно отнести личное местоимение в группе йом-наудем **be* (субъект и посессив), **binV* (независ.). В некоторых языках зап. оти-вольта, в языках кхе-догосо и зап. гуси происходит ослабление щелевой артикуляции начального **f > h*, ʔ вплоть до его последующего выпадения. Среди языков зап. гуси придыхание или ларингальный приступ сохраняются в субъектной серии только в дег, но среди независимых местоимений – почти во всех языках подгруппы, что позволяет реконструировать независимое местоимение зап. гуси **hIŋ*.

Регулярность соответствий между *f – b – h/ʔ* в указанных языках можно кратко проиллюстрировать следующими примерами из базовой лексики:

- йом *bīl* ‘грудь’ – дег *ʔilí*;
- мооре *fuage* ‘красть’ – дег *ʔówè* – наудем *bāw*;
- лоби *fāā* ‘не’ – наудем *bè*;
- мооре *fugu* ‘кожа’ – наудем *báŋ*;
- дег *hègè-* ‘песок’ – наудем *bèʔè-*, йом *bĩ-*.

О регулярности соответствия между начальным *f-* и нулём согласного в субъектных местоимениях *i/ɪ* в зап. гуси, гурма, зап. оти-вольта и кхе-догосо говорить не приходится просто потому, что в языках гур вокалический анлаут существует только в очень немногочисленных служебных лексемах и морфемах. Известно, однако, что начальная *f-* отсутствует в фонематическом инвентаре целого ряда языков указанных групп, включая бирифор, сафалиба, конкомба и др. [Manessy 1975: Tab. III].

Весьма любопытно, что разброс форм местоимений *fV*, *bV* и *V* часто присутствует в парадигме одного и того же языка. Так, в гурманчема, моба, тайяри, тамари и уама субъектный показатель 2 л. ед. ч. представляет собой одиночную гласную, в то время как независимое местоимение восходит к **fI/*fU*. В йом видим субъектную форму *bà* и объектный аффикс *-u*. Этот факт, замеченный Г. Манесси [Ibid.: 176], так и не был им объяснён; наиболее разумным толкованием является

естественная редукция морфемы в результате её перехода из автономного синтаксического статуса в связанный: то же явление описано выше для форм 1 л. ед. ч. Там, где субъектный маркер представляет собой глагольный префикс, его форма сократилась до *V-* или *C-*; то же, видимо, произошло с суффиксальным объектным показателем в йом: **-fu > -o* (согласная могла выпасть в интервокальном положении, но сохранилась в анлауте), в то время как в субъектной позиции происходит регулярный переход начальной щелевой в смычную **fu > bə*.

В этой связи особо нужно сказать о формах типа *a* в ряде языков гур. Их исключительное ограничение субъектной позицией дополняется наличием в независимой (т. е. синтаксически автономной) серии форм, являющихся рефлексам **fV-n(V)*. Это, скорее всего, говорит о том, что *a* является редуцированным вариантом того же местоимения. Сравним, в частности, формы субъектных и независимых личных показателей в таких языках:

дитаммари *a* (субъект) – *fɔ̄, fɔ̄, fa* (независ.) < **fɔ̄*;
 натени *a* (субъект) – *fɔ̄, fɔ̄* (независ.) < **fɔ̄*;
 дагбани *a* (субъект) – *nini* (независ.) < **ni-ni*;
 гурманчема *à* (субъект) – *fin(i)* (независ.) < **fi-ni*;
 моба *a* (субъект, диал. *fa*) – *fun, fin* (независ.) < **fi-ni/*fo-ni*;
 баатонум *ā* (субъект) – *winē* (независ.) < ? **fɔ̄-nV*;
 вьемо *a* (субъект) – *wa, waa* (независ.) < ? **fa*.

Таким образом, субъектные показатели модели *a* по происхождению, скорее всего, являются редуцированными в проклитической позиции местоимениями, генетически связанными с реконструированным нами местоимением **fV*. Следует добавить, что схожие формы мы наблюдали в предыдущих главах, в частности ср. субъектные показатели БК языков групп бантоидной и кроссривер, а также ряда языков ква. Они восходят к **o*, потерявшему в проклитической или префиксальной позиции свои фонетические свойства.

Наконец, к **fɔ̄* могут восходить формы ряда периферийных языков гур: теен *o*, куланго *o/wo/wo* (ср. негативную частицу в лоби *fāā*, теен *wa*, куланго *a*). Формы *wi* засвидетельствованы также в периферийных баатонум и вьемо. Здесь, однако, для доказательства родства необходимо иметь больше материала.

Если **fi/*fɔ̄/*fa* уместно восстанавливать как варианты праязыкового субъектно-объектного местоимения, то для независимой серии мы можем реконструировать формы **fɔ̄-n* (вост. оти-вольта), **fi-nV/*fɔ̄-nV* (зап. оти-вольта и гурма), **bi-n(V)* (йом-наудем), **hi-ŋ* (зап. гуси) и, возможно, **fi-ni* (лоби-джан). Добавим сюда формы конни *finiŋ* и кхе (посессив) *hiné*. Независимое местоимение *winē* в баатонум также может быть отнесено к этому пучку рефлексов, приводящих нас к праязыковому **fi-nV/*fɔ̄-nV*, с тем же носовым маркером фокуса / топика, который мы реконструировали чуть выше при анализе показателей 1 л. ед. ч.

Таким образом, рефлексы субъектно-объектного местоимения **fi/*fɔ̄/*fa* и/или независимого местоимения **fi-nV/*fɔ̄-nV* реконструируются для праязыков всех групп центральной ветви гур, кроме вост. и сев. гуси, кирма-тъюрама и гандгосе.

Среди периферийных языков видимые рефлексы этих праформ отсутствуют в языках групп тусиа, ура-нагъоро и сенуфо, а также в языке тьефо.

Среди других моделей из приведённого выше списка Г. Миэ необходимо упомянуть формы \bar{a} (субъект, вост. оти-вольта, гурма, тусиа, а также языки баатонум и вьемо), \dot{N} (субъект, вост. и сев. груси, кирма-тьюрама, а также язык коромфе) и ta/mo (ган-догосе, ура-нагъоро, тьефо, сенуфо, а в объектной позиции – также в сев. груси). Последние две праформы вполне сводимы к одной, по крайней мере в языках сев. груси: $*\dot{N}$ - в префиксальной субъектной позиции вполне может являться результатом редукции $*mo$ (сохраняющейся в объектной и независимой сериях) так же, как в 1 л. ед. ч. та же форма является редукцией $*m\dot{l}/*m\dot{a}$. Таким образом, перед нами, по-видимому, единая изоглосса $*mo$ для языков сев. груси, ган-догосе, тьефо и сенуфо. Её образованию, скорее всего, послужила аналогия с формами $*mi/*ta$ 1 л. ед. ч. Интересно, что в целом ряде НК языков существуют соответствия форме $*mo$: об этом мы будем подробнее говорить ниже при обсуждении языков убанги (Глава 5) и атлантических (Глава 8).

Следует, однако, заметить, что субъектная форма $*\dot{N}$ в восточных языках груси и языках кирма-тьюрама к праформе $*mo$ отношения не имеет: в этих языках мы видим объектные формы, восходящие к праформе $*ni/*na$, и независимые местоимения из $*na-n$. Редукция этих местоимений также привела к появлению $*\dot{N}$ в субъектной позиции. Показатели на $*n$ - (не упомянутые в списке Г. Миэ) приходится объяснять как особую ареальную инновацию в рамках двух подгрупп (а также кластера из нескольких языков зап. оти-вольта и языка коромфе). Внешних соответствий в НК языках для этих форм не обнаруживается.

Что касается тональной структуры местоимений 2 л. ед. ч. в праязыке гур, то материала современных языков пока недостаточно для однозначной её реконструкции. Языки груси и кирма-тьюрама являются единственными группами, позволяющими определить низкий тон праязыковых субъектных показателей и высокий тон независимых местоимений – т. е. картину, идентичную 1 л. ед. ч. Однако в других группах ситуация значительно более сложная – как из-за недостатка информации о тоновых характеристиках форм, так и из-за противоречия источников и наличия грамматически обусловленных тоновых чередований местоимений в глагольной клаузе.

Табл. 4.2 суммирует реконструкции личных показателей 2 л. ед. ч. в праязыках различных групп и подгрупп семьи гур, а также в праязыке гур.

Таблица 4.2

	субъект. / притяжат.	объект.	независ.
були-кома	$*fi$	$*fo$	$*fi(-ni)$
вост. оти-вольта	$*\bar{a}$		$*fon/*f\bar{o}n$
зап. оти-вольта	$*fo/*fi$	$*fo$	$*fon(V)/*fin(V)$
гурма	$*fa$		$*fin(V)/*fun$

	субъект. / притяжат.	объект.	независ.
йом-наудем	<i>*be</i>		<i>*bimV</i>
сев. гуси	<i>*N</i>	<i>*mσ</i>	<i>*Nmσ</i>
зап. гуси	<i>*hi</i>		<i>*hiŋ</i>
вост. гуси	<i>*N</i>	<i>*na/*ni</i>	<i>*ná(ŋ)</i>
кирма-тьюрама	<i>*N</i>		
ган-догосе	<i>*mσ</i>		<i>*mσna</i>
лоби-джан	<i>*fI</i>		<i>*fInu</i>
сенуфо	<i>*ma/*mi</i>		
гур	<i>*fi/*fo/*fa</i>		<i>*fi-nV/*fo-nV</i>

Таким образом, список из шести предполагаемых праформ Г. Миэ удаётся свести к двум морфемам, добавив к ним одну новую:

**fi/*fo/*fa* > *fV, bV, wU, ve, hI, I, e, U, a*;

**mσ/*ma* > *mU, ma, N*;

**ni/*na* > *nI, na, N, a*.

Мы полагаем, что лишь первая из них может быть надёжно восстановлена на уровне праязыка гур, в то время как две другие реконструируются на уровне не выше чем праязыки отдельных ветвей. Местоимение **fV* реконструируется по данным всех крупнейших групп центральной ветви гур и периферийных языков теен, куланго, вьемо и баатонум. Остальные периферийные языки этой реконструкции не поддерживают.

Формы языков сенуфо, тьефо, ура-натъоро имеют общее происхождение от местоимения **ma/*mσ*, к ним же относятся две группы центральных языков – зап. гуси и ган-догосе. В указанных языках согласная фонема формы **mσ* может объясняться аналогией с формой 1 л. ед. ч. **mi*. В частности, как обратил внимание К.И. Поздняков (личное сообщение), в языках ган-догосе прослеживается следующая закономерность фонетической структуры субъектных личных местоимений:

Таблица 4.3

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>*mi</i>	<i>*a</i>
2 л.	<i>*mσ</i>	<i>*i</i>

Носителю языка важно, что в единственном числе личные показатели строятся по схеме *mV*, в то время как во множественном – по схеме *V*. Подобное переосмысление могло быть причиной выравнивания по аналогии форм обоих чисел.

То же обоснование может иметь форма **mV* ‘ты’ в языках сенуфо, ср. формы 1 л. ед. ч. **mi/*me*. Здесь фонетическим маркером сингуляриса также является носовой сонант в то время как маркером плюралиса – ртовый, ср. ниже реконструкции

форм 1 л. мн. ч. **wo* и 2 л. мн. ч. **ue* при чрезвычайно распространённой палатализации $w > u$ перед передними гласными не только в НК языках, но и в целом в Западной Африке (например, в хауса [Щеглов 1970: 4]).

Две изоглоссы **ma/*mɔ* и **ju/*ja/*N-* являются важным материалом для внутренней классификации языков гур, к вопросу которой мы вернёмся ниже.

1 лицо множественного числа

Формы 1 л. обоих чисел всегда остаются в языке более стабильными, чем их соседи во 2 л. и тем более в 3 л.; этот хорошо известный типологический феномен «иерархии Силверстейна» может быть проиллюстрирован и на примере языков гур. В значении 1 л. мн. ч. практически все группы семьи гур демонстрируют показатель, образованный по модели *tl/dl*. Местоимение с глухой зубной смычной может быть восстановлено для праязыков групп були-кома (субъект **tɪ*, объект **tɪ*), оти-вольта (субъект **tɪ*, объект **ti*), гурма (субъект и объект **tɪ*), йом-наудем (субъект **tè*, объект **té*). В вост. гуси (субъект **qɪ*) и сев. гуси (субъект **qɪ*, объект **qɪba*) наблюдается звонкая ретрофлексная согласная, возможно, ставшая результатом озвончения – процесса, происходящего регулярно в вост. гуси после гласной [Manessy 1969: 23] и, видимо, обобщённого для местоимения во всех положениях. В языках лоби-джан начальная согласная может объясняться спирализацией **t- > *s-* перед передними гласными (ср. лоби *ɣe* ‘красный’ vs. ваама *téérɪ*). К сожалению, на имеющемся материале мы не можем показать регулярности соответствия между *y-* в кирма-тьюрама и *t-* в других языках гур, однако типологически развитие **t-/*q > y-* в языках Западной Африки довольно частотно, а вокализм формы **yi* позволяет по крайней мере предположить такую возможность. Выпадение начальной **q-* произошло в языках пана и каламсе (сев. гуси), а также, вероятно, в кхе.

Прочие варианты вокализма, распространённые в других лично-числовых значениях, присутствуют и здесь, преимущественно маркируя несубъектные формы, обычно при сохранении *-i-* в серии субъекта: були *tà-mā* (независ.), фарефаре *tō-ma* (независ.), нотре *to* (объект), *tò-ntó* (независ.). В ряде подгрупп чередование гласных возводится к прауровню: вост. гуси **qɪ* (субъект) – **qɔ* (объект) – **qá(ɲ)* (независ.). Исходя из распределения вариантов вокализации по сериям в различных языках гур, можно сделать предположение, что ситуация, близкая к праязыку вост. гуси, существовала и в праязыке семьи в целом. Среди наращений, формирующих независимые местоимения, наиболее распространёнными, как и в других лицах и числах, являются **-ɲ*, **-ma/*-mɪ*, **-nɪ/*-nɪma*, однако единой праформы не просматривается. Показателей именного усиления в языке может быть несколько, и показатель **-nɪma* может рассматриваться как дублирование фокусирующей частицы. В ряде языков независимые местоимения образованы с помощью редупликации (мооре *tondo*, ваама *tinti* и др.).

Исходя из приведённых соответствий, можно реконструировать формы **tɪ/*tɔ/*ta* для праязыка гур. Однако мы вновь сталкиваемся с отсутствием рефлекс-

сов праязыкового местоимения в большинстве периферийных языков: сенуфо, тусиа, тьефо, куланго, теен. На уровне праязыка сенуфо надёжно восстанавливается субъектно-объектное местоимение **wɔ* (рефлексы *wu/wo/o*), соответствий которому в других группах мы не находим. Несмотря на то что эта форма разительно сходна с формами личных классных префиксов, исполняющих роль местоимений 3 л. ед. ч., – аналогия обнаруживается в супьире, чебаара, мамара, – типологически общее происхождение двух этих форм довольно нетипично для региона, так что постулировать общее происхождение сенуфо **wɔ* (1 л. мн. ч.) и **wu/*wi* (3 л. ед. ч.) нет оснований.

Сложным вопросом является вопрос о возможной генетической связи показателя **tɪ/*tɔ/*ta* и местоимений *a/ya/ʔa* в языках зап. гуси и, возможно, юж. тусиа. Такого соответствия начальных согласных в лексике не обнаруживается (соответствие согласной с нулём, как уже говорилось, в принципе возможно только в служебных морфемах). Тем не менее, исходя прежде всего из типологии языков региона, следует предполагать в соответствиях *y-/ʔ-/ø-* реликт некоторой праязыковой согласной. В языках же ган-догосе форма **a* может объясняться вокалической структурой форм вида V, созданной в результате выравнивания, о котором см. выше в Табл. 4.3 и замечаниях к ней.

Таблица 4.4

	субъект. / притяжат.	объект.	независ.
були-кома	<i>*tɪ</i>		
вост. оти-вольта	<i>*tī</i>		<i>*tīnti</i>
зап. оти-вольта	<i>*tɪ/*tɔ</i>		
гурма	<i>*tɪ</i>		<i>*tiN-bV</i>
йом-наудем	<i>*tɛ</i>		<i>*tení</i>
сев. гуси	<i>*dɪ</i>	<i>*dɪba</i>	
зап. гуси	<i>*ya</i>		<i>*yama</i>
вост. гуси	<i>*dɪ</i>	<i>*dɔ/*dɑ</i>	<i>*dɑ(N)</i>
кирма-тьюрама	<i>*yɪ</i>		<i>*mɪ(N)</i>
ган-догосе	<i>*a</i>	<i>*ʔa</i>	<i>*abe</i>
лоби-джан	<i>*sɪ</i>		<i>*sɪnɪ</i>
сенуфо	<i>*wɔ</i>		
гур	<i>*tɪ/*tɔ/*ta</i>		

Форма независимого местоимения в баатонум *bɛsɛ* не имеет аналогов в гур, однако находит чрезвычайно близкие соответствия в бантоидных языках, с ареалом которых соприкасаются носители баатонум – крайне восточного языка семьи гур. В восточных БК языках формы плюральных личных маркеров на *bV-* (нони *bese*, маньянга *bɛsɔ* и пр.) происходят из плюрального префикса именного класса

лиц **ba-*. Аналогичное происхождение можно предположить по крайней мере для теен и баатонум – здесь **bV-* также обнаруживается во всех местоимениях множественного числа. Можно отметить и ряд новообразований, характерных лишь для одного языка; так, местоимение тьефо *ʔeyuð* перекликается с существительным *ʔeyuio* ‘люди’ [Miehe 2004: 105].

Таким образом, можно отметить, что показатели 1 л. мн. ч. в гур демонстрируют относительную гомогенность. Реконструкции приведены в Табл. 4.4.

К сожалению, супrasegmentного материала недостаточно для восстановления праязыковой тонологии. Тем не менее некоторые признаки характерного для сингулярных показателей тяготения субъектных форм к низкому тону, а независимых – наоборот, к высокому, видны и здесь.

2 лицо множественного числа

При анализе личных показателей 2 л. мн. ч. приходится принимать во внимание довольно большой разброс данных, вызванный новообразованиями, изменениями форм по аналогии и другими процессами, всегда сильнее деформирующими плюральные, нежели сингулярные формы.

Тем не менее бесспорным статистическим лидером среди языков семьи является форма *nI/nI* и её возможный алломорф *na/na* с тем же типом вокалического чередования, который мы наблюдали в других лично-числовых значениях. Есть основания реконструировать её для субъектной серии праязыков були-кома (**nI*), вост. оти-вольта (**nī*), зап. оти-вольта (**nī/*ja*), гурма (**nI*), йом-наудем (**nī*), кирма-тьюрама (**nī/*ná*), лоби-джан (**nI*).

Широко распространённый в языках мира и уже неоднократно наблюдавшийся нами процесс редукции форм субъектных показателей типа *CV > V* хорошо виден и здесь: процесс *nI > yI/ʔI > I/Ī* отчётливо проявляется даже в языках одной подгруппы (напр., в зап. оти-вольта: дагара *nī*, дагбани *yī*, нотре *i*), а подчас и в диалектах одного языка (ср. биали *yī*, *i* или куланго *ʔyāā*, *neā*). Исходя из этого, назализованные формы в языках ган-догосе, восходящие к **ī* (объект **ʔi*), а также формы диалектов куланго из **ʔī* и местоимение кхе *iN* можно отнести к той же праформе. Менее очевидно происхождение схожих местоимений в теен (*i*) и баатонум (*i/i*), а также субъектных местоимений в вост. гуси из **Ī*. Похожая форма субъектного показателя, по-видимому, существовала и в праязыке зап. гуси (ср. дег *hī* и вагла *ī*), причём преаспирация в дег предполагает праязыковую начальную согласную, однако в целях устранения аналогии с формой 2 л. ед. ч. **Ī > I* субъектное местоимение было в некоторых языках зап. гуси вытеснено объектной формой **ma*.

О происхождении формы **ye*, общей для языков сенуфо, однозначно судить не приходится, однако нестандартный вокализм (отсутствие чередования *e/i* не позволяет реконструировать фонему **i*, как в других ветвях гур) не предполагает её непосредственной связи с **nI*. Её, однако, логично связать с местоимением **ye* в языках тусиа, с которыми группа сенуфо имеет соответствия и в других местоимениях.

В качестве независимого местоимения в сенуфо восстанавливается форма **yele* с суффиксом, обнаруживаемым также в формах 1 и 3 л. мн. ч.

В числе локальных инноваций местоимений 2 л. мн. ч. можно назвать объектное местоимение *ma* в языках зап. гуси, а также форму **á*, реконструируемую для праязыка сев. гуси. Эта форма, впрочем, может происходить из **ja*: несмычные начальные согласные в местоимениях вида CV данной подгруппы везде отпадают, редуцируя форму субъектных местоимений до вида V.

Реконструкции праформ местоимений 2 л. мн. ч. различных ветвей семьи гур представлены в Табл. 4.5.

Таблица 4.5

	субъект. / притяжат.	объект.	независ.
були-кома	<i>*nì</i>	<i>*nI</i>	
вост. оти-вольта	<i>*ni</i>		<i>*niŋni</i>
зап. оти-вольта	<i>*ni</i>		<i>*ninima</i>
гурма	<i>*nI</i>		<i>*nIŋbi</i>
йом-наудем	<i>*nI</i>		
сев. гуси	<i>*á</i>	<i>*ába</i>	
зап. гуси	<i>*hí</i>	<i>*ma</i>	<i>*mata</i>
вост. гуси	<i>*ì</i>		
кирма-гьюрама	<i>*ni/*na</i>		<i>*nVNmá</i>
ган-догосе	<i>*ĩ</i>		<i>*ĩNbe</i>
лоби-джан	<i>*ni</i>	<i>*ju</i>	
куланго	<i>*ni</i>		<i>*ja</i>
тусиа	<i>*ye</i>	<i>*ye(m)</i>	
сенуфо	<i>*ye</i>		<i>*yele</i>
гур	<i>*nI/*nI/*na/*ja</i>		

Определить исходную артикуляцию носовой согласной в праформе гур довольно сложно. Сделанные Г. Манесси реконструкции фонетических систем праязыков двух крупнейших групп гур – гуси и оти-вольта – содержат и дентальную, и палатальную носовые фонемы [Manessy 1969: 24–25; 1975: 37]. Обе указанные фонемы типологически весьма часто могут ослабляться до у, особенно в сверхкратких морфемах. Интересно, что аналогичные варианты демонстрируют и данные внешнего сравнения (языки БК семьи): в языках кроссривер реконструируется личное местоимение 2 л. мн. ч. **i-nI(n)*, в джукуноидных языках – **ni*, но в йорубоидных, платоидных и некоторых бантоидных языках видим рефлекс **jin* (см. Главу 2). В других семьях НК языков доминирует зубная артикуляция: в атлантических языках предположительно реконструируется **nV* с полным спектром

гласных по различным языкам [Pozdniakov, Segerer 2004a], в кордофанских (группа хейбан) – **-no* [Schadeberg 1981a: 156]. И всё же, хотя назальная природа согласного элемента в праформе гур не подвергается сомнению, вопрос о его точной артикуляции в праязыке семьи остаётся открытым.

По итогам проведённого анализа есть возможность предположить реконструкцию парадигмы личных показателей для праязыка гур, приведённую в Табл. 4.6.

Таблица 4.6

	субъект. / притяжат.	объект.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>*Ñ-, *mì/*mà</i>	<i>*-mí/*-má</i>	<i>*mí-n(V)/*má-n(V)</i>
2 л. ед. ч.	<i>*fi/*fò/*fà</i>		<i>*fi-nV/*fò-nV</i>
1 л. мн. ч.	<i>*tì/*tò/*tà</i>		
2 л. мн. ч.	<i>*nì/*nò/*nà/*jà</i>		

Сравним данные результаты с ранее опубликованными реконструкциями субъектных личных показателей ряда групп и подгрупп гур (Табл. 4.7).

Таблица 4.7

	гуси [Manessy 1969: 21, 25]	оти-вольта [Manessy 1975: 175]	вост. оти-вольта [Sambieni 2005: 265]	зап. оти-вольта [Naden 1986: 284]
1 л. ед. ч.	<i>*ME/A</i>	<i>*mi/a/ɔ</i>	<i>*ñ</i>	<i>*N</i>
2 л. ед. ч.	<i>*È, *Ñ</i>	<i>*i/a/ɔ, *fi/a/ɔ, bɪ/ɔ</i>	<i>*ā</i>	<i>*I, *Fɔ</i>
1 л. мн. ч.	<i>*DE/A/O</i>	<i>*fi/a/ɔ</i>	<i>*tī</i>	<i>*Tɪ</i>
2 л. мн. ч.	<i>*É/Á, *ME/A</i>	<i>*yi/a, *ni/a, *ji/a/ɔ</i>	<i>*dī</i>	<i>*(N)YA</i>

Как видим, наиболее близкой к результатам нашего анализа является система праязыка группы оти-вольта, реконструированная Г. Манесси, где сохранились как все четыре консонантные базы личных показателей, так и праязыковая система чередования гласных. В языках гуси, как и на уровне различных подгрупп оти-вольта, праязыковая картина значительно деформирована процессами редукции и унификации местоименных лексем, а также, возможно, появлением инноваций.

Праязыковая система личных показателей в гур характеризовалась следующими характеристиками.

1. Местоимения каждого лично-числового значения были гомогенными, т. е. происходили из одного и того же лексического корня. Это существенно отличает местоименную систему гур от систем некоторых соседних НК языков, таких как манде, где, по-видимому, уже на праязыковом уровне

различные оттенки значения (например, субъектное и объектное) выражались различными местоименными лексемами.

2. На праязыковом уровне весьма явственно восстанавливается чередование гласных, имевшее от двух до трёх степеней ($*I/(*a)/*o$). Его следы прослеживаются во всех четырёх лично-числовых значениях, во всех основных группах и нередко, как уже указывалось выше, в рамках парадигм отдельных языков. В современных языках данное чередование часто имеет грамматическое значение: оно либо противопоставляет субъектный показатель объектному (напр., кусунту *tà* 'я', *-te* 'меня'), либо отражает оттенки видо-временных, полярных и модальных значений сказуемого (напр., куланго *ti* 'я' (перф.), *tá* 'я' (хаб.)). Формы на $*-I$, судя по имеющемуся в нашем распоряжении сравнительному материалу, являлись наименее маркированными: они в целом более частотны, чаще встречаются в качестве субъектных показателей и чаще выражают значение перфектива, являющегося основной формой глагола в языках Западной Африки. Однако материала для надёжного подтверждения грамматической оппозиции вокализма явно недостаточно. В качестве другой гипотезы можно предположить наличие на праязыковом уровне вокалической гармонии, уподоблявшей гласную личного показателя субъекта гласной глагола – такую ситуацию мы видим в целом ряде современных языков гур. Точное определение принципов вокалической оппозиции в праязыковой системеличных показателей пока не представляется возможным.
3. По-видимому, уже в праязыке наметилось распределение личных показателей на три выраженных серии по синтаксической функции: субъектно-притяжательную, объектную (точнее, прямообъектную) и независимую, выражавшую значения фокуса и топика субъекта или объекта, а также субъекта негалгольного предложения. Данное разделение выражалось несколькими способами, и прежде всего позицией в клаузе: субъектные показатели располагались перед сказуемым (в качестве проклитики, но ещё не префикса), объектные показатели следовали за ним. Эта схема соответствовала, таким образом, порядку слов типа SVO, наиболее распространённому и сегодня в языках гур. Независимые местоимения могли (как и в современных языках) располагаться в левой или правой крайней позиции. С фонетической точки зрения три серии личных показателей различались уже в праязыке – возможно, указанным выше чередованием гласных, но с большей вероятностью тональным регистром: субъектные показатели, по всей видимости, несли низкий тон, в то время как объектные и независимые формы обладали высоким тоном. Кроме того, проклитическая позиция субъектных показателей уже на ранних этапах способствовала их редукции, особенно в форме 1 л. ед. ч., которая уже в праязыке существовала в качестве проклитики формы $*\dot{N}=-$.

Эмфатический оттенок значения независимых местоимений способствовал присоединению к ним различных усилительных частиц. На уровне праязыков отдельных групп и подгрупп восстанавливаются следующие из них: **-ŋ*, **-mV*, **-na/*-ne*, **-nI/*-nIma*, **-ŋba/*-ŋbi*, **-le*, однако единой праязыковой праформы реконструировать не удаётся. Г. Манесси [Manessy 1975: 178–180] восстанавливает для праязыка оти-вольта эмфатические частицы **-mV* и **-nV*. В некоторых подгруппах независимые местоимения приобретают усилительное значение с помощью носового аффикса и редупликации (например, ваама *tí* – независ. *tinti*). Следует полагать, что в праязыке гур усилительные морфемы служили энклитиками к личным местоимениям, подобно частице *же* в русском языке или *-δε* в древнегреческом.

Всё вышесказанное, однако, в большей степени относится к центральным языкам гур. При анализе личных показателей обнаруживаются фундаментальные различия между системой, легко реконструируемой для центральной ветви, и несхожими ни с ней, ни подчас между собой системами периферийных языков семьи. Табл. 4.8 наглядно демонстрирует расхождения между реконструированными нами праформами гур и субъектными показателями языков периферийных групп. Более тёмным фоном выделены показатели, рассматриваемые нами как рефлексy праязыка гур.

Таблица 4.8

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
гур	<i>*mV</i>	<i>*fV</i>	<i>*tV</i>	<i>*nV/*jV</i>
теен	<i>mi</i>	<i>o</i>	<i>bi</i>	<i>i</i>
куланго	<i>mi, me</i>	<i>o/wo</i>	<i>bI</i>	<i>ji</i>
баатонум	<i>nā</i>	<i>ā</i>	<i>sā, su</i>	<i>ī</i>
вьемо	<i>mi, mə</i>	<i>a</i>	<i>sa, sə</i>	<i>ā</i>
тьефо	<i>no, nāà</i>	<i>to</i>	<i>ʔeyuò</i>	<i>buò</i>
уара	<i>ni</i>	<i>ma, mi</i>	<i>si, ti</i>	<i>mi</i>
тусиа	<i>mε</i>	<i>ó, a</i>	<i>á, ne</i>	<i>ye</i>
сенуфо	<i>*mi</i>	<i>*ma/*mu</i>	<i>*wo</i>	<i>*ye</i>

Как можно видеть, ни один из периферийных языков в таблице не имеет более двух (из четырёх) соответствий с реконструированной праязыковой системой. Наибольшее количество соответствий мы видим в формах 1 л. ед. ч., однако выше уже подчёркивалось, что *mi/me* – чрезвычайно распространённая форма местоимения 1 л. ед. ч. во всех основных ветвях НК языков, так что это соответствие восходит к более высокому хронологическому уровню, чем уровень семьи гур. То же можно сказать и о формах *o/o* во 2 л. ед. ч.: они вполне могут являться по происхождению НК, но не разделяют характерной фонетической инновации языков

гур – начальной *f*-. В остальном же соответствий довольно мало. Не обнаруживается их и при анализе других элементов системы личного маркирования, например периферийные языки не имеют тональных противопоставлений между сериями, реконструированных выше для праязыка гур, а также характерных для центральных языков усилительных частиц **nV/*-mV*. Значительные различия существуют и в показателях именного класса лиц: если для центральных языков гур характерны формы классного аффикса ед. ч. *u/o*, мн. ч. *ba*, то, к примеру, в языках сенуфо реконструируются формы **wi/*wu* и **pe/*pi*, соответственно. Соответствие между сенуфо **p* – гур **b* является одним из важнейших фонетических особенностей языков сенуфо (ср. дег *bîè* – чебаара *pyàa* ‘ребёнок’; дег *bà* – тагвана *pã* ‘приходить’; дег *béé* – тагвана *pèe* ‘другой’) [Mensah, Tchagbale 1983].

Среди периферийных языков наибольшую близость местоименных систем демонстрируют: куланго и теен; сенуфо и тусиа; баатонум и вьемо. Кроме последних, две указанных пары представлены в географически смежных ареалах, так что их близость может быть результатом как генетического родства, так и конвергентного развития. Языки же баатонум и вьемо друг от друга удалены, и их сходство должно свидетельствовать о сравнительно близких генетических связях. Языки тьефо, тусиа и группа сенуфо с генетической точки зрения кажутся наиболее удалёнными от центральных языков гур, и в свете проведённого анализа их принадлежность к последним, как представляется, может быть пересмотрена.

Таким образом, анализ одной из парадигматических систем морфологии языков семьи гур привёл к ряду интересных предположений о внутренней классификации рассматриваемых идиомов. Перспективной задачей в этом русле станет сравнение полученных выводов с результатами сравнительного анализа других подобных систем, прежде всего показателей именных классов и, вероятно, дейктических маркеров. Совпадение результатов такого анализа с приведёнными выше резко повысит надёжность выводов как о реконструкции, так и о генетическом составе семьи языков гур.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ АДАМАУА И УБАНГИ

§ 1. Личные показатели в языках убанги

Семья языков убанги (или убангийских языков) объединяет около семидесяти единиц; эта цифра весьма приближительна, так как некоторые идиомы в рамках отдельных групп близки друг другу вплоть до уровня взаимопонимаемости, и прежде их нередко рассматривали как диалекты одного языка. В последние десятилетия в связи с ростом детализации языковых описаний не меньше двух десятков идиомов получили признание в литературе в качестве полноправных языков; так, ещё в 1989 г. к группе нгбанди было принято относить только одноимённый язык [Boyd 1989: 193], сегодня в её составе насчитывают уже шесть языков [Lewis 2009: 687, 694–695].

Носители языков убанги населяют обширный ареал в самом сердце африканского континента. Большая часть этого ареала расположена в бассейне рр. Мбому, Уэле и образованной их слиянием реки Убанги, чем и объясняется название языковой семьи, выдержанное вполне в лингвонимических традициях африканского языкознания (ср. наименования лингвистических таксонов, образованные от названий бассейнов рек и озёр: нигер-конго, вольта-конго, бенуэ-конго, адамауа, чадские, шари-нильские и пр.). Наибольшее количество носителей сосредоточено в Центральноафриканской Республике (ЦАР), одним из двух официальных языков которой является санго – креольский язык, созданный в качестве торгового пиджина на базе местных убангийских языков и французского. Языки убанги также распространены на севере Демократической Республики Конго (ДР Конго), в северной части Камеруна, на юге и востоке Южного Судана. Отдельные эксклавы носителей убангийских языков обнаруживаются на севере Габона и Республики Конго. Общая численность носителей языков семьи можно приблизительно оценить в 3 млн человек ([Williamson, Blench 2000] дают цифру в 2,3 млн по оценке 1978 г.). Языки убанги граничат на западе с языками адамауа, на севере и востоке – с нило-сахарскими языками (в основном принадлежащими к центральносуданской семье,

на западе и юго-западе – также к нилотской семье), на юге – с языками банту семьи бенуэ-конго.

Джозеф Гринберг, как это часто отмечается (в т. ч. отмечено и выше в настоящей работе), далеко не первым предложил объединять общим генетическим родством языки различных семей Запада и Юга африканского континента. Не был он пионером и в классификации языков бассейна Убанги. В 1924 г. об убангийской группе из 25 языков впервые написал М. Делафосс [Delafosse 1924], включивший её в состав «негро-африканской» семьи языков, а в 1935 г. Й. Вильс [Wils 1935] включал их в состав т. н. «экваториальной» семьи. В 1940 г. языки убанги были включены в состав большого генетического конгломерата «суданских языков» Д. Вестермана [Baumann et al. 1940].

Одна из первых попыток внутренней классификации ряда убангийских языков была сделана в статье миссионера Р. Мортье, вышедшей в свет в небольшом журнале в Бельгийском Конго в разгар Второй мировой войны [Mortier 1941]. Её автор относил «небантуские» языки бассейна Убанги, которые он делил на пять групп, к «восточносуданским» языкам [Mortier 1946], опять же пользуясь терминологией Д. Вестермана [Westermann 1911].

В своей работе [Greenberg 1963] Дж. Гринберг ввёл языки бассейнов рр. Адамауа и Убанги в состав НК макросемьи, объединив их под условным наименованием «адамауа-восточных» (*Adamawa-Eastern*), так как зона их распространения сильно выдавалась на восток от западноафриканского региона, сердца НК макросемьи языков. Ранее языки этого обширного региона, в массе своей не изученные в должной степени, рассматривались как неклассифицированные группы или «кластеры», как о них писали в середине XX столетия [Westermann, Bryan 1952; Tucker, Bryan 1956; Richardson 1957]. Позже данная семья языков получила название адамауа-убанги [Samarin 1971], принятое и сегодня большинством исследователей.

Дж. Гринберг разделил постулируемую им семью на две ветви – языки адамауа в западной части ареала и «восточные», позже названные убангийскими языками. Как и другие гипотезы Гринберга, эта классификация была основана на результатах применения методики «многостороннего сравнения» небольшого количества единиц базовой лексики, а также сопоставления типологических характеристик изучаемых языков, например особенностей слогоделения в языках адамауа и убанги.

В пост-грибергианские десятилетия изучение языков убанги было активизировано, в 1970-е и 1980-е годы появилось не менее трёх десятков описаний различных языков и диалектов семьи. Сравнительный анализ данных между собой, а также с языками адамауа вёлся в основном методами статистического сопоставления списков слов. При этом лексикостатистические расчёты показали значительные расхождения не только между группами языков адамауа и убанги, но и между идиомами в составе двух ветвей. В работах [Samarin 1971; Bennett 1983] было показано, что степень близости целого ряда языков и групп языков между собой настолько невысока, что говорить с уверенностью об адамауа-убангийской

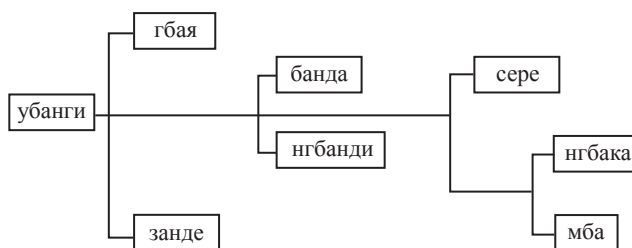
генетической общности по крайней мере преждевременно. Так, даже в географически смежных языках каре (адамауа) и бозом (убанги) Центральноафриканской Республики сравнение базовой лексики показывает лишь 9–10 % возможных генетически родственных пар [Samarin 1971: 224–225]. Позже к лексикостатистическим материалам добавились данные сопоставления фонологии и морфологии, усилившие обоснованность той точки зрения, что языки адамауа и убанги следует рассматривать как две независимые семьи в рамках НК макросемьи.

В последние годы ряд исследователей предложили и другие гипотезы о внешней генетической классификации языков убанги. Ещё в работе Р. Бойда [Boyd 1978] указывалось, что строгий анализ сравнительных списков слов Дж. Гринберга позволяет отнести языки адамауа-убанги как к НК, так и к нило-сахарским языкам с равной долей вероятности. Р. Бленч одно время отстаивал идею существования т. н. «саваннской семьи» языков Африки [Williamson, Blench 2000], объединяющей языки гур, убанги, ряд языков адамауа и, возможно, изолированный язык пре. Несколько лет назад Х. Диммендааль [Dimmendaal 2008] высказался за исключение семьи языков убанги из состава НК макросемьи, т. к. она, по его мнению, не подходит под лексические и грамматические критерии родства, применимые к другим семьям НК языков. Эта точка зрения отражает позицию современных «сплиттеров», склонных критически рассматривать НК гипотезу, прежде всего в свете грамматических сопоставлений. Таким образом, анализ систем личного маркирования в языках убанги и их сравнение с системами других НК языков станет весьма показательным для разрешения вопроса о внешней генетической классификации убангийских языков.

Убангийские языки представляют собой довольно компактную картину для анализа в сравнении не только с гипотетическим адамауа-убангийским объединением, но и с соседней семьёй адамауа. Их классификация по Дж. Гринбергу, состоящая из восьми групп [Greenberg 1963: 9], была модифицирована в работе У. Самарина [Samarin 1971: 225, со ссылкой на сообщение Л. Букио и Ж. Тома] и сведена к пяти ветвям. Эта классификация впоследствии многократно пересматривалась и уточнялась, однако, как и прежде, основанием для пересмотра служили лишь несистемные сопоставления списков слов, пестревшие белыми пятнами и фонетическими неточностями, а также типология фонологических и морфологических явлений. Так, например, группа языков банда постулировалась, исходя из особенностей фонологии и наличия именных префиксов [Boyd 1989: 191]. В указанной работе Р. Бойд предложил классификацию языков убанги, остающуюся общепринятой и по сей день. Эта классификация представлена на Диаграмме 5.1 и разделяет языки семьи на три ветви: гбая, банда-нгбанди-сере (в свою очередь, подразделяемую на три группы) и занде.

Уточнение информации о языках семьи, вполне вероятно, может серьёзно изменить данную классификацию. В частности, в последние годы появилась точка зрения, что языки гбая могут представлять собой особую ветвь НК языков, таксономически подобную языкам адамауа и убанги [Segerer 2008].

Диаграмма 5.1

Географически ареалы различных групп убангийских языков представляют собой настоящую чересполосицу. Западные районы Центральноафриканской Республики (ЦАР) с выходом в северный Камерун занимают в основном языки гбая (с вкраплением анклавов языков банда); близкородственный им язык нгбака распространён на северо-западе ДР Конго, на противоположном берегу р. Убанги. Языки нгбанди расположены по левому берегу Убанги, на территории северо-запада ДР Конго. К западу от них, в лесах пограничья ЦАР, Габона, Камеруна и ДР Конго, рассеяны небольшие группы пигмеев – носителей языков группы нгбака, а к востоку лежит обширный ареал языков занде, переходящий на крайний юго-восток ЦАР. При этом небольшой язык геме, также входящий в группу занде, расположен в отрыве от других языков группы, на севере ЦАР. На юго-востоке области распространения убангийских языков островками рассеяны языки группы мба – язык мба является по своему расположению самым южным убангийским языком, лежащим практически в центре ДР Конго, недалеко от берега р. Конго в её среднем течении, и окружённым языками банту. Языки сере распространены на западе Южного Судана, на крайнем северо-востоке убангийского ареала. Что же касается различных идиомов группы банда, то они рассеяны по всей области распространения убангийских языков – с запада ЦАР до Южного Судана – с крупным компактным ареалом в центральной части ЦАР.

Общепринятая точка зрения помещает прародину языков убанги в крайне западной части ареала их нынешнего распространения. Данные языка, фольклора и археологии сходятся на том, что основное направление экспансии убангийских народов шло с запада на восток, от большой излучины р. Убанги до междуречья рр. Мбому и Уэле и далее в южные районы Судана. Исследователи, однако, расходятся в мнениях о том, каким периодом можно датировать данные миграции. Наиболее оправданной представляется точка зрения, что передвижения эти довольно древние: распад убангийского праязыка на западную и восточную ветви, по данным глоттохронологии, датируется III тысячелетием до н. э. По-видимому, нынешний ареал распространения языков убанги сформировался в общих чертах в начале новой эры, хотя некоторые миграции носителей языков занде (на юго-восток), сере и мба (на северо-восток к бассейну Нила) могли происходить уже в пределах II тысячелетия н. э. [Saxon 1982]. Таким образом, прародину убангий-

ских языков следует помещать ближе к Западной Африке – региону гипотетической прародины НК макросемьи.

Степень изученности языков трёх основных ветвей убангийских языков с точки зрения сравнительно-исторического анализа крайне неоднородна. Впечатляющих и надёжных результатов компаративистам удалось достичь, пожалуй, только в сфере исследования языков гбая, которые в течение нескольких десятилетий изучались французским исследователем Ивом Моньино [Moïno 1980; 1981; 1988]. В 1995 г. была опубликована его фундаментальная монография [Moïno 1995] с изложением детального сравнительного анализа языков гбая и реконструкцией праязыка группы – его фонологической структуры, основ морфологии, значительного объёма лексики (более 1 000 единиц), в том числе и субъектных личных местоимений.

К настоящему времени неплохо описаны близкородственные языки группы банда, однако специального сравнительного исследования по ним не существует; с точки зрения типологии и ряда лексических соответствий языки банда исследуются в работе [Olson 1996].

Монография Х. Паш [Pasch 1986] содержит качественный сравнительный анализ именной морфологии (прежде всего систем именных классов) в языках группы мба, за которым следуют выводы о внутренней классификации группы. Из личных показателей в работе рассмотрены только притяжательные аффиксы, их сравнения по различным языкам группы не проводится.

Языки группы сере исследовались в сравнительной перспективе С. Сантандреа, однако его итоговая работа [Santandrea 1950] довольно поверхностна и ограничивается в основном лексическими сопоставлениями; что же до личных местоимений, то её автор не углубляется дальше постулирования типологических сходств вроде наличия противопоставления эксклюзивных и инклюзивных форм [Ibid.: 47–48].

Работой А.Н. Такера полувековой давности [Tucker 1959] исчерпывается, к сожалению, и список сравнительных исследований языков группы занде. Реконструкции праформ в ней нет, хотя следует признать, что фактический материал по местоименным системам в указанной работе дан весьма подробно.

В остальном работы по языкам убанги представляют собой языковые описания различной глубины детализации. Как и в исследованиях языков других семей Африки, ранние публикации (примерно до 70-х гг. XX в.) представляют собой описания без указаний тонов, играющих важную роль в различении грамматических значений, выражаемых личными показателями.

В своей статье [Boyd 1989] Р. Бойд предложил реконструированные формы четырёх местоимений праязыка адамауа-убанги [Ibid.: 207], однако обоснования реконструкции в работе представлено не было. На сегодняшний день это, видимо, единственная попытка реконструкции личных местоимений более высокого хронологического уровня, чем уровень группы языков.

Системы личного маркирования языков убанги характеризуются следующими структурными особенностями.

В большинстве групп семьи проводится противопоставление местоимений 1 л. мн. ч. по категории инклюзивности/эксклюзивности (банда, нгбанди, нгбакамба, занде). Особенностью данной категории является её факультативное дополнение значением двойственного числа. Так как это последнее жёстко ограничено первым лицом и повсюду сопутствует кляузности, есть смысл (как и во многих других группах языков Субсахарской Африки) не рассматривать категорию кляузности и значение дуалиса по отдельности, а объединять их в единую грамматическую категорию расширенного 1 л. (по терминологии М. Сисоу [Cysouw 2003]), имеющую три значения: дуалис (с инклюзивным значением), инклюзив и эксклюзив плюралиса. Таким образом, при наличии такой категории в местоименной системе присутствуют два или три перечисленных значения, при отсутствии – только нейтральное местоимение 1 л. мн. ч. Другие системы, в частности с различием категории кляузности в двойственном числе, в Субсахарской Африке крайне редки. Кроме того, формы инклюзива и дуалиса в различных родственных языках обычно имеют единое происхождение: так, форма 1 л. дв. ч. линда *əzə* соответствует инклюзивным формам близкородственных языков, в то время как форма 1 л. дв. ч. бака *ʔā* – единого происхождения с эксклюзивными местоимениями других языков убанги.

Центральноафриканский ареал, занятый в т. ч. носителями языков убанги, в этом смысле является одним из трёх ареалов Субсахарской Африки (наряду с крайним Западом – Либерия, Кот-д'Ивуар, Гвинея – и суданской областью Кордофан), где распространена данная категория. При этом, как будет показано ниже, категория расширенного первого лица вполне может быть прослежена до праязыка по крайней мере одной из групп в составе убангийской семьи.

Личные показатели в языках убанги могут функционировать в глагольной клаузе в роли субъекта, прямого или косвенного объекта. Субъектные показатели в глагольном предложении располагаются перед глагольной группой (имеющей схему VO) и в ряде языков функционируют как глагольные префиксы. Положение объектных показателей – постпредикативное, в некоторых языках они суффицируются к глагольной словоформе. Суффиксальными в большинстве своём являются и показатели притяжательности. В неглагольном предложении, а также в значениях фокуса и топика употребляются субъектные местоимения серии, которую мы в настоящей работе называем независимой (в литературе по убангийским языкам такие местоимения принято также называть «аппозитивными» [Moñino 1988; 1995]).

Для убангийских языков характерно выражение всех указанных синтаксических ролей с помощью единой формы личного местоимения. Наиболее маркированными в этом смысле являются формы независимых личных местоимений, которые в целом ряде языков образованы от субъектно-объектных форм путём редупликации (нгбугу *mə* 'ты', *məm* 'ты' (независ.)) или добавления префиксированного вокалического элемента (линда *bə* 'я', *əbə* 'я' (независ.)). В тех языках, где объектные (а вместе с ними чаще всего и притяжательные) показатели лица

формально отличаются от субъектных, они либо редуцированы в связанной позиции (бофи *mī* ‘я’, *-m* ‘меня, мой’), либо образованы от супплетивной основы (занде *mò* ‘ты’, *-rò* ‘тебя’). В редких случаях супплетивная основа применяется при образовании притяжательных аффиксов, – наиболее интересен пример посессивных маркеров 2 л. ед. ч. в языках банда, имеющих корень *zə/zā* при показателях *mV/bV* в прочих сериях.

Языков, где, подобно банту, различались бы четыре синтаксических серии личных показателей, в семье убанги не обнаруживается.

В отдельных языках можно видеть перенос значений глагола на субъектные личные показатели, что приводит к появлению новых морфологических серий, преимущественно различающихся только тоном гласной (например, якома *mbi* ‘я’ (настоящее время, перфектив) vs. *mbi* ‘я’ (будущее время)).

Посессивные личные показатели различают категорию отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности – это различие проводится повсюду в языках групп гбая и занде, а также в языке гбайи (группа нгбанди). При этом посессивная словоформа неотчуждаемой принадлежности (для имён существительных, обозначающих родственников, части тела, иногда некоторые личные свойства) строится в формате схемы «имя + суффиксальный личный показатель», значение же отчуждаемой принадлежности (для имён-предметов или животных) требует конструкции «именная группа + клитический атрибутивный маркер + суффиксальный личный показатель». Атрибутивный (или ассоциативный) маркер является общим для всех лично-числовых значений и в зарубежных работах чаще всего называется «детерминативом» [Moñino 1995: 82]. Именные генитивные (в т. ч. посессивные) синтаксические группы строятся аналогичным образом: соположением имён существительных при неотчуждаемой принадлежности и при помощи атрибутивного маркера со значением отчуждаемой принадлежности:

- (14) *wō kpa pālā gālā*
 3SG чесать кожа нога
 ‘Он чешет ногу’ (букв. ‘кожу ноги’);

- (15) *īzō rí mbàlà*
 экскремент GEN слон
 ‘экскремент слона’ [Boyd 1988: 44–45].

Среди атрибутивных маркеров, используемых в языках гбая, можно выделить **kɔ* (с общегенитивным значением), **dàà* (с ассоциативным значением) и **nè* (с комитативным значением); все три восходят к праязыку группы.

В некоторых языках при присоединении показателей лица / числа к атрибутивному маркеру происходит фузия, ср. гбану *kélé* ‘наш’ < **kɔ-lé* [AM-IPL], с ассимиляцией гласной атрибутивного маркера. По этой причине в настоящей работе

местоимения неотчуждаемой принадлежности будут даны в таблицах в полном виде, хотя в большинстве языков их довольно легко можно разложить на атрибутивный маркер и собственно личный показатель.

Схожее противопоставление прослеживается в объектной серии личных показателей: во многих из рассмотренных нами языков убанги проводится различие между показателями прямого и косвенного объекта. В частности, наиболее последовательно данное различие выражено в группе гбая, однако оно отмечено также в языках групп занде и нгбанди. В языках гбая показатели косвенного объекта образованы прибавлением личного объектного суффикса к дативно-бенефактивному показателю *há- ‘для, к’ (происходящему, как предполагается, из дативного глагола) [Moñino 1995: 160].

- (16) *ndé wá gbeé-m*
 CONJ 3PL.S убивать.PROSP-1SG.DO
 ‘Они собираются убить меня’;

- (17) *mε tó yege né é ha túrú hám*
 2SG.S сказать QUOT CONJ CONJ давать одежда 1SG.IO
 ‘Ты сказал, что дашь мне одежду’ [Samarin 1966: 104, 106].

Слитный показатель непрямого объекта в примере (17) является результатом грамматикализации послеложной группы, которая ещё отчётливо видна в других группах убангийских языков (например, в группе занде), где косвеннообъектная группа строится с помощью слияния послелого и личного показателя, ср. в нзакара:

- (18) *mó-ít-é*
 2SG.SUBJ-оставить-1SG.OBJ
 ‘Оставь меня!’
- (19) *kó-hú pàmba n-é*
 3SG.M-давать нож PP-1SG.OBJ
 ‘Он дал мне нож’ [Tucker 1959: 131].

Личные показатели в языках убанги имеют структуру CV, в редких случаях – V. Показатели отчуждаемой принадлежности и непрямообъектные маркеры, образованные путём добавления собственно личного показателя к атрибутивному маркеру, могут иметь двусложную структуру CVCV (например, бозом *ká-ré* ‘наш’) и даже трёхсложную CVCVCV. Такая же силлабическая структура типична для тех показателей независимой серии, которые образованы с помощью удвое-

ния (например, линда $\mathcal{P}\bar{e}\mathcal{P}\bar{e}$ ‘вы’). Характерной особенностью личных показателей множественного числа в убангийских языках является их дисиллабическая структура – вида VCV или, чаще, $\mathcal{P}VCV$. При этом среди показателей объекта мы нередко видим формы без ларингального приступа и вокалического префикса: бофи $\mathcal{P}\bar{e}l\bar{e}$ ‘мы’ (субъект) и $l\bar{e}$ ‘мы’ (объект), $\mathcal{P}\bar{e}n\bar{e}$ ‘вы’ (субъект) и $n\bar{e}$ ‘вы’ (объект). О природе ларингальной фонемы в плюральных личных показателях убангийских языков будет сказано ниже.

Показатели 3 л. в убангийских языках по своему происхождению и особенностям функционирования в языке несколько отличаются от местоимений двух первых лиц. В первую очередь стоит отметить их бросающуюся в глаза разнородность: при следах генетического родства показателей первых двух лиц представляется невозможным реконструировать для праязыка убанги формы 3 л. Отдельные реконструкции возможны лишь на уровне некоторых групп языков. Таким образом, в большинстве языков показатели 3 л. имеют относительно недавнее происхождение.

Необходимо отметить возможную связь между личными показателями 3 л. и маркерами именных классов, характерную для тех языков НК макросемьи, которые мы обсуждали в предыдущих главах. В языках бенуэ-конго, ква, гур и других семей языков Субсахарской Африки 3 л. маркируется показателями именных классов имени существительного; таким образом, существуют отдельные показатели для лиц, животных, неодушевлённых существительных, принадлежащих различным классам.

Системы именных классов характерны лишь для некоторых убангийских языков (наиболее отчётливо в группе мба, см. [Pasch 1986]) и в большинстве случаев представляют собой инновацию [Boyd 1989: 205]. Новую именную классификацию мы видим, к примеру, в языках группы занде, имеющих в единственном числе до четырёх различных показателей 3 л. различного рода: для обозначения мужчин, женщин, животных и неодушевлённых предметов; во множественном числе различие мужского и женского рода элиминируется [Tucker 1959: 118, 129 ff.]. Формы показателей при этом имеют сверхкраткую фонетическую форму, что не позволяет легко этимологизировать их из именных источников. Ранее выдвигалось предположение о происхождении местоимений 3 л. в занде из именных основ со значениями ‘человек’ и ‘вещь’ [Claudi 1985], однако эта гипотеза выглядит весьма натянутой именно из-за умозрительности постулируемых фонетических преобразований и требует более глубокой доказательной базы, так как известно, что типологически подобное происхождение местоимений третьего лица широко распространено [Бабаев 2009]. В некоторых языках именное происхождение местоимений 3 л. можно предполагать, исходя из набора синтаксических функций последних, весьма близких к функциям имени (подробнее об этом см. ниже).

Стоит отметить, наконец, что во многих языках убанги местоимения 3 л. дополнены логофорическими. В некоторых случаях их происхождение довольно древ-

нее; так, в языках группы гбая логофорические местоимения функционируют почти повсеместно, что позволило И. Моньино восстановить этот подкласс местоимений для праязыка:

(20)* *ʔà* *tḥá* *ʔà* *té*
 3SG сказать 3SG приходит
 ‘Он [актант-1] сказал, что он [актант-2] пришёл’;

(21)* *ʔà* *tḥá* *ʔé* *té*
 3SG сказать 3SG.LOG приходит
 ‘Он [актант-1] сказал, что он [актант-1] пришёл’ [Moñino 1995: 422].

На этом мы завершаем общую характеристику систем личных показателей в убангийских языках и можем перейти непосредственно к сравнительному анализу форм, представленных в приводимых ниже сводных таблицах (5.1, 5.4, 5.7, 5.9, 5.11, 5.13). В них формы через запятую представляют собой диалектные варианты или же варианты, обнаруженные в различных работах по одному и тому же языку. Там, где между вариантами можно отследить грамматические различия, значения указаны в круглых скобках. Знаком косой черты разделены варианты формы одного значения, указанного в скобках вслед за последним из них.

Языки в таблицах сортированы по группам, обозначенным следующими аббревиатурами:

- Б банда;
- Г гбая;
- Нд нгбанди;
- Нк нгбака;
- М мба;
- С сере;
- З занде.

Аббревиатуры, использованные для языков, названных по сторонам света, расшифровываются стандартно: СЗ – северо-западный, ЮЗ – юго-западный, ЗЦ – западно-центральный, ЮЦ – южно-центральный.

Данные детализированы по диалектам там, где диалектные формы имеют характерные отличия. В таких случаях названия языка и диалекта приведены в левом столбце таблицы через дефис, например «моно-били» – диалект били языка моно.

Источники данных указаны в квадратных скобках в постраничных сносках к Табл. 5.1.

I лицо единственного числа

Таблица 5.1

	субъект	объект	притяжат.	независ.
мбрес (Б) ¹⁴⁸	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ЗЦ-дакпа (Б) ¹⁴⁹	<i>m̄, mí</i>	<i>mé, mí</i>	<i>mé, mí</i>	<i>ēmé</i>
ЗЦ-гби (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ЗЦ-уоджо (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
банда (Б) ³	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ЮЦ-лангба (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ЮЦ-нгбугу (Б) ¹⁵⁰	<i>mī, mí, m̄</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mīmí</i>
лангбаше (Б) ³	<i>m̄, mí</i>	<i>m̄, mí</i>	<i>mí</i>	
бамбари (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>ēm̄</i>
мбанджа (Б) ¹⁵⁰	<i>mé, m̄</i>	<i>mé, m̄</i>		
нделе (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
вара (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
ср.-юж. (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
янгере (Б) ¹⁵⁰	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>		
моно (Б) ¹⁵¹	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>mí</i>	
моно-били (Б) ¹⁵²	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>m̄</i>	<i>ēm̄</i>
СЗ-кара (Г) ¹⁵³	<i>ʔám</i>	<i>-m, -mí</i>	<i>-m, -mí</i> (но.), <i>kóm</i> (о.)	<i>mí</i>
СЗ-яювее (Г) ¹⁵⁴	<i>mí</i>	<i>-m, -mí</i>	<i>-m, -mí</i> (но.), <i>kóm</i> (о.)	<i>mí</i>
СЗ-лаи (Г) ¹⁵⁵	<i>mí</i>	<i>mí, -m</i>	<i>-m</i> (но.), <i>kóm</i> (о.)	<i>mí</i>
ЮЗ-були (Г) ¹⁵⁵	<i>ʔín, mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mòŋ</i> (но.), <i>bòŋ</i> (о.)	<i>mí</i>
ЮЗ-тоонго (Г) ¹⁵⁵	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mí</i> (но.), <i>bòŋ</i> (о.)	<i>mí</i>
ЮЗ-биянда (Г) ¹⁵⁵	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mí</i> (но.), <i>pòm(i) / póm</i> (о.)	
мбодомо (Г) ¹⁵⁵	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>-mí</i> (но.), <i>bòŋ</i> (о.)	<i>mí</i>
бокото (Г) ¹⁵⁵	<i>ʔám</i>	<i>-(á)m</i>	<i>-(á)m</i> (но.), <i>kóm</i> (о.)	<i>mí</i>

¹⁴⁸ [Sampson 1997; Segerer 2002–2007].¹⁴⁹ [Tisserant 1930; Segerer 2002–2007].¹⁵⁰ [Sampson 1997; Segerer 2002–2007].¹⁵¹ [Tisserant 1930: 39–48].¹⁵² [Olson 2001: 85].¹⁵³ [Roulon-Doko 1993; Moñino 1995: 75–76].¹⁵⁴ [Moñino 1995].¹⁵⁵ [Boyd 1997: 66–70; Moñino 1995: 130].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бозом (Г) ¹⁵⁵	<i>mí, ʔám, mánt</i>	<i>-m</i> (пр.), <i>hánt</i> (непр.)	<i>-m</i> (но.), <i>kóm</i> (о.)	
босангоа (Г) ¹⁵⁵	<i>ʔám</i> (имперф.), <i>ʔám</i> (перф.)	<i>-m</i> (пр.), <i>hánt</i> (непр.)	<i>-m</i> (но.), <i>kóm</i> (о.)	<i>mí</i>
гбану (Г) ¹⁵⁵	<i>mí</i>	<i>-m/mí</i> (пр.), <i>hóm</i> (непр.)	<i>-m/mí</i> (но.), <i>kóm/dàámí/</i> <i>nóm</i> (о.)	
али (Г) ¹⁵⁵	<i>mī</i>	<i>mī</i>	<i>mī</i> (но.), <i>kómī/dāmī</i> (о.)	
манза (Г) ¹⁵⁵	<i>ʔē</i>	<i>mī</i> (пр.), <i>háá</i> (непр.)	<i>-V</i> (но.), <i>kšš/dāā</i> (о.)	<i>mī</i>
нгбака (Г) ¹⁵⁵	<i>ʔē, mī</i>	<i>mī</i> (пр.), <i>há/hāmī</i> (непр.)	<i>mī</i> (но.), <i>dāmī/mómī/</i> <i>mšē/kšmī</i> (о.)	
бофи (Г) ¹⁵⁵	<i>mī</i>	<i>-m</i> (пр.), <i>hām</i> (непр.)	<i>-m</i> (но.), <i>nāām/kóm</i> (о.)	
банганду (Г) ¹⁵⁵	<i>mí</i>	<i>mí</i> (пр.), <i>hámí</i> (непр.)	<i>mú</i>	
якома (Нд) ¹⁵⁶	<i>mbì,</i> <i>mbí</i> (буд.)			<i>mbī</i>
гбайи (Нд) ¹⁵⁷	<i>mī, mē</i>		<i>-mē</i> (но.), <i>-cà</i> (о.)	
мунду (Нк) ¹⁵⁸	<i>má, mó</i>	<i>rē, rā</i>	<i>rē, rā</i>	<i>rē, rā</i>
нгбака-мабо (Нк) ¹⁵⁹	<i>mā</i>			
монзомбо (Нк) ¹⁶⁰	<i>mā</i>			
гбанзири (Нк) ¹⁶⁰	<i>má, mā</i>			
бака (Нк) ¹⁶¹	<i>mā</i>			<i>ḡāà</i>
майого (Нк)	<i>-mā</i>			
ндунга (М) ¹⁶²	<i>nē</i>	<i>mɔ</i> (непр.)	<i>nè</i> (но.), <i>nè</i> (о.)	

¹⁵⁶ [Boyeldieu 1995].¹⁵⁷ [Boyd 1988].¹⁵⁸ [Vallaëys 1991].¹⁵⁹ [Moñino 1988].¹⁶⁰ [Boyd 1978: 75; Moñino 1988].¹⁶¹ [Brisson, Boursier 1979].¹⁶² [Pasch 1986; Moñino 1988].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
мба (М) ¹⁶³	<i>nó</i>		<i>-éà, -â</i>	
донго-ко (М) ¹⁶³	<i>dê, rè</i>		<i>dê, rè</i>	
ма (М) ¹⁶³	<i>mĩ, mù-</i>			
сере (С)	<i>yē</i>			
баи (С)	<i>nē</i>			
занде (З) ¹⁶³	<i>mì</i>	<i>rè, -ré</i>	<i>mí</i> (но.), <i>gimí</i> (о.)	<i>mì, mì</i>
барамбу (З) ¹⁶⁴	<i>jó, j-, ní, -ja</i>	<i>-jò</i> (прям.), <i>-erè/-èrè/-re</i> (непрям.)	<i>-ére/-éré/-eri/-eri</i> (но.), <i>gyèrè/gere/fiere/ zègyèrè</i> (о.)	
памбиа (З) ¹⁶⁵	<i>ji, jé, ní, -jé</i>	<i>-jè</i>	<i>-jè/lyè/-je</i> (но.), <i>aje/alje</i> (о.)	<i>jé, ní</i>
геме (З) ¹⁶⁶	<i>mì</i>			
нзакара (З) ¹⁶⁷	<i>mì, mì</i>	<i>-è</i>		<i>mì, mì</i>

Как и в других языках мира, местоимения 1 л. ед. ч. являются наиболее стабильным элементом парадигмы, и праформы восстанавливаются относительно легко. В качестве общей для подавляющего большинства языков семьи модели субъектного местоимения можно назвать *mV* – сочетание губной носовой согласной с некоторой гласной. Вокалический элемент преимущественно принадлежит переднему ряду; в языках банда это *i*, *e*, а также редуцированная гласная среднего ряда *ə*, которую логично рассматривать как происходящую из **i/*e* в результате ослабления гласной фонемы, но не иначе, так как для сдвига праязыковой гласной вперёд никаких оснований не видно. Редукции гласной не происходит в суффиксальном объектном показателе в языках сев. гбага и уоджо, где огласовка переднерядная: *mē*.

В языках групп гбая и нгбанди повсюду видим гласную *-i*, в занде *-l*. Заднерядная гласная может быть восстановлена только для праязыка группы нгбака. Здесь можно предположить развитие, аналогичное языкам банда: ослабление переднерядной гласной до *ə* и последующий переход среднерядной фонемы в *a*, возможно под влиянием форм 2 л. ед. ч., ср. мунду *má* ‘я’, *mà* ‘ты’.

Форма *ʔam*, распространённая в западных и северных языках гбая, выступает в большинстве идиомов не как самостоятельное местоимение, а как субъектный префикс глагола [Moïno 1995: 421]. По всей вероятности, данная морфема представляет собой композит, состоящий из *ʔa-* и личного показателя *-m*. Его образование сравнительно недавнее, а генезис можно легко проследить на материале

¹⁶³ [Tucker 1959; Segerer 2002–2007].

¹⁶⁴ [Tucker 1959; Boyd, Nougayrol 1988].

¹⁶⁵ [Tucker 1959: 223–226; Boyd, Nougayrol 1988].

¹⁶⁶ [Boyd, Nougayrol 1988].

современных диалектов гбая [Noss 1969: 24]: в быстрой речи (язык кара) гласная местоимения *mí* редуцируется, так что фраза *mí kǎ ná* 'я не хочу' произносится как [mǎkǎ ná], после чего во избежание произнесения согласного кластера добавляется эвфонический префикс *ʔa-*. А ларингальный здесь необходим, так как язык не допускает инициальной гласной.

Показатель *ni-/né-* в памбия (группа занде) также со всей вероятностью представляет собой рефлекс основы на **m-*; видно, что делабиализация происходит не только в этой форме, но и в показателе 2 л. ед. ч. *no* (см. ниже).

Таким образом, наиболее вероятным вариантом для праязыковой реконструкции остаётся вариант **mí*. Тон праязыкового показателя восстановить сложно: в языках банда, нгбанди и нгбака преобладает средний, в гбая реконструируется высокий, а для языков занде – низкий тон.

Субъектные показатели языков сере и мба происходят из других лексических основ. Формы двух языков группы сере *nē* и *uē*, по-видимому, происходят из единого источника. То же можно сказать о двух близкородственных языках группы мба – ндунга и донго-ко: формы *nē*, *dē* и *rē* представляют собой очень распространённое в африканских языках чередование согласных. Общее происхождение форм сере и мба на имеющемся материале ничем не подкрепляется, так что имеет смысл рассматривать их пока как групповые инновации.

Субъектные местоимения языков манза и нгбака (*ʔē* и *ʔē* соответственно) употребляются наравне с *mí*, а в манза – даже в большем количестве синтаксических контекстов. Однако здесь можно постулировать сравнительно позднее замещение исконного местоимения *mí*, исходя из того, что в нгбака *ʔē* тяготеет к употреблению в косвенной речи [Moñino 1995: 242]. Наиболее вероятным кажется происхождение данной формы из логофорического местоимения **ʔé* [Moñino 1995: 422] с заменой исходного высокого тона на средний тон, характерный для местоимений 1 л. ед. ч.

В большинстве рассматриваемых языков показатели для всех четырёх синтаксических серий совпадают либо же различаются лишь огласовкой или тоном. Эти различия часто вызваны разными позициями показателей в предложении. Там, где показатель фокализованного актанта выделяется своей формой, можно отметить некоторые закономерности. Так, в языках банда независимые местоимения с вокалическим префиксом явно восходят к праязыковому состоянию: *ēmé/ēmā*. Тон вокалического аугмента в большинстве языков ассимилируется с тоном местоимения по всей парадигме [Olson 2001: 85].

В притяжательной и объектной сериях, представленных в большинстве языков убанги суффиксальными показателями, напротив, может происходить редукция первоначальной формы до *-m* (группа языков гбая). В нескольких языках семьи, принадлежащих к различным группам (мунду, донго-ко, занде, барамбу) притяжательные, а иногда и объектные показатели образованы с помощью генитивного маркера *ri/re/rē*. Это происхождение можно, скорее всего, постулировать также для показателя отчуждаемой принадлежности гбайи *-cà*, исходя из того,

что генитивный маркер *ri* эксплицитно присутствует в других формах парадигмы (Табл. 5.2) и функционирует в именных конструкциях отчуждаемой принадлежности (ср. уже приводившийся выше пример: *ĩzō ri mbàlà* ‘экскременты слона’ [Boyd 1988: 44–45]).

Таблица 5.2

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-cà	-rì-nì
2 л.	-cô	-rì-mò
3 л.	-rì	-r(i)-àlà

Исходя из вышесказанного, мы можем с большой долей уверенности реконструировать для праязыка семьи убанги одну форму личного местоимения 1 л. ед. ч. **mi*. Реконструкции праязыковых форм по некоторым группам приведены в Табл. 5.3.

Таблица 5.3

банда	<i>*mɔ̄</i>
гбая	<i>*mí</i>
нгбанди	<i>*mĩ</i>
нгбака	<i>*mā</i>
занде	<i>*mì</i>
убанги	<i>*mi</i>

Реконструкция **mi* хорошо соотносится с праформами, восстанавливаемыми для других семей НК языков, рассмотренных в предыдущих главах настоящей работы. Таким образом, проведённая нами реконструкция вполне подтверждается данными внешнего сравнения.

2 лицо единственного числа

Таблица 5.4

	субъект	объект	притяжат.	независ.
мбрес-бука (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>		
мбрес-мбере (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>		
ЗЦ-дакпа (Б)	<i>mò</i>	<i>mā, mo</i>	<i>zā</i>	<i>òmā</i>
ЗЦ-гби (Б)	<i>mà</i>	<i>mà</i>		
ЗЦ-гбага (Б)	<i>mə</i>	<i>mə</i>		

	субъект	объект	притяжат.	независ.
банда (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>		
ЮЦ-лангба (Б)	<i>mò</i>	<i>mò</i>		
ЮЦ-нгбугу (Б)	<i>mɔ</i>	<i>mɔ</i>	<i>zə, zə</i>	<i>mɔmɔ, mòmɔ</i>
лангбаше (Б)	<i>mà, mo</i>	<i>mà, mo</i>		
бамбари (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>	<i>zə</i>	<i>əbə</i>
мбанджа (Б)	<i>mà</i>	<i>mà</i>		
ндеде (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>		
вара (Б)	<i>bò</i>	<i>bò</i>		
ср.-юж. (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>		
янгере (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>		
моно (Б)	<i>mo</i>	<i>mo</i>		
моно-били (Б)	<i>bə</i>	<i>bə</i>	<i>zə</i>	<i>əbə</i>
СЗ-кара (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>kómé</i> (о.)	<i>mé</i>
СЗ-лаи (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>kómé</i> (о.)	<i>mé</i>
ЮЗ-були (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>bè</i> (о.)	<i>mé</i>
ЮЗ-тоонго (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>bèè</i> (о.)	<i>mé</i>
ЮЗ-биянда (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>pémé</i> (о.)	
мбодомо (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>mè</i> (о.)	
бокото (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i>	<i>-mé</i> (но.), <i>kómé</i> (о.)	
бозом (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i> (пр.), <i>hámé</i> (непр.)	<i>-mé</i> (но.), <i>kómé</i> (о.)	
босангоа (Г)	<i>mè</i> (имперф.), <i>mé</i> (перф.)	<i>mé</i> (пр.), <i>hámé</i> (непр.)	<i>-mé</i> (но.), <i>kómé</i> (о.)	<i>mé</i>
гбану (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i> (пр.), <i>hómé</i> (непр.)	<i>mé</i> (но.), <i>kómé/ dààmé/nómé</i> (о.)	
али (Г)	<i>mē</i>	<i>mē</i>	<i>mē</i> (но.), <i>kómē/dāmē</i> (о.)	
манза (Г)	<i>mē</i>	<i>mē</i> (пр.), <i>hāmē</i> (непр.)	<i>mē</i> (но.), <i>kómē, dāmē</i> (о.)	
нгбака (Г)	<i>mɔ, mɔ</i> (имп.)	<i>mɔ</i> (пр.), <i>hámɔ</i> (непр.)	<i>mɔ</i> (но.), <i>kómɔ/ dāmɔ/mómɔ</i> (о.)	
бофи (Г)	<i>mē</i>	<i>mē</i> (пр.), <i>hāmē</i> (непр.)	<i>mē</i> (но.), <i>nàmē/kómē</i> (о.)	

	субъект	объект	притяжат.	независ.
банганду (Г)	<i>mé</i>	<i>mé</i> (пр.), <i>hátmé</i> (непр.)	<i>mé</i>	
якома (Нд)	<i>mɔ́, mɔ̀</i>			<i>mɔ̀</i>
гбайи (Нд)	<i>mɔ̀</i>		<i>-mɔ̀</i> (но.), <i>-cɔ̀</i> (о.)	
мунду (Нк)	<i>mà, mò, mù</i>	<i>mà, mò, mù</i>	<i>mà, mò, mù</i>	<i>dēmò</i>
нгбака-мабо (Нк)	<i>mò</i>			
монзомбо (Нк)	<i>mò</i>			
гбанзири (Нк)	<i>mù, lò</i>			
бака (Нк)	<i>mò</i>			
майого (Нк)	<i>-mù</i>			
ндунга (М)	<i>mō</i>			
мба (М)	<i>mò, mɔ́</i>		<i>-úɔ̀</i>	<i>mò</i>
донго-ко (М)	<i>dɔ̀</i>		<i>zò</i>	
ма (М)	<i>mūŋɔ́</i>			
сере (С)	<i>wō</i>			
баи (С)	<i>ŋō</i>			
занде (З)	<i>mò</i>	<i>-rò</i>	<i>-mó</i> (но.), <i>-gamó</i> (о.)	<i>mò</i>
барамбу (З)	<i>mú, mò-, -ómú</i>	<i>-mo/-mu</i> (пр.), <i>(o)rò/órò</i> (непр.)	<i>-óro/-ró/-rò</i> (но.), <i>gòrò</i> (о.)	
памбиа (З)	<i>ŋo-</i>	<i>-ŋo</i>	<i>-ŋo/-wo</i> (но.), <i>awo</i> (о.)	<i>ŋo</i>
геме (З)	<i>mɔ̀</i>			
нзакара (З)	<i>mɔ̀, mo-</i>	<i>-ó</i>	<i>-mo</i>	<i>mɔ̀</i>

Характерным является почти повсеместное распространение модели *mO/mɛ/mə* с широкой гласной фонемой. Эта модель является базовой для языков групп банда, гбая, нгбанди, нгбака, мба и занде. Тем не менее реконструкция единой праформы наталкивается на ряд существенных трудностей.

Некоторые языки банда демонстрируют гласную среднего ряда и подъёма *ə*. Эта же гласная, как можно видеть выше, присутствует в формах 1 л. ед. ч., создавая, таким образом, в целом ряде языков омонимию двух показателей с различными значениями. Можно показать, однако, что по крайней мере в одном из языков банда

неопределённая гласная может являться результатом редукции двух различных фонем в формах 1 и 2 л. Это язык моно. Работа Ш. Тиссерана первой половины XX в. [Tisserant 1930: 40] демонстрируют формы *mi* ‘я’ и *mo* ‘ты’ с различными огласовками, которым в современной работе [Olson 2001: 85] в обоих случаях соответствует *mə*. Не исключено, что две указанных работы используют данные различных диалектов (у К. Олсона это диалект били, диалект данных Тиссерана не указан), но соответствие гласных и «шва» в любом случае налицо.

Устранение омонимии показателей двух лиц в языках банда после редукции гласных достигалось двумя способами: тональным противопоставлением (средний тон показателей 1 л. ед. ч. vs. низкий тон показателей 2 л. ед. ч.) и деназализацией губной носовой: *m > b/b̥*. В результате второго процесса появляются инновационные формы *ḅə/ḅə̃*, нехарактерные для других групп убангийских языков. Данная инновация присуща в основном идиомам периферии ареала, занятого языками банда, в то время как языки центра этого ареала (собственно язык банда, а также западно-центральные диалекты и лангбаше) демонстрируют *m*¹⁶⁷.

Формы **mo/*mɔ* реконструируются для праязыков групп нгбанди, нгбака, занде, возможно, также мба. Форма **m̄i* является результатом лабиализации исходной гласной в двух близкородственных языках нгбака – гбанзири и майого. Данные языков группы гбая позволяют восстановить праформу **m̄é* [Moïno 1995: 421] как для субъектных, так и для несубъектных значений. Лишь в языке нгбака видим местоимение *m̄ə*, которое могло быть заимствовано из одного из соседних языков группы нгбанди: известно, что нгбака не имеет контактов с другими языками гбая [Ibid.: 228]. Истоки формы **m̄é*, если считать её новообразованием, неясны; одним из предположений может быть её аналогия с формами множественного числа, также имеющими в языках группы гласную *ɛ*. Семантически это создаёт противопоставление «я – не-я», типологически весьма надёжно засвидетельствованное в языках мира, где местоимение именно 1 л. ед. ч. отличается по структуре или просодическим характеристикам от всех прочих членов местоименной парадигмы. То, что в языках убанги вокализм играл важную роль в создании подобных противопоставлений, уже упоминалось выше; видно это в местоимениях 3 л., которые всюду характеризуются вокализмом *-ə̃*.

Таким образом, для субъектного местоимения 2 л. ед. ч. праязыка убанги предположительно может быть восстановлена форма **mo/*mɔ* (что соотносится и с реконструкцией Р. Бойда), при том что вокалическое изменение формы гбая **m̄é* остаётся в этом случае необъяснённым.

Вопрос о том, можно ли сравнивать формы *no* языков баи и памбиа с вышеприведённой реконструкцией, позволяет дать утвердительный ответ, если сравнить

¹⁶⁷ Явление деназализации *m-* в местоимениях отмечается и в 1 л. ед. ч. отдельных убангийских языков (ср. якома *mbi*, *mbi* ‘я’). Любопытно было бы сопоставить в типологической перспективе данное явление с аналогичным переходом **m- > *b-*, постулируемым в алтайских языках (ср. тюрк. *bana* ‘меня’ и чуваш. *manan* ‘меня’) [Иллич-Свитыч 1971–1976, II: 55–56].

парадигмы местоимений в целом. Так, соответствие памбиа *ni-* ‘я’ с занде *ti* то же, что и между памбиа *ŋo-* с занде *mò*. Схожее явление дентализации сонанта можно предполагать для баи *nē* ‘я’ (ср. *mē* в ряде соседних с ним языков банда) и *ŋō* ‘ты’ (ср. *mō* в других языках семьи), где противопоставляются сонанты с артикуляцией, продвинутой вперёд в позиции перед передней гласной и назад – перед задней гласной. К сожалению, на сегодняшний день мы не располагаем достаточными данными о языках группы сере, чтобы удостоверить это фонетическое соответствие на большем количестве лексических сопоставлений, поэтому вынуждены оставить языки сере за кадром нашей реконструкции.

Субъектных местоимений, имеющих особое происхождение, в представленных нами данных всего два, – это формы донго-ко *dǒ* и ма *mīŋó*.

Первая содержит фонему *d-*, характерную для трёх из четырёх личных местоимений донго-ко 1–2 л.:

Таблица 5.5

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>dè, rè</i>	<i>nà</i> (и.), <i>nī</i> (э.)
2 л.	<i>dǒ</i>	<i>dà</i>

С учётом того, что звонкая импловивная фонема весьма нехарактерна для личных местоимений этих значений, её нужно признать инновацией. Форма *mīŋó* языка ма, вероятно, по происхождению является независимой.

Некоторые особенности можно отметить в несубъектных сериях личных показателей 2 л. ед. ч. Так, притяжательный маркер в языках банда реконструируется как **zǎ*. Весьма вероятно, что первоначальная гласная здесь *-a*, сохранившаяся в диалекте дакпа западно-центрального языка, но вне его подвергшаяся повсеместной редукции. Безусловно, любопытно сравнить формы языков банда с посессивным суффиксом донго-ко *zǎ*. Возможно, впрочем, что появление этого нехарактерного для убанги показателя посессивности стало результатом влияния форм 1 л. мн. ч. инклюзива *ǎzǎ*: инклюзивное местоимение со значением «мы с тобой» вполне могло быть переосмыслено как *ǎ* ‘мы’ + *zǎ*.

Таблица 5.6

банда	<i>*mò</i> (субъект), <i>*zǎ</i> (объект)
гбая	<i>*mé</i>
нгбанди	<i>*mɔ</i>
нгбака	<i>*mò/*mù</i>
мба	<i>*mɔ/*mɪ</i> ?
занде	<i>*mɔ</i>
убанги	<i>*mɔ</i>

Особые, отличные от субъектно-объектных независимые формы представлены преимущественно в языках банда. Здесь, как и по всей парадигме, используются техники префиксации и редупликации: ср. ЗЦ-дакпа *òtā*, бамбари *àbà*, моно-били *èbè* и редублицированные формы *mòm̄/mòm̄* в ЮЦ-нгбугу.

Праформы, реконструируемые нами во 2 л. ед. ч. для отдельных групп и убангийской семьи в целом, приводятся в Табл. 5.6.

1 лицо множественного числа

Таблица 5.7

	субъект	объект	притяжат.	независ.
мбрес-бука (Б)	<i>àzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>àzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
мбрес-сабанга (Б)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
ЗЦ-дакпа (Б)	<i>àzī, eze</i> (и.), <i>a</i> (э.)	<i>àzī, eze</i> (и.), <i>a</i> (э.)	<i>zá</i>	<i>àzī</i>
ЗЦ-гби (Б)	<i>àzē</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>àzē</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
ЗЦ-гбага (Б)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
ЗЦ-уоджо (Б)	<i>èzē</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzē</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
банда-гбага (Б)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
банда-хаи (Б)	<i>èzò, ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò, ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
лангбаше (Б)	<i>àzē, aze</i> (и.), <i>ʔà, a</i> (э.)	<i>àzē</i> (и.), <i>ʔà</i> (э.)		
бамбари (Б)	<i>èzò</i> (дв.), <i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò</i> (дв.), <i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ø-zò</i> (дв.), <i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò</i> (дв.), <i>ʔàʔà</i> (и.), <i>ʔāʔā</i> (э.)
мбанджа (Б)	<i>ʔā̄</i> (э.)	<i>ʔā̄</i> (э.)		
ЮЦ-нгбугу (Б)	<i>àzò, àzē</i> (и.), <i>àvā/āʔá</i> (э.)	<i>àzò</i> (и.), <i>àvā/āʔá</i> (э.)	<i>àzò, àzē</i> (и.), <i>àvā/āʔá</i> (э.)	<i>àzēzò</i> (и.), <i>àvāvā</i> (э.)
нделе (Б)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
вара (Б)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
ср.-юж. (Б)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>èzò</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		
янгере (Б)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)		

	субъект	объект	притяжат.	независ.
моно (Б)	<i>eze</i> (и.), <i>a</i> (э.)	<i>eze</i> (и.), <i>a</i> (э.)		
моно-били (Б)	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>àzà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ʔà/àzà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>àzà</i> (и.), <i>āʔā</i> (э.)
СЗ-кара (Г)	<i>ʔéé</i> , <i>ʔáá</i> (арх.)	<i>yé</i>	- <i>yé</i> (но.), <i>kéé</i> (о.)	<i>ʔéé</i> , <i>ʔáá</i> (арх.)
СЗ-лаи (Г)	<i>ʔé</i>	<i>yé</i>	- <i>yé</i> (но.), <i>ké</i> (о.)	<i>ʔé</i>
ЮЗ-були (Г)	<i>ʔɔ</i>	<i>ʔɔ</i>	- <i>ʔɔ</i> (но.), <i>bɔ</i> (о.)	<i>ʔɔ</i>
ЮЗ-гоонго (Г)	<i>ʔɔ</i>	<i>ʔɔ</i>	- <i>ʔɔ</i> (но.), <i>bɔʔɔ</i> (о.)	<i>ʔɔ</i>
ЮЗ-биянда (Г)	<i>ʔɔ</i>	<i>ʔɔ</i>	- <i>ʔɔ</i> (но.), <i>ʔɔʔɔ</i> (о.)	
мбодомо (Г)	<i>ʔélé</i>	<i>ʔɔ</i>	- <i>ʔélé</i> (но.), <i>vélé</i> (о.)	
бокото (Г)	<i>ʔé</i>	<i>yé</i> , <i>ré</i>	- <i>yé/-ré</i> (но.), <i>kéré/kéé</i> (о.)	
бозом (Г)	<i>ʔéré</i>	<i>ré</i> (пр.), <i>háré</i> (непр.)	- <i>ré</i> (но.), <i>káré</i> (о.)	
босангоа (Г)	<i>ʔérè</i> (имперф.), <i>ʔéré</i> (перф.)	<i>ré</i> (пр.), <i>héré</i> (непр.)	- <i>ré</i> (но.), <i>kéré</i> (о.)	<i>ʔéré</i>
гбану (Г)	<i>ʔálé</i>	<i>lé</i> (пр.), <i>hélé</i> (непр.)	<i>lé</i> (но.), <i>kélé/</i> <i>dààlé/ndèlé</i> (о.)	
али (Г)	<i>ʔālē</i> , <i>ʔā</i>	<i>lē</i>	<i>lē</i> (но.), <i>kélé/dālē</i> (о.)	
манза (Г)	<i>lē</i> , <i>yē</i>	<i>lē</i> (пр.), <i>hālē</i> (непр.)	<i>lē</i> (но.), <i>kālē/dālē</i> (о.)	
нгбака (Г)	<i>lē</i>	<i>lē</i> (пр.), <i>hālē</i> (непр.)	<i>lē</i> (но.), <i>dālē/mólē/kólē</i> (о.)	
бофи (Г)	<i>ʔēlē</i>	<i>lē</i> (пр.), <i>hālē</i> (непр.)	<i>ndèlē</i> (но.), <i>kóndèlē</i> (о.)	
банганду (Г)	<i>ʔɔ</i>	<i>ʔɔ</i> (пр.), <i>háʔɔ</i> (непр.)	<i>mɔ</i>	
якома (Нд)	<i>hè/ʔè</i> , <i>hé/ʔé</i> (буд., сосл.)			<i>hé</i>
гбайи (Нд)	<i>álénè/ánè</i> (и.), <i>álémē</i> (э.)	<i>álénè/ánè</i> (и.), <i>álémē</i> (э.)	- <i>lénè/-rini</i> (и.), - <i>lémè/-rimi</i> (э.)	
мунду (Нк)	<i>(ā)nī</i> , <i>kprāā</i>	<i>ā</i> , <i>ʔā</i> , <i>nī</i>	<i>ā</i> , <i>ʔā</i> , <i>nī</i>	<i>ā</i> , <i>ʔā</i> , <i>nī</i>
нгбака-мабо (Нк)	<i>ʔāòò</i>			
монзомбо (Нк)	<i>ʔ</i> (дв.), <i>ná</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)			
гбанзири (Нк)	<i>yā</i>			

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бака (Нк)	<i>ʔā</i> (дв.), <i>nì, ʔā...nì</i> (гл.), <i>ʔānì</i> (негл.) (и.), <i>ŋā</i> (э.)			<i>ŋātìní,</i> <i>ŋāŋātìní</i> (и.), <i>ŋāŋā</i> (э.)
майого (Нк)	<i>-yā</i>			
ндунга (М)	<i>nú</i>	<i>nú</i> (непр.)	<i>nú</i>	
мба (М)	<i>í</i>		<i>í</i>	
донго-ко (М)	<i>nà</i> (и.), <i>nī</i> (э.)		<i>nà</i> (и.), <i>nī</i> (э.)	
ма (М)	<i>èpí</i>			
сере (С)	<i>dī</i>			
баи (С)	<i>dū</i>			
занде (З)	<i>à(nì)</i>	<i>ràní</i>	<i>-ràní</i> (но.), <i>gàání</i> (о.)	<i>àní</i>
барамбу (З)	<i>ŋá, ŋ-, ŋà-, áŋa-</i>	<i>-ŋa,</i> <i>-arà/-àrè/-árà</i>	<i>-éra/-árà/-erè/ -ara</i> (но.), <i>gàrà</i> (о.)	
памбиа (З)	<i>a-, -ŋá</i>	<i>-ŋa</i>	<i>-ŋa/-ya</i> (но.), <i>awaa</i> (о.)	
геме (З)	<i>hàá</i> (дв.), <i>hàán</i> (и.), <i>hàn</i> (э.)			
нзакара (З)	<i>à(nì)</i>		<i>-àní</i>	<i>àní</i>

Как уже подчёркивалось выше, плюральные местоимения во многих убангийских языках характеризуются фонетической структурой VCV. Это явление характерно прежде всего для показателей субъекта, в то время как в объектных (т. е. большей частью суффиксальных) показателях первый вокалический элемент не присутствует, а структура, соответственно, упрощается до CV. Подобная схема наиболее ярко выражена в языках банда, гбая и занде, засвидетельствована в группе нгбака. Весьма вероятно, что первая гласная в двусложных формах является префиксом, характеризующим именно субъектное значение. Для языков убанги в целом весьма нехарактерны слова с вокалическим анлаутом, и примеры такого рода существуют только в местоимениях и служебных частях речи, а также связанных морфемах. Для устранения вокалического анлаута в целом ряде языков используется ларингальный приступ ʔ- (наиболее последовательно – в языках гбая) или придыхание *h-* (например, в геме и якома), которые, таким образом, не подлежат сравнению с согласными элементами местоименных корней других языков.

Особенностью местоимений 1 л. мн. ч. в убанги является уже упомянутое выше широкое распространение категории расширенного 1 л. Данная категория пред-

ставляется довольно древней – она может быть надёжно реконструирована для праязыка группы банда. Отдельные языки нгбанди, нгбака, мба и занде также обладают категорией расширенного 1 л.

Так как наличие расширенных (эксклюзивных, инклюзивных, дуальных) местоимений создаёт широкое многообразие форм, целесообразно вычленил те из них, которые могут иметь праязыковое происхождение.

Наиболее обещающим в этой связи представляется сравнение инклюзивной формы *àzá/əzá* в языках банда, формы **ʔé/é* в гбая [Moïno 1995: 421]¹⁶⁸ и форм *dī/dū* в языках сере. Соответствие *l/d*, широко распространённое не только в убангийских языках, но и в целом в Западной и Центральной Африке, выглядит надёжным и имеет ряд подтверждений как в других группах языков семьи, так и в данных внешнего сравнения. Нередко эти звуки являются реализациями одной и той же фонемы; такая фонема, в частности, реконструируется для праязыка банту [Stewart 1993]. Типичным является и их чередование с *t* и *r*. Однако добавление к этой цепочке свистящей фонемы *z* заставляет предположить, исходя из сформулированного нами в Главе 1 принципа учёта типологии фонетических изменений, что исходной фонемой могла быть зубная смычная. Интервокальная спирализация или ослабление зубной смычной до фрикативной или *l* типологически вполне обоснованы для языков данного региона. Причём, так как среди рефлексов есть и формы с глухим согласным, исходная фонема также должна восстанавливаться как глухая: озвончение в интервокальной позиции – процесс вполне обычный, а вот условия для оглушения здесь отсутствуют. Наиболее экономичной, таким образом, представляется реконструкция фонемы **t*. К сожалению, надёжных подтверждений такой реконструкции на лексическом материале обнаружить пока не удаётся, так что мы вынуждены ставить возле реконструируемой формы знак вопроса.

Говоря о появлении *z* в формах языков банда, нужно отметить возможность взаимного конвергентного влияния между банда и соседними с ними языками центральносуданской семьи, ср. местоимения 1 л. мн. ч. в тех из них, чьи ареалы географически примыкают к ареалам языков банда на обширной территории северной и северо-западной ЦАР:

- гула-сара *zé* (1 л. дв. ч.);
- бубу *zi* (1 л. мн. ч.);
- гула-зура *zē* (1 л. мн. ч. экскл.), *zēg* (1 л. мн. ч. инкл.);
- сара-каба *jé, jéje* (1 л. мн. ч.);
- юлу *jə* (1 л. дв. ч.) [Boyeldieu 1987; Nougayrol 1999; Moser 2004].

При том, что в целом парадигмы указанных языков и банда несводимы к общему генетическому источнику, взаимовлияние отдельных форм в составе этих парадигм никогда нельзя исключать в условиях тесных языковых контактов, характер-

¹⁶⁸ В ряде языков банда происходит регулярное ослабление интервокальной латеральной фонемы **l > y*, в некоторых из них вплоть до выпадения. Таким образом, формы *ʔélé, ʔéré, ʔéé, ʔé* имеют общее происхождение.

ных для центральноафриканского региона (ср. выше ссылку на мнение Р. Бойда о лексических связях между убангийскими и нило-сахарскими языками региона). Важно помнить, что миграции носителей языков убанги, весьма возможно, проходили по районам расселения носителей центральносуданских языков, что не могло не наложить значительного субстратного отпечатка на структуру языка иммигрантов [Saxon 1982]. В рассматриваемом нами случае именно влияние центральносуданских или иных субстратных языков могло стать причиной возникновения фонемы *z уже в праязыке банда.

В языке бака (группа нгбака) независимое местоимение инклюзива *ŋā-tini* может быть разложено на два элемента: префиксальный фокализатор *ŋā-* (ср. 2 л. мн. ч. *ŋā-uī* при субъектном *uī*, 3 л. мн. ч. *ŋ-ó* при субъектном *wó*, объектном *ó*) и собственно личный показатель *-tini*, сохранившийся в этом виде только в независимой серии.

Конечная гласная форм банда должна восходить к *-e [Boyd 1978: 75], эта же гласная сохраняется в западно-центральных диалектах банда (тех же, что сохраняют качество гласной и в других местоимениях парадигмы, см. выше). Кажется возможным, таким образом, восстановить в праязыковом местоимении гласную фонему *e. В банда она подверглась редукции до уровня шва, но *i/e* ещё обнаруживаются в западно-центральных диалектах, лангбаше и моно. В гбая, напротив, происходит переход в более широкую -ε.

Вопреки внешнему фонетическому сходству, формы гбайи *álénè* (инклюзив) и *álémē* (эксклюзив) не восходят к рассматриваемой нами гипотетической праформе **lI* (где *I* – некоторая переднерядная гласная фонема). Элемент *al-* здесь лишь маркирует плюралис в случае эксклюзивного местоимения от *mē* ‘я’. Ту же морфему видим в 2 л. мн. ч. *alé-mò* (от *mò* ‘ты’) и 3 л. мн. ч. *álà* (ср. якома *à* ‘он, она, оно (неод.)’). Плюральную морфему *al-* можно сравнить с *là-* в местоимении 3 л. мн. ч. ндунга *là-mé*, при 3 л. ед. ч. *mé*.

Необъяснённым в формах гбайи остаётся лишь элемент *-nè* в составе инклюзивного местоимения *álénè*. Впрочем, форма *nI* также является распространённой среди местоимений 1 л. мн. ч. целого ряда языков семьи. В частности, в языке бака видим инклюзивное местоимение *ni/?āni*, в занде и нзакара – местоимения 1 л. мн. ч. *āni*. Вполне вероятно, что *-nè* в гбайи может происходить и из некогда существовавшей формы 2 л. мн. ч., типологически это предположение весьма реалистично.

Другой распространённой моделью можно назвать *na/ŋa*, ср. монзombo *ná* (инклюзив), бака *ŋā* (эксклюзив), донго-ко *nà* (инклюзив), барамбу и памбия *ŋá/ŋā*.

Разброс значений предполагаемых праформ (инклюзивное, эксклюзивное или нейтральное), а также их ограниченное распространение в пределах каждой группы языков может означать лишь то, что на праязыковом уровне им невозможно приписать значения инклюзивности либо эксклюзивности. Ни в одной из групп, кроме банда, чёткого противопоставления праформ обоих этих значений мы не видим. Весьма вероятно, таким образом, что на уровне праязыка убанги категория расши-

ренного 1 л. ещё не функционировала; она развилась лишь в общем предке языков банда, а также была воспринята в результате ареальных контактов отдельными языками других групп. И действительно, четыре из пяти языков нашей выборки, находящихся вне группы банда и обладающих этой грамматической категорией (гбайи, монзомбо, донго-ко и геме) соседствуют с ареалом языка (нередко более крупного), также имеющего категорию кляузности: для гбайи это банда, для монзомбо – мбанджа, для донго-ко – различные центральносуданские языки, для геме – родственный язык нделе и центральносуданский язык лутос. Область языка бака в Камеруне и Габоне соприкасается с зонами распространения бантоидных языков с развитым дуалисом – макаа и конзиме.

Рассмотрим ряд других типов личных местоимений 1 л. мн. ч. в убангийских языках. В группе банда восстанавливается эксклюзивное местоимение $*\lambda\bar{a}$, где глоттальный играет протетическую роль. Однако краткость этой формы не позволяет выводить надёжные сравнения с формами других убангийских языков, в частности формами языков занде \dot{a} . Что касается глоттального элемента в местоимениях группы гбая, то здесь, как можно видеть, он также имеет чисто фонетическую функцию, устраняя вокалический анлаут. Такие примеры, как ЮЗ банда $\lambda\acute{s}$, якома $h\grave{e}/\lambda\grave{e}$, мба i , не позволяют надёжно определить их происхождение, но, судя по недостаточному распространению, могут являться инновациями. Среди вероятных новообразований – также местоимения мунду $kp\acute{a}r\bar{a}$ (субъект) и ма $\grave{e}p\acute{i}$ (с плюральным элементом $-pV$, ср. 2 л. мн. ч. $\acute{o}p\acute{i}$, 3 л. мн. ч. $i\grave{p}\grave{o}$).

В итоге единственной формой, претендующей на праязыковое происхождение по материалам сразу нескольких групп убангийских языков, остаётся не слишком надёжный вариант $*(V)te/*(V)ti$. Реконструкции некоторых промежуточных праформ приведены в нижеследующей Табл. 5.8.

Таблица 5.8

банда	$*(\dot{a})z\acute{e}$, $*z\acute{e}$ (инкл.), $*\lambda\bar{a}$ (экскл.)
гбая	$*(\lambda\acute{e})\lambda\acute{e}$
нгбака	$*\lambda a/*ni$
мба	$*na/*ni$?
сере	$*d\bar{i}$
занде	$*\dot{a}(ni)$
убанги	$*(V)te/*(V)ti$?

2 лицо множественного числа

Таблица 5.9

	субъект	объект	притяжат.	независ.
ЗЦ-дакпа (Б)	$\lambda\bar{e}$, ye , e	e	$y\acute{a}$	$\acute{e}y\acute{a}$, $\acute{e}\lambda y\acute{a}$
ЗЦ-уоджо (Б)	$\lambda\bar{e}$	$\lambda\bar{e}$		

	субъект	объект	притяжат.	независ.
лангбаше (Б)	<i>ʔē, ye, e</i>	<i>ʔē</i>		
бамбари (Б)	<i>yē</i>	<i>ʔē</i>	<i>ʔē</i>	<i>ʔēʔē</i>
мбанджа-мбанза (Б)	<i>ànzá</i>	<i>ànzá</i>		
ЮЦ-нгбугу (Б)	<i>ɲē</i>	<i>ɲē</i>	<i>ɲē</i>	<i>ɲēɲé</i>
нделе (Б)	<i>yē</i>	<i>yē</i>		
вара (Б)	<i>ʔē</i>	<i>ʔē</i>		
янгере (Б)	<i>ʔɪ</i>	<i>ʔɪ</i>		
моно (Б)	<i>ye, e</i>	<i>e</i>		
моно-били (Б)	<i>ʔē</i>	<i>ʔē</i>	<i>ēʔē</i>	<i>ʔē</i>
СЗ-кара (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>né</i>	<i>-né (но.), kéné (о.)</i>	<i>ʔéné</i>
СЗ-лаи (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>né</i>	<i>-né (но.), kéné (о.)</i>	<i>ʔéné</i>
ЮЗ-були (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>ʔéné</i>	<i>-ʔéné (но.), bèné (о.)</i>	<i>ʔéné</i>
ЮЗ-тоонго (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>ʔéné</i>	<i>-ʔéné (но.), bèné (о.)</i>	<i>ʔéné</i>
ЮЗ-биянда (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>ʔéné</i>	<i>-ʔéné (но.), pèné (о.)</i>	
мбодомо (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>ʔéné</i>	<i>-ʔéné (но.), vèné (о.)</i>	
бокото (Г)	<i>ʔéné, ʔóndó</i>	<i>né</i>	<i>né (но.), kéné (о.)</i>	
бозом (Г)	<i>yóʔó, yó</i>	<i>yóʔó (пр.), háyó (непр.)</i>	<i>-yóʔó (но.), kóyó (о.)</i>	
босангоа (Г)	<i>wí (имперф.), wí (перф.)</i>	<i>wí (пр.), háwí (непр.)</i>	<i>-wí/-i (но.), kɔ́i (о.)</i>	<i>wí</i>
гбану (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>né (пр.), héné (непр.)</i>	<i>né (но.), kéné/dàané/nèné (о.)</i>	
али (Г)	<i>ʔēnē</i>	<i>nē (пр.), ónē (непр.)</i>	<i>nē (но.), kéné/dānē (о.)</i>	
манза (Г)	<i>nē</i>	<i>nē (пр.), hánē (непр.)</i>	<i>nē (но.), kɔ́nē/dānē (о.)</i>	
нгбака (Г)	<i>nē</i>	<i>nē (пр.), hánē (непр.)</i>	<i>nē (но.), kɔ́nē/dānē/mónē (о.)</i>	
бофи (Г)	<i>ʔēnē</i>	<i>nē (пр.), hánē (непр.)</i>	<i>nènē (но.), kɔ́nènē (о.)</i>	
банганду (Г)	<i>ʔéné</i>	<i>ʔéné (пр.), hàʔéné (непр.)</i>	<i>móné</i>	
якома (Нд)	<i>hì, hí</i>			<i>hí</i>
гбайи (Нд)	<i>álémɔ̀</i>	<i>álémɔ̀</i>	<i>-lémɔ̀ (но.), -rímɔ̀ (о.)</i>	
мунду (Нк)	<i>yĩ</i>	<i>yĩ</i>	<i>yĩ</i>	<i>yĩ</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
нгбака-мабо (Нк)	<i>ʔī</i>			
монзомбо (Нк)	<i>ʔī</i>			
гбанзири (Нк)	<i>yī</i>			
бака (Нк)	<i>yī, ʔī</i>	<i>ŋī</i>		<i>ŋāyī</i>
майого (Нк)	<i>-yī</i>			
ндунга (М)	<i>ná</i>			
мба (М)	<i>ɲá</i>		<i>ɲa</i>	
донго-ко (М)	<i>dā</i>		<i>dā</i>	
ма (М)	<i>òpú</i>			
сере (С)	<i>rē</i>			
баи (С)	<i>dā</i>			
занде (З)	<i>ànì, ò(nì)-</i>	<i>rànì</i>	<i>-róni</i> (но.), <i>gòòni</i> (о.)	<i>òni</i>
барамбу (З)	<i>ɲí, yí-, yì-, yí-, -ɲì</i>	<i>-ɲi/-yì</i> (пр.), <i>ìrì/ ìrì/éri</i> (непр.)	<i>-íri/-éri/eri/-ri</i> (но.), <i>gyirì</i> (о.)	
памбия (З)	<i>i-, -ɲí, -ɲi</i>	<i>-ɲi</i>	<i>-li/ɲi</i> (но.), <i>ɛji/elyi</i> (о.)	
геме (З)	<i>hènè</i>			
нзакара (З)	<i>ʔénè, óni-, òni</i>		<i>-òní</i>	<i>òni, ènè</i>

В отсутствие дополнительной оппозиции между двойственными, эксклюзивными и инклюзивными формами, существенно расширяющей набор форм несингулярных местоимений 1 л., формы 2 л. мн. ч. в убангийских языках демонстрируют более высокую степень однородности.

Одной из моделей, подлежащей сравнению и распространённой сразу в нескольких группах языков семьи, является модель (V)nI/ɲI, содержащая гласную фонему переднего ряда, – в различных языках это *i*, *e* или *ɛ*. Формы, объединяемые данной моделью, распространены в языках групп банда, гбая и занде, и во всех трёх группах есть возможность вполне надёжно реконструировать их в качестве праформ. В группе банда западно- и южно-центральные диалекты (нгбугу, уоджо) сохранили местоимение *ɲē* с палатальной носовой согласной, в то время как в других языках группы она была ослаблена: *ɲ* > *y* (лангбаше, нгао) > ноль согласной (ЗЦ-дакпа, моно), с последующим добавлением эвфонической плоттальной *ʔ*-, характерной и для других местоимений парадигмы с вокалическим анлаутом (см. выше). В языке янгере происходит сужение *ē* > *ī*.

Диалекты группы занде показывают тот же разброс вариантов начальной согласной: в барамбу мы видим варианты местоимения *ɲi/ni* с переходом носо-

вой палатальной в глайд *yĩ*, затем с исчезновением назализации *yí/yì*. В памбиа диалектные формы варьируют между *ni* и *i*. Характерная для плюральных местоимений вокалическая префиксация отмечается в занде *ɛni*, геме *hènè* и диалектных вариантах нзакара *ʔénè/èné/òni*.

Данные языков гбая дают все основания поддержать гипотезу И. Моньино [Moñino 1995] о реконструкции праформ **ʔéné* в субъектной и **né* в объектной сериях. Отклонения от рефлексов этих праформ минимальны: форма языка босангоа *wi/wí* выглядит явным новообразованием, созданным под влиянием соседней формы парадигмы – местоимения 3 л. мн. ч. *wà/wá*. Представляется, что и формы языка бозом 2 л. мн. ч. *uóʔó* и 3 л. мн. ч. *wóʔó* стали результатом аналогического выравнивания.

Существует реальная возможность сравнить перечисленные данные с местоимениями языков нгбака, восходящими к праформе **yĩ*. Здесь ослабление начальной носовой до глайда, по-видимому, произошло уже на уровне праязыка группы, ср. дальнейшую её мутацию до глоттального приступа, к примеру, в монзомбо и бака. С этими же формами может быть сопоставлено местоимение 2 л. мн. ч. языка якома (группа нгбанди) *hi*, назализованная гласная которого служит свидетельством утраченного носового согласного звука.

По всей видимости, нет оснований с такой же вероятностью постулировать генетическое родство форм **nI/*ɲI* с *ná/ná/dã*, которые характеризуют группу языков мба. Эти последние, впрочем, легко сравнить с *dã* в баи (группа сере). Гипотетической общей праформой этих местоимений может быть *na*, так как развитие **na > na/da* типологически более оправданно и распространено, нежели обратное. А раз так, то происхождение *na* из **ni-a* также не выглядит невероятным, что уже позволяет сблизить формы групп мба и сере с праформой, рефлекс которой обсуждались выше.

В завершение обзора можно указать и ещё одну вероятную инновацию – форму гбайи *àlémɔ̀*, созданную, как это уже кратко упоминалось нами, соединением плюрального маркера *àlé-* и местоимения 2 л. ед. ч. *mɔ̀*.

Таким образом, мы реконструируем нижеследующие (Табл. 5.10) праязыковые местоимения 2 л. мн. ч. для групп языков убанги и праязыка семьи.

Таблица 5.10

банда	<i>*nē</i>
гбая	<i>*(ʔé)né</i>
нгбанди	якома <i>hi < *Ni</i>
нгбака	<i>*yĩ</i>
сере	<i>*dã ?</i>
занде	<i>*(V)ni</i>
убанги	<i>*(ε)ne/*(ε)ni</i>

Показатели 3 лица

В настоящем разделе будут рассмотрены личные показатели 3 л. обоих чисел в убангийских языках.

Выше уже упоминалось о нестабильности личных местоимений 3 л. в рассматриваемых языках. Беглого взгляда на сводную Табл. 5.11, содержащую данные по нескольким десяткам языков семьи, вполне достаточно, чтобы увидеть, что восстановление праязыковых форм возможно не выше чем на уровне отдельных подгрупп, но часто и этот уровень недоступен для реконструкции из-за широкого разброса вариантов, несводимых к единому предку.

Данная ситуация объясняется относительно поздним происхождением местоимений 3 л. по сравнению с их соседями по парадигме, что вполне нормально с точки зрения типологии языков мира (ср., например, обсуждения этого вопроса в обзорных монографиях [Helmbrecht 2004] или [Bhat 2005]). Какими бы ни были источники их происхождения (обычно это действительные единицы, имена существительные, а в НК языках – преимущественно аффиксы именных классов), процесс смены показателей 3 л. в языке проходит более интенсивно, чем показателей двух первых лиц, что видно и на примере индоевропейских языков, – так, если местоимения 1–2 л. в современных славянских, романских, германских, балтийских языках демонстрируют общее происхождение, то местоимения 3 лица обоих чисел несводимы к единому предку, а происходят из различных действительных морфем. Это обычно объясняют тем, что в индоевропейском праязыке личных местоимений 3 л. не существовало, в их функции выступали демонстративы [Beekes 1995: 207].

Схожая ситуация сегодня наблюдается в ряде НК языков Западной и Южной Африки, с той разницей, что источником происхождения показателей 3 л. выступают не демонстративы, а чаще именные классные аффиксы. В частности, в языках семей бенуэ-конго и ква показатели именных классов повсюду играют роль личных глагольных показателей 3 л. То же можно сказать о многих языках гур, атлантических языках. В убангийских языках личные показатели 3 л. являются составными элементами местоименных парадигм, поэтому мы должны рассмотреть их формы более подробно и попытаться охарактеризовать их происхождение там, где это возможно.

Местоимения 3 л. в убангийских языках отличны от других местоимений парадигмы ещё и тем, что обладают особыми грамматическими категориями: рода, личности и одушевлённости. В некоторых языках эти категории распространены только на формы единственного числа. Наиболее распространена оппозиция форм для обозначения одушевлённых – неодушевлённых референтов (в языках групп банда, гбая, нгбанди, мба). В языках мба и занде в сингулярисе проводится различие местоимений для обозначений мужчин и женщин, то есть функционирует категория грамматического рода, весьма нехарактерная для НК языков. Наконец, в ряде языков занде существуют особые формы показателей 3 л. ед. ч. для обозначения животных, то есть противопоставляются четыре формы по категориям рода, одушевлённости и личности, ср. местоимения 3 л. ед. ч. занде *kó* (лица м. р.),

ri (лица ж. р.), *(h)ò/(h)ù* (животные), *si/ti* (неодушевлённые предметы). При отсутствии в занде именных классов подсистема личных местоимений 3 л. может рассматриваться как один из возможных её рудиментов, наравне с другими следами именной классификации [Tucker 1959: 117–121]. Однако значительно более вероятно, что указанные значения всё же являются инновацией: родовые противопоставления для региона крайне нехарактерны, а возможные этимологии из именных основ [Claudi 1985] заставляют предположить относительно недавнее происхождение местоимений 3 л. в занде. Отчётливо видно, что они не обладают генетическим родством с указательными местоимениями.

Несубъектные местоимения 3 л. так же, как и местоимения других лиц, различаются по категории отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности.

В Табл. 5.11 представлены местоимения 3 л. ед. ч.

Таблица 5.11

	субъект	объект	притяжат.	независ.
мбрес-бука (Б)	<i>cè</i>	<i>cè</i>		
мбрес-мбере (Б)	<i>sè</i>	<i>sè</i>		
мбрес-сабанга (Б)	<i>fè</i>	<i>fè</i>		
ЗЦ-дакпа (Б)	<i>ca, cē</i> (од.), <i>à</i> (неод.)	<i>cā</i>	<i>cā</i>	<i>ècā</i>
ЗЦ-гби (Б)	<i>fè</i>	<i>fè</i>		
ЗЦ-гбага (Б)	<i>cè</i>	<i>cè</i>		
банда-гбага (Б)	<i>fè</i>	<i>fè</i>		
банда-хай (Б)	<i>cè</i>	<i>cè</i>		
ЮЦ (Б)	<i>cè</i> (од.), <i>ā</i> (неод.)	<i>cè</i> (од.)	<i>yé/nā</i> (од.)	<i>cècē</i> (од.)
лангбаше (Б)	<i>cè</i>	<i>cè</i>		
бамбари (Б)	<i>cè</i> (од.), <i>á</i> (неод.)	<i>cè</i> (од.), <i>nà/tánà</i> (неод.)	<i>nà</i>	<i>tánà</i>
мбанджа (Б)	<i>ca</i>	<i>ca</i>		
нделе (Б)	<i>sà</i>	<i>sà</i>		
вара (Б)	<i>cà</i>	<i>cà</i>		
ср.-юж. (Б)	<i>cè</i>	<i>cè</i>		
янгере (Б)	<i>cè</i>	<i>cè</i>		
моно (Б)	<i>čà</i> (од.), <i>à/átánà</i> (неод.)	<i>fè</i> (од.), <i>nà/tánà</i> (неод.)	<i>jē</i> (од.), <i>nà</i> (неод.)	<i>èfè</i> (од.)
СЗ-кара (Г)	<i>ɔà, ɔã</i>	<i>-ã, -à</i>	<i>-ã/-à</i> (но.), <i>kɔã</i> (о.)	<i>ɔà, ɔã</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
СЗ-лаи (Г)	<i>ʔà</i>	<i>ʔà</i>	<i>-ʔà</i> (но.), <i>kʔà</i> (о.)	<i>ʔà</i>
ЮЗ-були (Г)	<i>ʔà/wènè</i> (од.), <i>yò</i> (неод.)	<i>wènè</i> (од.), <i>yò</i> (неод.)	<i>-à</i> (inal. anim.), <i>pɛ̀áà</i> (al. anim.)	<i>ʔà/wènè</i> (од.), <i>yò</i> (неод.)
ЮЗ-тоонго (Г)	<i>ʔà</i>	<i>ʔà</i>	<i>-ʔà</i> (но.), <i>bʔáà</i> (о.)	<i>ʔà</i>
ЮЗ-биянда (Г)	<i>ʔà, wènè</i>	<i>wènè</i>	<i>-à</i> (но.), <i>pɛ̀á</i> (о.)	
мбодомо (Г)	<i>ʔà/à</i> (топ.), <i>wènè</i>	<i>wènè</i>	<i>-nè</i> (но.), <i>wáà</i> (о.)	
бокото (Г)	<i>ʔǎ</i>	<i>ʔǎ</i>	<i>-ǎ</i> (но.), <i>kʔǎ</i> (о.)	
бозом (Г)	<i>ʔǎ, má</i>	<i>ʔǎ</i> (пр.), <i>háǎ</i> (непр.)	<i>-ʔǎ</i> (но.), <i>káǎ</i> (о.)	
босангоа (Г)	<i>ʔǎ</i>	<i>ʔǎ</i> (пр.), <i>háǎ</i> (непр.)	<i>-ǎ</i> (но.), <i>káǎ</i> (о.)	<i>ʔǎ</i>
гбану (Г)	<i>ʔǎ</i>	<i>-ǎ</i> (пр.), <i>háǎ</i> (непр.)	<i>-ǎ</i> (но.), <i>káǎ/</i> <i>dákáǎ/nǎǎ</i> (о.)	
али (Г)	<i>yà</i>	<i>yà</i>	<i>yà</i> (но.), <i>kíyà/dǎà</i> (о.)	
манза (Г)	<i>ʔà</i> (од.), <i>má</i> (неод.)	<i>-à</i> (од.) / <i>má</i> (неод.), <i>háǎ</i> (непр.)	<i>-à</i> (од.) / <i>má</i> (неод.) (но.), <i>kʔǎ/dǎà</i> (о.)	
нгбака (Г)	<i>ʔà</i> (од.), <i>má</i> (неод.)	<i>-à</i> (од.) / <i>má</i> (неод.), <i>háǎ</i> (непр.)	<i>-à</i> (од.) / <i>má</i> (неод.) (но.), <i>mʔà/kʔǎ/</i> <i>dǎà</i> (о.)	
бофи (Г)	<i>wènè</i>	<i>-à</i> (пр.), <i>há</i> (непр.)	<i>ʔà</i> (но.), <i>kʔà</i> (о.)	
банганду (Г)	\emptyset	<i>ʔà</i> (пр.), <i>háʔà</i> (непр.)	<i>wà</i>	
якома (Нд)	<i>lò</i> (од.), <i>lò</i> (anim. fut.), <i>à/á</i> (неод.)			<i>lò</i> (од.), <i>ǎí</i> (неод.)
гбайи (Нд)	<i>wō</i> (од.)	<i>wō</i> (од.)	<i>-ø</i> (но.), <i>-ri-ø</i> (о.)	
мунду (Нк)	\emptyset , <i>áá, á, ʔá, é, ó</i>	<i>nē, nā, ā, dī</i>	<i>nē, nā, ā, dī</i>	<i>(é)yē</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
нгбака-мабо (Нк)	<i>ʔé</i>			
монзомбо (Нк)	<i>ʔé, ʔé, ʔá</i>			
гбанзири (Нк)	<i>ʔá, á, yé</i>			
бака (Нк)	<i>ʔé</i>			<i>ɲé, yíè</i>
майого (Нк)	<i>-ní</i>			
ндунга (М)	<i>mɛ, mé</i>	<i>mɛ</i>		
мба (М)	<i>ndè (м.), bí (ж., жив.)</i>		<i>-e</i>	
донго-ко (М)	<i>za/zé (од.), wé (неод.)</i>	<i>za/zé (од.), wé (неод.)</i>	<i>za/zé (од.), wé (неод.)</i>	
ма (М)	<i>kó (м.), ó (ж.), ndé (неод.)</i>			
сере (С)	<i>ní</i>			
баи (С)	<i>ní</i>			
занде (З)	<i>kó-/kō (м.), rí-/rī (ж.), ò (од.)</i>	<i>-kò (м.), -rì (ж.), -rò (жив.), -hè/-hà/ní (неод.)</i>	<i>-yò (лич.), -rami/ì (жив.) (но.); gàkò/gàri/ gāó (о.)</i>	<i>kó (м.), rí (ж.), (h)ò/ (h)ù (жив.), sí/tí (неод.)</i>
барамбу (З)	<i>kú (м.), né (ж.)</i>	<i>-kò (м.)</i>		
памбия (З)	<i>ko (м.), ne (ж.)</i>		<i>-ko (м.), -ne (ж.), -mba (жив.)</i>	<i>águnɛ (лич.), mba (жив.)</i>
геме (З)	<i>kō (м.), àlé (ж.)</i>			
нзакара (З)	<i>kó-, kò</i>	<i>-kó (од.), -sé (неод.)</i>	<i>-áko</i>	<i>kó (лич.), ò (жив.), sí/tí (неод.)</i>

В языках банда прослеживается возможность реконструкции единой праформы местоимений 3 л. ед. ч., которую уместно обозначить как *Cè, с некоторой исходной щелевой фонемой, реализуемой в различных языках как с [tʃ], f или s. Хорошо видно, что исходное значение этой формы – одушевлённое: в тех языках, где функционирует категория одушевлённости, с её помощью обозначаются лица и животные. Напрашивается сравнение *Cè с местоимением донго-ко (группа мба) *za/zé*, также используемым для обозначения только одушевлённых референтов.

Неодушевлённые существительные в банда маркируются формами, происходящими из *a. Это последнее, возможно, соответствует *a в языке якома (группа нгбанди). В языках гбая местоимение *ʔá (по мнению И. Моньино [Monino 1995]

с изначальной назализацией гласного, т. е. $*\text{ʔ}\grave{\text{a}}$), которое можно формально сравнить с указанным $*a$ в банда и якома (с добавлением глоттальной смычки, устраняющей вокалический анлаут), напротив, обозначает одушевленных референтов, в то время как для обозначения предметов используются местоимения yo (юго-западные диалекты), ma (манза и нгбака).

В языках гбая реконструируется ещё одна форма одушевленного местоимения, которую можно обозначить как $*w\grave{\text{e}}n\grave{\text{e}}$. Её грамматические отличия от $*\text{ʔ}\grave{\text{a}}$ указывают, по всей видимости, на объектное употребление (ср. противопоставление в западно-центральных диалектах и мбодомо). Однако в бофи эта форма полностью вытеснила субъектное местоимение, в мбодомо употребляется в качестве немаркированного субъектного показателя, в то время как $*\text{ʔ}\grave{\text{a}}$ имеет оттенок значения топикализации.

Вокалические показатели характерны также для языков группы нгбака, где можно реконструировать формы $*\text{ʔ}\acute{\text{e}}/\text{ʔ}\acute{\text{a}}$ с высоким тоном. Глоттальная фонема здесь происходит из более раннего $*y$ -, сохраняющегося в гбанзири, а также в независимых местоимениях мунду и бака.

Легко восстанавливаются по крайней мере две формы местоимений 3 л. ед. ч. для языков занде, это $*ko$ для лиц мужского пола и, по всей вероятности, $*ne/*ni$ для лиц женского пола – к этой форме могут восходить $ri/r\bar{i}$ в занде и $\grave{\text{a}}\text{-l}\acute{\text{e}}$ в геме. Единственная параллель к одной из этих форм, лежащая вне группы занде, – местоимение мужского рода $k\acute{o}$ в мба. Оно, впрочем, может являться и заимствованием, исходя из возможности миграции носителей мба на юг из северной ДР Конго, где они неизбежно должны были контактировать с языками занде. Кроме того, следует иметь в виду и данные внешнего сравнения: формы показателей 3 л. ед. ч. модели КО обнаруживаются и в других НК языках, см. об этом ниже, в Главе 10.

В итоге мы можем реконструировать несколько праформ на уровне групп языков (Табл. 5.12), однако восстановить местоимение 3 л. ед. ч. убангийского праязыка по имеющимся данным не в состоянии.

Таблица 5.12

банда	$*C\grave{\text{e}}/*C\grave{\text{a}}$ (одуш.), $*a$ (неодуш.)
гбая	$*\text{ʔ}\grave{\text{a}}/\text{ʔ}\grave{\text{a}}$, $*w\grave{\text{e}}n\grave{\text{e}}$ (одуш.)
нгбака	$*\text{ʔ}\acute{\text{e}}/*\text{ʔ}\acute{\text{a}}$
сере	$*ni$
занде	$*k\acute{o}$ (м. р.), $*n\acute{\text{e}}/*n\acute{\text{i}}$ (ж. р.)

В формах 3 л. мн. ч. (Табл. 5.13) также наблюдается значительное расхождение лексем по группам языков, несмотря на то что на уровне групп (т. е., по-видимому, на уровне около 1000–2000 лет назад) праформы восстанавливаются подчас довольно легко.

Таблица 5.13

	субъект	объект	притяжат.	независ.
мбрес (Б)	<i>ànjē</i>	<i>ànjē</i>		
мбрес-сабанга (Б)	<i>ənjē</i>	<i>ənjē</i>		
ЗЦ (Б)	<i>ànjē</i>	<i>ànjē</i>	<i>njá</i>	<i>ànjē</i>
банда (Б)	<i>ənjē</i>	<i>ənjē</i>		
ЮЦ (Б)	<i>ànjé, ànjē</i>	<i>ànjé</i>	<i>ànjé, ànjē</i>	<i>ànjēnjé</i>
лангбаше (Б)	<i>ànjē</i>	<i>ànjē</i>		
бамбари (Б)	<i>ənjē</i>	<i>ənjē</i>	<i>-ənjē</i>	<i>ənjē</i>
мбанджа (Б)	<i>ànjá</i>	<i>ànjá</i>		
нделе (Б)	<i>ənjē</i>	<i>ənjē</i>		
вара (Б)	<i>ənjē</i>	<i>ənjē</i>		
ср.-юж. (Б)	<i>ənjē</i>	<i>ənjē</i>		
янгере (Б)	<i>ènjē</i>	<i>ènjē</i>	<i>ènjē</i>	<i>ènjē</i>
СЗ (Г)	<i>wà</i>	<i>wà</i>	<i>-wà</i> (но.), <i>kɔwà</i> (о.)	<i>wà</i>
ЮЗ-були (Г)	<i>mbúà</i>	<i>mbúà</i>	<i>-mbúà</i> (но.), <i>pɛmbúà</i> (о.)	
ЮЗ-биянда (Г)	<i>mbúà</i>	<i>mbúà</i>	<i>-mbúà</i> (но.), <i>pɛmbúà</i> (о.)	
ЮЗ-тоонго (Г)	<i>wà</i>	<i>wà</i>	<i>-wà</i> (но.), <i>bùwáà</i> (о.)	<i>wà</i>
мбодомо (Г)	<i>wà</i>	<i>wà, wá</i>	<i>-wà/-wá</i> (но.), <i>mɔwà/mùà</i> (о.)	
бокото (Г)	<i>wò</i>	<i>wò</i>	<i>wò</i> (но.), <i>kɔwò</i> (о.)	
бозом (Г)	<i>wóɔ̀, mbó</i>	<i>wóɔ̀</i> (пр.), <i>háɔ̀</i> (непр.)	<i>-ɔ̀</i> (но.), <i>kóɔ̀</i> (о.)	
босангоа (Г)	<i>wà</i> (imperf.), <i>wá</i> (perf.)	<i>wà</i> (пр.), <i>háwà</i> (непр.)	<i>-ɔ̀</i> (но.), <i>kɔwà</i> (о.)	<i>wà</i>
гбану (Г)	<i>wɔ̀</i>	<i>wɔ̀</i> (пр.), <i>hɔ̀wɔ̀</i> (непр.)	<i>wɔ̀</i> (но.), <i>kɔwɔ̀/</i> <i>dãáwɔ̀/ndòwɔ̀</i> (о.)	
али (Г)	<i>wà</i>	<i>wà</i>	<i>wà</i> (но.), <i>kɔwà/dãwà</i> (о.)	
манза (Г)	<i>wà</i>	<i>wà</i> (пр.), <i>háwà</i> (непр.)	<i>wà</i> (но.), <i>kɔ̀wà/dãwà</i> (о.)	
нгбака (Г)	<i>wà</i>	<i>wà</i> (пр.), <i>háwà</i> (непр.)	<i>wà</i> (но.), <i>kɔ̀wà/dãwà/</i> <i>mɔ̀wà</i> (о.)	

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бофи (Г)	yà	yà (пр.), hāyá (непр.)	ndiyá, kóndiyá (о.)	
банганду (Г)	yówà	yówà (пр.), háyówà (непр.)	yówà	
якома (Нд)	ʔálà, álà			álà
гбайи (Нд)	álà	álà	-álà (но.), -r(i)álà (о.)	
мунду (Нк)	∅, wó, é, ó	(é)wō, ū	(é)wō, ū	
нгбака-мабо (Нк)	ʔó			
монзомбо (Нк)	wō, ǒ			
гбанзири (Нк)	wó			
бака (Нк)	wó	-ó		ɲó
майого (Нк)	-húò			
ндунга (М)	làmé		làmé	
мба (М)	bɛ, bɛ́			
донго-ко (М)	zù (од.), yé (неод.)	zù (од.), yé (неод.)	zù (од.), yé (неод.)	
ма (М)	ípò (од.), ndiró (неод.)			
сере (С)	ndí			
баи (С)	ndí			
занде (З)	í(ò)-yó (лич.), ámí (жив.), sí (неод.)	(y)là, -yò (лич.), -rà (жив.), é (неод.)	-yò (лич.), -ramí (жив.) (но.); gâyò/gáamí (о.)	íi, íò, yó (лич.), àmí (жив.), sí/tí (неод.)
барамбу (З)	áká (лич.), ámhá (жив.)	-akà (лич.)	-ákà/-ako (лич.), -ámhá/ambo (жив.)	
памбия (З)	ako		-ako (лич.), -amba (жив.)	
геме (З)	yē			
нзакара (З)	àkó-, àkō	-àkò (лич.), -a(r)a (жив.)	-àko	àkó (лич.), à (жив.), sí/ tí (неод.)

В языках убанги существует общая тенденция формировать формы плюралиса 3 л. префиксацией к соответствующим формам сингулариса:

нзакара (группа занде)	<i>kó-</i> ‘он’ – <i>àkó-</i> ‘они’;
якома (группа нгбанди)	<i>lò</i> ‘он, она’ – <i>àlà</i> ‘они’;
ндунга (группа мба)	<i>mé</i> ‘он, она’ – <i>làmé</i> ‘они’;
ЮЦ-були (группа гбая)	<i>ʔà</i> ‘он, она’ – <i>mbúá</i> ‘они’, и др.

Исходя из этой закономерности, можно проецировать происхождение формы праязыка банда **anjē* из местоимения 3 л. ед. ч. **Cè/*Cà* с добавлением некоторого префикса **àn-* или *à-*, приведшего к озвончению интервокальной согласной. На это же указывает и на одинаковый характер финальной гласной в формах единственного и множественного числа, так, в мбанджа это *-a*, в мбрес *-e* и т. д.

Соответственно, для группы гбая плюрализирующей морфемой является **mbu-*, в большинстве диалектов редуцированной до **w-*. То, что местоимения 3 л. мн. ч. *mbúà* и *wà* в разных языках группы происходят из единого источника, подтверждается не только их фонетическим сходством, но и тем, что в языках гбая они находятся в дополнительной дистрибуции, то есть никогда не встречаются вместе в одном языке. Гласная демонстрирует низкий тон, характерный для неё и в местоимении 3 л. ед. ч. Не очень понятно, как в этом случае объяснить огласовку *-o* в таких языках, как бокото; однако возможно, что она явилась следствием сдвига ряда гласной под влиянием лабиального глайда, т. е. **mbw-à > wò*. Весьма вероятно, что форма *uà* в бофи является палатализованным вариантом той же исходной формы.

Языки нгбанди демонстрируют местоимение **àlà*, о происхождении которого из формы 3 л. ед. ч. уже говорилось выше. Из языка якома это же местоимение попало в креольский язык долины р. Убанги – санго.

В языках нгбака наиболее распространённым является местоимение *wó* или *ó*. Имеется ли общность происхождения между этой формой и упоминавшимся чуть выше местоимением гбая **wà*, неясно. Стоит, однако, отметить здесь, что в других НК языках Западной и Южной Африки (семьи бенуэ-конго, ква, гур, атлантичские) в качестве местоимения 3 л. мн. ч. лиц наиболее употребительным является именной классный префикс **bV-* (например, банту **ba-*, ква *be, ba, bo*, гур *ba, bl*, сенуфо *pe*). Рефлексы этого показателя, возводимого к НК уровню, в ряде языков принимают и форму с утратой губной смычки, например в языках ква: эве *wó*, акан *wɔ-/wo-/wa-*, абуре *ve*; в языках гур: лама *wa*, лоби *wɔ* и пр. Другим возможным соответствием в этом ряду является местоимение 3 л. мн. ч. *be/bé* в языке мба. Любопытно было бы сопоставить с этими формами и местоимения 3 л. ед. ч. убангийских языков, что стало бы одним из подтверждений существования в последних реликтов НК системы именных классов. Однако данный вопрос, пожалуй, требует разбора с учётом и других характеристик именной системы, а потому заслуживает отдельной большой работы.

В языках мба общий предок местоименных форм 3 л. мн. ч. не восстанавливается. Форма ндунга является однокоренной с местоимением 3 л. ед. ч., оба одушевлённых местоимения 3 л. (*zé* и *zù*) генетически связаны и в донго-ко.

Языки занде для обозначения референтов-лиц используют местоимение *ako/aka*, образованное от соответствующей формы 3 л. ед. ч. с помощью вокали-

ческого префикса. Однако в языке занде оно отсутствует (хотя в наличии форма 3 л. ед. ч. *ko*). Для праязыка занде можно реконструировать форму **ako/*aka*. Её поверхностная тональная структура уже в праязыке видоизменялась в зависимости от грамматического значения и лексического тона предиката. Для неодушевлённых референтов реконструируется форма праязыка занде-нзакара **si/*ti*; данных по другим языкам группы недостаточно.

Что же касается языков сере, то здесь общей праформой по материалам языков сере и баи является **ndí*, также генетически родственная либо испытывавшая влияние аналогии с формой 3 л. ед. ч. *ní*.

В Табл. 5.14 видно, что в большинстве групп семьи существует формальная корреляция между местоимениями 3 л. обоих чисел. Эта схожесть может быть результатом как парадигматического выравнивания (например, в сере), так и общего генетического происхождения. Генезис местоимений обоих чисел от единой лексемы – явление, нехарактерное для местоимений 1–2 л. в убангийских языках. То, что оно значительно ярче проявляет себя именно в 3 л., является ещё одним подтверждением особого происхождения форм, обозначающих нелокатора, и, возможно, происхождения более позднего, нежели местоимений 1–2 л.

Таблица 5.14

	3 л. ед. ч.	3 л. мн. ч.
банда	<i>*Cè/*Cà</i> (од.), <i>*a</i> (неод.)	<i>*ànjē</i>
гбая	<i>*ʔà/*ʔǎ, *wènè</i> (од.)	<i>*wà < *mbú-à ?</i>
нгбанди	якома <i>a</i> (неод.)	<i>*álà</i>
нгбака	<i>*ʔé/*ʔá</i>	<i>*wó</i>
сере	<i>*ní</i>	<i>*ndí</i>
занде	<i>*kó</i> (м.), <i>*né/*ní</i> (ж.)	<i>*ako/*aka</i> (лич.), <i>*sí</i> (неод.)

Проведённый в настоящем исследовании анализ, хотя и является в своём роде первым, включающим обзор данных по большинству языков убангийской семьи, не может претендовать на безусловную корректность. К сожалению, по многим языкам мы не располагаем надёжными морфологическими и лексическими данными, позволившими бы нам находить подтверждения регулярности для устанавливаемых фонетических соответствий между местоименными формами. Это задача тем более сложная, что местоимения подчас демонстрируют весьма нетривиальные фонологические процессы, параллели которым можно обнаружить лишь в других парадигматических системах грамматики (например, в системе именных классов), но не среди полнозначных лексем. При отсутствии исчерпывающих данных такое сравнение во многих случаях пока недоступно, а сделанные выводы временами вынуждено имеют предварительный, гипотетический характер. В связи с изложенным, в предлагаемой реконструкции мы стремились к макси-

мальной экономичности в постулировании праязыковых форм и строгому соблюдению принципа ступенчатой реконструкции. Мы рисуем первый контур гипотезы и наносим бережную штриховку научного доказательства. Однако можно считать бесспорным, что по мере обретения наукой новых данных о различных языках и диалектах убангийской семьи, а также соседних с ними языках ареала предложенная картина праязыка будет неизбежно уточняться и корректироваться.

Формы личных местоимений праязыка убанги приведены в Табл. 5.15. Для удобства анализа здесь же приведены формы промежуточных праязыков групп.

Таблица 5.15

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
банда	*mā	*mò (субъект), *zə (объект)	*Cè/*Cà (од.), *a (неод.)	*(à)zè (и.), *ɔā (э.)	*jē	*ànjē < *àn-Cè ?
гбая	*mí	*mé	*à/*wènè (од.)	*(ɔé)lé	*(ɔé)né	*wà < *mbú-à ?
нгбанди	*mī	*mɔ	якома a (неод.)		якома hĩ < *Ni	*álà
нгбака	*mā	*mò/*mù	*ɔé/*ɔá	*ja/*ni	*yī	*wó
мба	nV/mi	*mò/*mú ?	kó (м.)	*na/*ni ?	na/ja/dá	bɛ/zù (од.)
сере	yē/nē	wō/hō	*ní	*dī	*dā ?	*ndí
занде	*mì	*mɔ	*kó (м.), *né/*ní (ж.)	*à(ni)	*(V)ni	*ako/*aka (лич.), *sí (неод.)
убанги	*mi	*mɔ		*(V)te/*(V)ti	*(ɛ)ne/*(ɛ)ni	

Данные Табл. 5.15 позволяют высказать несколько соображений как о надёжности реконструкции отдельных праформ, так и о внутренней генеалогической классификации языков убангийской семьи.

Хорошо видно, что языки групп сере и мба менее других отражают предложенную праязыковую парадигму. В частности, только эти две группы не имеют рефлексов убангийских местоимений 1 л. ед. ч. И мба, и сере демонстрируют лишь по одному соответствию реконструированной системе, что делает их положение в составе семьи убанги несколько шатким. Это особенно чётко просматривается в сравнении с такими языками, как банда, гбая, нгбака и занде, которые, хотя и значительным образом разобщены с географической точки зрения, сохранили между собой надёжные парадигматические соответствия. Чрезвычайно близки – вплоть до картины тонов – парадигмы, например, западно-центральных диалектов банда и языка монзомбо (группа нгбака), расположенных в различных регионах ЦАР (Табл. 5.16).

Таблица 5.16

	1ед.	2ед.	1мн.	2мн.
ЗЦ банда	<i>m̄</i>	<i>mò</i>	<i>ʔà</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ʔē</i>
МОНЗОМБО	<i>mā</i>	<i>mò̇</i>	<i>ná</i> (и.), <i>ʔā</i> (э.)	<i>ʔī</i>

Языки указанных четырёх групп (гбая, банда, нгбака и занде) составляют, согласно получившейся картине, ядро убангийской семьи, в то время как группы сере и мба по своим характерным отличиям характеризуются как периферийные. Этой характеристике соответствует и географическое положение данных языков в ареале, занятом носителями языков убанги – на крайнем северо-западе и юго-западе, соответственно. Безусловно, можно было бы предположить, что трансформация местоименной системы происходила в указанных группах языков под сильным влиянием иноязычного окружения (языки банту, центральносуданские, возможно, субстратные языки пигмейского населения). Однако те формы, которые выглядят несопоставимыми с убангийскими, как раз не имеют параллелей в языках, контактирующих с сере и мба. Нет достаточных оснований и считать языки сере и мба выпадающими из состава убангийской семьи: лексические и морфосинтаксические данные, рассмотренные в различных работах (обзор см. [Boyd 1989]), подтверждают значительные сходства между сере и мба, с одной стороны, и другими убангийскими языками, с другой. Этот вывод подкрепляется и рядом местоименных изоглосс, заметных в вышеприведённой Табл. 5.15, в частности форма местоимения 1 л. мн. ч. **dī* в сере надёжно соответствует праязыковой реконструкции. Форма типа *ni* в 1 л. мн. ч. языка мба также может относиться к тому же источнику, а назализация этой формы может рассматриваться как общая изоглосса языков нгбанди (якома инкл. *álé-nè*), занде (занде *à-ni/rà-ni*) и нгбака (мунду *nī*, бака инкл. *nī*).

Не подлежит сомнению, как видно из работы [Pasch 1986], и общее происхождение различных языков мба, демонстрирующих весьма значительные расхождения в парадигмах местоимений. И тем не менее данные анализа местоименной системы заставляют более пристально рассмотреть генетические и ареальные связи языков сере и мба.

Для убангийских языков наиболее стабильными членами парадигмы являются формы сингулариса первых двух лиц. Здесь мы видим минимальное количество расхождений и незначительное число инноваций по отдельным языкам. Что касается форм 1 л. мн. ч., то на пёстрый состав засвидетельствованных морфем повлияло формирование категории расширенного 1 л., произошедшее, как можно видеть, уже после распада праязыка или по крайней мере в его отдельных диалектах, – наиболее последовательно данная категория проявляется в банда. При этом можно видеть, что исходное праязыковое местоимение 1 л. мн. ч. в этом случае получало инклюзивное значение; что же касается форм местоимений эксклюзива, они нередко создавались как деривативы от соответствующих форм 1 л. ед. ч. (как в якома).

Местоимения 3 л. не сводятся в убанги к общему праязыковому источнику. Весьма вероятно, что морфемы, играющие ныне роль личных местоимений в современных языках, в праязыке выполняли иные функции: для некоторых из них (например, в языке мба) можно проследить формальный и функциональный параллелизм с показателями именных классов. Образование плюральных местоимений 3 л. демонстрирует тенденцию к агглютинации, а именно к префиксации плюрального маркера к местоимению 3 л. ед. ч. Такой маркер в тех же языках часто играет роль регулярного показателя именной множественности, например в языках занде в обеих целях используется префикс *a-* (знакара *gbéngé* ‘вождь’ – мн. ч. *agbéngé*; *kó* ‘он’ – *àkó* ‘они’).

Вопрос о происхождении убангийских местоимений в НК перспективе заслуживает особого внимания в свете уже упоминавшихся сомнений ряда лингвистов в принадлежности языков убанги к НК макросемье. Местоименные парадигмы представляют довольно убедительные подтверждения генетического родства между убангийскими и другими языками макросемьи. Помимо несомненно НК местоимения 1 л. ед. ч. **mi*, такие подтверждения можно найти и во всех прочих формах. Как уже было замечено в статье [Williamson, Blench 2000: 28], местоимение 2 л. ед. ч. **mo* позволяет сравнить убангийские языки с языками сенуфо, некоторыми атлантическими, рядом языков семьи гур. Местоимение 1 л. мн. ч. **(V)te/*(V)ti* вполне соответствует целому ряду праформ, реконструируемых для различных семей языков нигер-конго, как уже упоминалось выше, это гур **iI*, бенуэ-конго **ce*, а также формам отдельных языков других семей, в частности атлантических (см. Главу 8). Во 2 л. мн. ч. также существует вполне прозрачное соответствие между убангийскими местоимениями из **(ε)ne/*(ε)ni* и праформами гур **nI*, ква **(V)ne*, бенуэ-конго **ne/*ni*. В то же время языки семей, не входящих в состав НК, с которыми соседствуют убангийские языки, нигде не демонстрируют формально схожих парадигм личных местоимений (см. об этом также в Главе 10).

В заключение стоит отметить, что осуществлённый выше анализ выявил некоторые расхождения с примерной реконструкцией местоимений праязыка адамауа-убанги, предложенной Р. Бойдом в работе [Boyd 1989] (Табл. 5.17).

Таблица 5.17

	1 ед.	2 ед.	1 мн.	2 мн.
[Boyd 1989]	<i>*mi/*ma</i>	<i>*mo</i>	<i>*-a(n)</i>	<i>*n(i)/*i(n)</i>

В частности, языки убанги никак не позволяют постулировать праязыковую форму местоимения 1 л. мн. ч. **-an*; что же касается укороченной формы **a* (действительно имеющейся в языках гбая и банда в виде *a/?a*), то на её реконструкцию существует ограничение грамматического значения, о чём уже говорилось выше.

В отличие от неаргументированных праформ, предложенных Бойдом, реконструкция праязыковых форм гбая, проведённая И. Моньино [Moñino 1995], пред-

ставляется всецело обоснованной и результатами настоящего исследования подтверждается.

§ 2. Личные показатели в языках адамауа

По-видимому, никакая из семей НК языков не изучена на сегодняшний день столь слабо, как семья языков адамауа. В её состав включены разноструктурные языки, рассеянные небольшими островами по поверхности плато Адамауа, на территории четырёх стран Западной и Центральной Африки – северо-восточной Нигерии, северного Камеруна, южных районов Чада и северо-западных районов Центральноафриканской Республики (ЦАР). На сегодняшний день каталог *Ethnologue* [Lewis 2009] насчитывает 88 языков адамауа, но почти все они могут быть названы малыми: общее количество носителей, по-видимому, не превышает полутора-двух миллионов человек.

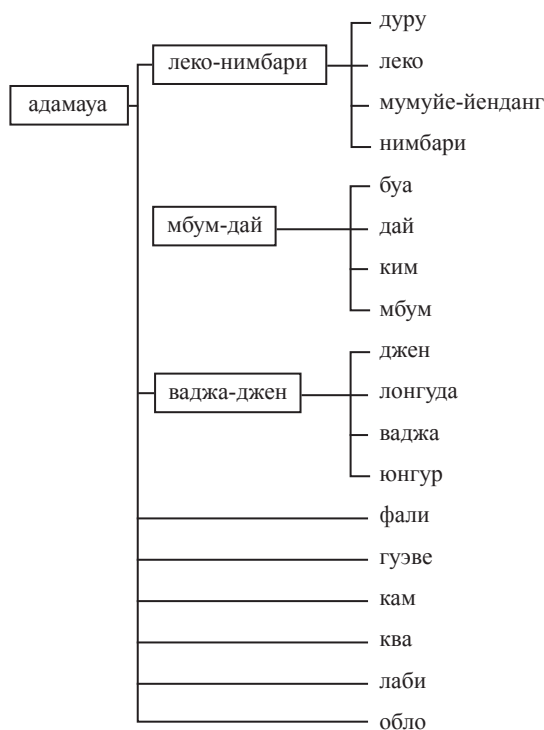
Объединение языков адамауа в один таксон произошло с лёгкой руки Дж. Гринберга, который предложил считать «адамауа-восточные языки» (включающие также рассмотренную выше семью убанги) одной из первичных ветвей НК макро-семьи. Однако даже метод «массового сравнения» Гринберга не позволил выделить в составе языков адамауа крупных ветвей – его классификация выглядит весьма странно, распределяя языки семьи между четырнадцатью (!) группами единого таксономического уровня. Лексикостатистические подсчёты, проводившиеся затем в 60-е и 70-е годы XX в., по мере получения новой информации о языках адамауа от полевых исследователей, могли лишь констатировать весьма малый процент схождений между данными группами [Bennett 1983]. Позже Р. Бойд [Boyd 1989] попробовал «навести порядок» в классификации языков адамауа, предложив выделение трёх крупных ветвей: леко-нимбари (включающую группы дуру в Нигерии, мумуйе-йенданг в Нигерии, леко на границе Нигерии и Камеруна и язык нимбари в Камеруне), мбум-дай (группы буа и ким в Чаде, мбум в Камеруне и ЦАР, а также язык дай в Чаде) и ваджа-джен (группы ваджа, джен и юнгур, все на территории восточной Нигерии). Несколько языков, о большинстве из которых не было на момент подготовки статьи Бойда почти никакой информации, были объявлены изолятами (Диаграмма 5.2).

Впоследствии эта классификация, принятая в африканском языкознании по сей день, уточнялась, причём отдельные языки переносились из одной группы в другую или выделялись в особые ветви, нередко на основании лишь одной-двух изоглосс.

Внешняя классификация языков адамауа также подвергалась ревизии. Постулированное Гринбергом родство между ними и убангийскими языками очень скоро было поставлено под сомнение [Samarin 1971], слишком уж далеки казались некоторые группы языков обеих семей друг от друга согласно лексикостатистическим построениям. В работе [Jungraithmayr 1968–1969] впервые была выска-

зана мысль об особой близости между языками адамауа и гур, подтверждённая затем анализом лексики и морфологии языков группы ваджа [Kleinewillinghöfer 1996]. Недавно У. Кляйневиллингхёфер вновь подтвердил, что считает некоторые группы языков адамауа генетически более близкими к языкам гур, нежели друг к другу [Kleinewillinghöfer 2012]. Эти предположения возвращают нас к высказанной довольно давно идее, что семьи гур, адамауа и убанги представляют собой континуум, восходящий к единому таксономическому узлу на родословном древе НК языков [Bennett 1983].

Диаграмма 5.2

Уточняется и состав семьи адамауа. По мере накопления полевого материала стало понятно, к примеру, что язык самба-дака (или чамба-дака) в северном Камеруне был включён в её состав ошибочно и принадлежит к семье бенуэ-конго [Bennett 1983].

Сравнительно-историческое изучение языков адамауа находится в самом зачаточном состоянии. В 1970-е годы были опубликованы работы Р. Бойда [Boyd 1974] и К. Симидзу [Shimizu 1979] по языкам двух небольших групп семьи, сравнительным исследованием лексики нескольких групп занимался П. Беннет [Bennett 1983]. Один из проектов последних лет, обещающих успехи в данном направлении, ведётся сегодня группой исследователей Университета Гутенберга в Майнце

(Германия) под руководством У. Кляйневиллингхёфера¹⁶⁹. В России языками адамауа Нигерии занимается группа учёных из Санкт-Петербурга под руководством А.Ю. Желтова, в 2012 г. совершившая первую полевую экспедицию (некоторые предварительные результаты которой использованы в настоящей работе). Ни обзора, ни тем более сравнительного исследования систем личного маркирования в языках адамауа пока не публиковалось.

В нашем распоряжении находятся материалы по местоименным системам нескольких групп трёх крупных ветвей семьи адамауа по классификации Р. Бойда: ваджа-джен, леко-нимбари¹⁷⁰ и мбум-дай. К сожалению, эти данные, как и данные по изолированному языку фали, вовсе не компенсируют недостатка материала. Недостаток фактических данных и неустоявшаяся классификация делает анализ местоименных систем в языках адамауа весьма сложным: именно поэтому было принято решение отразить имеющийся материал в виде параграфа в рамках главы, посвящённой соседним убангийским языкам. Тем не менее можно выделить несколько типологических черт, характерных для личного маркирования в языках адамауа.

Местоимения, как правило, являются автономными словоформами в составе предложений. В большинстве проанализированных нами языков их сегментная база не различается, однако тональные характеристики субъектных и объектных форма могут быть различными. Различие проявляется и в позиции личного показателя в предложении: субъектные формы предшествуют сказуемому, объектные – следуют за ним.

В ряде языков различаются несколько серий связанных и автономных личных показателей, – так, в ньонг можно выделить три ряда маркеров глагольного объекта: независимые объектные местоимения, суффиксы прямого и непрямого объекта [Zhelтов et al. 2012].

В посессивной группе обладаемое предшествует местоимению, при этом их нередко разделяет ассоциативный маркер *a*, ср. в мбум:

- (22) *bà àí gún à mí mú*
 DEM DEM ребёнок AM 1SG COP
 ‘Это мой сын’ [Nagège 1970: 121].

В каранг притяжательные местоимения по своим грамматическим функциям сравнимы с французскими *adjectifs possessifs*, так как, например, могут принимать значения множественности обладаемого имени с помощью добавления плюрального именного аффикса *-ri*. В бали притяжательность выражается как приименными суффиксами, так и независимыми местоимениями того же типа, что в каранг [Zhelтов et al. 2012].

¹⁶⁹ <http://www.blogs.uni-mainz.de/fb07-adamawa>

¹⁷⁰ Наименование этой ветви весьма условно: «леко» на самом деле обозначает один из диалектов языка дии (дуру), а нимбари – надавно вымерший язык (У. Кляйневиллингхёфер, личное сообщение).

Категория отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности из анализируемых нами языков проявляется лишь в нескольких, наиболее чётко – в дай, где неотчуждаемая принадлежность выражается аффиксами, непосредственно происходящими из личных местоимений. При этом среди существительных выделяются семантические группы частей тела и личных свойств, каждая из которых также маркируется особой гласной притяжательного аффикса. Отчуждаемая принадлежность выражается автономными местоимениями, в составе которых присутствует ассоциативный (посессивный) маркер вида *ʔV-*. Форма притяжательного показателя зависит и от слоговой структуры имени обладаемого.

Во многих языках значения фокализации и топикализации придаются местоимениями, образованными при помощи префиксального маркера фокуса / топика *a-*, используемого в языке и при демонстративах, и при существительных. В этом случае местоимение может выноситься перед клаузой, дублируя субъектное местоимение, ср. в каранг:

- (23) *awo tu kab puh*
2SG.FOC 2SG.SUBJ оставаться деревья
 ‘А ты остаёшься дома’ [Ngang 1999: 7].

В некоторых языках эмфаза личных местоимений происходит с помощью префиксальных маркеров и/или удвоения соответствующей местоименной формы, например в мбум *bàmi/mibàmi* ‘именно я, именно меня’.

Местоимения 3 л., как правило, не имеют ничего общего с показателями именных классов (в тех языках, где последние существуют и функционируют) и имеют, по-видимому, иное происхождение – по мнению Р. Бойда, из имён существительных со значениями «человек» и пр. [Boyd 1989: 207]. Они сильно варьируют не только по различным группам языков, но нередко и в рамках языков одной группы. В языках группы йенданг засвидетельствована категория личности / неличности местоимений 3 л.

В языках адамауа распространена также категория инклюзивности / эксклюзивности. Ключивные формы повсеместно встречаются в языках мбум-дай и некоторых группах ветви леко-нимбари (дуру, леко, вокодовойо). Инклюзивные и эксклюзивные местоимения, как правило, различаются на сегментном уровне и явно происходят из различных полнозначных лексем, однако в некоторых языках (например, ньеллим) их различает лишь тон или (например, самба-леко) аффикс. В ряде случаев интересны синтаксические различия между местоимениями различных значений ключивности, – так, в колбила эксклюзивное значение субъекта выражается независимым местоимением, а инклюзивное – суффиксом:

- (24) *mā dī véē-rú*
 1PL.EXCL идти поле-LOC
 ‘Мы (экскл.) идём в поле’,

но

- (25) *dì-bād* *véē-rú*
 идти-1PL.INCL поле-LOC
 ‘Мы (инкл.) идём в поле’ [Littig 2009: 4].

В колбила два местоимения различаются и происхождением: эксклюзивная форма генетически связана с местоимением 1 л. ед. ч., инклюзивная – с показателями 3 л. мн. ч.

Многие языки адамауа, находящиеся в регионе интенсивной языковой конвергенции (северный Камерун – южный Чад – северо-восточная Нигерия), подверглись сильному влиянию соседних языков, многие из которых считаются в регионе более престижными. Среди них – чадские языки (прежде всего хауса), а также принадлежащий к атлантическим язык фула (в его диалектной разновидности фула-адамауа). Заимствования проникли и в морфологию, в том числе в систему личных местоимений, – так, в языке мбум наравне с исконными формами местоимений 2 л. обоих лиц употребляются формы, заимствованные из фула – *à/àn* ‘ты’ и *ándí* ‘вы’ [Nagège 1970: 90]. Выделение подобных заимствований – весьма нелёгкая задача в условиях крайне недостаточного языкового материала.

Формы местоимений некоторых языков адамауа приводятся в Табл. 5.18. Ячейки таблицы, посвящённые языкам ветви леко-нимбари, выделены серым фоном, формы языков, принадлежащих к другим ветвям, даны на белом фоне. Названия групп даны в скобках вслед за наименованиями языков, в т. ч. в виде следующих сокращений:

В	ваджа;	ВД	воко-довайо;
Д	джен;	ММ	мумуйе;
Ю	юнгур;	Й	йенданг.
М	мбум;		

Таблица 5.18

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
фали ¹⁷¹			<i>mit, mɔt, mt</i>	<i>mi</i>
лонгуда ¹⁷²	<i>ni/né/nin, ná/n</i> (буд.), <i>nána</i> (прог.)	<i>-áwá, -áú</i>	<i>-ni</i>	<i>ni</i>

¹⁷¹ [Sweetman 1981a; 1981b].

¹⁷² [Newman 1978, Jungraithmayr 1968–1969].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
ваджа (В) ¹⁷³			<i>mí-, mí-</i>	<i>mi</i>
тула (В)			<i>mǎ-</i>	<i>mín, mǎn, mǎó</i>
дадия (В)	<i>n</i> (перф.), <i>mǎn</i> (буд., прог.)		<i>mí</i> (лич.), <i>mī</i> (нелич.)	<i>mǎ, mí</i>
авак (В)	<i>má</i> (перф.)		<i>mí-</i>	<i>mǎwò</i>
тсо (В)				<i>móú, mǎu</i>
бурак (Д) ¹⁷⁴	<i>mi/mí, N</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>
лоо (Д)				<i>mí</i>
махди (Д)				<i>mí</i>
мак (Д)				<i>mǎ</i>
кьяк (Д)				<i>gbáŋ</i>
моо (Д)				<i>gbáŋ</i>
леелау (Д)				<i>gbáŋ</i>
дза (Д)				<i>mi</i>
тха (Д)				<i>mí</i>
бена (Ю)				<i>inâ</i>
воро (Ю)				<i>ínà</i>
лала (Ю)				<i>násé, nínaú</i>
мбои (Ю)				<i>nǎ</i>
каан (Ю)				<i>nayá</i>
ньеллим (буа) ¹⁷⁵	<i>ñ</i>	<i>ń</i>	<i>ń</i>	<i>jìn</i>
дай (дай) ¹⁷⁶	<i>hìŋ</i>	<i>ʔēèŋ</i> (косв.)	<i>ʔēèŋ</i> (о.), -à (тело CVC), -áàŋ (но. CV), -iìŋ (но. CVCV), -riìŋ (лич. свойства)	<i>ʔàmà</i>
мбум (М) ¹⁷⁷	<i>mí</i>	<i>mí, mǐ, míbà mí</i>	<i>-àmí</i>	<i>bà mí, bàmí</i> (возв.)

¹⁷³ Данные языков групп ваджа и джен приводятся по работе [Jungraithmayr 1968–1969], а также по материалам, предоставленным У. Кляйневиллингхёфером.

¹⁷⁴ Данные языков групп джен и юнгур приводятся по материалам, предоставленным У. Кляйневиллингхёфером.

¹⁷⁵ [Boyeldieu 1985].

¹⁷⁶ [Nougayrol 1979].

¹⁷⁷ [Hagège 1970; Hino 1978].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
тупури (М) ¹⁷⁸	<i>ndì</i>	<i>mē</i>	<i>bi</i>	<i>mbì</i>
мунданг (М) ¹⁷⁹	<i>mè</i>	<i>mé</i>	<i>bè, biè</i> (абс.)	<i>mié, mmi</i>
мамбай (М) ¹⁸⁰	<i>mĩ</i>			<i>mĩ</i>
каре (М) ¹⁸¹	<i>mì</i>	<i>mí</i>		<i>mìí</i>
каранг (М) ¹⁸²	<i>mì, mí</i> (сосл.)	<i>mí</i>	<i>bi</i>	<i>abì</i>
дии (дуру) ¹⁸³	<i>ʔà̀n, mí</i>		<i>mí, -n</i> (родственники)	<i>míí</i>
самба-леко (леко) ¹⁸⁴	<i>má, má</i>	<i>má</i>	<i>má</i>	<i>má</i>
колбила (леко) ¹⁸⁵	<i>má</i>	<i>-ĩ, -ē</i>	<i>-máŋ</i>	<i>máárū</i>
мом (ВД)	<i>ii, mii, n</i>	<i>-m</i>		<i>min</i> (возв.), <i>wodo</i> (эмфат.)
мумуйе (ММ) ¹⁸⁶			<i>mékò, míkò, ñkò(ò), ìŋkò</i>	
ранг (ММ)			<i>mékò</i>	
пангсенг (ММ)			<i>maa-bè</i>	
бали (Й) ¹⁸⁷	<i>m-</i>	<i>-m</i>	<i>am, -m, amò</i>	<i>mo</i>
кпасам (Й)			<i>ám</i>	
вакка (Й)	<i>á-</i>	<i>mi, -úŋ</i>	<i>ámì</i>	<i>(i)mí</i>
йенданг (Й)	<i>a-</i>	<i>-ɔm, mekʔ</i>	<i>ami, bam, maŋ</i>	<i>mekʔ</i>
2 л. ед. ч.				
фали			<i>wiy, wey</i>	<i>tu</i>
лонгуда	<i>nà, ñ</i> (буд.), <i>nà̀nà</i> (прог.)	<i>-m, mìná</i>	<i>-mù</i>	<i>mo, mən, mɔ̀, mù</i>

¹⁷⁸ [Ruelland 1988].

¹⁷⁹ [Elders 2000].

¹⁸⁰ [Hamm 2002].

¹⁸¹ [Lim 1997].

¹⁸² [Ngang 1999; Ulfers 2007].

¹⁸³ [Bohnhoff 1986].

¹⁸⁴ [Fabre 2003].

¹⁸⁵ [Littig 2009].

¹⁸⁶ [Shimizu 1979].

¹⁸⁷ Данные по языкам группы йенданг приведены по материалам рукописи [Blench 2009] и (более надёжным) материалам презентации [Zhel'tov et al. 2012].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
ваджа (В)			<i>mwə-, tá-</i>	<i>mɔ̃</i>
тула (В)			<i>mí-</i>	<i>mòp, mmɔ̃</i>
дадия (В)	<i>ń</i> (перф.), <i>mon</i> (буд., прог.)		<i>mō</i>	<i>mɔ̃, mɔ́</i>
авак (В)	<i>mwá</i> (перф.)		<i>mo-</i>	<i>mɔ̃</i>
тсо (В)				<i>mɔ̃, mò</i>
бурак (Д)	<i>mo, mɔ̃</i>	<i>mo</i>	<i>mo</i>	<i>mo</i>
лоо (Д)				<i>mɔ̃</i>
махди (Д)				<i>mō</i>
мак (Д)				<i>mwɔ̃</i>
кьяк (Д)				<i>ma</i>
моо (Д)				<i>má</i>
леелау (Д)				<i>mà</i>
дза (Д)				<i>ma</i>
тха (Д)				<i>má</i>
бена (Ю)				<i>ingá</i>
воро (Ю)				<i>ingà</i>
лала (Ю)				<i>gase, gíngáá</i>
мбои (Ю)				<i>ngê</i>
каан (Ю)				<i>ngayá</i>
ньеллим (буа)	<i>m̃</i>	<i>m̃</i>	<i>m̃</i>	<i>ɲim</i>
дай (дай)	<i>hà, m̀à</i>	<i>ʔòòŋ</i> (косв.)	<i>ʔòòŋ</i> (о.), -ò̃ (тело CVC), -óòŋ/-áàŋ (но. CV), -ììŋ/-úúŋ (но. CVCV), -rììŋ (лич. свойства)	<i>ʔàmɔ̃, ʔɔ̃mɔ̃</i>
мбум (М)	<i>m̀ù, à/àn</i>	<i>m̀ú, m̀úv̀àtu</i>	<i>-án, -àtù</i>	<i>b̀àtù</i> (возв.)
тупури (М)	<i>ndɔ̃</i>	<i>mō</i>	<i>bɔ̃</i>	<i>mbɔ̃</i>
мунданг (М)	<i>mò</i>	<i>mó</i>	<i>b̀ò, b̀òò</i> (абс.)	<i>m̀òó, am̃m̃</i>
мамбай (М)	<i>mĩ</i>			<i>mĩ</i>
каре (М)	<i>mɔ̃</i>	<i>mɔ́</i>		<i>mɔ̃ɔ́</i>
каранг (М)	<i>m̀ù, m̀ú</i> (сосл.)	<i>m̀ú</i>	<i>wo, wori</i> (мн. ч.)	<i>awo</i>
дии (дуру)	<i>ʔàm, m̀ɔ́/m̀ó</i>		<i>-m</i> (род.), <i>m̀ɔ́/m̀ó</i>	<i>m̀óó</i>
самба-леко (леко)	<i>ń, ñ</i>	<i>ñ</i>	<i>ń</i>	<i>ʔám</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
колбила (леко)	<i>mí</i>	<i>-əŋ</i>	<i>-əŋ</i>	<i>mírū</i>
мом (ВД)	<i>mə</i>			<i>mon</i> (возв.)
мумуйе (ММ)			<i>mókò, mókò, mókòò</i>	
ранг (ММ)			<i>mókò</i>	
пангсенг (ММ)			<i>baa-bè</i>	
бали (Й)	<i>ŋ-</i>	<i>-oŋ, -é</i> (непр.)	<i>agai, -ré, -aó</i>	<i>ŋoŋ</i>
кпасам (Й)			<i>aye</i>	
вакка (Й)	<i>mí-</i>	<i>mí</i>	<i>ògè</i>	<i>(ì)mí</i>
йенданг (Й)	<i>mə-</i>	<i>-ətə, təkʔ</i>	<i>bake, ókè, bɔ</i>	<i>təkʔ</i>
3 л. ед. ч.				
фали		<i>go</i>		<i>e</i>
лонгуда	<i>á</i> (прош.), <i>à</i> (наст.), <i>∅</i> (буд.), <i>nán</i> (прог.)	<i>-ì, yà</i>	<i>-yù</i>	<i>yì, yè, yèn, yù</i>
ваджа (В)			<i>yɔ-, yá-</i>	<i>yɔ̂</i>
тула (В)			<i>ká-</i>	<i>kán, ncó</i>
дадия (В)	<i>a</i> (перф.), <i>gə</i> (буд., прог.)		<i>gɔ</i>	<i>gó, go</i>
авак (В)	<i>nsá</i> (перф.)		<i>sə-, sí-</i>	<i>ʃɔ</i>
тсо (В)				<i>gɔ̀ò, ngò̀ù</i>
бурак (Д)	<i>ná</i>	<i>na</i>	<i>na</i>	<i>na</i>
лоо (Д)				<i>ná</i>
махди (Д)				<i>ná</i>
мак (Д)				<i>ná</i>
кьяк (Д)				<i>úú</i>
леелау (Д)				<i>ùù</i>
дза (Д)				<i>wɛ</i>
тха (Д)				<i>ná</i>
бена (Ю)				<i>áísá</i>
воро (Ю)				<i>aizà</i>
лала (Ю)				<i>sasé</i>
мбои (Ю)				<i>ádá</i>
каан (Ю)				<i>ãyá</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
нъеллим (буа)	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>nír</i>
дай (дай)	<i>há</i>	<i>ɔúú</i>	- <i>ɔ</i> (тело CVC), V (но. CV, CVCV), - <i>rɔ́</i> (лич. св-ва), <i>ɔúú</i> (о.)	<i>ɔúú</i>
мбум (М)	<i>ké</i>	<i>kébáké, ké</i>	- <i>àké</i>	<i>báké</i> (возв.)
тупури (М)	<i>ɔá</i>	<i>ně, hèně</i>	<i>bě</i>	<i>mbě</i>
мунданг (М)	<i>ø, ɔà, ɔaɔkɔ</i>	- <i>kó/-kɔ́</i>	- <i>yà(yì), ɔwà</i>	<i>gɔ́</i>
мамбай (М)	<i>du</i>			
каре (М)	<i>ké</i>	<i>ré, né</i>		<i>ké, mèé</i>
каранг (М)	<i>kè, ké</i> (сосл.)	<i>ni</i>	<i>ye, yeri</i> (мн. ч.)	<i>aye</i>
дии (дуру)	<i>ø, ɔà</i>		- <i>ya</i> (родственники), <i>wòò</i> (о.)	<i>wɔ, wòò</i>
самба-леко (леко)	<i>ø, ɔò</i>	<i>ù</i>	<i>ɔò</i>	<i>ɔò</i>
колбила (леко)	<i>ø</i>	- <i>ò</i>	- <i>àg</i>	<i>wòrò</i>
мом (ВД)	<i>ur</i>	- <i>na</i> (имперф.)		<i>gon</i>
мумуйе (ММ)			<i>wúkò, wùkò, yúkò,</i> <i>úkò</i>	
ранг (ММ)			<i>úkò</i>	
бали (Й)	<i>a-</i> (лич.), <i>b/bi/</i> <i>bo/bə</i> (нелич.)	- <i>aŋ</i>	<i>iyaŋ, -aŋ, yaŋo</i>	<i>poŋ/a</i>
кпасам (Й)			<i>ĩă</i>	
вакка (Й)	<i>ní-</i> (лич.), <i>bí-</i> (нелич.)	- <i>ní/wíŋ</i> (лич.), - <i>wí/yòŋ</i> (нелич.)	<i>ínè</i> (лич.), <i>bíríwè</i> (нелич.)	<i>Íwíŋ/á</i> (лич.), <i>Íyòŋ/bí</i> (нелич.)
йенданг (Й)	<i>ní-</i> (лич.), <i>i-</i> (нелич.)	- <i>ní/wèŋ</i> (лич.), - <i>u/ekʔ</i> (нелич.)	<i>gbirá, iné, mini</i>	<i>wèŋ</i> (лич.), <i>ekʔ</i> (нелич.)
1 л. мн. ч.				
фали		<i>odo</i>	<i>worro</i> (э.)	<i>ə</i>
лонгуда	<i>kà</i> (и.), <i>ká</i> (э.)	- <i>mir</i> (и.), - <i>jir</i> (э.)	- <i>dū</i> (и.), - <i>mrɔ́</i> (э.)	<i>mə/min/mir/</i> <i>mer</i> (и.), <i>ɔ́im/</i> <i>jir/zám/jine</i> (э.)
ваджа (В)			<i>yír-, yú-</i>	<i>yò, yíò</i>
тула (В)			<i>cire-</i> (и.)	<i>cír/sár</i> (и.), <i>nən</i> (э.)

	субъект	объект	притяжат.	независ.
дадия (В)	<i>bə</i> (и.)		<i>bən</i> (и.)	<i>bən</i> (и.), <i>nən</i> (э.)
авак (В)	<i>yínín</i> (перф.)		<i>ní-</i> (э.)	<i>yín</i> (и.), <i>nín</i> (э.)
тсо (В)				<i>ní/jí</i> (и.), <i>nən</i> (э.)
бурак (Д)	<i>gbo</i>	<i>gbo</i>	<i>gbo</i>	<i>gbo</i>
лоо (Д)				<i>bá</i>
махди (Д)				<i>bí</i>
мак (Д)				<i>bí</i>
кьяк (Д)				<i>bí</i>
моо (Д)				<i>bí</i>
леелау (Д)				<i>bí</i>
дза (Д)				<i>bə</i>
тха (Д)				<i>kóbi</i> ?
бена (Ю)				<i>i(n)da</i>
воро (Ю)				<i>índá</i> (и.), <i>yítá</i> (э.)
лала (Ю)				<i>ndààsé</i> (и.), <i>tààsé</i> (э.)
мбои (Ю)				<i>ndá</i>
каан (Ю)				<i>tāyá</i>
ньеллим (буа)	<i>ì</i> (и.), <i>í</i> (э.)	<i>ì</i> (и.), <i>í</i> (э.)	<i>ì</i> (и.), <i>í</i> (э.)	<i>nì</i> (и.), <i>níní</i> (э.)
дай (дай)	<i>nā</i> (и.), <i>yà</i> (э.)	<i>ɔ̀nā</i> (косв. и.), <i>ɔ̀yà</i> (косв. э.)	<i>ɔ̀nā</i> (о. и.), <i>-nā</i> (но. и.), <i>ɔ̀yà</i> (о. э.), <i>-yà</i> (но. э.)	<i>ɔ̀nā</i> (и.), <i>ɔ̀yà</i> (э.)
мбум (М)	<i>nà..rì</i> (и.), <i>rú/rù</i> (э.)	<i>nà..rì</i> (и.), <i>rú(bàrú)</i> (э.)	<i>ànà..rì</i> (и.), <i>-àrú</i> (э.)	<i>bànrì</i> (возв. и.), <i>bàrú</i> (возв. э.)
тупури (М)	<i>nǎǎ</i> (и.), <i>wùrǐ</i> (э.)	<i>nǎǎ</i> (и.), <i>wùrǐ</i> (э.)	<i>nǎǎ</i> (и.), <i>wùrǐ</i> (э.)	
мунданг (М)	<i>nà</i> (и.)	<i>ná</i> (и.), <i>-ru</i> (э.)	<i>mòná</i> (и.), <i>bùùrù</i> (э.)	<i>nǎ</i> (и.), <i>rú</i> (э.)
каре (М)	<i>ná</i>	<i>ná</i>		<i>ná</i> , <i>màá</i>
каранг (М)	<i>nàh</i> , <i>náh</i> (сосл.)	<i>na</i>	<i>wahiri</i>	<i>awah</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
дии (дуру)	<i>ba..ví</i> (и.), <i>ʔòo</i> (э.)		<i>vó</i> (но. э.)	<i>bàà..ví</i> (и.), <i>vóó</i> (э.)
самба-леко (леко)	<i>bân..-ñ /bân.. -ñ</i> (и.), <i>bá/bá</i> (э.)	<i>bân</i> (и.), <i>bá</i> (э.)	<i>bân</i> (и.), <i>bá</i> (э.)	<i>ʔôbân</i> (и.), <i>ʔôbá</i> (э.)
колбила (леко)	<i>-bâd</i> (и.), <i>mā</i> (э.)	<i>-váād</i> (и.), <i>-māŋ</i> (э.)	<i>-váār</i> (и.), <i>-māŋ</i> (э.)	<i>vāārō</i> (и.), <i>māārō</i> (э.)
мом (ВД)	<i>a</i> (и.), <i>ee</i> (э.)			<i>eŋan</i> (возв. э.)
мумуйе (ММ)			<i>wòkò(ò), wùkò, ròkò, rùkò</i>	
ранг (ММ)			<i>wúkò</i>	
пангсенг (ММ)			<i>wòbè</i>	
бали (Й)	<i>dí-</i>	<i>-roʔ</i>	<i>erɔk, -roʔ, eròʔ</i>	<i>tó</i>
кпасам (Й)			<i>ɔrɔ</i>	
вакка (Й)	<i>tú-</i>	<i>tú, -rú</i>	<i>úrígè</i>	<i>(ì)tú</i>
йенданг (Й)	<i>tu-</i>	<i>-uru, tokʔ</i>	<i>gborɔk, ùrúkè, boru</i>	<i>tokʔ</i>
2 л. мн. ч.				
фали			<i>wunu</i>	<i>un, uno, unu</i>
лонгуда	<i>kà, kì</i> (буд.), <i>kàa</i> (прог.)	<i>jìn</i>	<i>-dù</i>	<i>ðən, jin, min, jé, məná</i>
ваджа (В)			<i>ḃər-, ḃá-</i>	<i>mbá</i>
тула (В)			<i>cii</i>	<i>cìn, sìn, ncicò</i>
дадия (В)	<i>jí</i> (перф.), <i>ji</i> (буд., перф.)		<i>jièn</i>	<i>jien, jen</i>
авак (В)	<i>kímkí</i> (перф.)		<i>kum-</i>	<i>kim</i>
тсо (В)				<i>(n)zən</i>
бурак (Д)	<i>ya</i>	<i>ya</i>	<i>ya</i>	<i>ya</i>
лоо (Д)				<i>yé</i>
махди (Д)				<i>yá</i>
мак (Д)				<i>yá</i>
кьяк (Д)				<i>báá</i>
леелау (Д)				<i>bl</i>
дза (Д)				<i>ba</i>
тха (Д)				<i>bá</i>
бена (Ю)				<i>ísá</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
воро (Ю)				<i>ĩza</i>
лала (Ю)				<i>sããsé</i>
мбои (Ю)				<i>zá</i>
каан (Ю)				<i>zãyã</i>
ньеллим (буа)	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>jíí</i>
дай (дай)	<i>m̄</i>	<i>ɔ̀m̄</i> (косв.)	<i>ɔ̀m̄</i> (о.), <i>-m̄</i> (но.)	<i>ɔ̀m̄, ɔ̀m̄</i>
мбум (М)	<i>ví, hví, ãndí/ãndí</i>	<i>víbãví, (h)ví</i>	<i>-ãndí, -ãhví</i>	<i>bãví</i> (возв.)
тупури (М)	<i>ndäy</i>	<i>ndäy</i>	<i>bäy</i>	<i>mbäy</i>
мунданг (М)	<i>wì</i>	<i>wí</i>	<i>bìrì</i>	<i>wĩ</i>
каре (М)	<i>yì</i>	<i>bàí</i>		<i>yìbàí</i>
каранг (М)	<i>ì, í</i> (сосл.)	<i>wuri</i>	<i>woiri</i>	<i>awoiri</i>
дии (дуру)	<i>ɔ̀</i>		<i>ví</i>	<i>víí</i>
самба-леко (леко)	<i>ɔ̀, ɔ̀</i>	<i>ɔ̀, ɔ̀</i>	<i>ɔ̀</i>	<i>ɔ̀ĩ</i>
колбила (леко)	<i>yé</i>	<i>-yág</i>	<i>-ág</i>	<i>yáárõ</i>
мом (ВД)	<i>nn</i>			<i>nnɔ̀n</i> (возв.)
мумуйе (ММ)			<i>nókò, nékò, wońg, nwòkò, oko, rònkò</i>	
ранг (ММ)			<i>náàkò</i>	
бали (Й)	<i>i-</i>	<i>-ne, né</i> (непр.)	<i>ee, -é, eó</i>	<i>jónɔ̀</i>
кпасам (Й)			<i>ĩš</i>	
вакка (Й)	<i>nú-</i>	<i>nú</i>	<i>únúgè</i>	<i>(i)nú</i>
йенданг (Й)	<i>nɔ̀-</i>	<i>-uru, nɔ̀kʔ</i>	<i>gborín, únúkè, bɔ̀</i>	<i>nɔ̀kʔ</i>
3 л. мн. ч.				
фали	<i>-n</i>			<i>aw, o, ow</i>
лонгуда	<i>bá, bi</i> (буд.), <i>baà</i> (прог.)	<i>-bà, bìn</i>	<i>-bũ</i>	<i>bò, bən, bin, boò, bõ</i>
ваджа (В)			<i>pmɔ̀-, pmá-</i>	<i>pmtà</i>
тула (В)			<i>cin-</i>	<i>fi, fin, nfi</i>
дадия (В)	<i>ja</i> (перф.), <i>ji</i> (буд., прог.)		<i>ji</i>	<i>jií</i>
авак (В)	<i>nsíyé</i> (перф.)		<i>si-</i>	<i>fi</i>
тсо (В)				<i>nzi, zii</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бурак (Д)	<i>ní</i>	<i>ní</i>	<i>ní</i>	<i>ní</i>
лоо (Д)				<i>ní</i>
махди (Д)				<i>nírè</i>
мак (Д)				<i>ní</i>
кьяк (Д)				<i>íí</i>
леелау (Д)				<i>ìì</i>
дза (Д)				<i>le, ʔe</i>
тха (Д)				<i>yĩ</i>
бена (Ю)				<i>babô</i>
воро (Ю)				<i>bewíyà</i>
лала (Ю)				<i>bóòsá</i>
мбои (Ю)				<i>wótá</i>
каан (Ю)				<i>ààkán, zeirěyá</i>
ньеллим (буа)	<i>á</i>	<i>á</i>	<i>á</i>	<i>jáá</i>
дай (дай)	<i>mó</i>	<i>ʔúmó</i>	<i>ʔúmó</i> (о.), <i>-mó</i> (но.)	<i>ʔámó, ʔámó</i>
мбум (М)	<i>kú</i>	<i>kúbákú, kú</i>	<i>-ákú</i>	<i>bákú</i> (возв.)
тупури (М)	<i>-ʔá...wǝǝ</i>	<i>rā, hààrà</i>	<i>bààrà</i>	<i>mbààrà, mbě</i>
мунданг (М)	<i>ø, ʔà</i>	<i>rá</i>	<i>bòòrà</i>	<i>rǎ</i>
каре (М)	<i>kì</i>	<i>kii</i>		<i>kii</i>
каранг (М)	<i>kù, kú</i> (сосл.)	<i>niri</i>	<i>woyri</i>	<i>awoyri</i>
дии (дуру)	<i>vɔ, vɔɔ, ʔòɔ</i>		<i>-y</i> (но.)	<i>vòò</i>
самба-леко (леко)	<i>bà, ʔì, bó</i>	<i>bà</i>	<i>bô</i>	<i>bô</i>
колбила (леко)	<i>ø, -ǎd</i>	<i>-bò</i>	<i>-vǎg</i>	<i>vǎārò</i>
мом (ВД)	<i>íí</i>			<i>a, goni</i>
мумуйе (ММ)			<i>yikò, díkò, ríkò</i>	
ранг (ММ)			<i>yíkò</i>	
бали (Й)	<i>ní-/i-</i> (лич.), <i>b-/bi/bo/bə</i> (нелич.)	<i>-ne</i> (лич.), <i>aŋ</i> (нелич.)	<i>ewũ, -uŋ/eŋó</i> (лич.), <i>-uŋ/yaŋo</i> (нелич.)	<i>jóŋ</i> (лич.), <i>au/bi/bo/bə</i> (нелич.)
кпасам (Й)			<i>ĩǝ nàrò</i>	
вакка (Й)	<i>dêŋ</i> (лич.), <i>í</i> (нелич.)	<i>dêŋ/-ráŋ</i> (лич.), <i>yèni</i> (нелич.)	<i>íránǝ</i>	<i>(i)dêŋ</i> (лич.), <i>íyèni</i> (нелич.)
йенданг (Й)	<i>lèŋ</i>	<i>-rèŋ, lèŋ</i>	<i>gberéŋ, irémè, birèŋ</i>	<i>lèŋ</i>

Попробуем проанализировать данные таблицы с точки зрения сравнительного анализа.

Наиболее надёжной выглядит реконструкция местоимений 1–2 л. ед. ч. В 1 л. ед. ч. формы *mi* присутствуют практически во всех группах языков; даже в йенданг, где нам известны только притяжательные показатели, форма *ami* указывает, скорее всего, на существование субъектного местоимения **mi*. Местоимение *n* в ньеллим сравнимо с редуцированным субъектным показателем *N-* в других языках, степень его синтаксической автономности неясна. Для групп, входящих в состав ветви мбум-дай, может быть восстановлен даже тональный рисунок: субъектные местоимения здесь имеют низкий тон, в противоположность объектным формам с высоким тоном – эта оппозиция проявляется и в других местоимениях парадигмы и, кстати, полностью соответствует оппозиции, которую мы наблюдали в языках гур (Глава 4).

Происхождение некоторых форм 1 л. ед. ч. установить не удаётся. По крайней мере некоторые из них могут быть заимствованиями, в частности форма *ʔàn* в языке дии, употребляемая параллельно с *mi*, чрезвычайно схожа с формой одного из соседних чадских языков масана *ʔàn* [Segeger 2002–2007].

В языках группы юнгур и в соседнем с ними языке лонгуда восстанавливается общая праформа **na*, которая соответствий среди языков адамауа не находит, зато вполне может являться заимствованием из чадских языков, которые окружают небольшой ареал распространения языков юнгур и лонгуда на северо-востоке Нигерии. В нескольких языках джен засвидетельствована инновационная форма *gbân*, её происхождение неясно.

Любопытное явление отмечается в тупури (группа мбум): почти по всей парадигме чётко различаются четыре синтаксических серии личных показателей, при этом оппозиция между ними создаётся при помощи изменения начальной согласной: *nd-* в субъектном, *m-* в объектном, *b-* в притяжательном и *mb-* в независимом местоимении. Пожалуй, такого механизма противопоставления местоименных значений нет больше ни в одном известном нам НК языке.

Во 2 л. ед. ч. вырисовывается реконструкция **mU*, качество гласной в которой не до конца ясно: в различных языках мы видим *o*, *ɔ*, *u*. Если брать по внимание формы языков джен на *-a*, логичнее всего будет восстанавливать праформу **mɔ* с открытой гласной. Вероятно, что в местоимениях 2 л. ед. ч. повторялась картина бинарной тональной оппозиции между субъектными (низкотоновыми) и объектными (средне- или высокотоновыми) показателями. Такое распределение подтверждается материалом сразу нескольких групп языков.

Среди групп, где мы не наблюдаем возможных рефлексов этой праформы, – группа йенданг, однако здесь нам, повторим, знакомы лишь притяжательные показатели. Группа юнгур вновь, как и в 1 л. ед. ч., демонстрирует формы, материально несхожие с другими языками семьи.

В 3 л. ед. ч. единого источника, из которого можно было бы выводить формы языков различных групп, не обнаруживается. Можно отметить, однако,

две изоглоссы, распространённые по нескольким группам языков. Это **kE* в группе мбум (ср. также тула *kán*) и *(*w*)*o*/*(*w*)*u* в языках дай, дуру, леко и мумуйе. Первую из них можно сравнить с местоимениями на *k-/c-* в убангийских, а также в некоторых атлантических языках. Вторая же изоглосса хорошо согласуется с известным аффиксом сингулярного класса лиц в других НК языках, из которого происходят местоимения 3 л. ед. ч. во множестве языков макросемьи. Вполне вероятно, что и в адамауа данная форма может являться реликтом НК системы именных классов.

Многообразие местоимений 1 л. мн. ч. даёт возможность сделать лишь несколько предварительных выводов о реконструкции для отдельных небольших групп языков. В языках мбум это инклюзивное местоимение **nà*, к которому, возможно, примыкает и *ḡā* в языке дай. В языках мумуйе используются рефлексy формы **wò*, с ними можно сравнить эксклюзивное местоимение *wùrì* в тупури (*-ri* здесь является распространённым в адамауа суффиксом именной множественности) и *bùì-rù* в близкородственном тупури языке мунданг. Возможно, что все эти формы родственны местоимениям **bi* в языках джен, а также *bV/vV* в самба-леко и дии. Как и в других НК языках, они могут считаться результатом действия аналогии с местоимениями 3 л. мн. ч. (самба-леко *bə*, *bó* ‘они’).

Поразительную параллель другим НК языкам представляет собой реконструкция личных показателей группы йенданг, предложенная в докладе [Zhel'tov et al. 2012]. На основании данных языков йенданг, вакка, бали в 1 л. мн. ч. можно реконструировать форму **tU* для субъектной и объектной серий, которая переключается с личными показателями БК языков, языков гур, а также некоторых языков ква. К сожалению, возводить данную форму к уровню праязыка адамауа нет оснований, зато, вероятно, есть серьёзные основания переосмыслить генетический статус языков йенданг: принадлежат ли они на самом деле к семье адамауа?

Во 2 л. мн. ч. местоимения различных языков типа *i*, *ʔi*, *vi* вполне могут восходить к единому источнику, однако материала для выводов здесь крайне недостаточно. Вновь важно отметить формы языков йенданг, возводимые к праязыковому **nU*, – эта реконструкция и по вокализму, и по консонантизму весьма близка той, что мы видели в языках бенуэ-конго, ква и гур.

Наконец, совершенно невероятной представляется какая-либо реконструкция местоимения 3 л. мн. ч. – здесь даже праформы отдельных групп языков не могут быть восстановлены с какой-либо долей уверенности.

Таким образом, для праязыка семьи адамауа могут быть предложены лишь две вероятных праформы личных местоимений: **mì* ‘я’ и **mə* ‘ты’ – обе, вероятнее всего, с низким тоном. Обе формы, впрочем, не являются характерными только для языков адамауа и, как мы видели выше, восстанавливаются и для языков убанги (как и для некоторых других языков НК макросемьи, см. в Главе 8). Ни здесь, ни в других местоимениях парадигмы мы не видим никаких специфических изоглосс, позволивших бы выделить языки адамауа в отдельную ветвь языков НК.

При этом собственно НК происхождение большинства языков в таблице представляется несомненным, исходя из сравнения форм с местоимениями других НК языковых семей. Например, парадигмы языков йенданг представляют едва ли не полную параллель реконструкции, выполненной нами в предыдущих главах для праязыков БК и гур.

Единственным ярким исключением являются языки группы юнгур: во всей парадигме они не показывают ни единого формального сходства с местоимениями других групп адамауа или других семей НК языков. Это поразительное несходство заставляет более пристально взглянуть на языки юнгур: причина его может корениться в языковых контактах (однако источник заимствования прослеживается, пожалуй, только в местоимении 1 л. ед. ч. **na*, сходном с чадскими языками), но может заключаться и в отсутствии генетического родства между языками юнгур и другими языками адамауа.

Праформы, восстанавливаемые для групп и подгрупп языков адамауа, а также для праязыка семьи, даны в Табл. 5.19.

Таблица 5.19

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
ваджа	<i>*mi</i>	<i>*mɔ̃</i>				<i>*fi</i>
джен	<i>*mi</i>	<i>*mɔ</i>	<i>*na</i>	<i>*bi</i>		<i>*ni</i>
юнгур	<i>*na</i>	<i>*nga</i>	<i>*sa ?</i>	<i>*(i)nda</i>	<i>*sa/*za</i>	
мбум	<i>*mi</i>	<i>*mo/*mɔ</i>	<i>*kE</i>	<i>*nà (и.)</i>	<i>*bai</i>	
мумуйе	<i>*meko</i>	<i>*moko</i>	<i>*uko</i>	<i>*oko</i>	<i>*noko</i>	<i>*yiko</i>
йенданг	<i>*mi</i>	<i>*mU</i>		<i>*tU</i>	<i>*nU</i>	
адамауа	<i>*mi</i>	<i>*mO</i>				

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ КРУ

Языки кру до недавнего времени можно было назвать наименее изученными среди НК языков, как с точки зрения языкового описания, так и с позиций сравнительного и типологического анализа. Среди причин такого невнимания – исторические и географические факторы. Ареал, населённый носителями языков кру, находится в относительно труднодоступной холмистой зоне влажных экваториальных лесов вдоль северного побережья Гвинейского залива. Климат данной местности не создаёт условий для значительного демографического роста и диктует относительно небольшую численность отдельных этносов и языковых сообществ (на сегодняшний день численность носителей кру не превышает 2 млн человек [Marchese 1989; Lewis 2009]).

В доколониальный период здесь не было крупных государственных образований, да и европейские державы не сумели основать здесь ни одной крупной колонии или фактории. Жители прибрежных районов славились как хорошие мореходы, и европейские корабли нередко набирали команды для трансокеанских рейсов именно отсюда. Собираательные английские названия *crew*, *crewmen*, *crewboys* ‘экипаж’ и стали в результате источником происхождения современного названия семьи языков кру и отдельных эндоэтнонимов и эндолингвонимов местных народов, таких как клао и крумен. В XVII–XIX вв. во многих портовых поселениях западного берега Африки возникли районы компактного проживания носителей клао, гребо, басса и других языков семьи кру.

С образованием независимой Республики Либерия в середине XIX в. многие языки кру оказались на её территории, что лишило исследователей возможности непосредственно контактировать с их носителями. Тем не менее в 1854 г. С. Кёлле учитывает в своей «Полиглотте» данные пяти западных языков кру: девойн, клао, басса, гбии (гбе) и гребо. Восточные языки семьи оказались на территории французской колонии Берег Слоновой Кости (ныне Республика Кот-д’Ивуар), где их научное изучение стартовало лишь в начале XX столетия. В 1904 г. М. Делафосс в числе шестидесяти лексических списков языков Западной Африки уделяет около

тридцати страниц языкам кру: клао, нейо, кран и дида. Ему же и принадлежит честь введения в научный оборот термина «языки кру» [Delafosse 1904: 66–94]. Годом позже колониальный чиновник Ж. Томан публикует первое описание языка кру – грамматику нейо [Thomann 1905]. Однако в дальнейшем исследования ограничивались лишь небольшими миссионерскими очерками и словариками; следующее после книги Томана сравнительно полное грамматическое описание выходит лишь в 1966 г. – это «Введение в изучение гребо» Г. Иннеса [Innes 1966].

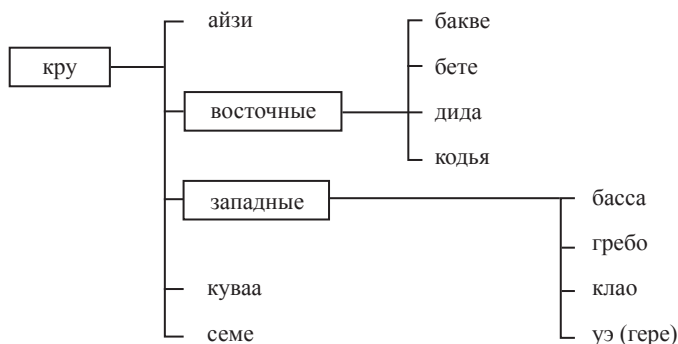
После провозглашения независимости Берегом Слоновой Кости народы языковой семьи кру не получили статуса титульных наций. Ни в Кот-д’Ивуаре, ни в Либерии ни один язык кру не имеет официального статуса, несмотря на то что такие из них, как гребо и басса, имеют уже довольно давнюю традицию письменности на основе латинского алфавита. В университете Абиджана преподаётся курс языка бете; есть сведения о том, что в столице Либерии Монровии также началось преподавание кратких курсов по нескольким языкам кру. Приход к власти в Кот-д’Ивуаре в 2011 г. нового правительства, опирающегося на мусульманское большинство северных районов страны, вряд ли приведёт к повышению интереса к языкам кру, большинство носителей которых исповедуют христианство или придерживаются традиционных верований.

В последние десятилетия работа по описанию и лингвистическому анализу языков кру европейскими и американскими исследователями приобрела более интенсивный и системный характер, однако многие из них на сегодняшний день остаются практически неисследованными. В частности, существует уже неоднократно отмеченная в настоящей работе проблема фиксации тональных противопоставлений в исследованиях, опубликованных до 1970-х годов, что резко снижает их реферативную ценность, особенно при учёте особенностей фонологии языков кру, о которых будет сказано ниже.

Генетическая принадлежность языков кру остаётся предметом активных дискуссий. В 1952 г. Д. Вестерман высказывал мнение об изолированном характере семьи [Westermann, Vryan 1952]. Хотя после работ Дж. Гринберга был достигнут относительный консенсус в том, что касается принадлежности семьи кру к НК макросемье, существует множество противоречивых мнений, высказанных в последние десятилетия о том, где именно на генеалогической дендрограмме следует её расположить. Сам Гринберг включил языки кру в состав крупного объединения ква, однако эта точка зрения весьма скоро была оспорена. В частности, было показано, что по своим лексическим связям и типологическим характеристикам языки кру ближе к языкам гур внутренних районов Западной Африки, нежели к языкам ква побережья Гвинейского залива [Bennett, Sterk 1977]. Типологическое сопоставление выявляет и многочисленные параллели между языками кру и манде (особенно южной группы) [Vogler 1974; Vydrin 2009a]. Наконец, У. Уэлмерс и Л. Маркезе выдвинули гипотезу о независимом положении семьи кру в составе языков нигер-конго [Welmers 1977; Marchese 1979], с чем в итоге согласился и Дж. Гринберг.

Более ясной выглядит внутренняя классификация языков кру. Ещё М. Делафосс в начале XX в. проницательно разделил семью на две ветви, западную и восточную, и провёл границу между ними по р. Сассандра. Предложенная им классификация по сей день разделяется всеми исследователями, так как подтверждается фонологическими противопоставлениями (например, соответствие начальных *t*- в западных языках vs. *s*- в восточных) и лексическими изоглоссами [Marchese 1989: 122]. Восточные языки кру признаются наиболее гомогенными в области фонологии и морфосинтаксиса. На мезоуровне границы между группами языков и диалектов определить сложнее, а определить статус отдельных идиомов и вовсе непосильная задача в условиях недостаточного уровня языкового описания. В составе языков кру принято выделять не только устоявшиеся группы (например, басса, бакве), но и т. н. «комплексы», состоящие подчас из десятков языков или диалектов. Среди таких «комплексов» – языки гребо, уэ (или гере) и дида. Диалектные различия между языковыми единицами в них невелики, однако подчас довольно характерны, в том числе и в морфологии.

Диаграмма 6.1

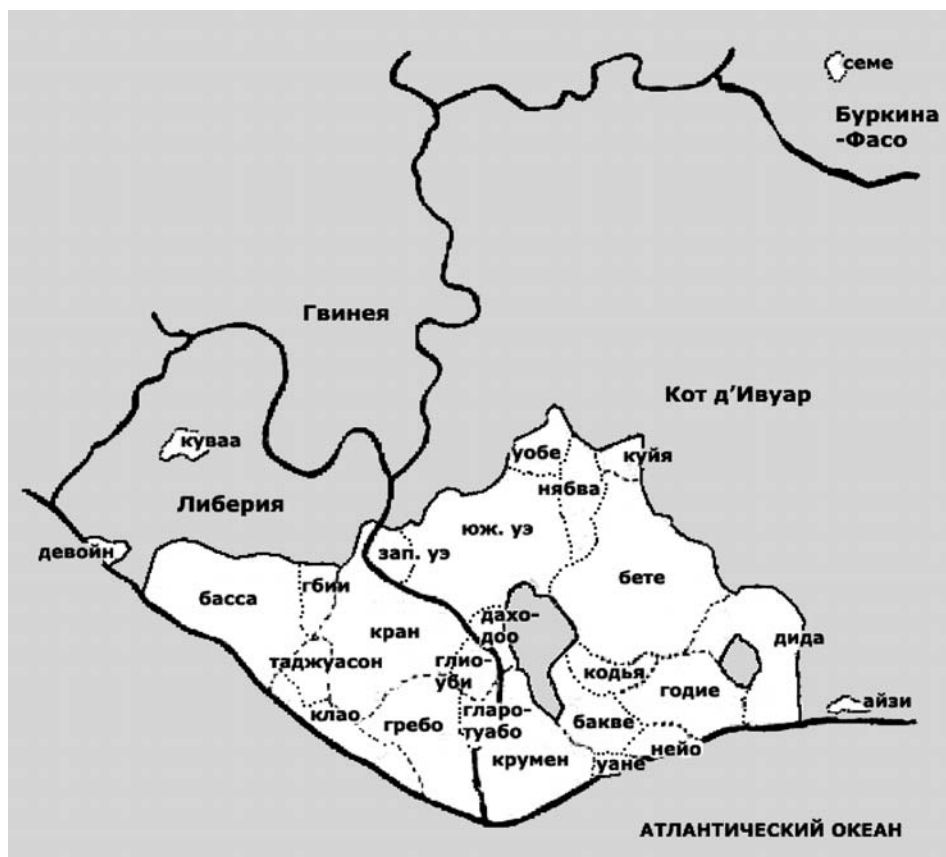

Общепринятая классификация языков кру приведена на Диаграмме 6.1. Помимо семи групп языков, относящихся к двум основным ветвям (язык кодья изолирован в составе восточных кру), к семье кру принадлежат три языка-изолята, отделённые от основного ареала кру и географически. Это айзи в южной части Кот-д'Ивуара, который иногда рассматривают как кластер трёх самостоятельных языков в силу отсутствия взаимопонимания между их носителями [Lewis 2009] и сближают с западными языками кру [Marchese 1989: 123], куваа в западной части Либерии и семе (чей генетический статус не подтверждён), расположенный дальше всего от прочих языков семьи, в южной части Буркина-Фасо. Выше уже указывалось (Глава 4), что ранее семе ошибочно причисляли к языкам манде или гур. Иногда к изолятам причисляют и язык девойн.

Соответствия между различными семьями языков региона и языками кру дали почву для дискуссий о направлениях доисторических миграций носителей последних. По всей вероятности, языки кру ранее были распространены значи-

тельно севернее нынешнего ареала, возможно в зоне лесосаванн Гвинеи и западных районов Кот-д'Ивуара, однако их носители были затем оттеснены на юг более развитыми и многочисленными народами семьи манде. Эксклавы носителей кру, возможно, существуют на протяжении всего побережья от Фритауна (Сьерра-Леоне) до Абиджана (Кот-д'Ивуар), существует неподтверждённая информация о существовании отдельных групп кру даже на габонском участке побережья [Zogbo 2012]. Небольшая группа предков сегодняшних семе мигрировала, напротив, к северу [Person 1966]. Эта точка зрения поддерживается и фольклорными, и некоторыми историческими данными [Behrens 1974; Lauer 1978].

Карта 6. Языки кру¹⁸⁸

Таким образом, сегодня зона языков кру расположена на территории трёх государств Западной Африки: Буркина-Фасо, Либерии и Кот-д'Ивуара (см. Карту 6). При этом в Либерии говорят только на языках западной ветви (и куваа), в Кот-д'Ивуаре – как на западных, так и на восточных языках. С севера к данному

¹⁸⁸ Источник: [Marchese 1989: 120].

ареалу – в обеих странах – примыкает зона распространения южных и юго-западных языков манде; на востоке языки дида и айзи граничат с зоной распространения языков семьи ква. Контактные явления, таким образом, объясняются прежде всего соседством с этими двумя крупными объединениями языков, также входящими в состав макросемьи нигер-конго.

Большинство работ последних десятилетий, посвящённых языкам кру, рассматривают прежде всего характерные аспекты их фонологической системы. Действительно, фонология языков кру представляет большой интерес для исследователя, в том числе своим развитым вокализмом. Типичной для современных языков кру является девятичленная система гласных фонем, с противопоставлением узких гласных по признаку продвинутости корня языка (\pm ATR): *i/ɪ*, *u/ʊ*. В нескольких языках, например в годие, по этому признаку противопоставлены шесть пар гласных. Характерной чертой фонологии кру является гармония гласных по этому признаку, – так, в годие в составе морфемы могут находиться только гласные с одинаковым положением корня языка [Marchese 1975]. Языки восточной ветви развили особый средний ряд гласных, в то время как в западных языках кру важную роль играют назализованные фонемы, увеличивая инвентарь гласных фонем в клао до шестнадцати [Singler 1979].

Системы согласных содержат до пяти рядов смычных: билабиальный, альвеолярный, палатальный, велярный, лабиовелярный. Распространена имплозивная фонема *b*. Слоги в языках кру всегда открытые, типов CV и CLV.

Выделяются языки кру и сильно развитой тонологией. Предполагается, что в праязыке кру существовало четыре уровневых тона [Marchese 1989: 130], в большинстве современных языков их число варьируется от трёх до четырёх, дополняясь контурными тонами, возникшими из сочетания нескольких тонов в одном слоге с долгой гласной фонемой. Тональные противопоставления играют огромную роль в морфологии и синтаксисе: с их помощью образуются формы множественного числа имён существительных (например, в семе: *twè* ‘пчела’, мн. ч. *twé*), формируются видовременные и модальные противопоставления в системе глагола. Многочисленные комбинаторные тонологические правила существуют в рамках глагольной и именной синтаксических групп. Роль тонов велика и в системах личного согласования, где нередко формы показателей различных лиц и чисел на сегментном уровне совпадают, различаясь лишь тонами. Крайним случаем здесь можно считать язык вост. кран, где из шести местоимений имперфективной серии пять имеют сегментную основу *a/ǎ* (Табл. 6.2) [Marchese 1986: 61].

Таблица 6.2

	ед. ч.	мн. ч.
1 л. ед. ч.	<i>á</i>	<i>à</i>
2 л. ед. ч.	<i>â</i>	<i>ā</i>
3 л. ед. ч.	<i>ã</i>	<i>ã̄</i>

Сегодняшние местоимения в языках кру в большинстве своём имеют структуру V, а в отдельных случаях и вовсе могут выражаться несегментными индексами, ср., например, в гребо:

- (26) \emptyset *dù-nè-nē*
 2SG измельчать
 ‘Ты измельчил его’ [Innes 1966: 61].

Вероятно, этот феномен является результатом редукции существовавшей ранее более развитой в сегментном отношении системы, а выпадение сегментных единиц шло параллельно с повышением роли и количества тоновых противопоставлений, как это происходит и в историческое время в некоторых языках мира, например в Юго-Восточной Азии.

Личные местоимения и в целом системы личного маркирования в языках ква изучены весьма слабо. Данные приходится буквально по крупицам собирать по небольшим грамматическим очеркам, словарям и лексическим спискам (большая часть материала собрана в библиотеке Института SIL в Абиджане), которые нередко содержат лишь одну-две местоименные формы, без объяснения оттенков их грамматических значений. Вплоть до 1977 г. языки кру обычно находились «в тени» более крупного объединения ква, согласно классификации Дж. Гринберга, и в результате, например, в коллективной монографии по африканским языкам [Sebeok 1971] им не посвящено ни одной строчки. Основные обзорные работы по языкам кру, в том числе и работы по компаративистике, опубликованы в конце 1970-х – 1990-х годах и в основном принадлежат перу крупнейшего специалиста по языкам семьи – Линель Зогбо (бывш. Маркеше), проживающей в Абиджане. Среди важнейших работ – реконструкция видовременных показателей в праязыке кру [Marchese 1982], сравнительное исследование глагольного морфосинтаксиса [Marchese 1986] и опыт реконструкции системы именных классов [Marchese 1988]. Последний интересен для нас тем, что содержит, по-видимому, единственную на сегодняшний день попытку восстановить личные местоимения праязыка семьи кру, причём речь идёт лишь о третьем лице обоих чисел [Ibid.: 325–327]. Большую роль в обосновании единства и генетического статуса языков кру сыграл обзор [Marchese 1989], описывающий основные фонологические и морфосинтаксические параметры языков кру в сравнительно-исторической перспективе. Значительный объём данных о фонологии и грамматике, в том числе о личных местоимениях, был исследован в рамках проекта «Лингвистический атлас языков кру», итоговый выпуск которого был издан в 1984 г. [Marchese 1984].

Специальных исследований по реконструкции системы личного маркирования праязыка кру на сегодняшний день нам не известно.

В числе основных особенностей местоименных систем в языках кру, помимо уже упомянутых фонологических характеристик, следует указать их относительную гомогенность. По сравнению с другими семьями НК языков, рассмотренных

в предыдущих главах (и, конечно, по сравнению с местоимениями в атлантических языках и языках манде, о которых речь пойдёт ниже), даже беглый анализ форм в языках кру выявляет их значительное формальное сходство. Это может являться следствием географической компактности ареала и контактного взаимовлияния между языками семьи, поддерживающего генетически унаследованное сходство. Однако даже язык семе, удалённый от основной зоны распространения народов кру, имеет весьма близкую систему личных показателей. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о сравнительно недавнем расхождении языков кру из единого источника и облегчает реконструкцию.

Оппозиция между различными синтаксическими значениями местоимений одного лица и числа в кру выражена довольно сильно. В большинстве языков существует от двух до четырёх синтаксических серий местоимений, выступающих в различных позициях в предложении (показатели субъекта и прямого объекта глагола, фокализованного неглагольного субъекта, именной притяжательности). Помимо этого, в результате активных процессов контаминации показателей субъекта с глагольными маркерами вида/времени, наклонения и полярности рождается оппозиция между различными морфологическими сериями субъектных показателей, число которых может достигать до пяти-шести. Многие видовременные и модальные показатели глагола, являющиеся в кру преимущественно клитиками, успешно реконструированы в работе [Marchese 1986], что позволяет в некоторых случаях указать на происхождение тех или иных серий личных местоимений. Приведём несколько примеров.

В качестве показателя имперфектива в языках кру выступает проклитический маркер *a*, помещаемый в позицию после субъекта, ср. в клао:

- (27) *dó ā blē*
 До IPFV петь
 ‘До (имя собственное) поёт’.

Его слияние с личными местоимениями генерирует имперфективную парадигму, ср. в крумен-тепо (Табл. 6.3).

Таблица 6.3

	фактатив (немаркированная)	имперфектив
2 л. ед. ч.	<i>nì</i>	<i>nìì</i>
3 л. ед. ч. (лич.)	<i>ḡ</i>	<i>ḡḡ</i>
1 л. мн. ч.	<i>à</i>	<i>àà</i>
2 л. мн. ч.	<i>ā</i>	<i>āā</i>

О том, что удвоение гласной является следствием именно слияния с *a*, можно также судить по местоимениям языка уобе: *ĩ* ‘я’ < **mĩ* (перфектив), но *mā* (имперфектив) < **m-ā*. То же в девойн: *ĩ* ‘я’ (перфектив), но *nā* (имперфектив)

[Marchese 1986: 53–54]. Учитывая то, что имперфектив в африканских языках обычно более маркирован, нежели перфектив или фактатив [Welmers 1973], появление более расширенной имперфективной серии личных местоимений представляется вполне логичным.

Распространённым показателем условного и сослагательного наклонений в языках кру является *BO*, состоящий из губной согласной (*b*, *p*, *b*) и гласной заднего ряда (в основном *o*, *ɔ*), ср. в зап. кран:

- (28) *pò* *ì* *ní* *é*
 COND 2SG делать 3SG.INAN
 ‘Если ты сделаешь это’.

Располагаясь преимущественно в крайне левой позиции в предложении, этот маркер может сливаться с личным местоимением, образуя в ряде языков особую сослагательную серию [Marchese 1986: 153–155], ср. в клао (Табл. 6.4).

Таблица 6.4

	фактатив (немаркированная)	сослагательное наклонение
3 л. ед. ч. (од.)	<i>ḡ</i>	<i>bḡ</i>
1 л. мн. ч.	<i>à</i>	<i>bà</i>
2 л. мн. ч.	<i>á</i>	<i>bá</i>
3 л. мн. ч.	<i>ī</i>	<i>bī</i>

Аналогичным образом происходит слияние личных показателей с маркерами отрицательной полярности **se* и **né*, также выступающими в постсубъектной позиции [Marchese 1986: 167 ff.]. Лично-числовое значение при этом может выражаться исключительно с помощью тона на соответствующем показателе отрицания, то есть на сегментном уровне последний фактически заменяет личный показатель. Это явление известно и в языках манде, географически близких кру, например в кпелле, см. Главу 7. Иногда же, напротив, значение отрицания выражается добавлением аффикса к местоимению (басса *m* ‘я’, с отрицанием *m̄*).

В посессивной серии выделяются местоимения, маркирующие отчуждаемую и неотчуждаемую принадлежность (в дида, семе). По-видимому, в обоих языках эта категория заимствована из соседних языков других семей; на уровне праязыка кру она не выводится. Показатели отчуждаемой принадлежности всегда содержат, как и в других языках Западной Африки, некоторый атрибутивный маркер. В семе, к примеру, показатели неотчуждаемой принадлежности совпадают с субъектными местоимениями, а показатели отчуждаемой принадлежности имеют расширение в виде назальности, наблюдаемое также в прямообъектной серии. В дида расширением для местоимений отчуждаемой принадлежности служит *-à/-ā*.

В некоторых языках также различаются показатели прямого и косвенного объекта, однако из-за недостаточности примеров проследить здесь какие-либо закономерности со сравнительно-исторической точки зрения пока не представляется возможным.

Местоимения независимой серии имеют обычно структуру CV/VCV, в последнем случае они происходят из сочетания префигированной гласной и объектного местоимения. В восточных языках кру префикс надёжно восстанавливается как *à-* (по данным языков бете, годие, дида), некоторые следы его присутствия прослеживаются и в плюральных формах западных языков. В некоторых случаях формы этой серии образуются добавлением суффикса, например, *-ne/-re* в семе. Генетически тесная связь между независимыми и прямообъектными местоимениями видна в языках обеих ветвей семьи кру.

Ниже будут проанализированы по отдельности местоимения первых двух лиц, а затем совместно местоимения 3 л., имеющие свои особенности как по происхождению, так и по грамматическим характеристикам. Как и в предыдущих главах, анализ каждого из лично-числовых значений предваряется сводными таблицами форм, распределённых по четырём базовым синтаксическим сериям. Языки в таблицах сгруппированы по принципу внутренней генетической классификации, название группы дано в скобках после названия языка. Для наглядности в таблицах более тёмным фоном выделены данные языков восточной ветви. Большинство данных в таблицах заимствовано из работ [Marchese 1982; 1984; 1986]. Ссылки на другие источники данных приведены в постраничных ссылках к Табл. 6.5.

1 лицо единственного числа

Таблица 6.5

	субъект	объект	притяжат.	независ.
айзи ¹⁸⁹	<i>n-</i>	<i>-N-</i>	<i>ŋŋɔ, ɲɲɔ</i>	
бакве (бакве) ¹⁹⁰	<i>ń, ǎ</i> (усл.)	<i>mĩ</i>	<i>ná</i>	<i>móó</i>
бете (бете) ¹⁹¹	<i>ń, í</i>	<i>-V̄mō'</i>	<i>ná</i>	<i>àmō'</i>
годие (бете) ¹⁹²	<i>ĩ, ñ</i>	<i>V̄, V', ñ</i>	<i>ĩ</i> (но.), <i>ná</i> (о.)	<i>àmó, àtó</i>
дида (дида)	<i>ń</i>		<i>ná</i>	
дида-вата ¹⁹³	<i>ñ'</i>	<i>àmĩ, àmé</i>	<i>ñ'</i> (но.), <i>nā</i> (о.)	<i>àmĩ</i>
дида-кагве ¹⁹⁴	<i>ñ</i>			
дида-лозуа	<i>ĩ</i>			

¹⁸⁹ [Herault 1971].

¹⁹⁰ [Bakwe 2009].

¹⁹¹ [Werle, Gbalehi 1976].

¹⁹² [Marchese 1978; Godé 2008].

¹⁹³ [Vogler 1987].

¹⁹⁴ [Koopman, Sportiche 1982].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
нейо (дида) ¹⁹⁵	<i>é, í, ná</i>			<i>mó</i>
басса (басса)	<i>m, mʹ</i> (отр.)			
девойн (басса)	<i>í</i>	<i>mó</i>	<i>ná</i>	<i>mó</i>
крумен-тепо (гребо) ¹⁹⁶	<i>N, í, mó</i> (буд.)	<i>mó, mʹ, mó</i>	<i>mó</i>	<i>mó</i>
крумен-плауи ¹⁹⁷	<i>né</i> (имперф.), <i>é</i> (перф., буд.)		<i>má</i>	<i>má</i>
гребо (гребо) ¹⁹⁸	<i>ě, né, ū</i>	<i>ěne, ele, mó, me</i>	<i>ná, nā, nǎ, ne, ne, nɔ, to</i>	
клао (клао) ¹⁹⁹	<i>ná</i> (имперф.), <i>ní</i> (перф.), <i>bé</i> (сосл.)	<i>mɔ', mɔ', m'</i>	<i>ná</i>	<i>mɔ'</i>
клао-гало ²⁰⁰	<i>dě'</i>	<i>bú</i>	<i>dě'a</i>	
уобе (уэ) ²⁰¹	<i>í'</i> (негл.), <i>mā'</i> (имперф.), <i>ě/é</i> (перф.)	<i>ɔ̃, ɔ̃wɛ̃/ɔ̃'wɛ'</i> (кон.)	<i>mā, mā'</i>	<i>mɔ̃o</i>
юж. уэ (уэ) ²⁰²	<i>m'</i>	<i>(m)ɔ̃'</i>		
зап. кран (уэ) ²⁰³	<i>ǎ/ǎ'</i> (имперф.), <i>ǎ/ǎ'</i> (перф.)		<i>ǎ', é'</i>	<i>mó</i>
вост. кран (уэ) ²⁰⁴	<i>ǎ'</i> (имперф.), <i>ǎ'</i> (перф.)			
нябва (уэ) ²⁰⁵	<i>ǎ'</i> (имперф.), <i>ǎ/ǎ'</i> (перф.), <i>ǎǎ'</i> (прог.)		<i>ǎ'</i>	<i>ǎmɔ</i>

¹⁹⁵ [Grah 1983].

¹⁹⁶ [Thalman 1980; 1987].

¹⁹⁷ [Thoiré 1933].

¹⁹⁸ [Hasselbring, Johnson 2002].

¹⁹⁹ [Rickard 1970; Duitsman et al. 1975].

²⁰⁰ [Singer 1979].

²⁰¹ [Hofer, Link 1980 (1973)].

²⁰² [Paradis 1983].

²⁰³ [Bing, Duitsman 1993].

²⁰⁴ [Bentinck 1978].

²⁰⁵ [Sauder, Wright 2000].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
куваа ²⁰⁶	<i>mà, mǎ</i> (отр.)			<i>ǎmí</i>
семе ²⁰⁷	<i>ń, né</i>	<i>mǒ</i>	<i>ń</i> (но.), <i>mǒ</i> (о.)	<i>mone</i>

Местоимения 1 л. ед. ч. характеризуются несколькими особенностями, общими для абсолютного большинства языков кру. В первую очередь отметим, что они основаны на носовой фонеме: это в основном *n/m*, которые можно считать близкими *N*, слоговой носовой фонеме, гоморганной по отношению к последующему согласному звуку и распространённой во множестве НК языков Западной и Центральной Африки в качестве показателя 1 л. ед. ч. В субъектной серии немаркированное местоимение *N/n/m*, обычно имеющее значение фактатива или перфектива, не имеет расширений. В ряде языков отмечаются его вокализованные варианты, в основном переднего ряда: *ĩ* (девойн, крумен-тепо, уобе, нябва, зап. кран), *ẽ* (зап. кран, нябва), *ẽ* (уобе), но также и заднерядные варианты *ǒ* (вост. кран) и *ĩ* (годие, дида-лозуа). Неназализованные показатели присутствуют лишь в нескольких языках: нейо *é*, крумен-плауи *é* (но ср. имперфективное местоимение *né*), гребо *ě* (но также *né* и *ĩ*, по данным различных диалектов). В крумен-тепо гоморганная носовая проявляется перед смычными, в то время как перед фрикативными в том же аспектуально-темпоральном значении используется *ĩ*:

- (29) *ń* *pà* *m*
1SG входить PFV
'Я вошёл',

но

- (30) *ĩ* *hí* *nì*
1SG проходить PFV
'Я прошёл' [Marchese 1984: 97].

Исходя из этого, источником всех данных форм можно считать праформу, имевшую назальный элемент и переднерядный вокализм, то есть **Ni/*Ne*, где на глубинном уровне могли находиться как **n*, так и **m*. В результате частотного употребления в пропредикативной позиции происходит редукция гласной личного показателя; этот процесс широко распространён в других НК языках, которые мы подробно рассматривали в предыдущих главах настоящей работы.

²⁰⁶ [Ingemann, Thompson 1936].

²⁰⁷ [Prost 1964].

Какая именно согласная фонема должна быть реконструирована в качестве источника гоморганной *N*, помогают прояснить маркированные местоименные формы различных морфологических серий. В позиции непосредственно перед грамматическим маркером структуры *V*, слившимся с местоимением, качество носовой согласной проясняется, в результате мы видим, например, в семе *ń* ‘я’, но *mó* ‘мой’. В уобе добавление к местоимению *ĩ* общего для языков кру имперфективного показателя **a* приводит к появлению имперфективного личного показателя *mā*. Это позволяет предположить лабиальную природу происхождения *N*. Логично, следовательно, что немаркированная форма *ĩ/í*, которую вполне можно восстановить на праязыковом уровне, в конечном счёте происходит из **mí* (с высоким тоном, как это следует из данных Табл. 6.5). К такому же выводу приводит и сопоставление с местоимением дида-вата *àmí* ‘я, меня’.

Впрочем, экстраполировать такой подход на все языки кру не получается. Объектные и независимые местоимения, имеющие форму *mV* и *VmV*, не являются уникальными для 1 л. ед. ч., а распространяются на всю парадигму, ср. бакве *mī* ‘меня’, *mì* ‘тебя’, *āmī* ‘нас’ и т. д. В отсутствии полной парадигмы независимых местоимений в куваа нельзя подтвердить и происхождение формы *āmī* ‘я’. Таким образом, реконструкция начальной **m-* в местоимении 1 л. ед. ч. поддерживается данными лишь нескольких языков семьи. Однако их распределение вполне сбалансировано: это дида (восточная ветвь), басса и уобе (западная ветвь) и изолированный язык семе. Распространение начальной *m-* на другие формы в составе парадигмы могло происходить в результате аналогического выравнивания.

Субъектные местоимения *nV* с «прояснённой» дентальной согласной присутствуют в крумен, гребо, клао (эти три языка соседствуют друг с другом и все принадлежат к западной ветви семьи кру) и семе. При этом во всех четырёх языках в несубъектных сериях видим также формы типа *mV*. Очень возможно, что местоимение с зубной носовой фонемой является результатом развития гоморганного звука, т. е. имел место фонетический процесс **m- > *N- > *n-*, а добавление видо-временных маркеров определило вокализацию показателя, отсюда, к примеру, *ná* (имперфектив) и *ní* (перфектив) в клао. Загадочная форма *dě* в клао-тало, засвидетельствованная в работе [Singler 1979: 7], объяснений не находит, но может являться результатом фонетической трансформации *ne*.

Особого внимания в этой же связи заслуживают притяжательные местоимения *ná* в целом ряде языков кру, как восточных (бакве, бете, годие, дида), так и западных (девойн, клао, а также диалекты гребо). Исходя из распространённости этого местоимения, его реконструкция на праязыковой уровень весьма логична. Известно при этом, что *á/ā* является широко распространённым показателем ассоциативности и посессивности в языках кру, проходящим через всю парадигму личных местоимений: мы находим его в дида (ср. *à* ‘мы’, *àā* ‘наш’ и т. д.), годие, клао, девойн, уобе. В дида и годие, где различаются неотчуждаемая и отчуждаемая принадлежность, посессивный маркер маркирует только последнюю: существительные, обозначающие родственников и частей тела (т. е. имена неотчуждаемой

принадлежности) употребляются с притяжательным показателем, аналогичным субъектному. Присоединение посессивного маркера *-a* к *n-* в 1 л. ед. ч. свидетельствует о том, что это произошло уже после перехода **m-* > **N-* > **n-*. Подтверждает эту гипотезу то, что во всех языках, где мы видим местоимение *ná*, в субъектной серии мы не находим форм модели *mV*.

В двух изолированных языках кру посессивные местоимения образуются по иной модели. В айзи единым притяжательным суффиксом для всей парадигмы является *-nɔ/-nɔ*, а в семе во всех формах, кроме 2 и 3 л. ед. ч., притяжательные местоимения аналогичны субъектным (для имён неотчуждаемой принадлежности) или объектным (для имён отчуждаемой принадлежности).

Объектные местоимения 1 л. ед. ч. образуются в ряде языков добавлением к исходному *N-* заднерядной гласной, нередко назализованной, – это бете *-mɔ́*, девойн *mɔ́*, крумен *mɔ́*, гребо *mo/me*, клао *mɔ́/mɔ́*, юж. уэ *mɔ́* и семе *mɔ́*. Форма клао-тало *bɔ́* происходит из того же источника. Там, где объектная форма нам неизвестна, о ней можно примерно судить по независимым местоимениям, которые в языках кру обычно генетически близки объектным. Есть достаточные основания реконструировать праязыковое объектное местоимение в виде **mÚ/*mŨ*.

Итогом проведённого анализа является Табл. 6.6, содержащая реконструкцию местоимений 1 л. ед. ч. в обеих основных ветвях языков кру и в праязыке семьи.

	субъект	объект	притяжат. (о.)	независ.
вост. кру	<i>*n/*ĭ</i>		<i>*ná</i>	<i>*(à)mÚ</i>
зап. кру	<i>*N(Ī)/*Ī</i> (перф.), <i>*Ná</i> (имперф.)	<i>*mÚ/*mŨ</i>	<i>*Ná</i>	<i>*mÚ/*mŨ</i>
праязык кру	<i>*N(Ī)/*Ī < *mĪ ?</i>	<i>*mÚ/*mŨ</i>	<i>*Ná</i>	<i>*mÚ/*mŨ</i>

Для праязыка восточной ветви есть основания реконструировать в субъектной серии слоговую носовую фонему, в то время как западные языки предоставляют возможность более углублённого анализа. Здесь, как уже обосновывалось выше, также восстанавливается гомоганная носовая, ведущая происхождение, весьма вероятно, из **mĪ*, о чём можно судить по следам в нескольких языках. В немаркированном значении фактатива / перфектива гласная субъектного показателя имела переднерядную артикуляцию – **e* или **i* (последняя обнаруживается также в восточном языке бете, диалект гбади), в имперфективе же она повсюду заменяется гласной **a*, реконструируемой как постсубъектный показатель имперфектива для всей западной ветви. Таким образом, наиболее консервативной реконструкцией для праязыка кру, учитывающей данные обеих ветвей, будет субъектный показатель **N*.

В объектной серии, к сожалению, восточные языки не дают нам оснований для однозначной промежуточной реконструкции. Здесь встречаются формы моделей *mI*, *mU*, *N*, *V*. В западных языках имеются все основания восстанавливать

форму **mŭ* с реализацией заднерядного гласного как *o*, *ɔ*, *u* и вероятной назализацией. Та же гласная должна быть восстановлена и для независимого местоимения; при этом нужно отметить в данной серии и вокалический префикс **à-* в восточных языках кру – он хорошо соответствует префиксу, с помощью которого формируются независимые местоимения других НК языков, включая ква, бенуэ-конго и убанги. В качестве заимствования префикс **à-* рассматриваться вряд ли может: в непосредственно контактирующих с восточными кру языках семьи ква (адьюкру, бауле, абиджи) его не прослеживается (см. Главу 3).

Наконец, в качестве притяжательного местоимения 1 л. ед. ч. реконструируется **N-á*, образованное слиянием личного субъектного показателя и посессивного маркера **-á*. Весьма вероятно, что наличие последнего было необходимо лишь в конструкциях отчуждаемой принадлежности («моя сумка» по схеме «я-POSS-сумка»), в то время как имена неотчуждаемой принадлежности употреблялись непосредственно с субъектным местоимением («моя рука» как «ярука»). Данное противопоставление функционирует в языках кру и в именных посессивных группах, ср. в годие:

- (31) *kénī á sǝrú*
Кени POSS кошка
'кошка [принадлежащая] Кени',

но

- (32) *áyǝkrá nǝ*
Аикпа мать
'мать Аикпы' [Godé 2008: 135].

Из современных языков кру в местоименных формах категория отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности присутствует в дида, бете и семе, однако не исключено, что при более детальном исследовании вопроса она будет найдена и в других языках.

2 лицо единственного числа

Таблица 6.7

	субъект	объект	притяжат.	независ.
айзи	<i>ŋ-</i>			
бакве (бакве)	<i>ɔ̃, á</i> (усл.)	<i>mì</i>	<i>nà</i>	<i>mɔ̃</i>
бете (бете)	<i>ñ, ì</i>	<i>-Ṽmō</i>	<i>nà</i>	<i>àtmō</i>
годие (бете)	<i>ǎ, ñ</i>	<i>ñ</i>	<i>nà</i>	<i>mɔ̃</i>
дида (дида)	<i>à</i>		<i>nǎā</i>	

	субъект	объект	притяжат.	независ.
дида-вата	<i>ṅ</i>	<i>mḍ</i>	<i>ṅ</i> (но.), <i>nà</i> (о.)	<i>mḍ</i>
нейо (дида)	<i>è, ì, nà</i>			<i>mḍ</i>
басса (басса)	<i>m̄, mḍ̄</i> (отр.)			
девойн (басса)	<i>ṅ̇</i>	<i>mḍ</i>	<i>nà</i>	<i>mḍ</i>
крумен-тепо (гребо)	<i>ṅ, nì</i> (перф.), <i>nii</i> (имперф.), <i>mò</i> (буд.)	<i>mò</i>	<i>mò</i>	<i>mḍ</i>
крумен-плауи	<i>ò</i>		<i>mà</i>	<i>mà</i>
гребо (гребо)	<i>ø, è, ne</i>	<i>ene, lè, mō', mè</i>	<i>nà, nè, bo, mḍ, mo</i>	
клао (клао)	<i>nà</i> (имперф.), <i>ò</i> (перф.)	<i>mḍ̄, mḍ̄̄</i>	<i>ø</i>	<i>mḍ̄</i>
клао-гало	<i>dè</i>	<i>bù</i>	<i>dèá</i>	
уобе (уэ)	<i>ṅ̇</i> (м.), <i>ā</i> (ж.)		<i>mà, mḍ̄</i>	
юж. уэ (уэ)	<i>m̄</i>	<i>(m)ḍ̄</i>		
зап. кран (уэ)	<i>ṅ̇</i>	<i>ṅ̇</i>	<i>à</i>	
вост. кран (уэ)	<i>à</i> (имперф.), <i>ò</i> (перф.)		<i>à</i>	
нябва (уэ)	<i>è/è̇</i> (м. перф.), <i>ṅ̇</i> (м. имперф.), <i>ā</i> (ж.), <i>āà</i> (ж. имперф.)	<i>mō</i>	<i>àá</i> (м.)	<i>àmō</i>
куваа	<i>mù</i>			
семе	<i>á</i>	<i>ákú</i>	<i>á</i> (но.), <i>ákú</i> (о.)	<i>aré</i>

Практически во всех языках кру, данными которых мы располагаем, прослеживается любопытная закономерность – формальная идентичность форм первых двух лиц единственного числа на сегментном уровне. Противопоставление между лицами выражено с помощью супraseгментного признака – высокого (или средне-высокого) тона местоимений 1 л. ед. ч. и низкого тона местоимений 2 л. ед. ч. До сих пор в нашем изложении мы не находили аналогов этому любопытному явлению; зато оппозиция «высокий тон в 1 л. – низкий тон во 2 л.» при сегментном сходстве существует, например, в географически близких кру языках манде (см. Главу 7).

Своеобразное фонетическое сходство личных местоимений первых двух лиц единственного числа в большинстве языков кру явно восходит к праязыковому состоянию и могло явиться следствием аналогических процессов в рамках праязыковой парадигмы. То, что такие процессы свойственны в целом языкам семьи, хорошо видно и на материале плюральных местоимений, которые, как

мы увидим ниже, представляют собой аналогичные пары, противопоставленные по тональным характеристикам. Однако некоторые формы из Табл. 6.5 и 6.8 позволяют предположить, что в праязыке вокализм местоимений 1–2 л. ед. ч. мог различаться. Это изолированный язык куваа (*mà* ‘я’, но *mì* ‘ты’) и уже упомянутые формы дида-вата (*àmí* ‘я, меня’, но *mɔ̀* ‘ты, тебя’). Если эти материалы будут подкреплены данными языков западной ветви, можно будет предположить сохранение следов более архаичного состояния, которые вполне сравнимы с данными языков убанги (**mí* ‘я’, **mò* ‘ты’), сенуфо (**mɛ/*mí* ‘я’, **má/*mí* ‘ты’), некоторых языков гур (ган-догосе **mí* ‘я’, **mɔ̀* ‘ты’) и атлантических языков (будут рассмотрены в Главе 8).

В языке айзи дентальный носовой показатель *n*- в 1 л. ед. ч. противопоставлен веларному *ŋ*- во 2 л. ед. ч. К сожалению, информации о личных показателях в айзи в нашем распоряжении крайне мало, но можно предположить, что разница между артикуляционными характеристиками обеих форм также происходит из исторического различия в вокализме – переднерядный в 1 л. и заднерядный во 2 л.

В некоторых диалектах западных языков крумен, клао и гребо показателем 2 л. ед. ч. субъекта может выступать нулевая морфема – супрасегментный низкотоновый индекс на первом слоге последующей словоформы. Явление «нулевых» тональных индексов в качестве показателей лица и числа весьма характерно для языков географически близкой юго-западной группы манде [Бабаев 2011б], однако там тональными индексами маркированы 1 и 3 л. ед. ч. Нулевой формант со значением 2 л. ед. ч. в целом для языков мира нехарактерен. Однако в Западной Африке он встречается. Например, такой показатель известен в языках гур – в языках йом (его функции не совсем ясны, см. [Beacham 1968: 94]) и конни. В последнем нулевая морфема не несёт даже тона и употребляется повсеместно, за исключением неглагольных и зависимых глагольных клауз:

(33) *ñ* *sí-á* *mìŋ*
 1SG купаться-IPFV PROG
 ‘Я купаюсь’;

(34) \emptyset *sí-á* *mìŋ*
 2SG купаться-IPFV PROG
 ‘Ты купаешься’;

(35) *dí* *fí* *díí*
 SUBJ 2SG есть
 ‘Чтобы ты поел’ [Cahill 1999: 432, 450].

Нулевое маркирование 2 л. ед. ч. обнаруживается также в языке адьюкру семьи ква, который непосредственно контактирует с языками кру в центральном

Кот-д'Ивуаре, но здесь нулевой маркер функционирует и во 2 л. мн. ч. [Hill 1995: 88]. Кроме того, объяснить сходство между адьюкру и зап. кру контактным влиянием проблематично – в языке дида, чей ареал непосредственно примыкает к ареалу адьюкру, нулевого маркера 2 л. как раз не зафиксировано.

Сегментное фонетическое противопоставление между местоимениями первых двух лиц присутствует в семе (*n/né* 'я', но *á* 'ты'). Здесь местоимения могли испытать влияние соседнего языка тусиа (периферийный язык гур), где находим *m̄* 'я, меня', *a* 'ты' (см. в Главе 4). Объектная форма семе *ákú* возникла, по-видимому, под влиянием местоимения 3 л. ед. ч. *àkū*.

Уобе и нябва – единственные языки кру, где во 2 л. имеется противопоставление субъектных местоимений по грамматическому роду. Выражается оно различием вокализма и, скорее всего, возникло под влиянием форм 3 л., где категория рода проявляется и в других языках семьи. К сожалению, наши сведения о системе личного маркирования в уобе и нябва неполны: остаётся неясным, распространяется ли родовая оппозиция на другие синтаксические серии, кроме субъектной.

В независимой серии большинства языков кру преобладают формы *m̄*. Элемент *m̄* распространён по всей парадигме независимых местоимений, однако именно во 2 л. ед. ч. мы практически не встречаем других огласовок. Лишь в бете видим *àm̄*, в крумен-плауи *m̄*, в нябва *àm̄*. Реконструкция (*à*)*m̄* для праязыкового состояния выглядит вполне логичной. Форма семе *áré*, видимо, заимствована из сев. тусиа (семья гур) *are/are*. И в сев. тусиа, и в семе суффикс *-re* распространился на большинство местоимений независимой серии.

Мы имеем возможность постулировать следующую реконструкцию праязыковых местоимений 2 л. ед. ч. в языках кру (Таблица 6.8).

Таблица 6.8

	субъект	объект	притяжат. (о.)	независ.
вост. кру	* <i>n̄</i> /* <i>ĭ</i>	<i>m̄/m̄/m̄</i>	* <i>nà</i>	*(<i>à</i>) <i>m̄</i>
зап. кру	* <i>Ṁ</i> (<i>ĭ</i>)/* <i>ĭ</i>	* <i>m̄</i> /* <i>m̄</i>	<i>nà/mà</i>	*(<i>à</i>) <i>m̄</i> /* <i>m̄</i>
праязык кру	* <i>Ṁ</i> (<i>ĭ</i>)/* <i>ĭ</i>	* <i>m̄</i> /* <i>m̄</i>	* <i>Nà</i>	*(<i>à</i>) <i>m̄</i>

С приведённой реконструкцией соотносится и праформа **ɪ*, предложенная Маркеше [Marchese 1988: 330]. Впрочем, для нас более вероятным представляется наличие в вокалической праформе назализации. Реконструируется и низкий тон, сохранившийся в языках обеих основных ветвей семьи.

Как видно, сопоставление сингулярных местоимений двух первых лиц даёт во многом идентичную картину, с тем лишь различием, что во 2 л. ед. ч. в праязыке надёжно восстанавливается низкий тон.

3 лицо единственного числа

Таблица 6.9

	субъект	объект	притяжат.	независ.
айзи	<i>e-, a-, ε-</i>	<i>a-</i>	<i>owo</i>	
бакве (бакве)	<i>ǰ</i> (м.), <i>é</i> (ж.), <i>ǰ/é/ú/í</i> (нелич.)	<i>émi, úmi, ǰm</i> <i>í, imi</i>	<i>ǰá</i> (м.), <i>éá</i> (ж.)	<i>áǰ, áé, áǰ, áú</i>
бете (бете)	<i>ǰ</i> (лич.), <i>é/á/ǰ</i> (нелич.)	<i>-é/-é/-ǰ</i>	<i>ǰ/ó</i> (лич.), <i>é/é/á/ǰ</i> (нелич.)	<i>é</i>
годие (бете)	<i>ǰ</i> (лич.), <i>ǰ/ǰ/ǰ</i> (нелич.)	<i>ǰ</i> (лич.), <i>ǰ/ǰ/ǰ</i> (нелич.)	<i>ǰ</i>	<i>ǰmǰ</i> (лич.), <i>ǰmǰ/ǰmǰ/ǰ</i> <i>mǰ</i> (нелич.)
дида (дида)	<i>ǰ</i>	<i>-ǰ</i>	<i>ǰ</i>	
дида-вата	<i>ǰ'</i>	<i>mǰ</i>	<i>ǰ</i>	<i>mǰ</i>
дида-кагве	<i>ǰ</i>			
нейо (дида)	<i>ǰ</i> (лич.), <i>é/á/ǰ/ǰ</i> (нелич.)		<i>ǰ</i>	<i>ǰmǰ</i> (лич.), <i>ǰmǰ/ǰmǰ/ǰ</i> <i>ǰmǰ</i> (нелич.)
басса (басса)	<i>ǰ, ǰ'</i> (отр.)	<i>-ǰ</i> (од.), <i>-ε</i> (неод.)		
девойн (басса)	<i>ǰ</i>	<i>ǰ</i>	<i>ǰǰ</i>	<i>ǰmǰ</i>
крумен (гребо)	<i>ǰ</i>			
крумен-тепо	<i>ǰ/ǰ/ǰ/ǰ</i> (од. перф.), <i>ǰǰ</i> (имперф.), <i>ǰ</i> (неод. перф.), <i>ǰǰ</i> (имперф.)	<i>ǰ/ǰ/ǰ/ǰ, ǰo</i>	<i>ǰ/ǰ/ǰ/ǰ</i>	<i>mǰ, mǰ, mǰ, mǰ</i>
крумен-плауи	<i>a</i>		<i>a</i>	<i>a</i>
гребо (гребо)	<i>ǰ</i> (од.), <i>ε</i> (неод.)	<i>mǰ/ǰo</i> (од.), <i>mε</i> (неод.), <i>mǰe, ǰoo</i>	<i>ǰ/ǰe/ǰe</i> (од.), <i>ε/ǰi/εǰe</i> (неод.)	
клао (клао)	<i>ǰ</i> (од. перф.), <i>ǰǰ</i> (имперф.), <i>bǰ</i> (сосл.), <i>e/ε</i> (неод.)	<i>ǰ</i>	<i>ǰ</i>	
клао-гало	<i>ǰ</i> (од.), <i>ǰ</i> (неод.)	<i>ǰ</i> (од.), <i>ǰ</i> (неод.)		
уобе (уэ)	<i>ǰ</i> (м.), <i>ǰ</i> (ж.), <i>ε</i> (нелич.)		<i>ǰǰ</i>	

	субъект	объект	притяжат.	независ.
юж. уэ (уэ)	$\bar{\sigma}$ (лич.), $\varepsilon/\sigma/\bar{\nu}$ (нелич.)	σ (лич.), $\varepsilon/\sigma/\sigma$ (нелич.)		
сапо (уэ)	$\bar{\sigma}$			
зап. кран (уэ)	$\acute{\sigma}$ (од. перф.), $\bar{\sigma}\bar{\sigma}$ (од. имперф.), $\bar{\varepsilon}$ (неод.)	$-\bar{\sigma}'$ (од.), $-\bar{\varepsilon}'$ (неод.)		$\bar{\varepsilon}$
вост. кран (уэ)	$e^h/\bar{\varepsilon}/\bar{o}/\bar{\sigma}$	e^h, i^h, u^h, o		
нябва (уэ)	$\bar{\sigma}$ (м. перф.), $\bar{\delta}/\sigma$ (ж.), $\bar{\varepsilon}\bar{\varepsilon}$ (неод. имперф.), $\bar{\varepsilon}$ (неод. перф.)	$\bar{\sigma}$ (м.)	$\acute{\sigma}$ (м.), $\acute{\varepsilon}$ (неод.)	
куваа	$w\grave{a}/w\grave{\sigma}/\sigma$ (од.), $\bar{\varepsilon}$ (неод.)			
семе	\grave{a}	$\grave{a}k\bar{u}$	\grave{a} (но.), $\grave{a}k\bar{u}$ (о.)	$\grave{a}r\grave{e}$

В отличие от местоимений первых двух лиц, определяющую роль в 3 л. играет категория личности (или, в некоторых языках западной ветви, а также в куваа – одушевлённости): местоимения, обозначающие личных и неличных либо одушевлённых и неодушевлённых референтов, различаются на сегментном уровне. В ряде языков, как восточных, так и западных (бакве, уобе, нябва), функционирует категория грамматического рода, противопоставляющая местоимения мужского, женского и среднего (неличного) рода.

Эта грамматическая оппозиция происходит из системы маркеров именных классов, являющихся источниками местоимений 3 л. в языках кру. Л. Маркеше [Marchese 1988] реконструирует для праязыка четыре сингулярных класса имён существительных единственного числа и три плюральных, сравнивая их показатели с классными аффиксами других языков НК макросемьи. В условиях, когда показатели классов имён существительных в большинстве языков были пересмыслены и грамматикализованы в составе именной основы, система классного согласования наиболее чётко проявляется именно в функционировании местоимений 3 л. В частности, наличие в обоих числах нескольких форм для обозначения неличных референтов объясняется именно классным противопоставлением. В языке годие, например, местоимение 3 л. ед. ч. обозначает референты-существительные из семантических групп жидкостей (вода, молоко, кровь), нетвёрдых масс (туман, ветер, пыль, воздух), небесных тел и природных явлений (солнце, небо, луна, огонь). Местоимения 3 л. в годие обычно совпадают по артикуляционному ряду с конечной гласной соответствующего имени-референта, что говорит о произошедшем слиянии классного суффикса с основой имени: местоимением ε обозначаются такие существительные, как mle ‘животное’, $l\sigma e$ ‘слон’, li ‘копье’

(все с переднерядным вокалическим окончанием), местоимением *a* – *suka* ‘рис’, *jidā* ‘горшок’ (и другие имена с окончанием на гласную среднего ряда), местоимением *o* – *ni* ‘вода’, *no* ‘алкоголь’ (с окончанием на заднерядную гласную). Здесь мы имеем дело со следами системы именного согласования, очень схожей с системами, например, в атлантических языках.

Родовые оппозиции также имеют происхождение в системе именной классификации. Среди народов кру антропонимы, обычно присущие одному полу, могут даваться и представителям другого. Так, в некоторых языках мужчина с женским именем обозначается местоимением 3 л. женского рода, в то время как женщина с традиционно мужским именем – местоимением мужского рода. Следовательно, играет роль именно класс имени собственного, но не фактический пол референта [Marchese 1988].

Происхождение местоимений 3 л. из показателей именных классов в кру можно считать доказанным, причём датировать этот процесс можно периодом существования праязыка семьи, на что указывает большое сходство между системами личных показателей 3 л. в языках различных групп. Данное явление имеет широкие параллели среди других НК языков, о чём уже не раз говорилось в настоящей работе. В частности, 3 л. маркируется с помощью аффиксов именных классов в языках бенуэ-конго, гур, атлантических, следы происхождения местоимений из классных показателей видны в убангийских языках и языках ква.

При реконструкции праязыка кру, однако, следует ответить не только на вопрос об источнике происхождения местоимений 3 л., но и на вопрос о хронологии их переходов парадигму личных показателей из парадигмы именных классных маркеров.

Основным средством создания оппозиции между личными / неличными и одушевлёнными / неодушевлёнными местоимениями 3 л. в языках кру играет вокализм. В качестве местоимения, выражающего личного референта, как правило, выступает *o* (со средним или высоким тоном), и Маркеше [Marchese 1988] совершенно обоснованно реконструирует **o* как праязыковой сингулярный показатель именного класса лиц и, соответственно, местоимение 3 л. ед. ч. для референтов-лиц. Эта реконструкция поддерживается и данными внешнего сравнения, см. предыдущие главы.

Неличные формы варьируют по качеству гласной, в основном это местоимения типа *e/ε*, но также *a*, *o*, *o*, *i*. Для восточной ветви можно предположить сразу три праформы – **ε*, **a* и **o/*o*, присутствующие в языках годие, бете и нейо. В западных языках это в основном **ε* и **o*, последняя при этом в языках уобе и нябва маркирует женский род. Эти две формы можно, таким образом, путём дистрибутивного анализа реконструировать и для праязыка кру.

Маркеше устанавливает праязыковой статус и для **a* как показателя именного класса, отмечая её рефлекс в местоимениях 2 л. ед. ч. женского рода в уобе и нябва [Marchese 1988: 330], а также в именных суффиксах нескольких языков кру. Однако на основании местоименных форм 3 л. эта форма для праязыка семьи

не восстанавливается. Согласно гипотезе Маркеше, приходится постулировать образование местоимений 3 л. из классных показателей уже на этапе существования праязыка кру. Однако на момент распада праязыковой общности местоименная парадигма, в состав которой входили и показатели 3 л., была уже оформлена и, соответственно, должна реконструироваться независимо от парадигмы классных показателей, хотя, по всей видимости, генетическая связь между этими ними была для носителя праязыка кру ещё очевидной.

В образовании притяжательных форм показатели 3 л. ед. ч. следуют модели, о которой говорилось выше – присоединяют высокотоновый посессивный маркер **-á*. На то, что именно таким образом оформлялось притяжательное местоимение и в праязыке, указывают формы бакве *já* и *éá*, а также формы с ассимиляцией **-á*, например уобе *ḡḡ*. В некоторых языках произошла контракция притяжательного маркера с повышением тона личного показателя: годие, дида, нябва *ḡ*. В айзи суффикс **-ŋo/-ŋɔ*, оформляющий все посессивные местоимения, в данном случае принимает форму *-wo*, где глайд образуется в интервокальной позиции, т. е. **ɔ-ŋo > *ɔwo > wo*. Как уже говорилось выше (§ 1 Главы 1), для языков Западной Африки фонетическое чередование *ŋ/w* вполне типично, а нередко эти звуки являются аллофонами одной фонемы.

Объектные и независимые формы 3 л. ед. ч. строятся по различным моделям и не представляют материала для надёжной реконструкции. В числе таких моделей – использование префикса *á-* (в бакве), морфемы *mV*, о которой уже упоминалось выше (годие *ḡmḡ*, *ḡmḡ* и пр., дида-вата *mḡ*, девойн *ḡmḡ*), различные формы вида *nV* (крумен-тепо *nḡ*, *nḡ* и пр., гребо *lɔ/nɔ*). Однако во многих языках объектные местоимения идентичны субъектным.

Тон всех праязыковых местоимений 3 л. ед. ч. следует восстанавливать как средний. Высокий тон находим только в бакве, бете и зап. кран. Низкий тон в семе можно объяснить как выравнивание с формой 3 л. мн. ч., также низкотоновой.

Реконструкция местоимений 3 л. ед. ч. представлена в Табл. 6.10.

Таблица 6.10

	субъект	притяжат. (о.)
вост. кру	<i>*ḡ</i> (лич.), <i>*ē/*ā/*ō</i> (нелич.)	<i>*ḡá</i> (лич.), <i>*ēá/*ōá</i> (нелич.)
зап. кру	<i>*ḡ</i> (лич.), <i>*ē/*ō</i> (нелич.)	<i>*ḡá</i> (лич.), <i>*ēá/*ōá</i> (нелич.)
праязык кру	<i>*ḡ</i> (лич.), <i>*ē/*ō</i> (нелич.)	<i>*ḡá</i> (лич.), <i>*ēá/*ōá</i> (нелич.)

1 лицо множественного числа

Таблица 6.11

	субъект	объект	притяжат.	независ.
айзи	<i>a</i>		<i>aŋo</i>	
бакве (бакве)	<i>ā</i>	<i>āmī</i>	<i>ānā</i>	<i>āmḡ</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бете (бете)	à (дв., мн.), āà (мн.)	-(V)ṅī		àṅī
годие (бете)	à	à	āā	àṅī
дида (дида)	à		āā	
дида-вата	à	àṅī`, àṅé	à	àṅī`
нейо (дида)	à			àṅò
басса (басса)	à (э.), bèā` (и.), ā` (отр.)			
девойн (басса)	à	àṅò	āā	ōṅò
крумен-тепо (гребо)	à (перф.), àà (имперф.)	àṅō	àṅō	àṅō
крумен-плауи	ā			
гребо (гребо)	ā`, à	ane, ale, āmō', ame	ā, ā, àni, ane, hai	
клао (клао)	à (перф.), àà (имперф.), bà (сосл.), mēà	amḍ	à	
клао-гало	à	abù	àá	
уобе (уэ)	à		āā	
зап. уэ (уэ)	à	à(b)ō		
зап. кран (уэ)	à		à	
вост. кран (уэ)	à	à, àu ^h	à	àṅò
нябва (уэ)	à			
куваа	à, ā	nà		
семе	mē	mē	mē (но.), mē (о.)	mene, mene

В языках кру засвидетельствованы спорадические случаи оппозиции эксклюзивного и инклюзивного значений местоимений 1 л. мн. ч. В наших материалах таких случаев два. В басса эксклюзивная форма не маркирована и соответствует местоимениям 1 л. мн. ч. других языков кру; инклюзивное же местоимение образуется сочетанием с ней местоимения 2 л. мн. ч. *bè* 'вы' [Marchese 1984: 233]. Категория кляузности в басса, скорее всего, заимствована из соседнего языка кпелле, где инклюзивные формы образовались таким же образом (см. в Главе 7), или же из общего субстратного источника.

В дида-вата, напротив, немаркированная форма *àṅī* выражает значение инклюзивности. Эксклюзивная форма образуется аналитически, добавлением демонстратива *məṅwá* 'эти', таким образом, возникающее сочетание буквально переводится как 'мы и эти' [Vogler 1974: 113]. Это явление также носит инновационный характер.

Наконец, третья инновация в сфере расширения несингулярных значений местоимений 1 л. отмечается в бете [Werle, Gbalehi 1976], где немаркированная форма \grave{a} обозначает дуалис, а её вариант с долгой гласной оформляет плюральное значение. Однако примеры, приведённые Верле (см. [Marchese 1984: 232]), не вполне убедительны, так как предикаты даны в имперфективной форме, где видовременное значение также требует добавления маркера *-a* к личному местоимению. В отсутствие иных примеров оппозиция дуалиса и плюралиса в бете выглядит весьма шатко. Кроме того, выражение значения двойственного числа при отсутствии ключивности совершенно нехарактерно для языков региона.

В итоге мы можем вполне обоснованно постулировать, что праязык кру расширенных значений местоимения 1 л. мн. ч. не имел.

Основной формой субъектного показателя 1 л. мн. ч. во всех группах языков семьи, а также в изолированных куваа и айзи, является \grave{a}/\bar{a} с низким или средним тональным регистром. По-видимому, исходным является низкий тон, превалирующий в большинстве языков семьи. Единственным исключением является изолированный язык семе с формой $m\bar{e}$. Сравнение объектных и независимых местоимений 1 л. ед. и мн. ч. $m\bar{o}$ и $m\bar{e}$, $mone$ и $mene/mene$ [Prost 1964: 358–359] наводит на мысль о взаимовлиянии двух показателей, их аналогическом воздействии «по горизонтали».

Интересной изоглоссой может считаться форма $(\grave{a})n\bar{i}$, общая для языков восточной ветви в объектной и независимой сериях. К ней, возможно, имеет непосредственное отношение и притяжательное местоимение $\grave{a}n\bar{i}$ в западном языке гребо. В этом случае мы можем иметь дело с праязыковой формой. Та же форма, но с иным тоном анлаутной гласной присутствует и во 2 л. мн. ч. (см. ниже). В других языках (бакве, девойн, крумен и вост. кран) используются независимые местоимения с элементом *-mɔ/-mɔ*, общим для местоимений 1–2 л. обоих чисел. Какой из этих двух элементов, $(\grave{a})n\bar{i}$ с денальным или $\grave{a}m\bar{o}/\grave{a}m\bar{o}$ лабиальным сонантом, оформлял независимые местоимения в праязыке, сказать сложно.

Притяжательные местоимения практически повсюду образованы добавлением посессивного суффикса **-á*, который при контаминации с низкотоновым личным показателем приобретает в ряде языков средний тон (годие, дида, девойн, уобе $\acute{a}\bar{a}$, но ср. клао-тало $\acute{a}\acute{a}$). В тех языках, где притяжательный показатель совпадает по форме с субъектным, он обозначает неотчуждаемую принадлежность.

Сложно сказать наверняка, из какого источника развились прямообъектные местоимения клао-тало $\grave{a}b\bar{i}$ и зап. уэ $\grave{a}b\bar{o}$. Вероятнее всего, мы здесь имеем дело с переходом $m > b/b$, исходя из родственных форм типа крумен $\grave{a}m\bar{o}$. В диалектах языков зап. уэ и вост. кран интервокальная согласная вовсе исчезает, отсюда местоимения $\grave{a}v/\grave{a}u$.

Таким образом, местоимения 1 л. мн. ч. представляют собой достаточно гомогенную картину для реконструкции. Её результаты даны в Табл. 6.12.

Таблица 6.12

	субъект.	притяжат. (о.)	независ.
вост. кру	*à	*àā	*àṅī
зап. кру	*à	*àā/*àá	*àṁU
п्रायस्क кру	*à	*àá	?

2 лицо множественного числа

Таблица 6.13

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бакве (бакве)	á, bá (имп.)	ámí	ápá	ámó
бете (бете)	á	-áṅí		áṅí
годие (бете)	ā	ā	á	āṅī
дида (дида)	á		ā	
дида-вага	ā'	āṅī, ā'ṅē'	ā	āṅī
дида-кагве	ā			
нейо (дида)	ā			āmō
басса (басса)	bè/bè, bèn (отр.)			
девойн (басса)	ā	āmō	āà	āmō
крумен (гребо)				ámō
крумен-тепо	ā' (перф.), ā'ā' (имперф.)	ámō	ámō	ámō
крумен-плауи	a			
гребо (гребо)	ā, o	ane, ale, ā'mō, ame, nū	á, ǎ, ǎni, hǎi	
клао (клао)	á (перф.), áá (имперф.), bá (сосл.)	ámó	á	
клао-гало	ā'	abū'	ā'á	
убе (уэ)	ao, āā	āō	aoā	
юж. уэ (уэ)	ā(b)ō	ā(b)ō		
вост. кран (уэ)	ā	ā, au ^h	ā	amò
куваа	nà			
семе	yē	yē	yē (но.), yē (о.)	yehū, yere

В отличие от форм 1 л. мн. ч., местоимения в Табл. 6.13 менее однородны и включают ряд весьма загадочных форм. В качестве базовой праформы можно восстановить *á/*ā, рефлексy которой имеют либо высокий, либо средний тон. Куваа – единственный язык, где местоимение несёт низкий тон.

Три языка – изоляты куваа и семе, а также западный язык басса – демонстрируют субъектные местоимения структуры CV. Заимствованием можно признать только одно из них – форму *yē* в семе, которая совпадает с местоимением 2 л. мн. ч. в соседних языке сев. тусиа (семья гур) и сенуфо.

Местоимение *bè/bè* в басса значительно любопытнее. Оно могло бы происходить из сослагательной формы с префиксом *b-* (ср. бакве и клао *bá* ‘вы бы’), если бы не переднерядный вокализм. В происхождении этой формы, как можно предположить, участвует НК плюралный классный маркер **bV*, ср. множество сходных личных показателей всех трёх лиц множественного числа в соседних языках ква.

В несубъектных сериях стандартными для большинства языков кру являются модели *ámU* (в западных языках и бакве) и *áŋI* (в восточных языках и диалектах гребо). Элемент *-ŋI* является общим для плюралных местоимений 1–2 л., элемент *-mU*, подробно разбиравшийся выше, распространяется на всю парадигму.

Результаты реконструкции показаны в Табл. 6.14.

Таблица 6.14

	субъект.	независ.
вост. кру	*á/*ā	*áŋI/*āŋI
зап. кру	*á/*ā	*ámU/*āmU
праязык кру	*á/*ā	?

3 лицо множественного числа

Таблица 6.15

	субъект	объект	притяжат.	независ.
айзи	w-			
бакве	ó, í		óá, íá	áó, áí
бете	wá (лич.), (y)í (нелич.)	-wá, -óá, -úé		wá
бете-гдади	wā' (лич.)			
годие	wā (лич.), ī/ō̄ (нелич.)	wā (лич.), ī/ō̄ (нелич.)	wá	wāmá (лич.), īmí/ ō̄mó̄ (нелич.)
годие-койо	á			
дида	mā		māā	
дида-вата	wā', óá	wá	wā	wá
дида-кагве	wā			
нейо	á (лич. перф.), aa (лич. имперф.), í/é/á/ó̄ (нелич.)			átá (лич.), ím í/émé/ámá/ómó̄ (нелич.)

	субъект	объект	притяжат.	независ.
басса	<i>wā', wā'</i> (отр.)	<i>wa</i>		
девойн	<i>é</i>	<i>ē</i>	<i>εè</i>	<i>ēmò</i>
крумен-тепо	<i>ṽ/ṽ'</i> (лич. перф.), <i>ṽ'ṽ'</i> (имперф.), <i>ī</i> (нелич. перф.), <i>ī'ī'</i> (имперф.)	<i>ɔ/ɔ/ε/ɪ/ɲi</i> (лич.), <i>ɲi</i> (нелич.)	<i>ɔ, ɔ, ε, ɪ</i>	<i>nǎ, nǎ', nǎ', nǎ'</i>
крумен-плауи	<i>o, u</i>			
гребо	<i>ḍ/u/ũ/ṽ</i> (од.), <i>i/e/ĩ</i> (неод.)	<i>lu/lũ/lo/nò/</i> <i>none/u</i> (од.)	<i>ó/u</i>	
клао	<i>ī, í</i> (перф.), <i>iε</i> (имперф.), <i>bi</i> (сосл.)	<i>i</i>	<i>í</i>	
клао-гало	<i>ī</i>	<i>ī</i>	<i>īá</i>	
убе	<i>ḍ/ḍḍ</i> (лич.), <i>ɪ</i> (нелич.)		<i>ooā</i>	
юж. уэ	<i>ḍ(ḍ)ḍ</i> (лич.), <i>ɪ</i> (нелич.)	<i>ḍ(ḍ)ḍ</i> (лич.), <i>ɪ</i> (нелич.)		
зап. кран	<i>ḍ</i>			
вост. кран	<i>ā</i> (имперф.), <i>ḍ</i> (перф.), <i>te</i> (нелич.)			
нябва	<i>ḍ/ḍ</i> (лич. перф.), <i>ḍḍ</i> (лич. имперф.), <i>ɪ</i> (нелич.)	<i>nī</i> (нелич.)		
куваа	<i>wò</i> (лич.), <i>e</i> (нелич.)			
семе	<i>yè</i>	<i>yè</i>	<i>yè</i> (но.), <i>yè</i> (о.)	<i>yère</i>

Замечания о грамматических особенностях, сделанные выше при анализе местоимений 3 л. ед. ч., полностью приложимы и к множественным местоимениям 3 л. Здесь также различаются формы для референтов-лиц и прочих референтов, отражая оппозицию, унаследованную от системы именных классных показателей.

Реконструкция местоимения категории лиц **o* для праязыка кру, предложенная Маркеше [Marchese 1988], имеет под собой все основания. Формы с заднерядными гласными *u/o* отмечены в западных языках: крумен, гребо, убе, юж. уэ, зап. кран и нябва. Рефлексом той же праформы, по-видимому, является и местоимение

куваа *wɔ*. Из восточных языков форма *o* обнаруживается только в бакве, однако формы *wa* в бете, годие и дида, как предполагает Маркезе, содержат исчезнувший в языках восточной ветви имперфективный формант **-a*. Однако более вероятно, как нам кажется, сравнение **wa* в вост. кру (также в западном языке басса) с показателем плюрального именного класса лиц **ba-*, известного во многих семьях НК языков. Впоследствии форма **wa* могла подвергнуться редукции в **o* по закону структурной аналогии, ведь все плюральные (а во многих языках – и сингулярные) местоимения субъектной серии в языках кру состоят из одной гласной фонемы, хотя для некоторых из них предполагается развитие из форм типа CV. В этой связи мы склонны расценивать форму куваа скорее как архаизм, а не инновацию и реконструировать исходное местоимение в праязыке как **wa*.

Тоны местоимений 3 л. несколько различаются по двум основным ветвям: на востоке это как средний, так и высокий, на западе преобладает средний тон. В семе и куваа он и вовсе низкий. В этих условиях можно лишь констатировать, что данных для реконструкции тона недостаточно, хотя предположение о том, что этот тон мог быть средним, выглядит наиболее предпочтительным на фоне среднего тона в местоимениях 3 л. ед. ч.

Для местоимений, обозначающих неличных референтов, характерна форма *l* (бете, годие, нейо, крумен, гребо, уобе, юж. уэ, нябва). Сюда же относятся формы *e* в диалектах гребо и языке куваа. В клао, где устранена оппозиция по категории личности / неличности, неличное местоимение *l* обобщено для обозначения всех референтов.

Л. Маркезе склонна реконструировать также неличное местоимение **a* на основании форм в крумен и нейо, однако для этого, полагаем, оснований в фактическом материале недостаточно, хотя и логично предположить, что, как и в единственном числе, местоимений для обозначения неличных референтов различных классов в плюралесе также было несколько.

Таблица 6.16

	субъект.	объект.
вост. кру	<i>*wá/*wā</i> (лич.), <i>*i/*ī</i> (нелич.)	<i>*wá/*wā</i> (лич.), <i>*i/*ī</i> (нелич.)
зап. кру	<i>*ō</i> (лич.), <i>*ī</i> (нелич.)	<i>*nō</i> (лич.), <i>*nī</i> (нелич.)
праязык кру	<i>*wa</i> (лич.), <i>*l</i> (нелич.)	?

В несубъектных значениях местоимения либо совпадают с субъектными, либо добавляют префиксальное *n-*, которое вполне можно объяснить эвфоническими причинами: любое полнозначное слово, за которым следует объектный показатель, в языках кру должно оканчиваться на гласную, и в целях недопущения зияния добавляется протетическая носовая согласная. Объектные местоимения типа *no/ni* отмечены только в западных языках: крумен-тепо *ju/ni*, гребо *nò/lo/lu*, нябва *nī*.

Местоимения 3 л. мн. ч. реконструируются в кру следующим образом (Табл. 6.16).

Сводная реконструкция праязыковых субъектных местоимений в результате выглядит довольно стройной в структурном отношении парадигмой; она представлена в Табл. 6.17.

Таблица 6.17

	вост. кру	зап. кру	праязык кру
1 л. ед. ч.	* <i>í</i> /* <i>ĭ</i>	* <i>Ń(ĭ)</i> /* <i>Ī</i>	* <i>Ń(ĭ)</i> /* <i>Ī</i> < * <i>mĪ</i> ?
2 л. ед. ч.	* <i>ñ</i> /* <i>ĭ̃</i>	* <i>Ń(ĭ)</i> /* <i>Ī̃</i>	* <i>Ń(ĭ)</i> /* <i>Ī̃</i>
3 л. ед. ч.	* <i>ṽ</i> (лич.), * <i>ē</i> /* <i>ā</i> /* <i>ō</i> (нелич.)	* <i>ṽ</i> (лич.), * <i>ē</i> /* <i>ō</i> (нелич.)	* <i>ṽ</i> (лич.), * <i>ē</i> /* <i>ō</i> (нелич.)
1 л. мн. ч.	* <i>à</i>	* <i>à</i>	* <i>à</i>
2 л. мн. ч.	* <i>á</i> /* <i>ā</i>	* <i>á</i> /* <i>ā</i>	* <i>á</i> /* <i>ā</i>
3 л. мн. ч.	* <i>wá</i> /* <i>wā</i> (лич.), * <i>i</i> /* <i>ġ</i> (нелич.)	* <i>ō</i> (лич.), * <i>ġ</i> (нелич.)	* <i>wa</i> (лич.), * <i>ġ</i> (нелич.)

В таблице представлены субъектные формы личных показателей, несущих немаркированное глагольное значение фактатива / перфектива. Как уже говорилось, различные приращения, происходящие из некогда самостоятельных предикативных грамматических маркеров, создали в языках кру множество рядов местоимений (здесь мы именуем их морфологическими сериями, в отличие от синтаксических серий субъекта, объекта и пр.), несущих дополнительную грамматическую нагрузку. Эти приращения могли происходить как справа (как правило, это показатели глагольного аспекта, времени, отрицательной полярности), так и слева (показатели модальности, в основном сослагательного наклонения, императива, инхотатива и пр.). Известно, что ряд таких предикативных показателей можно реконструировать на праязыковом уровне, опыт такой реконструкции осуществляется в уже упоминавшейся работе [Marchese 1986]. Однако в том, что касается хронологии процесса слияния между личными местоимениями и глагольными показателями, уверенности нет. По-видимому, этот процесс начался ещё на стадии праязыка кру и его диалектов. Отсюда наиболее распространённые в современных языках морфологические серии местоимений – имперфективная (с добавлением суффикса *-a), конъюнктивная (с добавлением префикса *b-). Однако стратегии отрицания, футурума, прогрессива по отдельным языкам или группам языков уже различаются, и образование соответствующих серий следует относить к периоду после распада праязыковой общности.

Также к праязыковой эпохе можно отнести образование посессивных форм. Вероятно, что в праязыке кру категория притяжательности различала значения отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. Наименования частей тела и ближайших родственников требовали личных притяжательных показателей, иден-

тичных субъектным, в то время как с именами существительными отчуждаемой принадлежности (предметы, животные и пр.) употреблялась конструкция «местоимение + ассоциативный маркер *-á + имя». Уже в праязыке происходит частичная фузия ассоциативного маркера с местоимениями и образование в итоге особой притяжательной серии последних. После распада языкового единства в ряде языков оппозиция отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности была устранена, а в качестве единой парадигмы посессивных местоимений нередко избирались парадигма форм отчуждаемой принадлежности. Это совпадает с данными других НК языков: при исчезновении из языка категории отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности сохраняется, как правило, именно отчуждаемая форма личного показателя.

Объектные и независимые формы личных местоимений содержат элементы *-mU (обоих чисел) и *-nI (в плюралисе), которые повсеместно встречаются в парадигмах независимых местоимений языков обеих ветвей семьи кру. Исходя из того что ни в одном из трёх изолятов семьи этих морфем не засвидетельствовано, можно сделать предварительный вывод, что их обобщение происходило уже после распада праязыка. Что же касается их источника, то наиболее логичным будет постулировать, что они происходят из распространённых в языках кру показателей фокуса: уобе *te* и *m̄*, дида *mó*, кран *bo*, крумен *ni*. Согласно данным Маркеше [Marchese 1984: 318], основная часть фокализаторов в языках кру происходит из глаголов бытия **tu* и **ni* – их сходство с маркерами независимых местоимений невозможно не принять во внимание. Ср. пример из уобе:

- (36) \bar{o} *m̄* \bar{e} *dē'* *d̄s'ɔ'* *m̄* \acute{e} *jé* \bar{o}
 3SG FOC CONJ ? рынок FOC 1SG видеть 3SG
 'Именно его я видел на рынке' [Marchese 1984: 321].

Уже в праязыке произошло переосмысление классных аффиксов имени и включение их в состав местоименной парадигмы. При этом от следов ранней именной классификации избавиться не удалось – в большинстве языков кру существительные, исторически принадлежавшие к различным классам, требуют и различных местоимений 3 л. Отсюда же и устойчиво сохраняющаяся классификация местоимений 3 л. по категориям личности / неличности, одушевлённости, а местами и грамматического рода.

Отдельного анализа требует вопрос предыстории личных местоимений в языках кру. Заметной является тенденция к структурной унификации парадигмы местоимений, приведению всех перфективных субъектных показателей к виду V. Типичным примером такой парадигмы могут служить языки девойн и вост. кран (Табл. 6.18). Здесь местоимения 1–2 лица обоих чисел имеют единые сегментные базы, различия проводятся по тоновому регистру. Местоимения 3 л. имеют особый вокализм.

Таблица 6.18

	девойн		вост. кран	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>í</i>	<i>à</i>	<i>ó</i>	<i>à</i>
2 л.	<i>ì</i>	<i>ā</i>	<i>ò</i>	<i>ā</i>
3 л.	<i>ó</i>	<i>é</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>

К такому состоянию могли привести интенсивные процессы аналогического выравнивания и взаимовлияния местоимений в рамках парадигмы. Между тем в ряде языков сохраняются следы того, что такого рода состояние явилось результатом редукции более сложных с фонетической точки зрения местоименных форм, имевших структуру CV. Выше описаны свидетельства, позволяющие предположить исходные формы **mí* для 1 л. ед. ч. и **wa* для 3 л. мн. ч. Весьма вероятно, что более глубокий анализ данных языков и диалектов кру позволит обнаружить и другие факты, подтверждающие праязыковую редукцию местоимений. К примеру, на основании данных куваа, сохранившего местоимения структуры CV, можно предположить носовой характер согласной, некогда существовавшей во 2 л. ед. ч. Данные внешнего сравнения позволят подкрепить эти и другие выводы.

ЛИЧНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В ЯЗЫКАХ МАНДЕ

Языковая семья манде состоит более чем из 70 языков, на которых говорит около 30 млн человек в на территории обширного ареала Западной Африки. Наиболее компактно носители языков манде населяют Гамбию, юго-восток Сенегала, юго-западную часть Мали, восточные районы Гвинеи, большую часть территории Сьерра-Леоне, север Либерии, западные и центральные районы Кот-д'Ивуара. Отдельные эксклавы языков манде существуют также на юге Мавритании, на западе Буркина-Фасо, на севере Бенина и западе Нигерии, в Гане. В этом обширном регионе языковое разнообразие очень велико: почти повсеместно можно наблюдать чересполосицу и тесные этнокультурные контакты носителей языков, относимых как к семье манде, так и к атлантической общности, к семьям гур (в Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуаре), ква (в Кот-д'Ивуаре), кру (в Либерии). В Бенине и Нигерии соседями языков манде являются также БК языки. Расположение языкового ареала манде можно видеть на *Карте 7. Языки манде*²⁰⁸ (см. вкладку).

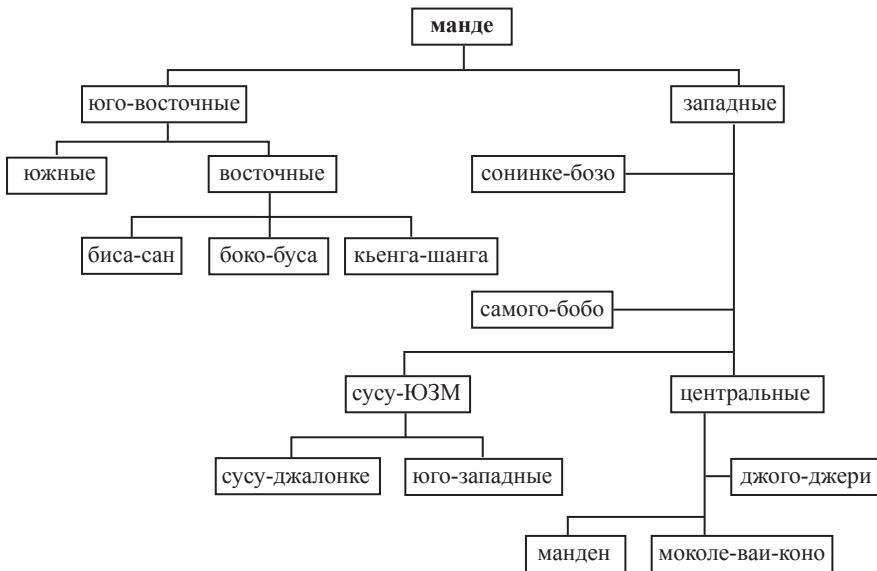
Как уже говорилось в Главе 1, семья манде, по-видимому, является одной из древнейших в Западной Африке: согласно лексикостатистическим подсчётам, носители праязыка манде среди первых отделились от НК языкового сообщества. Между тем возраст семьи не так уж велик и сравним с возрастом хорошо изученных лингвистами семей, например индоевропейской: данные глоттохронологического анализа [Vydrin 2009b: 114] датируют период распада общего предка современных языков манде второй половиной IV тысячелетия до н. э., хотя выдвигались и более ранние датировки.

Структурные и лексические сходства между языками манде (особенно принадлежащими к группе манден) были очевидны исследователям уже начиная с середины XIX в. Тем не менее, хотя попытки классифицировать языки манде предпринимались с тех пор, как Сигизмунд Кёлле впервые сгруппировал их в своей уже неоднократно упоминавшейся «Полиглотте» [Koelle 1854], на сегодняшний день внутренняя классификация семьи даже на уровне основных групп не является бесспорной. Более или менее консенсусной является точка зрения о делении

²⁰⁸ Источник: <http://www.sil.org>

языков манде на две ветви – восточные (включая южные) и западные; из числа последних в свою очередь выделяют несколько групп северо-западных языков (сонинке-бозо и самого-бобо). Что касается генетической классификации более низкого таксономического уровня, то можно назвать по меньшей мере четыре гипотезы последних десятилетий, предложенных соответственно К.И. Поздняковым [1978], К. Грегуар и Б. де Аллэ [Grégoire, Halleux 1994], Р. Кастенхольцем [Kastenholz 1996] и В.Ф. Выдриным [Vydrin 2009b]; последняя из этих работ представляется нам наиболее аккуратной с точки зрения применения глоттохронологического метода. Классификация, изложенная в этой работе, приведена на Диаграмме 7.1.

Диаграмма 7.1

Существующие сравнительные исследования языков манде большей частью анализируют фонологическую систему и лексический состав. Реконструкция некоторых личных местоимений, входящих в состав сто- и двухсотсловных списков базовой лексики, приводятся в диссертационных работах [Long 1971; Vimson 1978], посвящённых сравнению языков западной ветви манде. Последняя, в частности, приводит реконструкцию ряда праформ на уровне праязыка западной ветви семьи. Анализа синтаксических функций местоимений в этих работах не проводится.

Более пристальное внимание к местоименным системам проявлено в работах, посвящённых отдельным группам языков манде. Среди них стоит назвать работу В.Ф. Выдрина [2006б] по реконструкции личных местоимений в южных языках манде, обзорную статью [Davudov 2010] с предварительными заметками по сравнительному анализу личных местоимений в языках группы манден, а также работу [Бабаев 2011б] по реконструкции местоименной системы праязыка юго-западной группы.

При анализе местоимений в языках манде необходимо учитывать ряд особенностей, присущих большинству языков семьи.

Личные местоимения часто обладают просодической структурой, несвойственной знаменательным частям речи. Например, местоимения (и нередко только они) могут иметь слоговую структуру V или VCV (биса *é* ‘ты’, кагоро *ànú* ‘они’), то есть обладать неприкрытым начальным слогом. Неприкрытые слоги в местоимениях столь широко распространены, что возведение этой структуры к праязыку в целом ряде случаев представляется оправданным. Проблема состоит в том, что соответствия между начальными гласными практически невозможно проверить на лексическом материале – раз им обладают только служебные морфемы, никакие сопоставления базовой лексики не смогут подтвердить реконструкцию.

Необходимо учитывать чрезвычайно распространённое явление фузии субъектных показателей лица с грамматическими показателями других глагольных значений. Это явление, распространённое по всей Западной Африке, в языках манде развито, пожалуй, наиболее сильно. Так, личные показатели кумулятивно выражают целый ряд глагольных значений, включая показатели аспекта, времени, наклонения, отрицания, создавая иногда до двух десятков морфологических серий, прежде всего в южных и юго-западных языках семьи (см. ниже в § 1).

В состав личных местоимений инкорпорируются и именные показатели плюральности, к примеру в некоторых языках западной ветви они являются компонентами местоименных форм множественного числа (например, вай *à* ‘он’, *à-nú* ‘они’). Независимые местоимения часто являются продуктами фузии с показателями эмфазы или фокуса (напр., бамбара *né* ‘я (эмфат.)’ < *n* ‘я’ + *dě* маркер фокуса), а притяжательные местоимения – с генитивными клитиками. Все эти морфемы, в разной степени подвергшиеся контракции с исходными личными местоимениями, подлежат идентификации при сравнительном анализе.

Особую роль в местоименных системах языков манде играет тон. Многим языкам манде свойственна богатая тонология (уровень её сложности растёт в языках примерно по направлению с севера на юг), существование которой неизбежно сопутствует сверхкраткой форме личных показателей и супraseгментным оппозициям между ними; из других НК языков это наиболее свойственно соседним с манде языкам кру. Сегментная фонетическая структура местоимений разных лиц или чисел может быть одинаковой, при этом единственным их различием будет являться тоновый регистр (например, коно *n* ‘я’, *n* ‘мы’). Субъектные показатели в целом ряде языков вообще не обладают сегментной формой, выражаясь исключительно тональным индексом на последующей основе сказуемого или его начального слога (например, зиало *krà* ‘я сильный’, *krá* ‘он сильный’). Именно поэтому учёт тонов при реконструкции крайне важен, как важна и собственно реконструкция тонального рисунка праформы. В этой связи отсутствие маркирования тонов в некоторых дескриптивных работах становится настоящим бедствием для исследователя.

Необходимо уделять особое внимание диалектному разнообразию. Недостаточная степень исследования и классификации отдельных групп языков манде может привести к игнорированию множества важных языковых фактов и неверным выводам. К примеру, местоименные системы языков буса, бокобару и боко чрезвычайно сходны, но для реконструкции местоимений восточной группы манде их данных будет недостаточно. В то же время системы личного маркирования в языках бозо, не так давно считавшихся диалектами, различаются довольно сильно, и дополнительный материал может существенно повлиять на реконструкцию системы праязыка бозо, не говоря уже о праязыках более высокого уровня.

Процессы аналогического выравнивания личных показателей в рамках парадигмы в языках манде, как и в других семьях языков Западной Африки, имеют очень широкое распространение. Эти процессы происходят как «по горизонтали», т. е. между формами единственного и множественного числа одного лица, так и «по вертикали», когда уподобляются друг другу формы разных лиц одного числа. Характерным ареальным явлением, замеченным ещё первыми исследователями, является уподобление местоимения 2 л. мн. ч. форме 3 л. мн. ч., оно подробно рассматривается в Главе 3, посвящённой языкам ква, отмечается в других семьях НК языков и, по-видимому, присутствует в некоторых языках манде групп самого и джого-джерри (напр., лигби *nó* ‘вы’, *nò* ‘они’) – отметим близкое соседство лигби именно с языками ква.

В притяжательных конструкциях генитивное имя и местоименный показатель притяжательности всегда предшествуют вершине. Большинство языков используют категорию отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности. Как и в других НК языках, неотчуждаемая принадлежность выражается конструкцией соположения или в случаях когда притяжательный показатель стал связанной морфемой, префиксацией. В конструкциях отчуждаемой принадлежности используется специальный посессивный маркер, разделяющий вершинную именную группу или местоимение и имя обладаемого, ср. в сусу (группа сусу-джалонке):

(36a) *Fààtú xùnyí*
 Фату голова
 ‘голова Фату’;

(36b) *Fààtú xá dòn máá*
 Фату POSS рубашка
 ‘рубашка Фату’ [Touré 2004: 24–29].

При этом нередко притяжательный маркер сливается с предыдущим именем-посессором или местоимением: в последнем случае это явление образует специальную притяжательную серию личных показателей.

Методология работы по реконструкции местоименной системы праязыка семьи манде строится нами в виде последовательности следующих стадий.

На первой стадии проводится подробный анализ доступных источников, накопленный материал по личным местоимениям классифицируется в табличном виде отдельно по каждому значению лица / числа. Данные распределяются по четырём сериям, соответствующим основным синтаксическим позициям личных показателей в предложении: показатели субъекта, прямого и непрямого объекта, притяжательности, а также независимые личные местоимения. Субъектные показатели различных морфологических серий при этом сводятся в одну – субъектную – ячейку.

На следующем этапе анализируется возможность реконструкции систем местоимений в праязыках отдельных групп. Реконструированные таким образом парадигмы ложатся в таблицы наравне с формами живых языков: с одной стороны, это помогает осуществлять ступенчатую реконструкцию, с другой – не закрывает для анализа отдельные языки, которые могли сохранить архаические рефлекс праязыковых форм даже в тех случаях, где они не восстанавливаются в праязыке группы.

Затем из имеющегося материала по каждому значению лица / числа выделяются формы местоименных основ, распространённые в нескольких группах языков, и особенно реконструируемые на среднем уровне.

Консонантные и вокалические соответствия между формами проверяются на лексическом материале там, где это возможно. Вероятность возведения праформы к праязыку семьи зависит от распределения её рефлексов по различным группам, необходимым условием, например, является получение соответствий в языках двух основных ветвей, – восточной и западной. При этом нужно учитывать и возможность конвергентного развития, – так, сходства в формах личных показателей южных и юго-западных языках манде, находящихся на противоположных ветвях дендрограммы, но географически соседствующих, могут оказаться результатом ареального контакта. Составляется предварительный список основ, которые можно возвести на уровень праязыка семьи. Таких основ – «кандидатов» в местоимения праязыка манде, как можно видеть ниже, в § 2, для каждой ячейки обнаруживается не более четырёх.

Наконец, на последней стадии осуществляется проверка реконструкции: объяснение путей трансформации реконструируемых форм для каждой группы языков, а также анализ происхождения инноваций. Другим важным подтверждением реконструкции являются данные внешнего сравнения с другими языками НК макросемьи.

В нижеследующем § 1 мы покажем, насколько подробным должен быть сравнительный анализ систем личных показателей в отдельно взятой группе языков – юго-западной – для достижения надёжного результата реконструкции. К сожалению, материала по языкам некоторых других групп пока недостаточно для такого анализа. Второй параграф настоящей главы содержит предварительные замечания

к реконструкции системы личных местоимений праязыка манде на основе как трёх промежуточных реконструкций (юго-западных, южных языков и манден), так и данных современных языков других групп.

§ 1. Реконструкция личных показателей в юго-западных языках манде

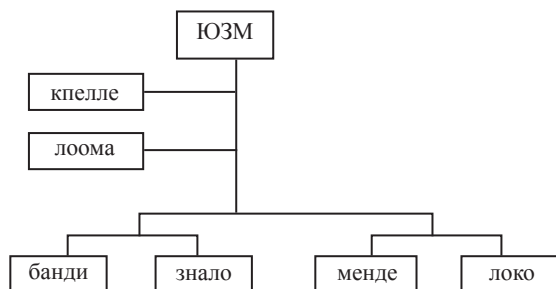
Область распространения языков юго-западной группы семьи манде (далее – языков ЮЗМ) расположена в зонах саванн и экваториальных лесов Западной Африки, на территории трёх государств: Гвинеи, Сьерра-Леоне и Либерии. В состав группы входят шесть языков: банди, менде, локо, клелле, зиало и лоома. Они образуют относительно компактный ареал, соседствуя друг с другом; единственным исключением является локо, ареал которого образует небольшой эксклав на территории Сьерра-Леоне. Географически ЮЗМ языки соприкасаются с районами распространения языков атлантической общности (преимущественно относимых к южно-атлантическим, см. Главу 8) и семьи кру. Географическое расположение ЮЗМ языков показано на Карте 8.

Карта 8. Языки манде юго-западной группы

На сегодняшний день родство между ЮЗМ языками, замеченное ещё С. Кёлле [Koelle 1854], учёными не оспаривается. Существующий консенсус относительно внутренней классификации ЮЗМ языков [Dwyer 2005: 32], в основном подтверждённый лексикостатистическим анализом [Vydrin 2009b], отражён на Диаграмме 7.3 с добавлением недавно изученного языка зиало.

Диаграмма 7.3

Между тем на сегодняшний день не существует сколько-нибудь целостной системной реконструкции ЮЗМ праязыка. Существенные шаги к такого рода реконструкции сделаны Д. Двайром [Dwyer 1973] (сравнительная тонология) и В.Ф. Выдриным (показатели плюральности, начальный консонантизм и система начальных чередований согласных) [2006a]. Система личных показателей, синхронно описанная для ряда языков ЮЗМ вполне подробно, для праязыка оставалась нереконструированной вплоть до выхода в свет статьи [Бабаев 2011б], модифицированный вариант которой представляет настоящая глава.

В работе использованы синхронные грамматические описания и учебные пособия по языкам ЮЗМ. Формы и примеры языка банди приводятся по материалам грамматического очерка [Heydorn 1940–1941], работ [Kovac 1978; Rodewald 1985], диссертации и словаря [Grossmann 1992; Grossmann et al. 1991], а также анонимного грамматического очерка, помеченного в списке литературы как [Bandi, manuscript]. Данные по языку кпелле даются в соответствии с грамматиками [Casthelain 1952; Lassort 1952], учебником [Thach, Dwyer 1981], очерком грамматики либерийской разновидности языка [Leidenfrost, McKay 2005], статьями и докладами по гвинейским диалектам кпелле [Коношенко 2008; 2009]. Для анализа языка локо привлекались два наиболее полных на сегодняшний день исследования [Innes 1964; Kimball 1983], а также краткий сводный очерк [Морозова 2006]. Использованная литература по языку менде – это прежде всего грамматики [Aginsky 1935; Sengova 1981], учебные пособия [Spears 1967; Innes 1971], также в ряде случаев привлекаются данные грамматического очерка [Migeod 1908]. Материалы по языку лоома включают работы [Sadler 2006 (1949); 1951] и [Heydorn 1971] по либерийским диалектам, грамматическое описание гвинейского диалекта лулама [Prost 1967], учебник [Dwyer et al. 1981], сводную работу [Выдрин 1987], диссертацию [Wilhoit 1999] и исследования по диалекту вои-балага [Мищенко 2009; 2010]. Данные языка зило приводятся по работе [Бабаев 2011а].

В первых разделах работы проводится краткий анализ синхронного состояния систем личных показателей в шести языках группы, за которыми следуют выводы о реконструкции праязыкового состояния. Личные показатели каждого языка приводятся по морфологическим сериям, поименованным в единой после-

довательности согласно их грамматическим функциям идентично для всех языков группы. Таким образом, императивной серии (ИМР) в языке банди соответствует серия ИМР во всех остальных языках, а также серия ИМР, реконструируемая для праязыка.

Необходимо при этом отметить, что сводный анализ показателей лица предусматривает объединённый анализ всех морфосинтаксических типов показателей. Таких типов в ЮЗМ языках четыре:

1. Субъектные личные местоимения, т. е. автономные лексемы, обладающие свойствами независимых морфосинтаксических единиц и возможные в клаузе, в частности в позиции подлежащего.

2. Субъектные МПП, клитические морфемы, выражающие согласование субъекта с предикатом в лице и числе, но не являющиеся подлежащим. Многообразие серий МПП объясняется в ЮЗМ языках слиянием личных показателей с глагольными модификаторами, несущими аспектуально-темпоральные, модальные и полярные значения [Creissels 2005]. В клаузе с субъектной ИГ большинства финитных конструкций требуется наличие МПП 3 л., традиционно называемого рекапитулятивным (повторным) показателем.

3. Префиксальные личные показатели (ПП), т. е. связанные, неотделимые и непереместимые морфемы, выражающие различные синтаксические значения (субъекта качественной конструкции, прямого объекта, в ИГ – посессивности).

4. Субъектные квотативные показатели с согласованием по лицу и числу, диахронически представляющие собой слияние МПП с глаголом речи различной степени грамматикализованности. Используются преимущественно для введения косвенной речи.

Морфологические серии личных показателей, отражённые во всех или большинстве рассматриваемых языков и преимущественно восходящие к соответствующим сериям в праязыке, расположены в таблицах в следующем порядке и с помощью следующих аббревиатур:

BAS	базовая серия;
DEP	показатели субъекта в зависимой клаузе;
IPFV	имперфективная серия;
FOC	фокализованная серия;
COM	комитативно-инструментальная серия;
CONJ	сочинительная серия;
PF	полифункциональные показатели (чаще всего – объект переходного и субъект качественного глагола);
POSS	посессивные показатели;
CNTR	серия показателей косвенного объекта (контрактивная);

COND	условная серия;
IMP	императивная серия;
NEG1	негативная серия-1;
NEG2	негативная серия-2;
PROG	прогрессивная серия;
QUOT	квотативные показатели.

В отдельных языках засвидетельствованы и другие серии, которые в таблицах следуют за перечисленными выше.

Целесообразно сделать два замечания о строении фонологических систем ЮЗМ языков.

Слоговая носовая фонема *ŋ реконструирована для праязыка группы У. Уэлмерсом [Welmers 1973], она сохранилась в своём сегментном виде лишь в языке кпелле. Тем не менее в скрытом виде её рефлексы – преимущественно в виде тональных индексов – сохраняются почти во всех языках группы и оказывают существенное влияние на морфонологию личных показателей. В нашей работе данная фонема обозначается в реконструируемых формах, её рефлексы также указываются во фразовых примерах там, где это необходимо для понимания структуры конструкции.

Система начальных консонантных чередований является общей чертой всех ЮЗМ языков. Чередования имеют место в определённых морфосинтаксических позициях и имеют две ступени: «сильную» (преимущественно смычные) и «слабую» (преимущественно фрикативные). В частности, «сильные» согласные функционируют в начале морфемы в том случае, если ей предшествует рефлекс праязыковой слоговой фонемы *ŋ, и «слабеют», следуя за любым иным исходом.

Как и в других языках манде, категория лица представлена в ЮЗМ языках тремя граммемами. Маркеры третьего лица в языках группы, в отличие от многих других языков НК макросемьи, на синхронном уровне составляют неотъемлемую часть парадигмы личных показателей. Кроме того, показатели мн. ч. в банди, локо, зиало, лоома, гвинейских диалектах кпелле обладают категорией расширенного 1 л., включающей значения дуалиса, инклюзивности и эксклюзивности. Личные показатели императивной серии используют противопоставление дв. ч. и мн. ч. во всех языках группы.

Ниже будут представлены детальные характеристики систем личных показателей всех шести языков группы. Некоторые формы варьируют по тону и долготе гласных по различным источникам, что может объясняться как диалектными расхождениями, так и небрежностью в записи: такие варианты в таблицах приводятся через запятую или путём добавления гласной в скобках. Знаком косой черты (/) разделяются морфонологически обусловленные варианты.

Супрасегментные показатели (высокий или низкий тон) отмечены знаком нулевой фонемы с соответствующим маркером тона.

Банди

Таблица 7.1. Личные показатели в банди

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
BAS	<i>ngí</i>	<i>yí</i>	<i>ì/ngì</i>	<i>mù, mò</i>	<i>nì</i>	<i>wú</i>	<i>tì</i>
DEP	<i>ngí</i>	<i>yí</i>	<i>ì/ngí</i>	<i>mù, mò</i>	<i>nì</i>	<i>wú</i>	<i>tí</i>
IPFV	<i>ngá(à)</i>	<i>yá(à)</i>	<i>á(à)/ngà</i>	<i>má(à)</i>	<i>ná(à)</i>	<i>wá(à)</i>	<i>tá(à)</i>
FOC	<i>ná</i>	<i>yá</i>	<i>àá/ngàá, làá</i>	<i>mùyà, mùà, miá</i>	<i>nìá</i>	<i>wúyá, wúá, wá</i>	<i>tìá</i>
COM	<i>ngé</i>	<i>iyè/iyé</i>	<i>là, lá</i>	<i>mùyè, múyé</i>	<i>nìyè, níyé</i>	<i>wúyè, wúyé</i>	<i>tìyè, tíyé</i>
CONJ	–	–	–	<i>màá, má</i>	<i>nàá, ná</i>	<i>wá(á)</i>	<i>tà(á)</i>
PF	<i>ó-</i>	<i>í-</i>	<i>ò-</i>	<i>mù-/mú-</i>	<i>nì-/ní-</i>	<i>wú-</i>	<i>tì-/tí-</i>
POSS	<i>ní-</i>	<i>í-</i>	<i>ngì-</i>	<i>mù-</i>	<i>nì-</i>	<i>wú-</i>	<i>tì-</i>
COND	<i>ngó(ɔ)</i>	<i>yó(ɔ)</i>	<i>óò, òò/ngòò</i>	<i>mó(ɔ)</i>	<i>nó(ɔ)</i>	<i>wó(ɔ)</i>	<i>tò(ɔ)</i>
IMP	–	∅	–	<i>mu</i> (дв.), <i>amu</i> (мн.)	–	<i>à</i>	–
NEG1	<i>ngáá</i>	<i>yáá, yàa</i>	<i>àà/ngàà, làà</i>	<i>màà</i>	<i>nàá</i>	<i>wáá, wàa</i>	<i>tàà</i>
NEG2	<i>ngéí</i>	<i>yéí</i>	<i>èì/ngèì</i>	<i>mòlì, méí</i>	<i>nèí, néí</i>	<i>wèì, wéí</i>	<i>tèì</i>
PROG	<i>ngàngà</i>	<i>yáyà, yaa</i>	<i>àà/ngaa</i>	<i>mámá, maa</i>	<i>náná, naa</i>	<i>wáwá, waa</i>	<i>tátá, taa</i>
QUOT	<i>ngè</i>	<i>yε</i>	<i>ε</i>		<i>nε</i>	<i>wε</i>	<i>tε</i>
HAB	<i>ngóò</i>	<i>yóò</i>	<i>óò</i>	<i>móò</i>	<i>nóò</i>	<i>wóò</i>	<i>tóò</i>

Ниже дана сводная таблица основных предикативных конструкций с использованием каждой из приведённых серий, с последующими фразовыми примерами. Знаком *V* в схемах конструкций обозначен предикат.

Таблица 7.2. Функции личных показателей в банди

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	<i>BAS V-ní</i>	претерит	(41)–(42)
	<i>BAS V-a/-nga</i>	комплетив	
	<i>BAS V-i</i>	аорист	
	<i>BAS V-ngó</i>	перфект	
DEP	<i>DEP V</i>	в зависимой (прежде всего релятивной) клаузе: фактатив, опатив, дебитив, POSSIBILITY	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
IPFV	<i>IPFV V</i>	прогрессив, хабитуалис и проспектив, а также в придаточных клаузах условия и времени, относящих действие к плану непрошедшего	(37)
FOC	<i>FOC (l)</i>	контрастивный фокус, эмфаза	(38)–(39)
	<i>FOC l(a) V</i>	прогрессив, предиктив	
	<i>FOC l V.STAT-ni</i>	статив	
COM	<i>V ngàà COM</i>	косвенный объект со значением комитатива; в 3 л. ед. ч. предлог <i>ngàà</i> опускается	(40)–(41)
	<i>CONJ COM(-ni)</i>	в сочинительной конструкции – второй местоименный конъюнкт, формы мн. ч. присоединяют аффикс детерминированной плюральности <i>-ni</i>	
CONJ	<i>CONJ COM(-ni)</i>	в сочинительной конструкции – первый местоименный конъюнкт	(42)
PF	<i>S PF-V(-TA)</i>	индекс прямого объекта на глаголе	(43), (46), (48)
	<i>PF-V.QUAL-ngó lè</i>	индекс аргумента квалитативного глагола	
	<i>PF-NP.REL</i>	индекс посессора при относительном имени	
	<i>PF-PP</i>	индекс косвенного объекта на послелого	
POSS	<i>POSS-NP</i>	индекс посессора при автосемантических именах и терминах родства	(44)
COND	<i>COND V</i>	ирреалис: объединяет модальные значения нереального условия, дебитива, проспектива намерения	(45)
IMP	<i>IMP V</i>	императив / хортатив	(46)
NEG1	<i>NEG1 V</i>	отрицание видовременных значений базовой и прогрессивной серий МПП, прохиби- тив	(47)
	<i>NEG V.STAT-ni</i>	отрицание статива, квалитатива	
NEG2	<i>NEG2 V</i>	отрицание имперфективной серии и значений нереального условия	(48)
PROG	<i>PROG V</i> <i>PROG va V-ma</i>	прогрессив, инхоативная фаза	(49)
QUOT	<i>QUOT CL</i>	вводит косвенную речь	(50)
HAB	<i>HAB V</i>	прекращённый хабитуалис	(51)

- (37) *tàá kɔ́-ŋɔ̀ lɔ̀ náà*
 3PL.IPFV виселица-DEF строить сейчас
 ‘Они сейчас строят виселицу’ [Grossmann 1992: 23];
- (38) *yá lɔ̀ hɛ̀i-ní*
 2SG.FOC COP сидеть-STAT
 ‘Ты сидишь’ [Bandi, manuscript: II, 10];
- (39) *já ŋɔ̀ (ɔ̀)-tɔ-a*
 1SG.FOC 1SG.BAS 3SG.PF-видеть-COMPL
 ‘Именно я это увидел’ [Heydorn 1940–1941: 190];
- (40) *ŋgàlà ndó-ŋɔ́ lè ŋgáà íyé*
 бог любить-QUAL COP с 2SG.COM
 ‘Бог любит тебя’ [Rodewald 1985: 11];
- (41) *ŋɔ̀ (ɔ̀)-kɔ́lɔ̀ lá*
 1SG.BAS 3SG.PF-знать 3SG.COM
 ‘Я знаю это от него’ (букв. ‘сним’) [Bandi, manuscript: I, 20];
- (42) *ŋɔ̀ lɛ̀-ŋɔ́ táa ɦu naa tiye-ni*
 1SG.BAS идти-PERF город в 1PL.EXCL.CONJ 3PL.COM-PL
 ‘Я поехал в город вместе с ними’ (букв. ‘я поехал в город, мы с ними’) [Heydorn 1940–1941];
- (43) *i-lùkpú-ŋɔ́ lè*
 2SG.PF-короткий-QUAL COP
 ‘Ты невысок’ [Bandi, manuscript: II, 17];
- (44) *ní-vélè-i*
 1SG.POSS-дом-DEF
 ‘Мой дом’ [Bandi, manuscript: I, 20];
- (45) *ŋɔ́ i-lɔ̀ lina*
 1SG.COND 2SG.PF-видеть завтра
 ‘Я собираюсь увидеть тебя завтра’ [Heydorn 1940–1941: 200];

- (46) *a ti-loli!*
 2PL.IMP 3PL.PF-звать
 ‘Позовите их!’ [Heydorn 1940–1941: 201];
- (47) *àà lî-má*
 3SG.NEG1 идти-IPFV
 ‘Он не едет’ [Rodewald 1985: 17];
- (48) *kò-í èi tí-gúlà*
 война-DEF 3SG.NEG2 3PL.PF-разрушать
 ‘Война не могла бы разрушить их’ [Grossmann 1992: 24];
- (49) *nángà vâ lî-má*
 1SG.PROG приходить идти-IPFV
 ‘Я уезжаю’ [Bandi, manuscript: II, 10];
- (50) *ngè (ò)-má bá*
 1SG.QUOT 3SG.PF-PP нет
 ‘Я сказал ему «нет»’ [Bandi, manuscript: II, 19];
- (51) *bàndi-á-ì kpélèè tɔ̀ɔ̀ níkà lèi-ngì hòù*
 банди-PL-DEF все 3PL.НАВ корова чёрный-DEF ловить
 ‘Все банди когда-то ловили чёрных коров (для жертвоприношений)’
 [Grossmann 1992: 22].

Менде

Таблица 7.3. Личные показатели в менде

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
BAS	<i>ngí</i>	<i>bí</i>	<i>ì</i>	<i>mú</i>	<i>wú</i>	<i>tí</i>
DEP	<i>ngí</i>	<i>bí</i>	<i>í</i>	<i>mú</i>	<i>wú</i>	<i>tí</i>
IPFV	<i>ngá</i>	<i>bá</i>	<i>à</i>	<i>má, múá</i>	<i>wá, wúá</i>	<i>tá</i>
FOC	<i>ná, ngí(á)</i>	<i>biá</i>	<i>tá</i>	<i>mùá, múá, màá</i>	<i>wùá, wúá, waa</i>	<i>tàá, tíá, tàá</i>
CONJ	<i>ngé(é)</i>	<i>bié</i>	<i>ngié</i> (од.), <i>là</i> (неод.)	<i>mùé(-ní)</i>	<i>wùé(-ní)</i>	<i>tìé(-ní)</i>
PF	<i>ná-</i>	<i>bi-</i>	<i>ngì-/ngí-</i> (од.), <i>ò-</i> (неод.)	<i>mù-/mú-</i>	<i>wù-/wú-</i>	<i>tì-/tí-</i>

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
POSS	<i>ɲá-</i>	<i>bí-</i>	<i>ɲgi-</i>	<i>mù-</i>	<i>wù-</i>	<i>tì-</i>
CNTR	–	<i>bíé, bɛ</i>	<i>ɲgié, ɲgué</i>	<i>mùé</i>	<i>wùé</i>	<i>tíé</i>
COND	<i>ɲgàá</i>	<i>bàá</i>	<i>àá</i>	<i>màá</i>	<i>wàá</i>	<i>tàá</i>
IMP	–	∅	–	<i>mù</i> (дв.), <i>àmù</i> (мн.)	<i>à</i>	–
NEG1	<i>ɲgù</i>	<i>bù</i>	<i>ì(i)</i>	<i>mùì, múù</i>	<i>wùì, wúù</i>	<i>tù</i>
NEG2	<i>ɲgéè</i>	<i>béè</i>	<i>è(è)</i>	<i>mùè, méè</i>	<i>wùè, wéè</i>	<i>téè</i>
QUOT	<i>ɲgê</i>	<i>bê</i>	<i>yè, ɛɛ</i>	<i>mê, múè</i>	<i>wê</i>	<i>tê</i>

Примечание. Серия QUOT засвидетельствована только в диалекте ко; в диалекте кпа на её месте используется кватативный предикатор с МПП базовой серии: *ɲgi yé* ‘я сказал’ [Aginsky 1935: 75–76].

Таблица 7.4. Функции личных показателей в менде

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	<i>BAS V-ní (lò)</i>	пунктивный аорист	(52)
	<i>BAS V-á/-ɲgá</i>	результатив	
	<i>BAS V-i (lò)</i>	при динамических глаголах – перфект, при стативных – дуратив	
	<i>BAS V-mà lò</i>	проспектив	
	<i>BAS (yɛ) lò</i>	в бытийных предложениях со значением существования и дейксиса	
	<i>BAS V lò</i>	статив (собственно-процессное значение) с глаголами интеллектуального состояния	
DEP	<i>DEP V</i>	в зависимой клаузе: фактатив и различные модальные значения	(53)
IPFV	<i>IPFV V lò</i>	проспектив, хабиуталис, а также модальные значения плана будущего: предиктив, дебитив, дезидератив	(54), (55)
FOC	<i>FOC (lò)</i>	контрастивный фокус, эмпфаза, бытийные предложения со значениями дейксиса и идентификации	(53), (55)
	<i>FOC lò V ma</i>	дуратив, прогрессив, хабиуталис	
	<i>FOC lò V. STAT-ní</i>	статив	
	<i>FOC CONJ (-ní)</i>	в сочинительной конструкции – первый местоименный конъюнкт	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
CONJ	<i>V à CONJ</i>	косвенный объект со значением комитатива / инструменталиса; в 3 л. ед. ч. при неодушевленном объекте предлог <i>à</i> опускается	(56), (57)
	<i>FOC CONJ (-ni)</i>	в сочинительной конструкции – второй местоименный конъюнкты, формы мн. ч. присоединяют аффикс детерминированной плюральности <i>-ni</i>	
PF	<i>S PF-V (-TA)</i>	прямой объект глагола	(54), (58)
	<i>PF-V.QUAL-ηgó (lè)</i>	субъект качественного глагола, субъект пассивного залога при динамичных глаголах	
	<i>PF-NP.REL</i>	посессор при относительных именах (термины родства, части тела, физиологические жидкости)	
	<i>PF-PP</i>	аргумент послелого в функции косвенного объекта	
POSS	<i>POSS-NP</i>	посессор при автосемантических именах	
CNTR	<i>V CNTR</i>	косвенный объект: контаминация личного показателя полифункциональной серии и директивно-бенефактивного послелого <i>mbe</i> ‘для’	(59)
COND	<i>COND V</i>	ирреалис: нереальное условие в плане будущего времени, отрицание в зависимой клаузе, прохибитив	(60)
IMP	<i>IMP V</i>	императив, в 1 л. дв. ч. и 1 л. мн. ч. хортатив	(57), (61)
NEG1	<i>NEG1 (yà) Vni</i>	отрицание видовременных значений базовой серии МПП, кроме проспектива	(62)
	<i>NEG1 V mà</i>	отрицание видовременных значений прогрессива, хабиуталиса	
	<i>NEG1 V</i>	отрицание с собственно-процессными глаголами типа <i>kɔɔ</i> ‘знать’	
NEG2	<i>NEG2 V</i>	отрицание аспектуальных и модальных значений плана будущего времени	(63)
QUOT	<i>QUOT CL</i>	вводит косвенную речь	(64)

- (52) *ɲgí (ø)-tɔ̀-nì gbéɲgí lɔ̀*
 1SG.BAS 3SG.PF.INAN-видеть-AOR вчера COP
 ‘Я его вчера видел’ [Innes 1971: 132];
- (53) *ɲá ló-ɲgɔ̀ Kpàná í lì tè-í hù*
 1SG.FOC хотеть-QUAL Кпана 3SG.DEP идти город-DEF в
 ‘Я хочу, чтобы Кпана пошёл в город’ [Innes 1971: 123];
- (54) *ɲgá (ø)-pié lɔ̀ fóló gbí mà*
 1SG.IPFV 3SG.PF-делать COP день каждый IPFV
 ‘Я делаю это каждый день’ [Innes 1971: 150];
- (55) *ɲá lɔ̀ va mà*
 1SG.FOC COP приходить IPFV
 ‘Я (сейчас) подхожу’ [Migeod 1908: 70];
- (56) *lí à tié*
 идти с 3PL.CONJ
 ‘Отнеси их’ [Aginsky 1935: 25];
- (57) *wàá tié-nì à li mia*
 2PL.FOC 3PL.CONJ-PL 2PL.IMP идти туда
 ‘Вы и они, идите туда’ [Migeod 1908: 70–71];
- (58) *ɲá-kèɲa ló (ø)-mé mà*
 1SG.PF-дядя COP 3SG.PF.INAN-есть IPFV
 ‘Мой дядя (по матери) ест это’ [Spears 1967: 334];
- (59) *ɲéɲè vè mié*
 пенни давать 1PL.CNTR
 ‘Дай нам пенни’ [Innes 1971: 119];
- (60) *ɲàà yeɲge má kɔ̀ɔ̀ ɲgáá há à ndɔ̀lé*
 1SG.FOC работать IPFV чтобы 1SG.COND умирать с голод
 ‘Я работаю, чтобы с голоду не умереть’ [Innes 1971: 123];

- (61) *àmú* *(ø)-pèè*
 1PL.INCL.IMP 3SG.PF-делать
 ‘Давайте (все вместе) будем это делать’ [Spears 1967: 483];
- (62) *té* *tàá* *krékré* *tii* *lò-nì* *ɲòùɲòù*
 курица 3PL.FOC таракан 3PL.NEG1 хотеть-ST друг.друга
 ‘Курица и таракан не любят друг друга’ [Innes 1971: 188];
- (63) *ɲgèè* *ná* *wíé* *síná*
 1SG.NEG2 то делать завтра
 ‘Я не буду делать этого завтра’ [Innes 1971: 151];
- (64) *ɲgí* *(ø)-ndèi* *lò* *ɲgì-má* *ɲgê*
 1SG.BAS 3SG.PF-сказать COP 3SG.PF.AN-PP 1SG.QUOT
í *wá*
 3SG.DEP приходит
 ‘Я сказал ему, чтобы он пришёл’ [Innes 1971: 139].

Локо

Таблица 7.5. Личные показатели в локо

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
BAS	<i>ɲgí</i>	<i>bí</i>	<i>ì</i>	<i>mí</i>	<i>ní</i>	<i>wú</i>	<i>tí</i>
DEP	<i>ɲgí</i>	<i>bí</i>	<i>í</i>	<i>mí</i>	<i>ní</i>	<i>wú</i>	<i>tí</i>
IPFV	<i>ɲgáá</i>	<i>báá</i>	<i>áá</i>	<i>màá</i>	<i>nàá</i>	<i>wáá</i>	<i>tàá</i>
FOC1	<i>ɲá(á)</i>	<i>bíá(á)</i>	<i>àlá(á)</i>	<i>mùá(á)</i>	<i>nùá(á)</i>	<i>wùá(á)</i>	<i>tùá(á)</i>
FOC2	<i>ɲéè</i>	<i>bíéè</i>	<i>àléè</i>	<i>mùéè</i>	<i>nùéè</i>	<i>wùéè</i>	<i>tùéè</i>
COM	<i>ɲgé(é)</i>	<i>bíé(é)</i>	<i>ɲgee/là</i>	<i>mùé(é)</i>	<i>nùé(é)</i>	<i>wue(e)</i>	<i>tùé(é)</i>
CONJ	–	–	–	<i>mεε</i>	<i>nεε</i>	<i>wεε</i>	<i>tεε</i>
PF1	<i>ø-</i>	<i>bí</i>	<i>ø-</i>	<i>mì, mù</i>	<i>nì</i>	<i>wú</i>	<i>tì</i>
PF2	<i>ɲá-</i>	<i>bí-</i>	<i>àlá-</i>	<i>mì-, mù-/mù-</i>	<i>nì-/nì-</i>	<i>wú-</i>	<i>tí-/tì-</i>
POSS	<i>ní-</i>	<i>bí-</i>	<i>ɲgì-/ɲgí-</i>	<i>mì-, mù-/mù-</i>	<i>nì-</i>	<i>wú-</i>	<i>tì-/tì-</i>
CNTR	<i>ɲéé</i>	<i>bíéé</i>	–		<i>nùéé</i>	<i>wùéé</i>	<i>tùéé</i>
IMP	–	<i>ø</i>	–	<i>mí</i> (дв.), <i>àmí</i> (мн.)	–	<i>à</i>	<i>àtí</i>
NEG1	<i>ɲgèé</i>	<i>bèé</i>	<i>èé</i>	<i>mèé</i>	<i>nèé</i>	<i>wèé</i>	<i>tèé</i>
NEG2	<i>ɲgáí</i>	<i>báí</i>	<i>àì</i>	<i>màí</i>	<i>nàí</i>	<i>wàí</i>	<i>tàí</i>

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
NEG3	<i>ŋge</i>	<i>be</i>	<i>e</i>	<i>me</i>	<i>ne</i>	<i>we</i>	<i>te</i>
QUOT	<i>ŋgéé</i>		<i>ègé</i>			<i>wéé</i>	<i>tèé</i>
PUNC	<i>ŋgéé</i>	<i>béé</i>	<i>éé</i>	<i>méé</i>	<i>néé</i>	<i>wéé</i>	<i>téé</i>
RES	<i>ŋgóó</i>	<i>bóó</i>	<i>òó</i>	<i>mòó</i>	<i>nòó</i>	<i>wóó</i>	<i>tòó</i>
PROSP	<i>ŋgóó</i>	<i>bóó</i>	<i>òò</i>	<i>mòó</i>	<i>nòó</i>	<i>wóó</i>	<i>tòó</i>

Примечание. Показатель 3 л. ед. ч. *ŋgee* в комитативной серии засвидетельствован только в [Innes 1964].

Таблица 7.6. Функции личных показателей в локо

Серия	Конструкция	Значения	Прим.
BAS	<i>BAS V(-i/-ní)</i> <i>BAS V-ní-á</i>	претерит	(65), (67)
	<i>BAS V-a/-ŋga</i>	результатив	
	<i>BAS V-i/-ní -ó</i>	предшествование в претерите (плюсквамперфект)	
	<i>BAS bá V(-a/-na)</i>	конъюнктив	
	<i>ká BAS V-a/-ŋga</i>	аорист	
	<i>kà BAS V</i>	имперфект	
DEP	<i>DEP V</i>	в релятивной клаузе: фактатив, дебитив, POSSIBILITY	
IPFV	<i>IPFV V(-a/-na)</i>	прогрессив, хабиуталис, в зависимой клаузе – проспектив, POSSIBILITY, предиктив	(66)
	<i>kà IPFV V</i>	дебитив	
FOC1	<i>FOC1 (lò) Vi/ni</i>	статив	(67)
	<i>FOC1 (lò)</i>	субъект бытийной клаузы	
	<i>CONJ FOC-o</i>	второй местоименный конъюнктив сочинительной конструкции	
FOC2	<i>FOC2</i>	субъект бытийной клаузы: контаминация маркеров серии FOC1 и бытийного глагола <i>mè</i> ‘быть’	
COM	<i>V ŋgàà/àà COM</i>	косвенный объект глагола со значением комитатива/инструменталиса; в 3 л. ед. ч. предлог <i>ŋgàà</i> опускается	(68)
CONJ	<i>CONJ FOC-o</i>	первый местоименный конъюнктив сочинительной конструкции	(69)
PF1	<i>S PF-V(-TA)</i>	прямой объект переходного глагола	(70)

Серия	Конструкция	Значения	Прим.
	<i>PF-V.QUAL-ηgó</i>	субъект пассивного залога динамического глагола в наст. вр.	
	<i>PF-V.QUAL-ηgóó</i>	субъект пассивного залога динамического глагола в прош. вр.	
	<i>PF-V.QUAL-ó</i>	аргумент квалитативного глагола в наст. вр.	
	<i>PF-V.QUAL-óó</i>	аргумент квалитативного глагола в прош. вр.	
	<i>PF-N.REL</i>	посессор при относительных именах, кроме формы 1 л. ед. ч.	
	<i>V PF-PP</i>	аргумент послелoga в функции косвенного объекта	
PF2		дублирует большинство функций серии PF (кроме маркирования неодушевлённого прямого объекта)	
POSS	<i>POSS-N.AUT</i>	посессор при автосемантических именах	(71), (72)
CNTR	<i>V CNTR</i>	косвенный объект: контаминация личного показателя полифункциональной серии и директивно-бенефактивного послелoga <i>mbe</i> 'для'	(72)
IMP	<i>IMP V-a/-na</i>	императив / хортатив	
NEG1	<i>NEG1 V</i>	прохибитив, отрицание значений серии DEP	(73)
NEG2	<i>NEG2 V(-TA)</i>	отрицание основных видовременных и модальных значений базовой и имперфективной серий	(70), (75)
	<i>NEG2 lè V</i>	отрицание имперфекта	
	<i>NEG2 bó V</i>	отрицание ирреалиса в конъюнктивной клаузе	
	<i>NEG2 ba V</i>	отрицание реального условия в конъюнктивной клаузе	
	<i>NEG2 lè</i>	отрицательное местоимение в бытийной клаузе	
NEG3	<i>NEG3</i>	контаминация серии NEG2 и бытийного глагола <i>le</i> : субъект отрицательной бытийной клаузы	
QUOT	<i>QUOT CL</i>	вводит косвенную речь	(76)
PUNC	<i>PUNC V(-a/-na)</i>	пунктив с указанием времени совершения действия или с постпозитивом, темпоральные клаузы со значением аориста	(77)

Серия	Конструкция	Значения	Прим.
RES	<i>RES V-a/ηga</i>	результатив	(74)
	<i>RES V-aa</i>	результатив в условной клаузе	
PROSP	<i>PROSP V</i>	проспектив в зависимой клаузе	(72), (76)
	<i>PROSP V-a/-na</i>	проспектив в главной клаузе	
	<i>PROSP gɔ V(a/-na)</i>	отрицание проспектива	
	<i>PROSP bɔ V-a/-na</i>	ирреалис	

- (65) *ká tí hélé ló-à*
 AOR 3PL.BAS слон видеть-RES
 ‘Они увидели слона’ [Kimball 1983: 47];
- (66) *Alèèni ló áá kpààli bélé*
 Аллен COP 3SG.IPFV письмо делать
 ‘Аллен сейчас пишет’ [Kimball 1983: 45];
- (67) *já wè ηgí (ò)-pélé-ní*
 1SG.FOC1 EXI 1SG.BAS 3SG.PF-делать-PRET
 ‘Это я сделал его’ [Kimball 1983: 36, 39];
- (68) *já-lo-ηgɔ à bíé*
 1SG.PF2-любить-QUAL с 2SG.COM
 ‘Я люблю тебя’ [Innes 1964: 135];
- (69) *mεε tùá-o*
 1PL.INCL.CONJ 3PL.FOC1-CONJ
 ‘Мы с ними’ [Морозова 2006: 24];
- (70) *ηgáí ε alá-ló-í*
 1SG.NEG2 COP 3SG.PF-видеть-PRET
 ‘Я не видел его’ [Kimball 1983: 58];
- (71) *ní-bérè-ná*
 1SG.POSS-дом-DEF
 ‘Мой дом’ [Innes 1964: 135];

- (72) *ŋgɔ́ɔ̀ nì-ŋaḥálou-na he-a bíéé*
 1SG.PROSP 1PL.EXCL.POSS-дочь-DEF давать-PROSP 2SG.CNTR
 ‘Я отдам нашу дочь тебе’ [Морозова 2006: 25];
- (73) *tèé mbá-ná w̃è*
 3PL.NEG1 рис-DEF есть
 ‘Пусть они не едят рис’ [Kimball 1983: 59];
- (74) *ŋgóó mbá-ná w̃ààsíà-á*
 1SG.RES рис-DEF продавать-PERF
 ‘Я продал рис’ [Kimball 1983: 51];
- (75) *ŋgáí lè mbá w̃é*
 1SG.NEG2 NEG рис есть
 ‘Я не ел этого риса (тогда)’ [Kimball 1983: 58];
- (76) *tèé nɔ́ɔ̀ bèèla-a*
 3PL.QUOT 1PL.EXCL.PROSP возвращаться-PROSP
 ‘Они сказали: «Мы вернёмся»’ [Kimball 1983: 70];
- (77) *ŋgéé lì pele-na ḥu*
 1SG.PUNC идти дом-DEF в
 ‘Я вошёл в дом’ [Морозова 2006: 24].

Кпелле

Диалектную диверсифицированность языка кпелле необходимо учитывать при анализе форм личных показателей: между гвинейскими и либерийскими разновидностями языка существуют значительные различия. В связи с этим варианты гвинейских диалектов в Табл. 7.7 отмечены подчёркиванием. При каждом из нижеследующих фразовых примеров указана его диалектная принадлежность: (либ.) для либерийских диалектов, (гв.) для гвинейских.

Таблица 7.7. Личные показатели в кпелле

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
BAS	<i>ŋá, <u>ŋé</u></i>	<i>í, <u>é</u></i>	<i>è</i>	<i>gù, <u>gú</u></i>	<i>kú</i>	<i>ká</i>	<i>dí, <u>dĩ</u></i>
DEP	<i>ŋá, <u>ŋé</u></i>	<i>í, <u>é</u></i>	<i>é</i>	<i>gù, <u>gú</u></i>	<i>kú</i>	<i>ká</i>	<i>dí, <u>dĩ</u></i>
IPFV	<i>ŋā</i>	<i>bā, yā</i>	<i>ā</i>	<i>guā</i>	<i>kwā, kūā</i>	<i>kā</i>	<i>dā</i>

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
FOC	<i>ɲá(ā), ɲǎ</i>	<i>yá, bíá, yɛ</i>	<i>ɲàā, là, ya</i>	<i>guo</i>	<i>kūá, kúā, kuo</i>	<i>kāā</i>	<i>dīā, diē</i>
CONJ	<i>ɲà</i>	<i>bà, yà</i>	<i>à</i>	<i>guà, gwà</i>	<i>kwà, kua</i>	<i>kà</i>	<i>dà</i>
PF	<i>ń-</i>	<i>í-, é-</i>	<i>ò-</i>	<i>gò-, gù-</i>	<i>kú-, kó-</i>	<i>ká-</i>	<i>dí-, ddí-, dī-, dè-</i>
POSS	<i>ɲá-, a-, ɲó, ɲé-</i>	<i>í-, é-, yɛ-</i>	<i>ɲò-, ɲà-, ɲé-</i>	<i>gù-, guo-</i>	<i>kú-, kuo-</i>	<i>ká-</i>	<i>dí-, ddí-, diē-, dié-, diā-</i>
CNTR1	<i>má</i>	<i>yá</i>	<i>mà</i>	<i>gùô</i>	<i>kūā, kúô</i>	<i>kāā</i>	<i>dīā, diē</i>
CNTR2	<i>mí</i>	<i>yé</i>	<i>mì, mè</i>		<i>kūē</i>	<i>kāā</i>	<i>dīē, diē</i>
COND1	<i>ɲà, ɲàà</i>	<i>bà, yà, yàà</i>	<i>à</i>	<i>guà, gwà</i>	<i>kwà, kua</i>	<i>kà</i>	<i>dà</i>
COND2	<i>ɲāī</i>	<i>ī</i>	<i>èì</i>		<i>kūī</i>	<i>kāī</i>	<i>dīī</i>
IMP	–	<i>ø, yē, bē, bē</i>	<i>è</i>	<i>gu, kagu</i>	<i>kú</i>	<i>kā, kà</i>	<i>dī</i>
QUOT	<i>ǰēē, gē</i>	<i>íyēē, bíyēē, yé</i>	<i>ǰēē, yè</i>	<i>gùò</i>	<i>kúô</i>	<i>kāà, ka</i>	<i>dīyēē, dīyēē, diè</i>
HAB	<i>ɲǎ</i>	<i>yǎ</i>	<i>ǎ</i>	<i>gwǎ</i>	<i>kwǎ</i>	<i>kǎ</i>	<i>dǎ</i>
STAT	<i>ɲā(ā)</i>	<i>bā(ā), yā(ā)</i>	<i>ā(ā)</i>		<i>kwā(ā)</i>	<i>kā(ā)</i>	<i>dā(ā)</i>
RES	<i>ɲāá, ɲàá</i>	<i>bāá, yàá</i>	<i>āá, àá</i>	<i>gwàá</i>	<i>kwāá, kwàá</i>	<i>kāá, kàá</i>	<i>dāá, dàá</i>

Примечания.

1. Отрицательные финитные формы в кпелле строятся с помощью слабоотделимых приглагольных формантов, снабжённых личными маркерами полифункциональной серии и восходящих, по-видимому, к негативному бытийному глаголу. В ряде видовременных форм негативные форманты контаминировали с показателями глагольного аспекта и времени:

Dí-fé lònō-ī ‘они не считают’;

Kú-fā kpèlɛwōō bō ‘мы не говорим на кпелле’ [Thach, Dwyer 1981: 82, 87].

2. В гвинейских диалектах выделяется гласная среднего ряда *ə*, являющаяся аллофоном *e*. В настоящей работе оба аллофона обозначаются через *e*.

3. Показатель 3 л. ед. ч. фокализованной серии *là* употребляется только в комитативно-инструментальной конструкции с неодушевлённым косвенным объектом.

4. Местоимения фокализованной серии, скорее всего, фонетически совпали с комитативной серией.

Таблица 7.8. Функции личных показателей в кпелле

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	<i>BAS V</i>	претерит	(78), (79)
DEP	<i>DEP V</i>	фактатив, дебитив в релятивной клаузе	(79), (82)
IPFV	<i>IPFV V</i>	хабитуалис	(80), (82)
	<i>IPFV V-i</i>	прогрессив, POSSIBILITY	
	<i>IPFV li-i V-i</i>	проспектив	
FOC	<i>FOC</i>	субъект бытийной клаузы	(81), (82)
	<i>FOC-η</i>	контрастивный фокус, эмфаза субъекта	
	<i>V à FOC</i>	косвенный объект со значением комитатива, в 3 л. ед. ч. предлог <i>à</i> опускается перед <i>là</i>	
	<i>CONJ FOC (-nī)</i>	второй местоименный конъюнкт сочинительной конструкции, во мн. ч. присоединяет аффикс детерминированной плюральности	
CONJ	<i>CONJ FOC (-nī)</i>	первый местоименный конъюнкт сочинительной конструкции	(83)
PF	<i>S PF-V(-TA)</i>	прямой объект переходного глагола	(83), (86)
	<i>PF-V.STAT-i</i>	субъект стативного и квалитативного глагола	
	<i>V PF-PP</i>	аргумент постпозитива в функции косвенного объекта	
	<i>PF-N.REL</i>	посессор при относительных именах	
	<i>PF-pò N.AUT</i>	в ряде диалектов – посессор при автосемантических именах	
POSS	<i>POSS(-ηḍ) -N.AUT</i>	посессор при автосемантических именах в либерийских диалектах	
CNTR1	<i>V CNTR1</i>	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF и локативного послелога <i>mà</i> ‘на’	(85)
CNTR2	<i>V CNTR2</i>	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF и бенефактивного послелога <i>mì</i> ‘для’	(86)
COND1	<i>COND1 V</i>	кондиционалис	(87)
	<i>COND1 là/wàlā V</i>	отрицание кондиционалиса	
COND2	<i>COND2 V</i>	ирреалис (обычно в плане прош. вр.)	(88)
IMP	<i>IMP V</i>	императив / хортатив	(90)

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
QUOT	<i>QUOT CL</i>	вводит косвенную речь, а также обозначает желание, намерение, чувственное восприятие, неудачную попытку	(89)
HAB	<i>HAB V</i>	в гвинейских диалектах – хабитуалис	
STAT	<i>STAT V-i/-ni</i>	слияние маркеров серии IPFV и копулы: статив	
RES	<i>RES V</i>	результатив предельного процесса	(84)

- (78) *níū náāŋ dí rá*
 человек четыре 3PL.BAS приходит
 (либ.) ‘Пришли четыре человека’ [Leidenfrost, McKay 2005: 66];
- (79) *è rà é lónō í-pó*
 3SG.BAS приходит 3SG.DEP говорить 2SG.PF-к
 (либ.) ‘Он приходил поговорить с тобой’ (cf. [Leidenfrost, McKay 2005: 79]);
- (80) *dā kpèlēē wōō bō*
 3PL.IPFV кпелле язык говорить
 (либ.) ‘Они говорят на кпелле (т. е. владеют языком)’ [Thach, Dwyer 1981: 86];
- (81) *é wéí é béláá yá; náá-ŋ ŋé*
 2SG.BAS EMPH 2SG.BAS баран покупать 1SG. 1SG.BAS
 FOC-CNT
bólū yá
 коза покупать
 (гв.) ‘Ты купил барана, а я купил козу’ [Коношенко 2009];
- (82) *ŋā ŋwêlŋ-ī í lí à náā*
 1SG.IPFV хотеть-STAT 2SG.DEP идти с 1SG.FOC
 (либ.) ‘Я хочу, чтобы ты взял меня с собой’ [Leidenfrost, McKay 2005: 55];
- (83) *dā dīā-nī dā bérē-ī tōō-ī*
 3PL.CONJ 3PL.FOC-PL 3PL.IPFV дом-DEF строить-PROG
 (либ.) ‘Они с ними строят дом’ [Leidenfrost, McKay 2005: 55];

- (84) *ɲáá Pépèè wò béláá káá*
 1SG.RES Пепе POSS баран видеть
 (гв.) ‘Я увидел барана (принадлежащего) Пепе’ [Коношенко 2009];
- (85) *è (ò)-mò ní-à-ī díā*
 3SG.BAS 3SG.PF-сказать человек-PL-DEF 3PL.CNTR1
 (либ.) ‘Он рассказал это людям’ [Thach, Dwyer 1981: 59];
- (86) *è (ò)-gè mí*
 3SG.BAS 3SG.PF-делать 1SG.CNTR2
 (либ.) ‘Он сделал это для меня’ [Leidenfrost, McKay 2005: 54];
- (87) *à wālā kpálà*
 3SG.COND1 NEG сохнуть
 (либ.) ‘Если он не высохнет’ [Thach, Dwyer 1981: 91];
- (88) *gáálon èì kè bé, èì tɔŋ*
 вождь.DEF 3SG.COND2 быть здесь 3SG.COND2 закон
pù (ò)-máà
 класть 1SG.PF-на
 (либ.) ‘Если бы вождь был здесь, он наказал бы меня’ [Leidenfrost, McKay 2005: 77]
- (89) *ge keli ɲe to*
 1SG.QUOT едва 1SG.DEP падать
 (гв.) ‘Я едва не упал’ [Castelain 1952: 45];
- (90) *kagu li* (гв.)
 ‘Пойдёмте!’ [Castelain 1952: 78].

Зиало

Таблица 7.9. Личные показатели в зиало

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 дв. и.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
BAS	<i>gè</i>	<i>yè</i>	<i>é, gé</i>	<i>mó</i>	<i>ámó</i>	<i>né</i>	<i>wò</i>	<i>té</i>
DEP	<i>gè</i>	<i>yè</i>	<i>è</i>	<i>mó</i>	<i>ámó</i>	<i>né</i>	<i>wò</i>	<i>té</i>
IPFV	<i>nǎgá</i>	<i>yá</i>	<i>á</i>	<i>mámà</i>	<i>ámámà</i>	<i>nánà</i>	<i>wá</i>	<i>tátá</i>

FOC	<i>nà</i>	<i>yà</i>	<i>á/éyà</i>	<i>móyá</i>	<i>àmóyá</i>	<i>néyá</i>	<i>wà, wòyà</i>	<i>tíyá</i>
COM	<i>gè</i>	<i>yè</i>	<i>á, lá</i>	<i>mòyè</i>	<i>àmòyè</i>	<i>nèyè</i>	<i>wòyè</i>	<i>tìyè</i>
PF	<i>ò-</i>	<i>ì-</i>	<i>ó-</i>	<i>mó-</i>	<i>àmó-</i>	<i>né-</i>	<i>wò-</i>	<i>tí-</i>
POSS	<i>nè-</i>	<i>ì-</i>	<i>gé-, gí-</i>	<i>mó-</i>	<i>àmó-</i>	<i>né-</i>	<i>wò-</i>	<i>tí-</i>
CNTR	<i>gèyà</i>	<i>èyà</i>	<i>géyà</i>	<i>móyá</i>	<i>àmóyá</i>	<i>néyá</i>	<i>wòyá</i>	<i>tíyá</i>
COND	<i>nágá</i>	<i>néyá</i>	<i>nà</i>	<i>námá</i>	<i>ànámá</i>	<i>nàná</i>	<i>nàwá</i>	<i>nàtá</i>
IMP	–	<i>ø</i>	–	<i>mó</i>	<i>àmó</i>		<i>á, wà</i>	
PROH	–	<i>yà</i>	–	<i>mà</i>	<i>àmà</i>	<i>nà</i>	<i>àwà</i>	–
NEG1	<i>gèy</i>	<i>yèy</i>	<i>éy</i>	<i>méy,</i> <i>móy</i>	<i>àméy,</i> <i>àmóy</i>	<i>néy</i>	<i>wèy</i>	<i>téy</i>
NEG2	<i>(nè)gèyè</i>	<i>(n)èyè</i>	<i>(n)éyè</i>	<i>(nà)móyè</i>	<i>(nà)néyè</i>	<i>à(nà)móyè</i>	<i>(nà)wèyè</i>	<i>(nà)téy</i>
EMPH	<i>nàyéy(-gi)</i>	<i>yàyéy(-gi)</i>	<i>éyáy(-gi)</i>	<i>móyáy(-gi),</i> <i>méy(-gi)</i>	<i>àmóyáy(-gi)</i>	<i>néyáy(-gi),</i> <i>néy(-gi)</i>	<i>wèy(-gi)</i>	<i>tíyáy(-gi)</i>
IRR	<i>gá</i>	<i>yà</i>	<i>á, gá</i>	<i>má</i>	<i>ámá</i>	<i>ná</i>	<i>wà</i>	<i>tá</i>

Примечания:

1. МПП 3 л. ед. ч. базовой серии *gé* и серии ирреалиса *gá* употребляются только в качестве репризы при субъектной именной группе с финальным *-η : *masa(*η) gá lì* ‘король пойдёт’.
2. Серия ирреалиса (IRR) по своему происхождению соответствует серии IPFV других ЮЗМ языков.
3. Две формы 3 л. ед. ч. комитативной серии являются синонимичными. Форма *lá* при этом является основной, а форма *á*, скорее всего, заимствована из фокализованной серии.

Таблица 7.10. Функции личных показателей в *зиало*

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	<i>BAS V</i>	фактатив с глаголами эмоционального и интеллектуального состояния, фазовыми глаголами, квотативным предикатором <i>ké</i> ‘сказать’	(91), (93)
	<i>BAS V-ní</i>	претерит	
	<i>BAS V-gò</i>	аорист	
	<i>BAS V-a</i>	результатив, пассив	
	<i>BAS ya V</i>	хабитуалис	
	<i>BAS V.STAT-ní</i>	статив	
DEP	<i>DEP V</i>	фактатив в релятивной клаузе	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
IRR	<i>IRR V</i>	проспектив в релятивных и условных клаузах	(91)
	<i>IRR wə V</i>	проспектив	
	<i>IRR wə va</i> <i>V=mà</i>	дебитив, оптатив	
	<i>IRR bé V(-ní)</i>	нереальное условие	
	<i>IRR lá V(-TA)</i>	отрицание значений базовой и прогрессивной серий	
	<i>IRR lá V-ní</i>	отрицание стативных глаголов и пассива динамичных глаголов	
	<i>IRR li ya V</i>	отрицание хабитуалиса	
FOC	<i>FOC CL</i>	контрастивный фокус	(92)
	<i>FOC V.EXI</i>	субъект бытийного глагола в плане наст. вр.	
	<i>FOC tə</i> <i>V.STAT-ní</i>	статив	
	<i>FOC əə FOC əə</i>	сочинительное местоимение	
COM	<i>V gə COM</i>	косвенный объект со значением комитатива/инструменталиса, в 3 л. ед. ч. предлог <i>gə</i> опускается	(93)
	<i>V.EXI gə COM</i>	презентатив в бытийной клаузе	
PF	<i>S PF-V(-TA)</i>	прямой объект переходного глагола	(94)
	<i>PF-V.QUAL-a</i>	аргумент квалитативного глагола	
	<i>V PF-PP</i>	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
	<i>PF-N.REL</i>	посессор при относительном существительном	
POSS	<i>POSS-N</i>	посессор при автосемантическом существительном	(94), (101)
CNTR	<i>V CNTR</i>	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF, существительного * <i>gèyà</i> 'ладонь' и локативно-директивного послелога <i>yà</i> 'на, у, к'	(95)
COND	<i>COND V</i>	кондиционалис	(96)
IMP	<i>IMP V</i>	императив / хортатив	
NEG1	<i>NEG1 V</i> <i>NEG1 wə V</i>	отрицание значений серии IRR	(98)

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
NEG2	<i>NEG2 V</i>	отрицание кондиционалиса	(98)
PROH	<i>PROH lá V</i>	прохибитив	(97)
EMPH	<i>EMPH CL</i>	эмфаза субъекта	(99)
PROG	<i>PROG V</i>	прогрессив, инхоативная фаза	(96), (100)
	<i>PROG ya V</i>	хабитуалис	
	<i>PROG va V=mà</i>	интентив	

(91) *gè mɛyá-gì yéyá-gɔ̀ bɛ̀gì*
 1SG.BAS банан-DEF покупать-AOR вчера
 ‘Я вчера купил бананы’.

(92) *jà ɔ̀ wà ɔ̀, àtó vâà-g.*
 1SG.FOC CONJ 2PL.FOC CONJ 1PL.INCL.BAS приходить-AOR
 ‘Мы с вами (я и вы) пришли’.

(93) *gè vâà-gɔ̀ gà wòyè*
 1SG.BAS приходить-AOR с 2PL.COM
 ‘Я привёл вас’ (букв. ‘Я пришёл с вами’).

(94) *nè-kéyè lɔ́ é i-lɔ̀-gɔ̀*
 1SG.POSS-отец COP 3SG.BAS 2SG.PF-видеть-AOR
 ‘Это мой отец тебя видел’.

(95) *dápá-y mùnɔ̀ vè gèyà*
 сумка-DEF вон. тот давать 1SG.CNTR
 ‘Дай мне вон ту сумку’.

(96) *néyà bɔ̀yɔ̀ zàyà yà náwá-y lɔ̀*
 2SG.COND REFL ранить 2SG.PROG кровь-DEF видеть
 ‘Если поранишься, увидишь кровь’.

(97) *àmà lá (ó)-tévè*
 1PL.INCL.PROH NEG 3SG.PF-резать
 ‘Давайте не будем её резать!’

Таблица 7.11. Личные показатели в лоома

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	3 л. ед. ч.	1 л. дв. ч. и.	1 л. мн. ч. и.	1 л. мн. ч. э.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
BAS	gè	è	é	dé	àdé	gé, gí	wò, wò	té, tí
IPFV	gà(a), nà(à)	yà(a), já, dà(à)	tá, tówà(à), tóngá, tóá, tówà, túa; á, yá	dá(a), dà	àdà(á), adà	gá(á), gá	wà(à), wá, àwà, wúa	tá(á), tà
FOC1	nà	dà, jà	tó, tóá	dá, déyá	àdá, adéya	gá, gíyá	wà, woá	tíá, tá
FOC2	nòò, nò	dòò, dò	tòò, tó	dòò, dó	àdòò, àdó	gòò, gó	wòò, wó	tòò, tó
FOC3	nài, ney	yài, dey	niù, tey	dài(tìè) dey	—	gài(tìè) gey	wài(tìè) wey	tài(tìè) tey
COM	zè, zù	dè, je, yè	dá, lá, là, tó	dí(y)é, dié, diè	àdí(y)é	gí(y)é, gié, giè	we/wó(y)é, wìè	tí(y)é, tié, tiè
CONJ	nà	dà	tá	dá	àdá	gá	wà	tíá
PF	ò-	è-	ó-	dé-, dí-	àdé-	gé-, gí-	wò-, à-	té-, tí-
POSS1	nà-, nè-	yà-, já-, yè-, dà-	ná-, né-	dá-, dé-	àdá-	gá-, gé-	wà-, à-, wù-, wúa-, gbà-	tá-, té-
POSS2	nónó, nòdò	dòmò, jòdò	nónó, nòdò	dòmò, dòdò	àdòmò, àdòdò	gòmò, gòdò	wòmò, wòdò	tòmò, tòdò
CNTR	zè(e)à	è(y)à	zé(e)á	dé(y)á	àdé(y)á	géa, gíyá	woea, wèa, wòyá	tea, tí(y)á
COND1	gò	ò	ó	dó	—	gó	wò, à	tó
COND2	nà	dà	á	dá	àdá	gá	wà	tá
IMP	—	ø	é	dé	àdé	—	á	tí
NEG	gè	è	é	dé	àdé	gé	(à)wè, wò	té
PROG	naga, nàga, ganga, gaga	janga, yaga, dàga, dàda	tojaga, tóága, tojana	dada, dàga	àdàga	gága	wawa, wàga	tata, táága
QUOT	gìè	yìè, yè	yíè, yé	díè, diè	—	gíè, gíè	wìè	tíè, tiè

Таблица 7.12. Функции личных показателей в лоома

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	<i>BAS V</i>	фактатив (преимущественно в зависимой клаузе), некоторые модальные значения	(104), (107)
	<i>BAS V.DYN-ní</i>	аорист	
	<i>BAS V.STAT-ní</i>	статив	
	<i>BAS V-á/-gá</i>	результатив	
	<i>BAS yɛ-ní V-ní</i>	плюсквамперфект	
	<i>BAS yɛ-ní V-zu</i>	имперфект	
	<i>BAS la V(-TA)</i>	отрицание значений базовой серии (северные гвинейские диалекты)	
IPFV	<i>IPFV V-zu</i> <i>IPFV ya V-zu</i>	прогрессив, в некоторых диалектах также проспектив	(102), (103)
	<i>IPFV sa V-zu</i>	прогрессив (диалект гизима)	
	<i>IPFV V</i>	проспектив	
	<i>IPFV V-ní</i>	статив / дуратив	
	<i>IPFV da V</i>	хабитуалис	
FOC1	<i>FOC1 CL</i>	ассертивный фокус	(104)
	<i>FOC1 V.EXI</i>	субъект бытийного глагола в плане наст. вр.	
	<i>FOC1 yɛ-ní V.EXI</i>	субъект бытийного глагола в плане прош. вр.	
FOC2	<i>FOC2 CL</i>	контрастивный фокус	(105)
FOC3	<i>FOC3 CL</i>	ассертивный фокус (серия FOC1 с добавлением детерминатива)	
COM	<i>V gá COM</i>	косвенный объект со значением комитатива; в 3 л. ед. ч. предлог <i>gá</i> опускается	(106)
	<i>V.EXI gá COM</i>	презентатив / экватив в бытийной клаузе	
CONJ	<i>CONJ wó</i> <i>CONJ wó</i>	сочинительные местоимения	(107)
PF	<i>S PF-V(-TA)</i>	прямой объект переходного глагола	(105)
	<i>PF-V.QUAL-(a)vè</i>	аргумент квалитативного глагола	
	<i>V PF-PP</i>	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
	<i>PF-N.REL</i>	посессор при относительном существительном	
POSS1	<i>POSSI-N</i>	посессор при автосемантическом существительном	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
POSS2	<i>POSS2(-DEF)</i>	«абсолютный» посессив в предикативной функции	(108)
CNTR	<i>V CNTR</i>	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF, имени <i>zee</i> ‘рука, ладонь’ и локативно-директивного послелога <i>yà</i> ‘у, к’	(109)
COND1	<i>COND1 V</i>	нереальное условие (центральные и южные диалекты); прекращённый хабитуалис (либерийские диалекты)	(110)
COND2	<i>COND2 V</i>	кондиционалис (диалект вои-балага)	(111)
IMP	<i>IMP V</i>	императив / хоргатив	
NEG	<i>NEG le V(-TA)</i>	отрицание значений серий BAS, COND1	(112)
	<i>NEG le V-a</i>	отрицание значений имперфективной серии	
PROG	<i>PROG V</i>	прогрессив, инхоативная фаза	(113)
QUOT	<i>QUOT V</i> <i>QUOT CL</i>	предикаторы с глаголами речи, чувственного восприятия, желания, а также в зависимой клаузе (центр. и юж. диалекты)	(114)

(102) *to ya seye vele-zu*
 3SG.IPFV IPFV одежда ткать-PROG
 ‘Он (сейчас) ткёт одежду’ [Heydorn 1971: 93];

(103) *nà da kale-y be*
 1SG.IPFV HAB рыба-DEF ловить
 ‘Я (обычно) рыбащу’ [Prost 1967: 65];

(104) *tó báyà-ì é vá-nì*
 3PL.FOC1 сам-DEF 3SG.BAS приходить-AOR
 ‘Пришёл он собственной персоной’ [Мищенко 2010];

(105) *nōō (ò)-kpàle-ave, dōō è-lowo-gave*
 1SG.FOC2 1SG.PF-работать-QUAL 2SG.FOC2 2SG.PF-отдыхать-QUAL
 ‘Я работал, а ты отдыхал’ [Prost 1967: 41];

(106) *tó tii yèè-zu lá*
 3SG.IPFV работа делать-PROG 3SG.COM
 ‘Он с этим работает’ [Sadler 2006 (1949): 84];

- (107) *nà wó tá wó gé vaa-ni*
 1SG.CONJ CONJ 3SG.CONJ CONJ 1PL.EXCL.BAS приходит-АОР
 ‘Мы с ним пришли’ [Мищенко, полевые материалы];
- (108) *gɔnɔ-y ɣa kpala-gi*
 1PL.EXCL.POSS2-DEF COP поле-DEF
 ‘Это поле – наше’ [Prost 1967: 49];
- (109) *so-y ɣa zèa*
 лошадь-DEF COP 1SG.CNTR
 ‘У меня есть лошадь’ [Prost 1967: 52–53];
- (110) *gɔ li kɛ ga zeebé-zu*
 1SG.COND1 идти но 1SG.IPFV болеть-PROG
 ‘Я бы пошёл, но болен я’ [Sadler 2006 (1949): 59];
- (111) *nì á dǒ zínú*
 если 3SG.COND2 ребёнок мужчина
z.1-nà tóá dásé pè gà Zèzé
 рожать-IRR 3SG.IPFV 3SG.PF-имя класть с Зезе
 ‘Если она родит мальчика, она назовёт его Зезе’ [Мищенко 2010];
- (112) *gè lè Mambuu loli-ni*
 1SG.NEG NEG Мамбу звать-АОР
 ‘Я Мамбу не звал’ [Heydorn 1971: 90];
- (113) *naga kale-y bɛ*
 1SG.PROG рыба-DEF ловить
 ‘Я (сейчас) рыбачу’ [Prost 1967: 66];
- (114) *yie wélè té vá*
 2SG.QUOT смотреть 3SG.BAS приходит
 ‘Ты смотришь, как они подходят’ [Sadler 1951].

Обсуждение и выводы

Анализ систем личного маркирования в ЮЗМ языках позволяет сделать вывод, что в праязыке, как и в современных языках группы, различался ряд морфологи-

ческих серий показателей, маркировавших как значения лица / числа, так и аспектуально-темпоральные и модальные значения и полярность. Все такие показатели представляют собой контаминации личных маркеров с видовременными и модальными глагольными маркерами различной степени грамматикализации.

Анализ позволяет выявить ряд примерных инвариантных значений для большинства серий показателей лица, присутствующих во всех или большинстве языков группы. Эти значения представлены в Табл. 7.13.

Таблица 7.13. Значения серий личных показателей в ЮЗМ языках

Серия	Инвариантные значения	Языки наличия
BAS	фактатив, собственно-процессное значение, видовременные значения плана прошедшего времени	все
DEP	фактатив и модальные значения в зависимой клаузе	банди, менде, локо, кпелле
IPFV	имперфективный кластер значений: прогрессив, проспектив, хабиуталис	все
FOC	фокус субъекта, субъект бытийной клаузы	все
COM	косвенный объект (комитатив / инструменталис) с предлогом	банди, менде, локо, зиало, лоома
CONJ	сочинительные местоимения	банди, менде, локо, кпелле, лоома
PF	прямой объект переходного глагола, неотчуждаемая принадлежность, субъект квалитативного глагола	все
POSS	отчуждаемая принадлежность	все
CNTR	косвенный объект (контаминация с послелогоми значений бенефактива и датива)	все
COND	конъюнктив, кондиционалис	все
IMP	императив	все
NEG1	отрицание в плане прошедшего времени	банди, менде, локо, зиало
NEG2	отрицание в проспективе	банди, менде, локо, зиало, лоома
PROG	прогрессив, инхоатив	банди, зиало, лоома
QUOT	квотативные показатели	банди, менде, локо, кпелле, лоома

Граммема двойственного числа реконструируется только для императивной серии глагольного согласования. Её распространение на другие серии произошло в географически смежных языке зиало и гвинейских диалектах лоома.

Категория к्लюзивности засвидетельствована во всех ЮЗМ языках, кроме менде. Учитывая взгляд на менде как на своеобразный *lingua franca* региона, где в результате процесса креолизации произошло существенное упрощение морфологии и синтаксиса [Dwyer 2005], отсутствие этой категории в менде не удивительно. Однако, если формы эксклюзива в зиало, локо и банди имеют общее происхождение, родство с ними форм гвинейского кпелле *gu* и лоома *gé* не просматривается.

Мы полагаем, что в лоома эксклюзивная форма мн. ч. восходит к показателю 1 л. ед. ч. *gè* (такому развитию в языках мира имеется множество типологических аналогий), а его смысловозначительный тон заимствован из соседнего по парадигме маркера 1 л. мн. ч. инклюзива. Инклюзивные формы кпелле *gu/gwa*, по-видимому, являются показателями, образованными слиянием маркера 1 л. ед. ч. *ǰ-* и немаркированного мн. ч. *kú/kwá*, что также имеет широкие аналогии в НК языках Западной Африки (см. Главу 2, а также парадигму языка сусу ниже). Можно считать, таким образом, что к्लюзивные местоимения в лоома и кпелле являются инновациями.

Вопрос происхождения форм 1–2 л. мн. ч. кпелле с начальным *k-* заслуживает отдельного исследования. Формы 2 л. мн. ч. могут представлять собой распространение маркера императива 2 л. мн. ч. **ka*. В других ЮЗМ языках императивных форм с начальным *k-* не засвидетельствовано, а показателем императива 2 л. мн. ч. является форма *à* в банди, менде, локо, *á* в зиало и лоома. Тот же показатель, по-видимому, являлся в праязыке элементом составного маркера хортатива 1 л. мн. ч.: ср. банди, зиало *à-mó/à-mi* ‘мы (мн.)’ и лоома *à-dé* тж. Прямым соответствием этой модели является форма 1 л. мн. ч. инклюзива гвинейского кпелле *kà-gu* [Casthelain 1952: 78], что в совокупности порождает следующую цепочку структурных соответствий в системе показателей императива:

Таблица 7.14. Императивные личные показатели в ЮЗМ языках

	1 л. дв. ч.	2 л. мн. ч.	1 л. мн. ч. и.
банди	<i>mi</i>	<i>à</i>	<i>àmi</i>
менде	<i>mì</i>	<i>à</i>	<i>àmì</i>
локо	<i>mí</i>	<i>à</i>	<i>àmí</i>
зиало	<i>mó</i>	<i>á</i>	<i>àmó</i>
лоома	<i>dé</i>	<i>á</i>	<i>àdé</i>
кпелле	<i>gu</i>	<i>kà</i>	<i>kàgu</i>

Структурно аналогичная композиция в форме 1 л. мн. ч. императива характерна для некоторых других языков манде: ср. тура *kà-kò* [Bearth 1971: 273], букв. ‘вы-мы’, сусу *wó-mù* ‘мы (мн. ч.)’.

Следовательно, остаётся доказать соответствие начального *k*- в кпелле нулю согласной в других ЮЗМ языках. Такое соответствие может наблюдаться только в служебных морфемах: как уже говорилось выше, знаменательные лексемы практически не допускают вокалического анлаута. Но именно такое соответствие мы видим в другой служебной морфеме, а именно в глагольной купеле: ЮЗМ **ka* > кпелле *ká*, лоома *ka/ya/a*, локо, банди *a*. В данном случае речь должна идти об ослаблении начального веллярного до спиранта и его последующего выпадения. Можно, таким образом, считать вполне логичным, что показатели 2 л. мн. ч. **ka* в кпелле являются рефлексом праязыковой формы.

Что касается её распространения на формы показателей других серий в том же языке, то это могло произойти не столько по аналогии, сколько под влиянием соседних языков южной группы манде (ЮМ), где форма 2 л. мн. ч. **kà* реконструируется для праязыка во всех основных сериях [Выдрин 2006б]. Важно помнить, что кпелле – единственный из языков ЮЗМ, граничащий с зоной распространения ЮМ, так что подобное ареальное влияние вполне вероятно. Вероятно и возведение **kà* к более высокому уровню праязыка, ср. сонинке-бозо *xa* ‘вы’.

Показатели 1 л. мн. ч. эксклюзива *kú/kwV* в кпелле также могут представлять собой результат ареального влияния ЮМ языков. Согласно реконструкции [Выдрин 2006б], показатели 1 л. мн. ч. в пра-ЮМ языке реконструируются как **kw* ‘мы (инклюзив)’. Форма эта вполне может быть возведена к более раннему праязыковому состоянию: возможные параллели находятся также в других западных языках манде: ср. джалонке *n-xo* ‘мы’ (и.) vs. *n* ‘я’ [Lüpke 2005: 106] с закономерным и регулярным переходом **k* > *x* в группе сусу-джалонке.

Таким образом, контактное влияние ЮМ на систему личных показателей кпелле могло стать причиной сохранения двух архаичных показателей на *k*-, один из которых (2 л. мн. ч.) к тому же имеет надёжные соответствия в других языках ЮЗМ.

Лексические тоны основных парадигм личных показателей в ЮЗМ праязыке (базовая, имперфективная, фокализованная, полифункциональная, посессивная серии) могут быть реконструированы следующим образом (Табл. 7.15).

Таблица 7.15. Лексические тоны личных показателей в ЮЗМ языках

язык	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
банди	Н	Н	L	L	L	Н	L
менде	Н	Н	L	Н	–	Н	Н
локо	Н	Н	L	?	?	?	?
кпелле	Н	Н	L	L	Н	Н	Н/L
зиало	L	L	Н	Н	Н	L	Н
лоома	L	L	Н	Н	Н	L	Н
ЮЗМ	Н	Н	L	L	L	Н	L

Языки лоома и зиало последовательно демонстрируют явление «тоновой инверсии» [Dwyer 1973], меняющей исконный тон абсолютного большинства лексем на противоположный. Тоны банди, согласно анализу Д. Двайра, являются наиболее архаичными, что также подтверждает реконструкцию. Данные других языков западной ветви семьи манде служат дополнительным подтверждением, ср. парадигму личных местоимений в сусу [Touré 2004: 57].

Таблица 7.16. Личные местоимения в сусу

1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. и.	1 мн. э.	2 мн.	3 мн.
<i>ń</i>	<i>í</i>	<i>à</i>	<i>wõn</i>	<i>mùxú</i>	<i>wó</i>	<i>è</i>

Показатели базовой серии личных показателей в ЮЗМ языках, по-видимому, представляют собой соединение личных маркеров и нулевого [Spears 1967: 366; Выдрин 1987] предикативного форманта.

Таблица 7.17. Реконструкция базовой серии

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 л. ед. ч.	<i>gé, gè, ñá, ñgí</i>	<i>*ñé</i>
2 л. ед. ч.	<i>(y)í, è/bí, bí</i>	<i>*i/*é</i>
3 л. ед. ч.	<i>ì, è, é</i>	<i>*i/*è</i>
1 л. мн. ч. и.	<i>mó, mí, mù/gù/dé</i>	<i>*mù</i>
1 л. мн. ч. э.	<i>nì, ní, né/gí, gé/kú</i>	—
2 л. мн. ч.	<i>wó, wò, wú/ká</i>	<i>*wó</i>
3 л. мн. ч.	<i>té, tí, dí</i>	<i>*ti/*tè</i>

Комментарии:

- 1 л. ед. ч. Соответствие *ñg-* в банди / менде и *g-* в зиало / лоома регулярно, ср. банди *ñgala* vs. зиало, лоома *gàlá* ‘бог’ и пр.
- 2 л. ед. ч. Здесь мы видим две лексические основы: банди, зиало и лоома **i/*é*, локо и менде **bí*, в кпелле употребляются обе. Первая основа находит широкие генетические параллели в различных группах языков манде: ср. лигби, джула, сонинке, бамана, ваи, дьялонке и др. (Приложение 5). Те же формы восстанавливаются в ЮМ. Основа **bí/*bí* также имеет соответствия в ЮМ, однако лишь в парадигмах независимых (фокализированных) и императивных маркеров. К обсуждению этой основы мы вернёмся чуть ниже.
- 3 л. ед. ч. Хотя гласная варьирует по языкам, **ì* можно сравнить с детерминативным маркером **-ì*, восстанавливаемым для пра-ЮМ [Выдрин 2006a]; типологически это сравнение выглядит надёжным, ср. прямое соот-

ветствие между ЮЗМ показателем 3 л. мн. ч. **tì* и маркером определённой множественности **-tì*.

- 1 л. мн. ч. Форма *dé* в лоома является инновацией, развившейся по аналогии с местоимением 2 л. ед. ч. *dà*. Обсуждение форм кпелле см. выше. Данных банди, менде, локо и зиало достаточно для реконструкции **mù* для ЮЗМ праязыка с учётом данных внешнего сравнения: ср. ваи 1 л. мн. ч. *tu* [Heydorn 1970/71], сусу *mù-xú* [Touré 2004: 57] и пр. Форма *mí* в локо демонстрирует утрату признака лабиализации гласной. При развитии категории клюзивности форма **mù* закрепились за инклюзивом, в то время как эксклюзивные формы развились из показателей 1 л. ед. ч., что типологически вполне оправдано. Форма эксклюзива может быть восстановлена только для группы банди-локо-менде-зиало, позже она была устранена в менде (ср. выше о причине упрощения морфологии менде).
- 2 л. мн. ч. Сужение гласного **wo > wi* произошло в банди, менде и локо в результате выравнивания с формой 1 л. мн. ч. инклюзива. Зиало и лоома сохранили оригинальный вокализм праязыка, подтверждаемый формами ваи *wo*, сусу *wó*. Форма кпелле *ká*, как указывалось выше, распространилась из императивной серии под влиянием ЮМ языков.
- 3 л. мн. ч. Озвончение дентальной в кпелле неясно, ср. его объяснение слиянием с предшествующей **-ŋ* в [Welmers 1962]. Форма с узким вокализмом **tì* кажется предпочтительнее, чем **tè*, т. к. совпадает с формой детерминированного плюрального маркера; обе формы скорее всего имеют общее происхождение из дейктического маркера [Выдрин 2006а: 169–170], ср. кпелле *tí* ‘тот’.

Показатель 3 л. ед. ч. зависимой серии **é* выделяется своим высоким тоном, остальные показатели этой серии идентичны маркерам базовой парадигмы. Тем не менее это важное отличие фиксируется в банди, менде, локо, кпелле и зиало (в последнем показатель закономерно имеет низкий тон), позволяя восстановить **é* для уровня праязыка. Наиболее естественным выглядит предположение о том, что изначально значение этого показателя было логофорическим; к сожалению, на материале имеющихся в нашем распоряжении работ по банди, менде, локо и зиало проверить его логофорический характер затруднительно. В лоома он, по-видимому, отсутствует.

Давно было выдвинуто предположение, что происхождение имперфективной серии (Табл. 7.18) связано со слиянием маркеров лица с показателем **ka/*ya > a*, который часто называют копулой: ср. лоома (диалект лулама) *Folomo yà kale-y be-zu* ‘Фоломо ловит рыбу’ [‘Фоломо COP рыба-DEF ловля-в’], то есть «находится в процессе рыбной ловли» [Prost 1967: 40, 66]. Долгая гласная в имперфективной серии показателей лоома, банди, локо и гвинейского кпелле подтверждает контракцию, например **wo yà > *wàà* ‘вы’.

Таблица 7.18. Реконструкция имперфективной серии

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 л. ед. ч.	<i>ngáa, ñàá, gàa/nà</i>	* <i>ñ-à</i>
2 л. ед. ч.	<i>yáa, dà, jà, yà/báa, ba</i>	* <i>yá < *i-à</i>
3 л. ед. ч.	<i>á, à, ngá/tó(γà), tówà</i>	* <i>ñ-à</i>
1 л. мн. ч. и.	<i>mà(a), má/dá/gua, gwa</i>	* <i>mà</i>
1 л. мн. ч. э.	<i>ná(a)/gá(a)/kwàá, kwa</i>	—
2 л. мн. ч.	<i>wáà, wà/kàá</i>	* <i>wà</i>
3 л. мн. ч.	<i>táà/dàá</i>	* <i>tà</i>

- 1 л. ед. ч. Формы 1 л. ед. ч. лоома *nà/gà*, видимо, происходят из слияния **ñ-γà*.
- 2 л. ед. ч. Дентализация глайда в диалектах лоома *y- > j- > d-* распространялась с юга на север. Локо и менде унифицировали здесь формы на **b-* (см. ниже в комментариях к реконструкции фокализованной серии).
- 3 л. ед. ч. Формы *tó, tóγà* и пр. в лоома имеют дейктическое происхождение: ср. демонстратив *tɔ-* ‘тот’ [Prost 1967: 27].

Таблица 7.19. Реконструкция фокализованной серии

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 л. ед. ч.	<i>já, ñà, nà</i>	* <i>jà < *ñ-yá</i>
2 л. ед. ч.	<i>bía, bía/dà, jà, yà, yá</i>	* <i>i-yá/*bi-yá</i>
3 л. ед. ч.	<i>à, á/àlá, lɔ́, lɔ́, tɔ́/ñà</i>	* <i>à</i>
1 л. мн. ч. и.	<i>mùà, móyá/dá/guo</i>	* <i>mù-yà</i>
1 л. мн. ч. э.	<i>nùá, néyá/gá, gíyá/kúa, kuo</i>	
2 л. мн. ч.	<i>wùá, wòyà, wà, woá/káa</i>	* <i>wó-yá</i>
3 л. мн. ч.	<i>tìá, tùá, tíá, tíyá, dia</i>	* <i>tì-yà</i>

Серия фокализованных местоимений (Табл. 7.19) происходит из слияния личных маркеров с показателем именного фокуса **yá*, сохранившимся в зиало [Бабаев 2011а]. Типологические параллели такого механизма находятся в других языках манде, ср. ваи *mi* ‘мы’ (субъектный показатель), *mi-wa* ‘мы’ (местоимение с добавлением именного маркера фокуса) [Heydorn 1970/71: 161]. В зиало и банди интервокальный глайд **-y-* сохраняется.

- 1 л. ед. ч. Анлаутный палатальный сонант представляет собой развитие **ñ-yá*. Обычная дентализация видна в лоома.
- 2 л. ед. ч. Реконструируемая на основании данных менде, локо, кпелле форма **bi-yá* заслуживает отдельного анализа. Показатель **ɓè/*ɓí* реконструируется для праязыка ЮМ в качестве синтаксически неза-

висимого местоимения, а также показателя императива [Выдрин 2006б]. В ЮЗМ противопоставление предикативных **í/*é* и независимого **bí* подверглось эрозии: первый полностью исчез в подгруппе менде-локо, второй – в банди-зиало-лоома. Однако данные языков ЮМ позволяют рассматривать форму **bí* как архаичную форму серии независимых местоимений, а не инновацию.

3 л. ед. ч. Показатель лица предшествует копуле *tɔ/lɔ*. Её происхождение из глагола **tɔ* ‘видеть’, сохранившегося в современных языках, вполне вероятно.

Таблица 7.20. Реконструкция комитативной серии

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 л. ед. ч.	<i>ngé(é), gè, zè</i>	<i>*ŋ-ye</i>
2 л. ед. ч.	<i>íyé, dè, yè/bíé</i>	<i>*í-ye</i>
3 л. ед. ч.	<i>lá, là/ŋgíé/á</i>	<i>*là</i>
1 л. мн. ч. и.	<i>mùyè, mùé, mòyè/díé</i>	<i>*mù-ye</i>
1 л. мн. ч. э.	<i>nìyè, nùé, nèyè, gíé</i>	–
2 л. мн. ч.	<i>wúyè, wùé, wòyè, wóé</i>	<i>*wó-ye</i>
3 л. мн. ч.	<i>tìyè, tié, tùé, tíé</i>	<i>*tì-ye</i>

Вполне оправданным выглядит выделение элемента **(y)e* со «слабым» начальным согласным (данных для восстановления сильного альтернанта недостаточно), контракция с которым образовала маркеры комитативной серии (Табл. 7.20).

1 л. ед. ч. Дентализация в лоома **ŋ-ye > *nje > *ze* вполне регулярна, ср. банди *njowo* vs. лоома *zowo* ‘маниок’, банди *nje* vs. лоома *ze, zie* ‘вода’, и др.

3 л. ед. ч. Форма **là* ‘с ним / ней’ по происхождению является локативным послелогом **dà*, заменяющим во всех ЮЗМ языках предложную группу со значением комитатива / инструменталиса. В ряде языков (менде, локо) рефлекс **là* маркируют только неодушевлённый объект, для одушевлённого используется новообразованная по аналогии форма, подобная другим формам парадигмы.

Таблица 7.21. Реконструкция сочинительных местоимений

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 мн.	<i>má, màá/dá/kwà</i>	<i>*mà</i>
2 мн.	<i>wá, wáá, wá/kà</i>	<i>*wá</i>
3 мн.	<i>tà, tàá/dà</i>	<i>*tà</i>

Особое внимание требуется обратить на местоимения-участники сочинительной группы (серия CONJ). Модель построения такой группы одина для всех ЮЗМ языков, кроме зиало: два конъюнкта принадлежат к разным сериям местоимений, при этом конъюнкт-1 имеет только формы мн. ч., выражая лицо и число всей группы в совокупности, а конъюнкт-2 может модифицироваться показателем определённой плюральности **-ni*, выражающим при этом граммему числа конъюнкта-1, ср. в банди:

- (115) *má* *wúyé* *máá* *lì*
 1PL.INCL.CONJ 2PL.COM 1PL.INCL.IPFV идти
 ‘(Я и вы,) мы с вами пойдём’,

но

- (116) *má* *wúyé-ni* *máá* *lì*
 1PL.INCL.CONJ 2PL.COM 1PL.INCL.IPFV идти
 ‘(Мы и вы,) мы с вами пойдём’ [Bandi, manuscript: I, 20].

Распределение порядка конъюнктов в данной конструкции не случайно: первый из них всегда представляет собой «высшего» участника в иерархии локуторов Силверстейна: 1 л. > 2 л. > 3 л.

В качестве первого конъюнкта в большинстве ЮЗМ языков выступают местоимения сочинительной серии (CONJ), в качестве второго – обычно маркеры комитативной серии (COM). Фонетическая близость серии CONJ с фокализированными местоимениями приводит к нередкому их слиянию, однако их различие на праязыковом уровне, видимо, всё же существовало.

Таблица 7.22. Реконструкция полифункциональных показателей ед. ч.

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 л. ед. ч.	<i>ó-, ø-, Ñ-</i>	<i>*ñ-</i>
2 л. ед. ч.	<i>bí-/í-, i-, è-</i>	<i>*í-</i>
3 л. ед. ч.	<i>ó-, ø-</i>	<i>*ñ-</i>

Супraseгментные полифункциональные показатели 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. (Табл. 7.22; плюральные формы совпадают с базовой серией и в таблице опущены) были корректно реконструированы У. Уэлмерсом [Welmers 1973] и Д. Двайром [Dwyer 1973]. Форма менде-локо *bí-*, по нашему мнению, является результатом аналогического распространения (см. выше).

Таблица 7.23. Реконструкция притяжательных местоимений

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ	пра-центр. ЮЗМ ²⁰⁹ [Dwyer 1973: 235-237]
1 л. ед. ч.	<i>ní-, né-, nè-, nà/ŋá-, ɲɔ-</i>	<i>*ŋí-/ *ŋé-</i>	<i>*ní-</i>
2 л. ед. ч.	<i>i-, ì-, é-/bí-/dà-, jà-, yà-</i>	<i>*i- < *í-</i>	<i>*bí-</i>
3 л. ед. ч.	<i>ŋgì-, gé-, ná, ɲɔ-</i>	<i>*ŋì-</i>	<i>*ngìi-</i>

Маркеры отчуждаемой принадлежности (Табл. 7.23), по-видимому, контаминированы с вокальным формантом неизвестного происхождения, который Д. Двайр реконструирует как **-i* на основании данных банди, локо и менде. В 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. в кпелле видим конструкцию из маркеров полифункциональной серии и посессива *wɔ*, отсюда 1 л. ед. ч. *ɲɔ < *ŋ-wɔ*.

- (117) *zúnù-ì* *ná* *(ó)-kólɔ-ì*
 мужчина-DEF 3SG.POSS 3SG.PF-книга-DEF
 ‘Книга мужчины’ [Sadler 2006 (1949): 74].

Таким образом, притяжательные показатели лоома 1 л. ед. ч. *nà*, 3 л. ед. ч. *ná* являются по происхождению синтаксически независимыми местоимениями, скорее всего, фокализованной серии.

3 л. мн. ч. Форма кпелле *ddi* приведена Д. Двайром [Dwyer 1973] для либерийских диалектов и объясняется им как происходящая из **ŋ-tí*. Подтверждений такой реконструкции на материале других ЮЗМ языков не обнаруживается, как не засвидетельствовано и наличия геминат в фонологической системе кпелле.

Серия CNTR представляет собой слияние личных маркеров полифункциональной серии с послелогоми дативно-бенефактивной семантики. Общая тенденция создания такого рода контаминированных конструкций распространена по всей Западной Африке, однако считать, что какие-либо из них в ЮЗМ могут быть возведены к генетическому источнику в пра-ЮЗМ, достаточных оснований нет.

Таблица 7.24. Реконструкция императивной серии

лицо / число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
2 л. ед. ч.	<i>ø/ye/be</i>	<i>*ø</i>
1 л. дв. ч. и.	<i>mù, mú/dé/ku</i>	<i>*mù</i>
1 л. мн. ч. и.	<i>àmù, àmú/àdé/kagu</i>	<i>*kàmù</i>
2 л. мн. ч.	<i>à, á/kà</i>	<i>*kà</i>

²⁰⁹ Термин «центрально-ЮЗМ праязык» понимается Д. Двайром как праязыковое сообщество ЮЗМ после выделения кпелле [Dwyer 1973: 4].

Показатели императива могут быть восстановлены для 2 л. обоих чисел и 1 л. дуалиса и плюралиса (последние обычно называют хортативными).

2 л. ед. ч. Нулевой показатель реконструируется вполне надёжно. Ненулевые формы представляют собой местоимения, факультативно употребляющиеся в ряде языков с целью усиления императива или фокализации субъекта предложения.

1 л. мн. ч. Формы всех языков являются соположением показателей 2 л. мн. ч. и 1 л. дв. ч. (букв. «мы с вами»). Основания для реконструкции показателя **mì* см. выше.

Таблица 7.25. Реконструкция негативной серии

лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 л. ед. ч.	<i>ŋgɛ́í, ŋgɛ́è, ŋgèé, gèy, gè</i>	* <i>ŋ-éè</i>
2 л. ед. ч.	<i>yéí, yèy, è/béè, bèé</i>	* <i>yéè < *í-éè</i>
3 л. ед. ч.	<i>èì, ŋgèì, èè, èé, éy, é</i>	* <i>ŋ-èé</i>
1 л. мн. ч. и.	<i>méí, múè, mèé, méy/dé</i>	* <i>mù-èé</i>
2 л. мн. ч.	<i>wéí, wúè, wèé, wèy, wè</i>	* <i>wó-éè</i>
3 л. мн. ч.	<i>tèì, téè, tèé, téy, té</i>	* <i>tì-èé</i>

Негативная серия (Табл. 7.25) представляет собой слияние личных маркеров с показателем негатива *-*εε*, который иногда рассматривается как развитие негативной копулы **le*, засвидетельствованной в лоома, менде и локо. Представительность показателей этой серии позволяет относить её к праязыковому языковому состоянию.

Прогрессивная серия (PROG) является общей инновацией праязыка ЮЗМ после отделения кпелле, её источником является слияние личных показателей с наречным формантом **nà* 'сейчас'.

Квотативная серия маркеров, происходящих из слияния личных показателей с глаголом **ke* 'сказать', заслуживает особой дискуссии уже потому, что в ЮЗМ языках представлено исключительно редкое явление – квотативные маркеры с согласованием по лицу и числу. Типология квотативных маркеров («индексов»), предложенная Т. Гюльдеманом [Güldemann 2008b], распределяет их по четырём группам по степени морфологизации. Так, квотативные глаголы представляют собой автономные словоформы, обладающие всеми синтаксическими признаками нормального предиката, но служащие исключительно для введения косвенной речи, например в банди:

- (118) *ì* *ye-a* (*ò*)-*ma* (*ò*)-*tókó* *lɔ* (*ò*)-*mbu*
 3SG.BAS сказать-COMPL 3SG.PF-PP 1SG.PF-рука COP 1SG.PF-под
 'Он сказал ему: «Я согласен»' [Grossmann 1992: 161].

Квотативные предикаторы теряют свои предикативные свойства (напр., МПП) и могут быть названы «дефективными глаголами» [Güldemann 2008b: 15]. Этот уровень грамматикализации представлен в зиаго:

- (119) *té* *yé* *gílè-y* *sìnè-y* *é* *lòvè-gò* *yálè?*
 3PL.BAS QUOT собака-DEF это-DEF 3SG.BAS пройти-AOR как
 ‘Они говорят: «А собака-то как прошла?»’

Почти полностью морфологизованными служебными морфемами можно назвать квотативные маркеры и комплементаризеры (т. е. подчинительные союзы), выступающие в роли неизменяемых дискурсивных морфем, маркирующих любое обращение к косвенной речи и не имеющих самостоятельного лексического значения. Комплементаризеры могут переводиться на русский язык союзом *во* в фразе типа «*X* сказал, что». Согласуемые квотативные маркеры, ещё сохраняющие ряд свойств предиката, наблюдаются в банди, менде, локо и лоома, тогда как в кпелле они уже начинают терять очертания личного согласования и находятся на пути превращения в комплементаризеры, в терминологии Гюльдемана.

В работах [Idiatov 2009; 2010] демонстрируется ареальный характер явления квотативных маркеров в западных языках манде. Можно сделать вывод, что это явление затронуло и все ЮЗМ языки, хотя и в разной степени.

Сводная Табл. 7.26 суммирует предложенные варианты реконструкции показателей лица в ЮЗМ.

Таблица 7.26. Реконструкция системы личных показателей в языке ЮЗМ

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
базовая			*i/*è			
зависимая (логофорическая?)	*hè	*i/*é	*i/*é	*mù	*wó	*tì
имперфективная	*hàà	*yàà	*hàà	*màà	*wàà	*tàà
фокализованная	*ná	*íyá/*bíyá	*à	*mùyà	*wóyá	*tìyà
комитативно- инструментальная	*húé	*íyé	*lá	*mùyé	*wóyé	*tìyé
сочинительная	—	—	—	*mà	*wá	*tà
полифунк- циональная	*h-	*i-	*h-	*mù-	*wó-	*tì-
посессивная	*hí-/*hè-	*i-	*hì-	*mù-	*wó-	*tì-
императивная	—	*ø	—	*mù (дв.) *kàmù (мн.)	*kà	—
негативная	*hèè	*yéè	*hèè	*mùèé	*wóèè	*tìèè

Несмотря на то что на уровне праязыка ЮЗМ мы вынуждены реконструировать большое число морфологических серий личных показателей, легко видеть, что многие из них являются производными, образованными с помощью присоединения глагольных маркеров и других клитических морфем к собственно показателям лица. Вопрос состоит в том, на каком этапе можно говорить о фузии грамматических показателей в единую морфему. Нам представляется, что некоторые из серий представляли собой в ЮЗМ праязыке грамматикализованные формы, а некоторые ещё находились в процессе слияния. Среди последних – комитативные и негативные показатели, которые, как можно видеть из Табл. 7.26, ещё довольно легко раскладываются на составляющие элементы и не потеряли исходной гласной личных показателей, например **mùèé*.

Что касается распределения реконструированных показателей по базовым синтаксическим сериям, то в состав объектной серии входят полифункциональные (маркировали прямой объект переходного глагола) и комитативные (маркировали косвенный объект в конструкциях комитатива и инструменталиса) показатели. Притяжательное значение также выражалось полифункциональными показателями. Фокализованная серия местоимений занимает особое положение.

При этом очевидным является и единое генетическое происхождение показателей большинства серий. Наименее маркированными показателями, которые можно назвать «исходными», являются формы базовой и полифункциональной серий. В их состав не включены никакие предикативные маркеры, так что они, по всей видимости, сохраняют исходную форму. При этом полифункциональные показатели, находясь в префиксальной позиции, могли редуцировать исходную гласную в формах 1 и 3 л. ед. ч. – явление, свойственное практически всем крупным семьям языков Западной и Центральной Африки. Исходя из этого, мы можем предложить, что называется, «очищенную» от поздних грамматических примесей исходную парадигму показателей лица (Табл. 7.27), где противопоставляются три основных синтаксических серии.

Таблица 7.27

	субъект.	объект., притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>*jé</i>	<i>*j̃</i>	<i>*já</i>
2 л. ед. ч.	<i>*i/*é</i>	<i>*i/*é</i>	<i>*iyá/*biyá</i>
3 л. ед. ч.	<i>*i/*è</i>	<i>*j̃</i>	<i>*à</i>
1 л. мн. ч.		<i>*mù</i>	<i>*mù-yà</i>
2 л. мн. ч.		<i>*wó</i>	<i>*wó-yá</i>
3 л. мн. ч.		<i>*tì</i>	<i>*tì-yà</i>

§ 2. Опыт реконструкции личных показателей праязыка манде

Реконструкция личных показателей праязыка юго-западной группы семьи манде в § 1 настоящей главы демонстрирует всю сложность сравнительного анализа языков манде, фонология, изолирующий строй и другие особенности которых существенно затрудняют исследование. Отметим ещё, что сравнительный анализ показателей глагольных значений в языках манде, недавно проведённый В.Ф. Выдриным [Vydrin 2012], показал, что на уровне праязыкасемьи манде реконструкция морфологических показателей является чрезвычайно затруднительной. В этой связи, в настоящем параграфе мы попытаемся обобщить имеющийся материал по личным показателям в различных языках семьи манде, чтобы сделать первые, предварительные выводы о структуре местоименной парадигмы праязыка, формах некоторых праязыковых местоименных лексем.

Помимо двух упомянутых реконструкций, наш анализ будет основываться на формах личных показателей языков манде, приводимых в Приложении 5 к настоящей работе. Мы намеренно не включили в состав таблиц Приложения детального перечисления личных местоимений в языках группы манден, отсылая читателя к сводной работе [Davydov 2010], содержащей данные по нескольким десяткам языкам и диалектам группы. Это сделано, во-первых, из соображений экономии места, а во-вторых, потому что личные показатели в различных языках и диалектах манден весьма однородны и довольно легко поддаются сравнению и реконструкции. Согласно подсчётам в работе [Vydrin 2009b], распад языковой общности манден имел место не более 800–1200 лет назад, значительно позже, чем праязыков других групп манде.

Ниже приводится предварительный список наиболее распространённых лексических основ личных местоимений в языках манде с кратким анализом каждой из них и выборочными примерами. Там, где реконструкция возможна на групповом уровне, она также приводится.

1 лицо единственного числа

Наиболее широкое распространение демонстрируют две основы.

1) *N* (носовая фонема, гоморганная последующему согласному звуку, реализуется в форме *n*, *m*, *ɲ*, *ŋ*). Данная форма обнаруживается во всех без исключения группах языков манде. В своей базовой форме она чаще всего выступает в субъектной позиции:

- ЮМ **N*: мано $\acute{N}/\grave{N}/\bar{N}$, муан $\acute{\eta}/\grave{\eta}$, уан \grave{n}/\acute{n} ;
 биса-сан: биса \acute{m}/\acute{n} , биса-лебир \grave{n} (базовая серия со средним тоном);
 сонинке-бозо **N*: сонинке \acute{n} , бозо (диал.) $\acute{n}/\grave{n}/m$;
 самого: сеенку n/m , джовулу \acute{n} ;
 манден * \acute{N} : манинка \acute{n} , бамбара \acute{n} , хасонка \acute{n} ;
 моколе * \acute{N} : леле \acute{n} , какабе \acute{n} ; коранко \acute{n} ;
 джого-джери * \acute{N} : лигби \acute{n} , лигби-нуму \grave{n} ;

сусу-джалонке **N*: сусу *í*, джалонке *í*;
 вай-коно **N*: вай *í*, коно *í*.

В тех языках, где в субъектных сериях данная форма не обнаруживается, её иногда можно отыскать в составе несубъектных серий:

самого: кпеев *N* (объект.), *n/m* (притяжат.), дзуун *í* (объект., притяжат.);

ЮЗМ **í*- (объект., притяжат., субъект статива): кпелле *í*-, лоома *í*-, зиало *í*-.

Видна возможность реконструкции формы праманде **N*, наиболее вероятно – с высоким тональным контуром. Эта форма имеет широчайшие параллели в других семьях НК языков, рассмотренных в настоящей работе. Для большинства из них, впрочем, форма субъектного показателя *N* на синхронном уровне является редуцированной: её праязыковая гласная была элиминирована в проклитической или префиксальной позиции. Предположение о том, что в языках манде **N* также может быть редуцированной формой, заставляет искать такие языки, где немаркированному субъектному *N* противопоставлялись бы огласованные формы с начальным носовым (как, например, в других НК языках **N* vs. **mV*).

Такие оппозиции действительно обнаруживаются. С одной стороны, вероятными расширениями **N* являются местоимения на *n*- с вокалическим исходом. Многие из них являются аллофонами *N* в определённом фонетическом окружении: например, в бозо субъектное местоимение *na* употребляется перед зубными согласными, *n* – перед велярными [Monteil 1932: 301]. Некоторые (как в ЮЗМ языках, см. выше, в § 1) представляют собой результат контракции с показателями иных грамматических значений, например независимое местоимение *já* ‘я’ в банди представляет собой результат слияния личного показателя **í* с маркером фокуса. Отметим здесь же формы независимых местоимений *né* в языках манден, также образованные контаминацией с показателем фокуса. Базы для реконструкции в праманде какой-либо из подобных «расширенных» форм на основе дентальной носовой не обнаруживается, т. к. все они обладают различными синтаксическими функциями.

С другой стороны, нередко в одной парадигме мы видим оппозицию между субъектным показателем *N* и огласованной формой на *m*-. Об этом стоит сказать подробнее.

2) Второй широко распространённой моделью показателей 1 л. ед. ч. является *ma*. В субъектной позиции эта основа присутствует в следующем наборе языков:

ЮМ **mā* (для праязыка восстанавливается только в фокализованной серии [Выдрин 2006b], однако в различных языках присутствует и в субъектных сериях):

дан-бло *má* (перф.), тура *mää* (просп.), бен *mā* (хаб.), *má* (перф.);

биса-сан **ma*: сан *ma/má*, биса-лебир *ma*;

боко-буса **mā* (прош.): боко *mā*, буса *mā*;

кьенга-шанга **ma*: кьенга *ma*, шанга *ma*;

самого: кпеев *mà/me*;

бобо *ma/me*.

Гласная нижнего подъёма – наиболее распространённый вариант вокализации в языках манде. Однако встречаются и формы на *m*- с другими гласными, преиму-

щественно заднего ряда. Они, как правило, находятся в дополнительном распределении с формами типа *N*, заменяя последнее в несубъектных сериях.

ЮМ: муан *mi* (независ.), гбан *mi* (портм.);

биса-сан: биса *mip* (полная форма, преимущественно со значением фокуса), биса-лебир *mó* (нереферентный объект, притяжат., независ.);

самого: дуун *ti/mĩ/mip*, банка *ti*, сеенку *to* (притяжат., независ.), джовулу *ti/mĩ*, дзуун *mĩ/mín*.

Таким образом, для уровня праязыка манде можно предположить реконструкцию **ta* (фиксируется в двух основных ветвях языков семьи), в то время как **ti* является предположительной изоглоссой, объединяющей группы восточных языков и самого.

Вопрос отсутствия форм модели *mV* во многих западных языках может быть увязан с вопросом генетического родства между **N* и **ta*. Целый ряд языков, как мы видели выше, использует рефлексы обеих форм в составе парадигмы, при этом если гоморганный показатель обычно ограничен субъектной серией или, во всяком случае, не является независимым местоимением, то рефлексы, возводимые к **ta*, имеют более широкое распространение в парадигме, маркируя и объект глагола, и местоименное подлежащее, ср. сопоставления в Табл. 7.28.

Таблица 7.28

	N	mV
ЮМ	<i>*N</i> (субъект., объект.)	<i>*ta</i> (независ.)
биса	<i>m/n</i> (субъект.)	<i>mip</i> (субъект., независ.)
биса-лебир	<i>n</i> (субъект., объект., притяжат.)	<i>mó</i> (независ.)
сеенку	<i>m/n</i> (субъект.)	<i>to</i> (независ., притяжат.)
кпеен	<i>N'</i> (претерит, перфект)	<i>má</i> (наст., прог.?)

В некоторых языках факты общего происхождения показателей моделей *N* и *mV* подкрепляются данными других местоимений парадигмы. К примеру, в биса-лебир видим местоимения 1 л. ед. ч. *n* (субъект.) и *mó* (независ.), 1 л. мн. ч. *ò* и *òwó* соответственно, то есть перед вокалическим суффиксом *-ó* назальная основа 1 л. ед. ч. принимает форму *m-*.

Совершенно аналогичное распределение между «полной» формой модели *mV* и редуцированной типа *N* мы наблюдали и в других НК языках, рассмотренных в предыдущих главах: во многих из них можно доказать, что *N* представляет собой усечённый вариант показателя, восходящего к *mV* в субъектной (проклитической или префиксальной) позиции и редуцированный уже в праязыке.

Других основ праязыкового уровня для 1 л. ед. ч. в языках манде не обнаруживается. Отдельные редкие отклонения от двух описанных выше основ (напр., бобо тансила *ā*) могут являться либо новообразованиями, либо результатом фонетических трансформаций, ещё требующих своего анализа.

2 лицо единственного числа

1) Наиболее распространённой моделью в этом значении является показатель, состоящей из узкой переднерядной гласной:

ЮМ **i/*ē*: тура *i*, муан *é*, яурэ *i*;
 биса-сан **I*: биса *é*, биса-лебир;
 бобо (диал.) *ē*;
 манден **Í*: манинка *í*, джула (диал.) *i/é*, марка *è*;
 моколе **í*: леле *í*, могофин *í*;
 джого-джери **É*: лигби *é/é*, лигби-хвела *é*, лигби-нуму *i/é*;
 сусу-джалонке **í*: сусу *í*, джалонке *í*;
 ваи-коно **í*: ваи *í*, коно *í*, *é*;
 ЮЗМ **i/*é*: кпелле (диал.) *é/i*, банди *í*, лоома *è*.

Этих данных (даже в отсутствии рефлексов в оставшихся группах самого, сонинке-бозо и боко-буса) вполне достаточно для реконструкции **i/*é* (обобщённо в виде гласной переднего ряда с высоким тоном: **Í*) для уровня праязыка манде. Соответствия между двумя передними гласными по различным языкам потребуют проверки на материале других служебных морфем языков манде.

2) Интерес для сравнительного исследования представляет также основа *bi/be/bi/be*, засвидетельствованная как в восточной, так и в западной ветвях языков манде:

ЮМ **bè* (имп.) / **bī* (независ.): мано *bi*, муан *bí*, гбан *be*;
 ЮЗМ **bí-ya* (независ.): кпелле *bía* (независ.), менде, локо *bí* (субъект.);
 бобо *be* (субъект.), *bí* (независ.).

Несмотря на недостаточную представительность этой основы в различных группах языков, предположение о реконструкции **bí* на уровне праязыка манде с точки зрения дистрибутивного анализа весьма вероятно. Кроме того, такая реконструкция поддерживается значительным количеством внешних соответствий в других НК языках: праформа модели «губная согласная + переднерядная гласная» реконструируется в языках гур (**fI*), бенуэ-конго (**we*), а также, как мы увидим в Главе 8, для целого ряда групп атлантических языков.

Интересно в этой связи, что в двух группах языков, относящихся к различным ветвям семьи, прослеживается оппозиция между предикативными личными показателями из **Í* и независимым местоимением из **bí*. Так как к единой основе эти показатели не сводятся, логично предположить их различное лексическое происхождение. Подобное противопоставление между синтаксическими сериями можно сравнить и с оппозицией **N/*ma* в 1 л. ед. ч.

В отдельных группах манде присутствуют ещё две основы личных показателей 2 л. ед. ч.

3) Основа **n*:

ВМ **n*: сан *n*, боко *n*, бокобару *n*, кьенга *n*, буса *n*;
 самого: джо *n*, *n-ti/n-di*.

Данная модель сегментно совпадает с N 1 л. ед. ч., однако ни в одном из известных нам языков манде не засвидетельствовано оппозиции между гоморганными показателями в 1–2 л. ед. ч., подобного языкам кру или иджо.

Вопрос об отнесении сюда же форм сонинке-бозо *an/ã* требует дополнительной проработки.

4) Основа *wO:

самого: кпеен *wɔ-nè*, дуун *wo/wa*, сеенку *àwò* (независ.), дзуун *wó* (объект., притяжат., независ.).

В этом же ряду заслуживает внимания форма эмфатического местоимения бобо-тансила *ò-yó*, оформленная неличным суффиксом *-yó*.

Вновь отметим формальное сходство с формами *wO/*wU в различных НК языках (см. Главы 2, 3), реконструируемыми на уровне праязыков бенуэ-конго и ква.

Несмотря на видимую сложность реконструкции праформ 2 л. ед. ч., некоторые гипотезы всё же можно высказать даже на этом предварительном этапе. Можно полагать, что в праманде существовали по меньшей мере две серии местоимений 2 л. ед. ч., представленные супплетивными корнями. Так, для *Í можно предположить значение приглагольного субъектно-объектного показателя, в то время как *bi могло употребляться в качестве независимого местоимения: во всяком случае, именно такое распределение прослеживается в языках групп ЮМ и ЮЗМ.

3 лицо единственного числа

Местоименные системы языков манде, по терминологии Д. Бхата [Bhat 2005], можно назвать системами «трёх лиц». Это означает, что показатели 3 л. органично входят в состав парадигмы личных местоимений, в отличие, скажем, от языков банту или гур, где 3 л. преимущественно маркируется показателями именных классов. Языки манде всегда выделялись из НК макросемьи именно отсутствием именной классификации, и следы её закономерно пытались искать в том числе в системах личных показателей 3 л.

Тем не менее вполне уверенно можно говорить о том, что, как в других языках Субсахарской Африки, так и в языках манде, местоимения 1–2 л. (локуторов), с одной стороны, и 3 л. – с другой, нередко различаются как по набору грамматических категорий, так и по происхождению. В частности, местоимения 3 л. могут заимствоваться из системы дейктических маркеров, – именно это произошло, например, в языках ЮЗМ, где восстанавливаются аффикс именной определённости ед. ч. *i и местоимение 3 л. ед. ч. *i, аффикс определённой множественности *-ti и местоимение 3 л. мн. ч. *ti.

Рассмотрим основные модели личных показателей, употребляющихся в значении 3 л. ед. ч. Наиболее распространёнными здесь являются формы структуры V – с различной огласовкой.

1) Практически повсеместно в языках манде встречается основа à:

ЮМ *à (объект.): гуро à (несубъект.), дан-бло á (несубъект.), уан à (притяжат.);

биса-сан *a: сан *á/à* (распределение неясно), биса *a*, биса-лебир *à*;
 боко-буса *à: боко *à*, буса *à*, бокобару *à* (объект.);
 кьенга-шанга: кьенга *ā* (неотчуждаемая принадлежность, логофора);
 сонинке-бозо *a: сонинке *a*, бозо *a, ā*;
 самого *à: кпеен *à/è*, дуун *a* (м.), сеенку *à*, дзуун *à*;
 бобо *à*;
 манден *à: манинка *à*, кагоро *à*, бамбара *à*;
 моколе *à: леле *à*, коранко *à*;
 джого-джери: лигби *è*, лигби-нуму *a*;
 сусу-джалонке *à: сусу *à*, джалонке *a*;
 ваи-коно *à: ваи *à*, коно *a, è* (наст., буд.);
 ЮЗМ *à (независ.): банди *à(á)*, зиало *á*, лоома *á*.

Формы диалектов джого-джери *e/é* также, по-видимому, являются результатом сужения *à (ср. лигби *è*, лигби-нуму *a*).

Данных более чем достаточно для реконструкции низкотоновой формы *à для праязыка манде. Её происхождение из действительного маркера крайне маловероятно – в языках манде такие формы указательных местоимений не фиксируются.

2) А вот основа субъектного местоимения 3 л. ед. ч. *i/*è в языках групп ЮМ и ЮЗМ, как уже упоминалось выше, вполне может происходить из показателя именной определённости и далее из действительного маркера (ср. кпелле *yi/ni* ‘этот’, лоома *ni* тж.), имеющего широкие параллели и в других языках семьи (ср. сусу, джалонке *yi* ‘этот’, дан-гуэта *yā*).

Различие в значении между **ī* и **à* может лежать в сфере логофоричности. На это указывают, в частности, формы языков кьенга-шанга, где обе формы противопоставлены именно по этому признаку.

В языках группы самого существует противопоставление местоимений 3 л. по категории грамматического рода. Это явление тем более интересно для сравнительного анализа, что форма показателя женского рода **ni* (дуун *ni*, банка *ni*, джовулу *ni*) напрямую коррелирует с местоимением **ni* с тем же значением в некоторых языках убанги (группа занде, см. Главу 5). Такая изоглосса, объединяющая географически удалённые друг от друга семьи языков, при общей редкости категории грамматического рода в языках Тропической Африки привлекает особое внимание.

1 лицо множественного числа

На вопрос о реконструкции граммы двойственного числа для праязыка манде, видимо, следует ответить отрицательно. Формы 1 л. дв. ч. присутствуют лишь в языках соседствующих групп ЮМ и ЮЗМ, где, как можно видеть ниже, они соответствуют формам 1 л. мн. ч. других языков семьи. Формы 1 л. плуралиса в этих группах являются производными от дуальных, но образованы в ЮЗМ и ЮМ по разным моделям, несводимым к единой праформе, а присутствие данной граммы в двух географически близких группах языков может говорить о контактном характере её происхождения.

Различение форм инклюзива и эксклюзива в 1 л. мн. ч. распространено более широко и обнаруживается в языках групп ЮМ, сонинке-бозо, самого, бобо, моколе, сусу-джалонке и ЮЗМ. Возможные подтверждения существования категории кляузивности наблюдаются и в языках группы манден, о чём см. ниже. Тем не менее многообразие основ мешает однозначной реконструкции праформ. Во многих языках формы инклюзива явно образованы словосложением.

Приведём наиболее распространённые в языках манде модели местоимений 1 л. мн. ч. (или, точнее, не-единственного числа: для ЮМ и ЮЗМ приводятся формы дв. ч.).

1) ЮМ **kō/*kō̄* (дв. ч.): дан-бло *kwa* (мн. ч. и.), тура *ko*, гуру *ko* (мн. ч. э.); сонинке-бозо: сонинке (диал.) *qoro* (и.)?;

ЮЗМ: кпелле *ku* (мн. ч. э.), *gu* (мн. ч. и.).

Формы бозо *ki/ke/ngi* (и.), бобо *kè* содержат иной вокализм и потому пока выглядят в этом ряду несколько сомнительно. Значительно лучше дела обстоят с формами сусу-джалонке: формы сусу *mù-xú* (э.), джалонке *n-xo* (э.), содержат элемент, родственный **ku* в других языках. Регулярное соответствие между сусу-джалонке **x* и ЮЗМ **g/*k* (эти два звука являются в ЮЗМ аллофонами единой морфемы) установлено ещё Д. Вестерманом [Westermann 1927] и обосновано К. Бимсоном [Bimson 1978: 133]. Представляется, что праформа **kU* (с некоторой гласной заднего ряда) может быть реконструирована для праманде.

2) Второй моделью, распространённой во многих группах западных языков манде, является *mU*:

самого: кпеем *mò/mù* (и.), сеенку *mi*, дзуун *mìn* (и.);

бобо (диал.) *mà/mè* (э.);

моколе **mV* (э.): леле *mà*, какабе *má* (э.), коранко *mà*, могофин *mó* (э.);

сусу-джалонке **mi-xU* (э.): сусу *mù-xú* (э.), джалонке *n-xo* (э.);

ваи-коно **mÚ*: вай *mí*, коно *mó* (и.);

ЮЗМ **mù* (дв. ч.): банди *mù*, менде *mù*, зиало *mó*.

Рефлексы гипотетически восстанавливаемой здесь формы **mU* распространены довольно широко, но не имеют соответствий в восточной ветви семьи. Формальное сходство с формой 1 л. ед. ч. **ta* очевидно, но предположение их родства, хотя и имеющего типологические параллели во многих языках ареала, нуждается в надёжном обосновании.

3) Другой основой, имеющей сходство с формой 1 л. ед. ч., является низкотоновый показатель *Ṃ* в ряде групп западных языков:

манден: манинка *ṁ*, хасонка *ṁ*, мандинка *ṁ*;

моколе: леле *ṁ*;

ваи-коно: коно *ṁ*.

Заметно, что при этом для различения форм 1 л. разных чисел во всех перечисленных языках используется тон – высокий в ед. ч. *ṁ*, низкий в мн. ч. в языках манден и моколе, и наоборот (с инверсией тонов) в коно. Вполне вероятно единое происхождение местоимений обоих чисел.

- 4) ЮМ**o* (э.): муан *ó*, гбан *u*;
 биса-сан: сан *wɔ*, биса *o*, биса-лебир *ò*, *wɔ́* (независ.);
 кьенга-шанга: кьенга *wo/wa*, шанга *wà*;
 сонинке-бозо: сонинке (диал.) *ó* (и.).
- 5) ЮМ: дан-гуэта *yí*, дан-кла *yì*;
 сонинке-бозо: бозо *in/yin*;
 самого: дуун *nié*, джовулу *ì/yì*.

Последние две основы не обладают достаточной представительностью по группам языков, чтобы быть возведёнными к праманде. Тем не менее их стоит изучить более подробно для выяснения указанных соответствий, – представляют ли они собой свидетельство ареального контакта, независимых инноваций или простого совпадения.

Отдельного пристального изучения требуют формы, имеющие признаки композитов; обычно они присутствуют в языках с различием значений инклюзивности/эксклюзивности. Как уже говорилось выше, в языках Западной Африки составные местоимения 1 л. широко распространены; чаще всего они являются инновациями, образованными при возникновении различия между инклюзивной и эксклюзивной формами 1 л. мн. ч. с помощью сложений типа «я + ты», «вы + мы» и т. п. Именно такие формы мы видим в целом ряде языков манде:

- какабе *ɛta* (1 л. мн. ч. и.) < *wɔ* (2 л. мн. ч.) + *má* (1 л. мн. ч. э.);
 кпеен *mìyè* (1 л. мн. ч. э.) < *mù* (1 л. мн. ч. и.) + *è* (3 л. мн. ч.);
 кпелле (диал.) *kagu* (1 л. мн. ч. и.) < *ka* (2 л. мн. ч.) + *gu* (1 л. дв. ч.);
 лоома *àdé* (1 л. мн. ч. и.) < *à* (2 л. мн. ч.) + *dé* (1 л. дв. ч.).

Для некоторых других форм подобное происхождение можно предполагать с некоторой долей вероятности:

- сусу *wón* (1 л. мн. ч. и.) < *wó* (2 л. мн. ч.) + *ní* (1 л. ед. ч.) (неясно развитие тона);
 джалонке *on* (1 л. мн. ч. и.) < *o* (2 мн.) + *ŋ* (1 л. ед. ч.) (?);
 мано *kɛa* (1 л. мн. ч. и.) < *kɔ* (1 л. мн. ч. э.) + *ka* (2 л. мн. ч.) (возможна редукция согласной в интервокальной позиции).

Весьма вероятно также, что форма **áN̄* ‘мы’ в языках манден (кагоро *án*, джула *á̃* и пр.) также имеет составное происхождение из **á* (2 л. мн. ч.) + **N̄* (1 л. мн. ч.), букв. ‘вы + мы’. В этом случае можно предположить в манден утрату противопоставления двух местоимений 1 л. не-единственного числа уже после распада праязыка манден: некоторые диалекты унифицировали форму **ŋ* (эксклюзив), некоторые – составную форму **áŋ* (инклюзив).

Несмотря на то что общих для всех основных ветвей манде местоимений 1 л. мн. ч. на первый взгляд не восстанавливается, перечисленные здесь гипотезы заслуживают пристального изучения.

2 лицо множественного числа

Как минимум две основы показателей 2 л. мн. ч. могут претендовать на статус праязыковых.

- 1) ЮМ **kā*: гуру *kā*, яурэ *kà*, тура *ká*;
 биса-сан: сан *ká*;
 сонинке-бозо: сонинке *xá*, бозо (диал.) *xa*;
 бобо *kā*;
 ЮЗМ **kà* (имп.): кпелле *ka*, менде *á*.

О соответствии начальных *k ~ ø* в ЮЗМ языках мы уже говорили выше в § 1. В этой связи представляется заманчивым объединить эти формы общим происхождением с основой *á*, распространённой довольно широко в языках семьи, в т. ч. в тех же группах:

- ЮМ: гбан *àà*;
 биса-сан **a*: биса *á*, биса-лебир *à*;
 боко-буса **á*: боко *á*, буса *á*;
 кьенга-шанга: кьенга *a*;
 сонинке-бозо: бозо (диал.) *a* (притяжат.);
 самого: джовулу *á*;
 манден **á(-lù)*: бамбара *á*; манинка *álu*, кагоро *álù*.

Диалектные варианты бозо, соответствия между формами различных языков в пределах групп ЮМ, ЮЗМ, биса-сан дают основания предположить сходство обеих основ и реконструкцию местоимения праманде **ká*. К сожалению, обращение к лексике в поисках регулярного фонетического соответствия между **k-* и начальным нулём заведомо неперспективно: как уже отмечалось выше, в полнозначных словах анлаутная гласная практически не встречается в языках манде. Материалом для сравнения остаются лишь служебные слова (клитики, местоимения, союзы).

- 2) В западных языках манде распространена основа *wO*:
 моколе **wó*: леле *wó*, какабе *wə*, могофин *wó/s*;
 сусу-джалонке **wo*: сусу *wó*, джалонке *o*;
 ваи-коно **wV*: ваи *wó*, коно *wè*;
 ЮЗМ **wó*: менде *wí*, зиало *wò*, лоома (диал.) *wò/wò*.

Форма может быть реконструирована как **wÓ* для праязыка западной ветви манде, однако её рефлексy отсутствуют в языках манден, а также в южных и восточных языках семьи. Единственным исключением здесь может быть назван пример биса-лебир, где в субъектной серии используется показатель *à*, а фокус субъекта выражается формой местоимения *àwó*.

Языки ЮЗМ используют рефлексy как **ká* (но только в повелительном наклонении, кроме кпелле, где *ka* обобщён на все серии), так и **wó/*wó*; их соотношение было бы интересно рассмотреть подробно в свете гипотезы о двух сериях личных местоимений в праманде.

3 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

По-видимому, целый ряд форм модели anV/alV могут быть сведены к единой праформе, состоящей из местоимения 3 л. ед. ч. **á* и именного аффикса множественности **-nV*:

- ЮМ **ànù* (объект.): дан-гуэрта *ànù*, тура *àñ*;

боко-буса: буса *ànṵ*, бокобару *àṣ*;
 манден **àlú*: манинка *àlú*, джула (диал.) *áù*, *àyí*, хасонка *àlu*;
 моколе **ànu*: леле *àn(ò)*, коранко *ànu*, могофин *ànú*;
 джого-джери: лигби *nò*, лигби-хвела *ni-* (?);
 ваи-коно: ваи *ànú*, коно *aṅ*.

Реконструкция праязыкового местоимения **ànu* на основании этих данных представляется вполне надёжной.

Другой распространённой моделью является *i/e*, также преимущественно низкотоновая:

сонинке-бозо: сонинке *i*, бозо *i/e/ye*;
 самого: кпеен *è/í*, дуун (диал.) *i/e/ye*, сеенку *i/è*;
 бобо *è/yè*;
 манден: мандинка, хасонка *ì*, джула (диал.) *ìi*;
 сусу-джалонке: сусу *è*, джалонке *e*.

Эти и другие формы позволяют восстанавливать низкотоновую праформу **ì*, однако возведению её на уровень праязыка семьи мешает отсутствие соответствий в языках южной и восточной групп.

Прочие основы должны рассматриваться как инновации отдельных групп, имеющие различное происхождение. Так, уже упоминавшаяся форма ЮЗМ языков **ti* происходит из дейктического показателя.

Из приведённого предварительного анализа, при всей его краткости, можно сделать несколько выводов:

1. С большой долей вероятности восстанавливается тональная парадигма личных местоимений в праязыке манде. Любопытно, что даже при утрате исконных форм и появлении в языке или группе языков новообразований тональный рисунок ячейки остаётся почти повсюду неизменным, т. е. за каждой формой лица / числа языком «закреплён» определённый тон, подвергающийся изменению только при перестройке тональной системы в целом (напр., «инверсия тонов» в лоома или коно). Этот тон «присваивается» и инновациям, попадающим в данную ячейку. Личные показатели, таким образом, в первую очередь характеризуются тональным индексом, а уже во вторую – сегментной лексической основой.

Таблица 7.29

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	3 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
тон	В	В	Н	Н (?)	В	Н

Некоторые сомнения вызывает реконструкция тона формы 1 л. мн. ч.: во многих языках она имеет высокий тон, что может быть вызвано развитием категории ключивности, при которой исходный тон деформировался, так как требовалось «разнести» формы каждого значения по тональному рисунку.

2. Несколько сегментных основ личных местоимений вполне восстановимы для праманде (они приведены в нижней строке итоговой Табл. 7.30). Это формы 1 л. ед. ч. **Ń* и, вероятно, **ma*, формы 2 л. ед. ч. **Í* и **bí*, форма 3 л. ед. ч. **à*, форма 3 л. мн. ч. **ànu*. Сложнее обстоит дело с формами 1–2 лиц мн. ч.²¹⁰ В 1 л. мн. ч. возможна реконструкция форм инклюзива и эксклюзива.

Таблица 7.30

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
ЮМ	<i>*Ń, *mā</i>	<i>*i/*é, *bī/*bè</i>	<i>*à</i>	<i>*kō/*kō</i> (и.), <i>*o</i> (э.)	<i>*kā</i>	<i>*ànu</i> (объект.)
ВМ	<i>*ma</i>	<i>*í</i>	<i>*à</i>		<i>*á, биса àwó</i>	
сонинке- бозо	бозо <i>N</i>	<i>*án</i>	<i>*a</i>		<i>*xa, бозо a</i>	<i>*i</i>
самого	<i>*mV</i>	<i>*wo</i>	<i>*à</i>	<i>*mŪ</i>	<i>*yE</i>	<i>*i/*è</i>
бобо	<i>ma, mε</i>	<i>be, bí</i>	<i>à</i>	<i>mè, kè</i>	<i>kā</i>	<i>yè</i>
манден	<i>*Ń</i>	<i>*i/*é</i>	<i>*à</i>	<i>*Ń, *áŃ</i> (и. ?)	<i>*á(lù)</i>	<i>*àlú</i>
моколе	<i>*Ń</i>	<i>*í</i>	<i>*à</i>	<i>*mà</i>	<i>*wó</i>	<i>*ànu</i>
джого- джерри	<i>*Ń</i>	<i>*Í</i>	<i>*à</i>	<i>*a</i>		
сусу- джалонке	<i>*Ń</i>	<i>*í</i>	<i>*à</i>	<i>*mu ?</i>	<i>*wó</i>	<i>*è</i>
ваи-коно	<i>*Ń</i>			<i>*mŪ</i>	<i>*wV</i>	<i>*àn(u)</i>
ЮЗМ	<i>*j(e)</i>	<i>*i/*é, *bí</i>	<i>*i/*è, *à, *j</i>	<i>*mù</i>	<i>*wó, *kà</i> (имп.)	<i>*tì</i>
манде	<i>*N, *ma?</i>	<i>*Í, *bí</i>	<i>*à</i>		<i>*ka/*á</i>	<i>*ànu</i>

3. На уровне подгрупп реконструкция праформ относительно легко достигается в группах ЮМ, боко-буса, сонинке-бозо, манден, моколе, вай-коно и ЮЗМ. Наиболее пёструю картину дают языки биса-сан и самого, а объединение самого и бобо в одну генетическую группу с точки зрения анализа систем личных показателей выглядит сомнительным.

Будем надеяться, что более глубокий и детальный сравнительный анализ личных местоимений в языках манде поможет ответить на эти и другие, не менее интересные вопросы.

²¹⁰ Любопытно отметить, что при реконструкции личных показателей индоевропейского праязыка проблемы всегда возникали именно с этими ячейками парадигмы.

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В АТЛАНТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ

Атлантические языки, будучи первыми из языков Западной Африки, с которыми познакомились европейцы – португальские капитаны дона Энрике Мореплвателя в XV в., изучены на сегодняшний день довольно основательно по сравнению с языками многих других семей, описанных в настоящей работе. Так, характерен пример словаря языка киси авторства Т. Чайлдса [Childs 2000], содержащего более 550 страниц – объём, немыслимый сегодня для лексикографических описаний языков семей кру, адамауа или иджо.

Парадоксально тем не менее, что атлантические языки представляют собой сплошную коллекцию загадок, если посмотреть на них с точки зрения современного сравнительно-исторического языкознания. По меткому выражению У. Вильсона [Wilson 1989: 81], в этом смысле атлантические языки *«продолжают представлять собой проблемы для лингвистов с момента их первой записи в книге Кёлле “Polyglotta Africana”»*²¹¹.

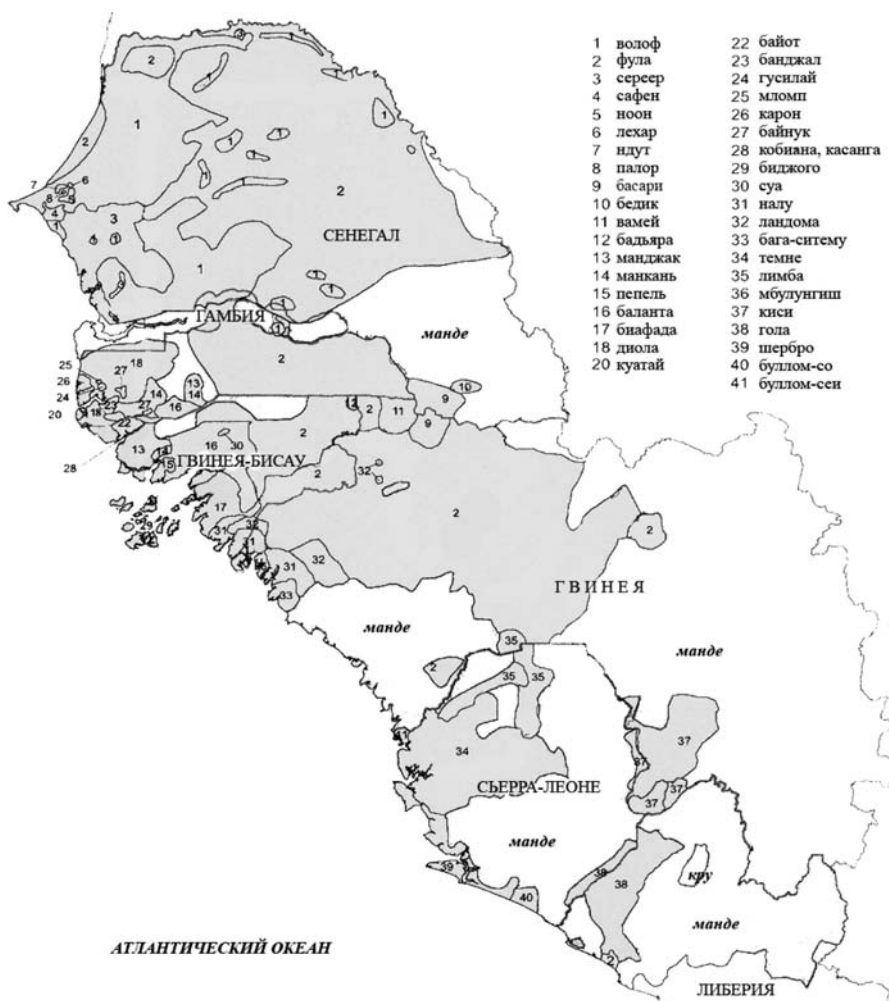
Объединение языков региона в единую общность изначально происходило не по генетическому, но по географическому и типологическому принципам классификации, в результате чего, по выражению Чайлдса, атлантическая ветвь превратилась в подобие «мусорной корзины» африканского языкознания [Childs 2003: 47]. Имеет смысл в этой связи кратко описать географическое положение и типологические особенности языков, причисляемых к атлантическим.

Абсолютное большинство языков, называемых атлантическими или западноатлантическими (на сегодняшний день последнее название считается устаревшим, но иногда используется в отечественной и западной литературе), локализовано на территории шести государств Западной Африки, примыкающих к Атлантическому океану: с севера на юг это Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау, Республика Гвинея, Сьерра-Леоне и Либерия (см. Карту 9). Выпадает из этой классификации лишь язык фула (или пулаар-фульфульде), более 12 млн носителей которого [Lewis 2009: 23]

²¹¹ «The (West) Atlantic or Senegalo-Guinean languages have posed problems to linguists ever since they were first recorded in Koelle’s *Polyglotta Africana*».

расселены практически по всему Великому Судану между пятой и пятнадцатой параллелями северной широты – наиболее компактные ареалы располагаются в Нигерии, Сенегале, Гвинее, но отдельные группы скотоводов фула встречаются на территории вплоть до Судана и Эфиопии. Тем не менее, согласно наиболее общепринятой точке зрения и мифологии самих фульбе, прародиной языка фула также является область, близкая к атлантическому побережью, – регион Фута-Торо в северном Сенегале [Wilson 1989: 87]. В современной науке фула иногда называют «макроязыком» или кластером независимых языков, насчитывающим до десятка идиомов [Lewis 2009], сохраняющих, однако, значительную близость между собой.

Карта 9. Атлантические языки²¹²

²¹² Источник: Guillaume Segerer – CNRS LLACAN 2004.

Крупными атлантическими языками по количеству носителей являются также волоф (4 млн человек) и сереер (более 1 млн человек) в Сенегале. Ещё одним «макроязыком» среди атлантических можно назвать диола, носители которого расселены на юге Сенегала – в долине реки Казаманс – и в Гвинее-Бисау. Около 400 тыс. носителей диола говорят на 9–10 близкородственных идиомах, из которых наиболее значительным и изученным является диола-фони. Крупнейшим языком Гвинее-Бисау является баланта (ок. 400 тыс. человек), также распадающийся на ряд языков или диалектов, некоторые из которых взаимонепонимаемы.

Южная часть региона, занятого атлантическими языками, содержит такие крупные идиомы, как темне – крупнейший язык Сьерра-Леоне (сегодня стремительно теряющий позиции в пользу креольского языка крио) с количеством носителей более 1,2 млн человек; киси, представленный северной и южной разновидностями соответственно в Гвинее и Либерии (ок. 500 тыс. человек); лимба (также не менее двух самостоятельных языков, вместе охватывающих ок. 350 тыс. человек) и другие.

Наконец, множество совсем небольших по количеству носителей языков, причисляемых к атлантическим, рассыпаны по океанскому побережью от южного Сенегала до Республики Гвинея; среди них есть языки, которыми пользуются лишь сотни человек (например, касанга в Гвинее-Бисау). Общее количество атлантических языков, согласно современным подсчётам, превышает шесть десятков.

Географическим соседом атлантических языков с севера является (на территории Мавритании) язык хассания, язык мавров, принадлежащий семитской семье языков, а также берберский язык зенага. Однако наиболее активное взаимодействие атлантических языков на протяжении тысячелетий происходит с языками семьи манде. Один из периодов особенной активности этого взаимодействия приходится на середину II тысячелетия н. э., период вооружённой экспансии народов манде в гвинейском регионе. Языки северо-западной ветви манде (группы манден), как предполагается, в наибольшей степени повлияли на структуру ряда атлантических языков, в том числе в сфере развития тонологии [Childs 1995]. Языковые контакты между атлантическими языками и манде интенсивно развиваются и сегодня на территории Сенегала, Гвинеи, Гамбии, Сьерра-Леоне, Либерии, в результате чего ряд явлений в языках обеих общностей объясняют длительными конвергентными процессами, которые вполне могли скрыть генетические сходства [Childs 2003: 47].

Одним из факторов, заставивших учёных ещё в XIX в. объединить атлантические языки в составе единой общности, является именно ряд существенных отличий между ними и языками манде. К атлантическим фактически относили те языки региона, которые содержали типологические особенности, отличающие их от языков манде. Таким образом, хотя генетическое родство между атлантическими языками оставалось недоказанным, причисление того или иного идиома к атлантическим не вызывало сомнений.

Одной из основных типологических характеристик атлантических языков является наличие разветвлённой системы именных классов и классного согласования,

пронизывающего всю систему грамматики. Количество именных классов в некоторых языках поражает воображение; представляется, что одним из мировых лидеров, если не лидером по этому показателю является язык кобиана, где число именных классов приближается к сорока. В языке налу, напротив, именных классов насчитывается только три, однако среди атлантических нет ни одного языка, лишённого именной классификации. Напомним, что в языках манде, напротив, именные классы на синхронном уровне отсутствуют.

Система классного согласования имени существительного с другими членами именной группы или клаузы в атлантических языках также развита неравномерно, – так, в мботени она вовсе отсутствует, в налу распространяется только на указательные местоимения, в то время как, к примеру, в темне из всех частей речи лишь частицы, личные местоимения и некоторые наречия не охвачены согласовательной системой. Классные показатели выступают в виде префиксов (например, в темне или лимба) или суффиксов (например, в фула). В языках гола и сереер классные маркеры имеют характер циркумфлексов, схожая система предполагается и для более раннего состояния языка фула, где следы исчезнувших префиксов сохранились в виде системы начальных консонантных чередований.

Чередования начальных согласных также являются одной из характерных черт атлантических языков. Три ступени чередований, напоминающие хорошо известные по кельтским языкам фонологические явления лениции и назализации, засвидетельствованы, например, в фула и биафада. В северной части атлантического ареала трёхступенчатые чередования функционируют в сереер и волоф, однако их действие здесь ограничено. В языках восточного Сенегала и Гвинеи чередования выступают с различной степенью интенсивности, в то время как в налу, манджак или паджаде можно обнаружить лишь некоторые остаточные следы прежней системы. Некоторые признаки ранее существовавших мутаций начальных согласных найдены в языках подгруппы диола и нескольких южных идиомах, например в киси. Во всех языках чередования следует считать морфонологическим явлением, т. к. они обусловлены грамматически, прежде всего будучи связанными с системой именных классов, но также, в ряде случаев, с глагольным словоизменением.

Ещё одной грамматической особенностью, распространяющейся на большинство атлантических языков, является значительная роль глагольных словообразовательных суффиксов. Со времени выхода работы [Childs 1985] атлантические деривативные морфемы широко сравнивают с глагольными расширениями в языках банту, что не вполне точно, т. к. последние функционируют несколько по-иному. Наиболее распространёнными значениями глагольных суффиксов в атлантических языках являются каузативное, реверсивное, а также различные директивные значения. В языке темне с помощью деривативных суффиксов вида -C обозначаются и некоторые семантические роли (падежные значения): бенефактив, датив, элатив, аллатив, инструменталис, а также значения актантной деривации – реципрок и рефлексив. Грамматическая роль деривативных суффиксов в атлантических языках действительно сближает эту группу языков скорее с языками банту, нежели

с соседними языками манде. Сравнительный анализ глагольных расширений в атлантических языках осуществлён в работе [Becher 2002].

Можно назвать и некоторые другие типологические характеристики, которые объединяют атлантические языки, противопоставляя их соседним языковым семьям региона – не только манде, но и гур, кру. Однако в отличие от указанных семей, представляющих собой относительно компактные с точки зрения гомогенности генетические общности, генетические отношения между атлантическими языками остаются весьма неопределёнными.

Характерно, что С. Кёлле [Koelle 1854], первым опубликовавший ряд материалов по языкам западноатлантического побережья, поместил их в раздел «Неклассифицированные и изолированные языки» своей работы. Основанием для их объединения послужила именно типология: группа языков была озаглавлена «Северо-западные атлантические языки, отличающиеся, подобно языкам Южной Африки, префиксальными изменениями или начальной флексией» (цит. по [Sapir 1971: 45]). Насколько Кёлле понимал общность атлантических языков как генетическую или типологическую, неясно, однако с этого времени выделение «атлантической семьи языков» прочно вошло в лингвистическую традицию африканистики. Убедительного сравнительно-исторического обоснования для этой точки зрения тем не менее не существует. Недавние исследования продемонстрировали, что атлантические языки скорее могут представлять собой несколько (до пяти-шести) генетических объединений. Процент лексических сходжений между языками различных групп, согласно методике Г. Сежерера [Прохоров 2011], подчас находится на уровне 5–6%, что не позволяет делать надёжных выводов о генетическом родстве. К.И. Поздняков писал:

Рассмотрим в качестве примера результаты подсчётов процентных сходств лексики в трёх атлантических языках: волоф-биджаго – 5%, волоф-темне – 3%, биджаго-темне – 7%. Эти цифры скорее свидетельствуют об отсутствии родства, нежели позволяют определить его степень. Следует здесь заметить, что в атлантической группе... максимальный процент лексических сходств для волоф – 18% (в паре волоф-ндут, т. е. в контактирующих языках с многочисленными заимствованиями из волоф в ндут) [Поздняков 1993: 4].

Ещё во второй половине XX в. была выдвинута точка зрения, что языки можно уверенно считать родственными только при наличии 18% общего лексического фонда в составе базового списка Сводеша [Bennett, Sterk 1977], такого теста атлантические языки не выдерживают.

Действительно, помимо общих типологических особенностей, ни лексические, ни грамматические данные не дают оснований говорить о существовании атлантической семьи языков как таксономической единицы. Несмотря на то что Дж. Гринберг поместил «атлантическую семью» на один таксономический уровень

с другими семьями НК языков, критические оценки этой позиции стали появляться почти сразу после публикации его гипотезы. В том же 1963 г., когда из печати выходит фундаментальный труд Гринберга, У. Вильсон публикует небольшую статью, в которой заявляет, что «*в деталях морфологии, синтаксиса и словаря западно-атлантическая группа языков далека от единства*» [Wilson 1963: 26], а вскоре Д. Дэлби [Dalby 1965: 1] предлагает и вовсе отказаться от употребления термина «атлантические языки», утверждая, что их «*единство так и не было никогда удовлетворительно установлено*».

Авторству Дэлби принадлежит одно из важнейших достижений атлантического языкознания второй половины XX в. – доказательство генетической общности языков группы мель. Ранее Дж. Гринберг предварительно помещал данные языки вместе с языками лимба в южноатлантическую группу. Дэлби было показано [Ibid.: 3–4], что схождения между языками мель и прочими атлантическими языками, приведённые в первой половине XX столетия в работе Д. Вестермана [Westermann 1928], весьма ненадёжны: лишь 11 из 159 лексем Вестермана могут быть обнаружены в двух подгруппах мель и двух любых группах прочих атлантических языков. Что же до общих инноваций, которые могли бы доказать некогда существовавшее языковое единство атлантических языков и мель, то при более или менее строгом анализе их не обнаруживается. В то же время единство языков мель легко обосновывается цифрами лексических схождений, подсчитанными Дэлби, например между крим и шербро 73 %, между крим и булло-со – 68 %.

Языки центральной и северной частей атлантического ареала продолжали всю вторую половину XX в. рассматриваться как представители единого генетического объединения. Их классификация, приведённая в работе Гринберга, была несколько позже модифицирована Д. Сэпиром в статье, ставшей на несколько десятилетий наиболее авторитетным кратким введением в атлантическое языкознание [Sapir 1971]. Сэпир выделил крупнейшую североатлантическую ветвь языков, состоящую из групп сенегальских языков (фула-сереер-волоф), языков чангин, бак (включая подгруппы или кластеры языков диола, манджак и баланта), налу и восточносенегало-гвинейскую группу (языки тенда, джаад-биафада, ньюн-буй). В качестве изолированного языка семьи приводился биджого, а языки мель (с подгруппами темне-бага, шербро-булло-киси и гола), лимба и описанный к тому времени язык суа Гвинеи-Бисау классифицировались как южноатлантические.

Классификация Сэпира основывалась на методике лексикостатистики. Метод не изменился и к концу 1980-х гг., к моменту выхода в свет новой обзорной статьи об атлантических языках [Wilson 1989]. Её автор вновь вынужден был подтвердить, что вопрос генетических связей между различными группами атлантической общности является предметом «спекуляций», но остаётся нерешённым. Классификация языков семьи, предложенная Сэпиром, была приведена Вильсоном без изменений, а вопрос о выделении языков мель, поднятый ранее Дэлби, кажется проигнорированным.

Уже в 1970-е годы значительно более пристальное внимание начинает уделяться изучению и сравнительному анализу морфологических элементов в грамматике атлантических языков. Однако основным материалом для сравнения оставались именные классы. Такой анализ, к примеру, содержится в работе Ж. Донё [Doneux 1975] (по северным атлантическим языкам). В 1993 г. первым в отечественной литературе сравнительным исследованием атлантических языков – и снова прежде всего системы именных классов – становится монография К.И. Позднякова [1993]. С помощью метода ступенчатой реконструкции (от праязыков подгрупп к праязыкам ветвей и далее к праязыку семьи) автор строго и последовательно движется к результату и приближается к нему, можно сказать, вплотную. Однако в заключении работы констатируется: *«...сравнительно-исторические данные по именным классам в языках каждой из рассмотренных подгрупп... не дают нам уверенности в том, что общеатлантический язык – это историческая реальность»* [Там же: 174–175]. Вывод, сделанный К.И. Поздняковым, состоит вовсе не в том, что в родстве атлантических языков нужно сомневаться – речь идёт о том, напротив, что *«морфемы именных классов всех атлантических языков, безусловно, являются родственными морфемами и, безусловно, родственны морфемам других нигеро-конголезских языков»* [Там же: 175]. Однако под сомнение ставится положение о существовании атлантической языковой общности и правомерности праатлантической реконструкции вообще.

В первом десятилетии XXI в. эта точка зрения завоёвывает всё более прочные позиции в мировой африканистике, не в последнюю очередь благодаря общей тенденции роста влияния «сплиттеров», о которой подробно говорилось в Главе 1.

Последняя из опубликованных в русскоязычной литературе версий генеалогической классификации атлантических языков, впрочем, ещё свёрстана в рамках представления о существовании единой праязыковой общности [Segerer 2008]. Она приведена на Диаграмме 8.1.

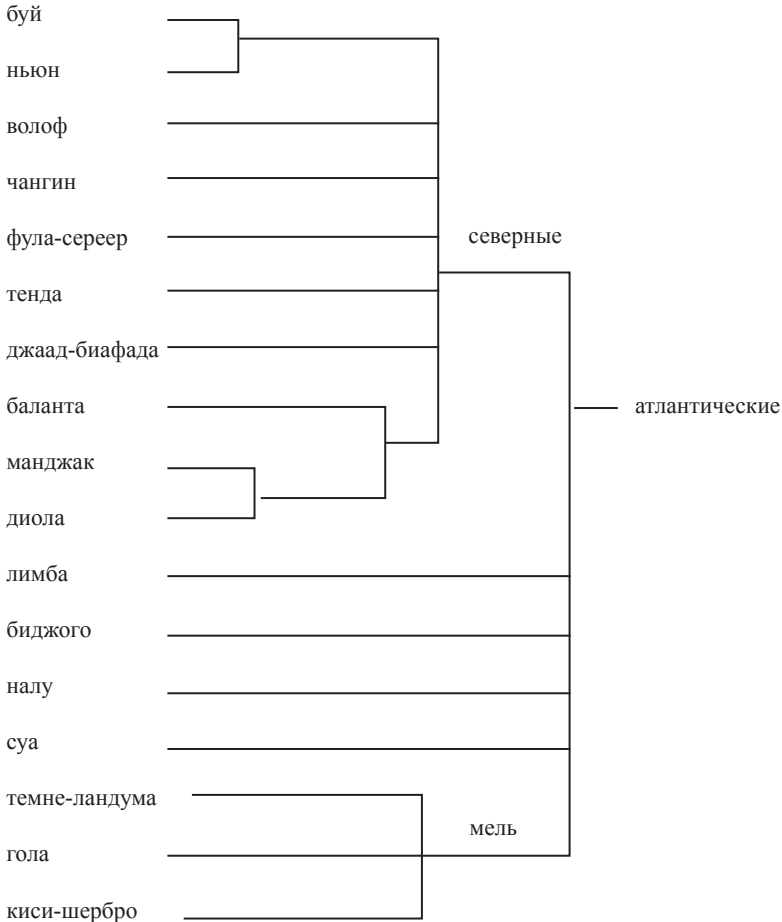
Однако уже в 2010 г. Г. Сежерер представил на одной из международных конференций более революционную диаграмму [Segerer 2010], на которой лимба и гола выделяются из состава атлантической семьи и представлены в качестве изолированных языков НК макросемьи.

Весьма вероятно, что более глубокий анализ может потребовать перемещения и других ветвей атлантических языков на более высокий таксономический уровень, как это предполагалось ещё в работе [Bennett, Sterk 1977]. Основной проблемой остаётся то, что *«не существует никакой очевидной общей инновации, объединяющей западноатлантические языки... Всё, что может быть сказано на сегодняшний день – что лексикостатистическая дистанция между западноатлантическими ветвями столь же велика, как и между западноатлантическими и другими [семьями] нигеро-конго»* [Ibid.: 248].

Ещё с 60-х гг. XX в. в научной литературе звучали предположения, что некоторые из языков, объединяемых под «атлантической маркой», на самом деле *«имеют более близкие генетические связи с языками вне её, чем с языками внутри неё»*

[Childs 2003: 49]. Возможно, первым об этом высказывался ещё Г. Мукаровский [Mukarovsky 1964]. Позже У. Вильсон предположил, что язык пепель (группа бак) близкородственен языкам банту [Wilson 1989]. Высказывается и гипотеза, что язык биджого может иметь более близкие связи с бантоидными языками [Seeger 1997: 6].

Диаграмма 8.1

Эти и другие научные изыскания вкупе с невозможностью на сегодняшний день выдвинуть убедительные подтверждения существования атлантического праязыка, привели к тому, что, как пишет Т. Чайлдс, «культура ламперов и инерция являются единственными факторами» в пользу атлантической теории [Childs 2003: 50]. Принимая эту точку зрения, далее в тексте мы будем называть атлантические языки общностью, объединяемой по типологическим или географическому критериям, но не семьёй языков.

В связи с изложенным, анализ местоименных систем атлантических языков приобретает особую важность и интерес для исследования. Сравнение систем личного маркирования может пролить дополнительный свет на гипотезы о гетерогенном или гомогенном происхождении языков атлантической общности и, возможно, уточнить или скорректировать внутреннюю классификацию, предложенную на основании данных лексикостатистики и глоттохронологических подсчётов.

Вплоть до недавнего времени к сравнительному анализу показателей лица в атлантических языках не было проявлено особенного интереса. В обзорных работах по отдельным подгруппам языков, опубликованных во второй половине XX в., иногда сопоставляются местоимения различных идиомов, однако проекций на праязыковой уровень они обычно не содержат. Даже в упоминавшейся работе [Dalby 1965] упомянуты только местоимения 1–2 л. ед. ч., и то лишь в рамках построения регулярных фонетических соответствий между единицами базового списка лексики языков мель.

В 2004 г. выходят в свет две работы [Pozdniakov, Segerer 2004a; 2004b], первая из которых содержит краткий опыт сравнения местоимений в нескольких группах атлантических языков, а вторая посвящена детальному сравнительному анализу местоимений в языках группы чангин. Обе работы можно назвать в большой степени пионерскими в освоении проблематики, на которую в течение предшествующих десятилетий обращалось незаслуженно мало внимания. Реконструкции, предложенные в обеих работах (далее они сокращённо указываются как [PSa], [PSb]), будут критически рассмотрены в настоящей работе. Важным источником данных, появившихся после их выхода в свет, является крупная обзорная работа У. Вильсона [Wilson 2007], содержащая данные по местоимениям в двух десятках языков, причисляемых к атлантическим, хотя автор не углубляется в собственно сравнительный анализ.

Как и в других главах настоящей работы, мы предваряем сравнительный анализ личных показателей в атлантических языках кратким обзором типологических и структурных особенностей местоименных систем, характерных для большинства языков или отдельных групп.

В большинстве атлантических языков различаются показатели четырёх синтаксических серий: субъекта и объекта глагола, притяжательные и независимые. В отдельных группах языков показатели различных серий супплетивны, то есть происходят из различных лексических основ, например в языках чангин субъектное местоимение 1 л. реконструируется как **mi*, объектное – как **sɔ/*so* [Pozdniakov, Segerer 2004b: 173–174]. Различия между четырьмя сериями снижаются по мере продвижения от значений «локуторов» к значениям «нелокутора», а также от единственного числа к множественному: наиболее частотные оппозиции между показателями различных серий мы видим в 1–2 л. ед. ч., оно частично или полностью нивелируется в 3 л. и 1–2 л. мн. ч. Например, в кобиана формы 3 л. мн. ч. всех четырёх серий совпадают.

При этом, однако, как и в языках восточной ветви семьи бенуэ-конго, в том числе банту (см. Главу 2), с которыми атлантические языки весьма часто сравнивают, своеобразный «водораздел» в системах личного маркирования проходит между субъектными и несубъектными местоимениями. В число последних как типологически, так нередко и генетически входят притяжательные и независимые местоимения, имеющие во многих языках общее происхождение от прямо-объектных местоимений при помощи расширения или фонетической модификации. Это явление сводит количество местоименных серий во многих языках к двум – субъектной и несубъектной, такая ситуация существует, например, в киси. По мнению К.И. Позднякова и Г. Сежерера [Pozdniakov, Segerer 2004a], оснований для праязыковой реконструкции независимых местоимений в атлантических языках нет. Однако на уровне отдельных групп формы, используемые в неглагольных предложениях, могут быть восстановлены. Таковы, например, языки группы мель, ср. данные темне и гола:

- 1 л. ед. ч. объектные: темне *mí*, гола *mí*;
- 1 л. ед. ч. независимые: темне *mine*, гола *mía*;
- 2 л. ед. ч. объектные: темне *tu*, гола *mó*;
- 2 л. ед. ч. независимые: темне *tunə*, гола *móa* [Dalby 1965: 13].

Субъектные и объектные показатели единственного числа имеют в большинстве случаев односложную структуру V, CV, а также CVN. В составе притяжательных показателей часто функционируют морфемы с ассоциативным (генитивным, посессивным) значением, усложняющие формальную структуру местоименной словоформы. То же можно сказать о независимых местоимениях, которые, как и в других НК языках, обычно представляют собой результат контракции собственно личных показателей с маркерами фокуса, презентатива или топика, например в палор (группа чангин) местоимение *tee* ‘я’ (независ.) образовано от субъектного *mi* с помощью презентативного показателя *-e* [D’Alton 1987]. Независимые местоимения маркированы особым образом – их структура состоит не менее чем из трёх фонем, но почти повсеместно включает два слога и может достигать трёх:

- сеи (мель) *yaŋeken* ‘я’ (независ.),
- кобиана (ньюн-буй) *úmálò(m)* ‘ты’ (независ.),
- диола (бак) *bukuluul* ‘вы’ (независ.).

Синтаксический статус личных показателей в глагольной клаузе также различается. Так, в языках тенда они инкорпорированы в состав глагольной словоформы в качестве аффиксов. Во многих языках показатели лица могут употребляться как аффиксально (в основном объектные и притяжательные), так и автономно (независимые местоимения). Например, в биджого (диалект камона) субъектное значение 1 л. мн. ч. выражается глагольным префиксом *te-/ti-*, в клаузах с именным предикатом или при фокализации субъекта используется независимое местоимение *ate*, образованное с помощью вокалического префикса. В некоторых языках существует циркумфиксальное или инфиксальное маркирование лица и числа, ср. оформление субъектных значений 1 л. мн. ч. в диола (диалект хусуй):

ji lobe ‘мы (э.) поговорили’,
du lob-al-e ‘мы (и.) поговорили’ [Kennedy 1964: 100].

Циркумфиксальные маркеры лица функционируют в сереер, диола, языках групп тенда и ньюн-буй. Отметим, что подобное маркирование (аналоги которого имеются в языках ква, бенуэ-конго) используется исключительно в плюральных значениях. Из этого можно сделать вывод, что один из двух элементов составной морфемы может являться по происхождению плюральным показателем.

Местоимения 2 л. мн. ч. в большинстве групп языков являются производными от соответствующих форм сингуляриса с добавлением морфемы *-(e)n* или *-nV*. Данная морфема, весьма возможно, реконструируется на довольно глубоком уровне, однако её происхождение спорно. Форма **(e)n(V)* могла изначально являться показателем плюральности, добавляемым к местоимению единственного числа, ср. коньяги *-nǎ*, добавляемое к местоимениям 1–2 л. ед. ч. для образования соответствующих плюральных форм. Ту же модель видим в языках фула и лимба, принадлежащих к другим группам. В языках группы ньюн-буй показатель *-en* суффигируется ко всем местоимениям множественного числа.

Однако в то же время формы модели *nV* употребляются во 2 л. мн. ч. и в качестве полноценных местоимений, ср. сереер *ni*, налу *ne*, суа *n-*, ландума *nǎ*, шербро *no*, гола *ni*. Учитывая, кроме перечисленных форм, обширные генетические связи местоимения **nV* в других языках НК макросемьи, можно предположить и исходное значение **nV* как показателя 2 л. мн. ч.

Процессы грамматикализации и аналогического воздействия в системах личного маркирования атлантических языков чрезвычайно распространены и многообразны. Эти процессы включают не только деривацию плюральных показателей от соответствующих сингулярных. Распространена также полная или частичная унификация «по вертикали» показателей множественного числа, – так, в языках группы чангин, а также волоф, джаад-биафада показатели 1 л. мн. ч. образованы от показателей 3 л. мн. ч. В лимба очевидно общее происхождение местоимений 2–3 л. мн. ч., схожие явления наблюдаем и в волоф, где унифицированы прямообъектные и притяжательные местоимения 2–3 л. мн. ч.

Анализ некоторых аналогических изменений в местоименных системах атлантических (и других НК) языков проведён в работе [Pozdniakov 2010]. Прежде всего, её автор верно определяет, что полная унификация целого ряда местоимений (например, всех трёх плюральных форм одной серии) встречается значительно реже, нежели частичная, т. е. унификация двух форм парадигмы. Это связано с тем, что при полной унификации парадигма местоимений радикально размывается, нивелируя значения всех трёх лиц, пусть даже только в плюралисе. В то же время частичная унификация, например местоимений 2–3 л., напротив, создаёт новое противопоставление, или новую категорию, о которой говорит Поздняков: противопоставление «адресат» – «не-адресат» (или «я» – «нея»), как его иногда называют), которое становится релевантным для носителей данного языка.

Унификация достигается за счёт аналогии, с помощью которой носитель выделяет определённое значение, общее для нескольких форм парадигмы, и таким образом противопоставляет их остальным её членам. Например, в работе приводятся следующие формы плюралльных субъектных местоимений языков чангин (Табл. 8.1).

Таблица 8.1

	ноон	сафен	лехар
1 л. мн. ч. и.	<i>bo</i>	<i>bo</i>	<i>bɔu</i>
2 л. мн. ч.	<i>di</i>	<i>di</i>	<i>bi</i>
3 л. мн. ч.	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>ba</i>

Происхождение местоимений 2 л. мн. ч. из праформы **di* реконструируется по данным всех языков группы, кроме лехар. В этом последнем начальная согласная местоимения была уподоблена прочим плюралльным местоимениям, образуя в результате противопоставление плюралльных местоимений на *b*- сингулярным местоимениям. Интересно, что аналогичный процесс отмечается и в языке баланта группы бак, где плюралльные местоимения на синхронном уровне выглядят так: *ba* ‘мы’, *baa* ‘вы’, *baan* ‘они’ [Pozdniakov 2010]. Множество аналогичных случаев описано выше для языков бенуэ-конго и ква, они, вероятнее всего, являются следствием маркирования личных местоимений плюралльным аффиксом лиц **bV*, реконструируемого для НК праязыка.

Показатели 3 л. в атлантических языках занимают особое место. Как и других языках Субсахарской Африки, где функционирует система именных классов, они в большинстве языков происходят из форм показателей именных классов. Такова ситуация в фула, басари, лимба, биджого, во всех языках группы мель. В некоторых языках образовались особые формы личных местоимений для маркирования 3 л. ед. ч., в то время как в 3 л. мн. ч. продолжают употребляться именные аффиксы, – такова ситуация в языках чангин, джаад-биафада, налу. Имеется, между тем, ряд существенных отличий форм объектной и притяжательной серий от субъектных показателей, которые могут указывать на особое происхождение несубъектных показателей 3 л. Эти формы будут подробнее рассмотрены ниже. Что же касается субъектных местоимений, то вероятно, что на праязыковом уровне не следует реконструировать собственно показателей 3 л., отличных от именных классовых маркеров.

Стоит остановиться на анализе расширенных значений 1 л. в атлантических языках. Значения инклюзивности / эксклюзивности и дуалиса маркируются в языках групп чангин, тенда, фула-сереер, в диалектах языков диола и манджак (группа бак), а из языков мель – в темне и бага-мадури. В некоторых из них показатели эксклюзивного и инклюзивного значений 1 л. мн. ч. могут быть реконструированы для праязыкового состояния – таковы, например, языки группы чангин.

Вероятно, что распространение указанной категории объясняется ареально-типологическими факторами. Источниками образования эксклюзивных форм, как и в других языках мира, могут являться местоимения 1 л. ед. ч., модифицированные аффиксом или вокалическим (тональным) чередованием:

фула *mi* ‘я’, *mi-n* ‘мы’ (э.);
 лехар *so* ‘меня’, *so-n* ‘мы’ (э.);
 басари *mè-* ‘я’, *mí-* ‘мы’ (э.).

Есть и случаи проекции местоимений 2 л. мн. ч. на эксклюзивное значение – в диола-банджал в обоих значениях употребляется префикс *ji-*.

Инклюзивные формы нередко также образуются под влиянием других показателей в составе парадигмы. Так, в диола-каса местоимение *u* служит для обозначения как 2 л. ед. ч., так и 1 л. мн. ч. инклюзива. В бедик показатель инклюзива *ne...-e* генетически связан, по-видимому, с показателем 2 л. мн. ч. *n-*.

Категория отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности является для атлантических языков скорее нетипичной, в отличие от соседних языков манде. В явном виде она присутствует только в некоторых языках, например в палор (группа чангин). Выражение данной категории обычно осуществляется через маркирование отчуждаемой принадлежности с помощью ассоциативной конструкции с некоторым вокалическим маркером (в то время как неотчуждаемая принадлежность выражается соположением или соединением притяжательного показателя с именем-обладаемым).

Атлантические субъектные местоимения роднит с местоимениями других НК языков их способность сливаться с показателями различных предикативных категорий, прежде всего аспекта, времени и наклонения. В результате такого слияния образуются новые морфологические серии личных показателей, несущих, помимо лично-числовых, также аспектуально-темпоральные и/или модальные значения. Например, в киси имперфективные формы субъектных местоимений образуются удлинением гласной [Childs 2000: xv]. Вычленить в таких формах собственно личный показатель и маркеры предикативных значений подчас крайне сложно, например в волоф показатель 3 л. ед. ч. является нулевым, но в перфективном значении он выступает в виде *na* – эта форма в предложении с именным подлежащим и является собственно показателем перфектива [Pozdniakov, Segerer 2004a: 154]. В ряде языков действуют субъектно-объектные местоимения-портманто, объединяющие значения субъекта и прямого объекта глагола, например биафада:

-ram ‘я (субъект.) + ты (объект.)’,
-raabo ‘я (субъект.) + мы (объект.)’ и т. д. [Wilson 1993: 67].

Для сравнительного анализа личных показателей в атлантических языках мы решили не использовать формы общих таблиц по примеру предыдущих глав настоящей работы. Такая сводная таблица, включающая языки всех групп языков, относимых к атлантическим, выглядела бы лишь как набор трудно сводимых друг к другу и чрезвычайно разнородных форм. Мы решили пойти от анализа местоимений небольших, но надёжно установленных групп языков. Как уже говорилось,

в литературе существует лишь две работы, предлагающие реконструкции личных показателей этого таксономического уровня [Pozdniakov, Segerer 2004a; 2004b] (в дальнейшем в данной главе для краткости они будут обозначаться как PSa и PSb). Ниже мы рассмотрим и попытаемся верифицировать эти реконструкции на имеющемся в нашем распоряжении материале в следующем порядке: личные показатели языков бак (§ 1), чангин (§ 2), южноатлантических (§ 3), тенда и ньюн-буи (§ 4). Показатели лица в группе фуласереер и отдельных языках других групп (налу, биджого, а также изолированном языке лимба) будут также рассмотрены в § 4.

§ 1. Личные показатели в языках бак

Таблица 8.2

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
баланта ²¹³	<i>N-, ni-</i>	<i>-(i)n, -ni</i>	<i>daa</i>	<i>ni, ne</i>
манкань ²¹⁴	<i>d, m</i> (отр.), <i>mən-</i>	<i>ən</i>	<i>naan</i>	<i>nji, nje, ði</i>
манджак Бассарель	<i>màn, an, m/n, má, mee, ndu, meen, kan, kə, ka</i>	<i>in, ni</i>	<i>-mijn</i>	<i>injī</i>
манджак Чуро	<i>mã</i>		<i>-mãji</i>	<i>inji, nji</i>
манджак Печисе	<i>mã</i>		<i>-mije</i>	<i>inji</i>
пепель	<i>i-</i>			<i>nji</i>
диола-каса	<i>i, (d)i-</i>	<i>om</i>	<i>-umba, -om</i>	<i>inje(R)</i>
диола-банджал	<i>(n)i-</i>	<i>-om</i>	<i>-om</i>	<i>inje</i>
диола-хулуф ²¹⁵	<i>li-</i>			<i>inje</i>
диола-фони ²¹⁶	<i>(n)i-</i>	<i>-aam, -an, -эм</i>	<i>-эм, -umbə(n)</i>	<i>inje</i>
диола-хусуй	<i>i-</i>			<i>inje</i>
диола Дьемберенг	<i>i-</i>			<i>inje</i>
куатай	<i>i-</i>	<i>-am-</i>	<i>-am-, -uúma</i>	<i>ijnje</i>
карон				<i>nee</i>
2 л. ед. ч.				
баланта	<i>a-</i>	<i>na</i>	<i>de</i>	<i>(h)u</i>
манкань	<i>i, ii</i> (отр.)	<i>u</i>	<i>u, nu</i>	<i>iuu, ewe</i>

²¹³ [N'Diaye-Correard 1970; Quintino 1951; Wilson 1961a].

²¹⁴ [Trifković 1969].

²¹⁵ [Kennedy 1964].

²¹⁶ [Weiss 1939].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
манджак Бассарель	<i>m, am, (a)kə, ki, ku</i>	<i>u</i>	<i>-icu</i>	<i>wi</i>
манджак Чуро	<i>N-</i>		<i>-cu</i>	<i>ui, ue</i>
манджак Печисе	<i>de</i>			<i>uê</i>
пепель	<i>ÿ-</i>			<i>ui</i>
диола-каса	<i>u, (d)u-</i>	<i>i</i>	<i>-i, -oli</i>	<i>aw, aʔu</i>
диола-банджал	<i>(n)u-</i>	<i>-i</i>	<i>-i</i>	<i>aw</i>
диола-хулуф	<i>lu-</i>			
диола-фони	<i>(n)u-</i>	<i>-i</i>	<i>-i, -ɔli, -iya</i>	<i>aw</i>
диола-хусуй	<i>u-</i>			<i>au</i>
диола Дьемберенг	<i>a-</i>			<i>awe</i>
куатай	<i>á-</i>	<i>-i-</i>	<i>-i-, -úuwe</i>	<i>awe</i>
карон	<i>a-</i>			<i>awe</i>
3 л. ед. ч.				
баланта	<i>a</i>	<i>ma</i>	<i>māā, ni</i>	<i>hun, hen, hin</i>
манкань	<i>a, aa (отр.)</i>	<i>a</i>	<i>(n)ul</i>	<i>uŋ, ul</i>
манджак Бассарель	<i>au, a, (a)na, ka, ke, nu, ni</i>	<i>ul</i>	<i>-icul</i>	<i>nul</i>
манджак Чуро	<i>a</i>		<i>-cól</i>	<i>ól</i>
манджак Печисе	<i>a</i>			<i>nul</i>
диола-каса	<i>a, (d)a-</i>	<i>ol, -ool</i>	<i>-ola, -ool</i>	<i>o(R)</i>
диола-банджал	<i>(n)a-</i>	<i>-ol</i>	<i>-ol</i>	<i>ašila, o</i>
диола-хулуф	<i>la-</i>			
диола-фони	<i>(n)a-</i>	<i>-ɔ(l)</i>	<i>-ɔ(l), -ɔla</i>	<i>ɔ</i>
куатай	<i>a-</i>	<i>-o-</i>	<i>-o-, -oone</i>	<i>o, akina</i>
1 л. мн. ч.				
баланта	<i>bāā, bə-, bu</i>	<i>bāā, bu</i>	<i>ba</i>	<i>bah, bo</i>
манкань	<i>ŋ, ŋə-</i>	<i>un</i>	<i>(n)un</i>	<i>ŋja/ãa (и.), un/on (э.)</i>
манджак Бассарель	<i>uənda/uəndəka (э.), gə/ŋə (и.)</i>	<i>uənd (э.), inja (и.)</i>	<i>-icuənd (э.), -icinja (и.)</i>	<i>uənd (э.), inja (и.)</i>
манджак Чуро	<i>já</i>		<i>-cūd</i>	<i>ūd (э.), ŋja (и.)</i>
манджак Печисе	<i>une</i>			<i>ūd</i>
пепель	<i>nda (э.), ŋja (и.)</i>			<i>nda (э.), ŋja (и.)</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
диола-каса	<i>(d)u..aR</i> (дв.), <i>ji</i> (э.), <i>u</i> (и.)	<i>-ola(r)</i> (дв.), <i>oli</i> (э.), <i>olal</i> (и.)	<i>-ola(r)</i> (дв.), <i>ololi</i> (э.), <i>-ololal</i> (и.)	<i>olola(r)</i> (дв.), <i>ololi</i> (э.), <i>ololal</i> (и.)
диола-банджал	<i>ji-</i> (э.), <i>(n)u..al</i> (и.)	<i>-oli</i> (э.), <i>-olal</i> (и.)	<i>-oli</i> (э.), <i>-olal</i> (и.)	<i>woli</i> (э.), <i>wolal</i> (и.)
диола-хулуф	<i>ji-</i> (э.), <i>du..-al-</i> (и.)			
диола-фони	<i>nu-</i> (э.), <i>nu..-a(l)-</i> (и.)	<i>-uli/-oli</i> (э.), <i>-ɔla(l)/</i> <i>wala(l)</i> (и.)	<i>-uli/-oli</i> (э.), <i>-ɔla(l)/</i> <i>wala(l)</i> (и.)	<i>uli/oli</i> (э.), <i>wala(l)</i> (и.)
диола-хусуй	<i>ji-</i> (э.), <i>u..aal</i> (и.)			<i>alalaal</i> (и.)
диола Дьемберенг	<i>ere-</i> (э.), <i>u-</i> (и.)			<i>uni</i> (э.), <i>une</i> (и.)
куатай	<i>waa-</i> (дв.), <i>iri-</i> (э.), <i>ú-</i> (и.)	<i>wane</i> (дв.), <i>uni</i> (э.), <i>úne</i> (и.)	<i>-(u)wane</i> (дв.), <i>-uni</i> (э.), <i>úne</i> (и.)	<i>wane</i> (дв.), <i>uni</i> (э.), <i>úne</i> (и.)
карон	<i>u-</i> (и.)			<i>wunee</i> (и.)
2 л. мн. ч.				
баланта	<i>baā, bà</i>	<i>baā</i>	<i>ba</i>	<i>bàa, báá</i>
манкань	<i>(n)a, (n)aa</i> (отр.)	<i>an</i>	<i>(n)an</i>	<i>an</i>
манджак Бассарель	<i>da, ara, nda</i>	<i>ind</i>	<i>-icind</i>	<i>ind</i>
манджак Чуро	<i>bá, nda-</i>		<i>-cēd</i>	<i>ād, hānd</i>
манджак Печисе	<i>īd</i>			<i>īd</i>
пепель	<i>nde</i>			<i>nde</i>
диола-каса	<i>ji</i>	<i>ul, -uul</i>	<i>-olul, -uul</i>	<i>bukulu(u)l</i>
диола-банджал	<i>ji-</i>	<i>-ul</i>	<i>-ul</i>	<i>buru</i>
диола-фони	<i>ji-</i>	<i>-u(l), miyu(l)</i>	<i>-u(l), -ɔlu(l)</i>	<i>miyu(l)</i>
диола-хусуй	<i>ji-</i>			<i>bukuluul</i>
диола Дьемберенг	<i>are-</i>			<i>aron</i>
куатай	<i>ari-</i>	<i>-uun-</i>	<i>uun/oonuun</i>	<i>aruun</i>
карон	<i>ni-</i>			<i>aluu</i>
3 л. мн. ч.				
баланта	<i>be, bə</i>	<i>bā</i>	<i>bā</i>	<i>baan</i>
манкань	<i>ba, baa</i> (отр.)	<i>baka, bukal</i>	<i>baka</i>	<i>bukal</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
манджак Бассарель	<i>bu, ba, aba</i>	<i>bukul</i>	<i>-icbukul</i>	<i>bukul</i>
манджак Чуро	<i>dá</i>		<i>-cebukál</i>	<i>bukél</i>
манджак Печисе	<i>bu</i>			<i>bukál</i>
диола-каса	<i>(bV)ku</i>	<i>il, -iil</i>	<i>-olil, -iil</i>	<i>buko(R)</i>
диола-банджал	<i>gu-</i>	<i>-il</i>	<i>-il</i>	<i>bugo</i>
диола-фони	<i>ku-, bukɔ</i>	<i>-ii, il, kɔ, bukɔ</i>	<i>-ii, il, -ɔlii, -ɔlil</i>	<i>kɔ, bukɔ</i>
куатай	<i>ka</i>	<i>-iin-</i>	<i>-iin, -ooniin</i>	<i>boko, bokiin</i>

На примере Табл. 8.2. хорошо видно, насколько сложной задачей является реконструкция местоименной системы даже для небольшой и географически весьма компактной группы атлантических языков. В её составе можно выделить как минимум три подгруппы с сильно различающимися формами показателей. Это язык баланта, подгруппа манджак-манкань-пепель (далее ММП) и подгруппа диола, включающая также языки (или диалекты) куатай и карон.

Предварительная реконструкция личных местоимений праязыка бак, выполненная в работе [PSa: 152–153], приводится ниже в Табл. 8:

Таблица 8

	субъект	не-субъект
1 л. ед. ч.	<i>*maN</i>	<i>*n</i>
2 л. ед. ч.	<i>*u</i>	<i>*i</i>
3 л. ед. ч.	<i>*a</i>	<i>*∅, *ma</i>
1 л. мн. ч.	<i>*ɲu</i>	<i>*-VN</i>
2 л. мн. ч.	<i>*ri</i>	<i>*i-VN</i>
3 л. мн. ч.	= CL.1	<i>*i</i>

Мы попробуем последовательно проанализировать степень надёжности предложенных реконструкций. К сожалению, из-за экономии места в обзорной статье авторы реконструкции не ссылаются на исходный материал и не приводят оснований для постулирования форм, так что нам придётся во многом двигаться «вслепую».

Формы 1 л. ед. ч. всех трёх подгрупп дают возможность выделить две различные модели для субъектных показателей. В языках манджак и манкань это модель *tan/ mā*. В подгруппе диола можно реконструировать только **(n)i*. Начальные согласные *d-/d̥-*, *n-*, *ɲ-* и *l-* в языках бак было бы наиболее экономично возводить, вероятно, к **n-*. Начальные зубные *n-/d̥-/l-* в языках ММП и диола маркируют не только

1 л. ед. ч., но и субъектные показатели других значений: ср. в диола *ni-* ‘я’, *ni-* ‘ты’, *na-* ‘он’.

В некоторых диалектах диола, а также в пепель начальная носовая отпадает, образуя формы субъектных показателей *i-*. Однако различия между формами *ni-* и *i-* (как и между формами с начальной *n-* и без неё во 2–3 л. ед. ч.) в диалектах диола приобрели грамматический смысл. «Полные» формы употребляются, в частности, для выражения перфектива и прекращённого хабитуалиса, «редуцированные» – в значениях императива, актуального хабитуалиса, при отрицании перфективного глагола [Tendeng 2007: 163–166]. Это различие, как нам представляется, может носить вторичный характер и могло хронологически следовать за структурной унификацией личных местоимений сингулярных значений.

В то же время форма **maN* имеет параллели в других атлантических языках (группе ньюн-буй, а также языке налу), что и позволило авторам [PSa] предположить такую форму для праязыка бак. На наш взгляд, форма *man/mã* не настолько репрезентативна, чтобы быть спроецированной на уровень праязыка группы. Даже в пепель, близкородственном языкам манкань и манджак, мы видим субъектный показатель *i-*, сближающий его скорее с диола.

Предположив **(n)i-* как одну из вероятных праформ, стоит заметить его внешнее сходство с субъектным префиксом в языках банту. Несубъектные серии местоимений поддерживают данную реконструкцию: мы видим формы *-in*, *-ni*, *-n* в объектной серии во всех трёх подгруппах. Объектное местоимение нам представляется скорее в виде **-ni*, нежели **n*, как его восстанавливают авторы [PSa]. Языки диола, впрочем, демонстрируют объектные показатели, возводимые скорее к **-Vm*.

Независимые местоимения повсюду, кроме баланта, строятся по модели *inji/inje*, общая праформа для которых **injI*, с гласной переднего ряда, восстанавливается вполне надёжно. Таким образом, для 1 л. ед. ч. можно реконструировать формы трёх серий – субъектной, объектной (возможно, объектно-притяжательной) и независимой.

Во 2 л. ед. ч. субъектные показатели в большинстве диалектов имеют формы *u-/nu-*. Была ли более распространённая форма *ni-* первичной? Мы склонны полагать, что нет: из анализа местоимений независимой серии, где мы видим **w/*aw-/*iw-*, скорее следует, что изначальной праформой была **u-*, а добавление анлаутной **N-* происходит при аналогическом выравнивании сингулярных субъектных показателей «по вертикали», вероятно, ещё на этапе существования праязыка диола. Зубная фонема аналогически распространяется и на 3 л. ед. ч., становясь тем самым показателем единственного числа в местоименной парадигме. Реконструкция [PSa], таким образом, представляется вполне корректной.

Показатели субъекта 2 л. ед. ч. *a-* в некоторых диалектах юго-западной зоны диола, по всей вероятности, заимствованы из 3 л., как свидетельствуют данные языка куатай. Это предположение подтверждается аналогичным выравниванием форм 2–3 л. во множественном числе.

Более проблемной представляется объектная форма *-i-* в языках диола, послужившая основанием для реконструкции праформы **i* для объектной серии праязыка бак в [PSa]. Однако ни в баланта, ни в подгруппе МПП соответствий этой серии мы не находим: в праязыке МПП, вероятно, субъект и объект глагола маркировались единообразно.

В притяжательной серии заметны посессивные маркеры, с помощью которых формируются личные показатели этой серии: в манджак это *-(i)c-*, в диалектах диола – *-Ol-*. Образование притяжательных показателей (прежде всего отчуждаемой принадлежности) с помощью особых маркеров ассоциативности характерно, пожалуй, для большинства языков Западной Африки, на что уже не раз указывалось в настоящей работе.

Показатели 3 л. ед. ч. во всех трёх подгруппах языков бак вполне надёжно возводятся к праформе **a*, предложенной [PSa]. Эта форма наблюдается и в субъектной, и в несубъектных сериях – притяжательной и независимой. Ещё раз отметим, что этот показатель по своему исходному значению, скорее всего, является сингулярным классным префиксом для обозначения референтов-лиц, в то время как неличные референты обозначаются иными аффиксами – в таблицах они из соображений экономии места не указаны. Интересно, что и для языков манде (Глава 7) восстанавливается аналогичная форма местоимения 3 л. ед. ч.

Объектная форма **ta*, предлагаемая в [PSa], по нашим материалам, имеет рефлекс только в баланта и, строго говоря, для уровня праязыка группы бак восстанавливаться не может.

Довольно серьёзную проблему представляет реконструкция праязыковых местоимений 1 л. мн. ч. В языках подгрупп ММП и диола функционирует категория расширенного 1 л. (имеющая два или три значения: инклюзив, эксклюзив и в ряде диалектов дуалис), однако формы показателей не выглядят родственными друг другу. В диола в качестве эксклюзивного субъектного показателя употребляются рефлексы общей праформы **ji-*, которые можно сравнить с показателями **I* в языках бенуэ-конго. В значении инклюзива реконструируется транспозитивная форма **(η)u=..-al-*, ср., например, в диола-хулуф:

ji=lobee ‘мы (э.) поговорили’;

du=lob-al-ee ‘мы (и.) поговорили’ [Kennedy 1964: 100].

Показатель **(η)u=* (именно он реконструируется в [PSa] в качестве праформы 1 л. мн. ч. на основании данных диалектов диола), как можно видеть, близок маркеру 2 л. ед. ч. и, что объясняется, по-видимому, буквальным значением инклюзивного «мы с тобой». В диола-каса форма *(d)u-* употребляется параллельно для обозначения 2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. инклюзива, в то время как форма с суффиксом *-aR-*, родственным инклюзивному показателю *-al-* в диалекте хулуф, маркирует дуалис. Указанный суффикс, возводимый к **-al-*, имеет инклюзивное значение и в несубъектных сериях, ср. диола-банджал *-ol-al* ‘наш, нас (и.)’.

В языках МПП употребляются формы, которые можно восстановить для праязыка группы как **nja* для обозначения инклюзива и **nd(a)* для обозначения эксклюзива 1 л. мн. ч. Их происхождение пока не находит убедительных объяснений.

Наконец, показатели *bāā*, *bə*, *bu*, *bo* в различных диалектах баланта возникли в результате процессов аналогического воздействия, источником которых – как и в форме 2 л. мн. ч. *bāā* – является плюральный классный префикс, служащий в ряде языков и элементом составного показателя 3 л. мн. ч.

Маркеры первых двух лиц мн. ч. тесно связаны и в других подгруппах языков бак. Форма **ji-* в языках диола (её авторы [PSa] склонны реконструировать как **ri*) является единой для маркирования 1 л. мн. ч. эксклюзива и 2 л. мн. ч. (только в субъектной серии), форма 2 л. мн. ч. *nda-* в манджак также коррелирует с показателями эксклюзива 1 л. мн. ч. В диола в результате создаётся любопытная с точки зрения лингвистической типологии ситуация: понятия «мы без вас» и «вы (без нас)» выражаются формально идентично, в то время как «мы с вами» использует иную форму. Маркируется, таким образом, не собственно лицо / число, а одно из двух значений категории совместности. В несубъектных сериях, впрочем, этого явления не наблюдается, здесь в диола видим формы *-ul/-un*, которые могут восходить к **u-* 2 л. ед. ч. с маркером плюральных местоимений *-l*, ср. в диола-каса:

-ol-al ‘нас, наш (и.)’;

-ol-ul ‘вас, ваш’;

-ol-il ‘их’.

В куатай маркер плюральных местоимений *-n-*, видимо, имеет то же происхождение. Суффикс *-n-* маркирует плюральные местоимения не только в языках бак, но и в большинстве других групп атлантических языков, на что справедливо указывается в работах [Pozdniakov, Segerer 2001; PSa]. Любопытно при этом сопоставление его с аффиксом *-lu/-nu* в соседних языках манде (западной ветви), играющим аналогичную роль в парадигме местоимений (см. в Главе 7).

Подтверждений для реконструкции **ri* во 2 л. мн. ч. в подгруппах баланта и МПП не обнаруживается. В этой связи мы затрудняемся выводить какой-либо инвариант, который мог бы постулироваться в этом значении для праязыка бак.

Показатели 3 л. мн. ч. весьма интересны по своей композиции. В группе бак исконный НК плюральный префикс класса лиц (класса 1/2), имеющий здесь вид **ba-*, присоединяется не к основе имени, но к сингулярному маркеру того же парного класса **ku-*, интегрированному в состав именной основы. Во многих языках группы префикс **ku-* и вовсе перестал восприниматься как показатель именного класса и слился с основой, в результате чего сингулярные имена лиц стали маркироваться новым классным префиксом *a-*. Уже после этого префикс **ku-* вытесняет ставший теперь лишним плюральный маркер **ba-* и, таким образом, полностью «переселяется» в формы множественного числа. Стадии этого интересного процесса можно изобразить так (Табл. 8.3, где N обозначает имя референта-лица) [К.И. Поздняков, личное сообщение]:

Таблица 8.3

	ед. ч.	мн. ч.
1	*ku-N	*ba-N
2	*ku-N	*ba-ku-N
3	a-(ku)-N	ba-ku-N
4	a-N	ku-N

Исходя из этого, авторы [PSa] восстанавливают показатель 3 л. мн. ч. в праязыке бак в виде сингулярного аффикса класса 1/2. С этим мы склонны согласиться: две именных морфемы в большинстве языков бак сливаются в единую композитную форму в независимой серии, с факультативным добавлением плюрального *-l* < **-n*, ср. манкань *bu-ka-l*, манджак *bu-ku-l*, диола-фони *bu-kə* и пр.

Из неэтимологизируемых пока форм следует выделить местоимение субъективной серии *dá* в манджак-Чуро.

Итоги обзора представлены в таблице предполагаемых праформ личных показателей, которые удаётся предположить для праязыков двух подгрупп бак (Табл. 8.4, для сравнения даны также формы языка баланта).

Таблица 8.4

	баланси	ММП	диола
1 л. ед. ч.	<i>N-, ni-</i> (субъект.)	* <i>ma(n)</i> (субъект.), * <i>inji</i> (независ.)	* <i>(n)i-</i> (субъект.), * <i>-Vm-</i> (объект.), * <i>injI</i> (независ.)
2 л. ед. ч.	<i>(h)u</i> (независ.)	* <i>u</i> (субъект.-объект.), * <i>uI</i> (независ.)	* <i>(n)u</i> (субъект.), * <i>au(e)</i> (независ.)
3 л. ед. ч.	<i>a</i>	* <i>a</i>	* <i>(n)a</i>
1 л. мн. ч.	<i>bāā</i>	* <i>nda</i> (э. субъект.), * <i>nja</i> (и. субъект.)	* <i>ji-</i> (э. субъект.), * <i>(n)u-..-al-</i> (и. субъект.)
2 л. мн. ч.	<i>bāā</i>	* <i>nda</i>	* <i>ji-</i> (субъект.)
3 л. мн. ч.	<i>be, bā</i>	* <i>ba-</i> (субъект.), * <i>bukVI</i> (не-субъект.)	* <i>bu-/*ku-</i> (субъект.), * <i>bukU(l/n)</i> (независ.)

Следующая таблица (8.5) суммирует реконструкции показателей праязыка бак согласно нашей реконструкции и реконструкции авторов работы [PSa].

Мы склонны более осторожно относиться к выделению специальной несубъективной серии для праязыка бак. Во всяком случае, имеющийся в нашем распоряжении материал не даёт к тому надёжных оснований. Полагаем, кроме того, что различные диахронические процессы (прежде всего аналогия и амальгама) в формах множественного числа сильно препятствуют реконструкции праформ 1–2 л. мн. ч. для праязыка группы.

Таблица 8.5

	бак		[PSa]	
	субъект	не-субъект	субъект	не-субъект
1 л. ед. ч.	<i>*(n)i-, *man</i>	<i>*(n)i</i>	<i>*maN</i>	<i>*n</i>
2 л. ед. ч.	<i>*u</i>	<i>*u</i>	<i>*u</i>	<i>*i</i>
3 л. ед. ч.	<i>*a</i>	<i>*a</i>	<i>*a</i>	<i>*ø, *ma</i>
1 л. мн. ч.	?	?	<i>*ɲu</i>	<i>*-Vn</i>
2 л. мн. ч.	?	?	<i>*ri</i>	<i>*i-Vn</i>
3 л. мн. ч.	= CL.1	= CL.1	= CL.1	<i>*i</i>

Некоторые результаты анализа весьма характерны с точки зрения внешнего сравнения языков бак и банту, о близком родстве которых уже не раз говорилось. Сравним выполненную нами реконструкцию с субъектными показателями праязыка банту, восстановленными в Главе 2, а субъектные показатели языка диола-фони – с показателями одного из языков «ядра» группы банту – лега (группа D25 [Botne 2003]) (Табл. 8.6).

Таблица 8.6

	праязык банту	лега	праязык бак	диола-фони
1 л. ед. ч.	<i>*ɲ(i)-</i>	<i>ni-</i>	<i>*(n)i-</i>	<i>(n)i-</i>
2 л. ед. ч.	<i>*u-</i>	<i>u-</i>	<i>*u-</i>	<i>(n)u-</i>
3 л. ед. ч.	<i>*a-</i>	<i>á-</i>	<i>*a-</i>	<i>(n)a-</i>
3 л. мн. ч.	<i>*ba-</i>	<i>bá-/bé-</i>	<i>*ba-ku-</i>	<i>bu-kɔ</i>

Сходства между парами левых и правых столбцов таблицы имеют парадигматический характер. Они хорошо соотносятся и структурно, занимая – и в бак, и в банту – префиксальную позицию в составе глагольной словоформы. Выбор значений, показатели которых сохранили столь близкие формальные сходства даже спустя тысячелетия, не случаен, – достаточно вспомнить, что именно эти значения были первыми восстановлены для индоевропейского праязыка (знаменитые личные окончания **-mi*, **-si*, **-ti*, **-nti*), в то время как личные местоимения и глагольные 1–2 л. дв. ч. и мн. ч. по сей день продолжают оставаться предметом многочисленных дискуссий в индоевропеистике.

Ещё одним подтверждением парадигматического родства между системами местоимений языков банту и бак являются формы независимой серии 2 л. ед. ч.: *we*, *wi*, *aw*, *awe* в языках ММП и диола в сравнении с **áwe/*íwe* в языках банту.

§ 2. Личные показатели в языках чангин

Таблица 8.7

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
лехар ²¹⁷	<i>mε, mi</i>	<i>-ɔ, -sɔ</i>	<i>agarɔ, agɔ</i>	<i>yamε, yami</i>
ндут ²¹⁸	<i>mi, m-</i>	<i>-sɔ</i>	<i>-sɔ, -sɔ</i>	<i>ɗami</i>
ноон ²¹⁹	<i>mi, ma, mε</i>	<i>ɗɔ, rɔ, o</i>	<i>-uŋɔ</i>	<i>nam</i>
палор ²²⁰	<i>mi</i>	<i>sɔ, -sɔ</i>	<i>-sɔ, -sɔ</i>	<i>mee(n), ɗami</i>
сафен ²²¹	<i>ŋ, mi</i>	<i>zɔ, tɔ, ɔ, yɔ, so</i>	<i>-iŋɔ</i>	<i>nam</i>
2 л. ед. ч.				
лехар	<i>fu, fε</i>	<i>-a, -ɗa</i>	<i>agara, fo</i>	<i>yafu</i>
ндут	<i>fɔ, fu, f-</i>	<i>ɗɔ/ɗɔ/ro (пр.), -o (непр.)</i>	<i>-o, -u, -o</i>	<i>ɗafɔ, ɗo/ɗɔ</i>
ноон	<i>fo, fε, fi, fu, fo</i>	<i>ɗa</i>	<i>əŋga, uŋ(d)a</i>	<i>yafɔ, firi</i>
палор	<i>fU, fu</i>	<i>ɗo, no, ro, lo</i>	<i>-o, -U</i>	<i>fee(n), ɗafu</i>
сафен	<i>fu</i>	<i>ɗa</i>	<i>-iŋɗa</i>	<i>yafui</i>
3 л. ед. ч.				
лехар	<i>ye, ya, ye, yi</i>	<i>-i, -rε, -ri, -ɗa</i>	<i>agarε, agere</i>	<i>yai, yari</i>
ндут	<i>i/a, di (ближ.), ɗa (удал.)</i>	<i>-i, -di, -ri</i>	<i>-i, -di</i>	<i>ɗari, ɗare</i>
ноон	<i>ya, yo, ɗa, a</i>	<i>re, rε, di</i>	<i>-uŋɗe, -əŋε, -uŋε</i>	<i>ɗari, 'ari</i>
палор	<i>di, ø, 'i/a</i>	<i>di, ri, ni, li</i>	<i>-i</i>	<i>dee(n), ɗari</i>
сафен	<i>ɗa, a</i>	<i>ɗε, ɗe</i>	<i>-iŋɗε, -ŋɗe</i>	<i>ɗafi, ayi</i>
1 л. мн. ч.				
лехар	<i>se/se/si/su</i>	<i>ɓɔy</i>	<i>agasɔn</i>	<i>ɓɔybi, ɓɔy</i>
ндут	<i>fun, yen (э.), ɓə/ɓε (и.)</i>	<i>iyen/fun (пр. э.), yen/yen (пр. и.)</i>	<i>iyen, fun (э.), yen/yen (и.)</i>	<i>yenda (э.), ɓɔy/ɓε (и.)</i>
ноон	<i>ɗo/di/du (э.), ɓo, du (и.)</i>	<i>di/ri (э.)</i>	<i>uŋ(d)u</i>	<i>ɗibi (э.), ɓoy (и.)</i>
палор	<i>fUn (э.), yen (и.)</i>	<i>fUn (э.), yen (и.)</i>	<i>fUn (э.), yen (и.)</i>	<i>fun</i>

²¹⁷ [Pichl 1980a (1973)].²¹⁸ [Pichl 1980b (1973); Morgan 1996].²¹⁹ [Pichl 1980c (1973); Soukka 2000].²²⁰ [Pichl 1966; 1980b (1973); D'Alton 1987].²²¹ [Pichl 1980d (1973)].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
сафен	<i>da</i> (э.), <i>bo</i> (и.)	<i>dafi</i> (э.), <i>bo</i> (и.)	<i>-iɲdafi</i> (э.), <i>-ɲgwo/-ɲbo</i> (и.)	<i>dafi/ndafdi</i> (э.), <i>bɔbi</i> (и.)
2 л. мн. ч.				
лехар	<i>bu</i> , <i>'u</i>	<i>bu</i>	<i>agaru</i>	<i>bubi</i>
ндут	<i>dɔn</i> , <i>ron</i>	<i>on</i> , <i>dɔn</i> , <i>ron</i>	<i>-on</i> , <i>-dɔn</i> , <i>-ron</i> , <i>-non</i>	<i>dɔnda</i>
ноон	<i>dú</i> , <i>bu</i>	<i>dú</i> , <i>tu</i>	<i>ung(d)ú</i>	<i>yadu</i> , <i>dubi</i> , <i>dudye</i>
палор	<i>dɔn</i> , <i>dɔn</i>	<i>dɔn</i> , <i>ron</i> , <i>lo</i> , <i>non</i>	<i>-(n)Un</i>	<i>'unda</i>
сафен	<i>dú</i>	<i>dú</i>	<i>-iɲdú</i>	<i>yadui</i>
3 л. мн. ч.				
лехар	<i>ba</i> , <i>wa</i>	<i>ba</i> , <i>wa</i>	<i>agarawa</i>	<i>dawa</i> , <i>ɛba</i> , <i>ɛbi</i> , <i>bay</i>
ндут	<i>wa</i> , <i>ba</i>	<i>wa</i> , <i>ba</i> , <i>-je</i>	<i>wa</i> , <i>-je</i> , <i>-jin</i> , <i>iso</i>	<i>dawa</i>
ноон	<i>ba</i> , <i>bɛ</i> , <i>ya</i>	<i>ta</i> , <i>wa</i>	<i>əɲbə</i> , <i>uɲba</i> , <i>umba</i>	<i>bə</i>
палор	<i>wa</i> , <i>ba</i> , <i>ø</i>	<i>wa</i> , <i>wɔ</i> , <i>ba</i>	<i>wa</i> , <i>yiso</i>	<i>dawa</i>
сафен	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>-iɲba</i>	<i>bəyi</i> , <i>beyi</i>

Сравнительное исследование морфосинтаксиса языков чангин, в частности систем личного маркирования, на сегодняшний день ограничивается двумя работами: обзором [Pichl 1966] и уже упоминавшейся статьёй [PSb]. В то время как первая лишь бегло затрагивает притяжательные местоимения, вторая проводит последовательный и детальный анализ местоименных парадигм во всех пяти языках группы, вслед за чем делаются выводы о реконструкции парадигмы местоимений в праязыке чангин. В условиях сравнительно недавней публикации столь тщательного исследования наша задача ограничивается критическим анализом последнего на основании как данных, приведённых в статье, так и материала некоторых неучтённых в ней работ.

Авторы статьи [PSb] считают необходимым сводить формы личных местоимений в языках чангин к двум первоначальным сериям, существовавшим в праязыке, – субъектной и объектной. При этом формальное противопоставление обеих серий видно лишь для первых двух лиц ед. ч. В 1–2 л. мн. ч. и в 3 л. авторы [PSb] реконструируют единую серию местоимений.

При том что в современных языках такая ситуация нигде не встречается и местоименные парадигмы повсюду различают три или четыре серии (см. Табл. 8.5), вывод [PSb] можно считать в целом верным, но для языка более глубокого уровня, чем прачангин. Так, различия между объектной и притяжательной сериями личных местоимений объясняются их амальгамой с ассоциативными или посессивными

маркерами: *-(i)ŋ-* в сафен, *aga(r)-* в лехар, *-uŋ-* в ноон и *-k-* в палор. Праязыковую форму посессивного маркера можно восстановить в виде **-g-* или, возможно, **-G-*, подразумеваемая некоторую веллярную согласную, которой вполне могли быть *g*, *k* или *ŋ*. В [PSb] предлагается реконструкция этого маркера в виде **-k-*. Так как во всех пяти языках группы притяжательные местоимения формируются в целом единообразно, есть смысл восстанавливать посессивную серию местоимений уже для праязыка чангин.

Местоимения независимой серии чаще всего используют префигированные маркеры фокуса – это *ya-/ja-* в сафен, ноон и лехар, *dā-* в ндут. Кроме того, здесь же может дополнительно использоваться суффикс **(y)i*, который, по-видимому, родственен фокализатору *-ri* в ноон, присоединяемому к маркеру именного класса субъекта [Soukka 2000]. Вопрос лишь в том, следует ли реконструировать для праязыка чангин уже сформировавшееся в виде неразделимой словоформы местоимение независимой серии. С нашей точки зрения, ответ здесь должен быть дан положительный. Формы *ya-*, *ja-* и *dā-* явно восходят к единому источнику (по [PSb], это **dI-a*, для нас более логичной представляется слегка модифицированная реконструкция **dā-*).

В то время как реконструкция местоимений 1–2 л. ед. ч. особых вопросов не вызывает (мы склонны в целом согласиться здесь с авторами [PSb]), прочие формы требуют ряда пояснений.

В 3 л. ед. ч. реконструкцией праформы как для субъектных, так и для объектных серий могут быть два варианта: **dī* и **dā*. В [PSb] они объясняются как происходящие из **dI-i* и **dI-a* соответственно, причём конечные элементы верно идентифицированы как дейктические морфемы, маркирующие ближайшего и удалённого референтов. Ср. в ндут: *be* ‘этот’, *ba* ‘тот’, *de* ‘здесь’, *da* ‘там’ и пр. [Morgan 1996: 52].

Формы множественного числа в языках группы подверглись сильному действию процессов аналогического выравнивания. В результате единственной самостоятельной плюралной лексемой на праязыковом уровне предстаёт **ba*, по происхождению – плюралный именной аффикс класса лиц 1/2. Что касается местоимений 2 л. мн. ч., то они, по всей видимости, являются результатом влияния других форм парадигмы, например местоимение лехар *bu* с большой долей вероятности можно объяснить контаминацией плюралного префикса мн. ч. *ba-* и местоимения 2 л. ед. ч. *fu*.

Относительно форм ндут *dən/ron* и палор *don/ron* авторы [PSb] предполагают, что формы 2 л. мн. ч. образовались по аналогии от соответствующих местоимений 2 л. ед. ч. с добавлением плюралного **-n*, т. е. **fu-n* в субъектной и **dō-n* в несубъектной серии. Впоследствии во избежание омонимии с формой 1 л. мн. ч. эксклюзива на обе серии распространилась форма **dō-n*. Однако, вопреки этой точке зрения, существование формы **fu-n* в значении 2 л. мн. ч. не подтверждается данными ни одного из языков чангин. На наш взгляд, было бы вернее реконструировать во 2 л. мн. ч. форму **dū/*dō*: в двух языках она сохранилась в неизменном

виде (ноон *du*, сафен *di*), в лехар заметна в составе притяжательного местоимения *aga-ru* < **aga-du*, в ндут и палор плюрализатор *-*n* добавлен к **du* по аналогии с формами 1 л. мн. ч. Реконструкция местоимения **du*/**do* находит ряд соответствий в других атлантических языках, прежде всего групп фула-сереер и тенда (см. ниже).

Разброс форм 1 л. мн. ч. в языках чангин весьма велик. Во всех языках, кроме лехар, последовательно проводится различие инклюзивного и эксклюзивного значений. В базе данных [Segeer 2002–2007] в местоименной анкете языка лехар допущена ошибка: со ссылкой на [Pichl 1980a (1973)] дана форма местоимения 1 л. мн. ч. *bu* вместо *bɔ*. Кроме того, форма ошибочно помечена как инклюзивная (эта ошибка впоследствии перекочевала и в статью [PSb]), в то время как в первоисточнике У. Пичля указаний на это значение не содержится. Более того, во фразовых примерах указанной работы отчётливо видно, что значение «мы с тобой» передаётся формой *se*:

- (120) *fɛ na mi, se l̄ɛn*
 2SG CONJ 1SG 1PL.INCL приходитъ
 ‘Мы с тобой пришли’ [Pichl 1980a (1973): LEH 3].

Субъектные формы *se/se/si/su*, исходя из данных этой работы, выражают как эксклюзивное, так и инклюзивное значения. Объект глагольного сказуемого, а также субъект неглагольного предложения маркируются иной формой – *boy(-bi)*, созданной по аналогии с другими плюральными местоимениями *bu(-bi)* ‘вы, вас’ и *ba/ɛba/ɛ-bi* ‘они, их’.

Инклюзивные субъектные местоимения ндут *bɛ*, ноон *bo*, сафен *bɔ*, а также указанное местоимение лехар *bo* позволяют реконструировать праформу **bo* с инклюзивным значением, при этом для реконструкции **ba-n*, предложенной в [PSb], мы в доступных нам данных оснований не видим. Уже упомянутые субъектные местоимения 1 л. мн. ч. лехар модели *sI*, вероятно, соответствуют *di/ri* в ноон, а также переключаются с формами южноатлантических языков (гола *se*, бага-мадури *sɛ-*, булло-со *si* и др.) и имеют многочисленные внешние параллели в других НК языках. Притяжательное местоимение лехар *aga-sɔ-n*, как справедливо замечено в [PSb], является производным от объектного местоимения 1 л. ед. ч. *sɔ* с плюральным *-n*.

Инклюзивное местоимение *yen/ɛn* засвидетельствовано в близкородственных языках ндут и палор. Форма эта по происхождению явно объектная, что верно замечено в [PSb], однако проецировать её на уровень прахангин достаточных оснований нет.

Что касается эксклюзивных форм, то они и вовсе вряд ли поддаются реконструкции – слишком велика роль аналогических изменений, затемнивших следы первоначальных местоимений. В подгруппе ндут-палор видим **fun*, хорошо соот-

носимое с формой 2 л. ед. ч. **fu* с добавлением плюрального суффикса; в сафен форма *da* имеет связь с местоимениями 2 л. мн. ч.

Наконец, в третьем лице плюралиса восстанавливается местоимение **ba*.

В результате этого краткого анализа предлагается следующая реконструированная система местоимений в языках чангин (Табл. 8.8), которая, как можно заметить, содержит некоторые существенные отличия от реконструкции [PSb]²²².

Таблица 8.8

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.	<i>*mi</i>	<i>*sɔ</i>	<i>*-G-sɔ</i>	<i>*na-mi</i>
2 л. ед. ч.	<i>*fU</i>	<i>*da</i>	<i>*-G-da</i>	<i>*na-fU</i>
3 л. ед. ч.	<i>*di/*da</i>	<i>*di/*da</i>	<i>*-G-di/*-G-da</i>	<i>*na-di</i>
1 л. мн. ч.	<i>*bO</i> (инкл.)	?	?	<i>*bO-i</i> (инкл.)
2 л. мн. ч.	<i>*dU(-n)</i>	<i>*dU(-n)</i>	<i>*-G-dU(n)</i>	<i>*na-dU(-i)</i>
3 л. мн. ч.	<i>*ba</i>	<i>*ba</i>	<i>*-G-ba</i>	<i>*na-ba, *ba-i</i>

§ 3. Личные местоимения в южноатлантических языках

Данные Табл. 8.9 содержат материалы базы данных [Segerer 2002–2007], монографий [Wilson 1961b; 2007], а также работ по отдельным южноатлантическим языкам, указанных в постраничных сносках.

Таблица 8.9

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
суа	<i>N-, meN-</i>	<i>mi, me</i>	<i>nka, nke, nke, ŋke</i>	<i>miin, meen</i>
гола ²²³	<i>ka</i> (перф.), <i>mĩ</i>	<i>mĩ, im</i>	<i>mĩ</i>	<i>mià</i>
бага-сигему	<i>i-</i>	<i>-im</i>		<i>ina</i>
бага-мадури	<i>i-</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>miinaŋ</i>
бага-кога	<i>i-</i>	<i>em</i>		
ландума	<i>i-</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mina, miina</i>

222

*cangin	1sg	2sg	3sg	1pl incl	1pl excl	2pl	3pl
Sujet	*mi	*fu	*dI-i/-a	*ba-n	fu-n	*do-n	*ba
Objet	*so	*do	dI	*ye-n		*do-n	*ba

223 [Westermann 1921].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
буллом-сеи	<i>(y)ah, yaŋ</i>		<i>me</i>	<i>yaŋeken</i>
буллом-со	<i>(y)a</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>yā</i>
шербро	<i>a, ya</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>yaŋ, yaŋ (ya)</i>
киси ²²⁴	<i>í</i>	<i>yá</i>	<i>nù, nì</i>	<i>yá</i>
темне ²²⁵	<i>i</i>	<i>mi</i>	<i>-mi</i>	<i>min(ε)</i>
2 л. ед. ч.				
суа	<i>тə-, тε-</i>	<i>то, та</i>	<i>то, тэ</i>	<i>тоо, тэо</i>
гола	<i>та (перф.), тѵ</i>	<i>тѵ</i>	<i>тѵ</i>	<i>тѵà</i>
бага-ситему	<i>т-</i>	<i>-ат, -əт</i>		<i>тəпа</i>
бага-мадури	<i>т(ə)-</i>	<i>əт</i>		<i>тəпаŋ</i>
бага-кога	<i>то-</i>	<i>ат</i>		
ландума	<i>тə-</i>	<i>əт</i>		<i>тəпа</i>
буллом-сеи	<i>тин</i>		<i>(aha)моа</i>	<i>тунекеhn</i>
буллом-со	<i>п, т, тэ</i>	<i>тэ</i>	<i>тэ</i>	<i>тəп</i>
шербро	<i>п, тэ, η</i>	<i>тэ</i>	<i>тэ</i>	<i>həт</i>
киси	<i>à</i>	<i>núm, nùm, ì</i>	<i>nùm</i>	<i>nùmbó, nùŋgó, núm</i>
темне	<i>N, тə</i>	<i>ти</i>	<i>-ти</i>	<i>тин(ε)</i>
3 л. ед. ч.				
суа	<i>ə-, а-</i>	<i>fəŋ, fo, fəa</i>	<i>fo, fə, мо</i>	<i>моо(dəŋ), akan</i>
гола	<i>w(o)</i>	<i>ũ, ɔ̃</i>	<i>ɔ̃</i>	<i>hũnè, hwé, ηũ</i>
бага-ситему	<i>ɔ-, о-</i>	<i>-кə</i>		<i>ηkəŋ</i>
бага-мадури	<i>ɔ-, о-</i>	<i>kəŋ</i>		<i>kəŋə</i>
бага-кога	<i>о-</i>	<i>kə</i>		
ландума	<i>ɔ-, о-</i>	<i>kə</i>		
буллом-сеи	<i>wəŋ</i>		<i>(aha)woa</i>	<i>woneken</i>
буллом-со	<i>ɔ, wə, pε</i>	<i>wə</i>	<i>wə</i>	<i>wəŋ, pε</i>
шербро	<i>ø, wə</i>	<i>wə</i>	<i>wə</i>	<i>wəŋ</i>
киси	<i>ò</i>	<i>ndú</i>	<i>ndɔ̃, ndú</i>	
темне	<i>ɔ</i>	<i>kə</i>	<i>-кə</i>	<i>kəŋ(ɔ)</i>
1 л. мн. ч.				
суа	<i>nre-</i>	<i>rə, ro</i>	<i>nre, ndro</i>	<i>nrə, ndroo</i>
гола	<i>se, e, vi</i>	<i>βi</i>	<i>βi</i>	<i>hyabi, yaβi, sen</i>

²²⁴ [Childs 2000].²²⁵ [Musa et al. 1987].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
бага-ситему	<i>sə-</i>	<i>-su</i>		<i>səna</i>
бага-мадури	<i>sə-</i>	<i>su</i>		<i>sənaŋ</i>
бага-кога	<i>sə-</i>	<i>su</i>		
ландума	<i>sə-</i>	<i>su</i>		<i>səna</i>
буллом-сеи	<i>he, hinatiŋ</i>		<i>aha(he)</i>	<i>hinakin</i>
буллом-со	<i>si, hĩ</i>	<i>hin</i>	<i>hin</i>	<i>hin</i>
шербро	<i>yi</i>	<i>hĩ</i>	<i>hĩ</i>	<i>yin, yi</i>
киси	<i>ŋ</i>	<i>náá</i>	<i>nà(à)</i>	<i>ŋ, náa</i>
темне	<i>sə</i>	<i>su</i>	<i>-su</i>	<i>sia, saŋ</i>
2 л. мн. ч.				
суа	<i>nə-</i>	<i>no, nɔ</i>	<i>no, nɔ</i>	<i>noo(kii), naa, nɔɔ</i>
гола	<i>na</i> (перф.), <i>ne</i>	<i>ne</i>	<i>ne</i>	<i>hʏén, nʏén</i>
бага-ситему	<i>nə-</i>	<i>-ni</i>		<i>nəna</i>
бага-мадури	<i>nə-</i>	<i>ni</i>		<i>inaŋ</i>
бага-кога	<i>nə-</i>	<i>ni</i>		
ландума	<i>nə-</i>	<i>ni</i>		<i>nəna</i>
буллом-сеи	<i>no, ŋhaŋ</i>		<i>ahano</i>	
буллом-со	<i>ŋá, ná</i>	<i>ŋan</i>	<i>nɔn</i>	<i>ŋhan</i>
шербро	<i>hã</i>	<i>nɔ</i>	<i>nɔ</i>	<i>hán, hánɛ, hã</i>
киси	<i>là</i>	<i>já, hìjà</i>	<i>jà</i>	
темне	<i>nə</i>	<i>ni</i>	<i>-ni</i>	<i>nia, na(ŋ)</i>
3 л. мн. ч.				
суа	<i>u-, i-</i>	<i>gwən, no, wa</i>	<i>no, wɔ</i>	<i>noo(yoo), ukan</i>
гола	<i>a, aa</i>	<i>ɲĩ</i>	<i>ɲĩ</i>	<i>hʏĩn, ɲĩn</i>
бага-ситему	<i>ŋa-</i>	<i>-ŋa</i>		<i>ŋa</i>
бага-мадури	<i>ŋaa-</i>	<i>ŋaaŋ</i>		<i>ŋaaŋ</i>
бага-кога	<i>ŋa-</i>	<i>ŋa</i>		
ландума	<i>ŋa-</i>	<i>ŋa</i>		
буллом-сеи	<i>ŋha</i>		<i>(aha)ŋha</i>	
буллом-со	<i>ɲa</i>	<i>ɲan</i>	<i>ŋa</i>	<i>ŋaan</i>
шербро	<i>ɲa, hã</i>	<i>hã</i>	<i>hã</i>	<i>hàn</i>
киси	<i>à</i>	<i>ndá</i>	<i>ndà</i>	
темне	<i>aN</i>	<i>ŋa</i>	<i>-ŋa</i>	<i>ŋa</i>

Как уже указывалось выше, к группе мель некоторыми исследователями причисляются также языки суа и гола, однако их генетический статус остаётся под большим вопросом. Тем не менее с этой оговоркой мы включаем их в обзор в настоящем параграфе как языки, принадлежащие к южной части атлантического ареала.

Южные атлантические языки не представляют собой компактного ареала и рассеяны по территории четырёх государств – южной части Гвинеи-Бисау, западной и южной Гвинеи, Сьерра-Леоне и Либерии, перемежаясь районами распространения языков западной ветви семьи манде. Тем не менее большей части из них удалось сохранить сходство грамматических систем, а также значительную лексическую близость – до 73 % сходжений в стословном списке базовой лексики [Sapir 1971: 47]. Несмотря на то что большое количество лексем базового списка для отдельных языков мель не находит параллелей, лексикостатистический анализ подтверждает генетическое родство языков мель. Д. Дэлби [Dalby 1965] установлено значительное количество регулярных фонетических соответствий между начальными согласными в языках мель (к которым Дэлби относил и гола). В той же работе проводится первый опыт реконструкции именных классов праязыка мель; впоследствии К.И. Поздняковым [1993] было реконструировано более полутора десятков классных показателей южноатлантического праязыка. Таким образом, группа языков мель выглядит вполне обоснованным генетическим объединением, если не учитывать остающиеся неразрешёнными сомнения относительно её состава, а именно отношения к ней языков гола и суа.

В типологическом отношении местоименные системы языков южного ареала выглядят схожими. Субъект глагольного сказуемого выражается префиксально, маркер объекта располагается постпредикативно. Притяжательные местоимения могут как располагаться перед именем-обладаемым (ср. в суа *nye g-bombɔ* 1SG. POSS CL-голова ‘моя голова’ [Wilson 2007: 149]), так и следовать за ним (как в темне, например *kə-bap kə-mi* CL-топор CL-1SG ‘мой топор’ [Wilson 1961b: 20]). В последнем случае местоимение также служит объектом именного согласования с посессумом. Объектное и притяжательное значения обычно выражаются одной и той же серией местоимений – так в гола, булломе, шербро, темне. Генетически с ними практически повсеместно (за исключением, быть может, форм 1 л. ед. ч.) связаны и формы субъектных показателей и независимых местоимений. Наиболее распространённым способом образования последних является суффикс *-n(a)*.

Системного анализа систем личного маркирования в южноатлантических языках до сегодняшнего дня не проводилось. Существует, однако, реконструкция личных местоимений мель в работе [PSa]. Попытаемся провести её критический анализ по материалам Табл. 8.9. Необходимо при этом учитывать внутреннюю классификацию языков мель: языки группы распределяются по подгруппам булломе-шербро и бага-ландума-темне, киси обычно считают языком, ближайшим к первой из них [Lewis 2009].

В 1 л. ед. ч. в [PSa] вполне надёжно реконструируется местоимение **mi*, повсюду выступающее в объектных значениях. В качестве субъекта оно обнару-

живается в суа, гола (кроме значения перфектива), а также в независимых субъектных местоимениях диалектов бага и ландума. В суа гласная фонема в некоторых работах фиксируется как *ε*, *e*. Единственным языком, где рефлекс **mi* не зафиксирован вовсе, является киси. Характерно, что именно в этом языке показатель именного класса жидкостей **ma-* (класс 6N, по терминологии [Поздняков 1993]) выглядит как *-ā*, *-uā*, т. е. с выпадением начального носового сонанта [Там же: 171]. Однако можно ли считать форму субъектной серии булло-киси-шербро **i/*ya(η)* производным от более древнего **mi*, совершенно не очевидно. Здесь можно было бы предположить выпадение начального сонанта в субъектном префиксе – явление, отмеченное в языках других западноафриканских семей гур и ква, – однако в формах 2 л. ед. ч. сонант в той же позиции сохраняется. Формы **i/*ya(η)* скорее следует рассматривать как инновации, имеющие, по-видимому, ареальный характер: ср. также лимба *yaŋ* ‘я’ при объектном *ya-ma* ‘меня’. Притяжательное местоимение киси, свободно варьирующее между *nì* и *nì*, происходит из **nu-í*, где первый элемент является маркером посессивности, распространённым по всей парадигме в виде *N-* (реализуется как *n-*, *n-*, *nd-*).

Реконструкция для 2 л. ед. ч. формы **mo*, предложенная в [PSa], также вполне оправдана, с тем только уточнением, что, с нашей точки зрения, более осторожной реконструкцией будет форма **mU*. Заднерядная гласная выступает в виде *o* в суа и киси, *ɔ* в суа, булло-со и шербро, *u* в гола, булло-сеи и темне и, наконец, как *ə* в темне и бага-ландума. К сожалению, при недостаточной проработке вокалических систем в языках мель проверить это соответствие на лексическом материале весьма сложно, поэтому мы предпочитаем оставить реконструированную морфему в виде **mU*, с неопределённой заднерядной гласной. Кроме того, весьма вероятно, что гласная уже в праязыке могла варьировать в зависимости от синтаксической позиции показателя: ср. вокалические оппозиции в субъектных и объектных формах темне *mə-/mu*, суа *mə/mo*, киси *à/-mbó*, гола *ma/mḽ*. Данные гола позволяют предположить и объяснение этому феномену: гласная субъектного показателя здесь зависит от аспектуально-временного значения глагола. Перфективное значение передаётся гласной *a*, которая, вероятно, представляет собой древний аспектуальный маркер перфекта **-a-* [Westermann 1921: 41; Nurse 2007], амальгамированный с личным местоимением субъекта и впоследствии обобщённый как показатель субъектной серии. В несубъектных же рядах исходный вокализм **-U* сохраняется.

В бага и темне в несубъектных сериях видим форму показателя 3 л. ед. ч. *kə*, где начальная согласная также является одним из вариантов согласовательного маркера класса лиц (ср. в темне [Wilson 1961b: 46]). Сюда же может относиться независимое местоимение суа *akan*, сравнимое с местоимением той же серии темне *kən*. Эти формы (как и формы показателей 3 л. ед. ч. в других атлантических языках, в том числе бак, тенда, волоф, чангин) напрямую восходят к показателю сингулярного класса лиц **kU*, о котором уже говорилось в предыдущем параграфе. Этот показатель присутствует и в других НК языках (в частности, убангийских, догон). Таким образом, здесь наша точка зрения также поддерживает реконструкцию [PSa].

Ослабление смычного в исходном классном маркере в проклитической позиции привело к появлению форм **o*, **ɔ*, **wo*, **wɔ*, употребляемых в языках мель и в качестве показателя именного класса, и в качестве личного местоимения [Dalby 1965: 8; Поздняков 1993: 176–177].

Нулевой показатель 3 л. ед. ч. субъекта (в суа и шербро) вряд ли имеет праязыковое происхождение: нулевое маркирование этого значения – весьма распространённый типологический феномен в языках мира (в том числе, как известно, и в славянских языках).

Формы местоимений 1 л. мн. ч. также довольно единообразны. Прослеживается происхождение местоимений большинства языков из единого источника, который можно реконструировать как **sV*. К той же основе, возможно, восходят формы на *-r-* языка суа, подвергшиеся ротацизму в позиции после сонанта или гласной (в объектной серии). Как и во 2 л. ед. ч., заметна вариативность гласной фонемы в зависимости от синтаксической серии: в субъектных местоимениях видим гласную среднего или переднего ряда (бага-темне-ландума *-ə*, суа *-ε*), в объектных сериях – заднерядную гласную (бага-темне-ландума *-u*, суа *-ɔ/-o*). В языках подгруппы булло-шербро этого различия нет, а формы местоимения дают возможность лишь предположить **si*, выпадающее в диалектах булло-со и в шербро, если верно развитие *si > hi/yi*. В гола формам языков мель соответствует *se*, *sen*. Мы склонны постулировать для южноатлантического праязыка местоимение **sI*, с гласной переднего ряда, а объектную форму **sU* – только для праязыка бага-темне-ландума.

Явно инновационной кажется форма языка киси, где *η* может быть заимствованием из языков манде.

Несомненной представляется реконструкция субъектного местоимения **na* для 2 л. мн. ч.: здесь мы лишь уточняем форму **nV*, предложенную в работе [PSa]. В субъектной серии гласная практически повсеместно редуцировалась до *-ə*, повторяя судьбу гласных субъектных префиксов во многих НК языках. Однако исходное её качество просматривается в независимой серии, например в бага-мадури *inaη*, темне *na*. Гласная **-a-* сохранилась в булло-шербро и в киси, где сонант в субъектной серии превратился в латеральную фонему. Вновь, как и в 1 л. мн. ч., обнаруживается вариация между *ə* субъектной серии и *o/u* объектной серии в суа и подгруппе бага-темне-ландума.

Наконец, в 3 л. мн. ч. наиболее распространёнными формами субъектного показателя являются *a-/ηa-*. По происхождению они являются рефlekсами плюрального классного маркера *a-/-ā* [Поздняков 1993]. В качестве исходного плюрального показателя класса лиц выступает, по-видимому, форма **yV*, зафиксированная и в других атлантических языках (например, волоф *y-*). Велярность начального согласного представляется неясной по происхождению.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что предложенная в [PSa] предварительная реконструкция в целом подтверждается, хотя и подлежит некоторому уточнению. Генетическая близость между языками мель, с одной стороны, изолиро-

ванных языков суа и гола – с другой, на уровне местоименных парадигм выглядит вполне вероятной. Следовательно, мы можем вслед за К.И. Поздняковым считать обоснованным термин «южноатлантический праязык», для которого восстанавливается следующая система личных показателей (Табл. 8.10). Следует обратить внимание, что субъектные маркеры нами реконструируются в виде префиксов: на наш взгляд, уже в праязыках отдельных подгрупп в них происходят процессы вокалической редукции, указывающие на связанный характер показателей этой серии. Объектные маркеры мы реконструируем как суффиксальные, служащие для маркирования как прямого дополнения глагола, так и именной посессивности. Объектная серия содержит лишь одно формальное различие с субъектной – в показателе 3 л. ед. ч., редуцированном в субъектной позиции. Наконец, независимая серия, как уже упоминалось выше, по-видимому, существовала уже в праязыке, сформированная с помощью суффицированной морфемы **-n(V)*. В постулировании для южноатлантического праязыка трёх серий личных показателей также заключается некоторая модификация нашей реконструкции по сравнению с реконструкцией [PSa] (дана в крайнем правом столбце таблицы).

Таблица 8.10

	субъект	объект	независ.	[PSa]
1 л. ед. ч.	<i>*mi-</i>	<i>*-mi</i>	<i>*mi-n(V)</i>	<i>*mi, *ya</i>
2 л. ед. ч.	<i>*mU-</i>	<i>*-mU</i>	<i>*mU-n(V)</i>	<i>*mo</i>
3 л. ед. ч.	<i>*O-</i>	<i>*-kɔ</i>	<i>*kɔ-n(V)</i>	= CL.1
1 л. мн. ч.	<i>*sI-</i>	<i>*-sI</i>	<i>*sI-n(V)</i>	?
2 л. мн. ч.	<i>*na-</i>	<i>*-na</i>	<i>*na-n(V)</i>	<i>*nV</i>
3 л. мн. ч.	<i>*ɲa-</i>	<i>*-ɲa</i>	<i>*ɲa-n(V)</i>	= CL.2

Неразрешённой остаётся проблема значения вокалических чередований между субъектными и объектными формами, которое наиболее явственно заметно в подгруппе бага-темне-ландума, однако проявляется, хоть и непоследовательно, и в других рассматриваемых языках. Следы его, однако, присутствуют лишь в трёх лично-числовых значениях: 2 л. обоих чисел и 1 л. мн. ч. При этом во 2 л. ед. ч. чередование по крайней мере в ряде языков имеет аспектуальное значение, чего нельзя сказать о плюральных формах *sə/su* и *nə/ni* в бага-темне-ландума. По-видимому, на некотором хронологическом уровне праязыка (скорее всего, уже после выделения праязыков подгрупп) заднерядная гласная фонема была переосмыслена как маркер объекта и в этом качестве закрепилась в темне и его ближайших родственниках.

Таким образом, субъектная и объектная парадигмы личных показателей в южноатлантическом праязыке представляются идентичными, а маркирование различия значений субъекта/объекта происходило с помощью порядка слов в клаузе. Особая форма субъекта существовала лишь в 3 л. ед. ч.

Внешние связи языков мель недостаточно исследованы даже на лексическом уровне. Однако система личных показателей демонстрирует значительное формальное сходство с языками убанги. Пример сравнения реконструированных и синхронных форм приведён в Табл. 8.11, а в качестве образцов нами взяты южно-атлантический язык гола и убангийский язык нгбугу (северо-западный кластер группы банда).

Таблица 8.11

	гола	юж.-атл.	убанги	нгбугу
1 л. ед. ч.	<i>mĩ</i>	<i>*mi</i>	<i>*mi</i>	<i>mĩ</i>
2 л. ед. ч.	<i>mḃ</i>	<i>*mU</i>	<i>*mo</i>	<i>mɔ</i>
1 л. мн. ч.	<i>se</i>	<i>*si</i>	<i>*(V)tse/*(V)tsi</i>	<i>(à)zə</i>
2 л. мн. ч.	<i>na/ne</i>	<i>*na</i>	<i>*(ε)ne/*(ε)ni</i>	<i>nē</i>

Наиболее характерной изоглоссой, объединяющей две общности, является форма 2 л. ед. ч. Стоит принять во внимание и форму классного маркера **O/*kɔ*, употребляющегося в языках мель в качестве местоимения 3 л. ед. ч.: аналог его обнаруживается в убангийских языках групп мба и занде. Анализ данных внешнего сравнения для различных языков будет дан ниже, в § 4, после того как будет рассмотрен материал нескольких других групп атлантических языков.

§ 4. О возможности реконструкции праатлантической системы личного маркирования

Выше были проанализированы системы личного маркирования наиболее исследованных групп атлантических языков: бак (15 языков), чангин (5 языков) и южноатлантических (16 языков), итоги рассмотрения которых сопоставлены с опубликованной ранее реконструкцией праязыковых форм личных показателей в работах [PSa; PSb]. Для того чтобы ближе подойти к вопросу о восстановлении единой праязыковой системы личных показателей для всей атлантической общности языков, необходимо хотя бы кратко рассмотреть системы остальных языков, причисляемых к атлантическим. Среди них – небольшая группа тенда (5 языков), языки ньюн-буй (5 языков), язык волоф, состоящая из двух языков группа фула-сереер, а также языки (или небольшие компактные группы близкородственных диалектов) лимба, биджого и налу.

Группа тенда объединяет небольшие по численности носителей языки на юго-востоке Сенегала. Языки джаад (джаад) и биафада выделяют в отдельную подгруппу (а иногда и группу, близкую тенда) – их генетические взаимоотношения с языками тенда глубоко не исследованы. В настоящее время все пять языков группы находятся под сильным воздействием соседних, более крупных и престижных языков фула и манинка, что не могло не отразиться на их лексическом фонде.

Существует точка зрения, что бедик, вымирающий язык юго-восточного Сенегала, насчитывающий всего полторы тысячи носителей, по своему происхождению является креольским языком, созданным на основе атлантического субстрата и суперстрата языков манден [Ferry 1991].

Личные показатели языков тенда приведены в Табл. 8.12, материалом для них служат работы [Ibid.], а также ряд монографий по отдельным языкам, указанных постраничными ссылками.

Таблица 8.12

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
басари	<i>mè-, mé</i>	<i>-é</i>	<i>-óm, -wòn, -wòn</i>	<i>wánó</i>
бедик	<i>mε-, mé-</i>	<i>né, ní, ém, éη</i>	<i>-óm, -mól</i>	<i>γλνó, ήνó</i>
коньяги	<i>-ábu, áfu, -ú, áw, -bu</i>		<i>-mán, -wán</i>	<i>(é)mi</i>
джаад ²²⁶	<i>mā</i> (имп.), <i>-ǎ/-ǎ</i> (перф.), <i>ma-</i> (нарр.)	<i>-ã</i>		<i>mta</i>
биафада ²²⁷	<i>-m</i>	<i>-am/-a</i>	<i>-i, (m)ta</i>	<i>mta</i>
2 л. ед. ч.				
басари	<i>ā, dy</i>	<i>-ì</i>	<i>-èā, -ix, -nàx</i>	<i>wùā</i>
бедик	<i>é, dy-</i>	<i>-mé, -mí</i>	<i>-òā, -e</i>	<i>wùā</i>
коньяги	<i>-óru, -ú, -í, -(r)ú</i>		<i>-wáxu, -lx</i>	<i>wláá, wàjé</i>
джаад	<i>-ni, -i</i> (перф.), <i>k-</i> (имп.), <i>a-</i> (нарр.)	<i>-ě, mě, meně</i>		<i>wi</i>
биафада	<i>-ra, -ε, -o</i>	<i>-e</i>	<i>-e, -a, -he</i>	<i>yi</i>
3 л. ед. ч.				
басари	<i>xò-, ηò-, x-</i>	<i>ò-</i>	<i>-èxám, -w, -nám</i>	<i>xám</i>
бедик	<i>(w)ó-</i>	<i>-má</i>	<i>-óm, -m</i>	<i>wūm</i>
коньяги	<i>-k', -x', -ø</i>		<i>-w̃, -u</i>	<i>ùml</i>
джаад	<i>-ǎ/-ǎ</i> (перф.), <i>mp-</i> (имп.), <i>ma-</i> (нарр.)	<i>-ã, mǎ, manǎ</i>	<i>-ã</i>	<i>we, wū, wě</i>
биафада	<i>-i, -ø, -ma</i>	<i>-ε, -na, -ma</i>	<i>-am</i>	<i>tom</i>
1 л. мн. ч.				
басари	<i>xè..é/xé</i> (дв.), <i>mí-</i> (э.), <i>nè..é/né</i> (и.)			<i>-mí</i> (э.), <i>bi</i> (и.)
бедик	<i>ε..ε/dyé..é</i> (дв.), <i>βé-</i> (э.), <i>ne..ε/ne..é</i> (и.)	<i>-bó-</i>		

²²⁶ [Ducos 1971; 1980 (1974); Cover 2010].

²²⁷ [Wilson 1993].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
коньяги	<i>-búná</i>			<i>-búná</i> (э.), <i>fùlò</i> (и.)
джаад	<i>bō, bo-</i> (нарр.)	<i>-abō, mabō</i>		<i>mbō</i>
биафада	<i>-ba, -ban</i>	<i>-bo</i>	<i>-eebo</i>	<i>bon</i>
2 л. мн. ч.				
басари	<i>n-</i>	<i>-ún</i>	<i>-èwùn</i>	<i>wún, wən</i>
бедик	<i>ń-, nẹ-</i>	<i>-món</i>	<i>-òn</i>	<i>wūn</i>
коньяги	<i>-óruná, -úná, -ún</i>	<i>-mín-</i>	<i>-wáxūn</i>	<i>wùlíl</i>
джаад	<i>nū, nu-</i> (нарр.)	<i>-nū</i>	<i>enū</i>	<i>nū</i>
биафада	<i>-roon, -oon</i>	<i>-een</i>	<i>-een</i>	<i>een</i>
3 л. мн. ч.				
басари	<i>(xá)ní, nì</i>	<i>-bì</i>	<i>-èbàn</i>	<i>bàn, bār</i>
бедик	<i>ń-, ba-, nẹ-</i>	<i>-bẹ́, -bí</i>	<i>-òbàn</i>	<i>bàn</i>
коньяги	<i>-ónì, và</i>	<i>-bẹ́-, -bí-</i>	<i>-wáńì</i>	
джаад	<i>-bǎ</i> (перф.), <i>bě-</i> (имп.), <i>be-</i> (нарр.)	<i>-abǎ</i>		<i>bǎ, mbǎ</i>
биафада	<i>-mte</i>	<i>-nne, -mte</i>	<i>-eemte</i>	<i>nimte</i>

Из таблицы хорошо видно, что свести к общим праформам личные показатели языков тенда крайне сложно – не только из-за формальных различий, но и разной синтаксической структуры систем личного маркирования. Например, языки коньяги и джаад используют для маркирования глагольного субъекта как суффиксы, так и префиксы, ср. в джаад:

- (121) *jā karaŋ-ǎ de*
 здесь учиться-1SG.PF AFF
 ‘Здесь я учился’;

- (122) *mā-pan-ě kūtuma*
 1SG.IPF-приветствовать-2SG.DO тепло
 ‘Я сердечно приветствую тебя’ [Cover 2010: 64, 72].

Категория клюзивности функционирует в басари, бедик и коньяги, причём в первых двух она маркируется весьма специфически – с помощью циркумфиксальных показателей.

На местоименном материале выделяются два кластера языков, соответствующих традиционному распределению, – это басари-бедик и джаад-биафада. Язык

коньязги содержит формы, которые можно связать с одной или другой подгруппами. Рассмотрим реконструкции субъектных и объектных показателей праязыка подгруппы басари-бедик, предлагаемые в работе [PSa: 152–153] (Табл. 8.13).

Таблица 8.13

	субъект	не-субъект
1 л. ед. ч.	* <i>mε</i>	* <i>nε</i>
2 л. ед. ч.	* <i>ʔ</i>	* <i>mi</i>
3 л. ед. ч.	= CL.1	* <i>mɔ</i>
1 л. мн. ч.	= 1SG	* <i>be</i>
2 л. мн. ч.	* <i>n</i>	* <i>un</i>
3 л. мн. ч.	* <i>ni</i>	—

В нижеследующей Табл. 8.14 указанные реконструкции помечены жирным там, где имеющийся у нас материал позволяет подтвердить их.

Таблица 8.14

	басари-бедик	коньязги	джаад-биафада
1 л. ед. ч.	* <i>mε</i> - (субъект.), *- <i>om</i> (притяжат.), * <i>wɔnɔ</i> (независ.)	- <i>bú/-fú</i> (субъект.), - <i>mán</i> (притяжат.), (<i>é</i>) <i>mí</i> (независ.)	* <i>m(a)</i> (субъект.), *- <i>am</i> (объект.), * <i>mma</i> (независ.)
2 л. ед. ч.	* <i>a-</i> / * <i>d-</i> (субъект.), * <i>mi</i> (объект.), * <i>wílā</i> (независ.)	-(<i>r</i>) <i>ú</i> (субъект.), <i>wláá</i> (независ.)	* <i>wi</i> (независ.)
3 л. ед. ч.	* <i>xɔ-</i> (субъект.), * <i>xum</i> (независ.)	- <i>x'</i> (субъект.), <i>úmá</i> (независ.)	*- <i>ø</i> /* <i>ma-</i> (субъект.), *- <i>am</i> (притяжат.), * <i>tum</i> ? (независ.)
1 л. мн. ч.	* <i>xε..ε</i> (э. субъект.), <i>nε..ε</i> (и. субъект.), * <i>bi</i>	- <i>búná</i> (э.), <i>fùlá</i> (и. независ.)	* <i>bō</i>
2 л. мн. ч.	* <i>n-</i> (субъект.), *- <i>ún</i> (объект.), * <i>wun</i> (независ.)	-(<i>r</i>) <i>ún(á)</i> (субъект.), <i>wúáá</i> (независ.)	* <i>nU-</i> (субъект.)
3 л. мн. ч.	* <i>nI-</i> (субъект.), * <i>bi</i> (объект.), * <i>bln</i> (притяжат., независ.)	- <i>bi</i> (объект.), - <i>wáni</i> (притяжат.)	* <i>be</i>

Для 1 л. ед. ч. формы субъектного показателя **mV* и несубъектного *-*Vm* объединяют две подгруппы языков, однако вовсе не свидетельствуют об их особой гене-

тической близости. Данные модели личных показателей широко распространены в других атлантических языках. Субъектный показатель коньяги *-bi/-fi*, напротив, исключителен и может рассматриваться как инновация.

Во 2 л. ед. ч. единственной морфемой, объединяющей все три кластера языков, является независимое местоимение **wiā* (басари-бедик) / *wā́l* (коньяги) / **wi* (джаад-биафада), к которому может генетически относиться субъектный показатель коньяги *-í*. Легче всего сравнить местоимения модели *u/wi* с формами показателей 2 л. ед. ч. в языках бак (см. выше в § 1).

Форма субъектного показателя 3 л. ед. ч. языков басари-бедик **x-*, как и родственный ей суффиксальный субъектный маркер коньяги *x-*, является по происхождению именным классным аффиксом и соответствуют **k-* в языках мель.

В 1 л. мн. ч. формы со значениями ключивности присутствуют в языках басари-бедик и коньяги, причём в джаад-биафада заметно влияние плюрального классного маркера с начальной **b-/*β-* (джаад *bi-*, биафада *bə-*). Формы плюральных показателей коньяги являются производными от соответствующих сингулярных показателей с добавлением суффикса *-nə*. Форма басари-бедик **βl*, реконструируемая в [PSa] в качестве объектного показателя **βe*, может быть поддержана, однако её конкретное грамматическое значение неясно. Интересно, что в басари форма с анлаутом *b-* имеет инклюзивное значение, а в бедик – напротив, эксклюзивное. Это может свидетельствовать об относительно недавнем завершении аналогических процессов в субпарадигме множественного числа. Единая праформа **bō*, реконструируемая для праязыка джаад-биафада, также может являться результатом действия аналогии. Инклюзивный субъектный циркумфиксальный показатель 1 л. мн. ч. в басари имеет общую лексическую основу с формами 2 л. мн. ч., что выглядит вполне логичным с типологической точки зрения.

Вполне надёжно, вслед за [PSa], можно постулировать общее происхождение для личных показателей 2 л. мн. ч.: в басари-бедик и джаад-биафада видим рефлексy **n-/*ni*.

В 3 л. плоралиса источником для лично-числового показателя во всех пяти языках является **βl/*βl* – форма, отражающая влияние плюрального классного префикса. Субъектный показатель **nl* в басари-бедик в работе [PSa] сопоставляется со схожими формами других северных атлантических языков, в т. ч. волоф и ньюн-буй (см. ниже).

Таким образом, по итогам анализа личных показателей в языках тенда можно сделать два вывода:

1. Существует некоторый массив общих праформ, которые могут быть реконструированы для единого языка-предка всех пяти рассматриваемых идиомов.
2. Отсутствие инноваций, объединяющих все пять идиомов (или хотя бы две подгруппы и язык коньяги), свидетельствует тем не менее о невозможности классификации языков тенда в единую группу по генетическому принципу.

Последним из объединений атлантических языков, о которых нам бы хотелось рассказать в данном обзоре, являются языки ньюн-буй. Их классификация

в рамках единой группы языков была предложена ещё в работах Дж. Гринберга и повторена в [Wilson 1989], да и лексикостатистические исследования последних лет (см. выше Диаграммы 8.1 и 8.2) дают основания для генетического объединения. Системы личного маркирования языков группы также показывают существенные сходства, однако реконструкция праязыковой системы, предложенная в работе [PSa], выглядит рискованной, прежде всего из-за недостатка синхронных данных. Инвентарь личных показателей языков ньюн-буй дан в Табл. 8.15, материал представлен по данным обзорных работ [Doneux 1975] и [Wilson 2007].

Таблица 8.15

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
кобиана	<i>má-, mé-</i>	<i>me</i>	<i>-áà, -(a)ám, -ø</i>	<i>mèe, mte</i>
байнук	<i>maN-</i>	<i>mEe, mE</i>	<i>-me, -um</i>	<i>mEeme, met</i>
касанга	<i>má-</i>	<i>me</i>	<i>aam</i>	<i>me, mee</i>
2 л. ед. ч.				
кобиана	<i>á-, é, -ø</i>	<i>ee(n), Ii</i>	<i>-ii(n), -r</i>	<i>àyí, ay</i>
байнук	<i>fuN-</i>	<i>fi</i>	<i>-fi</i>	<i>ifi, fifi, fi</i>
касанга	<i>a-</i>	<i>ee</i>	<i>iid</i>	<i>ay</i>
3 л. ед. ч.				
кобиана	<i>à-, n-, ø-, u-</i>	<i>à</i>	<i>-ròò(m)</i>	<i>úmáldò(m), umaloon</i>
байнук	<i>a-</i>	<i>Vm, mə</i>	<i>nuŋ, nen, eem, nəm</i>	<i>umu, umOo, umor, mər</i>
касанга	<i>N-</i>	<i>a</i>	<i>doo</i>	<i>minee</i>
1 л. мн. ч.				
кобиана	<i>ŋgee-</i>	<i>ŋgee</i>	<i>ŋgeen</i>	<i>ŋgeen</i>
байнук-джахет		<i>ndOoŋ (э.), ndOx (и.)</i>	<i>ndOoŋ (э.), ndOx (и.)</i>	<i>min (э.), minoŋ (и.)</i>
байнук-гуньямоло		<i>mint/mintOo (э.)</i>	<i>int/intOo (э.)</i>	<i>minti/mintOo (э.), mintOorO (и.)</i>
байнук	<i>N..-min</i>	<i>min</i>	<i>min, ndox (дв.), ndooŋ (и.)</i>	<i>min</i>
касанга	<i>gee-</i>	<i>gee</i>	<i>gee</i>	<i>geena</i>
2 л. мн. ч.				
кобиана	<i>kaa-</i>	<i>kàa(n)</i>	<i>-kààn</i>	<i>kàan</i>
байнук-джахет		<i>nantuŋ</i>	<i>nantuŋ</i>	<i>nantuŋ</i>
байнук-гуньямоло		<i>-ani-</i>	<i>naa</i>	<i>minkánaa</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
байнук	<i>kaN-..-əŋ</i>	<i>naantəŋ</i>	<i>naantəŋ</i>	<i>naantəŋ</i>
касанга	<i>kaa-</i>	<i>kaa</i>	<i>kaa</i>	<i>kaana</i>
3 л. мн. ч.				
кобиана	<i>náà-</i>	<i>náà(n)</i>	<i>-náà(n)</i>	<i>náà(n)</i>
байнук- джахет		<i>miŋaən, nIntəŋ</i>	<i>nIntəŋ</i>	<i>merən, nintəŋ</i>
байнук	<i>aN-</i>	<i>eenəŋ</i>	<i>heentəŋ</i>	<i>neentəŋ, imerəŋ</i>
касанга	<i>naa-</i>	<i>naa</i>	<i>daamee</i>	<i>naana</i>

Предварительная реконструкция личных показателей праязыка ньюн-буй, проведённая авторами [PSa], приводится в Табл. 8.16. вместе с предлагаемыми нами небольшими уточнениями (даны в правых столбцах таблицы) по материалам предыдущей таблицы.

Таблица 8.16

	субъект	не-субъект
1 л. ед. ч.	<i>*man</i>	<i>(*me)</i>
2 л. ед. ч.	<i>*fun, *an</i>	<i>*yi</i>
3 л. ед. ч.	<i>*a</i>	<i>*mo (*a)</i>
1 л. мн. ч.	<i>*ngo-en</i>	<i>*mi(n)</i>
2 л. мн. ч.	<i>*ka-en</i>	—
3 л. мн. ч.	<i>*na-en</i>	—

Наконец, в завершении обзора атлантических языков, в Табл. 8.17 сведены формы личных показателей, принадлежащих небольшим группам и кластерам языков: волоф, фула-сереер, лимба, биджого и налу.

Таблица 8.17

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
волоф ²²⁸	<i>(m)a</i>	<i>ta</i>	<i>suma, sama</i>	<i>man</i>
фула ²²⁹	<i>mi, mido</i> (наст.)	<i>kam, yam, -am, mi</i>	<i>-(?)am</i>	<i>miin, min</i>
сереер	<i>um, kaam, mexe, -eem, -iim, mi</i>	<i>-um, -aam, -axam</i>	<i>-es</i>	<i>mi, mixe</i>

²²⁸ [Diouf 2009].

²²⁹ [De Wolf 1995].

²³⁰ [Clarke 1922].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
лимба ²³⁰	<i>yaŋ</i>	<i>yata</i>	<i>-mi, -ŋ</i>	<i>yaŋ</i>
биджого-оранго ²³¹	<i>nV-</i> , <i>-i-</i> (после <i>a</i>)	<i>-naa-</i>	<i>-ŋ, -eŋ</i>	<i>eŋɔ</i>
биджого-кагбага ²³²	<i>nV-</i>	<i>na-</i>		<i>eŋɔ</i>
биджого-камона ²³³	<i>ε-/i-</i>	<i>ɔŋ</i>		<i>ɔŋ</i>
налу ²³⁴	<i>N, mi</i>	<i>am</i>	<i>maam</i>	<i>bεε</i>
2 л. ед. ч.				
волоф	<i>ŋa/ya, -al, -l, oo</i>	<i>la</i>	<i>sa</i>	<i>yow</i>
фула	<i>(ʔ)a, aa, daa, ada</i> (наст.)	<i>ma, -maa, -e</i>	<i>maada, maa, -a</i>	<i>(ʔ)aan, an</i>
сереер	<i>o, koo, woxe</i>	<i>-o, -oŋ, -aŋ, -xoŋ</i>	<i>-of</i>	<i>wo</i>
лимба	<i>yi</i>	<i>yina</i>	<i>-nda</i>	<i>yi</i>
биджого-оранго	<i>N-</i> (перед губной), <i>mV-</i>	<i>-naN-</i>	<i>-amɔ</i>	<i>aamɔ</i>
биджого-кагбага	<i>mV-</i>	<i>am-</i>		<i>amɔ</i>
биджого-камона	<i>m-</i>			<i>amo</i>
налу	<i>-a, -ta</i>	<i>ε</i>	<i>maar</i>	<i>yi</i>
3 л. ед. ч.				
волоф	<i>ɔ, mi</i>	<i>ko</i>	<i>-am</i>	<i>moom</i>
фула	<i>ɔ, (ʔ)o-, oto</i> (наст.)	<i>mo, -moo</i>	<i>miindum, mum, -um</i>	<i>kanko, harum</i>
сереер	<i>ta, kaata, oxe, a..a, a..e</i>	<i>-u, -in, -an, -n</i>	<i>-um</i>	<i>ten</i>
лимба	<i>nde</i> (од.), <i>mɪn/wɪn</i> (неод.)	<i>meŋ, ni(ŋ)</i>	<i>-nama</i>	<i>(wu)nde</i>
биджого-оранго	<i>o-, ɔ-, -u-</i> (после <i>a</i>)	<i>-mo-</i>	<i>-ɔg</i>	<i>ɔg</i>

²³¹ [Wilson 2007: 143].²³² [Segerer 2002].²³³ [Segerer 2000].²³⁴ [Wilson 2007].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
биджого-кагбага	<i>o-</i>	<i>mɔ-, ɔg</i>		<i>ɔgan</i> (удал.), <i>ɔnna</i> (ближ.)
биджого-камона	<i>ɔ-, u-</i>	<i>ɔg</i>		
налу	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>maaram</i>	<i>mɔtɛ</i>
1 л. мн. ч.				
волоф	<i>ni</i>	<i>ni</i>		<i>nin</i>
фула	<i>min</i> (э.), <i>midon</i> (э. наст.), <i>(ɔ)en</i> (и.), <i>eden</i> (и. наст.)	<i>min</i> (э.), <i>men/(ɔ)en</i> (и.)	<i>ɔamin/-iimin</i> (э.), <i>ɔenen/-iiɔen</i> (и.)	<i>minen/menen</i> (э.), <i>enen</i> (и.)
сереер	<i>i</i> (э.), <i>ina</i> (и.)			<i>i</i> (э.), <i>ina</i> (и.)
лимба	<i>min</i>	<i>mina</i>	<i>-ntu</i>	<i>min</i>
биджого-оранго	<i>tV-, -ti-</i> (после <i>a</i>)	<i>-nantV-</i>	<i>-ate</i>	<i>aate</i>
биджого-кагбага	<i>tV-</i>	<i>antV-</i>		<i>ate</i>
биджого-камона	<i>tɛ-, ti-</i>			<i>ate</i>
налу	<i>bi-</i>	<i>bit</i>	<i>mirɛ</i>	<i>biyɛ</i>
2 л. мн. ч.				
волоф	<i>neen/yeen</i>	<i>leen</i>	<i>seen</i>	<i>yeen</i>
фула	<i>(ɔ)on</i> , <i>(o)don</i> (наст.)	<i>(ɔ)on</i>	<i>moodon, mon</i> , <i>-iiɔon</i>	<i>ɔonon</i>
сереер	<i>ni, kaani, niinwe</i> , <i>ni..e</i>	<i>ni..u, niin</i>	<i>niun</i>	<i>niun, nin</i>
лимба	<i>been</i>	<i>beena</i>	<i>-ndeŋ</i>	<i>ben</i>
биджого-оранго	<i>nV-, -ni-</i> (после <i>a</i>)	<i>-nannV-</i>	<i>-ane</i>	<i>aane</i>
биджого-кагбага	<i>nV-</i>	<i>annV-</i>		<i>ane</i>
биджого-камона	<i>nɛ-, ni-</i>			<i>ane</i>
налу	<i>nɛ, -ne</i>	<i>nɛ</i>	<i>mirin</i>	<i>nɛɛ, nee</i>
3 л. мн. ч.				
волоф	<i>ni</i>	<i>leen</i>	<i>seen</i>	<i>noot</i>
фула	<i>be, ebe/abe</i> (наст.)	<i>be</i>	<i>muuduɔen</i> , <i>tuɔen, -umɔen</i>	<i>kambe</i> , <i>harumɔen</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
сереер	<i>da, kaada, owe, a..eyo</i>	<i>-uyо, den</i>	<i>den</i>	<i>den</i>
лимба	<i>biŋ(de), binde, meŋ</i>	<i>biŋ, beŋ, meŋ, neŋ</i>	<i>-nameŋ, -nameŋ</i>	<i>biŋ(de)</i>
биджого-оранго	<i>ya-</i>		<i>-yag</i>	<i>yag</i>
биджого-кагбага	<i>ya-</i>	<i>ma-, yag</i>		<i>yagan</i> (удал.), <i>yanna</i> (ближ.)
биджого-камона	<i>ya-</i>	<i>yag</i>		
налу	<i>bε-</i> (од.), <i>wa-</i> (неод.)	<i>bεm</i>	<i>mbεm</i>	<i>bεme</i>

Представляется неэффективным сравнивать между собой формы языков, указанных в Табл. 8.17, в отрыве от атлантического контекста: лексические расхождения между ними весьма велики. Значительно более любопытным будет сравнить их с реконструированными парадигмами различных более крупных объединений, рассмотренных нами в предыдущих параграфах. Это позволит сделать предположения как о возможности реконструкции праязыковой системы на более высоком хронологическом уровне, вплоть до общеатлантического, так и о генетической классификации и взаимоотношениях атлантических языков.

Итак, что же мы можем сказать о собственно праатлантической перспективе сравнительного анализа систем личного маркирования?

Наиболее широко распространёнными моделями личных показателей 1 л. ед. ч. в атлантических языках, согласно реконструкции в работах [PSa; PSb] и анализу, проведённому в настоящей главе, являются следующие:

mI (в субъектной и независимой сериях: чангин **mi*, мель **mi-*, басарибедик **me-*, коньяги *mi*, ньюн-буй **ma/*me*, фула-сереер **mi*);

ma (преимущественно в несубъектных сериях: ММП **ma(n)*, тенда **m(a)*, волоф *ma(n)*);

-Vm (в несубъектных сериях: диола **-Vm-*, тенда **-Vm-*, фула-сереер *um/-am*, налу *am*);

N- (в субъектной серии: налу *N*, суа *N*, сафен *ŋ*, ндут *m-*, баланта *N-*).

Все четыре модели с большой долей вероятности сводимы к единой праформе – той самой праформе **mI*, которая реконструируется для данного значения в большинстве рассмотренных выше семей НК макросемьи. Вокализм *-a* при этом может быть грамматически обусловлен и представлять собой результат сращивания с древним показателем перфективного аспекта. Чередования между гласными различных рядов *I/a/U* хорошо видны и в других семьях НК языков, в частности

гур и убанги. Делать здесь вывод о специфической атлантической изоглоссе не приходится. Форму **mi* реконструируют и авторы [PSa] – для атлантического праязыка, существование которого в работе признаётся возможным.

Фонетическая редукция местоимения *mV* в субъектной (префиксальной) серии личных показателей приводит к образованию носового гоморганного маркера 1 л. ед. ч. *N-*. В большинстве атлантических языков, где присутствует данный показатель, он соседствует в парадигме с показателем, возводимым к **mV*. Аналогичная редукция притяжательного показателя дополняется присоединением к нему вокалического ассоциативного маркера, что создаёт форму *-Vm*, характерную не только для атлантических, но и для БК языков, языков ква.

Из инноваций, отмеченных по отдельным языкам или группам языков, можно отметить формы *ya(ŋ)* в некоторых языках мель и языке лимба, причём следует отметить, что в обоих случаях объектное местоимение является рефлексом **mV*. По крайней мере в лимба можно показать, что префикс *ya-* здесь маркирует независимые местоимения (ср. *yi/yina* ‘ты’).

Важные соответствия между вероятным субъектным **(ŋ)i-* в языках бак и *ŋi-* в биджого, с одной стороны, и языках банту, с другой, заставляют рассмотреть возможность ближайшего родства между северными атлантическими языками и бенуэ-конго. Такое родство уже постулировалось в лингвистической литературе на основании лексических данных и показателей именных классов.

На первый взгляд атлантические языки представляют ещё одну любопытную изоглоссу среди показателей 1 л. ед. ч., – это форма объектного местоимения **sɔ* в чангин и притяжательный суффикс *-(e)s* в сереер. Однако свистящий элемент здесь вряд ли имеет значение лица / числа. Скорее всего, он является родственным показателю посессивности *sa* в языке волоф, присоединяемому к местоимениям в качестве префикса: *sama* ‘мой’, *sunu* ‘наш’ и пр. [Diouf 2009: 161].

Модели, которые можно обобщить для 2 л. ед. ч., включают следующие:

o/u (преимущественно в субъектной серии: бак **u*, волоф *oo*, сереер *o*);

wi/wU (в основном в несубъектных сериях: бак **ul/*au(e)*, тенда **wūā/*wi*, волоф *yow*, сереер *wo*);

fi/fu/-f (во всех сериях: чангин **fU*, сереер *-of*, байнук *fi/fun*);

mU/ma (во всех сериях: южноатлантические **mU*, биджого *mɔ*, налу *ma-*).

Общее происхождение первых двух моделей вполне доказуемо. Формы *U/wU* имеют широчайшие параллели в других НК языках, от догон до банту. Фонетически к ним близка и модель *fV* в языках группы чангин, ньюн-буй, а также сереер и волоф. Эта форма близка **fɔ/*fi*, которую в Главе 4 мы восстановили для центральных языков гур, об этом говорил ещё Ж. Донё [Dopeux 2001]; однако авторы [PSa: 154] склонны возводить праформу чангин к **kwO*, не аргументируя, впрочем, этой этимологии.

Наконец, местоимения 2 л. ед. ч. модели *mU*, с заднерядной гласной, являются интересной изоглоссой, объединяющей южноатлантическую группу языков с языками адамауа, убанги, периферийными языками гур, а также сенуфо.

Характерным для атлантических языков является формальное сходство личных показателей 1 л. мн. ч. либо с формами 1 л. ед. ч., либо с другими плюральными показателями в составе парадигмы, прежде всего с формой 3 л. мн. ч., происходящей из маркера плюрального именного класса. Аналогические явления сильно затемнили происхождение показателей данного лично-числового значения.

Так, присутствие в формах личных показателей 1 л. мн. ч. начального элемента **b-/*b-*, происходящего из нигеро-конголезского плюрального показателя класса лиц **bV-*, отмечается в языках бак (баланта *bāā*), чангин (где реконструируется инклюзивное местоимение **bO*), джаад-биафада **bō*, налу *bi-*, а из южноатлантических – в гола *βi*. Как мы видим, при этом все приведённые примеры указывают на различный вокализм и реконструкция общеатлантического показателя здесь возможна только в виде **bV/*bV*. Однако построение личных показателей 1–2 л. мн. ч. с помощью плюрального классного маркера **bV-* – вовсе не редкость и в других семьях НК языков. В частности, в БК языках (бантоидных и кроссривер) с помощью плюрального префикса оформляются независимые местоимения всех трёх лиц множественного числа. В языках ква (Глава 3) местоимения 3 л. мн. ч. распространяются по аналогии на другие плюральные формы, широко распространена форма местоимения 1 л. мн. ч. **bo/*bu*. Среди показателей 1 л. мн. ч. языков гур можно назвать *bi* в теен, *bi* в куланго и другие – все они также переключаются с плюральным аффиксом именного класса лиц.

С другой стороны, деривативное происхождение местоимения ‘мы’ от сингулярного ‘я’, присущее местоимениям во всём мире, – напомним хотя бы **mi ~ *mes* в индоевропейских языках или **ben ~ *bir* в тюркских, – отмечается и в языках макросемьи нигер-конго. Среди атлантических это явление обнаруживается в фула (*mi ~ min*), лимба (*min* ‘мы’), тенда (басари *mé ~ mí*, а также коньяги *bú ~ búná*) и ньюн-буй (байнук *te ~ min*). Заметим, что в фула, басари, коньяги и байнук так образуются именно эксклюзивные местоимения, в то время как инклюзивные формы обычно ведут происхождение от иных лексических основ. В НК языках общее происхождение местоимений 1 л. обоих чисел от основы **mi ~ *mV* (возможно, с добавлением плюрального маркера) обнаруживается в языках догон (вост.-догон **mí ~ *émé*, см. ниже в Главе 9), отметим также корреляцию субъектных местоимений **j ‘я’* и **j ‘мы’* в языках манде (группа манден).

Оригинальных лексем для обозначения 1 л. мн. ч., которые были бы распространены более чем в одной группе языков атлантического ареала, не обнаруживается. Постулирование в работе [PSa] праформ **tV* и **ɲi* для праязыка североатлантической ветви довольно рискованно с точки зрения дистрибутивного анализа. В частности, форма *tV-* на севере атлантического ареала фактически обнаруживается лишь в биджого. Что касается реконструкции **ɲi*, то эта гипотетическая форма следует лишь из материала языков бак.

Тем не менее формы биджого *tV/te* представляют собой возможное соответствие личным показателям 1 л. мн. ч. в других НК языках, прежде всего банту **to-*, ква *tV-* и гур **tí/*tó/*tá*. Другое соответствие, на которое следует обратить внима-

ние – это соответствие между формами *sə/si/su* в языках мель и чангин личным показателям на свистящую в других НК языках: **tI* в бенуэ-конго, *sV* в периферийных гур (вьемо, баатонум, ура), **(V)tI* в убанги. Таким образом мы вновь видим, что при невозможности тривиального сведения форм различных атлантических языков к общему генетическому знаменателю формы основных групп, реконструированные нами выше, имеют весьма надёжные соответствия в некоторых других семьях НК языков.

Пожалуй, общей изоглоссой для большинства групп атлантических языков можно назвать показатель 2 л. мн. ч. модели *nV*. В явном виде он не засвидетельствован разве что в языках бак, однако для южноатлантических реконструируется **na*, для группы тенда **nU*, в байнук видим местоимение *naa*, в сереер *ni*, в лимба *bee-na* (с добавлением плюрального префикса), в биджого и налу *ne-/ni-*. Показатели той же модели широко засвидетельствованы и за пределами атлантической общности: в восточных и западных БК языках, в языках гур и убанги, в некоторых языках адамауа. Формы атлантических языков, таким образом, вновь служат подтверждением существования общего архаизма, но не общей инновации.

Что касается форм личных показателей 3 л., то в большинстве групп атлантических языков их невозможно рассматривать вне контекста системы именных классов, что видно и в работе [PSa]. В качестве маркеров 3 л. одушевлённых референтов используется либо собственно аффикс класса 1/2, либо один из согласовательных маркеров этого класса. Одними из наиболее устойчивых элементов в этом ряду являются сингулярный показатель **kU-* и плюральный **ba-*. Многочисленные инновации показателей 3 л. обоих чисел были сформированы в различных группах атлантических языков.

В завершение нашего обзора остановимся на ряде морфем, не выражающих лично-числовых значений, однако служащих для формирования независимой серии личных местоимений в атлантических языках. Набор таких морфем дан в Табл. 8.17.

Таблица 8.17

	<i>*-N(V)</i>	<i>*a-</i>	<i>*na-</i>
диола		<i>a-</i>	
чангин			<i>ya-/da-/na-</i>
юж.-атл.	<i>-na(ŋ), -n/-ŋ</i>		
тенда	<i>-n</i>		
ньюн-буй	<i>-na</i>		
волоф, сереер	<i>-n/-m</i>		
биджого		<i>a-</i>	

Наиболее распространённым маркером значений независимых местоимений (фокус, топик, подлежащее неглагольного предложения и пр.) является суффикс-

сальный маркер **-N(V)*, рефлекс которого обнаруживаются не только на севере ареала (в группах фула-сереер, ньюн-буй, тенда), но и в южноатлантических языках, как в группе мель, так и в суа. Это позволяет говорить о древности происхождения данного форманта, тем более что схожие с ним показатели фокуса присутствуют и в других НК языках, прежде всего в языках гур.

Префиксальный показатель *a-*, характеризующий независимые местоимения некоторых языков бак и языка биджого, следует сравнить с **a-*, маркирующим независимые местоимения в бенуэ-конго, ква, убангийских языках. В свете постулируемых нами особых генетических связей между бак, биджого и восточными БК языками эта изоглосса также представляется весьма важной, тем более что в других группах атлантических языков она не обнаруживается.

Наконец, фокализатор **na-* в языках чангин является самобытной формой, аналогов которой мы не находим в других языках региона.

В результате анализа кристаллизуется сетка генетических взаимосвязей, связывающих различные группы атлантических языков с другими семьями языков Западной и Центральной Африки, но не между собою. Так, языки бак и биджого демонстрируют сходство с БК языками (см. § 1). Системы личных показателей в языках мель и чангин, напротив, как показано в § 2–3, имеют характерные соответствия с языками адамауа, убанги и гур. Указанные факты парадигматического сходства никак не могут быть объяснены ареальными конвергентными процессами: ареалы атлантических, банту, гур и убангийских языков разделены между собой тысячами километров и нигде не соприкасаются. Вывод, который можно сделать в данной ситуации, указывает на генетическое родство атлантических языков с семьями других НК языков, однако также и на то, что единого языкового сообщества, которое можно было бы считать атлантическим праязыком, с помощью анализа местоименных систем идентифицировать не удаётся. Это можно считать ещё одним веским негативным аргументом в дискуссии о существовании в генеалогической классификации языков Африки такого таксона, как атлантическая семья языков.

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ИДЖОИДНЫХ, ДОГОНСКИХ И КОРДОФАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В рамках настоящей главы объединены три параграфа, рассматривающие системы личных показателей в трёх небольших семьях языков Западной и Центральной Африки: иджоидной (Нигерия), догон (Мали, Буркина-Фасо) и кордофанской (Судан). Языки всех трёх семей были включены Дж. Гринбергом в состав НК (или нигеро-кордофанской) макросемьи и, несмотря на недостаточный уровень сравнительных исследований, продолжают рассматриваться большинством современных учёных как принадлежащие к ней, несмотря на растущую критику этой точки зрения. В отсутствие подробных данных по системам личного маркирования языков трёх семей мы посчитали необходимым включить в работу краткий опыт сравнительного анализа имеющихся данных: без них общая картина личного маркирования в НК языках, конечно, была бы неполной.

Материал в параграфах настоящей главы структурирован так же, как в предыдущих главах: за кратким описанием языковой семьи, опубликованной литературы и характерных особенностей систем личного маркирования следуют таблицы имеющихся в нашем распоряжении фактических данных по личным показателям, после чего предлагаются гипотезы о реконструкции элементов праязыковой системы и проводится сравнение с реконструкциями, осуществлёнными в предыдущих главах.

§ 1. Личные показатели в иджоидных языках

Народы, говорящие на языках небольшой иджоидной семьи (около десяти языков), расселены по узкой прибрежной полосе в дельте р. Нигер. Их специфическое географическое положение, а также и то, что их область рассечена в нескольких местах ареалами языков других семей, убедительно свидетельствует о том, что иджоидные народы в ходе миграционных процессов были некогда оттеснены на самую кромку океана. Можно предположить, что ранее ареал их расселения был существенно шире – об этом свидетельствуют как данные топонимики южной

Нигерии (например, город Калабар находится в десятках километров от сегодняшнего ареала распространения языка калабари), так и предположительные заимствования из иджоидных языков в других языках атлантического побережья. Предположительно, в формировании этносов иджоидной семьи приняли участие представители нескольких волн переселения – сведения об этом содержатся в мифологии иджо [Ijo, manuscript]. В этой связи весьма любопытно, что в число «народов иджо» в регионе традиционно включают и этнические группы дельты Нигера, схожие по своему хозяйственно-культурному типу, но говорящие на языках других семей, например энгенни, оболо и другие. Возможно, они представляют собой генетически близкородственные группы давних аборигенов дельты, воспринявшие языки более поздних мигрантов.

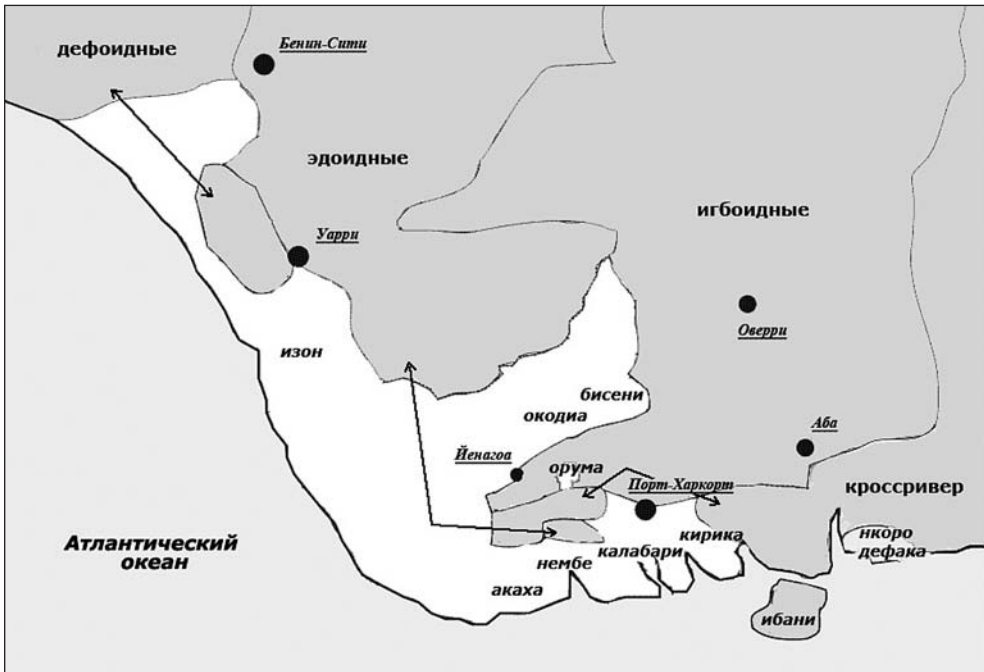
Как культуры, так и языки иджоидных народов представляют собой особого рода реликт в южной Нигерии, причём реликт, быстро уходящий в небытие: достаточно сказать, что число носителей большинства иджоидных языков сегодня не превышает пяти тысяч человек, а на языке дефака, по-видимому, говорит не более двух сотен носителей, и он продолжает быстро выходить из употребления. Общее число носителей иджоидных языков – около двух миллионов – достигается за счёт изон, единственного крупного языка семьи. На радио и телевидении штата Рек (англ. *Rivers State*) Нигерии сегодня транслируются передачи на языках изон (диалект колокума) и калабари, что существенно способствует сохранению их статуса и оценки со стороны других местных этнических групп. Нужно отметить, что своеобразный престиж языкам иджо и их носителям принесла нефтяная промышленность дельты Нигера: вооружённые формирования, созданные на иджоидной этнической основе и борющиеся с конца XX в. за контроль над богатыми нефтяными месторождениями в этом районе, в последние годы «нефтяного бума» существенно обогатились, приобрели своеобразное влияние и стали широко известными не только в регионе, но и во всём мире.

В густонаселённом и этнически пёстром районе дельты Нигера носители иджоидных языков соседствуют с языками, относимыми к восточной и западной ветвям БК семьи (см. Карту 10). С северо-запада это языки йорубоидного кластера, с севера – различные эдоидные и игбоидные языки, на востоке – языки группы кроссривер. Двумя небольшими эксклавами располагаются языки орума, нкоро и дефака.

История изучения иджоидных языков имеет уже весьма солидную традицию, объясняющуюся прежде всего их тесными и давними контактами с европейскими мореходами. Ещё в середине XVII столетия был составлен первый список слов калабари, ставшего первым языком Нигерии, записанным европейцами. Европейские поселенцы успешно и вполне эффективно сотрудничали с могущественными торговыми кланами и городами-государствами иджо, контролировавшими приморскую торговлю и движение товаров по дельте великой реки. Лексические списки и краткие грамматические описания нескольких иджоидных языков публиковались и в XIX в., а в следующем столетии они были дополнены фонетическими описани-

ями, более современными грамматиками и словарями. Из наиболее важных работ по описанию иджоидных языков следует назвать [Jenewari 1977; 1983; Williamson 1965; 1969]. Британский африканист Кэй Уильямсон, долгое время жившая в Порт-Харкоте в дельте Нигера, много лет успешно занималась сравнительными исследованиями иджоидных языков и диалектов. Основным результатом этой работы стало собрание обширного лексического материала, на сегодняшний день, к сожалению, остающегося неизданным [Williamson, manuscript a].

Карта 10. Иджоидные языки²³⁵

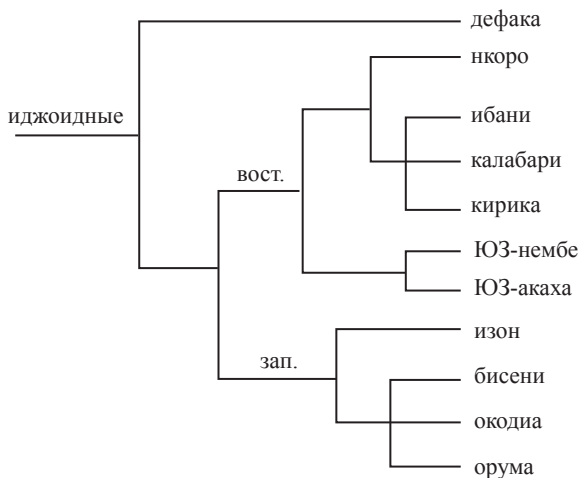

Внутренняя классификация языков семьи облегчается высокой степенью близости языков иджо. Особняком в этом отношении является лишь язык дефака, составляющий, по устоявшемуся мнению [Jenewari 1989; Williamson, Blench 2000: 18], особую группу в составе иджоидной семьи. Остальные языки, таким образом, относят к группе иджо. К восточной ветви последней причисляют кластеры калабари-кирика-ибани и географически изолированный от них язык инкоро, носители которого в историческое время мигрировали в восточную часть дельты и продолжают считать себя «малыми кирика» [Wakama 1999]. К западной ветви, соответственно, относятся язык изон и группа «внутренних» языков (англ. *Inland Ijo*) – орума, бисени и окодиа [Williamson 2004]. Генеалогическая клас-

²³⁵ Источник: <http://www.wikipedia.org>

сификация, отражённая на Диаграмме 9.1, адаптирована по материалам работы [Williamson, Blench 2000].

Диаграмма 9.1

Как фонологически, так и грамматически иджоидные языки весьма сильно отличаются от языков соседних семей региона. В фонологии это проявляется, к примеру, в том, что в иджо допустимы именные и глагольные лексемы с анлаутной гласной – структура, совершенно нетипичная для знаменательных частей речи других НК языков [Williamson, manuscript b]. В ряде языков (например, калабари) в дополнение к распространённой в Западной Африке гармонии гласных существует явление консонантной гармонии в рамках морфемы [Jenewari 1989: 109]. Вокалическая гармония между «широкими» и «узкими» гласными (различаются по признаку ширины открытия гортани при произнесении) в глагольной и именной словоформе распространяется и на формы прилежащих личных показателей, например маркеров притяжательности, что заставляет считать их не независимыми, а связанными морфемами, в противоположность бытующему в литературе мнению.

В местоименной системе выделяется прежде всего то, что личные местоимения 3 л. практически всех языков семьи обладают категорией грамматического рода. Данная категория может включать граммы мужского, женского и среднего родов, параллельно с ней функционирует и категория одушевлённости. Во множественном числе практически все различия по именной классификации нивелированы, кроме юго-восточного языка иджо, где и в плуралисе существует противопоставление форм для референтов-лиц и нелиц.

Кроме того, особенностью местоименных систем почти повсеместно является варьирование форм в зависимости от типа начальной фонемы последующего слова – формы перед гласными и согласными фонемами различаются на сегмент-

ном уровне, причём весьма существенно, образуя пары полных и кратких местоимений.

Сегментный характер личных местоимений характеризуется исключительной краткостью – абсолютное большинство субъектных и объектных показателей лица имеют структуру типа V. Притяжательные местоимения и формы в неглагольном предложении (а также со значением фокуса субъекта) образованы с помощью расширений. Формы независимой серии обычно двусложны, вида VCV, но могут достигать и трёх слогов, ср. ибани *wáminì* ‘мы’ (независ.). Чёткого противопоставления между синтаксическими сериями в иджоидных языках не обнаруживается – в большинстве из них особую форму имеют только независимые формы, в остальных же синтаксических позициях используются одни и те же показатели. В некоторых диалектах (таких как нембе) все четыре традиционно выделяемые нами синтаксические серии унифицированы.

Реконструкция личных местоимений в иджоидных языках содержится в работе [Williamson 1967], а также в нескольких неопубликованных рукописях К. Уильямсон. В приведённой ниже Табл. 9.1 даны местоименные формы современных языков семьи, а также реконструкции К. Уильямсон. Источниками данных служат работы, помеченные постраничными ссылками к таблице. Преконсонантные и превокалические формы обозначаются в таблице соответственно символами (+C) и (+V). Гласные, имеющие два аллофона согласно законам гармонии гласных (например, *o/ɔ*), обозначаются заглавным символом (O).

Таблица 9.1

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
дефака ²³⁶	<i>ì</i>	<i>ì</i>	<i>ì</i>	
ЮВ-нембе ²³⁷	<i>á</i>	<i>í</i>	<i>í</i> (о.), <i>ini</i> (но.)	<i>iní, éri</i>
нкоро ²³⁸	<i>ì</i>		<i>ì, irì, irè, yè</i> (+V)	
ибани ²³⁹	<i>à</i>	<i>ì, iyè</i> (+V)	<i>ì, iyè</i> (+V)	<i>iri</i>
кирика ²⁴⁰	<i>á, à, àri</i> (+V)	<i>ì</i>	<i>Ì, iyá</i>	<i>iri</i>
калабари ²⁴¹	<i>àrì</i> (+V), <i>à</i> (+C), <i>yá</i> (пейор.)	<i>ì/î</i> (+C), <i>ìyè</i> (+V)	<i>Ì, Ìyè</i> (+V)	<i>yèrí, iyèrí</i>

²³⁶ [Jenewari 1983].

²³⁷ [Kaliai 1964].

²³⁸ [Jenewari 1983], [Obikudo 2008].

²³⁹ [Ibibiem & Green, n.d.].

²⁴⁰ [Sika 1995], [Orupabo, Williamson 1980].

²⁴¹ [Jenewari 1989], [Kalabari, manuscript].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
изон-колокума ²⁴²	<i>ɪ</i> , <i>yéé</i> (перед мест.)	<i>ɪ</i> , <i>ineé</i> (+V)	<i>ɪ</i> , <i>ineé</i> (+V)	
изон-меин ²⁴³	<i>ɪ</i> , <i>yè</i> (+V)	<i>ɪ</i>	<i>ini</i> , <i>mie</i>	
праиджоид. ²⁴⁴	*à, *i/*è			
2 л. ед. ч.				
дефака	<i>í</i>			
ЮВ-нембе	<i>ì</i>	<i>ì</i>	<i>ì</i> , <i>ini</i>	<i>inì</i> , <i>èrì</i>
нкоро	<i>í</i>		<i>í</i> , <i>irì</i> , <i>yé</i> (+V)	
ибани		<i>í</i> , <i>iyé</i> (+V)	<i>í</i> , <i>iyé</i> (+V), <i>iné</i>	<i>irí</i>
кирика	<i>Í</i> , <i>iyí</i> (+V)	<i>Í</i>	<i>Í</i> , <i>iyá</i>	<i>irí</i>
калабари	<i>Í</i> (+C), <i>ÍyÉ</i> (+V)	<i>Í</i> (+C), <i>ÍyÉ</i> (+V)	<i>Í</i> (+C), <i>ÍyÉ</i> (+V)	<i>iyérí</i>
изон-колокума	<i>ɪ</i> , <i>iné</i> (+V)	<i>ɪ</i> , <i>iné</i> (+V)	<i>ɪ</i> , <i>iné</i> (+V)	
изон-меин	<i>é</i> , <i>yé</i> (+V)	<i>é</i>	<i>eni</i>	
праиджоид.	*í			
3 л. ед. ч.				
дефака	<i>ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>yè</i> (ср.)		<i>ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>yè</i> (ср.)	<i>òyàn</i> (м.), <i>áyàn</i> (ж.)
ЮВ-нембе	<i>ó</i> (м.), <i>à</i> (ж.)	<i>ó</i> (м.), <i>à</i> (ж.)	<i>ó</i> (м.), <i>à</i> (ж.)	<i>ó/òrì</i> (м.), <i>àrà</i> (ж.), <i>àí</i> (нелич.)
нкоро	<i>ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>à</i> (ср.)			<i>òrè</i> (м.), <i>áréé</i> (ж.), <i>àndè</i> (ср.)
ибани	<i>Ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>àn</i> <i>ì</i> (ср.)	<i>Ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>ànì</i> (ср.)	<i>Ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>ànì</i> (ср.)	
кирика	<i>ò</i> (м.), <i>òrì</i> (+V), <i>á</i> (ж.), <i>árì</i> (+V), <i>wí</i> (нелич.), <i>àní</i> (нелич.)	<i>ò</i> (м.), <i>òrì</i> (+V), <i>á</i> (ж.), <i>árì</i> (+V), <i>wí</i> (нелич.), <i>àní</i> (нелич.)	<i>ò</i> , <i>òrà</i> (м.), <i>á</i> (ж.), <i>àrà</i> (нелич.)	<i>òrì</i> (м.), <i>árì</i> (ж.), <i>àní</i> (нелич.)

²⁴² [Williamson, Blench, n.d.].

²⁴³ [Abegha 2007].

²⁴⁴ [Williamson 1967].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
калабари	<i>ò</i> (м. +C), <i>á</i> (ж. +C), <i>òrì</i> (м. +V), <i>á rì</i> (ж. +V), <i>à nì</i> (неод.)	<i>ò</i> (м. +C), <i>á</i> (ж. +C), <i>òrì</i> (м. +V), <i>á rì</i> (ж. +V), <i>à nì</i> (неод.), <i>à mìnà</i> (общий род)	<i>ò</i> (м.), <i>á</i> (ж.)	<i>òrì</i> (м.), <i>á rì</i> (ж.)
изон-колокума	<i>ù</i> (м.), <i>a</i> (ж.), <i>wòó</i> (м., ср. +V), <i>arà</i> (ж. +V)	<i>ù</i> (м.), <i>wòó/wò</i> (+V), <i>a</i> (ж.), <i>arà</i> (+V)	<i>wòó/wò</i> (м., ср. р.), <i>a</i> (ж.)	<i>wòó</i> (м., ср. р.), <i>arà</i> (ж.)
изон-меин	<i>wò</i> (м., неод.), <i>á</i> (ж.)	<i>wò</i> (м., неод.), <i>á</i> (ж.)	<i>wò</i> (м., неод.), <i>wòye</i> (абс.), <i>á</i> (ж.), <i>anì</i> , <i>aná</i> (абс.)	<i>ò mìnì</i> (м., неод.), <i>amìnì</i> (ж.)
праиджойд.	* <i>ò</i> (м.), * <i>á</i> (ж.)			
1 л. мн. ч.				
дефака	<i>wá</i>			
ЮВ-нембе	<i>wà</i>	<i>wà</i>	<i>wà</i>	<i>wà</i>
нкоро	<i>wá</i>		<i>wá, wá rì</i>	<i>wá rée</i>
ибани	<i>wá</i>	<i>wá</i>		<i>wá mìnì</i>
кирика	<i>wá</i>	<i>mìnè</i>	<i>mínā</i>	<i>mínè, wám inì</i>
калабари	<i>wá</i>	<i>wá mìnà, wá</i> (+C)		
изон-колокума	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó, wó i/wé i</i> (абс.)	<i>wónì, wómìnì</i>
изон-меин	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó,</i> <i>wóye</i> (абс.)	
праиджойд.	* <i>wá</i> /* <i>wó</i>			
2 л. мн. ч.				
дефака	<i>ó</i>			
ЮВ-нембе	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>ò</i>
нкоро	<i>ó</i>			<i>ò rée</i>
ибани	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>ò</i>	
кирика	<i>ó</i>	<i>ó</i>	<i>ó mìná</i>	<i>ó mìnì</i>
калабари	<i>ó, ó mìnà</i>	<i>ó</i> (+C), <i>ó mìnà</i>		
изон-колокума	<i>ɔ, ɔ rɔ</i> (+V)	<i>ɔ, ɔ rɔ</i> (+V)	<i>ɔ rɔ, ɔ rée</i> (абс.)	<i>ɔ mìnì</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
изон-меин	á	á	á, aní, anái (абс.)	amínì
праиджоид.	*Ó			
3 л. мн. ч.				
дефака	iní, òní		òní	
ЮВ-нембе	èní (лич.), á (нелич.)	èí (лич.), á (нелич.)	èj̀nà (лич.)	èí, iyà (лич.)
нкоро	iní, òní			
ибани	̀n	̀nnì		̀nnì
кирика	inì		àr̀à, inìá	àr̀ì
калабари	̀n (+C), ̀nl̀ (+V), àpɔ	̀n (+C), ̀nl̀/ìnà (+V)		
изон-колокума	ɔ, ɔrɔ́ (+V)	ɔ, ɔrɔ́ (+V)	ɔrɔ́, ɔrei (абс.)	ɔm̀inì, ɔsóm̀ò
изон-меин	à	à	à, àni, ànai < aní yai (абс.)	àm̀inì
праиджоид.	*èní			

В значении 1 л. ед. ч. восстанавливаются две краткие (т. е. преконсонантные) формы: *à и *Ī (вторая – с учётом двух аллофонов, «широкого» и «узкого»), обе низкотоновые. Однако лишь вторая из них присутствует в языке дефака, что даёт основания проецировать её на праязык всей семьи, в то время как *à ограничивается языками группы иджо. Прозрачным выглядит и распределение значений между двумя формами: *à функционировало как субъектный показатель, *Ī – как показатель прямого объекта. Характерным подтверждением такой оппозиции в праязыке служит и то, что независимые местоимения нигде не образованы от *à. Аффиксальным расширением для независимых форм является суффикс -r̀í, присутствующий и местоимениям других лично-числовых значений.

Что касается полных (т. е. превокалических) местоимений, то разброс форм включает İyĒ, ineé, ini, а также àr̀í – с тем же расширением -r̀í, что и в независимых формах. К. Уильямсон не реконструирует полных форм для праязыка, однако нам представляется, что все указанные формы на самом деле могут представлять собой рефлексы праформ, которые мы склонны обозначать как *j̀ni/*j̀ne (для объектного значения) и *àni (для субъектного). Элемент *-j̀ni демонстрируют и местоимения 2 л. ед. ч., поэтому основания для его реконструкции будут рассмотрены чуть ниже.

Таким образом, для праязыка реконструируются две формы – субъектная и прямообъектная, одна из которых не имеет соответствия в дефака. Мы затруд-

няемся сказать, откуда следует реконструкция также праформы *è, предложенная К. Уильямсон, – в доступных нам описаниях рефлексы такой формы не обнаружены.

Местоимения 2 л. ед. ч. указывают на возможность реконструкции краткой высокотоновой вокалической праформы *í, которую и восстанавливает Уильямсон. Полные же формы требуют более пристального внимания. Здесь фонетически мы также видим варианты с интервокальными -y-, -n-, но также -ŋ-, причём последняя засвидетельствована только в ибани, где также находим вариант с -y- [Bib., manuscript: 55]. Логично предположить, что форма *íyé* является фонетическим развитием *íné*, с точки зрения диахронической типологии фонетических переходов это кажется более естественным, нежели обратный процесс. Из *-ŋ- вполне может вести своё происхождение и -n- в изон и нембе. Что касается аффикса -ri в независимых местоимениях, его происхождение, по-видимому, иное.

Таким образом, предлагается восстанавливать для иджоидного праязыка не только краткую форму субъектно-объектного показателя 2 л. ед. ч. *í, но также и полную форму *íní. Обе праформы противопоставлены местоимениям 1 л. ед. ч. только на супrasegmentном уровне, с помощью тона.

В 3 л. ед. ч. есть все основания восстанавливать для праязыка две краткие формы: мужского рода *ò (т. е. вариацию *ò/*ə) и женского рода *á. Таким образом, раз такие реконструкции возможны, категория грамматического рода должна восходить к праиджоидному языковому состоянию. Что касается среднего рода и маркирования неодушевлённых / неличных референтов, то здесь формы местоимений различаются. В дефака это *yè*, в подгруппе ибани-калабари-кирика *àni*, в изон *wò* (ср. также кирика *wí*), наконец, в нкоро – *à*. Подобный разброс форм может указывать на то, что местоимения среднего, общего или неодушевлённого рода в различных иджоидных языках ведут происхождение от маркеров различных именных классов – точно так же, как в языках кру, рассмотренных нами в Главе 6. Той же причиной объясняется широкий ассортимент местоимений 3 л. в некоторых других семьях западноафриканских языков. В любом случае кажется очевидным, что праязыковая реконструкция местоимений среднего рода либо неличных форм невозможна даже на уровне группы иджо.

Полные формы в иджо образованы добавлением суффикса -ri (в восточных языках) и -rá (в западном языке изон).

Местоимения 1 л. мн. ч. в иджоидных языках весьма единообразны. И в иджо, и в дефака они имеют структуру *wá/wò*. Полная форма отличается от краткой только в калабари, где она имеет вид *wáminà*. Данное местоимение по происхождению родственно независимым местоимениям ибани и кирика *wámini*, изон *wómini*, а суффикс -mini является показателем местоименного плюралиса, по крайней мере для западных языков иджо, ср. также изон *ɛmini* ‘вы, они’ (независ.). Налицо, таким образом, функциональная связь полных форм местоимений и независимой серии, которая наблюдается и в других лично-числовых значениях.

Притяжательные местоимения множественного числа в изон имеют две формы – простую (атрибутивную) и абсолютную, образованную слиянием с морфемой

у́е (по происхождению – существительным со значением ‘вещь’). Вполне вероятно, что и сингулярные превокалические (полные) формы содержат этот формант.

В качестве праиджоидного местоимения 2 л. мн. ч. К. Уильямсон совершенно справедливо реконструирует **Ó*. Полная форма в изон-колокума образуется прибавлением суффикса *-rʹ*. Что касается независимых (а иногда и притяжательных) местоимений, то они используют тот же элемент *-mini/-mina*, который мы наблюдали в 1 л. мн. ч.

Наконец, форма 3 л. мн. ч. в иджоидном праязыке реконструируется Уильямсон как **èní*. Однако мы здесь имеем дело с реликтами более раннего состояния, схожего с ситуацией в 3 л. ед. ч., когда для различных классов референтов использовались различные местоимения. Это положение сохранилось сегодня лишь в нембе (*èní* для референтов-лиц, *á* для не-лиц) и, вероятно, в дефака (оппозиция *ini ~ òní*). Кроме того, в языке изон местоимением 3 л. мн. ч. служит *ɔ/à*, по-видимому родственное неличной форме нембе *á*. Таким образом, целесообразно предложить для праязыкового состояния оппозицию двух местоимений: **ÍnI* для обозначения референтов-лиц и **O(nI)* для обозначения неличных референтов. Двусложные местоимения, скорее всего, являются по происхождению полными (превокалическими), что же касается кратких форм от **ÍnI*, то в нашем распоряжении лишь местоимения *í* в ибани и калабари, по которым сложно делать выводы о праязыковом состоянии. Формы калабари *árho* изон *ɔsɔmɔ* являются новообразованиями: последнее, по-видимому, родственно существительному *ɔsí* ‘юноша, парень’ и в совокупности с показателем плюралиса выражало значение ‘ребята’ [Williamson, Blench, manuscript: 186].

Уточнённая реконструкция праиджоидных личных местоимений в результате будет выглядеть следующим образом (Табл. 9.2). Формы, которые возможно постулировать только на уровне праязыка иджо (т. е. не имеющие соответствий в дефака), помечены в таблице двумя звёздочками.

Таблица 9.2

	краткие	полные	независ.
1 л. ед. ч.	** <i>à</i> (субъект) * <i>í</i> (объект)	** <i>ÍnI</i>	** <i>ÍrI</i>
2 л. ед. ч.	* <i>Í</i>	** <i>ÍnI</i>	** <i>ÍrI</i>
3 л. ед. ч.	* <i>Ò</i> (м.) * <i>á</i> (ж.)	?	** <i>ÒrI</i> (м.) ** <i>árI</i> (ж.)
1 л. мн. ч.	* <i>wá</i>	** <i>wáminV</i>	* <i>wáminV</i>
2 л. мн. ч.	* <i>Ó</i>	** <i>ÓminV</i>	** <i>ÓminV</i>
3 л. мн. ч.	?	* <i>ÍnÍ</i> (лич.) * <i>ÒnÍ</i> (нелич.)	?

Реконструкция полных форм местоимений, а также генетические и функциональные взаимоотношения между полными и независимыми местоимениями – основные проблемные вопросы реконструкции праиджоидной системы при отсутствии заметных формальных различий между местоимениями близкородственных языков семьи. Легко заметить, что обе разновидности – и полные субъектно-объектные формы, и независимые – реконструируются только для праязыка группы иджо, в то время как в дефака серии местоимений вовсе не различаются. Но даже на уровне праязыка ветви иджо ситуация непроста. Безусловно, синтаксическое употребление субъектных и объектных показателей глагола предполагает более редуцированную форму, нежели формы независимых местоимений – во всех без исключения семьях языков Африки, рассмотренных в настоящей работе, мы наблюдали именно такое соотношение. Однако нельзя исключать обеих вероятностей – редукцию полных местоимений до кратких субъектно-объектных форм либо же создание полных форм с помощью аффиксальных наращений.

Что касается происхождения независимых и полных субъектно-объектных местоимений, то при многочисленных случаях взаимовлияния мы всё же не видим их формального единства: в большинстве языков и большинстве лично-числовых значений они различаются. Более того, это различие подкрепляется и дополнительными языковыми средствами, к примеру в языке калабари независимое местоимение *ɣ̀ɛ̀rɪ* ‘я’ образуется от полной формы объектного местоимения путём добавления суффикса *-rɪ*.

С другой стороны, во множественном числе полные и независимые формы хотя и возводятся к единым праформам, но нигде на синхронном уровне не совпадают. Наиболее логичным будет, с нашей точки зрения, постулировать разные хронологические периоды образования обеих серий. Изначально полные формы личных местоимений использовались для маркирования независимой синтаксической позиции в предложении, преимущественно, видимо, в значении субъекта неглагольного предложения, но в том числе и в значении независимого субъекта или объекта. Впоследствии же образовалась новая оппозиция – между превокалическими и преконсонантными местоимениями, и для маркирования фокуса в наиболее частотных значениях (1–2 л. ед. ч.) была сформирована новая серия форм с показателем фокуса *-rɪ*. Данная морфема и сегодня используется в ряде иджоидных языков для маркирования фокуса и топика, ср. в кирика:

mɪ-ré ‘это то, что...’;

ɪbɪ-ré(ré) ‘это хорошо, что...’ [Sika 1995: 105].

§ 2. Личные показатели в языках догон

Носители догонских языков населяют небольшую область на юго-востоке Республики Мали и севере Буркина-Фасо. Исторически жившие в труднодоступной местности и исповедовавшие весьма закрытые культурные традиции,

догоны в течение столетий считаются несколько загадочным народом в западной литературе и научном сообществе. Это связано с нетривиальной и комплексной космогонической традицией догонов, их разветвлённой и наполненной утончённым символизмом мифологией, обрядностью и отличиями догонов от их соседей в религиозном, культурном, языковом аспектах. Несмотря на то что сегодня догоны живут и в городах, а большинство их отошло от традиционных верований, с момента выхода в свет известной книги М. Гриоля [Griaule 1948] в свет продолжают выходить монографии и статьи, пестрящие самыми удивительными гипотезами об истоках догонского этноса, культуры и языка. Удивительно, но об одном из самых закрытых народов Тропической Африки на Западе издано литературы больше, нежели о многих других, не столь «загадочных».

О языках догон, их генеалогической классификации до недавнего времени также существовали самые различные мнения учёных. Вплоть до 80-х гг. XX в. в лингвистике главенствовала точка зрения о едином языке догонов, имеющем многочисленные диалекты и входящем, согласно обзору [Bendor-Samuel 1971: 152], в состав языковой семьи гур. Однако уже автор указанной работы отмечал, что надёжных лексических связей между языками догон и гур обнаружить не удаётся, а количество сходжений в составе базовой лексики колеблется на уровне примерно 30 % (между языками гур оно достигает существенно более высокого уровня). К 1989 г. более детальные исследования языков догон, с одной стороны, и языков гур – с другой, привнесли в научную африканистику две существенных поправки: во-первых, диалекты догон приобрели статус отдельных языков; во-вторых, догонские языки были выделены из состава гур в отдельную семью [Bendor-Samuel et al. 1989]. В последней работе количество языков догон достигает шести, однако, согласно современной классификации, сегодня их насчитывают не менее двух десятков²⁴⁵.

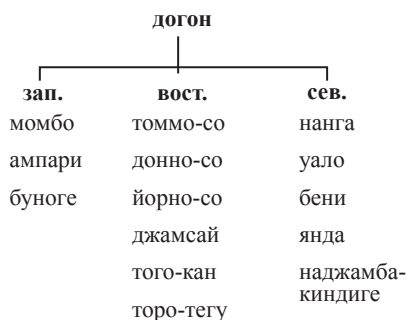
Связи с языками гур, которые ранее заставляли предполагать особую близость между двумя семьями, могут объясняться языковыми контактами – с юга ареал языков догон граничит именно с языками гур. С запада и севера их соседями являются различные языки манде, а также рассеянные по региону небольшие сообщества фульбе – носителей атлантического языка фула (пулаар-фульфульде), некогда ненадолго завоевавших Страну догонов.

Описанием языков догон в течение ряда лет занимается команда Джеффри Хита (<http://www.dogonlanguages.org>), опубликовавшего или подготовившего к печати грамматические очерки целого ряда языков семьи. Дж. Хит, впрочем, ограничивает свою работу дескриптивными целями и принципиально не занимается компаративистикой. Из российских исследователей языки догон, в том числе в сравнительном аспекте, изучает К.Н. Прохоров. Его авторству принадлежит и единственный на сегодняшний день сравнительный обзор местоименных систем в языках догон [Prokhorov 2010], материалы которого будут использованы в настоящем пара-

²⁴⁵ См. <http://www.dogonlanguages.org>

графе. Ему же принадлежит внутренняя классификация языков догон, отражённая на Диаграмме 9.2. Она составлена на основе лексикостатистических данных по четырнадцати идиомам и подтверждает разделение языков семьи на три группы – западную, восточную и северную. Ниже мы попытаемся суммировать и сравнить личные показатели во всех трёх указанных группах языков.

Диаграмма 9.2

Родство языков догон между собой неоспоримо: они представляют собой довольно компактный континуум, смежные языки в котором близки друг другу иногда вплоть до уровня взаимопонимаемости. Анализ стословных списков базовой лексики показывает до 88 % лексических сходжений внутри отдельных групп (нанга и бени), в то время как наиболее удалённые диалекты насчитывают не более 35–40 % сходжений (например, буноге и томо-кан) [Heath et al. 2012].

Языки догон маркируют лицо и число глагольного субъекта в главном предложении преимущественно с помощью связанных или клитических приглагольных показателей. В языках западной группы это в основном префиксы (кроме форм 3 л. мн. ч.), в других группах – суффиксы или энклитики. Синтаксически независимые местоимения используются для маркирования прямого и косвенного объекта, субъекта в некоторых типах зависимых клауз, фокализации и топикализации субъекта или объекта, а также для маркирования подлежащего в неглагольных предложениях, например, в момбо (зап.):

- (123) *ànnà m-màlyèé*
 овца 1SG-видеть.PFV
 ‘Я увидел овцу’;

- (124) *ànnà míí màlyèé*
 овца 1SG видеть.PFV
 ‘Это я увидел овцу’ [Prokhorov 2010].

Восточные и северные языки проводят последовательное разграничение личных и неличных (или одушевлённых / неодушевлённых) форм местоимений 3 л. – по-видимому, это противопоставление должно быть восстановлено для праязыка, но было элиминировано в западной группе, где в 3 л. ед. ч. видим инновационную форму *á, а во мн. ч. обобщена форма *ké, встречающаяся в восточных языках для маркирования неличных референтов. Неличные местоимения, как правило, генетически близки действительным маркерам.

И Дж. Хит [Heath 2008b: 156], и К.Н. Прохоров делают верный вывод о том, что для праязыка семьи логично постулировать первичность независимых местоимений, которые подверглись морфологизации уже на стадии существования отдельных групп языков догон. Об этом говорит разница в выборе позиции для редуцированных субъектных показателей после их клитизации к глагольной словоформе. В абсолютном большинстве языков формы независимых местоимений и неавтономных субъектных маркеров явно имеют единое происхождение. Там же, где они разнятся на лексическом уровне, инновациями необходимо признать именно независимые местоимения, в то время как грамматикализованные связанные маркеры представляют собой архаизмы. Таким образом, местоименная система праязыка догон предстаёт в виде аналитической по своему строю, с использованием независимых местоимений в качестве показателей как субъекта, так и объекта глагола, впрочем с уже заложенной в праязыке тенденцией к грамматикализации по наиболее распространённому сценарию – через клитизацию к связанным (и обычно фонологически редуцированным) маркерам. Видимо, различные языки находятся на различных стадиях этого извечного процесса грамматикализации.

Для языков догон мы должны постулировать две основные синтаксические серии личных показателей. Первую, объединяющую клитики и аффиксы, мы вслед за К.Н. Прохоровым, из чьей работы [Prokhorov 2010] взят материал нижеследующих Таблиц 9.3–9.5, назовём условно «связанной», в отличие от второй, независимой.

Таблица 9.3. Личные показатели в западных языках догон

	момбо		ампар		буноге	
	связ.	независ.	связ.	независ.	связ.	независ.
1 ед.	<i>N-</i>	<i>míí</i>	<i>N-</i>	<i>míí</i>	<i>Ń-</i>	<i>míí</i>
2 ед.	<i>a-</i>	<i>óó</i>	<i>ò-</i>	<i>óó</i>	<i>á-</i>	<i>óó</i>
3 ед.	<i>ø/-né</i>	<i>éé</i>	<i>-ø/á-</i>	<i>ááʔ</i>	–	<i>áá</i>
1 мн.	<i>ʔŃ-</i>	<i>míì</i>	<i>N-</i>	<i>níí</i>	<i>Ń-</i>	<i>éyà</i>
2 мн.	<i>e-</i>	<i>éè</i>	<i>è-</i>	<i>éé</i>	<i>á-</i>	<i>óyà</i>
3 мн.	<i>yV, ké</i>	<i>kéè</i>	<i>yV/ɲV, ke</i>	<i>kéé</i>	<i>-yV</i>	<i>áyà</i>

Таблица 9.4. Личные показатели в восточных языках догон

	джамсай		того-кан		торо-тегу		донно-со		томмо-со		йорно-со	
	независ.	связ.	независ.	независ.	клит.	независ.	связ.	независ.	связ.	независ.	связ.	
1 ед.	<i>mí</i>	<i>m</i>	<i>íí</i>	<i>mí/ mʔí</i>	<i>m̄=</i>	<i>mí</i>	<i>-m</i>	<i>mí</i>	<i>-m</i>	<i>mú</i>	<i>-m</i>	
2 ед.	<i>ú</i>	<i>-w</i>	<i>ú</i>	<i>ú</i>	<i>ú=</i>	<i>ú</i>	<i>-w</i>	<i>ú</i>	<i>-w</i>	<i>ú</i>	<i>-w</i>	
3 ед.						<i>wó</i>	\emptyset	<i>wó</i>	<i>-\emptyset</i>		\emptyset	
3 ед. лич.	<i>wó</i>	<i>-\emptyset</i>	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>=wɔ</i>					<i>wó</i>		
3 ед. нелич.	<i>kó</i>	<i>-\emptyset</i>	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>=kɔ</i>					\emptyset		
1 мн.	<i>émé</i>	<i>-y</i>	<i>émé</i>	<i>í</i>	<i>í=</i>	<i>émmé</i>	<i>-ñ</i>	<i>émmé</i>	<i>-y</i>	<i>émé</i>		
2 мн.	<i>é</i>	<i>-be</i>	<i>é</i>	<i>á</i>	<i>á=</i>	<i>é</i>	<i>-ñ</i>	<i>é</i>	<i>-y</i>	<i>é</i>	<i>-y</i>	
3 мн.						<i>bé</i>	<i>i/iya</i>	<i>bé</i>	<i>-eñ/-in</i>			
3 мн. лич.	<i>bé</i>	<i>ba</i>	<i>bé</i>	<i>bé</i>	<i>=be</i>					<i>bé</i>		
3 мн. нелич.	<i>kó</i>	\emptyset	<i>kó</i>	<i>cé</i> (<i>~ké</i>)	<i>=ce</i>					\emptyset		

Таблица 9.5. Личные показатели в северных языках догон

	наджамба-киндиге		янда		нанга		бени		уало	
	независ.	связ.	независ.	связ.	независ.	клит.	независ.	связ.	независ.	связ.
1 ед.	<i>mí</i>	<i>m</i>	<i>mí</i>	<i>-m</i>	<i>íí</i>	<i>ỳ</i>	<i>í</i>	<i>ỳ</i>	<i>ì</i>	<i>ỳ</i>
2 ед.	<i>ó</i>	<i>-ɔ/-o</i>	<i>ó</i>	<i>-w</i>	<i>ú</i>	<i>w̄</i>	<i>ú</i>	<i>w̄</i>	<i>ú</i>	<i>w̄</i>
3 ед.	<i>mó</i>	<i>-\emptyset</i>	<i>ná</i>	\emptyset			<i>wó</i>	\emptyset	<i>wó</i>	<i>-\emptyset</i>
3 ед. лич.					<i>nné</i>	<i>-\emptyset</i>	<i>éɾ'é</i>	<i>-\emptyset/\w/m̄</i>	<i>kú</i>	<i>-\emptyset</i>
3 ед. нелич.					<i>kiúú</i>	<i>-\emptyset</i>	<i>kú</i>	<i>-\emptyset/\w/m̄</i>	<i>kú</i>	<i>-\emptyset</i>
1 мн.	<i>í</i>	<i>-y</i>	<i>yé</i>	<i>-y</i>	<i>íí</i>	<i>ỳ.:</i>	<i>íí.:</i>	<i>ỳ.:</i>		<i>ỳ.:</i>
2 мн.	<i>é</i>	<i>-e/-e</i>	<i>wó</i>	<i>-y</i>	<i>úú</i>	<i>w̄.:</i>	<i>ú.:</i>	<i>w̄.:</i>	<i>úú</i>	<i>w̄.:</i>
3 мн.	<i>bé</i>	<i>-e/-a</i>	<i>bó</i>	<i>-é</i>						
3 мн. лич.					<i>búú</i>	<i>-ɔ̀/ò/à/ -yà/-ε</i>	<i>búú</i>	<i>-bɔ̀/-(y) a/(y)ε</i>	<i>bú</i>	<i>-bè/-á:/ -yà/-é</i>
3 мн. нелич.					<i>kiúú</i>		<i>kú</i>	<i>-\emptyset/\w/m̄</i>	<i>kú</i>	<i>-\emptyset</i>

Из приведённых данных видно, что личные показатели в языках догон отличаются относительным единообразием и в большинстве случаев не представляют трудности для формальной реконструкции. Предложенная нами реконструированная парадигма для праязыков каждой из групп, а также для праязыка всей семьи приведена в Табл. 9.6.

Таблица 9.6

	зап.	вост.	сев.	догон
1 л. ед. ч.	*mí/*N-	*mí/*-m	*mí	*mí
2 л. ед. ч.	*óó	*ú	*ó/*ú	*ó/*ú
3 л. ед. ч.	*áá	*wó (од.), *kó (неод.)	*ná ? (од.), *kú (неод.)	*kó/*ku (неод.)
1 л. мн. ч.	?	*émé, *í	*íí	?
2 л. мн. ч.	*ee	*é	*é ?	*é ?
3 л. мн. ч.	*ké, *yV	*bé (од.), *kó (неод.)	*bU (од.), *ku (неод.)	*bV/*ya (од.), *kó/*ku (неод.)

В качестве форм праязыка догон мы принимаем лишь те, что могут быть основаны на соответствиях во всех трёх группах языков. Если основываться на таком, весьма строгом подходе, меньше всего сомнений вызывает восстановление форм 1–2 л. ед. ч.

В 1 л. ед. ч. высокотоновая форма независимого местоимения *mí* присутствует в языках всех трёх групп. Иногда она содержит следы фонетических модификаций, например долгая гласная в западных языках, которая присутствует по всей парадигме. В некоторых северных языках губной сонант был элиминирован; можно видеть, как схожий процесс происходит и в того-кан (вост.) *íí*, где выпадение начального сонанта породило назализацию гласной.

Редукция связанных показателей предсказуемо ведёт к образованию форм *m-/-m* (в восточных и северных языках) и далее к формированию гоморганного носового показателя субъекта *Ń-* в языках западной группы. Этот процесс, неоднократно наблюдавшийся нами в языках других семей в предыдущих главах настоящей работы, широко распространён по всей Субсахарской Африке. Тем не менее по причинам, уже описанным выше, мы не склонны реконструировать для праязыка догон связанных показателей.

При отсутствии готовой реконструкции системы прадогонского вокализма мы не можем, к сожалению, установить точное звучание праформы местоимения 2 л. ед. ч. и предполагаем лишь реконструкцию двух вариантов **ó/*ú*. Догонским языкам несвойственна фонема *u*, которая генерирует рефлексы *o/u* в личных показателях, например, языков бенуэ-конго. Сведение двух постулируемых вариантов к единой праформе, таким образом, следует предполагать только после проведения масштабного сопоставления лексического материала различных языков и реконструкции прадогонского вокализма.

Картина становится менее ясной при анализе показателей множественного числа. Во многих западных и восточных языках догон исконные местоимения 1 л. мн. ч. были вытеснены формами, возникшими в результате действия аналогии с соответствующими сингулярными местоимениями. Противопоставление между

двумя граммемами числа выражается в таких языках с помощью замены тона, вокализации и/или префиксального расширения:

момбо (зап.) *míí* ‘я’, *míi* ‘мы’;

джамсай (вост.) *mí* ‘я’, *éme* ‘мы’.

Аналогический процесс выравнивания следует предполагать и для диалектов северной группы, потерявших исконную анлаутную носовую в формах 1 л. ед. ч.: *i* ‘я’, *ii* ‘мы’.

Что же касается исходной формы 1 л. мн. ч., то её реконструкция для праязыка семьи на имеющихся данных не представляется нам возможной. Там, где она неприводна от **mí* ‘я’, её фонемная структура обычно имеет вид V. Для восточных и северных языков вполне надёжно реконструируется **i/*ii*. Из западных лишь один язык ампару использует местоимение структуры CV, именно *nií*, однако генетическая связь между **ii/nií* может быть установлена лишь в том случае, если на множестве лексических примеров будет показано соответствие анлаутного *n-* в ампару нулю в других языках догон (таких, как торо-тегу, наджамба-киндиге, бени и др.).

Теоретически наиболее возможным был бы вариант реконструкции **ni*, палатальная носовая которого отличается в африканских языках заметной неустойчивостью, особенно в грамматически частотных морфемах, какими являются личные показатели. Однако эта гипотеза не выглядит достаточно надёжной. Кроме того, весьма вероятно, что уподобление местоимений 1 л. обоих чисел произошло уже в праязыке, а местоимения современных языков демонстрируют попытки создания между ними новой оппозиции, в том числе с помощью удлинения гласной *i ~ ii* или изменения артикуляции согласной *m ~ n*. Такие случаи, как мы видели в предыдущих главах, в НК языках засвидетельствованы.

Во 2 л. мн. ч. форма *é/ee* характерна для западных и восточных языков, она же фиксируется в наджамба-киндиге (северная группа), на основании чего на уровне праязыка догон можно восстановить форму **é*, предположительно с высоким тоном. Показатели *wó*, *u*, *úù*, *w-* в других идиомах северной группы являются ещё одним из примеров аналогического выравнивания парадигмы: все они генетически близки местоимениям 2 л. ед. ч. *u/o/w-*. Процесс уподобления множественных местоимений сингулярным в этих языках идёт, как можно видеть, в формах всех трёх чисел. Другие примеры аналогического выравнивания включают форму *-be* ‘вы’ в джамсай, ср. *bé* ‘они’. Связанные показатели 1–2 л. мн. ч. в донно-со и томмо-со полностью совпали, оппозиция сохранилась только в формах автономных местоимений.

В 3 л. мы сталкиваемся со значительным многообразием форм личных показателей, которые лишь изредка могут быть сведены к единым праформам в праязыках групп. В западных языках догон предположительная праформа местоимения 3 л. ед. ч. **áá* (ср. наиболее экономично объяснимый переход **áá > ee* в момбо), вероятно, на более раннем этапе обладала признаком назализации, как это наблюдается сегодня в бунгоге: ларингальный призвук в ампару может являться подтверждением этой гипотезы. Назализованная форма может быть родственной

и показателям *-né* (момбо), *-nne* (нанга) и носовым аффиксам 3 л. ед. ч. референтов-лиц в бени.

В восточных языках единой формой для маркирования личных референтов в 3 л. ед. ч. является **wó*, для неличных же без труда восстанавливается **kó*. Последняя форма, вероятно, восходит к праязыку всей семьи, исходя из формы показателя **kú* для неодушевлённых предметов в северных языках. Реконструкция праформы типа **kU* имеет и хорошие внешние параллели; ср. похожие формы, например, в языках убанги (Глава 5) и атлантических (Глава 8). Обе ветви – и восточная, и северная – используют данное местоимение в формах обоих чисел (как это происходит и в убангийских языках). По происхождению оно, по-видимому, является демонстративом, ср. употребление его в томмо-со и бени в качестве анафорического местоимения ‘тот, упомянутый’ [McPherson 2009: 65; Heath 2008a: 58].

В восточных и северных языках происходит выравнивание местоимений 3 л. по числу для неличных / неодушевлённых референтов. Типологически это весьма распространённый феномен, вернее даже было бы говорить об употреблении местоимений единственного числа для маркирования любого количества неодушевлённых референтов. Это явление на первый взгляд нельзя назвать общедогонским, т. к. в языках западной группы проводится чёткое противопоставление между показателями 3 л. обоих чисел. Однако учитывая, что именно западные языки не обладают местоименной оппозицией по категориям личности и одушевлённости, вполне можно предположить, что местоимение **kU* было в западных языках утеряно вместе с грамматической категорией.

Наконец, восточные и северные языки также едины в употреблении показателей референтов-лиц (в северных – одушевлённых) 3 л. мн. ч. *be/ba/bo/bu*, соответствующих хорошо известному НК плюральному аффиксу класса лиц. Другим местоимением этого значения в праязыке являлось **ya*, рефлекс которого обнаруживаются во всех трёх группах языков догон, преимущественно в субъектных суффиксах. В некоторых языках (например, бени) в качестве субъектных суффиксов используется набор алломорфов в зависимости от видовременного значения глагола [Heath 2008a: 128], подобных морфологическим сериям субъектных показателей в языках манде или ква. Скорее всего, исторически эти алломорфы восходят к контаминированным сочетаниям личных и видовременных маркеров, находившихся в соседних позициях перед сказуемым.

Таким образом, для праязыка догон имеет смысл восстанавливать все три формы показателей 3 л.: **bV* и **ya* для одушевлённых (личных) референтов во мн. ч. (их распределение неясно) и **kU* для неличных – в обоих числах.

В целом же, говоря о реконструкции праязыковой системы личных местоимений, в качестве важнейшего препятствия для неё следует назвать действие аналогических процессов в языках догон. Они практически не затронули форм 1–2 л. ед. ч., однако во множественном числе пронизывают парадигмы большого числа рассмотренных нами языков. Весьма вероятно, что по крайней мере некоторые из этих процессов можно отнести и на праязыковой уровень. Тем не менее НК

перспектива догонских местоимений вырисовывается относительно чётко. Формы местоимений 1–2 л. ед. ч., всегда наиболее стабильные в составе парадигмы, весьма близки тем, что мы постулировали для праязыков других НК языковых семей, есть надёжные параллели и у форм показателей 3 л. Можно смело утверждать, что местоименные данные поддерживают отнесение догонских языков к НК макросемье.

В контексте обсуждения личных показателей в языках догон имеет смысл упомянуть небольшой язык северо-восточного Мали, ареал которого граничит с зоной догонских языков. Это банги-ме (или бангери-ме), который различные исследователи называли либо изолятом, либо членом семьи языков догон (доганами считают себя и сами носителями банги-ме). Первые упоминания о банги-ме содержатся ещё в работе [Bertho 1953]. Некоторые данные о личных местоимениях можно найти в неопубликованных трудах [Blench 2005c] и [Hantgan 2010]: эти материалы мы обобщили в Табл. 9.7.

Таблица 9.7

	субъект утв.	субъект отр.	объект	независ.
1 л. ед. ч.	<i>myí</i>	<i>mbé</i>	<i>mi</i> (имперф.), <i>myí</i> (перф.)	<i>mi</i>
2 л. ед. ч.	<i>àw</i>	<i>àbé</i>		<i>àw</i>
3 л. ед. ч.	<i>kaw</i>	<i>kàbé</i>		<i>ka</i>
1 л. мн. ч.	<i>nne</i>	<i>nnèbé</i>	<i>nle</i> (имперф.)	<i>nne</i>
2 л. мн. ч.	<i>ǎw</i>	<i>ǎbé</i>		<i>ǎw</i>
3 л. мн. ч.	<i>nde</i>	<i>ñibé</i>		<i>ni</i>

В объектной серии различаются имперфективные формы (располагаются в предложении перед сказуемым) и перфективные (следуют за ним).

На основании данных таблицы представляется маловероятным отнесение банги-ме к языкам догон, однако их родство на более высоком таксономическом уровне вполне допустимо. Так, местоимения 1–2 л. ед. ч. *mi*, *àw* имеют вполне надёжные параллели в догон (как, в принципе, и в других семьях НК языков). Местоимение 3 л. ед. ч. *ka* можно сравнить с указательными и личными местоимениями *ko*, *ku*, *ke* в догон, а также с местоимениями в атлантических и убангийских языках, восходящих к именному классному префиксу **kU*. В рассмотренных нами языках западной группы – конкретно, в ампаре – функционирует местоимение 1 л. мн. ч. *níí*, сравнимое с формой *nne* в банги-ме, где *-ne* является плюральным маркером. Формы 2 л. мн. ч. явно образованы по аналогии с соответствующими сингулярными местоимениями, с изменением тона на контурный восходящий.

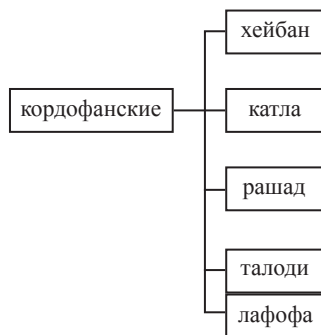
Эти весьма краткие данные сравнения местоименных систем позволяют предположить, что банги-ме и догонские языки имеют единое происхождение.

§ 3. Личные показатели в кордофанских языках

Кордофанские языки до сих пор продолжают оставаться в целом слабо изученными. Почти за два столетия, прошедшие с момента публикации первого списка слов на одном из кордофанских языков [Rüppell 1829], этот кластер, ареал распространения которого ограничен труднодоступными горами Нуба в сердце восточного Судана, так и не был удовлетворительно изучен с лингвистической точки зрения. Между тем именно кордофанские языки, по мнению многих исследователей, являются одним из ключей к классификации НК макросемьи. Дж. Гринберг, первым сравнивший их с другими языковыми Субсахарской Африки, считал кордофанские языки наиболее ранней ветвью НК макросемьи; эта гипотеза выдержала испытание временем, и большинство исследователей по сей день считают кордофанские языки первым ответвлением от НК дендрограммы. Формированию особых фонологических и морфосинтаксических свойств кордофанских языков способствовал географический фактор: в отличие от всех остальных ветвей макросемьи, только кордофанские языки не граничат и не контактируют ни с одним другим НК языком, будучи окружёнными языками других макросемей.

Ныне признанная классификация кордофанской семьи делит двадцать четыре её языка на четыре ветви: хейбан (10 языков), катла (2 языка), рашад (3 языка) и талоди (9 языков). Это распределение (Диаграмма 9.2) было предложено ещё в работе [MacDiarmid, MacDiarmid 1931] на основе весьма предварительных данных. Однако и сегодня лингвистические описания – разной степени адекватности – существуют не более чем по семи-восьми языкам (см. обзор в докладе [Quint 2006]), так что суждения о классификации вынуждены во многом основываться на списках слов и обрывочных сведениях о грамматике. В результате исследователи обычно не рискуют уходить вглубь этой предварительной картины.

Диаграмма 9.2

В последнее время всё больше аргументов появляется для выделения языка лафофа (тегем), ранее относимого к группе талоди, в качестве изолированного. В то же время относительно генетической принадлежности языков катла существ-

вуют сильные сомнения – при этом материала, чтобы их разрешить, в распоряжении исследователей до сих пор нет [Quint 2006]. Другие версии внутренней классификации, появляющиеся время от времени в литературе и докладах на научных форумах, не находят убедительных подтверждений.

Ещё более шатким является положение кордофанских языков в составе нигер-конго. Так, авторы работы [Bennett, Sterk 1977] вообще не видели оснований включать кордофанскую семью в состав НК макросемьи, хотя склонны были предполагать некоторое очень отдалённое родство между ними. Однако исследования последних десятилетий показали, что грамматические данные могут пролить дополнительный свет на данный вопрос, – так, Т. Шадеберг много исследовал системы именных классов в кордофанских языках и убедительно показал их соответствие с системой классных маркеров языков банту как по форме, так и по семантике [Schadeberg 1981a; 1989; 2011].

Аналогичное сравнение местоименных систем также способно дать любопытные результаты с учётом того, что ранее местоимения в кордофанских языках практически не исследовались. Тот же Т. Шадеберг посвятил местоимениям часть своей двухтомной монографии [Schadeberg 1981a; 1981b] – на сегодняшний день единственного надёжного сравнительного исследования кордофанских языков в мировой литературе. Некоторое количество местоименных показателей единственного числа приведено в работе [Greenberg 1963]. Именно из этих двух источников взята большая часть материала Табл. 9.8, суммирующей формы личных показателей языков кордофанской семьи. Формы языка моро взяты из работы [Black, Black 1971], языка тагой – из совместной монографии [Schadeberg, Elias 1979]. Названия групп даны в скобках после имени каждого языка следующими аббревиатурами:

- X хейбан;
- К катла;
- Р рашад;
- Т талоди.

Таблица 9.8

	субъект	объект	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
ко (X)				<i>ɨni</i>
варнанг (X)				<i>ʒɨni</i>
хейбан (X)	<i>ɨni-</i>	<i>-ɨni-</i>	<i>-ɨni, -ɛri</i>	<i>ɨni</i>
ларо (X)				<i>ɛɨ</i>
логол (X)			<i>-ɛɛri</i>	<i>gwééni</i>
оторо (X)	<i>i-, -ɨni, -i</i>	<i>-ɨi-, -ɨni</i>	<i>-ɨni, -i</i>	<i>ɨi, ɨni, i</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
коалиб (X)	<i>ni</i>	<i>ndɛwɔ</i>	<i>-ɛni, -ari</i>	<i>ni</i>
шваи (X)			<i>-eri</i>	<i>ni</i>
мороз (X)	<i>i-</i>	<i>-ni</i>	<i>-lɛtɛni, -ɛgɛni, -ɛni</i>	<i>igɛnɛ-ni, ɛni</i>
тира (X)	<i>ni/i-/e-/y-</i> (перф.), <i>in</i> (имп.)	<i>-ni-</i>	<i>-eni</i>	<i>ani-ni, in</i>
тегали (P)				<i>ni, nigi</i>
тагой (P)	<i>y-</i>	<i>ad-</i>	<i>-irɛni</i>	<i>yi-gɛni, ni</i>
талоди (T)			<i>N-..i</i>	<i>ni-ɛ</i>
ндинг (T)	<i>ni-</i>		<i>-i(ni)</i>	<i>a-ni, a-ni</i>
нгиле (T)			<i>-i</i>	<i>ɛni-ni</i>
точо (T)				<i>wini</i>
денгебу (T)			<i>ii-..i</i>	<i>ɛ-ni</i>
лафофа (T)			<i>i-N-</i>	<i>niɛ-ni, niɛ-ni</i>
2 л. ед. ч.				
ко (X)				<i>niwɔ</i>
варнанг (X)				<i>niwɔ</i>
хейбан (X)	<i>ni-</i>	<i>-ni-</i>	<i>-aɛɛ, -ni</i>	<i>ni</i>
ларо (X)				<i>ni</i>
логол (X)			<i>-aalu</i>	<i>ni</i>
оторо (X)	<i>ni-, -ni, -o, -a</i>	<i>-ni-, -ni</i>	<i>-ni, -niwɔ, -a</i>	<i>ni, a, ni</i>
коалиб (X)	<i>ni</i>	<i>niɛwɔ</i>	<i>-alu, -ni</i>	<i>ni</i>
шваи (X)			<i>-alɛ</i>	<i>ni</i>
мороз (X)	<i>a-</i>	<i>-ni</i>	<i>-aɛɛ, -agɛni</i>	<i>agɛnɛ-ni, ni</i>
тира (X)	<i>ni, a-, ni</i>	<i>-ni-</i>	<i>-o</i>	<i>ni, a-ni</i>
катла (K)				<i>ni</i>
тима (K)				<i>ni</i>
тегали (P)				<i>ni</i>
тагой (P)	<i>w-</i>	<i>ni-</i>	<i>-irɛni</i>	<i>ni-gɛni, ni-gɛni, ni, ni</i>
талоди (T)			<i>N-..a</i>	<i>ni-ɛ, ni</i>
ндинг (T)			<i>-a(ni)</i>	<i>a-ni, a-ni</i>
нгиле (T)			<i>-a</i>	<i>ɛni-ni</i>
точо (T)				<i>ni</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
денгебу (Т)			<i>ii-..-a</i>	<i>ó-ηa</i>
лафофа (Т)			<i>ɔ-N-</i>	<i>ηo-jí</i>
3 л. ед. ч.				
ко (X)				<i>wá</i>
варнанг (X)				<i>ηane</i>
хейбан (X)	<i>ηwu-</i>	<i>-uηwu-</i>	<i>-en</i>	<i>ηeda, ηinda</i>
ларо (X)				<i>ηinde</i>
логол (X)			<i>-in</i>	<i>góónu</i>
оторо (X)				<i>ηún, ηu</i>
коалиб (X)			<i>-in</i>	<i>ηóndu</i>
шваи (X)			<i>-en</i>	<i>ηu</i>
моро (X)			<i>-één</i>	<i>ήηú</i>
тира (X)				<i>ήηu</i>
катла (К)				<i>ηu</i>
тегали (Р)				<i>ηgo</i>
тагой (Р)	<i>θ-</i>	<i>θ-/i- ?</i>	<i>-ùrúŋ</i>	<i>tù-gáŋ, ηgu</i>
талоди (Т)			<i>N-..-u</i>	<i>ηó-k</i>
ндинг (Т)				<i>a-ηo</i>
точо (Т)				<i>ηóɔk</i>
денгебу (Т)			<i>ii-..-ɔ</i>	<i>ó-ηɔ</i>
лафофа (Т)			<i>ε-N- ?</i>	<i>cáboɔ-jí</i>
1 л. мн. ч.				
ко (X)				<i>írí</i> (и.), <i>iná</i> (э.)
варнанг (X)				<i>iná</i> (дв.), <i>ínan</i>
хейбан (X)	<i>ana-</i> (э.), <i>al-</i> (и.)	<i>ji-, -iji-</i>	<i>-ega</i> (и.), <i>-uri</i> (э.)	<i>daana</i> (дв.), <i>alŋa</i> (и.), <i>áanána</i> (э.)
ларо (X)				<i>aláána</i>
логол (X)				<i>náána</i>
оторо (X)	<i>ana-</i>	<i>-iji-, -ije</i>	<i>-age</i> (и.), <i>-ɔri</i> (э.)	<i>naa-ge/liŋo</i> (и.), <i>peri/anana</i> (э.)
коалиб (X)	<i>ŋíŋá</i>	<i>ŋòŋwócé</i>	<i>-árí</i>	<i>ŋíŋa, ŋíŋá</i>
шваи (X)				<i>áanána</i> (э. м.), <i>áálána</i> (э. ж.), <i>áanáŋar</i> (и. м.), <i>áálánaŋar</i> (и. ж.)

	субъект	объект	притяжат.	независ.
моро (X)	<i>lə-</i> (дв., мн. и.), <i>na-</i> (мн. э.)	<i>-əndr</i> (и.), <i>-ənde</i> (э.)	<i>-gəndr/-ainəndr</i> (и.), <i>-gaijn/-aijnanda</i> (э.)	<i>léélóŋ</i> (дв.), <i>néndr/ləndr</i> (и.), <i>nándá</i> (э.)
тира (X)	<i>na</i>	<i>-nare</i>	<i>-ai</i>	<i>illi</i> (дв. и.), <i>ina</i> (дв. э.), <i>illir</i> (мн. и.), <i>inaní</i> (мн. э.)
тагой (P)	<i>n-</i>	<i>àníŋg(i)-</i>	<i>-irín</i>	<i>nì-gəŋ</i>
талоди (T)				<i>ŋóó-ŋi</i>
ндинг (T)			<i>-arik</i>	<i>aarík</i> (и.)
нгиле (T)				<i>úŋŋí</i>
точо (T)				<i>ŋiiŋ</i> (дв.), <i>wíiŋ</i> (мн.)
денгебу (T)				<i>əŋíndóká</i> (и.), <i>ó-ŋóóni</i> (э.)
лафофа (T)	<i>ya'eji</i>			<i>yéé-ji</i>
2 л. мн. ч.				
ко (X)				<i>ŋé</i>
варнанг (X)				<i>únaŋ</i>
хейбан (X)	<i>na-, -ana-</i>	<i>ŋaji-, -a(i)ji-,</i> <i>-aje</i>	<i>-alo</i>	<i>ŋáána, ŋaana</i>
ларо (X)				<i>ŋáána</i>
логол (X)				<i>ŋáána</i>
оторо (X)	<i>na-, -ana</i>	<i>-aji, -aje</i>	<i>-aló</i>	<i>naa-lu, naŋa</i>
коалиб (X)	<i>ŋána</i>	<i>ŋàŋwócé</i>	<i>-áló</i>	<i>ŋaana, ŋána</i>
шваи (X)				<i>ŋáána</i>
моро (X)	<i>na-</i>	<i>-ənde</i>	<i>-galo, -alanda</i>	<i>ŋáŋ, ŋulu</i>
тира (X)	<i>na</i>	<i>-te</i>	<i>-alo</i>	<i>ani-na, ínálón</i> (и.), <i>ínánún</i> (э.)
тагой (P)	<i>ŋ-</i>	<i>núŋg(i)-</i>	<i>-irón</i>	<i>nò-gəŋ, nò-gón</i>
талоди (T)				<i>ŋóó-nó</i>
нгиле (T)			<i>-o</i>	<i>óŋ-ŋó</i>
точо (T)				<i>owíóŋ</i>
денгебу (T)				<i>ó-ŋóónó</i>
лафофа (T)				<i>o-ji, oó-ji</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
3 л. мн. ч.				
ко (X)				<i>lá</i>
варнанг (X)				<i>unane</i>
хейбан (X)				<i>ɣediŋa, ɣindáŋá</i>
ларо (X)				<i>ɣindenjá</i>
логол (X)				<i>j-, l-óonu</i>
оторо (X)				<i>ɣaa-gen</i>
коалиб (X)				<i>ɣúnduŋa</i>
шваи (X)				<i>ɣááŋu</i>
моро (X)				<i>ɣɣúlu</i>
тира (X)				<i>ɣɣúl</i>
тагой (P)	<i>t-</i>	<i>níŋ(i)-</i>	<i>-irén</i>	<i>nè-gón</i>
талоди (T)				<i>ɣêŋ</i>
нгиле (T)			<i>-ɛ</i>	<i>óŋ-ɣɛ</i>
денгебу (T)				<i>óó-ɣɛ</i>
лафофа (T)				<i>ɣáwɔ-ɣí</i>

В нашем распоряжении, к сожалению, мало материала, позволившего бы сделать надёжный сопоставительный анализ местоимений различных серий или хотя бы постулировать набор таких серий для отдельных языков. Белыми пятнами остаются некоторые языки групп рашад и катла. Тем не менее таблица позволяет сделать следующие наблюдения в целом о местоименных системах кордофанских языков.

1. Кордофанские языки по своему грамматическому строю флективны, так что значение глагольного субъекта, как правило, выражается префиксом. В ряде языков в значении немаркированного субъекта глагола может выступать также автономное местоимение, однако чаще всего оно употребляется только в значениях фокуса/топика субъекта или подлежащего неглагольного предложения.

2. Объектные показатели являются аффиксальными и преимущественно следуют за глагольной основой, однако в некоторых языках могут предшествовать ей.

3. Именные показатели притяжательности повсеместно суффиксальны, в некоторых языках талоди – циркумфиксальны.

4. Местоимения независимой серии синтаксически автономны и могут образовывать высказывание. По своей структуре они представляют собой композиции из нескольких морфем, при этом собственно элемент, маркирующий лицо и число, располагается в конце такого композитного показателя (кроме тагой и лафофа, где он, напротив, занимает префиксальную позицию). Прочие составные элементы композитных местоимений выражают значения фокуса и/или топика и употребля-

ются либо по всей парадигме, либо во всех формах одного числа. В качестве таких морфем выделяются:

- моро *VgVnə-* (1–2 л. ед. ч.);
- тира *anV-* (1–2 л. ед. ч., 2 л. мн. ч.);
- тагой *-gəŋ, -gəŋ;*
- талоди *ŋʒ(ə)-;*
- ндинг *a-* (1–2 л. ед. ч.);
- нгиле *əŋ-/uŋ-*;
- денгебу *ə-* (ед. ч., 3 л. мн. ч.), *əŋə-* (1–2 л. мн. ч.);
- лафофа *-jɪ.*

Т. Шадеберг реконструирует на уровне праязыка талоди фокусирующую морфему **ŋə-*, и мы склонны согласиться с его мнением; более того, есть возможность сопоставить её с формами таких морфем в моро (группа хейбан) и тагой (группа рашад), предположив в итоге пракордофанский маркер независимых местоимений **ŋə/*gə*. В тагой его рефлекс выступает суффиксально, что позволяет предполагать, что в праязыке данная морфема ещё обладала автономным статусом. Исходные личные показатели в кордофанском праязыке, следовательно, должны рассматриваться без неё.

5. Значения расширенного 1 л. наиболее характерны для языков группы хейбан. Для праязыка группы можно предполагать существование противопоставления инклюзивного и эксклюзивного местоимений, а возможно, также местоимения двойственного числа. В группе талоди такие значения чётко выражены лишь в точо (где есть противопоставление дуалиса и плюралиса) и денгебу (где зафиксирована категория клюзивности).

Таблица 9.9

	хейбан	талоди	катла	рашад	кордофан.
1 л. ед. ч.	<i>*ŋi-</i> <i>*-ari</i> (притяжат.)	<i>*-ŋi</i> <i>*-i</i> (притяжат.)		<i>ŋi, yì-</i>	<i>*ŋi/*ŋi</i>
2 л. ед. ч.	<i>*ŋa-</i> <i>*-alo</i> (притяжат.)	<i>*-ŋa</i> <i>*-a</i> (притяжат.)	<i>ŋaŋ</i>	<i>ŋO, ə-</i>	<i>*(ŋ)a/*(ŋ)O</i>
3 л. ед. ч.	<i>*ŋu-</i> <i>*-en</i> (притяжат.)	<i>*-o(g)</i> <i>*-u</i> (притяжат.)	<i>ŋu</i>	<i>ŋu, tì-</i>	<i>*(ŋ)u ?</i>
1 л. мн. ч.	<i>*-r(i)-</i> (и.), <i>*-n(a)-</i> (э.)	<i>*-ri</i> (и.), <i>*-ni</i> (э.)		<i>nì-</i>	<i>*-ri</i> (и.) <i>*-ni</i> (э.)
2 л. мн. ч.	<i>*ŋa-</i> <i>*-alO</i> (притяжат.)	<i>*-no</i>		<i>nə-</i>	<i>*nO</i>
3 л. мн. ч.		<i>*(ŋ)e</i>		<i>nè-</i>	<i>*ŋE</i>

Реконструкции Т. Шадеберга [Schadeberg 1981a; 1981b] приведены в адаптированном виде в нижеследующей Табл. 9.9. В целях сравнения даны также личные

показатели в составе автономных композитных местоимений в тагой (группа рашад) и для сравнения – известные нам два местоимения языков группы катла. Реконструкция кордофанских местоимений в крайне правом столбце предложена нами.

В качестве базовых значений при реконструкции взяты субъектные префиксы и притяжательные суффиксы в языках хейбан и талоди, а также показатели лица в составе композитных независимых местоимений в языках талоди и рашад. Это позволяет уйти от сравнения нерелевантных элементов сложных форм, являющихся, как установлено выше, результатом слияния собственно личных показателей с различными фокализаторами.

Представленная в таблице картина в целом наглядно демонстрирует довольно близкое родство кордофанских языков между собой и хорошую возможность реконструкции форм пракордофанских личных показателей. Притяжательные суффиксы, в языках групп хейбан и талоди существенно отличающиеся по своему облику от субъектных показателей, также могут пролить дополнительный свет на реконструкцию. Хорошо видно, в частности, что в языках хейбан посессивные суффиксы состоят из постоянного маркера притяжательности *-al/-ar-* и личного показателя, редуцированного до формы структуры V. Такую же редуцированную структуру имеют посессивные суффиксы в языках талоди.

Личные показатели кордофанского праязыка целесообразно восстанавливать в виде автономных или клитических местоимений. На это, в частности, указывают соответствия между префиксами в хейбан и суффиксами в талоди: потеря ими автономного статуса должна была происходить независимо друг от друга уже после распада праязыкового единства.

В 1 л. ед. ч. единообразии форм в языках групп хейбан и талоди указывает на возможность реконструкции пракордофанской формы **ni/*ŋi*, которая могла подвергнуться деназализации в некоторых говорах языка тагой, отсюда *yi-* в материалах Т. Шадеберга и Ф. Элиаса, однако *ŋi* в работе Дж. Гринберга (источник которой не указан). Палатальный характер анлаутного сонанта вполне может являться результатом реализации велярной фонемы **ŋ-* перед передней гласной: в других формах парадигмы повсюду видим **ŋ-*.

Весьма любопытным является сравнение кордофанского **ni* с **mi* других НК языков. Дж. Гринберг устанавливает вполне регулярное соответствие между кордофанскими неогублёнными носовыми и НК **m*, приводя в качестве обоснований префиксы нескольких именных классов, в частности именного класса массы / жидкости: кордофан. **ŋw-* vs. НК **ma/*mu* [Greenberg 1963: 150–151; Meeussen 1967: 97; Manessy 1975: 122–123; Поздняков 1993: 176]), а также лексему со значением ‘язык’: НК *leme, lema, lima, lembe* vs. кордофан. *loŋe, lianji, liŋ, liŋala* [Greenberg 1963: 23, 159]. Вернёмся к обсуждению этого вопроса чуть ниже.

Показатели 2 л. заставляют предположить варианты реконструкции **ŋa* и **ŋo*. Последний поддерживается посессивным суффиксом **-al-o* (мы бы скорее предположили **-al-O*, учитывая разброс рефлексов *o/ɔ*) в языках хейбан, где собственно

личным элементом является *-O*, а также формами с заднерядной гласной в языках рашад. Вместе с тем местоимения в талоди, катла и субъектные префиксы в хейбан предполагают праформу **ya*. В любом случае, реконструкция кажется вполне многообещающей, учитывая целый ряд вероятных внешних соответствий, ср. формы **mo/*mi* в сенуфо, адамауа, убангийских, южноатлантических языках, некоторых языках гур. При этом распространение начальной велярной носовой на всю парадигму в кордофанских языках вполне может быть и продуктом аналогии; если так, то соответствие между **o/*ɔ* и НК **O/*U* также весьма перспективно.

В этом же ключе можно анализировать и показатели 3 л. ед. ч., восходящие в кордофанских языках, по-видимому, к **yi* или **i*. Именно **u/*o/*o* обычно реконструируют как сингулярный именной аффикс класса лиц в НК языках, выполняющий также функцию местоимения 3 л. ед. ч. для референтов-лиц (ср. банту **o-* [Nurse 2007: 377], юж.-атл. **o/*ɔ*, фула-сереер **ʔo* [Поздняков 1993: 177], отивольта **o-* [Manessy 1975: 81]). Местоимения 3 л. ед. ч., сходные с этой формой, мы реконструировали выше и в языках кру **ɔ*, и в иджоидных **ɔ*.

Местоимения 1 л. мн. ч. позволяют предположить две возможные праформы: **ri* и **ni*. Различие между ними в праязыке, как и в современных нам языках групп хейбан и талоди, может лежать в сфере категории клязивности. В этом случае инклюзивное местоимение **ri* можно сопоставить с **ti* в других НК языках (бенуэ-конго, гур, убанги, некоторых атлантических). Помимо того что соответствие между глухой зубной и дрожащей фонемами вполне типично для Субсахарской Африки, нужно учитывать форму **ri* в талоди, фонетически более близкую **ti*.

Во 2 л. мн. ч. следует реконструировать варианты **no/*nɔ*, которые хорошо соотносятся с показателями в других НК языках. На вокализм субъектного префикса в хейбан могли повлиять близкие по значению формы 2 л. ед. ч.

Наконец, в 3 л. мн. ч. есть возможность реконструировать местоимения **ye* или **ɛ*, однако об этих формах мало что можно сказать наверняка из-за отсутствия материала по языкам групп катла и рашад. Следует заметить, что кордофанские языки не обнаруживают никаких соответствий известному НК аффиксу плюрального именного класса лиц **ba*, который во многих рассмотренных нами выше языках послужил источником происхождения местоимения 3 л. мн. ч. В языках хейбан в его функции используются рефлекс плюрального классного префикса **l-* (от которого образованы и местоимения 3 л. мн. ч. в нескольких языках группы), в рашад и талоди – **y-* [Schadeberg 2011].

В заключение этого краткого анализа можно сделать вывод, что система личных показателей кордофанских языков не утратила свидетельств своих генетических связей с другими языками НК макросемьи на парадигматическом уровне и родство между ними на местоименном материале вполне подтверждается.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НИГЕРО-КОНГОЛЕЗСКОЙ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В предшествующих главах были рассмотрены детально, насколько это было возможно, системы маркирования лица, функционирующие во всех семьях языков, относимых к НК макросемье. Проведённый нами обзор по охвату языков (более 650) является на сегодняшний день единственным исследованием такого рода в научной литературе. Как было заявлено во Введении, целью такого обзора является проведение опыта системной ступенчатой реконструкции парадигм личных показателей на уровне групп и семей НК языков с тем, чтобы по его итогам приблизиться к разрешению основополагающей проблемы настоящего исследования: могут ли реконструированные парадигмы уровня языковых семей иметь генетическое происхождение из единого источника? Другими словами, даёт ли местоименная система, одна из наиболее стабильных подсистем морфологии языка, возможность подтвердить фундаментальную гипотезу В. Блика, Д. Вестермана и Дж. Гринберга о едином происхождении НК языков?

Генеалогическая структура НК макросемьи языков, принятая на сегодняшний день и отражённая в виде дендрограммы в Предисловии (Диаграмма 3), выделяет в качестве основного ядра языки, обычно именуемые вольта-конголезскими (англ. *Volta-Congo*, далее ВК). В это понятие включают языки семей бенуэ-конго, гур (вместе с сенуфо), ква, кру, адамауа и убанги. Предполагается при этом, что ВК языки сформировались после распада единого языка-предка, представляющего собой основной «ствол» языкового древа нигер-конго после отделения от него таких ветвей, как кордофанские, атлантические, манде, догонские и идждоидные языки. Именно эти пять объединений представляют собой, согласно современным представлениям, древнейшие ответвления НК макросемьи, возраст которых должен превышать 7 000–8 000 лет.

Принимая во внимание столь почтенный возраст, значительно сложнее говорить о сохранении устойчивых парадигматических сходств в любой грамматической подсистеме, в том числе и в системе личных показателей. Любые сходства сверхкоротких морфем могут оказаться результатом совпадения, имеющего случай-

ный или типологически обусловленный характер (ср. известный тезис об универсальном предпочтении носовых сонантов в личных местоимениях 1–2 л. [Nichols, Peterson 1996; Campbell 1997]). Кроме того, при отсутствии разработанных систем регулярных фонетических соответствий любая гипотеза родства отдельных форм на столь глубоком хронологическом уровне может быть справедливо воспринята как спекуляция, каких в африканистике известно уже немало.

Оценивая эти соображения, было решено сделать попытку реконструировать основы системы личных показателей ВК уровня, после чего сравнить с ним последовательно системы, восстановленные нами для наиболее древних ветвей НК макросемьи в Главах 7 и 9: манде, иджоидной, догонской и кордофанской.

В качестве единственного исключения здесь выступают языки атлантической общности, рассмотренные нами в Главе 8. Отнесение данной общности к наиболее хронологически глубоким семьям языков нигер-конго представляется неоправданным по двум соображениям. Прежде всего, как мы констатировали в Главе 8, оснований для выделения атлантической семьи языков как единого объединения по генетическому принципу недостаточно ни на лексическом, ни на грамматическом уровне, и анализ систем личных показателей подтверждает эту точку зрения, выдвинутую ещё в середине XX в. Несомненно, именно глубокие несоответствия между языками различных групп атлантической общности вынуждали исследователей «выносить» эту общность к самым корням НК дендрограммы. Ведь статистический анализ лексики языков двух различных семей макросемьи установит в качестве их общего предка именно праязык макросемьи, к хронологическому уровню которого будет восходить их родство. В то же время – и это второе соображение – материал Главы 8 показывает, что существуют парадигматические связи между языками различных атлантических групп, с одной стороны, и другими ВК языками – с другой: между бак и банту, между южноатлантическими и адамау-убанги и т. д. И связи эти на местоименном материале (а возможно, и на лексическом, см. обзор источников в Главе 8) подчас значительно более очевидны, чем связи между собственно атлантическими языками. Вывод, который мы должны сделать, заключается в том, что как минимум две группы атлантических языков – бак и южноатлантическая, а возможно, и другие – могут относиться к ВК языкам. Именно поэтому материал атлантических языков будет нами использован в настоящей главе при построении реконструкции личных местоимений ВК уровня.

Для последующего сравнения с получившимися результатами реконструкции будут привлечены языки семей догон, манде, иджоидной и кордофанской.

§ 1. Реконструкция вольта-конголезской системы личных местоимений

Выполнив реконструкцию систем личного маркирования в праязыках нескольких семей, относимых к НК, в данном параграфе мы ставим своей задачей выход на следующую хронологическую ступень реконструкции, чтобы посредством

сравнительного анализа данных как праязыков, так и живых и засвидетельствованных языков различных семей попытаться обосновать их генетическое родство и происхождение из единого языка-предка.

Таблица 10.1

языки \ модели	$(V)mI$	N	NV
банту	$*(\dot{V})me$		$*n(i)-$
бантоидные	$*me$	$*N=$	
кроссривер	$*(\grave{a})mI$	$*N-$	
центр.-нигер.	$*(a)mI/*(a)me$	$*N=$	
эдоидные	$*m^hI/*m^h\epsilon$		
йорубоидные	$*(a)mI$	$*m$	
игбоидные	$*amI$	$*m$	
нупоидные	$*(\dot{V})mi$		
идомоидные	$*(\dot{V})mi$	$*\grave{m}-$	
ква	$*(V)mE/*(V)mi$	$*m=$	
гур	$*mI/*ma$	$*\dot{N}-$	
сенуфо	$*mi$		
адамауа	$*mi, *ami$		
убанги	$*mi$		
кру		$*\dot{N}(\acute{I})/*\acute{I}$	
бак			$*(n)i-$
юж.-атл.	$*mi$		
чангин	$*mi$		
тенда	$*m\epsilon/*mi/*ma$		
фула-сереер	$*mi$		
ньюн-буй	$*me-/*ma-$		
биджого			$*nV-$

Результатом такого анализа должна быть не только реконструкция формальной парадигмы личных показателей в НК праязыке, но и восстановление максимально детальной синтаксической структуры функционирования такой парадигмы в праязыковой системе, её взаимодействия с другими подсистемами морфосинтаксиса. Необходимо будет ответить на вопросы о количестве серий личных показателей в праязыке, их грамматических значениях, о синтаксической роли личных показателей в клаузе, в именной и глагольной словоформе по критериям автономности / связанности. Учитывая особенности местоименных систем в рассмотрен-

ных нами НК языках, важно также определить взаимоотношения между грамматическими подсистемами показателей лица и именного класса.

Не менее важным будет проверить возможность реконструкции инвентаря вспомогательных морфем, участвовавших в формировании личных показателей, в том числе широко распространённых в НК языках маркеров именной ассоциативности (в составе притяжательных местоимений) и фокуса / топики (в составе независимых местоимений), маркеров различных видовременных значений глагола в составе субъектных показателей. Этот вопрос будет также рассмотрен ниже, после обсуждения формальной реконструкции личных показателей.

Отдельной, но не менее интересной задачей становится восстановление путей развития показателей лица от праязыковой системы к системам праязыков отдельных семей и ныне существующих языков. Наша цель, заявленная во Введении к настоящей работе, таким образом, далеко выходит за рамки восстановления собственно форм личных местоимений как лексико-морфологических единиц, что присуще многим работам по реконструкции праязыковых местоимений. Тем не менее, конечно, исходной точкой будет именно реконструкция основных форм и значений участников парадигмы.

В Табл. 10.1 приведены формы показателей 1 л. ед. ч. в праязыках основных семей и групп ВК общности, проанализированных в ходе настоящего исследования. Каждой фонетической модели, вне зависимости от её происхождения, в таблице соответствует отдельный столбец.

Как мы видим, для значения 1 л. ед. ч. в праязыках семей можно выделить лишь три модели, одну из которых условно можно обозначить как *mI* (с некоторой переднерядной гласной), вторую, несколько менее распространённую, как *N* (слоговая носовая согласная), третью – как *NI*, где качество сонанта варьирует между зубной и палатальной артикуляцией. Так как все три присутствуют в нескольких семьях языков, логично рассматривать их как варианты реконструкции праязыкового показателя 1 л. ед. ч. Попробуем прокомментировать каждый из трёх вариантов.

Для первого из них необходимо отметить относительную стабильность вокализма, который, как правило, более консонантизма подвержен волатильности в процессе диахронического развития языка. Переднерядный характер праязыковой гласной **mI* восстанавливается вполне надёжно. Несмотря на то что в отдельных семьях на синхронном уровне встречаются и другие гласные, – находим здесь формы *mo*, *mɔ*, *mi*, *mɔ*, – они не возводятся к праязыкам семей и групп языков. В некоторых группах наравне с переднерядным реконструируется вариант **ma*, – так в языках гур, тенда, ньюн-буй. В первом из этих трёх случаев, как показано в Главе 4, речь должна идти о праязыковом вокалическом варьировании, имеющем, вероятно, фонологический статус. В языках тенда на прауровне вовсе не может быть восстановлен вокализм, в связи с различием гласных в двух подгруппах языков – басари-бедик **mE*- и джаад-биафада **ma*-. При этом в третьей ветви языков тенда, а именно языке коньяги, видим *mí*, что должно являться аргументом при реконструкции именно переднерядной гласной на уровне праязыка всей

группы (если тенда вообще можно считать единой группой языков). В языках группы ньюн-буй гласная **-a-* является показателем субъектного значения, в то время как в объектных сериях функционирует форма **me*. Такое же вокалическое чередование здесь функционирует и во 2 л. ед. ч.

Таким образом, повсюду, где на праязыковом уровне реконструируется вокализм **a*, есть возможность показать его диалектный и/или позиционно обусловленный характер. Наименее противоречивой инвариантной моделью, возводимой к НК праязыку, остаётся **mI*. Для более точной характеристики праязыковой гласной фонемы требуется понять, была ли она узкой **i/*ɪ* или более широкой **e/*ɛ*. Однако в отсутствие восстановленной системы регулярных фонетических соответствий это задача вряд ли достижима или, по крайней мере, вряд ли может быть надёжно обоснована. Мы не можем даже сказать, обладал ли ВК праязык категорией \pm ATR, в соответствии с которой различаются указанные пары гласных фонем во многих современных языках. Материал «массовых сравнений», приводимых Дж. Гринбергом [Greenberg 1963: 13–24], если мы допустим, что он действительно показывает соотношение родственных лексем, показывает многочисленные вариации между соответствиями *i – e – ɛ* по различным языкам (фонему *ɪ* Гринберг чаще всего игнорирует). Если же опираться на наиболее распространённый вариант вокализации, то реконструкция **mi* кажется наиболее предпочтительной. Весьма возможно, что перебой между *i/e* (но довольно редко *ɛ*) может отражать праязыковую гармонию гласных по признаку \pm ATR, – в этом случае реконструкция должна выглядеть как **mi/*mi* или, в инвариантной форме, **mI*. Именно в таком виде мы будем её постулировать в дальнейшем.

Необходимо отметить, что такая реконструкция не является пионерской. Именно в виде **mi* восстанавливал для «западно-суданского» праязыка личное местоимение 1 л. ед. ч. Д. Вестерман [Westermann 1927], а позже для «западно-негритянского» (англ. *West Nigritic*) – Г. Мукаровский [Mukarovsky 1976–1977]. Их реконструкции, однако, опирались лишь на эмпирическое восприятие материала – сегодня мы можем подтвердить их выводы на основании более или менее строгого анализа фактов в сравнительной перспективе.

Форма **N*, в виде гоморганной носовой морфемы, реконструируется для целого ряда крупных ветвей НК языковдовольно надёжно. В абсолютном большинстве из них показатели вида *N* выражают значение глагольного субъекта и являются связанными или проклитическими морфемами в пределах глагольной словоформы. В большинстве языков форма *N* сопутствует рефлексу **mI* – они маркируют различные синтаксические серии в рамках единой парадигмы. Более того, выше было показано, что показатель *N-/N=* сразу в нескольких языковых семьях по своему происхождению является редуцированной формой **mI*. Это даёт нам основания объединить обе формы и на уровне ВК праязыка, при этом признав первичность **mI* вполне доказанной. Редукция **mI* в субъектный показатель **m-/*m=* и происходила уже в праязыке, а вот дальнейшую гоморганизацию назальной морфемы под воздействием последующей согласной следует отнести

уже к периоду независимого существования различных ответвлений макросемьи. Скорее всего, таким образом, для ВК языка следует признать верной реконструкцию позиции субъектного личного показателя перед глагольным предикатом, соответствующую базовому порядку слов глагольного предложения SV.

Отдельно упомянем форму, реконструируемую для праязыка семьи кру в виде $*N(i)/\check{I}$. В языках кру нет форм личных показателей вида *NI*, однако сосуществование двух вариантов субъектных местоимений \check{i} и i в совокупности с некоторыми другими фактами, рассмотренными в Главе 6, указывает на возможность именно такой реконструкции. Изначальная артикуляция гоморганного носового не восстанавливается: по некоторым признакам можно предположить и исходную $*m$ -. Таким образом, нет уверенности в том, куда именно в Табл. 1.10 нужно помещать формы праязыка кру.

Заслуживает особого внимания проблема происхождения форм показателей 1 л. ед. ч. модели *NI*, реконструируемых для праязыка групп банту, бак, биджого как $*n(i)-/*(n)i-$. Как уже указывалось в Главе 2, в языках банту рефлексы данной формы практически повсеместно выступают в качестве связанных маркеров в составе финитной глагольной словоформы и, видимо, в том же качестве она должна быть реконструирована и для праязыка группы. Однако если на уровне праязыка банту её реконструкция не вызывает сомнений у современных исследователей [Nurse, Philippson 2003b], то вывод данной праформы на более высокий хронологический уровень праязыка уже порождает ряд закономерных вопросов.

Относительно же языков бак и биджого выше уже было сказано (Глава 8), что значительные сходства их парадигм личных показателей с системой личных показателей банту дают возможность постулировать особо близкое родство между ними. Таким образом, префиксальный показатель 1 л. ед. ч. $*ni-$ в этих трёх группах языков становится одной из важнейших инноваций, характеризующих генетические отношения языков банту, бак и биджого. На каком генетическом уровне возникла данная изоглосса – вопрос особый и подлежит дальнейшему обсуждению.

Все три модели Табл. 10.1 фонетически весьма схожи. Более того, именно модель *N* может служить звеном, генетически связывающим модели *mI* и *NI* друг с другом. В качестве одной из вероятных гипотез происхождения показателей модели *NI* является развитие $*mi > *N- > *N-i > *ni-$ в позиции глагольного префикса. Такое развитие, в частности, постулируется для языков банту, а также ряда языков ква, где субъектный показатель *N-/N=* аккумулирует вокалические маркеры различных глагольных значений, принимая форму *nV-*. При этом несубъектные серии сохраняют рефлекс исходного $*mI$. Есть такие примеры и в бантоидных языках. Это означает, что редукция префиксального субъектного показателя привела к появлению гоморганной носовой морфемы $*m > *N$, которая позже была переосмыслена как *n-* перед переднерядной вокалической морфемой. В языках банту, в частности, это могло быть сделано для того, чтобы провести более чёткое различие между субъектной и несубъектной сериями личными показателями, являющееся основой бинарного противопоставления в местоименной системе банту.

Тем самым мы не склонны на имеющемся материале выдвигать гипотезу о наличии в ВК праязыке двух или более основ личных показателей со значением 1 л. ед. ч. При всём многообразии форм сотен языков, принадлежащих к семьям, анализированным нами в предыдущих главах, лишь рефлексы **mI* и его редуцированного варианта **m-/*m=* наблюдаются повсеместно и позволяют говорить о наличии этих показателей в языке-предке.

В Табл. 10.2 приведены праформы показателей 2 л. ед. ч. в различных группах и семьях ВК языков.

Таблица 10.2

языки \ модели	<i>U/O</i>	<i>WV</i>	<i>MU</i>	<i>I</i>	<i>KU</i>
банту	<i>*ǝ-</i>	<i>*ǝe</i>			<i>*-kǝ-</i>
бантоид.	<i>*ǝ=</i>	<i>*ǝe</i>			
кроссривер	<i>*o-</i>	<i>*(ǎ)wǝ</i>			
центр.-нигер.	<i>*u</i>	<i>*(a)wu, *(a)wo</i>			
эдоид.		<i>*wu, *wɔ, *wɛ</i>			
йорубоид.	<i>*o</i>	<i>*Uwo</i>			
игбоид.				<i>*I</i>	<i>*gU?</i>
нупоид.	<i>*o</i>				
идомоид.	<i>*o</i>				
ква	<i>*V-</i>	<i>*(V)wU, *Vwe</i>		<i>*V-</i>	
гур		<i>*fi/*fǝ/*fǎ</i>	<i>*mɔ</i> (грусси, ган-догосе)		
сенуфо			<i>*ma/*mu</i>		
адамауа			<i>*mO</i>		
убанги		<i>wǝ</i> (сере)	<i>*mɔ</i>		
кру				<i>*Ĭ, Ñ(Ĭ)</i>	
бак	<i>*u</i>	<i>*uI</i>			
юж.-атл.			<i>*mU</i>		
чангин		<i>*fU</i>			
тенда		<i>*wi/*wù</i>			
сереер	<i>o</i>	<i>wo</i>			
ньюн-буй		<i>fu-fi</i> (байнук)			
биджого			<i>*amO</i>		

В таблице обращает на себя внимание прежде всего широкая распространённость моделей личных показателей $U/O/wV$ и представляющих собой огублённую гласную фонему $*U$ (основные варианты, по убыванию частотности в засвидетельствованных языках: $u, o, \upsilon, \varepsilon$), к которой примыкают формы структуры CV с губно-губным сонантом w или губно-зубной щелевой f , наиболее частотными из них являются $wo, wi, we, w\varepsilon, fu, fi$. В ряде языков встречаются и другие близкие по артикуляции начальные фонемы: b, β, v, β . Мы считаем логичным объединить формы обеих моделей с точки зрения их происхождения, предположив спонантизацию $*wV > fV$, – одним из убедительных свидетельств является ситуация в джукуноидных языках (семья бенуэ-конго), ср. независимые формы бете owu , уапан ai vs. кутеб afu . В языках гур заметны и дальнейшие процессы, в частности переход $*fi > hi > i$ (см. Главу 4), формы hi встречаются и в атлантических языках.

Грамматическое различие между показателями структуры V и CV лежит здесь в той же плоскости, что и в 1 л. ед. ч.: если первый обычно проявляется в качестве субъектного показателя, то второй фиксируется преимущественно в независимой и притяжательной сериях. Никогда не бывает наоборот. В этой связи возникает вопрос первичности той или иной формы. Если принять аналогию с показателями 1 л. ед. ч., то следует признать, что первичной является более распространённая форма $*wV$, однако это вовсе не столь очевидно, как в случае выбора между $*mI$ и $*N$ в 1 л. ед. ч.

Проблема в том, что формы модели wV , в отличие от рефлексов $*mI$, вовсе не демонстрируют устойчивого вокализма. Напротив, даже в рамках одной семьи приходится подчас реконструировать два варианта огласовки. Эти варианты, как правило, противопоставляют заднерядную гласную переднерядной, например для языков бенуэ-конго и ква это $*wO/*wE$, для тенда – $*wi/*wi$, для ньюн-буй и гур – $*fU/*fi$. Варианты восстанавливаемых праформ возникают из-за различий вокализма по отдельным языкам, но нередко те же варианты наблюдаются в рамках одного идиома. Например, в языках гур, где, как было показано выше, в Главе 4, варьирование вокализма может нести морфологическое или фонологическое значение.

Вторая проблема заключается в том, что в языках бенуэ-конго и, возможно, ква $-w-$ в показателях 2 л. ед. ч. представляет собой спонантизованную $-o-$ в позиции перед гласной, играющей роль вокалического приращения при формировании автономных местоименных форм. Местоимения типа awe/awo в бенуэ-конго на самом деле представляют собой сочетания $*a-$ (показателя фокуса), $*-o-$ (собственно показателя лица) и гласной, оформляющей все синтаксически автономные формы. Причём независимые местоимения с заднерядным вариантом финальной гласной всего лишь демонстрируют изменение $*av > *awv$ с устранением зияния и приведением структуры местоимения к типичной VCV , распространённой по всей парадигме.

В этой связи мы склонны полагать, что варианты личных показателей объекта и притяжательности модели wV в ВК языках являются результатом вторичной

спирантизации в энклитической позиции, при учёте вокалического ауслота в большинстве ВК языков эта спирантизация в интервокальной позиции, после финальной гласной предшествующего глагола или имени, кажется логичной. Таким образом, мы восстанавливаем для ВК праязыка две формы показателя 2 л. ед. ч.: **U* в качестве субъектного показателя и **wU* в качестве объектно-притяжательного.

Важно попытаться понять, какая именно гласная скрывается за реконструкцией **U*. Нам представляется, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости вокалической системы реконструируемого праязыка, о которой на сегодняшний день мы, к сожалению, мало что знаем. В большинстве семей языков Субсахарской Африки существует противопоставление заднерядных гласных по признаку \pm ATR, т. е. между *u* и *o*. При этом, согласно некоторым работам по сравнению и реконструкции, варьирование между *u* и *o/o* в родственных лексических формах современных языков должно объясняться их происхождением из праязыковой **o*. Такова, к примеру, точка зрения на личные показатели в языках банту [Meeussen 1967; Nurse, Philippson 2003b], которую мы склонны поддерживать, например показатели объекта 2 л. ед. ч. *-ku/-ko/-ko-* являются рефлексами праязыкового **-ko-*. Аналогичное развитие из **o* в **u/*o/*o* можно предположить и для ВК языков в целом, что указывает нам на существование фонемы **o* уже в праязыке и, следовательно, на существование оппозиции \pm ATR в его фонетической системе.

Обратимся теперь к другим, менее распространённым праязыковым формам показателей 2 л.

Второй праформой, претендующей на довольно глубокий хронологический уровень реконструкции, является **mU*. Показатели *mo/mo/mu/mo* довольно надёжно восстанавливаются для праязыков семей убанги, адамауа, как один из двух вариантов праформы в праязыке сенуфо, а также для праязыков некоторых групп гур (ган-догосе, языки которой непосредственно контактируют с языками сенуфо, и сев. гуси) и южноатлантических языков. В свете данных, приведённых нами в Главе 4 и указывающих на отсутствие исключительной близости между языками гур и сенуфо, внешние связи последних должны быть изучены более пристально. Распространение изоглоссы **mU* в Западной и Центральной Африке показано на Карте 11 (отмечены ареалы семей или групп, для праязыков которых восстанавливается данная форма).

Её возникновение нетрудно объяснить с точки зрения диахронической типологии, а именно изменением по аналогии: для создания структурного подобия между местоимением 1 л. ед. ч. **mI* и 2 л. ед. ч. **U* к последнему была прибавлена согласная *m*. Нечто схожее произошло, к примеру, в индоиранских языках после их выделения из индоевропейского праязыка, ср. др.-инд. *aham* 'я' и *tvam* 'ты'. Процессы такого рода происходили в ВК языках и на более позднем уровне, ср. местоимения в джукуноидных языках: юкубен *ātà* 'я', *āmī* 'ты' при реконструкции праджукуноидного **awu*. Ср. ниже об аналогичном явлении в кордофанских языках.

Карта 11. Местоимения 2 л. ед. ч. модели *mU*

Интригует в этой связи наличие возможного соответствия между местоимениями сенуфо, адамауа и убанги и формами атлантических языков, таких как мель и биджого. Как уже отмечалось в Главе 8, есть смысл подробнее рассмотреть возможные генетические связи между южноатлантическими языками и языками гипотетической ветви гур-адамауа-убанги, а также языками сенуфо. До тех пор пока этого не сделано, данную изоглоссу можно рассматривать и как результат однотипного типологического развития внутри парадигмы, произошедшего независимо на западе ВК ареала (то есть в языках мель и гур-сенуфо) и на востоке (в языках адамауа-убанги).

Весьма интересным является показатель 2 л. ед. ч. объекта в языках банту – уже упоминавшийся инфикс **-kw-*. Зона его распространения – в основном южные и восточные районы ареала языков банту, однако с точки зрения исторической фонологии с ним связываются формы типа *-gU/-yU-* в языках северо-западных зон А и В (см. Главу 2), где происходят процессы ослабления и спирализации праязыковой фонемы **k*. В Главе 3 мы уже рассматривали гипотезу Дж. Стюарта о соответствии между бантуским объектным аффиксом и местоимениями с начальной *w-* в языках ква, против которой нами были приведены некоторые аргументы. Ни в других БК языках, ни в других семьях ВК языков объектного показателя, соотносимого с банту **-kw-*, на праязыковом уровне не реконструируется. Таким образом, бантуский инфикс необходимо считать относительно недавней инновацией; причиной его появления, как уже указывалось, могла стать эпентеза согласного перед регулярным показателем 2 л. ед. ч. **-o-*.

Вывод, который может быть сделан по итогам проведённого анализа, состоит в том, что для ВК праязыка восстанавливается единая праформа местоимения 2 л. ед. ч., имеющая два варианта – краткий **U* в проклитической (субъектной) и расширенный **wU* в энклитической позиции. Подобная дихотомия в точности повторяет соотношение между **N* и **mI* в 1 л. ед. ч. и может говорить об уже намечившемся

в праязыке макросемьи различия между автономными и клитическими личными показателями, по крайней мере в части парадигмы, относящейся к единственному числу. Следы этого противопоставления фиксируются в тех языках (а именно БК, ква, бак, фула-сереер), где субъектные показатели носят преимущественно проклитический или префиксальный характер, а несубъектные следуют за глаголом или именем в рамках соответствующей синтагмы. Редуцированные формы субъектных показателей, как менее устойчивые, отпадают в ряде языковых семей, вытесняемые независимыми местоимениями: мы видим целый ряд праязыков, где реконструируются только формы, восходящие к **wU*, но нигде не видим обратной ситуации – наличия рефлексов **U* при отсутствии рефлексов **wU*.

В части языков – мы склонны предположить здесь не ареальную, а генетическую изоглоссу – происходит вторичное выравнивание местоимения 2 л. ед. ч. по аналогии с формой 1 л.: **wU* > **mU*, так что между двумя соседними местоимениями парадигмы формируются противопоставления по вокализму:

Таблица 10.3

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.
сенуфо	<i>*mi</i>	<i>*ma/*mu</i>
адамауа	<i>*mi</i>	<i>*mɔ/*mo</i>
ган-догосе (гур)	<i>*mi</i>	<i>*mɔ</i>
убанги	<i>*mi</i>	<i>*mo</i>
юж.-атл.	<i>*mi-</i>	<i>*mU-</i>

Характерно при этом, что не только консонантные, но и тонологические характеристики таких форм в современных языках во многих случаях совпадают.

Показатели 1 л. мн. ч. выделяются в ВК языках тем, что обладают любопытной категорией – категорией расширенного 1 л., имеющей от двух до трёх граммем (эксклюзив, инклюзив и в ряде языков также дуалис). Так как об этом много говорилось в предыдущих главах, мы считаем необходимым сделать небольшое отступление и проанализировать вопрос о возможности реконструкции грамматической категории к्लюзивности в ВК (и шире – в НК) праязыке, прежде чем перейти к собственно сравнению реконструированных форм показателей 1 л. мн. ч.

Для этого необходимо ещё раз чётко обозначить, что в данной работе понимается под категорией расширенного 1 л., в терминологии работы [Cysouw 2003], или категорией к्लюзивности, как её можно называть в более узком смысле.

Значения личных местоимений и других показателей, относящиеся к выражению 1 л. не-единственного числа, могут выражать как собственно 1 л. (что обычно называют «минимальным значением»), так и сочетание нескольких лиц. Таких сочетаний, образующих особые значения в НК языках, можно назвать три:

1ед. + 2ед. (т. е. «я с тобой»), или инклюзивный дуалис);

1 + 2мн. (т. е. «я/мы с вами»), или инклюзив);

1 + 3 («я/мы с ним», «я/мы с ними»), или эксклюзив).

Личных показателей других значений, характерных для данной категории (например, «я с ним», или эксклюзивный дуалис) в НК языках не засвидетельствовано. Интересно, что, в отличие от многих других языков мира, в НК языках значение двойственного числа существует только в формах 1 л., а форм со значением «вы двое», то есть дуалиса 2 л., не обнаруживается.

Проблемам типологии и сравнения местоименных систем языков тропической Африки, обладающих категорией кляузности, до сих пор не уделялось достаточного внимания. Отдельных исследований на эту тему в научной литературе нет. Иногда эта любопытная категория остаётся и вовсе незамеченной исследователями-типологами. Например, по утверждению «Всемирного атласа языковых структур» (*World Atlas of Language Structures, WALS*), «различение инклюзива /эксклюзива довольно нехарактерно для Африки... Лишь несколько языков южнее Сахары демонстрируют это различие»²⁴⁶ [Cysouw 2008].

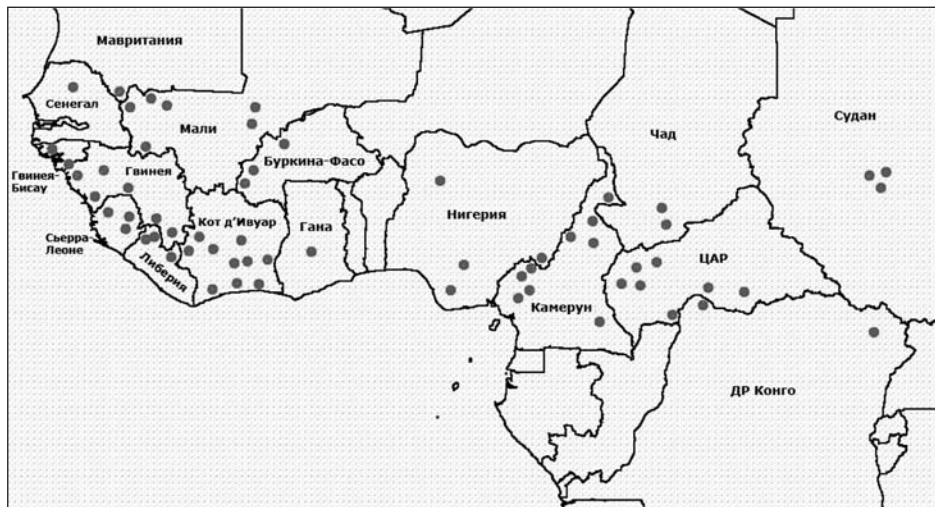
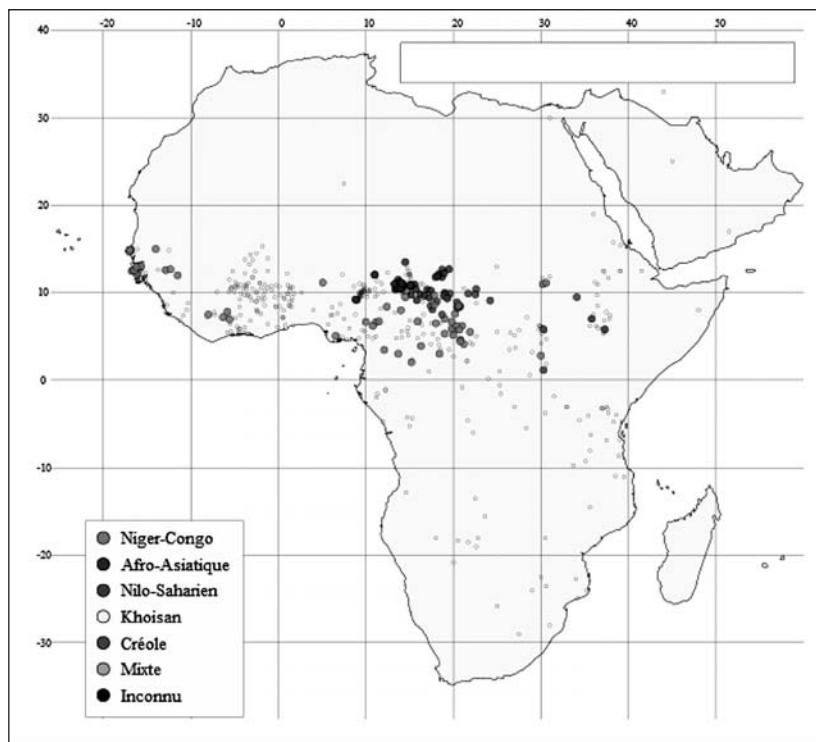
Приведённое утверждение, безусловно, не может считаться верным. Категория кляузности распространена в Субсахарской Африке довольно широко: она засвидетельствована в языках убанги (прежде всего группы банда), в большинстве языков группы хейбан кордофанской семьи, во многих атлантических языках (группы бак, тенда, чангин и др.), в языках адамауа (группы леко, дуру, мбум, ваджа, юнгур), манде (группы южных, юго-западных языков, моколе, сусу-джалонке, самого и других), в большом количестве языков ква (группа тано), ряде языков БК семьи (языки кроссривер, зап. каинджи, игбоидные). Большое распространение категория кляузности получила в бантоидных языках (подгруппа языков бамилеке, отдельные мамбилоидные и бебоидные языки).

Ареал распространения данной категории не выходит за пределы северного полушария, в Субэкваториальную Африку: среди языков семьи банту различение местоимений по категории кляузности засвидетельствовано практически исключительно в языках зоны А, расположенных на крайнем северо-западе обширного бантуязычного ареала и обычно характеризующихся большим структурным и лексическим сходством с языками других ветвей БК семьи (бантоидных и кроссривер).

Географическое распространение категории кляузности в языках нигер-конго иллюстрировано Картой 12. На ней хорошо видно, что двумя основными ареалами для данной категории являются западный (включающий прежде всего территорию Кот-д'Ивуара, Либерии, Сьерра-Леоне, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Буркина-Фасо и Мали) и центральный (в первую очередь Камерун и Центральноафриканская Республика). В то же время расположенные между ними многочисленные языки Ганы, Того, Бенина и большей части Нигерии категорией кляузности не обладают. На востоке ареала НК языков следует отметить языки группы хейбан кордофанской семьи.

²⁴⁶ «In general, the inclusive/exclusive distinction is rather uncommon in Africa and Eurasia. ... Only a few sub-Saharan languages show the distinction».

Карта 12. Распространение категории кюзивности в НК языках

Карта 13. Распространение категории кюзивности в языках Африки²⁴⁷

²⁴⁷ Источник: [Seeger 2002–2007].

Включение в обзор материала языков других макросемей Африки позволяет видеть (Карта 13), что центральный ареал распространения кляузности в НК языках соответствует более широкой области распространения этой категории, прежде всего в чадских и в некоторой степени нило-сахарских языках. Западный же и восточный ареалы на Карте 13 ограничивают её распространение языками НК макросемьи.

С точки зрения принятой на сегодняшний день генетической классификации языков НК макросемьи категория кляузности присутствует в достаточном количестве семей, чтобы её наличие можно было предполагать и для праязыкового состояния. Из около 400 НК языков (исключая банту) в нашей базе данных почти 25 % идиомов обладают противопоставлением инклюзивных и эксклюзивных форм личных показателей. Эта оппозиция присутствует как в семьях, считающихся ранними ответвлениями от праязыковой общности (кордофанские, атлантические, манде), так и в ВК языках: ква и бенуэ-конго, с одной стороны, адамауа и убанги – с другой. Нередко можно говорить об отсутствии языковых контактов между объединениями языков, где присутствует категория кляузности, – так, языки семьи ква, где отмечена кляузность, не контактируют с теми из языков бенуэ-конго, где эта категория также присутствует. Кордофанские языки и вовсе выглядят изолированными в этом отношении, однако они окружены языками других семей, где эта категория также функционирует. Все указанные данные косвенно подтверждают возможность как ареального, так и генетического происхождения категории кляузности в НК языках.

При точечном анализе инклюзивных и эксклюзивных форм личных показателей в отдельных языках становится видно, что происхождение этих форм является во многих случаях вторичным. В частности, можно следующим образом классифицировать происхождение форм эксклюзивных местоимений.

1. Образование по формуле «я-PL», т. е. модификация формы 1 л. ед. ч. одним из аффиксов плюральности:

фула (атл.) *mi* ‘я’, *mi-n* ‘мы’ (э.);

гбайи (убанги) *mē* ‘я’, *mò* ‘ты’, *álé-mē* ‘мы (э.)’, *álé-mò* ‘вы’.

Такой способ является одним из наиболее распространённых в языках мира методом образования местоимений множественного числа, а в случае наличия в языке категории кляузности – именно эксклюзивных форм, являющихся, как правило, менее маркированными, чем инклюзивные [Siewierska 2004]. В ряде атлантических языков суффикс *-n* является маркером плюральности, что делает технику образования местоимений мн. ч. вполне прозрачной по всей парадигме [Pozdniakov, Segerer 2004b: 175].

Любопытной разновидностью такого способа образования эксклюзивных форм является редупликация местоимения 1 л. ед. ч.:

бака (убанги) *ngāà* ‘я’, *ngāngā* ‘мы (э.)’ [Brisson, Boursier 1979].

Интересно, что язык бака – это один из языков бушменского населения Центральной Африки, где наряду с субстратной лексикой могут сохраняться

и грамматические субстратные явления. Удвоение личных местоимений – не одно ли из них?

2. Фонетическая модификация местоимения 1 л. ед. ч.

В ряде языков прослеживается материальное сходство между местоимениями 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. эксклюзива, которое можно считать результатом как процесса парадигматического выравнивания по аналогии, так и фузии местоимения со значением «я» с плюралным маркером, то есть следующей фазой процесса, описанного выше в п. 1. В обоих случаях представляется наиболее вероятным, что базовой формой является именно сингулярная форма, в то время как эксклюзивная форма 1 л. мн. ч. была образована под её влиянием.

Различие между формами может быть как сегментным (гласная фонема), так и супraseгментным (изменение тона) и совмещать эти два признака:

басари (атл.) *mè-* ‘я’, *mí-* ‘мы (э.)’;

бобо (манде) *mé* ‘я’, *mě* ‘мы (э.)’;

манинка (манде) *ń* ‘я’, *ń* ‘мы’.

3. Уподобление местоимению 2 л. ед. ч.

В атлантическом языке палор (группа чангин) эксклюзивное местоимение 1 л. мн. ч. выводится из формы 2 л. ед. ч. с добавлением плюралного аффикса *-n*:

палор *fU* ‘ты’, *fUn* ‘мы (э.)’.

Предполагается двухступенчатое развитие такого сдвига [Pozdniakov, Segerer 2004b: 177]: из местоимения 2 л. ед. ч. *fU* в местоимение 2 л. мн. ч. *fUn*, а затем при образовании противопоставления инклюзива / эксклюзива – в местоимение 1 л. мн. ч., при этом местоимение 2 л. мн. ч. было заменено другой лексической основой. См. об этом выше в Главе 8.

4. Сложение местоимений со значением «мы» и «они».

Эксклюзивную форму 1 л. мн. ч. *mìyè* в языке кпеен (группа самого семьи манде) логично выводить из сложения местоимений:

кпеен *mìyè* ‘мы (э.)’ < *mì* ‘мы (и.)’ и *è/è* ‘они’ [Zwernemann 1996].

Подобный способ формирования эксклюзивных форм местоимений широко распространён в языках Евразии и Америки, однако в НК языках других случаев такого рода композиции нами не засвидетельствовано.

5. Супплетивная лексема.

Наконец, необходимо отметить довольно многочисленные случаи немотивированного образования эксклюзивного местоимения: оно может представлять собой лексему, не имеющую видимых генетических сходжений в составе парадигмы личных показателей, при этом фонетический состав его не позволяет делать выводов о его производном характере:

акосе (банту A15) *sé* ‘мы (э.)’,

пор (зап. каинджи) *īt* ‘мы (э.)’,

лангбаше (убанги) *ʔà* ‘мы (э.)’.

Интересно, что в целом ряде языков отмечена модификация немотивированных форм эксклюзивных местоимений с помощью плюралных аффиксов, например:

кукеле (кроссривер) *be-še* ‘мы (э.)’, где *be-* префикс плюрального именного класса,
 ком (бантоидные) *ghesi* ‘мы (э.)’, где *ghe-* также является плюральным классным префиксом, происходящим из существительного *gheli* ‘люди’ [Schulz 1997].

Вторичное оформление местоимений мн. ч. плюральными аффиксами – довольно характерная типологическая черта в языках мира. Вместе с тем можно предположить наличие на раннем этапе развития языка соответствующих местоимений без префикса (или с иным префиксом), содержащих какое-либо иное значение, например значение двойственности:

лега (банту D25) *i-swé* ‘мы (дв. ч.)’, *bi-swé* ‘мы (мн. ч.)’, где *i-* – отражение гласного префикса независимой серии местоимений, *bi-* – префикс плюрального именного класса лиц [Botne 2003].

Существует возможность таким же образом классифицировать и инклюзивные местоимения 1 л. мн. ч. в НК языках по их происхождению.

Наиболее распространённой техникой их формирования является фузия местоимений 1 и 2 л., одно из которых должно быть при этом плюральным. Как уже упоминалось, ни в одном НК языке не существует оппозиции местоимений 1 л. мн. ч. инклюзива с детализацией числа референтов («мы с тобой» / «мы с вами»). Таким образом, языки выбирают одну из трёх стратегий образования инклюзивной формы личного показателя. Эти стратегии приведены ниже в п. 1–3 по мере убывания их статистической частотности.

1. Сложение местоимений «мы» + «вы»:

ламнсок (бантоидный) *vèr* < **vès* ‘мы (э.)’, *vèn* ‘вы’, *vèsān* ‘мы (и.)’,
 нони (бантоидный) *bese* ‘мы (э.)’, *bèn* ‘вы’, *beènè* < **bèsè-bèn* ‘мы (и.)’ [Human 1981],
 кпелле (манде, юго-зап. группа) *gi* ‘мы (э.)’, *ka* ‘вы’, *kagu* ‘мы (и.)’,
 какабе (манде, группа моколе) *má* ‘мы (э.)’, *wó* ‘вы’, *ámá* ‘мы (и.)’.

В качестве первого компонента может употребляться также местоимение двойственного числа:

дии (адамау) *ba* ‘мы (дв.)’, *vi* ‘вы’, *ba- ... -vi* ‘мы (и.)’,
 лоома (манде, юго-зап. группа) *dé* ‘мы (дв.)’, *à* ‘вы’, *àdé* ‘мы (и.)’.

В редких случаях засвидетельствованы циркумфиксальные формы личных показателей, в которых начальный элемент представляет собой местоимение 1 л. мн. ч., конечный – местоимение 2 л. мн. ч.:

экпейе (игбоидный) *a-* ‘мы (э.)’, *i/e- ... -ni* ‘вы’, *a-...-ni* ‘мы (и.)’.

Представляется небезынтересным, что порядок компонентов в составе контактированной формы не всегда диктуется иерархией лиц Силверстейна: как видно из примеров, начальным компонентом может выступать и местоимение 2 л. Эта стратегия используется в языках манде, что видно и ниже в п. 2.

2. Сложение местоимений «я» + «вы»:

йемба (бантоидный) *m* ‘я’, *pe* ‘вы’, *mpè* ‘мы (и.)’,
 сусу (манде) *n* ‘я’, *wó* ‘вы’, *wón* ‘мы (и.)’.

3. Сложение местоимений «мы» + «ты»:

акосе (банту A15) *sé* ‘мы (э.)’, *wè* ‘ты’, *sé-wè* > *sóò* ‘мы (и.)’ [Nurse 2007],
 нгьембон (бантоидные) *pég* ‘мы (э.)’, *ò* ‘ты’, *pógò* ‘мы (и.)’ [Cysouw 2003: 174].

4. Уподобление местоимению 2 л. мн. ч.

Включение партиципантов 2 л. в состав значения инклюзивного местоимения может выражаться не только эксплицитным добавлением соответствующего компонента в составную форму, но и фонетическим уподоблением обоих местоимений, что создаёт оппозицию между местоимениями инклюзива и эксклюзива:

лимбум (бантоидный) *sò* ‘мы (дв.)’, *wèr* ‘мы (э.)’, *wèè* ‘вы’, *sèè* ‘мы (и.)’,
 бобо (манде) *mè* ‘мы (э.)’, *kā* ‘вы’, *kè* ‘мы (и.)’,
 хун-сааре (зап. каинджи) *tè* ‘мы (э.)’, *nɔ* ‘вы’, *na* ‘нас (и.)’.

Выравнивание плюральных форм местоимений – довольно характерная типологическая характеристика местоименных парадигм, отмеченная в языках Западной Африки ещё столетие назад [Delafosse 1904]. Логично, что из двух кляузивных форм местоимения 1 л. мн. ч. такому выравниванию в большей степени подвержено именно инклюзивное, косвенно включающая в орбиту своего значения и 2 л.

5. Фонетическая модификация эксклюзивного местоимения.

В ряде языков мы имеем дело с фонетическим сходством обоих кляузивных показателей, однако диахроническую природу этого сходства определить пока не представляется возможным.

макаа (банту A83) *sò* ‘мы (э.)’, *shò* ‘мы (и.)’,
 ком (бантоидный) *ghe-si* ‘мы (э.)’, *ghe-si-na* ‘мы (и.)’.

6. Супплетивная форма.

Наконец, существуют языки, в которых генетическая связь лексемы местоимения 1 л. мн. ч. инклюзива с другими членами местоименной парадигмы не восстанавливается.

гбайи (убанги) *mē* ‘я’, *mò* ‘ты’, *álé-mē* ‘мы (э.)’, *álé-mò* ‘вы’, но *álé-nè*
 ‘мы (и.)’,
 мамбила (бантоидный) *bel* ‘мы (э.)’, *ben* ‘вы’, *bɔ* ‘они’, но *vu* ‘мы (и.)’.

В гбайи, как мы видим, формы плюральных местоимений строятся методом аффиксации от сингулярных форм соответствующего лица. Между тем формы сингулярного местоимения **nè* в языке не обнаруживается. В Главе 5 мы предположили, что элемент *-nè* может представлять собой рефлекс праязыкового местоимения со значением «вы».

Суммируя данный обзор, можно разделить имеющийся в языках НК инвентарь инклюзивных и эксклюзивных местоимений на две группы:

1. Родственные другим местоимениям (прежде всего 1 л. ед. ч., 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч.)

2. Генетически обособленные.

При этом статистически можно показать, что генетическое родство инклюзивно-эксклюзивных форм с другими местоимениями прослеживается в не менее чем 40 % языков в нашей базе данных. Имеются в виду лишь те языки, где такое

родство представляется вполне надёжным; цифра, конечно, может значительно повыситься при более глубоком анализе каждого конкретного языка.

Процесс расширения значений местоимений 1 л. мн. ч. не является чем-то реликтовым, подлежащим исключительно праязыковой реконструкции. Можно показать, что этот процесс активно действует и сегодня в ряде НК языков, а именно в языках бантоидной семьи (в т. ч. в банту), которые предоставляют значительный материал, проливающий свет на технику образования к्लюзивных форм на основе комбинации и фузии других личных местоимений.

Составные местоимения в бантоидных языках подробно описаны в типологическом обзоре [Cysouw 2003: 166–184]. Они представляют собой сложение двух конъюнктов сочинительной связи – субъектной или объектной. Путём фузии двух местоимений в бантоидных языках создаются формы-композицы 1 л. не-единственного числа с более конкретными значениями, в т. ч. двойственного и множественного числа инклюзива и эксклюзива.

В ряде языков (таких как агем) видна только начальная фаза этого процесса, т. к. между двумя компонентами ставится морфема сочинительной связи *à*, и никакой собственно контракции между ними не происходит:

wò ‘ты’, *ghàʔ* ‘мы (э.)’, *ghàʔ-à-wò* ‘мы и ты’ [Human 1979: 47–49].

Более сложная конструкция зафиксирована в языке мундабли, где составные местоимения строятся путём редупликации первого компонента с добавлением союза *ā* ‘и, вместе с’ и второго местоименного компонента:

bī ‘мы’, *wà* ‘ты’, *bī-byā-wà* ‘мы и ты’, букв. ‘мы: мы и ты’ [Good et al. 2011].

В близкородственных языках бамбили и нгиембон уже заметны процессы контаминации и редукции:

бамбили *bee* ‘мы’, *u* ‘ты’, *beeɡu* ‘мы и ты’ [Cysouw 2003: 173],

нгиембон *pég* ‘мы (э.)’, *ò* ‘ты’, *pógò* ‘мы (и.)’ [Good & al. 2011].

Наконец, полная морфологизация составных местоимений заметна в нони, где приходится говорить уже не о составных формах, а о готовом противопоставлении инклюзива и эксклюзива:

bese ‘мы (э.)’, *ben* ‘вы’ (притяжат.-*ne*), *beene* < **be-se-ne* ‘мы (и.)’.

Процесс образования инклюзивных и эксклюзивных форм местоимений 1 л. мн. ч. в других языках НК макросемьи также может предполагать наличие диахронической стадии существования составных местоимений.

Важно теперь ответить на вопрос о возможности существования категории к्लюзивности в НК или ВК праязыке. Для этого, безусловно, необходимо не столько сопоставить наличие или отсутствие грамматической категории в языках различных ветвей, но и сравнить между собой соответствующие формы личных показателей и попытаться провести реконструкцию праформ.

Такая реконструкция, как можно видеть, возможна только на уровне отдельных групп и подгрупп языков. В частности, в настоящем исследовании мы имели возможность реконструировать показатели инклюзива и эксклюзива в праязыках следующих групп:

- южная группа семьи манде (9 языков):
yi*/o* ‘мы (э.)’, **ko*/**ko* ‘мы (дв.)’, **koa* ‘мы (и.)’;
- юго-западная группа семьи манде (6 языков):
**ɲè* ‘мы (э.)’, **mi* ‘мы (дв.)’, **ami* ‘мы (и.)’;
- группа тано семьи ква (31 язык):
**yE* ‘мы (э.)’, **ame* ‘мы (и.)’;
- группа банда семьи убанги (16 языков):
**ʔā* ‘мы (э.)’, **àzə* ‘мы (и.)’.

При попытках шагнуть на более высокий уровень реконструкция становится проблематичной. К примеру, форма праязыка юго-западной группы манде **mi* имеет генетические параллели в других группах семьи – вай-коно, сусу-джалонке, моколе, однако в этих языках эксклюзивные и инклюзивные формы строятся по-другому, хотя, как правило, также путём сложения двух местоимений.

Единственной семьёй, для которой можно надёжно постулировать реконструкцию двух местоимений 1 л. мн. ч., является кордофанская (см. Главу 9), где на основании материала языков групп хейбан и талоди мы восстанавливаем **-ri* (и.) и **-ni* (э.). Однако их происхождение остаётся под вопросом.

Таким образом, мы считаем возможным утверждать следующее.

Категория клязивности восстанавливается на уровне отдельных групп и подгрупп НК языков, а также на уровне кордофанской семьи.

Формы инклюзива / эксклюзива образуются по единым моделям, во многих языках – через стадию композитных местоимений.

Противопоставление инклюзива / эксклюзива является ареальной изоглоссой, распространённой в трёх географических зонах Субсахарской Африки.

Оснований для реконструкции в праязыке НК категории клязивности на сегодняшний день нет.

Сводная Табл. 10.3 представляет модели личных показателей 1 л. мн. ч., реконструируемых для праязыков различных групп и семей ВК.

Таблица 10.3

языки \ модели	<i>tI/tU</i>	<i>a</i>	<i>bV/wV</i>	<i>NV</i>	<i>mV(n)</i>
банту	* <i>tò-</i> , *(<i>V</i>) <i>e^we</i>				
бантоид.	* <i>t^we</i>				
кроссривер	* <i>Vti(n)</i>				
центр.-нигер.	* <i>(a)ti</i> , * <i>tu</i>				
эдоид.					<i>m^ha</i>
йорубоид.		* <i>a</i>	* <i>(a)wa</i>		
игбоид.				* <i>(a)ni</i>	
ква	* <i>tI</i> /* <i>tU</i>		* <i>bo</i> /* <i>bu</i>		

языки \ модели	<i>tI/tU</i>	<i>a</i>	<i>bV/wV</i>	<i>NV</i>	<i>mV(n)</i>
гур	<i>*tI/*tò</i>				
сенуфо			<i>*wò</i>		
адамауа			<i>*bi</i> (джен)	<i>*nà</i> (мбум)	
убанги	<i>*(V)te/*(V)ti ?</i>				
кру		<i>*à</i>			
юж.-атл.	<i>*sI-</i>				
чангин	<i>dì</i> (ноон), <i>si</i> (лехар)		<i>*bO</i>		
тенда			<i>*bō</i> (джаад- биафада)		
фула-сереер					<i>*min</i>
ньюн-буй					<i>*min</i>
биджого	<i>tV-</i>				

В Главе 2, посвящённой языкам бенуэ-конго, мы показали, что формы на *t-* и на свистящую или шипящую (*s-/c-/ʃ-/ts-*) необходимо, по нашему мнению, сводить к единой праформе на исходную зубную смычную **t-*, подвергнушуюся палатализации или в целом спирализации перед переднерядными гласными. В частности, в тех группах БК языков, где встречаются рефлексы **cV*, **c* обычно реализуется в виде *s* или, в интервокальной позиции, в виде *-r-*, *-l-*. Однако эти же звуки весьма часто являются интервокальными реализациями зубных смычных фонем *d* и *t* во множестве языков Западной и Центральной Африки. Именно поэтому идея общего генетического происхождения форм типа *sI* (в языках бенуэ-конго, южноатлантических) и типа **ti/*tU* представляется верной.

Анализ данных других языковых семей подтверждает гипотезу о возможности реконструкции для ВК праязыка местоимения с начальной зубной. На уровне праязыка бенуэ-конго и даже выше, на уровне бенуэ-ква, эта фонема восстанавливается как **t-*. В целом ряде языков, включая БК, гур, убанги, ряд языков ква, а также биджого, присутствует смычная. Данные южноатлантических языков заставляют предположить свистящую фонему. Таким образом, считая эти формы родственными, мы оказываемся перед проблемой выбора наиболее экономичного варианта праязыковой фонемы. Скорее всего, она должна быть глухой, исходя из преимущественно глухих по артикуляции соответствий в языках-потомках (формы *-z-/d-* в убангийских языках и в некоторых чангин являются результатом интервокального озвончения). Безусловно, наиболее экономичной гипотезой будет предположить существование праязыковой смычной фонемы **t-*, подвергшейся в одних языках палатализации в *ts*, *c*, в других озвончению в *d*, *d'*, а в некоторых –

также латерализации в *l*, что для африканских языков является весьма обычным явлением. Процесс палатализации зубных и велярных смычных – едва ли не самое распространённое диахроническое явление в консонантизме человеческого языка, стоит вспомнить хотя бы, какую роль палатализация сыграла и продолжает играть в истории индоевропейских, в том числе и славянских языков. Более того, приняв эту гипотезу, мы избегаем необходимости объяснять существование в ряде языков местоимений модели *tV*, а таких языков немало: вся семья гур, БК языки Нигерии, языки ква, банту, убангийские, биджого.

Действительно, практически нигде в нигер-конго мы не видим форм с сибилантом и заднерядной гласной, т. е. ***sU/**cU* (за исключением, быть может, отдельных БК языков, сенуфо и мель; однако практически везде эти случаи могут быть объяснены грамматическими или фонологическими причинами). Местоимение **(V)cⁿe*, восстанавливаемое для бантоидного праязыка, также является результатом палатализации.

На основании изложенного мы полагаем, что в на уровне нигер-конго можно предположить существование личного местоимения 1 л. мн. ч. **ti/*tU*. Форма **ti/*tu* была предложена ещё Г. Мукаровским [Mukarovsky 1976–1977] как возможная реконструкция НК местоимения. Отдельно стоит вспомнить и формы *tì-/tè-/tè-/tâ-* в изолированном БК языке око. В праязыке семьи ква, как уже указывалось в Главе 3, реконструкция праформы **ti/*tu* при более или менее строгом подходе вряд ли возможна из-за недостатка материала, однако схожие формы засвидетельствованы в языках нескольких групп: аделе *tí, te, eté*, логба *-tu, atu*, мбато *do/lo*. Вокализм показателей повсюду варьирует между *i* и *u/v*, другие гласные фонемы весьма редки. Всё это делает **ti/*tU* бесспорным кандидатом на получение праязыкового статуса.

Более точно определить первоначальный вокализм или значение вокалического чередования на сегодняшний день вряд ли возможно. Заднерядная гласная сохранилась в префиксальном субъектном показателе банту **to-*, в то время как в языках ква, гур, биджого присутствуют рефлексy обоих вариантов. В южноатлантических языках переднерядная гласная **l* вызвала ассибиляцию зубной смычной **t > *s/*d*. Схожий процесс имел место в БК языках, где **t-* спирантизуется перед гласными переднего ряда. Весьма возможно, что многие ВК языки скрывают рефлексy древнего местоимения **ti/*tU* за показателями с согласными *l, r*, однако для их идентификации необходимо иметь надёжную систему регулярных соответствий; эта работа потребует дальнейшего анализа.

В столбце под номером 4 в Табл. 10.3 объединены формы, восходящие, как мы полагаем, к плюральному показателю именного класса лиц **bV*, о тесной связи которого с системой личных показателей НК языков много говорилось в настоящей работе. В различных языках макросемьи данная морфема выступает как в качестве классного префикса, так и суффикса; из системы именной классификации она проникла в парадигмы личных местоимений в качестве формы 3 л. мн. ч. Влияние плюрального классного маркера на местоимения 1–2 л. мн. ч. – явление, широко

засвидетельствованное в самых разных уголках ВК ареала. Так, в некоторых бантоидных языках, в языках кроссривер все местоимения множественного числа получают префикс *be-*. Вполне вероятно, что процесс и в других семьях происходил через эту стадию – добавление плюрального маркера к исходной форме местоимения с последующим стяжением их в более краткую форму. Это объясняет тот факт, что во многих языках местоимения разных лиц множественного числа различаются лишь вокализмом или ауслатным элементом: джаад (тенда, атл.) *bō* ‘мы’, *bā* ‘они’; лимба (атл.) *ben* ‘вы’, *biŋ* ‘они’; секпеле (ква) *bo*, *bu* ‘мы, нас’, *ba* ‘вы, они’.

Производным от древней формы 1 л. ед. ч. можно считать по крайней мере некоторые из форм модели *mV* в ВК языках. Показатель *-n* определённо имеет плюральное значение в атлантических языках фула и ньюн-буй, и местоимение *min* в этих языках было образовано по структуре «я-PL»; местоимение *min* ‘мы’ имеется и в лимба, однако не соотносится с формой сингуляриса и вполне может быть заимствованием из другого атлантического языка. Обилие в языках ква местоимений 1 л. мн. ч. типа *mi/me*, отличающихся от форм 1 л. ед. ч. лишь огласовкой и/или тоном, также должно объясняться аналогией.

В целом же стоит сказать, что показатели 1 л. мн. ч. в ВК языках значительно более многообразны, нежели формы других лично-числовых значений. Где-то это многообразие продиктовано расщеплением значения на инклюзив / эксклюзив, на дуалис / плюралис, где-то – процессами выравнивания по аналогии или даже заимствования (известно, что плюральные местоимения более подвержены иноязычному влиянию, нежели сингулярные). К примеру, йорубоидное местоимение **wa* из-за его явной изоляции среди БК языков выглядит вероятным заимствованием из иджоидных языков. За столь продолжительный период после распада языковой общности, безусловно, появилось и множество новообразований. В этом смысле ВК языки не отличаются, например, от индоевропейских или семитских, где споры о реконструкции именно местоимений 1–2 л. мн. ч. продолжаются, даже несмотря на значительную степень проработки материала. Однако тот факт, что формы, возводимые к **ti/*tU*, сохранились в столь большом количестве семей, сам по себе примечателен и представляет собой наиболее вероятную на сегодняшний день гипотезу.

Значительно менее запутанную ситуацию представляют собой личные показатели 2 л. мн. ч., модели праязыковых форм которых приведены в Табл. 10.4.

Таблица 10.4

языки \ модели	<i>nI/nU</i>	<i>i</i>	<i>mV</i>	<i>a</i>	<i>bV</i>
банту	<i>*ṽnue</i>		<i>*mṽ-</i>		
бантоид.	<i>*nue</i>				
кроссривер	<i>*VnI(n)</i>				
центр.-нигер.	<i>*ni/*nU</i>				
эдоид.					<i>*b^ha</i>

языки \ модели	<i>nI/nU</i>	<i>i</i>	<i>mV</i>	<i>a</i>	<i>bV</i>
йорубоид.			<i>*ame</i>		
игбоид.	<i>*(V)ni</i>				
нупоид.		<i>*yi</i>			
идомоид.	<i>*(â)no</i>				
ква	<i>*(V)ne/*bIne</i>				
гур	<i>*nì/*ɲì/*nà/*ɲà</i>				
сенуфо		<i>*ye</i>			
адамауа	<i>*no-ko</i> (мумуйе)	<i>*i (?)</i>			<i>*bai</i> (м̄бум)
убанги	<i>*(ε)ne/*(ε)ni</i>				
кру				<i>*á/*ā</i>	
атл-бак	<i>*nda ?</i>				
юж.-атл.	<i>*na-</i>				
чангин	<i>*dU(-n)</i>				
тенда	<i>*n-/*nU-</i>				
фула-сереер	<i>dɔn, ni</i>				
биджого	<i>ne-/ni-</i>				

Здесь, как мы видим, значительную близость между собой представляют формы, реконструируемые для большинства семей и крупных групп ВК языков, которые можно возвести к **nI/*nU*. Консонантная составляющая этой праформы не вызывает сложных вопросов: палатализация **n > *ɲ* имеет место перед переднерядной фонемой в некоторых языках Нигерии и, возможно, в гур. Вероятно, что ослабление **n- > *ɲ- > *y-* имело место и в языках сенуфо, однако из-за недостатка данных это доказать весьма сложно. На лексическом уровне соответствие между анлаутными *n-/ɲ-* в языках гур и *y-* в сенуфо не просматривается, однако известно, что местоимения демонстрируют подчас весьма серьезные отклонения от регулярных чередований. В атлантических языках чангин и фула начальная *d-* также, возможно, является результатом ослабления (и ретрофлексивизации) **n-*.

Вокализм вновь представляет собой трудность из-за двойственности огласовки рефлексов по различным семьям. Основные варианты, как и в других местоимениях парадигмы, – **nI* и **nU*. В редких случаях (южноатлантические языки и гур) возможна реконструкция **na*, однако в этих языках она обусловлена фонологией или грамматикой, в частности в языках группы мель в объектных формах повсюду видим *u*, в гур чередование между **nI* и **na* также, вероятно, имеет исходную фонологическую природу (см. Главу 4).

Представляется, что на сегодняшний день в нашем распоряжении недостаточно информации, чтобы остановиться на одном из указанных вариантов. Однако сама

по себе реконструкция для ВК праязыка личного показателя 2 л. мн. ч. $*nI/*nU$ не вызывает сомнений.

Все прочие модели реконструированных праформ в таблице являются практически единичными и если не восходят к $*nI$ (например, $*i$ в языках адамауа), то не дают оснований к их возведению на ВК праязыковой уровень, а должны рассматриваться как локальные инновации различной хронологической глубины. Некоторые из них весьма любопытны, например формы языков банту, западных БК языков и некоторых языков ква заставляют предположить праязыковую морфему $*mU$, соответствий которой в других ВК языках не обнаруживается.

Таким образом, мы имеем возможность реконструировать для ВК праязыка следующие формы личных показателей двух первых лиц (Табл. 10.5).

Таблица 10.5

1 л. ед. ч.	$*mi/*N$
2 л. ед. ч.	$*U/*wU$
1 л. мн. ч.	$*tI/*tU$
2 л. мн. ч.	$*nI/*nU$

Наибольшая устойчивость праязыковой системы личных показателей отмечена в 1 л. ед. ч., что имеет широкие типологические параллели в языках мира. В формах обоих лиц множественного числа наблюдаются активные процессы выравнивания парадигмы, а также случаи взаимовлияния между показателями 2 и 3 л. Во множестве языков старые показатели множественного числа вытесняются инновациями, образованными от форм единственного числа с добавлением плюралных маркеров.

При взгляде на данные таблицы становится видно, что варианты показателей плюралных значений демонстрируют единое фонетическое чередование, а именно между узкой переднерядной и огублённой заднерядной гласными фонемами. Возникает вопрос о природе этого чередования, его закономерности. Если сингулярные показатели, как уже отмечалось выше, различаются по структуре в зависимости от синтаксической позиции (краткие формы в субъектной приглагольной позиции и расширенные – в несубъектных местоимениях), то можем ли мы распространить этот принцип чередования и на плюралные пары? И являлась ли редукция показателей следствием снижения уровня их автономности в клаузе? Следовательно, на самом деле мы должны ответить на целый ряд важных вопросов о том, как выглядела ВК система показателей лица. Сформулируем их ниже.

1. Какова степень автономности реконструируемых нами показателей (автономные морфемы, клитики, аффиксы)?
2. Существовало ли в ВК праязыке формальное различие между личными показателями различных синтаксических серий (субъектной, объектной, притяжательной, независимой)?

3. В случае если такое различие существовало, с помощью каких средств формировались показатели различных серий?
4. Наконец, можно ли говорить о существовании и возможности реконструкции в ВК праязыке местоимений 3 л.?

Эти вопросы во многом взаимосвязаны.

В ВК языках представлен весь спектр синтаксических типов личных показателей, от автономных местоимений до аффиксов. Позиция показателя лица в предложении, впрочем, прежде всего зависит от его синтаксического значения. Автономные местоимения независимой серии способны формировать высказывания и несут в большинстве языков значения фокуса и/или топика субъекта и прямого объекта, а также субъекта неглагольного предложения. Автономными являются во многих языках (преимущественно аналитического строя) и приглагольные субъектные местоимения, но в этом случае они нередко выражают и значения фокуса/топика, то есть особая серия местоимений, которую мы в настоящей работе называем независимой, как таковая отсутствует. Синтаксически автономные притяжательные местоимения, если они существуют в языке, как правило, образуются добавлением к личному показателю (чаще объектному) особых маркеров со значением посесива или, в широком смысле, ассоциативности. Такое обычно происходит с показателями отчуждаемой принадлежности, в то время как неотчуждаемая принадлежность чаще выражается аффиксами, присоединяемыми непосредственно к имени обладаемого.

Позиция субъектных показателей в абсолютном большинстве языков предшествует позиции сказуемого, шире – глагольной группы или же, как во флективных языках группы банту, занимает условно первое место в глагольной словоформе, предшествуя маркерам аспекта / времени, модальности, лица / числа объекта и полярности. Постпредикативная позиция субъектных маркеров встречается довольно редко – в некоторых языках догон, в ряде атлантических языков. В некоторых языках Нигерии (например, джукуноидных) субъектное местоимение дублируется после сказуемого (феномен уже упоминавшихся нами повторных или рекапитулятивных местоимений), однако это явление более позднего происхождения, чем праязык семьи. Таким образом, с точки зрения позиции субъектного маркера ВК языки весьма однородны. Вопрос состоит в том, можно ли говорить о префиксальном характере субъектного показателя уже в праязыке. Ответ на него скорее отрицательный: как было показано выше, в целом ряде семей можно проследить процессы превращения ранее независимых местоимений в связанные маркеры. Скорее всего, тенденция к утрате субъектными показателями автономного статуса в праязыке уже существовала, однако в полной мере она проявилась уже в языках-потомках: практически во всех семьях префиксальные субъектные маркеры реконструируются по крайней мере для праязыков отдельных групп, в то же время почти везде можно показать, что по своему происхождению они являются редуцированными или фонетически модифицированными автономными личными местоимениями.

Однако, так как выше мы реконструируем как минимум две особые формы редуцированной структуры V (для 1 и 2 л. ед. ч.), следует предположить, что уже на ВК праязыковом уровне особые субъектные показатели существовали и могли различаться с местоимениями, используемым для несубъектных значений. Как показано в Главе 2, базовое противопоставление между субъектными и несубъектными показателями лица полностью сохранилось в БК языках, прежде всего в банту.

Статистически превалирующим порядком слов в ВК языках является SVO. Связанные показатели объекта широко распространены и функционируют обычно в виде суффиксов или инфиксов в составе сложной глагольной словоформы, следуя за глагольной основой. Это налагает отпечаток на их форму: так как в Субсахарской Африке доминирующей структурой слога является CV(N), то инфиксальные морфемы, в том числе объектные показатели, в большинстве своём имеют структуру CV, а суффиксальные – CV или N. Объектные показатели менее субъектных подвержены фонетической редукции, и нередко именно они сохраняют наиболее архаичные рефлексy праформ.

Однако были ли объектные показатели в ВК праязыке аффиксальными? Ответ на этот вопрос скорее отрицательный. На это указывает различие в позиции, которую занимают объектные маркеры, происходящие из одного и того же лексического корня, в предложении в различных семьях ВК языков. Как и объект, выраженный именной группой, местоименный объектный показатель может располагаться как между субъектом и предикатом, так и следовать за сказуемым. Мнения лингвистов относительно порядка слов в праязыке расходятся: некоторые, как Л. Хайман [Human 1975] и Т. Гивон [Givón 1979], считают его SOV; другие, как авторы работы [Heine, Reh 1984], наоборот, предполагают базовый порядок слов SVO, в то время как схему SOV считают результатом перифразы предложений с отглагольным именем (VN):

S – V – O – VN >

S – Aux – O – V (см. об этом подробно в [Marchese 1986]).

Относительную архаичность какой-либо из двух позиций объектных маркеров сложно доказать, однако если бы в праязыке объектный показатель имел связанный характер, он не имел бы возможности впоследствии, при изменении порядка слов в языке, «кочевать» с места на место ни в предложении, ни в глагольной словоформе. Там, где объектный показатель происходит от новой лексемы, можно предположить элиминирование старого маркера и инновацию, однако мы показали ранее, что в ВК праязыке субъектные и объектные местоимения по происхождению не различались. Следовательно, логичнее допустить, что показатель объекта в праязыке был автономным местоимением.

Об особом происхождении объектных маркеров в ряде языков мы уже неоднократно говорили выше. Некоторые случаи такого происхождения возводятся на уровень праязыков групп. Можно привести примеры противопоставления гетерогенных субъектных и несубъектных (в т. ч. объектных) показателей в бенуэ-конго,

субъектных и объектных местоимений 1–2 л. ед. ч. в языках чангин атлантической общности, местоимений субъекта и объекта 1 л. ед. ч. **mi* и **zə* в языках банда семьи убанги, а также многие другие.

В целом ряде языковых семей различия между объектными показателями и местоимениями других серий лежат в области вокализма. Это наиболее отчётливо проявляется в языках гур и южноатлантических, где субъектные показатели демонстрируют в основном гласные переднего ряда (*I/E*), а объектные – гласные заднего ряда (*U/O*). Примеры аналогичного характера во множестве обнаруживаются в языках ква, где гласная объектного показателя имеет более продвинутое назад артикуляцию. Видно, кроме того, что на протяжении тысячелетий как в праязыках, так и в современных нам ВК языках существует тенденция к последовательному различению субъектных и несубъектных форм. Нам представляется весьма вероятным, что вокалическое чередование между переднерядными и заднерядными плюральными формами, реконструированное нами в ВК праязыке, могло иметь аналогичную природу, то есть маркировать различие между субъектной и объектной сериями личных показателей.

Говоря о наличии в ВК праязыке особой серии независимых местоимений, следует принять во внимание, что показатели этой серии в целом ряде семей ВК языков демонстрируют относительное единообразие. В предыдущих главах было отмечено, что для некоторых семей можно гипотетически реконструировать маркеры фокуса и топика на праязыковом уровне, однако эта возможность присутствует далеко не везде. В Табл. 10.6 приведены наиболее распространённые морфемы, с помощью которых формируются независимые местоимения в НК языках.

Таблица 10.6

семья / группа	<i>V-</i>	<i>-N(V)</i>
БК	<i>*i-</i> (бантоид.), <i>*à-</i> (кроссривер), <i>a-/o-/ε-</i> (зап.)	<i>-n(V)</i>
ква	<i>a-</i> (редко)	
гур		<i>*-nI, *-η, -mV</i>
убанги	<i>ē-/ē-</i>	
адамауа	<i>a-</i> (каранг)	<i>-n</i> (тула)
кру	<i>à-</i>	<i>*-mU, *-nI</i> (мн. ч.)
бак	<i>a-</i>	
юж.-атл.		<i>*-n(a)</i>
тенда		<i>-n</i>
ньюн-буй		<i>-na</i>
фула-сереер		<i>-n/-m</i>
биджого	<i>a-</i>	

Заметно, что в числе морфем, маркирующих личные местоимения независимой серии, находятся префиксальная гласная (обычно *a-*, однако употребляются и другие), а также суффикс с назальной фонемой, как правило, *-n(V)* или *-m(V)*. Вокалический префикс при этом во многих семьях языков совпадает с маркером генитивности или посессивности, формирующим также притяжательные местоимения. Этот префикс тем самым может рассматриваться как универсальный маркер, придающий личному местоимению автономный синтаксический статус в предложении. Исходя из данного обзора, его вполне можно проецировать и на ВК праязыковой уровень.

Что касается суффиксов **-n(V)/*-m(V)*, то оба они также являются явными претендентами на праязыковой статус благодаря своему широкому распространению. Данные морфемы функционируют не только в системах личных местоимений, но, как было показано выше для целого ряда семей языков, также в системе имени существительного. В языках кру, по уже упоминавшемуся в Главе 6 мнению Л. Маркезе, оба они происходят из глаголов с экзистенциальным значением. К сожалению, подробного сравнительного исследования маркеров именного фокуса/топика в исследуемых нами пока не проводилось, так что мы можем предположить лишь предварительную гипотезу о том, что показатели **-n(V)* и с меньшей вероятностью **-m(V)* (его распространение несколько менее широко) могут рассматриваться в качестве ВК маркеров усилительных значений, как для имени, так и для местоимения. Интересно, что, если попытаться спроецировать эту реконструкцию на более глубокий хронологический уровень нигер-конго, то можно предположить его автономное (или клитическое) положение: в кордофанских языках мы видим усилительную морфему **Vŋ-/*ŋV-* в виде префикса, а не суффикса, как в ВК языках.

Вероятно, такой же вывод можно сделать и о посессивных морфемах, маркирующих притяжательные местоимения в ВК языках. Особый ассоциативный маркер во многих семьях языков присоединяется к личному показателю лишь в значении отчуждаемой принадлежности. Это хорошо видно, к примеру, в языках убанги, однако явление зафиксировано также в ряде языков кру и других (а на НК уровне – и в манде). При этом показатель неотчуждаемой принадлежности (присоединяемый к именам семантических групп родства, частей тела, физиологических жидкостей), как правило, идентичен показателю прямого объекта глагола. Оснований для выделения на ВК уровне особой притяжательной серии личных показателей, по нашему мнению, не имеется.

Нельзя не отметить такого способа образования независимых местоимений, как полная или частичная редупликация субъектного местоимения. Этот способ распространён по всей Субсахарской Африке и имеет многочисленные типологические параллели на других континентах, так как одно из универсальных значений редупликации – именно усиление значения. Среди ВК языков редуплицированные местоимения независимой серии или же с любым эмфатическим значением встречаются в языках БК (эдоидных, банту, других бантоидных), гур, убангийских,

а за пределами ВК – также в кордофанских. Однако рассматривать такой способ образования как праязыковую глоссу вряд ли возможно – она скорее должна рассматриваться как ареальное явление либо проявление типологической универсалии.

И наконец, следует суммировать нашу позицию по вопросу реконструкции местоимений 3 л., собрав воедино то, что об этом говорилось на всём протяжении настоящей работы.

Для большинства ВК языков, обладающих разветвлённой системой именных классов, в качестве местоименных маркеров 3 л. выступают аффиксы именного класса лиц единственного и множественного числа. Они не входят в состав парадигмы личных местоимений и должны рассматриваться исключительно в рамках системы именной классификации. Такова ситуация во многих языках бенуэ-конго, гур, в большинстве атлантических языков, в ряде языков ква, а за пределами ВК – в кордофанских языках. Там же, где система именных классов подверглась существенной редукции или разрушению, показатели 3 л., как правило, функционируют в рамках местоименной парадигмы, однако по своему происхождению они также во многих случаях восходят к именным классам. Такова, вероятно, ситуация в языках кру, восточных и северных языках догон, в некоторых группах убангийских языков. Местоимения 3 л. обладают грамматическими категориями и характеристиками, отсутствующими в других лицах: одушевлённости / неодушевлённости, личности / неличности, в отдельных языках – грамматического рода. Эти категории и есть реликты системы классификации их именных референтов.

Таблица 10.7

	3 л. ед. ч. *O	3 л. мн. ч. *BA
эдоидные	*ɔ	
игбоидные	*O	*ba
ква	o/ɔ (поту-тано)	ba/be (поту-тано)
убанги		*wà (гбая), *wó (нгбака)
адамауа	*(w)o/*(w)u (дуру-леко, дай, мумуйе)	bə (самба-леко)
кру		*wa (вост.)
бак	*a	*bV-
чангин		*ba
юж.-атл.	*O-	
тенда		*-bi, *be
иджоидные	*ò	
догон	*wó (вост.)	*bé (вост.), *bU (сев.)
кордофанские	*(ɲ)u	

Таким образом, при восстановлении показателей 3 л. мы должны делать вывод, что и в ВК праязыке, обладавшем, согласно общепризнанному мнению, системой именных классов, 3 л. выражалось с помощью классовых аффиксов так же, как ныне, к примеру, в языках банту. Это означает, что неодушевлённые референты требовали использования маркеров соответствующих классов, в то время как референты-лица использовали показатели класса лиц (обычно его обозначают, по бантуистической традиции, как класс 1/2). Данные аффиксы реконструируются как *O для ед. ч. класса лиц и *BA для мн. ч. [Westermann 1927; Greenberg 1963: 31]. Сравнительные обзоры классовых маркеров в НК языках публиковались многократно, один из последних можно видеть в работе [Williamson 1989: 38–39]. В тех языках, где существует особый подкласс местоимений 3 л. (с личным или одушевлённым значением), на их родство с морфемами именных классов указывают соответствия (Табл. 10.7).

В целом ряде языков ареала местоимения 3 л. ведут своё происхождение из демонстративов – в языках мира это вообще наиболее продуктивный способ их образования. В частности, в языках манде, где от системы именных классов, вероятно, сохранились лишь отдельные нечёткие следы, местоимения 3 л. также отделены от других членов парадигмы по своему генезису: они во многих случаях ведут происхождение из указательных местоимений, и происхождение это, как можно судить по сопоставлению форм 3 л. различных групп семьи манде, весьма недавнее. То же можно сказать и о некоторых убангийских языках, также демонстрирующих родство между указательными и личными местоимениями 3 л.

Таблица 10.8

	3 л. ед. ч.	3 л. мн. ч.
убанги	*kó/*kó (мба, занде) (м.)	*ako (занде) (лич.)
адамауа	*kE (мбум)	
бак		*kU- (субъект.)
чангин	*kɔ (объект., независ.)	
тенда	*xɔ- (тенда) (субъект.)	
догон	*kó/*ki (нелич.)	
кордофанские	*-o(g) (талоди)	

О синтаксическом статусе классовых маркеров и их положении в клаузе также существуют различные мнения. Известно, что в целом ряде языков (бенуэ-конго, ква, адамауа, убанги и др.) классовые маркеры являются не префиксами, как в языках банту, а суффиксами. При этом многие из них регулярно соответствуют бантуским префиксам [Williamson 1989]. Это заставляет признать возможность их автономного морфемного статуса в ВК праязыке. В этом нет ничего неестественного: показатели классов, по всей вероятности, представляют собой грам-

матикализованные имена существительные, некогда употреблявшиеся как самостоятельные лексемы.

При обсуждении форм 3 л. в ВК языках следует упомянуть изоглоссу **kV-*, объединяющую языки целого ряда групп и семей. Некоторые соответствия приведены в Табл. 10.8., куда добавлены также данные кордофанских и догонских языков.

Заметно, что формы модели *kO* могут маркировать как личных референтов (в убанги), так и неличных (в догон). Возведение этой изоглоссы к праязыковой системе классных маркеров весьма проблематично: формально она соответствует показателю именного класса частей тела (условный класс 15) **ku*, однако генезис личных местоимений из маркера с таким значением весьма нетипичен.

§ 2. Реконструкция путей развития местоименных систем после распада праязыка

При принятии предложенной нами реконструкции становится понятно, что тысячелетия, прошедшие со времён распада ВК праязыковой общности, оставили картину системы личных показателей вполне узнаваемой даже в современных языках. Изменения, происходившие на протяжении этого периода в каждой из ветвей ВК, прослеживаются весьма отчётливо. Для того чтобы представить себе, как развивались ВК личные показатели в отдельных семьях языков вплоть до современного нам состояния, перечислим основные диахронические изменения, которые могли происходить в каждой из них в ходе прошедших тысячелетий.

1. Бенуэ-конголезские языки (Глава 2).

В языках банту, а возможно, уже на прабантоидном уровне формы личных местоимений образовали ещё более чёткое, чем в ВК, противопоставление субъектной и несубъектной серий. В ряде случаев создание этой оппозиции шло по пути фонетической модификации, как уже упоминающееся переосмысление субъектного показателя 1 л. ед. ч. **N-* как **n-* перед переднерядной гласной в банту и последующее появление формы *ni-*, или же палатализация **tʷ-* > **cʷ-* в показателе 1 л. мн. ч. также перед передней гласной. В других случаях возникли новообразования, как, например, форма личного показателя субъекта 2 л. мн. ч. **mʊ-*, аффикс прямого объекта 2 л. ед. ч. **-kʊ-* в языках банту, не подлежащие реконструкции на более высоком таксономическом уровне. Субъектное значение маркировалось субъектной же серией, объектное и притяжательное – несубъектной серией, которая также участвовала в формировании независимых местоимений с префиксом **i-*.

Весьма вероятно, что данное противопоставление двух синтаксических серий существовало уже в БК праязыке, который, как мы показали в Главе 2, был существенно более флективным, нежели многие современные языки Нигерии. Однако тенденция к утрате флективности и формированию изолирующего строя, растущая с востока на запад в БК ареале Нигерии и Камеруна и вызванная, вероятно, контактами с автохтонными изолирующими языками региона (ср. языки кру, идждоидные), привела к тому, что субъектные префиксы были вытеснены незави-

симыми местоимениями, которые стали маркировать субъект глагольной клаузы. Именно поэтому в западных БК языках и частично в языках кроссривер мы уже видим единообразие субъектных и объектных форм, утрату противопоставления двух серий. Бантоидные языки и особенно языки банту в этом отношении сохранили архаичность.

Автономные местоимения, как независимые, так и посессивные, всюду в БК языках (а возможно, уже на этапе существования праязыка бенуэ-ква) образовывались с помощью вокалических префиксальных маркеров **à-* и **i-* с ассоциативным значением.

2. Языки ква (Глава 3).

В языках ква, также восходящих к праязыку бенуэ-ква, имевшем, вероятно, флективный строй, процесс перехода к аналитическому строю зашёл существенно дальше, нежели в БК семье. Большинство языков демонстрируют синтаксически автономные личные местоимения, различия по синтаксическим сериям выражены значительно слабее, чем в БК языках. Тем не менее и здесь можно показать, что исходно субъектная серия личных показателей существовала: её реликты сохраняются, например, в редуцированном гоморганном показателе 1 л. ед. ч. **N-*. Во многих языках семьи субъектные местоимения переосмыслены с включением в состав личного показателя различных глагольных маркеров, в т. ч. со значениями времени, аспекта и модальности, что привело к созданию морфологических серий субъектных показателей.

Здесь произошло и частичное разрушение системы именной классификации, результатом которой стали многочисленные новообразования, заполнившие ячейки местоименной парадигмы в значениях 3 л., ранее занятые классными аффиксами. Эти новообразования несводимы к единой праформе и нередко происходят из дейктических маркеров. Однако наиболее частотными формами в 3 л. остаются формы, производные от древних показателей класса лиц.

Уже на этапе существования диалектов праязыка ква показатель 3 л. мн. ч. **ba* начинает вытеснять исконные личные местоимения 1–2 л. мн. ч.; в целом аналогические процессы в местоименной парадигме в языках ква проявились необычайно широко, что во многом затрудняет реконструкцию именно плюральных форм местоимений. Так, в 1 л. мн. ч. многие языки употребляют формы, образованные по аналогии с соответствующими сингулярными местоимениями (в языках тано и гбе), в то время как рефлекс праязыкового местоимения **tU/*tI* обнаруживаются лишь в небольшом (хотя с точки зрения дистрибутивного анализа и вполне репрезентативном) количестве языков.

Образование независимых местоимений в ква происходило аналогично языкам БК, с помощью прибавления префикса **à-*. Вероятно, это явление можно отнести ещё к периоду существования языковой общности бенуэ-ква.

3. Языки гур и сенуфо (Глава 4).

В языках семьи гур реконструируются три синтаксических серии личных показателей: субъектно-посессивная, объектная и независимая. Во всех лично-

числовых значениях они образованы от единых лексических основ. Субъектные и объектные показатели сохранили различие в позиции в составе клаузы, при этом в системе субъекта сохранился в некоторых группах (оти-вольта, були-кома, зап. гуси) и клитический показатель 1 л. ед. ч. **N=*. На праязыковом уровне ярко выраженных лексических новообразований в системе местоимений нет, все они начинают появляться только после распада общности гур.

Наиболее любопытной особенностью систем личных показателей является противопоставление вокализма (**I/*U/*a*), проявляющееся в формах личных показателей всех лиц и чисел. Эта оппозиция, по мнению предыдущих исследований, может быть истолкована как противопоставление грамматических значений глагола, прежде всего видовременных или модальных. Однако, учитывая особенности фонологии языков гур, и в частности сильную тенденцию к гармонизации вокализма личного показателя и сказуемого, можно предположить и чисто фонологическое объяснение чередования. Исходным вокализмом во всех четырёх местоимениях парадигмы (1–2 л.), по-видимому, нужно считать **-I*: именно эту гласную чаще всего употребляют формы перфектива, считающегося немаркированным значением африканского глагола.

Независимые формы местоимений образовывались в праязыке с помощью суффикса **-nI/*-ŋ*.

Местоимений 3 л. в парадигме праязыка гур не восстанавливается, их роль повсюду играют классные маркеры. В этом смысле языки гур также можно назвать одними из наиболее архаичных ВК языков.

Системы личных показателей в языках гур демонстрируют весьма чёткое разделение между центральными языками (составляющими и географическое ядро) и периферийными. Последние представляют собой условный конгломерат идиомов, несводимых, по всей вероятности, к общему таксону, хотя и демонстрирующих в ряде случаев родство с другими ВК языками. Периферийные языки гур, как и языки сенуфо, согласно нашему анализу, не подтверждают свою генетическую принадлежность к семье гур и должны рассматриваться отдельно.

4. Языки убанги (Глава 5)

Согласно данным анализа местоименных систем, ядром убангийской семьи языков являются группы банда, гбая, нгбака и занде. Все они характеризуются заметным сходством систем личных показателей, в том числе и наличием общей инновации – местоимения 2 л. ед. ч. **mo*, возводимого к убангийскому праязыку. Языки мба демонстрируют отдельные инновации, однако наиболее далёкими от праубангийской системы местоимений являются малоизученные языки группы сере, генетический статус которых нами, таким образом, ставится под сомнение.

Различия между синтаксическими сериями в языках убанги почти полностью утрачены. Тем не менее ключевая оппозиция между субъектным и объектным значением проводится в языках банда.

Во многих языках развилась инновационная оппозиция между инклюзивными и эксклюзивными формами 1 л. мн. ч., однако это произошло уже после распада

праязыка убанги, хотя и на раннем этапе (например, на уровне праязыка группы банда). Исходное праязыковое местоимение 1 л. мн. ч. получало значение инклюзива, формы эксклюзива образовались во многих случаях с помощью модификации местоимений 1 л. ед. ч.

В убанги, где произошло разрушение древней системы именных классов, местоимения 3 л. являются новообразованиями, в т. ч. от «новых» классовых маркеров, как в группе мба. Ныне существующие местоимения 3 л. сформировались в каждой группе (а иногда и подгруппе) независимо уже после распада убангийского праязыка на отдельные диалекты, однако характерна изоглосса местоимения 3 л. ед. ч. **kO* в языках мба и занде, возводимая к более высокому хронологическому уровню, см. выше. Местоимения 3 л. мн. ч. образовались от соответствующих сингулярных путём добавления плюрализирующего префикса.

5. Языки кру (Глава 6).

Языки кру, носители которых, по всей вероятности, пришли к северному побережью Гвинейского залива из зоны саванн, претерпели впечатляющие изменения, которые мы склонны объяснять влиянием контактов с автохтонными языками лесной зоны. В частности, в грамматике существенным образом сократилась сегментная база форм личных местоимений, переход языка к изолирующему типу полностью нивелировал различия между различными сериями местоимений, в результате чего резко повысилась роль тональных противопоставлений. В итоге реконструкция праязыковой системы местоимений в довольно близких между собой языках кру становится весьма сложной. И тем не менее реликты ВК системы личных показателей местоимений подтверждаются, во-первых, формами 1–2 л. ед. ч., соответствующих ВК праформам, а во-вторых, наличием местоимений 3 л., явно происходящих из ВК аффиксов класса лиц и сохранивших оппозицию по категории личности/неличности.

Важнейшими инновациями являются формы плюральных местоимений 1–2 лица (1 л. мн. ч. **à*, 2 л. мн. ч. **á/*ā*), происхождение которых затемнено указанными структурными процессами; возможно, их источником послужили автохтонные языки региона.

Независимые местоимения в кру образовались с помощью маркеров фокуса **mU* и **nI*, сравнимых с соответствующими маркерами в других языках ВК общности. Их иногда выводят из бытийных глаголов, поныне функционирующих в некоторых языках семьи.

6. Атлантические языки (Глава 8).

Анализ местоименных систем заставляет предположить, что атлантические языки являются гетерогенной общностью, объединявшейся в традиционной африканистике лишь по географическому и типологическому принципам. Их генетическое родство можно считать обоснованным, что подтверждает и сходство местоименных парадигм, однако общих инноваций, позволяющих говорить о наличии атлантического праязыка, в местоименных системах не обнаруживается. Однако общие инновации объединяют отдельные группы атлантических языков с языками других семей

ВК языков. В частности, мы говорили о возможном близком родстве между языками бак и БК языками, между южноатлантическими, гур и убангийскими языками. Вероятно, есть смысл более детально рассмотреть сходства также между языками группы чангин и семьи гур, разделяющими общую изоглоссу **fU*во 2 л. ед. ч.

Ряд атлантических языков можно рассматривать как весьма архаичные. Так, в языках групп бак, тенда, ньюн-буй сохранился флективный строй морфологии, который иногда предполагают для ВК праязыка. В языках биджого и южноатлантических сохранились архаичные формы местоимения 1 л. мн. ч. В то же время велико и количество инноваций. Однако нигде в атлантических языках мы не видим значительного разрушения исконной ВК системы местоимений. Из этого можно сделать вывод, что различные группы атлантических языков могут рассматриваться как ответвления относительно позднего уровня, по крайней мере по сравнению с иджондскими, догонскими языками или языками манде.

Приведённый краткий обзор суммирует основные диахронические изменения систем личных показателей от ВК праязыка к современным языкам, более детально описанные в соответствующих главах настоящей работы. Вполне характерно, что тысячи лет, прошедшие с момента распада их общего праязыка, не позволили им утратить отчётливых следов общего происхождения, а местами даже удивительных по своему формальному сходству парадигм показателей. Табл. 10.9 демонстрирует ряд выборочных ВК языков различных семей, сохранивших без существенных изменений систему личных показателей, реконструируемую нами для ВК праязыка.

Таблица 10.9

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
ВК	<i>*N/*mI</i>	<i>*U/*wU</i>	<i>*O</i>	<i>*tU/*tI</i>	<i>*nU/*nI</i>	<i>*ba</i>
баболе (БК, банту)	<i>à-mé</i>	<i>à-wé</i>	<i>à-</i>	<i>tò-</i>	<i>-né</i>	<i>bá-</i>
кохумоно (БК, кроссривер)	<i>N-</i>	<i>à-gwò</i>	<i>o-</i>	<i>à-dò</i>	<i>à-nò</i>	<i>βa-</i>
идома (зап. БК)	<i>à-mì</i>	<i>à-wò</i>	<i>ó</i>	<i>à-lò</i>	<i>à-nò</i>	<i>ù-wá</i>
око (БК изолят)	<i>mè-</i>	<i>ù-</i>	<i>à-</i>	<i>tì-</i>	<i>nì-</i>	<i>bè-</i>
логба (ква)	<i>m-</i>	<i>a-ú</i>	<i>ɔ-</i>	<i>a-ti</i>	<i>a-ni</i>	<i>e</i>
ваама (гур, оти-вольта)	<i>N, mɛ-n</i>	<i>ó</i>	<i>ò</i>	<i>ti</i>	<i>i-ɲi</i>	<i>bà</i>
гурманчема (гур, гурма)	<i>mì-nì</i>	<i>fì-nì</i>	<i>ò</i>	<i>tì</i>	<i>(y)i</i>	<i>bā-nī</i>
фула (атл.)	<i>mi</i>	<i>a</i>	<i>o-</i>	<i>e-dɛn</i>	<i>dɔn</i>	<i>bɛ</i>
ландума (атл.)	<i>mi</i>	<i>mə-</i>	<i>o-</i>	<i>su</i>	<i>nu</i>	<i>ɲa-</i>
мбум (адамауа)	<i>mì</i>	<i>mù</i>	<i>ké</i>	<i>rú</i>	<i>à-ndi</i>	<i>kú</i>
бали (адамауа)	<i>m-</i>	<i>ɲ-</i>	<i>a-</i>	<i>dî-, tó</i>	<i>-ne</i>	<i>bə</i>
мбодомо (убанги)	<i>mí</i>	<i>mé</i>	<i>ʔà</i>	<i>ʔé-lé</i>	<i>ʔé-né</i>	<i>wà</i>

Завершив этот краткий итоговый анализ реконструкции праязыковой системы личных показателей в ВК языках, обратимся теперь к другим языкам НК макросемьи, стоящим, согласно общепринятой классификации, вне очерченных нами в начале настоящей главы пределов ВК общности. Ещё раз напомним, что речь идёт о языках, рассмотренных нами в Главах 7 и 9, т. е. принадлежащих к семьям манде, иджоидных, догонских и кордофанских – все они считаются наиболее ранними ответвлениями от НК общности и должны иметь расхождение с современными нам ВК языками не менее 10 тысяч лет.

Безусловно, этот срок является основным фактором значительных формальных различий между местоименными системами. Однако стоит тем не менее попытаться верифицировать постулируемое родство между праязыковыми системами каждой из указанных семей и реконструированной нами системой личных показателей ВК праязыка.

Сравнение реконструированных иджоидных и ВК личных показателей дано в Табл. 10.10.

Таблица 10.10

	ВК	иджоидные
1 л. ед. ч.	*N/*mi	*à, *Ì, *ÌnI, *ÌrI
2 л. ед. ч.	*U/*wU	*Í, *ÍnI, *Íri
3 л. ед. ч.	*O	*Ò (м.), *á (ж.)
1 л. мн. ч.	*tU/*tI	*wá, *wáminV
2 л. мн. ч.	*nU/nI	*Ó, *ÓminV
3 л. мн. ч.	*ba	*ÌnÍ

Пожалуй, единственное сходство, о котором можно в данном случае говорить как о формальном соответствии, обнаруживается в формах 3 л. ед. ч. Однако местоимение, состоящее лишь из одной гласной фонемы, вряд ли может дать основания для постулирования генетического родства. В остальном же системы кажутся абсолютно несхожими, и структурных сходств между парадигмами также не наблюдается. Иджоидные языки обладают ярко выраженными системами грамматического рода, фигурирующего не только в 3 л., как в некоторых других НК языках, но и во 2 л. Если сопоставить иджоидные данные с реконструкцией местоименной системы любой из семей ВК языков, очевидных формальных сходств мы также не наблюдаем.

В качестве любопытного исключения можно назвать языки кру: по некоторым своим фонологическим характеристикам личные местоимения кру весьма похожи на местоимения иджоидных языков. В числе таких характеристик, имеющих в основном структурный характер, прежде всего стоит указать на вокалическую структуру большинства местоименных форм (имеющую вид V), опору на супрасегментные противопоставления в системе, оппозицию личных и неличных форм в 3 л.

Характерны и формальные соответствия местоимений 1–2 л. ед. ч.: в обеих семьях языков они имеют форму **I*, однако с различным тональным рисунком.

Так как языки кру демонстрируют значительную близость (как морфологическую, так и – даже в большей степени – лексическую) к другим ВК языкам, объяснением указанных сходств могут являться доисторические процессы конвергенции между языками кру и некоторыми автохтонными языками, родственными иджо, носители которых, возможно, населяли прибрежные районы Гвинейского залива, зону нынешнего распространения языков кру. В Главе 9 было отмечено, что иджойдные народы, весьма вероятно, являются исчезающим реликтом некогда крупного конгломерата народов, населявших лесную зону северного побережья залива. Богатая тонология и изолирующий строй языка с обилием сверхкратких лексем с идентичной сегментной базой, которыми сегодня характеризуются языки данной зоны, прежде всего иджо, кру и южные языки манде, вероятно, можно рассматривать в качестве субстратных черт. Местоимения иджойдных языков также могут являться результатом заимствования из некоторого субстратного языка.

В любом случае, говоря об иджойдных языках, следует признать, что их местоименная система не даёт оснований для включения их в состав НК макросемьи.

Несколько иную ситуацию видим при сопоставлении личных местоимений в языках манде с ВК реконструкцией (Табл. 10.11).

Таблица 10.11

	ВК	юж. манде	юго-зап. манде	манден	другие манде
1ед.	<i>*N/*mi</i>	<i>*N, *mā</i>	<i>*ŋ-</i>	<i>*Ń</i>	<i>*Ń</i> (зап.), <i>*ma</i> (вост., бобо), <i>*mV</i> (самого)
2ед.	<i>*U/*wU</i>	<i>*ɪ/*ē *bè/*bī</i>	<i>*i/*é *bí</i>	<i>*i/*é</i>	<i>*í</i> (зап.), <i>*wO</i> (самого), <i>bi</i> (бобо)
3ед.	<i>*O</i>	<i>*à</i>	<i>*à</i>	<i>*à</i>	<i>*à</i>
1мн.	<i>*tU/*tI</i>	<i>*kō/*kō, *o</i>	<i>*mù</i>	<i>*Ń, *áŃ</i>	<i>*mu</i> (сусу-джалонке, вай-коно), <i>*mU</i> (самого)
2мн.	<i>*nU/nI</i>	<i>*kā</i>	<i>*ka, *wó</i>	<i>*á(lù)</i>	<i>*a</i> (вост.), <i>*wO</i> (моколе, сусу-джалонке)
3мн.	<i>*ba</i>	<i>*ànù</i>	<i>*tì</i>	<i>*àlù</i>	<i>*ànù</i> (моколе, вай-коно)

В таблице приведены формы, реконструированные для различных групп семьи манде; видно, что некоторые из них вполне возводимы на праязыковой уровень всей семьи, но некоторые (1–2 л. мн. ч.) сильно расходятся.

Формы 3 л. лишь с оговоркой могут подлежать сравнению: если в ВК языках они изначально являют собой аффиксы именных классов лиц, то исчезновение классного согласования в манде на очень раннем этапе затрудняет принятие такого

варианта. Сингулярные местоимения 3 л. в манде нередко происходят из детерминативов – дейктических частиц или показателей определённости (так в юго-западной группе, см. в Главе 7). Категория же множественности придаётся одним из именных плюралейных маркеров, ср. *-lu/-nu* в манден, других западных и южных языках манде.

Предположительными изоглоссами, связывающими языки манде и ВК, являются, по сути, лишь две формы, – это 1 л. ед. ч. **N/*ma* и 2 л. ед. ч. **bI*. В первой из них остаётся неясно, родственны ли между собой два местоимения **N* и **ma* в языках манде и если да, какая форма является первичной. Гоморганная носовая морфема используется в большинстве групп манде в позиции приглагольного субъектного показателя, часто клитического или связанного; в значении фокуса употребляются иные формы, структурно более сложные. Можно предположить, что **N* является результатом редукции, однако какова была исходная форма, можно лишь предполагать.

Что касается изоглоссы **bI*, объединяющей формы юго-западных, южных языков манде, а также бобо, то её статус на уровне всей семьи не подтверждается соответствиями в других ветвях, и оттого сравнение с ВК языками остаётся шатким. Данная морфема может быть как реликтом НК языкового состояния, так и заимствованием из других языков региона, ср. гур **fI*, байнук (атл.) *fi*, джаад-биафада (атл.) **wi* и др. Полезно заметить, что формы типа *bI* в языках манде (южной и юго-западной групп) обнаруживаются преимущественно в автономной синтаксической позиции, в частности в фокализованной и императивной сериях.

Таким образом, несмотря на отдельные возможные изоглоссы, связывающие языки манде и ВК языки в местоименной перспективе, в их системах личных показателей содержится значительно больше различий, чем сходств. Возможно, более детальный анализ личных местоимений в языках манде, от которого мы вынуждены были воздержаться на этом этапе, позволит привлечь дополнительные аргументы для доказательства родства языков этой семьи с другими НК языками.

Иную ситуацию мы видим при сравнении парадигм реконструкций между ВК языками и языками догон (Табл. 10.12).

Таблица 10.12

	ВК	догон
1 л. ед. ч.	<i>*N/*mi</i>	<i>*mí</i>
2 л. ед. ч.	<i>*U/*wU</i>	<i>*ó/*ú</i>
3 л. ед. ч.	<i>*O</i>	<i>*wó</i> (вост.), <i>*áá</i> (зап.)
1 л. мн. ч.	<i>*tU/*tI</i>	<i>*í(i)</i> (сев., вост.), <i>*émé</i> (вост.)
2 л. мн. ч.	<i>*nU/nI</i>	<i>*é</i>
3 л. мн. ч.	<i>*ba</i>	<i>*bé/*bU, *yV</i>

Таблица наглядно демонстрирует ряд существенных сходств между парадигмами. Для нас важнейшими являются сходства в формах 1–2 л. ед. ч., демонстрирующих довольно точные соответствия между собой. В то же время важно обратить внимание и на формы 3 л. Языки догон практически полностью утратили систему именной классификации (реликтом её остаётся лишь выделение класса близких родственников [Bendor-Samuel et al. 1989: 172]), однако местоимения 3 л. ед. ч. **wó* (восточная группа) и 3 л. мн. ч. **bé* (вост.) и **bU* (зап.) с большой долей вероятности представляют собой остатки НК аффиксов класса лиц. Наиболее распространённым показателем немаркированной множественности в языках догон также является суффикс *-be*.

Проблемой, безусловно, остаётся происхождение показателей первых двух лиц множественного числа. Соответствия между местоимениями 1 л. мн. ч. **ní* в языках северной группы, **í* в восточных и **íí* в западных языках позволило нам выдвинуть гипотезу о прадогонском местоимении вида **ni*, однако это предположение остаётся довольно шатким и не находит весомых подтверждений по данным внешнего сравнения. Форма независимого местоимения *ém(m)é* в языках восточной группы, видимо, возникает как производная от местоимения 1 л. Из-за краткости формы ничего определённого нельзя сказать пока о происхождении местоимения 2 л. мн. ч. **e*.

Тем не менее основания для подтверждения НК происхождения догонских языков в местоименной парадигме, безусловно, присутствуют. Более того, языки догон в целом демонстрируют бóльшую близость к таким архаичным в местоименной перспективе семьям, как бенуэ-конго (показатели 2 л. ед. ч. **U* и 3 л. мн. ч. **bV*), нежели к языкам гур (характерным своим местоимением 2 л. ед. ч. **fV*), адамауа-убангийским или южноатлантическим (с общей изоглоссой во 2 л. ед. ч. **mO* и малочисленными рефлексамии показателя 3 л. мн. ч. **bV*). О какой-либо специфической генетической близости между языками догон и манде, являющимися географическими соседями, на местоименном материале говорить не приходится.

Сравнение между ВК и кордофанскими личными показателями приведено в Табл. 10.13.

Таблица 10.13

	ВК	кордофанские
1 л. ед. ч.	<i>*N/*mi</i>	<i>*ni/*ŋi</i>
2 л. ед. ч.	<i>*U/*wU</i>	<i>*(ŋ)a/*(ŋ)O</i>
3 л. ед. ч.	<i>*O</i>	<i>*(ŋ)u ?</i>
1 л. мн. ч.	<i>*tU/*tI</i>	<i>*-ri (и.), *-ni (э.)</i>
2 л. мн. ч.	<i>*nU/nI</i>	<i>*nO</i>
3 л. мн. ч.	<i>*ba</i>	<i>*ŋE</i>

Характерной чертой кордофанских личных показателей является анлаутный назальный элемент **N-* (*ŋ-/ŋ-/n-*), пронизывающий всю парадигму. Однако его стабильность варьирует в зависимости от значений лица / числа по различным языкам, – так, если в 1 л. ед. ч. или 2 л. мн. ч. этот элемент фиксируется повсюду, то во 2–3 л. ед. ч. он присутствует только в ряде языков. Из этого можно сделать вывод, что назальный анлаут мог распространиться по всей парадигме в результате действия аналогии в целях структурной унификации форм личных показателей (для субъектной серии в формате CV-). Если так, то можно говорить о соответствии между ВК и кордофанскими формами, маркирующими значения 2–3 л. ед. ч.

Можно предположить и иное развитие. Кордофанские языки, как наиболее раннее ответвление от НК общности, могли сохранить архаичные формы местоимений, в т. ч. местоимение 2 л. ед. ч. **ŋO*, которое в других НК языках утратило свой назальный анлаут, – лексические примеры соответствий такого рода между кордофанскими и другими НК языками выделяются ещё в работах Дж. Гринберга. В Главе 9 также обсуждались аргументы Гринберга, сопоставлявшего кордофанскую начальную фонему **ŋ-* с **m-* других НК языков; если эта гипотеза верна, возникает соответствие между формами 1 л. ед. ч. кордофан. **ŋi* vs. ВК **mi*. В качестве других соответствий Гринберг приводит пример бантуского сингулярного префикса класса лиц **mi-* (засвидетельствованного также в качестве местоимения 3 л. ед. ч. во многих языках ква группы тано); здесь мы также можем предположить, что исходной НК формой этой морфемы является именно **ŋi*, которое мы видим в кордофанских языках, в других же семьях НК языков начальная носовая фонема могла отпасть перед гласной заднего ряда или пройти путь **ŋi > *wi > *u/*o*.

Что же касается местоимений 1 л. мн. ч., то кордофанский инклюзив **-ri* вполне соответствует форме **I*, реконструируемой для ВК праязыка. Как мы знаем, в большинстве ВК языков с наличием категории кляузивности рефлекс этой праформы маркируют именно инклюзивное значение.

Система кордофанских личных показателей имеет и существенные структурные сходства с системами других ВК языков, прежде всего с флективными языками, такими как банту или бак. Это относится, в частности, к позициям, занимаемым связанными личными показателями объекта и субъекта в составе глагольной словоформы. В целом сравнение систем личных показателей является ещё одним подтверждением известного тезиса Т. Шадеберга, что генетическое родство между кордофанскими и ВК языками может быть обосновано с помощью сравнения грамматических систем.

Таким образом, наш анализ систем личных показателей демонстрирует, что НК языки представляют собой общность, сохранившую существенные парадигматические сходства. Особенно это касается языков, входящих в состав крупнейшей ВК ветви семьи. К ним довольно близко примыкают языки догон и кордофанские языки, разделяющие с ВК языками как парадигматические свойства системы, так и формы не менее 50 % личных показателей в составе парадигмы. Отдельные изоглоссы позволяют предположить, что языки манде являются наиболее отдалён-

ными родственниками НК языков, в то время как родство иджоидных языков с НК макросемьёй на материале личного маркирования не подтверждается.

Ни одна из т. н. «ранних» ветвей НК языков не даёт возможности существенно модифицировать нашу реконструкцию для праязыка НК уровня. Исключением могут являться лишь формы $*U$ (2 л. ед. ч.) и $*O$ (3 л. ед. ч.), имеющие нехарактерную для праязыковой парадигмы личных маркеров исходную структуру V . Исходя из материала кордофанских языков, можно предположить, что данные формы ВК праязыка могли стать результатом отпадения начального носового, и, если эта гипотеза подтвердится, НК праформы могут реконструироваться как $*\eta U$ и $*\eta O$ соответственно. Назальные префиксы, засвидетельствованные в формах этих значений в самых разных языках ВК семьи, могут служить тому дополнительным подтверждением: стоит вспомнить показатель 1 класса *tu-* в языках банту, а также местоимения $*mU$ в языках убанги, адамауа, гур, сенуфо и южноатлантических, о которых неоднократно говорилось в настоящей работе.

Табл. 10.14 представляет предлагаемую нами реконструкцию личных показателей НК праязыка. Особо отметим, что в роли показателей 3 л. в НК праязыке, согласно нашей реконструкции, выступали аффиксы именных классов, из них мы приводим лишь формы класса лиц.

Таблица 10.14

	субъект	несубъект.
1 л. ед. ч.	$*N$	$*mi$
2 л. ед. ч.	$*(\eta)U$	$*wU$
3 л. ед. ч. (лич.)	$*(\eta)O$	
1 л. мн. ч.	$*l/*tU$	
2 л. мн. ч.	$*nl/*nU$	
3 л. мн. ч. (лич.)	$*ba$	

§ 3. О системах личных показателей других семей языков Субсахарской Африки

Мы завершили работу по сравнению систем личного маркирования НК языков и реконструкции праязыковой системы личных местоимений. Опыт исследования такого рода никогда не будет выглядеть полным: при анализе таких крупных семей языков, как нигер-конго, по ходу анализа всегда остаются лакуны и белые пятна, вопросы, оставшиеся без удовлетворительного ответа. Ограничения, налагаемые на исследователя отсутствием множества фундаментальных условий для системного сравнительно-исторического анализа (таких как разработанная система регулярных фонетических соответствий) и другими сложностями, рассмотренными в Главе 1, не позволяют нашей гипотезе претендовать на исключительную точность. Вместе с тем выполненный нами последовательный обзор местоимен-

ных систем языков всех семей, включаемых в состав НК макросемьи, и первая попытка системной ступенчатой реконструкции праязыковых форм, проведённая от небольших групп языков вплоть до НК праязыка, сами по себе являются существенными шагами вперёд. Мы полагаем, что предложенная система праязыковых личных показателей является на сегодняшний день наиболее экономичной и непротиворечивой гипотезой, которую можно выдвинуть на основании доступного языкового материала.

Доказательство генетического родства и существования столь обширной макросемьи, как нигер-конго, потребует от нас и ещё одного шага, а именно внешнего сравнения результатов реконструкции с теми языками региона, которые причисляют к другим макросемьям. Оппоненты НК гипотезы и в целом гипотез дальнего родства языков неоднократно указывали на то, что произвольное толкование языковых данных позволяет при наличии фантазии исследователя «подверстать» под такую гипотезу любой язык или общность языков [Campbell, Poser 2008]. Именно этот тезис был одним из основных в арсенале противников ностратической гипотезы после её обоснования советскими учёными в 1960-е гг. В последующие десятилетия много говорилось и писалось о том, что любая семья языков Евразии, связанных тысячелетними конвергентными отношениями, может быть отнесена к ностратической, что, конечно, делало бы саму гипотезу абсолютно расплывчатой. Преодоление этого тезиса стало возможным лишь в 1980-е гг., после выхода в свет трудов С.А. Старостина с обоснованием родства языков сино-кавказской макросемьи – второго крупнейшего генетического объединения языков Евразии [Старостин 1984]. Таким образом, подтверждение существования ностратической макросемьи произошло в том числе методом «от противного» – путём доказательства, что существует ряд языков региона, не входящих в её состав.

В африканском языкознании эта методика пока не находила своего применения, что привело во многом к дискредитации идей Дж. Гринберга на рубеже XX–XXI вв. Попытки, подчас весьма слабо обоснованные, включить в орбиту НК макросемьи всё новые языки, объединить НК и нило-сахарскую макросемьи без достаточных системных доказательств позволили лишь усилить предубеждение т. н. «сплиттеров» в отношении всякого дальнего родства африканских языков, привели к снижению популярности и интенсивности исследований в области сравнительного изучения языков Африки.

Между тем валидность и целостность НК макросемьи можно и нужно доказывать в том числе «от противного» – демонстрируя, что в Субсахарской Африке существует целый ряд языковых семей, чей праязыковой облик никак не соответствует НК реконструкции. Как и в биологии, в сравнительном языкознании бинарная классификация несёт в себе основной смысл таксономических выводов («этот язык относится к этой семье или нет»). Эту методику было решено протестировать в настоящей работе.

Ниже будут кратко рассмотрены системы личных показателей в языках Западной и Центральной Африки, не относимых к НК, а именно языков сонгаи,

центральносуданских, кадугли-кронго и чадских. Три первых семьи принято относить к нило-сахарской макросемье, четвертую – к афразийской макросемье. Кроме чадских, все они когда-либо рассматривались как входящие в состав НК макросемьи или, во всяком случае, родственные ей, все четыре географически примыкают к зоне распространения НК языков и тесно контактируют с ними, вероятно, на протяжении тысячелетий. Тем не менее, как будет показано, конвергентные процессы между каждой из указанных семей языков и НК языками вовсе не привели ни к разрушению их исконных систем личных местоимений, ни к адаптации характерной НК системы. Таким образом, мы стремимся продемонстрировать, что местоименная перспектива не даёт достаточных оснований для отнесения их к НК макросемье. Следовательно, насколько бы крупной ни казалась нам последняя – напомним, более 1500 языков, и у неё есть вполне чёткие генетические и географические границы.

Языки сонгаи

Ареал распространения языков сонгаи весьма широк и проходит широкой полосой вдоль основного изгиба среднего течения р. Нигер. На языках сонгаи говорят в Мали, Мавритании, Буркина-Фасо. Отдельные островки языков, принадлежащих к семье сонгаи, расположены в Сахаре к северу и северо-востоку от среднего течения Нигера.

Д. Вестерман склонен был считать сонгаи генетически изолированным языком (с многочисленными диалектами), однако Дж. Гринберг включил его в состав нило-сахарской макросемьи. Критика этой гипотезы не утихает уже несколько десятилетий, начиная с работы [Lacroix 1969], однако более аргументированные варианты внешней классификации сонгаи предложить пока не удаётся. Благодаря существенным структурным сходствам и тесным конвергентным отношениям с языками манде и берберскими языками Р. Николаи в своё время предложил считать сонгаи «смешанным языком», а позже стал склоняться к близости языков сонгаи к афразийским языкам, полагая, что праязык сонгаи мог быть *lingua franca* креольского происхождения, сформировавшимся на базе берберских языков Сахары и их контактов с языками манде и/или с ныне вымершими языками зоны Сахеля [Nicolai 1990; 2003]. Его работы, впрочем, не содержат убедительных доводов и подвергались обоснованной критике [Dimmendaal 1992; 2011].

Таким образом, в последние десятилетия языки сонгаи связывались со всеми макросемьями языков Африки, кроме койсанской: к счастью, остроумно замечает Т. Чайлдс, в сонгаи нет присущих последней фонем-кликсов. В работе Чайлдса приводится весьма длинный список версий о внешней классификации сонгаи [Childs 2003: 46]. Как удачно выразился один из российских исследователей, сонгаи продолжают оставаться «языками инопланетян» в научной африканистике.

Ряд работ представляет описание местоименных систем в языках группы сонгаи, которые приводятся ниже в Табл. 10.15. Источники данных обозначены постраничными ссылками.

Таблица 10.15

	койра- чини ²⁴⁸	хомбори- сенни ²⁴⁹	койраборо- сенни ²⁵⁰	тадаксахак ²⁵¹	зарма ²⁵²
1 л. ед. ч.	<i>ay</i>	<i>(?)ây</i>	<i>ay</i>	<i>aya(y)</i>	<i>ay</i>
2 л. ед. ч.	<i>ni</i>	<i>nĩ</i>	<i>ni</i>		<i>ni</i>
3 л. ед. ч.	<i>a, ŋga</i>	<i>à, ògâ</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
1 л. мн. ч.	<i>yer</i>	<i>yérĩ, iriŋ</i>	<i>ir</i>		<i>iri</i>
2 л. мн. ч.	<i>war, wor</i>	<i>wàràŋ, óròŋ</i>	<i>war</i>		<i>araŋ</i>
3 л. мн. ч.	<i>a, ŋgiyo</i>	<i>ì, òjéy</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>

Легко видеть, что в таблице не содержится ни одного совпадения с формами, реконструируемыми в настоящем исследовании для НК праязыка. Сходства между местоимениями 3 л. в сонгаи и формами, восстанавливаемыми для праязыков семей в составе НК (например, 3 л. ед. ч. *a* можно сравнить с аналогичными местоимениями в языках манде), имеют слишком краткую структуру, типологически чрезвычайно распространены, и в нашем распоряжении нет никаких оснований считать эти сходства чем-либо бóльшим, нежели совпадением или ареальной изоглоссой.

Центральносуданские языки

Семья центральносуданских языков, насчитывающая около 65 идиомов, распространена в зоне влажных экваториальных лесов на территории Южного Судана, севера ДР Конго, западной Буркина-Фасо, частично Уганды и Чада. Центральносуданские языки контактируют с такими НК языками, как убангийские и банту.

Для анализа выбраны местоимения нескольких языков, относимых к четырём различным группам центральносуданских языков: мору-мади (несколько языков, анализируемых в работе [Tucker 1940]), кара (языки фер и юлу), ленду (язык нгити) и мангбету (язык мангбету). Формы личных местоимений этих языков приведены в Табл. 10.16.

Привлекают внимание формы *ma* в 1 л. ед. ч., сопоставимые с местоимениями того же значения в некоторых языках НК, например ряде языков манде (южная группа), гур (группа вост. гуси), убангийских (группа нгбака). Однако на этом формальные сходства и заканчиваются. Кроме того, в местоимениях центральносуданских языков всюду прослеживается весьма характерная парадигматическая закономерность: образование плуральных местоимений от соответствующих

²⁴⁸ [Heath 1999a: 58].

²⁴⁹ [Ducroz, Charles 1978; Heath 2007: 127].

²⁵⁰ [Heath 1999b: 79].

²⁵¹ [Christiansen, Christiansen 2002].

²⁵² [Bernard, White-Kaba 1994: 24].

сингулярных с помощью добавления префикса *a-*. Такой характеристики нигде в НК не обнаруживается. Нельзя назвать характерным и распределение вокализма *a-i* между местоимениями 1–2 л. обоих чисел. Интересно, что именно эта черта – наличие в трёх числовых значениях личных местоимений с гласными *a, i, e* соответственно – иногда рассматривается как одна из характерных изоглосс нило-сахарских языков [Bender 2000]. Если абстрагироваться от некоторой методической некорректности выделения подобных «изоглосс», то в любом случае в НК языках наиболее частотное распределение гласных в сингулярных местоимениях совершенно иное: *-I-* (1 л. ед. ч.), *-U-* (2 л. ед. ч.), *-O-* (3 л. ед. ч.).

Таблица 10.16

	мору-мади ²⁵³	кара ²⁵⁴	ленду ²⁵⁵	мангбету ²⁵⁶
1 л. ед. ч.	<i>má</i>	фер <i>gíg</i> юлу <i>mà(anē)</i>	<i>(i)ma</i>	<i>(i)ma</i>
2 л. ед. ч.	<i>mí, ní, ni</i>	фер <i>í</i> юлу <i>kín(ē)</i>	<i>(i)ni</i>	<i>(i)mi</i>
3 л. ед. ч.	<i>ápa, ndá, ànda,</i> <i>náni, ani</i>	фер <i>nīn</i> юлу <i>nàa(nē)</i>	<i>ka, ndì, àbadhi</i>	<i>(i)ne</i>
1 л. мн. ч.	<i>àma</i>	фер <i>jīj</i> юлу <i>máà</i>	<i>(i)mà (э.), àlě (u.)</i>	<i>ama</i>
2 л. мн. ч.	<i>àmi, ìmi, aṅí, ni</i>	фер <i>sīs</i> юлу <i>jíkè</i>	<i>(i)ni</i>	<i>ami</i>
3 л. мн. ч.	<i>aṅá, ndáka,</i> <i>andápi, aii, aṅai</i>	фер <i>kīk</i> юлу <i>nàakè</i>	<i>abádhi</i>	<i>(i)e</i>

Языки кадугли-кронго

В своей работе [Greenberg 1963] Дж. Гринберг отнёс языки небольшой группы каду (или кадугли-кронго) Нубийских гор к кордофанской семье, причисляя их тем самым к НК, несмотря на более раннюю работу [Stevenson 1957], где были показаны существенные отличия языков каду от других языков с системами именных классов. Работы Т. Шадеберга [Schadeberg 1981c; 1989] убедительно продемонстрировали, что языки кадугли-кронго не могут быть причислены к НК и должны, видимо, быть включены в состав нило-сахарской семьи языков.

Местоимения в языках кадугли и кронго приведены в Табл. 10.17.

²⁵³ [Tucker 1940: 79, 138].

²⁵⁴ [Boyeldieu 1987: 194].

²⁵⁵ [Kutsch Lojenga 1994: 192].

²⁵⁶ [Larochette 1958: 69].

Таблица 10.17

	кадугли ²⁵⁷	кронго ²⁵⁸
1 л. ед. ч.	<i>aʔa</i>	<i>àʔàŋ</i>
2 л. ед. ч.	<i>Oʔo</i>	<i>òʔòŋ</i>
3 л. ед. ч.	<i>iʔi</i> (м.), <i>oogok</i> (ж.)	<i>iʔiŋ</i> (м.), <i>àakù</i> (ж.), <i>àau</i> (неод.)
1 л. мн. ч.	<i>oŋo</i>	<i>àŋŋá</i> (и.), <i>óow</i> (э.)
2 л. мн. ч.	<i>aagak</i>	<i>àakà</i>
3 л. мн. ч.	<i>eegək</i> (од.), <i>iʔi</i> (неод.)	<i>àau</i>

Нет нужды обосновывать, что показанные в таблице формы весьма далеки от форм личных показателей НК языков и вполне могут быть использованы как «контраргумент» при рассмотрении вопросов гипотетического родства между кадугли-кронго и нигер-конго. Как известно, доказать факт отсутствия родства в принципе невозможно, однако в любом случае оснований для его постулирования местоименные системы кадугли-кронго не содержат.

Чадские языки

Языки НК макросемьи во многих районах Африки контактируют с языками другой крупной генетической общности, распространённой на огромных пространствах двух континентов, – афразийской (или семито-хамитской) макросемьи. В Западной Африке наиболее интенсивными являются, безусловно, контакты между чадскими языками и НК языками Нигерии, Бенина, Чада, северного Камеруна и других государств зоны саванн. Это обусловлено в том числе доминирующим положением в этом обширном регионе языка хауса, ставшего ещё в раннем Средневековье, с образованием феодальных государств хауса в Северной Нигерии, языком межэтнического общения множества народов. Принятие ислама в XIV в. и распространение в регионе письменности аджами на языке хауса [Cissé 2007] ещё более способствовали укреплению позиций языка в качестве *lingua franca* в зоне саванн. Целый ряд языков региона подвергся влиянию хауса, прежде всего в виде многочисленных заимствований в культурной лексике, но также и в морфологии.

В. Блажеком была реконструирована система личных местоимений чадского праязыка [Blážek 1995], приводимая нами в Табл. 10.18.

²⁵⁷ [Ibrahim, Kutoado 1969: 71].

²⁵⁸ [Reh 1985: 163].

Таблица 10.18

	независ.	объектно-притяжат.
1 л. ед. ч.	* <i>ʔan-i</i>	* <i>ʔi</i> , *(<i>ʔ</i>) <i>ya</i> , * <i>yu</i>
2 л. ед. ч. м.	* <i>ka(y)</i>	* <i>ku</i>
2 л. ед. ч. ж.	* <i>ki(m)</i>	* <i>kum</i> , * <i>kim</i> ?
3 л. ед. ч. м.	* <i>si</i> , * <i>su</i> ?	* <i>sV</i> , * <i>ni</i>
3 л. ед. ч. ж.	* <i>ta</i>	* <i>ta</i>
1 л. мн. ч.	* <i>muni</i> (и.), * <i>ʔyina</i> / <i>*ʔyinu</i> (э.)	* <i>mu(ni)</i> (и.), *(<i>ʔyi</i>) <i>na</i> (э.)
2 л. мн. ч.	* <i>kuni</i> , * <i>kuna</i>	* <i>kuni</i> , * <i>kuna</i>
3 л. мн. ч.	* <i>suni</i>	* <i>suni</i> , * <i>tuni</i>

Вновь можно констатировать, что системных парадигматических сходств между системами личных показателей чадских и НК языков не наблюдается.

Эти примеры, безусловно, не исчерпывают вопроса поисков внешнего сравнения для НК языков и не могут претендовать на стопроцентную доказательную силу. Да, на визуально-интуитивном уровне они дают возможность продемонстрировать, что перечисленные в настоящем параграфе местоименные системы различных языков весьма далеки от системы, реконструируемой нами для НК праязыка. Однако при более глубоком анализе, возможно, такое родство может быть обнаружено. Мы хотели лишь показать, что системы личных показателей в НК языках сходны между собой в значительно большей степени, не только на формальном, а и на парадигматическом уровне, нежели с системами других языков региона.

Мы готовы утверждать, что ни одна семья или группа языков, относимых к нило-сахарской, афразийской или койсанской макросемьям Африки, не позволяет установить парадигматическое сходство с НК системой или реконструировать парадигму, соотносимую с ней. Это, на наш взгляд, является ещё одним научным результатом настоящего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В десяти главах настоящего исследования мы стремились решить несколько задач, стоящих перед сегодняшним африканским языкознанием.

В первую очередь, перед автором стояла задача провести по возможности детальный обзор систем личных показателей в языках крупнейшей в мире нигеро-конголезской макросемьи. Несмотря на существенный рост объёма данных о языках Западной и Центральной Африки в последние десятилетия, обзоры такого рода не публиковались даже для большинства языковых семей, входящих в НК макросемью. Ни сравнительных, ни типологических или сопоставительных исследований, посвящённых местоименным системам в языках обширного НК языкового ареала, пока не опубликовано. Более того, большая часть материала, использованного нами для составления обзорных таблиц личных показателей в главах 2–10, сама по себе труднодоступна. Некоторые материалы, вышедшие в свет в университетах и издательствах стран Африки, не попадали в научный оборот, большая часть статей и монографий по сей день существует лишь в виде рукописей и также никогда не публиковалась (в нашей библиографии (см. ниже) таких трудов около 20 %). Собрание воедино материала различных разрозненных источников, включая миссионерские грамматики, учебные пособия, диссертации и словники, позволило впервые в африканском языкознании создать свод данных о местоименных системах в более чем 650 языках Субсахарской Африки, систематизировав его по группам языков и грамматическим значениям.

Публикация такого свода данных имеет особое значение для отечественного языкознания, если учесть, что по большинству групп языков (и даже некоторых семей, таких как гур, убанги, кордофанские и пр.) литературы на русском языке ранее не существовало. Наше исследование, как и некоторое количество статей, опубликованных в последние годы по данной тематике в российских научных изданиях, призваны восполнить этот пробел. Можно надеяться, что материал настоящей монографии окажется полезным не только для развития африканского языкознания в нашей стране, но и для наращивания справочной базы для стремительно развивающейся сферы изучения типологии языков мира.

Создание справочного свода данных, впрочем, являлось установочной, однако не основной задачей исследования. Значительно важнее было провести комплексный сравнительный анализ собранных в единую базу систем личных показателей и получить ответ на вопрос о том, подтвердит ли такой анализ гипотезу о происхо-

ждении более полутора тысяч языков Тропической Африки из единого источника, выдвинутую полвека назад с помощью ненадёжного метода «массового сравнения» лексики.

Решению этой задачи и посвящена в основном работа по сравнению форм и значений личных показателей в НК языках. Важным отличием работы от других исследований о сравнении и классификации нигеро-конголезских языков стала её опора на сравнительно-исторический метод как основополагающий метод исследования. Фактически впервые сделана попытка реконструировать одну из важнейших подсистем грамматики нигеро-конголезского праязыка именно с помощью сравнительного метода как наиболее надёжного парадигматического метода языковой реконструкции. В целях преодоления объективных препятствий для его применения, таких как отсутствие систем регулярных фонетических соответствий, исключительная глубина реконструкции, гигантский объём *comparanda*, а также необходимость тщательного выделения заимствований и других результатов активнейшего конвергентного взаимодействия языков в Субсахарской Африке, к исследованию были привлечены другие методики сравнения и реконструкции. Среди них важно упомянуть прежде всего методику ступенчатой реконструкции: от относительно небольших групп (от 5 до 20 языков), для некоторых из которых ранее уже были предложены реконструкции личных местоимений, до крупных языковых семей. В некоторых случаях результаты реконструкции сравнивались с ранее опубликованными гипотезами – так мы поступили в Главе 2 при обсуждении личных показателей в языках банту, в Главе 8 при анализе местоимений различных групп атлантических языков, в Главе 10 при анализе иджоидных и кордофанских языков. Однако в большинстве случаев реконструкция проводилась с нуля: к сожалению, сравнительных исследований по местоименной морфологии таких языков, как гур, догон, убанги, в литературе крайне недостаточно.

В качестве вспомогательных данных активно применялись также данные типологии, особенно типологии диахронического развития систем личного маркирования в языках мира.

С целью повышения точности реконструкции системы при анализе была выделена дополнительная «ступень»: личные показатели восстанавливались на вольта-конголезском уровне, хронологическая глубина которого сравнима с глубиной крупных семей языков Евразии. Данный уровень предусматривал исключение из анализа нескольких семей языков, считающихся наиболее ранними ответвлениями от НК языковой общности, – иджоидных, кордофанских, манде и догон.

Наиболее интересные результаты дал анализ систем личных показателей атлантических языков, проведённый в Главе 8. Было показано, что получившая признание в последние годы гипотеза гетерогенеза атлантических языков подтверждается и с точки зрения местоименной перспективы. Целый ряд групп языков, входящих в состав атлантических, имеет изоглоссы в рамках местоименной парадигмы, сближающие их с другими ВК языками: бенуэ-конго, убангийскими, адамауа, гур и другими, но в то же время реконструкция праатлантической системы личных

показателей не представляется возможной. В результате было принято решение включить ряд групп атлантических языков в состав базы для ВК реконструкции.

Наконец, на последнем этапе работы, в Главах 7 и 9, были проанализированы личные показатели в наиболее древних семьях языков, включаемых в состав нигер-конго. Результат данного анализа был в Главе 10 сопоставлен с ВК реконструкцией. Итоги такого сравнения привели к выводу, что НК генетический статус двух семей – иджоидных и, с некоторыми оговорками, манде – на материале местоименных систем не подтверждается. В то же время местоимения в кордофанских и догонских языках демонстрируют общее происхождение обеих семей с ВК языками и даже некоторым образом способны модифицировать реконструкцию.

Основным итогом исследования, таким образом, стал вывод о том, что соответствия между парадигмами личных показателей в языках различных семей НК макросемьи являются системными и не могут считаться совпадением. Эти соответствия позволяют предложить реконструкцию системы личных местоимений НК праязыка. Гипотеза Дж. Гринберга, находившая и раньше некоторые подтверждения в ходе анализа лексического состава и показателей именных классов, подтверждается и анализом такой парадигматической системы морфологии, как личные показатели.

Этот вывод имеет важное значение именно благодаря роли парадигматического сравнения в языкознании. Реконструкция системы личных показателей – это не реконструкция ряда отдельных лексических единиц. Прежде всего это реконструкция целостной парадигмы взаимосвязанных морфем. Известно, что, в отличие от отдельных местоименных лексем, парадигмы местоимений практически не подвергаются заимствованию в естественных языках, так что соответствия между ними самым убедительным образом должны свидетельствовать о языковом родстве.

Впрочем, достигнутые нами результаты сами по себе не способны закрыть вопроса о генетическом родстве языков Африки южнее Сахары. Исследователям предстоит ещё очень много работы по реконструкции других подсистем грамматической структуры нигеро-конголезского праязыка. Системному, столь же обширному анализу подлежат чрезвычайно интересные системы глагольных «расширений» в НК языках, пользующиеся сегодня повышенным вниманием африканистов [Нуман 2007], система числительных, указательные местоимения. Более сложными, однако не менее увлекательными являются вопросы сравнения и реконструкции видовременной системы НК глагола, маркеры глагольной модальности и полярности, некоторые из которых также могут, как мы видим это на примере праязыков Евразии, иметь возраст в несколько тысячелетий.

Эти и другие вопросы рассматриваются международным коллективом учёных в рамках уже упоминавшегося проекта «Праязык нигер-конго: опыт сравнения и реконструкции». В сентябре 2012 г. усилиями африканистов со всего мира, и в первую очередь российских лингвистов, в Париже был проведён Международный конгресс «Нигеро-конголезский праязык: сравнение и реконструкция», на котором были всесторонне обсуждены вопросы сравнения и классификации

языков макросемьи. Организационный комитет проекта планирует в ближайшие годы осуществить публикацию фундаментального коллективного труда, суммирующего последние достижения в области сравнения НК языков и реконструкции их общего языка-предка.

Мы верим, что объединёнными усилиями одна из наиболее трудных и масштабных задач современного сравнительного языкознания будет выполнена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксёнова 2000 – *Аксёнова И.С.* Морфонология глагола в языках банту // Основы африканского языкознания: Морфемика. Морфонология. М.: Восточная литература, 2000. С. 46–102.
- Аксёнова, Топорова 1990 – *Аксёнова И.С., Топорова И.Н.* Введение в бантуистику. М.: Наука, 1990.
- Аксёнова, Топорова 1994 – *Аксёнова И.С., Топорова И.Н.* Язык курия. М.: Восточная литература, 1994.
- Аксёнова, Топорова 2002 – *Аксёнова И.С., Топорова И.Н.* Грамматика языка аква. М.: УРСС, 2002.
- Аксёнова, Топорова 2008 – *Аксёнова И.С., Топорова И.Н.* Грамматика языка гусии. М.: Наука, 2008.
- Андронов 1994 – *Андронов М.С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. М.: Институт востоковедения РАН, 1994.
- Бабаев 2008 – *Бабаев К.В.* Происхождение индоевропейских показателей лица. М.: Калуга: Эйдос, 2008.
- Бабаев 2009 – *Бабаев К.В.* О происхождении личных местоимений в языках мира // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 119–138.
- Бабаев 2010 – *Бабаев К.В.* О реконструкции личных местоимений в праязыке ква // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 92–119.
- Бабаев 2011а – *Бабаев К.В.* Язык зиало: грамматический очерк и словарь. М.: РГГУ, 2001.
- Бабаев 2011б – *Бабаев К.В.* Личное маркирование в юго-западных языках манде: опыт сравнения и реконструкции // Труды Ин-та лингвистических исследований. Т. 7, ч. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 393–449.
- Бабаев 2013 – *Бабаев К.В.* Реконструкция личных местоимений праязыка манде: предварительные замечания // Исследования по языкам Африки 4. М.: Ин-т языкознания РАН. В печати.
- Бабаев 2012б – *Бабаев К.В.* Реконструкция личных местоимений в языках гур // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 115–145.
- Бабаев 2012в – *Бабаев К.В.* Реконструкция личных местоимений в убангийских языках // Вопросы языкового родства. 2012. № 8. С. 1–32.
- Бабаев 2012г – *Бабаев К.В.* Анализ генетических связей атлантических языков (на материале личных местоимений) // *Выдрин В. Ф., Желтов А. Ю.* (ред.). Между Нигером и Конго: заметки на полях. К 60-летию Константина Позднякова. СПб: Нестор-История, 2012.

- Бабаев 2012д – *Бабаев К.В.* К типологическому и сравнительному анализу ключивности в нигеро-конголезских языках // Африканский сборник – 2011. СПб: СПбГУ, 2012. С. 139–152.
- Виноградов и др. 2008 – *Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхоновский В.Я.* Социолингвистическая типология. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Выдрин 1987 – *Выдрин В.Ф.* 1987. Язык лоома. М.: Наука, 1987.
- Выдрин 2006а – *Выдрин В.Ф.* К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды Ин-та лингвистических исследований. Т. II, ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 9–252.
- Выдрин 2006б – *Выдрин В.Ф.* Личные местоимения в южных языках манде // Труды Ин-та лингвистических исследований. Т. II, ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 327–413.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–3. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Громова 1966 – *Громова Н.В.* Части речи в языках банту и принципы их разграничения. М.: Наука, 1966.
- Долгопольский 1964 – *Долгопольский А.Б.* Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 53–63.
- Иллич-Свитыч 1971–1976 – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1–2. М.: Наука, 1971–1976.
- Коношенко 2008 – *Коношенко М.Б.* Фонологическая система гбали (северного диалекта языка кпелле). Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2008.
- Коношенко 2009 – *Коношенко М.Б.* О границах множества личных местоимений в гвинейском кпелле // VIII Междунар. конф. по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (LESEWA VIII), Москва, ИНИОН РАН, 22–24 сентября 2009 г.
- Мейе 1938 – *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938.
- Мищенко 2009 – *Мищенко Д.Ф.* Тональная система лоома (диалект вои-балага). Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2009.
- Мищенко 2010 – *Мищенко Д.Ф.* Маркирование категории лица в лоома (диалект вои-балага). Дипломная работа. СПб.: СПбГУ, 2010.
- Морозова 2006 – *Морозова М.* Очерк грамматики языка локо. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2006.
- Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.* Африканские глагольные системы: заметки к типологии // *Виноградов В.А., Топорова И.Н.* (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 5–41.
- Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Поздняков 1978 – *Поздняков К.И.* Языки манде: Сравнительно-исторический анализ. Кандидатская диссертация. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978.
- Поздняков 1993 – *Поздняков К.И.* Сравнительная грамматика атлантических языков. М.: Наука, 1993.

- Порциг 2003 – *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой общности. М.: УРСС, 2003.
- Прохоров 2011 – *Прохоров К.Н.* Конференция «Изоляты в Африке». Лион, 3–4 декабря 2010 г. // *Journal of Language Relationship*. 2011. 6. С. 247–259.
- Рамстедт 1957 – *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. М.: Наука, 1957.
- Старостин 2013 – *Старостин Г.С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1. Методология. Койсанские языки. М.: ЯСК, 2013.
- Старостин 1984 – *Старостин С.А.* Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // *Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии*. М.: Наука, 1984. С. 19–37.
- Старостин 2007 – *Старостин С.А.* Определение устойчивости базисной лексики // *Старостин С.А.* Труды по языкознанию. М.: ЯСК, 2007. С. 827–839.
- Фихман 1975 – *Фихман Б. С.* Язык игбо. М.: Наука, 1975.
- Хелимский 1986 – *Хелимский Е.А.* Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // *Вопросы языкознания*. 1986. № 5.
- Щеглов 1970 – *Щеглов Ю.К.* Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука, 1970.
- Щербак 1984 – *Щербак А.М.* О ностратических исследованиях с позиции тюрколога // *Вопросы языкознания*. 1984. № 6.
- Abegha 2007 – *Abegha M.L.* 2007. A dictionary of Mein, an Ijo language of the Niger Delta, Nigeria. Рукопись.
- Abiodun 1984 – *Abiodun M.* Phonology of Arigidi. B. A. Essay. Ilorin: University of Ilorin, 1984.
- Aboh 1997 – *Aboh E.* On the Syntax of Gungbe Noun Phrases. Paper presented at the Annual Meeting of the African Language and Linguistics Colloquium. Leiden, 1997.
- Abraham 1967 (1951) – *Abraham R.C.* The Idoma language. London: University of London, 1967 (1951).
- Adekanye, Salfner 2007 – *Adekanye F., Salfner S.* (eds). Ikann Proverbs, Riddles and a Story. Ikakumo-Aworo, 2007.
- Adouna 2009 – *Adouna G.* Description phonologique et grammaticale du konkomba, langue Gur du Togo et du Ghana – parler de Nawaré. Thèse de Doctorat en Cotutelle Internationale. Rennes, 2009.
- Agbedor 1996 – *Agbedor P.K.* The syntax of Ewe personal pronouns // *Linguistique africaine* 16. 1996. P. 19–52.
- Aginsky 1935 – *Aginsky E.* A Grammar of the Mende Language. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1935.
- Agoyi 1997 – *Agoyi T.O.* The category of number and the genetic classification of Èkiròmi. Seminar paper. Ilorin: University of Ilorin, 1997.
- Agoyi 2012 – *Agoyi T.O.* Re-classification of Abesasbesi (Akpes) as Edoid // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction*. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Aikhenvald, Dixon 2001 – *Aikhenvald A., Dixon R.* Areal diffusion and genetic inheritance: problems in comparative linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2001.

- Akinkugbe 1976 – *Akinkugbe F.* An Internal Classification of the Yoruboid Group (Yoruba, Isekiri, Igala) // *JWAL*. 1976. 11. 1–2. P. 1–19.
- Akinkugbe 1978 – *Akinkugbe F.* A Comparative Phonology of Yoruba Dialects, Isekiri, and Igala. Ph. D. Thesis. Ibadan: University of Ibadan, 1978.
- Albro 1998 – *Albro D.* Nawdem-English Dictionary with Examples. Manuscript. 1998.
- Alex 1989 – *Alex I.* A Reconstruction of the Segmental Phonology of Proto-Central Delta. M. A. Thesis. Port Harcourt: University of Port Harcourt, 1989.
- Allan 1980 (1974) – *Allan E.J.* Likpe // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African language data sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1974).
- Allen 1980 (1973) – *Allen C.A.* Sele // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African language data sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Amayo 1980 (1975) – *Amayo A.* Edo // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1975).
- Apronti 1976 (1972) – *Apronti E.O.* Dangme // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African language data sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1972).
- Armstrong 1964 – *Armstrong R.* Notes on Etulo and a few more words on Eloyi // *Journal of African languages*. 1964. 1, 2. P. 57–60.
- Armstrong 1981 – *Armstrong R.* The Idomoid language sub-family of the Eastern Kwa borderland // *Jungraithmayr H.* (ed.). *Berliner Afrikanische Vorträge*. Berlin: Reimer, 1981. P. 7–33.
- Armstrong 1983 – *Armstrong R.* The Idomoid languages of the Benue and Cross River valleys // *JWAL*. 1983. 13. 1. P. 91–149.
- Armstrong 1989 – *Armstrong R.* Idomoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). *Niger-Congo Languages*. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 323–336.
- Arnott 1980 (1968) – *Arnott D.W.* Tiv // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1968).
- Atoyebi 2010 – *Atoyebi J.D.* A reference grammar of Oko. Köln: Rüdiger Köppe, 2010.
- Ayuninjam 1994 – *Ayuninjam F.* Mbili: a linguistic analysis. Ph. D. Thesis. Washington: Georgetown University, 1994.
- Babaev 2008 – *Babaev K.* Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns I: Proto-Bantoid // *Journal of West African Languages*. 2008. 35. 1–2. P. 131–183.
- Babaev 2010a – *Babaev K.* Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns II // *Journal of Language Relationship*. 2010. 4. P. 1–45.
- Babaev 2010b – *Babaev K.* Person Marking in South-West Mande Languages: a Tentative Reconstruction // *Mandenkan*. 2010. 46. P. 3–48.
- Babaev 2010c – *Babaev K.* Niger-Congo Language Macrofamily: ASJP vs. Current Genealogical Classifications. Abstract submitted to ALP-I Conference. Leipzig, 17–19 September 2010.

- Babaev 2011 – *Babaev K.* Zialo: the Newly-Discovered Mande Language of Guinea. München: LINCOM Europa, 2011.
- Bakwe 2009 – *Bakwé-French-English Dictionary.* SIL Burkina Faso, 2009.
- Bamgbose 1966 – *Bamgbose A.* A Grammar of Yoruba // *West African Languages Monographs*, 5. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
- Bandi, manuscript – *A Bandi Grammar.* Рукопись. Monrovia: The Institute for Liberian languages. Vols. I–II.
- Barnwell 1980 – *Barnwell K. Mbembe* // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2.* Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980.
- Bastin et al. 1999 – *Bastin Y., Coupez A., Mann M.* Continuity and Divergence in the Bantu Languages: Perspectives from a Lexicostatistical Study. Tervuren: MRAC, 1999.
- Baumann et al. 1940 – *Baumann H., Thumwald R., Westermann D.* *Volkerkunde von Afrika.* Essen, 1940.
- Beacham 1968 – *Beacham C.G.* The phonology and morphology of Yom. Ph. D. Thesis. Hartford, 1968.
- Bearth 1971 – *Bearth T.* L'énoncé toura (Côte d'Ivoire). Thèse doctorale. Genève: Univ. de Genève, 1971.
- Beavon 1986 – *Beavon K.* Anaphora, pronouns and reference in Konzime // *Wiesemann U.* (ed.). *Pronominal systems.* Tübingen: Gunter Narr, 1986. P. 167–189.
- Becher 2002 – *Becher J.* 2002. Verbalextensionen in der Atlantischen Sprachen // *Hamburger afrikanistische Arbeitspapiere (HAAP).* 2002. P. 1–38.
- Beekes 1995 – *Beekes R.* *Comparative Indo-European Linguistics: an Introduction.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995.
- Behrens 1974 – *Behrens C.* Les kroumen de la côte occidentale d'Afrique. Talence: CNRS, 1974.
- Bender 1996 – *Bender L.* The Nilo-Saharan languages: a comparative essay. München: LINCOM Europa, 1996.
- Bender 2000 – *Bender L.* Nilo-Saharan // *Heine B., Nurse D.* (eds). *African languages: an introduction.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 43–73.
- Bendor-Samuel 1971 – *Bendor-Samuel J.* Niger-Congo, Gur // *Sebeok T.* (ed.). *Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics.* Vol. 7. The Hague; Paris, 1971. P. 141–178.
- Bendor-Samuel 1989 – *Bendor-Samuel J.* (ed.). *Niger-Congo Languages.* Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989.
- Bendor-Samuel et al. 1989 – *Bendor-Samuel J., Olden E., White A.* Dogon // *Bendor-Samuel J.* (ed.). *Niger-Congo Languages.* Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 169–177.
- Bennett 1983 – *Bennett P.* 1983. Adamawa-Eastern: Problems and prospects // *Dihoff I.R.* (ed.). *Current Approaches to African Linguistics.* Vol. 1. Dordrecht: Foris, 1983. P. 23–48.
- Bennett, Sterk 1977 – *Bennett P., Sterk J.* South-Central Niger-Congo: a Reclassification // *Studies in African Linguistics.* 1977. 8. P. 241–273.

- Bentinck 1978 – *Bentinck J.* Étude phonologique du niaboua. Abidjan: Université d'Abidjan, 1978.
- Bergman 1976 (1973) – *Bergman R.* Igede // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Bernard, White-Kaba 1994 – *Bernard Y., White-Kaba M.* Dictionnaire zarma-français (République du Niger). Paris; Niamey: ACCT, 1994.
- Bertho 1953 – *Bertho J.* La place des dialectes dogon de la falaise de Bandiagara parmi les autres groupes linguistiques de la zone soudanaise // *Bulletin de l'IFAN.* 1953. 15. P. 405–441.
- Beyer 2006 – *Beyer K.* La langue pana (Burkina Faso et Mali). Description linguistique, lexique, textes. Köln, 2006.
- Beyer, manuscript – *Beyer G.* Denya Word List. Yaoundé: SIL Cameroun. Рукопись.
- Bhat 2005 – *Bhat D.N.S.* Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Bimson 1978 – *Bimson K.* Comparative Reconstruction of Proto-Northern-Western Mande. Ph. D. Thesis. Los Angeles: University of California, 1978.
- Bing, Duitsman 1993 – *Bing J., Duitsman J.* Postpositions and the valency marker in Krahn: monosemy versus polysemy // *Journal of West African Languages.* 1993. 23. 1. P. 91–104.
- Black, Black 1971 – *Black J., Black K.* The Moro Language Grammar & Dictionary // Linguistic Monograph Series. № 6. Khartoum: Sudan Research Unit, 1971.
- Bláček 1995 – *Bláček V.* The Microsystems of Personal Pronouns in Chadic, Compared with Afroasiatic // *Ibrisyimow D., Leger R.* (eds). Chadica et Hamito-Semita. Köln: Rüdiger Köppe, 1995. P. 36–57.
- Bleek 1856 – *Bleek W.* The languages of Mosambique: vocabularies of the dialects of Lourenço Marques, Inhambane, Sofala, Tette, Sena, Quellimane, Mosambique, Cape Delgado, Anjoane, the Maravi, Mudasu etc. London: Harrison & Sons, 1856.
- Bleek 1862–1869 – *Bleek W.* A Comparative Grammar of South African Languages. London: Trübner, 1862–1869.
- Blench, manuscript a – *Blench R.* The West Kainji Language of Northwestern Nigeria: Comparative Wordlist. Manuscript.
- Blench, manuscript b – *Blench R.* The Laru People and Their Language. Manuscript.
- Blench, manuscript c – *Blench R.* A Dictionary of Echie, an Igboid Language of Southern Nigeria. Manuscript.
- Blench, manuscript d – *Blench R.* Comparative Akokoid. Manuscript.
- Blench 1989a – *Blench R.* A proposed new classification of Benue-Congo languages. *Afrikanische Arbeitspapiere.* 1989. 17. P. 115–147.
- Blench 1989b – *Blench R.* Nupoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 305–322.
- Blench 1995 – *Blench R.* Is Niger-Congo simply a branch of Nilo-Saharan? // *Nicolai R., Rottland F.* (eds). Fifth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Nice, 24–29 August 1992. Proceedings. Köln: Rüdiger Köppe, 1995. P. 36–49.

- Blench 2001 – *Blench R.* Comparative Central Togo: What Have We Learnt Since Heine? Paper presented at the 32nd Annual Conference on African Linguistics. Berkeley, 23–25th March, 2001.
- Blench 2003 – *Blench R.* Index and classification to Westermann's Niger-Congo reconstructions. 2003. Manuscript.
- Blench 2004 – *Blench R.* The Benue-Congo languages: a proposed internal classification. 2004. Manuscript.
- Blench 2005a – *Blench R.* A Dictionary of Ogbà, an Igboïd Language of Southern Nigeria. 2005. Manuscript.
- Blench 2005b – *Blench R.* The Ukaan Language: Bantu in South Western Nigeria? Revised paper presented at the Hamburg Conference 'Trends in the Historical Study of African Languages', Hamburg, 3–7 Sep 1984.
- Blench 2005c – *Blench R.* Baŋgi me, a language of unknown affiliation in Northern Mali. 2005. Manuscript.
- Blench 2005d – *Blench R.* The Booni language of Bongo district, Upper East region, Northern Ghana. 2005. Manuscript.
- Blench 2005e – *Blench R.* Is there a boundary between Platoid and Jukunoid? Manuscript.
- Blench 2006a – *Blench R.* The D5 (Dong) Language and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006b – *Blench R.* A Wordlist of the Hyam language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006c – *Blench R.* Mada Pronouns. 2006. Manuscript.
- Blench 2006d – *Blench R.* The Anib (Kanufi) language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006e – *Blench R.* The Ayu language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006f – *Blench R.* The Bu language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006g – *Blench R.* The Cara language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006h – *Blench R.* The Horom language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006i – *Blench R.* The Sur (Tapshin) language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006j – *Blench R.* The Toro language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blench 2006k – *Blench R.* Jarawan Bantu: New Data and Its Relation to Bantu. 2006. Manuscript.
- Blench 2006l – *Blench R.* A Dictionary of Ekpeye, an Igboïd Language of Southern Nigeria. 2006. Manuscript.
- Blench 2006m – *Blench R.* The problem of Pan-African roots. 2006. Manuscript.
- Blench 2007a – *Blench R.* The Ake language of Central Nigeria and its affinities. 2007. Manuscript.

- Blench 2007b – *Blench R.* The Kwaɲ language of Central Nigeria and its affinities. 2007. Manuscript.
- Blench 2007c – *Blench R.* A Sketch of Phonology and an Extended Wordlist of TsuVadi, a Kambari Language of Western Nigeria. 2007. Manuscript.
- Blench 2007d – *Blench R.* The Eloyi language of Central Nigeria and its affinities. 2007. Manuscript.
- Blench 2007e – *Blench R.* The Dompō Language of Central Ghana and its affinities. 2007. Manuscript.
- Blench 2007f – *Blench R.* Further evidence for a Niger-Saharan macrophylum // Nilo-Saharan Linguistic Analyses and Documentation. Vol. 22. Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Köln: Rüdiger Köppe, 2007. P. 12–24.
- Blench 2008a – *Blench R.* The Idū language of Central Nigeria. Phonology, Wordlist and Suggestions for Orthography Changes. 2008. Manuscript.
- Blench 2008b – *Blench R.* The Nyankpa (Yeskwa) language of Central Nigeria. 2008. Manuscript.
- Blench 2008c – *Blench R.* The Ogoni languages: comparative word list and historical reconstructions. 2008. Manuscript.
- Blench 2009 – *Blench R.* The Maya [Yendang] languages. 2009. Manuscript.
- Blench et al. 1991 – *Blench R. et al.* Dictionary of the Language of the Bas(s)a People. 1991. Manuscript.
- Blench, Kato 2007 – *Blench R., Kato B.* The Təsu language of Central Nigeria and its affinities. 2007. Manuscript.
- Blench, Daniel 2008 – *Blench, R., Daniel G.* Rigwe Pronouns. 2008. Manuscript.
- Blench, Doma, manuscript – *Blench R., Doma M.* A Dictionary of the Gbari Language. Manuscript.
- Blench, Kaze 2006 – *Blench R., Kaze B.B.* A Dictionary of the Izere Language of Fobur. 2006. Manuscript.
- Blench et al. 2006 – *Blench R., Adiwu R., Asukutu G.* The Ce (Rukuba) language of Central Nigeria and its affinities. 2006. Manuscript.
- Blood 1999 – *Blood C.* The Oku Noun Class System. Yaoundé: SIL Cameroon, 1999.
- Bohnhoff 1986 – *Bohnhoff L.E.* Yag Dii (Duru) pronouns and possessive adjectives // *Wiesemann U.* (ed.). Pronominal systems. Tübingen: Gunter Narr, 1986. P. 103–130.
- Bôle-Richard 1983a – *Bôle-Richard R.* L'ébrié // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 307–357.
- Bôle-Richard 1983b – *Bôle-Richard R.* L'éga // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 359–401.
- Bôle-Richard 1983c – *Bôle-Richard R.* Systématique phonologique et grammaticale d'un parler ewe: le gen-mina du sud-Togo et sud-Bénin. Paris: L'Harmattan, 1983.
- Bond 2003 – *Bond O.* Personal Inflection in Eleme. 2003. Manuscript.

- Bond 2006 – *Bond O.* Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics / Ed. John Mugane et al. Somerville: Cascadilla Proceedings Project, 2006. P. 234–244.
- Bond, Anderson 2006 – *Bond O., Anderson G.* 2006. Divergent Structure in Ogonoid Languages // *Cover R., Kim Y.* (eds). Proceedings of 31st Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society: Special Session on Languages of West Africa. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 2006.
- Bostoën 2011 – *Bostoën K.* Comparative Bantu and early African history: plant names as test cases for method // Berlin B4ntu conference. Berlin, 7–9 April 2011.
- Botne 2003 – *Botne R. D.* Lega (Beya dialect) (D25) // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu languages. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 422–449.
- Bouquiaux 1970 – *Bouquiaux L.* La langue birom. Paris: Les belles lettres, 1970.
- Boyd 1974 – *Boyd R.* Etude comparative dans le groupe Adamawa. Paris: SELAF, 1974.
- Boyd 1978 – *Boyd R.* Les langues adamawa // *Barreteau D.* (ed.). Inventaire des études linguistiques sur les pays d’Afrique noire d’expression française et sur Madagascar. Paris: Conseil international de la langue française, 1978.
- Boyd 1988 – *Boyd R.* Le kpatiri ou gbayi, une nouvelle langue du groupe ngbandi // *Moñino Y.* (ed.). Lexique comparatif des langues oubanguiennes, Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner (pour le Laboratoire de Langues et Civilisations à Tradition Orale / Département Langues et Parole en Afrique Centrale), 1988. P. 35–49.
- Boyd 1989 – *Boyd R.* Adamawa-Ubangi // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. N. Y.; London: Lanham, 1989. P. 178–215.
- Boyd 1994 – *Boyd R.* Historical perspectives on Chamba Daka. Köln: Rüdiger Köppe, 1994.
- Boyd 1999 – *Boyd R.* A linguistic sketch of Tiba (Gà), part I // *Afrika und Übersee.* 82. P. 1–17.
- Boyd, Nougayrol 1988 – *Boyd R., Nougayrol P.* Le gémé ou jémé, une nouvelle langue du groupe zande // *Moñino Y.* (ed.). Lexique comparatif des langues oubanguiennes. Paris: Geuthner, 1988.
- Boyd 1997 – *Boyd V.L.* A phonology and grammar of Mbódòmò. Ph. D. Thesis. Arlington: University of Texas, 1997.
- Boyeldieu 1985 – *Boyeldieu P.* La langue lua (‘niellim’), groupe boua, Moyen-Chari, Tchad: phonologie, morphologie, dérivation verbale. Paris: SELAF, 1985.
- Boyeldieu 1987 – *Boyeldieu P.* Les langues fer («kara») et yulu du nord Centrafricain. Esquisses descriptives et lexiques. Paris: Geuthner, 1987.
- Boyeldieu 1995 – *Boyeldieu P.* Le yakoma // *Boyd R.* (ed.). Le système verbal dans les langues oubanguiennes. München: LINCOM Europa, 1995.
- Brindle 2009 – *Brindle J.A.* On the identification of noun class and gender systems in Chakali // *Matondo M. et al.* (eds). Selected Proceedings of the 38th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, 2009.
- Brisson, Boursier 1979 – *Brisson R., Boursier D.* Petit dictionnaire baka-français. Douala: Collège Libermann V, 1979. XXII.
- Brunton 1802 – *Brunton E.* A Grammar and vocabulary of the Susoo language. Edinburgh: Ritchie, 1802.

- Burmeister 1983a – *Burmeister J. L'abouré // Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 67–81.
- Burmeister 1983b – *Burmeister J. L'agni // Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris & Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 155–179.
- Burmeister 1988 – *Burmeister J.* Personal pronouns in Anyi and related languages // *Journal of West African languages.* 1988. XVIII. 2. P. 83–104.
- Butler 2008 – *Butler L. K.* Logophoric Effects and C-Binding. 2008. Manuscript.
- Cahill 1999 – *Cahill M.* Aspects of the Morphology and Phonology of Konni. Columbus, 1999.
- Calame-Griuale 1956 – *Calame-Griuale G.* Les dialectes Dogon // *Africa (L).* 1956. 26. 1. P. 62–72.
- Campbell 1997 – *Campbell L.* Amerind personal pronouns: a second opinion // *Language.* 1997. 73. 2. P. 339–351.
- Campbell, Poser 2008 – *Campbell L., Poser W.* Language Classification: History and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Capo 1989 – *Capo H.* Defoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 275–290.
- Capo 1991 – *Capo H.* The comparative phonology of Gbe. Berlin; Garome: Mouton de Grutyer; Labo Gbe, 1991.
- Carlson 1981 – *Carlson R.* Report on preliminary investigations of the Samogo languages in Mali. 1981. Manuscript.
- Carlson 1993 – *Carlson R.* A sketch of Jo: a Mande language with a feminine pronoun // *Mandenkan.* 1993. 25.
- Casali 2006 – *Casali R.* Animere Phonetic Word List. Draft. SIL. 2006.
- Casimir 1988 – *Casimir K.* Lexicon der Tagbana-Sprache. Ph. D. Dissertation. Bielefeld, 1988.
- Cassetta, Cassetta 1994 – *Cassetta P., Cassetta L.* The Ugare Verb System. 1994. Manuscript.
- Casthelain 1952 – *Casthelain J.* La langue guéré: Grammaire et dictionnaire. Dakar: Mémoires de l'IFAN, 1952. 20. P. 1–302.
- Cavalli-Sforza et al. 1994 – *Cavalli-Sforza F., Menozzi P., Piazza A.* The History and Geography of Human Genes. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Cerma Dictionary – *Lexique cerma-français.* Рукопись.
- Childs 1985 – *Childs T.* Verb extension renewal in Kisi // 16th Annual conference on African linguistics. Yale, 1985.
- Childs 1995 – *Childs T.* Tone and accent in the Atlantic languages: an evolutionary perspective // *Traill A., Biesele M., Vossen R.* (eds). The Complete Linguist. Papers in Memory of Patrick J. Dickens. Köln: Rüdiger Köppe, 1995. P. 195–215.
- Childs 2000 – *Childs T.* A dictionary of the Kisi language. Köln: Rüdiger Köppe, 2000.
- Childs 2003 – *Childs T.* An introduction to African languages. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003.

- Childs 2010 – *Childs T.* The Mande and Atlantic Groups of Niger-Congo: Prolonged contact with asymmetrical linguistic consequences. Documenting Atlantic-Mande Convergence and Diversity // *Journal Language Contact*, THEMA 3. 2010. P. 15–46.
- Christaller 1933 – *Christaller J.G.* Dictionary of the Asante and Fante language called Tshi (Twi). Basel: Evangelical Missionary Society, 1933. Vol. 32.
- Christiansen, Christiansen 2002 – *Christiansen N., Christiansen R.* Some verb morphology features of Tadaksahak. SIL International. 2002.
- Cissé 2007 – *Cissé M.* Écrits et écriture en Afrique de l'Ouest. // *Révue électronique internationale de sciences du langage*. Sudlangues. 6, 2007. P. 63–88.
- Clark 1969 – *Clark D.* A grammatical study of Ekpeye. Ph. D. Thesis. London: SOAS, 1969.
- Clark 1972 – *Clark D.* A four-term person system and its ramifications // *Studies in African Linguistics*. 1972. 3. P. 97–105.
- Clark 1976 – *Clark D.* Izi // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976.
- Clarke 1922 – *Clarke M.L.* 1922. A Limba – English dictionary. N.Y.: Houghton, 1922.
- Claudi 1985 – *Claudi U.* Zur Entschung von Genussystemen, Überlegungen zu einigen theoretischen Aspekten, verbunden mit einer Fallstudie des Zande. Hamburg: Buske, 1985.
- Cleal 1976a (1973) – *Cleal A.* Gechode // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Cleal 1976b (1973) – *Cleal A.* Genyanga // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Cleal, Price 1980 (1975) – *Cleal A., Price N.* Nchumuru // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1975).
- Clemens, Railland 2008 – *Clemens G., Railland A.* Africa as a phonological area // *Heine B., Nurse D.* (eds). A linguistic geography of Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 36–84.
- Clopper 2001 – *Clopper C.* The Nzema Verbal Phrase: An Optimality Theoretic Account // *IULC Working Papers Online*. 2001. Vol. 1.
- Cole 1971 – *Cole D.* The history of African linguistics to 1945 // *Sebeok T.* (ed.). Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics. Vol. 7. The Hague; Paris, 1971. P. 1–30.
- Coleman, manuscript – *Coleman A.* Esimbi Dictionary. Manuscript.
- Connell 1988 – *Connell B.* Lower Cross Reconstructions. 1988. Manuscript.
- Connell 1991 – *Connell B.* Phonetic aspects of the Lower Cross Languages and their implications for sound change. Ph. D. Thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 1991.
- Connell 1995 – *Connell B.* The Lower Cross languages: a prolegomena to the classification of the Cross River languages // *Journal of West African Languages*. 1995. XXIV. 1. P. 3–46.

- Connell 2012 – *Connell B.* Pronoun systems as evidence for language history: personal pronouns in Mambiloid // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction*. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Connell, manuscript – *Connell B.* Lower Cross Wordlists. Manuscript.
- Cook 1971 – *Cook T.L.* Report of the Benue-Congo Working Group of the West African Linguistic Society // *Actes du 8e Congrès de la Société linguistique de l’Afrique Occidentale*. Annales de l’Université d’Abidjan, Serie H, 2: 559–574.
- Cook 1976 (1968) – *Cook T.L.* Efik // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 1*. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1968).
- Cook 1976 (1972) – *Cook T.L.* Kohumono // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 1*. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1972).
- Cover 2010 – *Cover R.T.* Aspect, modality, and tense in Badiaranke. Ph. D. Thesis. Berkeley: University of California, 2010.
- Cox 1998 – *Cox M.* Description grammaticale du ncam (bassar), langue gurma du Togo et du Ghana. Paris: École Pratique des Hautes Études, Université Paris-Sorbonne, 1998.
- Creissels 1981 – *Creissels D.* De la possibilité de rapprochements entre le songhay et les langues Niger-Congo (en particulier Mandé) // *Schadeberg T., Bender L.* (eds). *Nilo-Saharan: Proceedings Of The First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*, Leiden, September 8–10. Leiden: Foris, 1981. P. 185–199.
- Creissels 1993 – *Creissels D.* Description des langues négro-africaines et théorie syntaxique. Grenoble: ELLUG, 1993.
- Creissels 2000 – *Creissels D.* Typology // *Heine B., Nurse D.* (eds). *African Languages – An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 231–258.
- Creissels 2005 – *Creissels D.* A typology of subject and object markers in African languages // *Voeltz E.K.E.* (ed.). *Studies in African languages typology*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 445–459.
- Cressmann, Skitch 1980 (1974) – *Cressmann E., Skitch D.* Duka // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2*. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1974).
- Crouch, Smiles 1966 – *Crouch M., Smiles N.* Collected field reports on the phonology of Vagala. Accra: University of Ghana, 1966.
- Crowther 1843 – *Crowther S.* Vocabulary of the Yoruba language. London: Watts, 1843.
- Crozier, Blench 1992 – *Crozier D., Blench R.* Index of Nigerian Languages. 2 ed. Dallas: SIL, 1992.
- Cust 1883 – *Cust R.N.* A sketch of the modern languages of Africa. Vol. 1–2. London: Trübner, 1883.
- Cysouw 2003 – *Cysouw M.* The Paradigmatic Structure of Person Marking. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Cysouw 2008 – *Cysouw M.* Inclusive / Exclusive Distinction in Independent Pronouns // *Haspelmath M., Dryer M., Gil D., Comrie B.* (eds). *The World Atlas of Language Structures Online*. Munich: Max Planck Digital Library, 2008. Chapter 39.

- D'Alton 1987 – *D'Alton P.* Le palor: Esquisse phonologique et grammaticale d'une langue cangin du Sénégal suivi d'un lexique et de textes transcrits et traduits. Paris: CNRS, 1987.
- Dalby 1965 – *Dalby D.* The Mel languages: a reclassification of Southern 'West Atlantic' // African language studies. 1965. 6. P. 1–17.
- Davydov 2010 – *Davydov A.* Historical Morphology of Personal Pronouns in Manding // Personal pronouns in Niger-Congo languages. International Workshop. St. Petersburg, 13–15 Sep 2010. Abstracts and papers. 2010. P. 23–37.
- De Wolf 1971 – *De Wolf P.* The Noun Class System of Proto-Benue-Congo. The Hague: Mouton, 1971.
- De Wolf 1995 – *De Wolf P.* English-Fula Dictionary. A multidialectal approach. A-F. Berlin: Reimer, 1995.
- Delafosse 1900 – *Delafosse M.* Essai de manuel de la langue agni. Paris: J. André, 1900.
- Delafosse 1904 – *Delafosse M.* Vocabulaires comparatifs de plus de 60 langues ou dialectes parlés à la Côte d'Ivoire et dans les régions limitrophes. Paris: Leroux, 1904.
- Delafosse 1924 – *Delafosse M.* Langues du Soudan et de la Guinée // *Meillet A., Cohen M.* (eds). Les langues du monde. Paris: Champion, 1924.
- Delord 1976 – *Delord J.* Le Kabrye. Lomé: Institut national de la recherche scientifique, 1976.
- Diagana 1990 – *Diagana Y.* Eléments de grammaire du Soninke. Thèse de Doctorat. Paris: INALCO, 1990.
- Diagne 2006 – *Diagne A.M.* Phonologie et morphologie du soninke: une analyse non linéaire. Inauguraldissertation. Mainz: Johannes Gutenberg-Universität, 2006.
- Diakonoff 1981 – *Diakonoff I.* Early Semites in Asia: agriculture and animal husbandry according to linguistic data (VIIIth – IVth Millennia BC) // *Altorientalische Forschungen*. 1981. 8. S. 23–74.
- Diallo 2010 – *Diallo I.* Morphological consequences of Mande borrowings in Fula: the case of Pular, Fuuta-Jaloo // *Journal of Language Contact*. Thema 3. 2010. P. 72–85.
- Dieu, Renaud 1983 – *Dieu M., Renaud P.* Situation linguistique en Afrique centrale – inventaire préliminaire: le Cameroun // *Atlas linguistique de l'Afrique centrale*. Atlas linguistique de Cameroun. Paris: ACCT; Yaoundé: DGRST/CERDOTOLA, 1983.
- Dimmendaal 1978 – *Dimmendaal G.* The Consonant of Proto-Upper Cross and Their Implications for the Classification of Upper Cross languages. Leiden: Department of African Linguistics, 1978.
- Dimmendaal 1992 – *Dimmendaal G.* Review of Nicolai 1990 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1992. Vol. 55. P. 610–612.
- Dimmendaal 2008 – *Dimmendaal G.* Language Ecology and Linguistic Diversity on the African Continent // *Language and Linguistics Compass*. 2008. 2/5. P. 841.
- Dimmendaal 2011 – *Dimmendaal G.* Historical linguistics and the comparative study of African languages. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011.
- Diouf 2009 – *Diouf J.L.* Grammaire de wolof contemporain. Paris: L'Harmattan, 2009.
- Dixon 1997 – *Dixon R.M.W.* The rise and fall of languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

- Dolgopolsky 2010 – *Dolgopolsky A.* Nostratic Dictionary. Cambridge: MacDonald Institute of Archaeological Research, 2010. <http://www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512>.
- Dombrowsky-Hahn 2010 – *Dombrowsky-Hahn K.* Some Methodological Problems in the study of language Contact: the case of Senufo and Manding (Mali) // *Journal of Language Contact*. Thema 3. 2010. P. 109–130.
- Doneux 1975 – *Doneux J.-L.* Hypothèses pour la comparative des langues atlantiques // *Annales Sciences Humaines. Africana Linguistica Tervuren*. 1975. 6. P. 41–129.
- Doneux 2001 – *Doneux J.-L.* Voltaïque, Atlantique: qu'en dire maintenant? // *Nicolaï R.* (éd.), *Leçons d'Afrique: Filiations, ruptures et reconstitutions des langues; un Hommage à Gabriel Manessy (Groupement de Recherche Européen: Diffusion Lexicale en Zone Sahelo-Saharienne)*. Louvain; Paris: Peeters, 2001. P. 153–167.
- Dorvlo 2008 – *Dorvlo K.* A grammar of Logba (Ikpana). Ph. D. Thesis. Leiden: University of Leiden, 2008.
- Ducos 1971 – *Ducos G.* Structure de badiaranke de Guinée et du Sénégal (phonologique, syntaxe). Paris: SELAF, 1971.
- Ducos 1980 (1974) – *Ducos G.* Pajade // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2*. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1974).
- Ducroz, Charles 1978 – *Ducroz J.M., Charles M.C.* Lexique songej (songhay) français: parler kaado du Gorouol. Paris: L'Harmattan, 1978.
- Duitsman et al. 1975 – *Duitsman J., Bertkau J., Laesch J.* A survey of Kru dialects // *Studies in African linguistics*. 1975. 6. 1. P. 77–103.
- Dunham 2001 – *Dunham M.* Description ethnolinguistique des Valangi de Tanzanie. Thèse doctorale. Université Paris III. 2001.
- Duponchel, Bertin Mel 1983 – *Duponchel L., Bertin Mel G.* L'alladian // *Hérault G.* (ed.). *Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1*. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée. Université d'Abidjan, 1983. P. 181–225.
- Dwyer 1973 – *Dwyer D.* The comparative tonology of Southwestern Mande nominals. Ph. D. Thesis. Michigan State University, 1973.
- Dwyer 2005 – *Dwyer D.* The Mende Problem // *Bostoen K., Maniacky J.* (eds). *Studies in African comparative linguistics*. Tervuren: Royal Museum for Central Africa, 2005. P. 29–42.
- Dwyer et al. 1981 – *Dwyer D., Bodegie P., Baque J.* *Lorma, a reference handbook of phonetics, grammar, lexicon and learning procedures*. East Lansing: African Studies Center, Michigan State University. 1981.
- Ehret 1998 – *Ehret C.* *An African Classical Age: Eastern and Southern Africa in World History, 1000 B. C. to A. D. 400*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1998.
- Ehret 1999 – *Ehret C.* Subclassifying Bantu: Stem-Morpheme Innovations // *Hombert J.-M., Hyman L.* (eds). *Bantu Historical Linguistics. CSLI Lecture Notes*. Stanford: CSLI, 1999. № 99. P. 43–148.

- Ehret 2001 – *Ehret C.* A historical-comparative reconstruction of Nilo-Saharan. Köln: Rüdiger Köppe, 2001.
- Elders 2000 – *Elders S.* Grammaire mundang. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies, 2000.
- Elders 2007 – *Elders S.* Complex verb morphology in Kulango (Gur): Similarities and dissimilarities with Bantu // SOAS Working Papers in Linguistics. 2007. 15.
- Elias et al. 1984 – *Elias P., Leroy J., Voorhoeve J.* Mbam-Nkam or Eastern Grassfields // Afrika und Übersee. 1984. 67. 1. P. 31–107.
- Elimelech 1976 – *Elimelech B.* A Tonal Grammar of Etsako // WPP. № 35. Los Angeles: University of California, 1976.
- Elugbe 1979 – *Elugbe B.* Some Tentative Historical Inferences from Comparative Edoid Studies // Kiabàrà. 1979. 2. 1. P. 82–101.
- Elugbe 1980 – *Elugbe B.* Reconstructing the Lenis Feature in Proto-Edoid // Journal of African Languages and Linguistics. 1980. 2. P. 39–67.
- Elugbe 1983 – *Elugbe B.* Noun Class Prefixes in Proto-Edoid // PALL. 1983. 1. P. 59–75.
- Elugbe 1984 – *Elugbe B.* Morphology of the Gerund in Degema and Its Reconstruction in Proto-Edoid // SAL. 1984. 15. P. 77–90.
- Elugbe 1989 (1986) – *Elugbe B.* Comparative Edoid: phonology and lexicon. Delta Series. № 6. Port Harcourt: University of Port Harcourt, 1989 (1986).
- Elugbe 1989 – *Elugbe B.* Edoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 291–304.
- Elugbe 2001 – *Elugbe B.* The Classification of Akpes and Aika. Paper delivered at CALL 31. Leiden, 2001.
- Elugbe 2012 – *Elugbe B.* Comparative Akedoid and West Benue-Congo. // Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Elugbe, Williamson 1977 – *Elugbe B., Williamson K.* Reconstructing nasals in Proto-Benue-Kwa // *Juillard A.* (ed.). Linguistic studies offered to Joseph Greenberg. Vol. 2. Suatoga: Anna Libri, 1977. P. 333–363.
- Emuekperere Masagbor 1997 – *Emuekperere Masagbor G.A.* Preverbal Subject Markers in Ivie. Ph. D. Thesis. University of Sherbrooke, 1997.
- Essien 1987 – *Essien O.E.* The Aspectual System of Ibibio // *Odden D.* (ed.). Current Approaches to African Linguistics. 1987. Vol. 4. P. 151–165.
- Evans, Jones 1997 – *Evans N., Jones R.* The cradle of the Pama-Nyungans: archaeological and linguistic speculations // *McConvell P., Evans N.* (eds). Archaeology and linguistics: Aboriginal Australia in global perspective. Melbourne: Oxford University Press, 1997. P. 385–417.
- Evenhouse, manuscript – *Evenhouse W.* Jukun Wukari: a Brief Description in English. Manuscript.
- Fabre 2003 – *Fabre A.G.* Étude du samba leko parler d’Allani. Cameroun du Nord, famille Adamawa. München: LINCOM Europa, 2003.
- Faraclas 1984 – *Faraclas N.* A Grammar of Obolo. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1984.

- Faraclas 1989 – *Faraclas N.* Cross River // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 377–400.
- Ferry 1991 – *Ferry M.-P.* Thesaurus tenda. T. 1. Paris: Peeters, 1991.
- Fiore, Peck 1980 (1973) – *Fiore L., Peck P.* Limbum // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Fresco 1968 – *Fresco E.* Two Dialects of Igala and Yoruba: Some Comparisons // Research Notes. Ibadan: University of Ibadan, 1968. 4. P. 32–46.
- Friesen 2002 – *Friesen L.* Valence change and Oroko verb morphology (Mbonge dialect). Ph. D. Thesis. Grand Forks: Univ. of North Dakota, 2002.
- Funke 1909 – *Funke E.* Versuch einer Grammatik der Avatimesprache // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. 1909. 12(3). S. 287–336.
- Funke 1910 – *Funke E.* Die Nyangbo-Táfi Sprache: Ein Betrag zur Kenntnis der Sprachen Togos // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. 1910. 13(3). S. 166–201.
- Gardner 1976 (1966/67) – *Gardner I.* Abua // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1966/67).
- Gerhardt 1983 – *Gerhardt L.* Beiträge zur Kenntnis der Sprachen des Nigerianischen Plateaus. Glückstadt: J.J. Augustin, 1983.
- Gerhardt 1989 – *Gerhardt L.* Kainji and Platoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 359–376.
- Gerhardt, Jockers 1981 – *Gerhardt L., Jockers H.* Leksikostatistischen Klassifikationen von Plateausprachen // Berliner Afrikanische Vorträge (Akten des 21. DOT). 1981. P. 25–54.
- Givón 1972 – *Givón T.* Studies in ChiBemba and Bantu Grammar. SAL, supp. 3. Berkeley: Univ. of California, 1972.
- Givón 1979 – *Givón T.* Language typology in Africa: a critical review // JALL. 1979. 1. P. 199–224.
- Godé 2008 – *Godé V.* Le dadjriwalé, langue kru de la Côte d'Ivoire. Paris: L'Harmattan, 2008.
- Good 2005 – *Good J.* A Sketch of Naki Grammar. MPI EVA. 2005. Manuscript.
- Good et al. 2011 – *Good J. et al.* The languages of Lower Fungom: grammatical overview // *Africana Linguistica*. 2011. 17. P. 101–164.
- Good, Güldemann 2006 – *Good J., Güldemann T.* The Bantu verbal prefixes and S-Aux-O-V order in Benue-Congo. SOAS, University of London, 22 April 2006.
- Grah 1983 – *Grah C.* Approche systématique du niwoli (langue kru Côte d'Ivoire). Thèse de doctorat. Paris: Université de la Sorbonne nouvelle, 1983.
- Grassias, Bôle-Richard 1983 – *Grassias A., Bôle-Richard R.* Le m'batto (ngula) // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 465–506.
- Gray, Atkinson 2003 – *Gray R., Atkinson Q.* Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // *Nature*. 2003. 426. P. 435–439.
- Grebe, Grebe 1980 (1973) – *Grebe K., Grebe W.* Lamnsoq // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).

- Greenberg 1949 – *Greenberg J.* The classification of Fulani // SIA, vol. 5, 1949. P. 190–198.
- Greenberg 1955 – *Greenberg J.* Studies in African Linguistic Classification. New Haven: Compass, 1955.
- Greenberg 1963 – *Greenberg J.* The Languages of Africa. The Hague: Mouton; IJAL 29.1; Bloomington: Indiana University Press, 1963.
- Greenberg 1972 – *Greenberg J.* Linguistic evidence regarding Bantu origins // Journal of African History. 1972. 13.
- Greenberg 1996 – *Greenberg J.* Beringia and New World origins: the linguistic evidence // *Hadleigh F.* (ed.). American beginnings: the prehistory and palaeoecology of Beringia. Chicago: University of Chicago, 1996. P. 525–536.
- Greenberg 1999 – *Greenberg J.* Are there mixed languages? // *Fleishman L. et al.* (eds). Essays in poetics, literary history and linguistics presented to V.V. Ivanov on the occasion of his 70th birthday. M.: OGI, 1999. P. 626–633.
- Gregersen 1972 – *Gregersen E.* Kongo-Saharan // Journal of African Languages. 1972. 11. 1. P. 69–89.
- Grégoire 2003 – *Grégoire C.* The Bantu Languages of the Forest // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu Languages. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 349–370.
- Grégoire, Halleux 1994 – *Grégoire C., Halleux B. de.* Étude lexicostatistique de quarante-trois langues et dialectes mandé // *Africana Linguistica*. 1994. 11. P. 53–71.
- Griaule 1948 – *Griaule M.* Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemméli. Paris: Fayard, 1948.
- Grollemund, Hombert 2012 – *Grollemund R., Hombert J.-M.* Proto-Bantu: before and after // Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Grossmann 1992 – *Grossmann R.* Discourse grammar of Bandi. Arlington: University of Texas, 1992.
- Grossmann et al. 1991 – *Grossmann R. et al.* 1991. Bandi Dictionary. 1991. Manuscript.
- Güldemann 2003 – *Güldemann T.* Grammaticalization // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu Languages. London; New York: Routledge, 2003. P. 182–194.
- Güldemann 2008a – *Güldemann T.* The Macro-Sudan belt: towards identifying a linguistic area in northern sub-Saharan Africa // *Heine B., Nurse D.* (eds). A linguistic geography of Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 151–185.
- Güldemann 2008b – *Güldemann T.* Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Güldemann 2010 – *Güldemann T.* Proto-Bantu and Proto-Niger-Congo: macro-areal typology and linguistic reconstruction // *Nakagawa H., König C., Hieda O.* (eds.). Geographical typology of African languages. Typological Studies in Language Series. Amsterdam: John Benjamins, 2010.
- Güldemann, Vossen 2000 – *Güldemann T., Vossen R.* Khoisan // *Heine B., Nurse D.* (eds). African languages: an introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 99–122.
- Guthrie 1948 – *Guthrie M.* The Classification of the Bantu Languages. London: Dawsons; Oxford: Oxford University Press, 1948.

- Guthrie 1967–1971 – *Guthrie M.* Comparative Bantu. An Introduction to the Comparative Linguistics and Prehistory of the Bantu Languages. Vols 1–4. Farnborough: Gregg International, 1967–1971.
- Haas 1969 – *Haas M.* The Prehistory of Languages. The Hague, 1969.
- Hagège 1969 – *Hagège C.* Esquisse linguistique du Tikar. Paris: SELAF, 1969.
- Hagège 1970 – *Hagège C.* La langue mbum de Nganha, Cameroun: phonologie, grammaire. Paris: Klincksieck, 1970.
- Halaoui 1992 – *Halaoui N.* 1992. La morphologie du pronom en soninké // Journal of West African languages. 1992. 22. 2. P. 43–58.
- Hamm 2002 – *Hamm C.* A sociolinguistic survey of the Mambay language of Chad and Cameroon. SIL International, 2002.
- Hansford et al. 1976 – *Hansford K., Bendor-Samuel J., Stanford R.* (eds). An Index of Nigerian Languages. Ghana: SIL, 1976.
- Hantgan 2010 – *Hantgan A.* A grammar of Bangime (Bangeri me). 2010. Manuscript.
- Harro, Haynes 1991 – *Harro G., Haynes N.* Grammar Sketch of Yemba. Yaoundé: SIL Cameroon, 1991.
- Haspelmath et al. 2008 – *Haspelmath M., Dryer M., Gil D., Comrie B.* (eds). The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library, 2008.
- Hasselbring, Johnson 2002 – *Hasselbring S., Johnson E.* A sociolinguistic survey of the Grebo language area of Liberia. SIL International, 2002.
- Heath 1999a – *Heath J.* A grammar of Koyra Chiini, the Songhay of Timbuktu. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1999.
- Heath 1999b – *Heath J.* A grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni, the Songhay of Gao, Mali. Köln: Rüdiger Köppe, 1999.
- Heath 2007 – *Heath J.* Grammar of Humburi Senni. Manuscript.
- Heath 2008a – *Heath J.* A grammar of the Dogon of Beni (Ben Tey). 2008. Manuscript.
- Heath 2008b – *Heath J.* A Grammar of Jamsay. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2008.
- Heath et al. 2012 – *Heath J., Prokhorov K., Moran S.* Dogon classification // Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Hedinger 1987 – *Hedinger R.* The Manenguba Languages (Bantu A.15, Mbo Cluster) of Cameroon. London: University of London, 1987.
- Hedinger 1989 – *Hedinger R.* Northern Bantoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 421–430.
- Heine 1968 – *Heine B.* Die Verbreitung und Gliederung der Togoestsprachen. Berlin: Reimer, 1968.
- Heine, Nurse 2000 – *Heine B., Nurse D.* (eds). African languages: an introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Heine, Nurse 2008 – *Heine B., Nurse D.* (eds). A linguistic geography of Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Heine, Reh 1984 – *Heine B., Reh M.* Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. Hamburg, 1984.

- Helinski 2000 – *Helinski E.* A «new approach» to Nostratic comparison // Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 476–480.
- Helmbrecht 2004 – *Helmbrecht J.* Personal Pronouns – Form, Function and Grammaticalization. Erfurt, 2004.
- Hérault 1971 – *Hérault G.* L'aïzi. Esquisse phonologique et enquête lexicale. Abidjan: Université d'Abidjan, 1971.
- Hérault 1976 (1973) – *Hérault G.* Adioukrou // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Hérault 1983 – *Hérault G.* L'éotilé // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 403–424.
- Heydorn 1940–1941 – *Heydorn R.* Die Sprache der Bandi im nordwestlichen Liberia // Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. 1940–1941. Bd XXXI. H. 2. S. 81–114; H. 3. S. 188–217.
- Heydorn 1970/71 – *Heydorn R.* The Vai language in Liberia // Afrika und Übersee. 1970/71. Bd 54. S. 149–205.
- Heydorn 1971 – *Heydorn R.* Grammar of the Loma Language // Afrika und Übersee. 1971. Bd 54. Heft 1/2. S. 77–99.
- Hill 1995 – *Hill H.* Pronouns and Reported Speech in Adioukrou // Journal of West African Languages. 1995. 15. 1. P. 87–106.
- Hino 1978 – *Hino S.* The classified vocabulary of the Mbum language in Mbang Mboum // African Languages and Ethnography, XII. Tokyo: ILCAA, 1978.
- Hofer, Link 1980 (1973) – *Hofer V., Link C.* Wobé // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Hoffmann 1976 – *Hoffmann C.* The Languages of Nigeria by Language Family // *Hansford K. et al.* (eds). An Index of Nigerian Languages. SIL Ghana, 1976. P. 169–190.
- Höftmann 1971 – *Höftmann H.* The Structure of Lelemi Language. Leipzig: VEB, 1971.
- Hombert 1980 – *Hombert J.M.* Le groupe Noun // *Hyman L., Voorhoeve J.* (eds). Les classes nominales dans le bantou des Grassfields. L'expansion bantoue. Vol. 1. Paris: SELAF, 1980. P. 143–163.
- Hombert, Philippson 2009 – *Hombert J.-M., Philippson G.* The linguistic importance of language isolates: the African case // Proceedings of the Conference «Language Documentation & Linguistic Theory 2». London, 13–14 November 2009.
- Hyman 1975 – *Hyman L.* On the change from SOV to SVO: evidence from Niger-Congo // *Li C.* (ed.). Word order and word order change. Austin; London: University of Texas, 1975. P. 113–147.
- Hyman 1979 – *Hyman L.* Aghem Grammatical Structure // SCOPIL 7. Los Angeles: UCLA, 1979.
- Hyman 1981 – *Hyman L.* Noni grammatical structure: with special reference to verb morphology // Southern California Occasional Papers in Linguistics, 9. Los Angeles: University of Southern California, 1981.

- Hyman 2003 – *Hyman L.* Segmental Phonology // *Nurse D., Philippon G.* (eds). *The Bantu Languages*. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 42–58.
- Hyman 2007 – *Hyman L.* Niger-Congo Verb Extensions: Overview and Discussion // *Payne D., Peca J.* (eds). *Selected Proceedings of the 37th Annual Conference on African Linguistics*. Somerville: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 149–163.
- Hyman 2011 – *Hyman L.* The Macro-Sudan Belt and Niger-Congo Reconstruction // *Language Dynamics and Linguistic Change*. 2011. 1. 1.
- Hyman, Magaji 1970 – *Hyman L., Magaji D.* *Essentials of Gwari Grammar* // Occasional Publication. 27. IAS: University of Ibadan, 1970.
- Hyman, Udoh 2002 – *Hyman L., Udoh I.* Length harmony in Leggbó: A counter-universal? // *Workshop on the Phonology of African Languages (WOPAL)*. Vienna, 2002.
- Hyman et al. 2002 – *Hyman L., Heiko N., Paster M., Udoh I.* Legbo Verb Inflection: A Semantic and Phonological Particle Analysis // *Proceedings of 28th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 2002.
- Ibibiem, manuscript – *Ibibiem E.* A dictionary of Ibani, an Ijoid language of the Niger Delta. Manuscript.
- Ibrahim, Kutoado 1969 – *Ibrahim A., Kutoado A.* *Kadugli language and language usage*. Khartoum: University of Khartoum, 1969.
- Iddah 1980 (1975) – *Iddah R.K. Siwu* // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2*. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1975).
- Idiatov 2009 – *Idiatov D.* Quotative markers in Western Mande // Report presented at *Societas Linguistica Europaea*. University of Lisbon, 9–12 September 2009.
- Idiatov 2010 – *Idiatov D.* Person-number agreement on complementizers in Mande. 2010. Manuscript.
- Ijo, manuscript – The Ijo genesis (short discourse). Ijaw People's Association of UK and Ireland.
- Ikoru 1989 – *Ikoru S.* Segmental phonology and lexicon of Proto-Keggoid. M. A. thesis. Port Harcourt: University of Port Harcourt, 1989.
- Ikoru 1996 – *Ikoru S.* *The Kana language*. Leiden: Research School, CNWS, 1996.
- Ingemann, Thompson 1936 – *Ingemann F., Thompson R.* A Kuwaa (Belle) wordlist // *Journal de la Société des africanistes*. T. 6. 1936. P. 17–23.
- Innes 1964 – *Innes G.* An outline grammar of Loko with texts // *African Language Studies*, V. 1964. P. 115–178.
- Innes 1966 – *Innes G.* An introduction to Grebo. Lonson: SOAS, 1966.
- Innes 1971 – *Innes G.* *A Practical Introduction to Mende*. London: School of Oriental and Classical Studies, 1971.
- Isukul, manuscript – *Isukul C.* A Grammar of Agholo (Ogbia). Manuscript.
- Iwara 1990 – *Iwara A.* A phonemic analysis of long vocoids and phonetic diphthongs in Lokaa // *African Notes: Bulletin of the Institute of African Studies*. Ibadan: University of Ibadan, 1990. P. 74–79.

- Iwara 2002 – *Iwara A.* The Tonal Phonology and Phonetics in the Future Negative in Lokaa // *Mugan J.* (ed.). The Linguistic Typology and Representation of African Languages. Vol. 5. Africa World Press, 2002. P. 103–116.
- Janse 1996 – *Janse J.* Het Mixiforé, een sociolinguïstische en grammaticale analyse. Doktoraalscriptie. Utrecht: Universiteit Utrecht, 1996.
- Jenewari 1977 – *Jenewari C.* Studies in Kalabari Syntax. Ph. D. Thesis. Ibadan: University of Ibadan, 1977.
- Jenewari 1983 – *Jenewari C.* Defaka: Ijo's closest linguistic relative // Delta series. № 2. Port Harcourt: University of Port Harcourt, 1983.
- Jenewari 1989 – *Jenewari C.* Ijoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 105–118.
- Johnston 1919–1922 – *Johnston H.* A Comparative Study of the Bantu and Semi-Bantu Languages. Vols 1–2. Oxford: Clarendon Press, 1919–1922.
- Jones 2001 – *Jones R.* Provisional Kom-English Lexicon. Yaoundé: SIL Cameroon, 2001.
- Jones 2004a – *Jones R.* Boko dictionary. München: LINCOM Europa, 2004.
- Jones 2004b – *Jones R.* Bokobaru dictionary. München: LINCOM Europa, 2004.
- Jones 2004c – *Jones R.* Busa dictionary. München: LINCOM Europa, 2004.
- Jones 2010 – *Jones R.* Preliminary report of Kyanga and Shanga. 2010. Manuscript.
- Jose 2008 – *Jose F.* Mamara-French-Bambara-English Dictionary. 2008. Manuscript.
- Jungraihtmayr 1968–1969 – *Jungraihtmayr H.* Class languages of Tangale-Waja district (Bauchi Province, Northern Nigeria) // *Afrika und Übersee.* 1968–1969. 52. 3–4. S. 161–206.
- Jungraihtmayr 1973 – *Jungraihtmayr H.* Notes on the Ishe dialect of Ukaan (Akoko, Western State, Nigeria) // *Africana Marburgensia.* 1973. 6, 1. P. 39–57.
- Kalabari, manuscript – Kalabari Dictionary. Рукопись.
- Kaliai 1964 – *Kaliai M.H.I.* Nembe – English Dictionary. Ibadan: University of Ibadan, 1964.
- Kari 2002 – *Kari E.* Distinguishing between Clitics and Words in Degema, Nigeria // *African Study Monographs.* 2002. 23(4). P. 177–192.
- Kari 2003 – *Kari E.* Clitic Doubling: Insights from Degema // *Journal of Asian and African Studies.* 2003. 66. P. 235–248.
- Kari 2004 – *Kari E.* A Reference Grammar of Degema. Köln: Rüdiger Köppe, 2004.
- Kari 2007 – *Kari E.* Vowel Harmony in Degema, Nigeria // *African Study Monographs.* 2007. 28(2). P. 87–97.
- Kastenholz 1987 – *Kastenholz R.* Materialien zum Koranko. Glossar Koranko-Deutsch, Texte. Köln: Universität zu Köln, 1987.
- Kastenholz 1995 – *Kastenholz R.* Some Notes on the TAM-System of Jogo and its Implications for Comparative Grammar within Western Mande // *St. Petersburg of African Studies.* 1995. 5. P. 47–58.
- Kastenholz 1996 – *Kastenholz R.* Sprachgeschichte in West-Mande. Methoden und Rekonstruktionen. Köln: Rüdiger Köppe, 1996.
- Kennedy 1964 – *Kennedy A.M.* Dialect in Diola // *Journal of African Languages.* 1964. 3, 1. P. 96–101.

- Kimball 1983 – *Kimball L.* A description of the grammar of Loko. Freetown: Institute for Sierra Leonean Languages, 1983.
- Kleinewillinghöfer 1996 – *Kleinewillinghöfer U.* Relationship between Adamawa and Gur languages: The case of Waja and Tula // *Cahiers Voltaïques – Gur Papers 1.* 1996. P. 25–45.
- Kleinewillinghöfer 2012 – *Kleinewillinghöfer U.* Sama-Duru, a core group of Central Adamawa. An appraisal of its lexicon and noun class system // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction.* International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Koelle 1854 – *Koelle S.* Polyglotta Africana. London: Church Missionary House, 1854.
- König 2008 – *König C.* Case in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Koopman, Sportiche 1982 – *Koopman H., Sportiche D.* Le ton abstrait du kagwe // *Kaye J., Koopman H., Sportiche D.* (eds). *Projet sur les langues kru.* Premier rapport. 1982. P. 46–59.
- Koopman, Kural 1994 – *Koopman H., Kural M.* (eds). Aspects of Nchufie grammar // *UCLA Occasional Papers in Linguistics.* Vol. 14. Los Angeles: UCLA, 1994.
- Koops 2007 – *Koops R.* A Grammar of Kuteb, a Jukunoid Language of East-Central Nigeria. Köln: Rüdiger Köppe, 2007.
- Kortlandt 1990 – *Kortlandt F.* The spread of Indo-Europeans // *Journal of Indo-European Studies.* 1990. 18. 1–2. P. 131–140.
- Kovac 1978 – *Kovac D.* A Preliminary phonology of Bandi. Manuscript.
- Krause 1895 – *Krause G.A.* Die Stellung des Temne innerhalb der Bantusprachen // *Zeitschrift für afrikanische, ostasiatische und ozeanische Sprachen.* 1895. № 1. S. 250–267.
- Kropp 1966 – *Kropp M.E.* Ga, Adangme and Ewe with English Gloss. Accra: Univ. of Ghana, 1966.
- Kropp 1967 – *Kropp M.E.* Lefana, Akpafu and Avatime with English Glosses // *Comparative African Wordlists,* 3. Legon: Institute of African Studies, 1967.
- Kropp Dakubu 1976 (1973) – *Kropp Dakubu M.E.* Ga // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2.* Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Kropp Dakubu 1976–1980 – *Kropp Dakubu M.E.* *West African Language Data Sheets.* Vols 1–2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976–1980.
- Kropp Dakubu 2008 – *Kropp Dakubu M.E.* Ga Verb Features // *Ameka F., Kropp Dakubu M.E.* (eds). *Aspect and Modality in Kwa Languages.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 91–134.
- Kropp Dakubu 2012 – *Kropp Dakubu M.E.* Towards a phonology of Proto-Kwa: onwards from Stewart's «Potou-Akanic-Bantu» // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction.* International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Kutsch Lojenga 1994 – *Kutsch Lojenga C.* Ngiti: a Central Sudanic language of Zaire. Köln: Rüdiger Köppe, 1994.
- Kutsch Lojenga, Hood 1983 – *Kutsch Lojenga C., Hood E.* L'attié // *Hérault G.* (ed.). *Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1.* Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 227–253.

- Lacroix 1969 – *Lacroix P.-F.* L'ensemble songhay-jerma. Problèmes et thèmes de travail // Actes du 8e Congrès SLAO, Abidjan, 24–28 mars 1969.
- Lamothe 1966 – *Lamothe C.* Esquisse du système grammatical lobi. Paris: CNRS, 1966.
- Larochette 1958 – *Larochette J.* 1958. Grammaire des dialectes mangbetu et medje suivie d'un manuel de conversation et d'un lexique // Annales de Musée Royal du Congo Belge. Sér. in 80. 1958. Vol. 18.
- Lassort 1952 – *Lassort P.* Grammaire guerzé // Mémoires de l'IFAN. 1952. 20. P. 304–426.
- Lauer 1978 – *Lauer J.* Linguistic evidence for reconstructing the history of the Kran/Guere // Liberian Studies Journal. 1978. 8. 1.
- Le Bris, Prost 1981 – *Le Bris P., Prost A.* Dictionnaire bobo-français. Paris: SELAF, 1981.
- Lefebvre, Brousseau 2002 – *Lefebvre C., Brousseau A.-M.* A Grammar of Fongbe. The Hague: Mouton de Gruyter, 2002.
- Leidenfrost, McKay 2005 – *Leidenfrost T., McKay J.* Kpelle – English Dictionary with a grammar sketch and English-Kpelle finderlist. Moscow (USA): Palaverhut Press, 2005.
- Leitch 2003 – *Leitch M.* Babole // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu Languages. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 392–421.
- Lepsius 1880 – *Lepsius R.* Nubische Grammatik. Berlin: Hertz, 1880.
- Lewis 2009 – *Lewis M.P.* (ed.). Ethnologue: Languages of the World, 16th edition. Dallas: SIL International, 2009. <http://www.ethnologue.com>.
- Lim 1997 – *Lim F.* Description linguistique du kare (phonologie, syntaxe). Thèse doctorat. Paris: Université de la Sorbonne Nouvelle (Paris 3), 1997.
- Listes 1983 – Listes lexicales “Gur”. Projet “Atlas et Etudes sociolinguistiques”, 2ème phase. Porto-Novo, 1983.
- Littig 2009 – *Littig S.* Pronouns in Kolbila // WOCAL-6. Köln, 20 Aug 2009.
- Long 1971 – *Long R.* A Comparative Study of the Northern Mande Languages. Ph. D. Thesis. Bloomington: Indiana University, 1971.
- Longtau 2008 – *Longtau S.* The Tarok language: its basic principles and grammar. Dart-Jos: Kay Williamson Educational Foundation, 2008.
- Longtau, Blench 2007 – *Longtau S., Blench R.* Tarok Dictionary. Köln: Rüdiger Köppe, 2007.
- Louali, Philippson 2003 – *Louali N., Philippson G.* Les Protoméditerranéens Capsiens sont-ils des protoberbères? Interrogations de linguiste // GALF (Groupement des Anthropologues de Langue Française). Marrakech, 22–25 septembre 2003.
- Lucas, Willms 1961 – *Lucas J., Willms A.* Outline of the Language of the Jarawa in Northern Nigeria (Plateau Province) // Afrika und Übersee. 1961. 45. 1–2. P. 1–66.
- Lüpke 2005 – *Lüpke F.* A grammar of Jalonke argument structure. Ph. D. Thesis. Leipzig: Max Planck Institute for Psycholinguistic Research, 2005.
- Lüpke 2010 – *Lüpke F.* Multilingualism and language contact in West Africa: towards a holistic perspective // Journal of Language Contact. Thema 3. 2010. P. 1–12.
- Lux 2003 – *Lux D.* Noni Provisional Lexicon. Yaoundé: SIL Cameroun, 2003.
- MacDiarmid, MacDiarmid 1931 – *MacDiarmid P.A., MacDiarmid D.N.* The Languages of the Nuba Mountains // Sudan Notes and Records. 1931. 14. P. 149–162.
- Mackay 1964 – *Mackay H.* A word-list of Eloyi // Journal of West African Languages. 1(1). P. 5–12.

- Mackay 1976 (1968) – *Mackay H. Eloyi // Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1968).
- Madugu 1975 – *Madugu I.* A grammar of Kwa-type verb serialisation; its nature and significance for current generative theory. Ph. D. Thesis. Los Angeles: UCLA, 1975.
- Madugu 1979 – *Madugu I.* The Nupe verb and diachrony // *Ibadan Journal of Humanistic Studies*. 1979. 1. P. 74–97.
- Madugu 1985 – *Madugu I.* Complex verbs in Nupe and Yoruba // *SAL*. 1985. 16:3. P. 295–321.
- Maho 2003 – *Maho J.* A Classification of the Bantu Languages: an Update of Guthrie's Referential System // *Nurse D., Philippson G.* (eds). *The Bantu Languages*. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 639–651.
- Manessy 1969 – *Manessy G.* Les langues gurunsi. Essai d'application de la méthode comparative à un groupe de langues voltaïques. I. Paris: SELAF, 1969.
- Manessy 1975 – *Manessy G.* Les langues oti-volta. Classification généalogique d'un groupe de langues voltaïques. Paris: SELAF, 1975 (LACITO, 15).
- Manessy 1977 – *Manessy G.* Linguistique, historique et traditions ethniques: les peuples voltaïques dans l'est de la boucle du Niger // *Möhlig W. et al.* (eds). *Zur Sprachgeschichte und Ethnohistorie in Afrika*. Berlin, 1977.
- Manfredi 1989 – *Manfredi V.* Igboid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). *Niger-Congo Languages*. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 337–358.
- Marchese 1975 – *Marchese L.* Morphologie du verbe godié // *Annales*. 1975. 8. P. 215–239.
- Marchese 1978 – *Marchese L.* La subordination en godié. Abidjan: Université d'Abidjan, 1978.
- Marchese 1979 – *Marchese L.* Atlas linguistique des langues kru: essai de typologie. Abidjan: ILA, 1979.
- Marchese 1982 – *Marchese L.* Basic aspectual categories in Proto-Kru // *Journal of West African languages*. 1982. 12. 1. P. 3–23.
- Marchese 1984 – *Marchese L.* Atlas linguistique kru. Abidjan: Université d'Abidjan, 1984.
- Marchese 1986 – *Marchese L.* Tense / aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington: University of Texas, 1986.
- Marchese 1988 – *Marchese L.* Noun classes and agreement systems in Kru: an historical approach // *Barlow M., Ferguson C.* (eds). *Agreement in natural language*. Stanford, 1988. P. 323–342.
- Marchese 1989 – *Marchese L.* Kru // *Bendor-Samuel J.* (ed.). *Niger-Congo Languages*. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 119–139.
- Marmor 1979 – *Marmor T.* Enquête sur le langage des enfants kabiye. Lama-Kara, 1979.
- Mbuagbaw 1998 – *Mbuagbaw T.E.* Kenyang Lexicon. Yaoundé: Society for Kenyang Literature, CABTAL, 1998.
- McGill – *McGill S.* A Cicipu / English / Hausa Lexicon. <http://www.cicipu.org/dictionary.html>.
- McPherson 2009 – *McPherson L.* A grammar of Tommo-So. 2009. Manuscript.
- Meeussen 1965 – *Meeussen A.* Reconstructions grammaticales du bantou. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale, 1965.

- Meeussen 1967 – *Meeussen A.* Bantu grammatical reconstructions // *Africana linguistica* 3. Annales van het Koninklijk Museum voor Midden-Africa. 1967. 61. P. 79–121.
- Meier 1976 – *Meier P.* 1976. Izi // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976.
- Meier et al. 1975 – *Meier P., Meier I., Bendor-Samuel J.* A grammar of Izi, an Igbo language. Norman: SIL, University of Oklahoma, 1975.
- Meillet 1908 – *Meillet A.* Les dialectes indo-européens. Paris: Champion, 1908.
- Meinhof 1899–1906 – *Meinhof C.* Grundzüge einer vergleichende Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1899–1906.
- Meinhof 1912 – *Meinhof C.* Die Sprachen der Hamiten. Hamburg: Friederichsen, 1912.
- Mensah 1983 – *Mensah E.* Le krobou // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d’Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d’Abidjan, 1983. P. 425–463.
- Mensah, Tchagbale 1983 – *Mensah E., Tchagbale Z.* Atlas des langues gur de Cote d’Ivoire. Abidjan, 1983.
- Miehe 2004 – *Miehe G.* Les pronoms personnels dans les langues gur // *Ibrizimow D., Segeger G.* (eds). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et Langage». 8. Louvain; Paris: Peeters, 2004.
- Migeod 1908 – *Migeod F.W.H.* The Mende language. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1908.
- Mills 2003 – *Mills R.* Dictionnaire Sénoufo – Français. Sénanri – parler tyébara (Côte d’Ivoire). Tome I. Köln: Rüdiger Köppe, 2003.
- Moñino 1980 – *Moñino Y.* Dialectologie et parenté génétique des langues. Applications méthodologiques à un groupe homogène de langues // *Guarisma G., Platiel S.* (eds). Dialectologie et comparatisme en Afrique noire. Paris: SELAF, 1980. P. 61–77.
- Moñino 1981 – *Moñino Y.* De 2 à 3 tons, l’évolution tonale dans les langues gbya-manzangbaka // *Guarisma G.* (ed.). Tons et accents dans les langues africaines. Paris: SELAF, 1981. P. 65–101.
- Moñino 1988 – *Moñino Y.* (ed.). Lexique comparatif des langues oubangiennes. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner pour le Laboratoire de Langues et Civilisations à Tradition Orale / Département Langues et Parole en Afrique Centrale, 1988.
- Moñino 1995 – *Moñino Y.* Le Proto-Gbaya: Essai de linguistique comparative historique sur vingt-et-une langues d’Afrique centrale. Louvain; Paris: Peeters, 1995.
- Monteil 1932 – *Monteil C.* La Langue des Bozo: Population de pêcheurs du Niger // *Bulletin du Comité d’études historiques et scientifiques de l’Afrique Occidentale Française.* 1932. 15. 2–3. P. 261–317.
- Moran 2006 – *Moran S.P.* A Grammatical sketch of Isaalo (Western Sisaala). Ph. D. Thesis. Ypsilanti, 2006.
- Morgan 1996 – *Morgan D.R.* Overview of grammatical structures of Ndut, a Cangin language of Senegal. Ph. D. Thesis. Arlington: University of Texas, 1996.
- Mortier 1941 – *Mortier R.* Classificatie der talen van Ubangi // *Aequatoria.* 1941. 4. S. 1–8.
- Mortier 1946 – *Mortier R.* Ubangi onder linguistisch opzicht // *Aequatoria.* 1946. 9. S. 104–112.

- Moser 2004 – *Moser R.* Kabba: a Nilo-Saharan language of the Central African Republic. München: LINCOM Europa, 2004.
- Mous 2003 – *Mous M.* The Making of a Mixed Language: the case of Ma'a/Mbugu. Amsterdam: J. Benjamins, 2003.
- Mukarovskiy 1964 – *Mukarovskiy H.* Vers une linguistique comparative ouest-africaine: le Diola, langue bantou-guinéenne // Bulletin de l'IFAN. 1964. 26. 1–2. P. 127–165.
- Mukarovskiy 1966 – *Mukarovskiy H.* Zur Stellung der Mandesprachen // Anthropos. 1966. 61. S. 679–688.
- Mukarovskiy 1976–1977 – *Mukarovskiy H.* A Study of Western Nigritic. Vols 1–2. Vienna: Institut für Aegyptologie und Afrikanistik, 1976–1977.
- Müller 1905 – *Müller P.* Beitrag zur Kenntnis der Tem-Sprache (Nord-Togo) // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. J. VIII. Abt. 3: Afrikanische Studien. Berlin, 1905.
- Musa et al. 1987 – *Musa A.V.V. et al.* Temne language manual. Sierra Leone Peace Corps. 1987.
- N'Diaye-Correard 1970 – *N'Diaye-Correard G.* Études fca ou balante (dialecte ganja). Paris: SELAF, 1970.
- N'Guessan 1983a – *N'Guessan J.K.* L'abbey // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 13–39.
- N'Guessan 1983b – *N'Guessan J.K.* Le baoulé // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 277–306.
- Naden 1986 – *Naden A.* Western Oti-Volta pronoun systems // *Wiesemann U.* (ed.). Pronominal systems. Tübingen, 1986.
- Naden 1989 – *Naden A.* Gur // *Bendor-Samuel J.* (ed.) Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 141–168.
- Nettle 1998 – *Nettle D.* Materials from the South-Eastern Plateau Languages of Nigeria // *Afrika und Übersee.* 1998. 81. P. 253–279.
- Newman 1978 – *Newman B.* The Longuda verb // *Grimes J.* (ed.). Papers on discourse. SIL Publications, 1978. № 51. P. 25–45.
- Ngang 1999 – *Ngang D.* Les pronoms en karang. Yaoundé: Ministère de la Recherche Scientifique et Technique, 1999.
- Ngom 2010 – *Ngom F.* Ajami scripts in the Senegalese speech community // *Journal of Arabic and Islamic Studies.* 2010. 10.
- Ngom 2010 – *Ngom F.* Wolof. München: LINCOM Europa, 2010.
- Nichols 1997 – *Nichols J.* The geography of language origins // *BLS.* 1997. 22. P. 267–278.
- Nichols 2010 – *Nichols J.* Macrofamilies, Macroareas, and Contact // *Hickey R.* (ed.). The Handbook of Language Contact. London: Blackwell, 2010. P. 361–379.
- Nichols, Peterson 1996 – *Nichols J., Peterson D.A.* The Amerindian Personal Pronouns // *Language.* 1996. 72. 2. P. 336–371.
- Nicolaï 1990 – *Nicolaï R.* Parentés linguistiques (à propos du songhay). Paris: CNRS, 1990.

- Nicolai 2003 – *Nicolai R.* La force des choses ou l'épreuve 'nilo-saharienne': questions sur les reconstructions archéologiques et l'évolution des langues // *SUGIA – Supplement 13.* Köln: Rüdiger Köppe, 2003.
- Niggli, Niggli 2007 – *Niggli U., Niggli I.* Lexique ninkare-français. Ouagadougou, 2007.
- Niggli, Niggli 2008 – *Niggli U., Niggli I.* Grammaire élémentaire du kasim. Ouagadougou, 2008.
- Noss 1969 – *Noss P.* The Gbaya predicate. Madison: University of Wisconsin, 1969.
- Nougayrol 1979 – *Nougayrol P.* Le day de Bouna (Tchad), 1: phonologie, syntagmatique nominale, synthématique. Paris: SELAF, 1979.
- Nougayrol 1999 – *Nougayrol P.* Les parlers gula: Centrafrique, Soudan, Tchad. Grammaire et lexique. Paris: CNRS, 1999.
- Nurse 2007 – *Nurse D.* Tense and Aspect in Bantu. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Nurse, Philippson 2003a – *Nurse D., Philippson G.* Introduction // *Nurse D., Philippson G.* (eds). *The Bantu Languages.* London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 1–12.
- Nurse, Philippson 2003b – *Nurse D., Philippson G.* Towards a Historical Classification of the Bantu Languages // *Nurse D., Philippson G.* (eds). *The Bantu Languages.* London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 164–181.
- Nwi-Bari 2002 – *Nwi-Bari W.K.* Tee-English Dictionary. Port Harcourt: Onyoma Research Publications, 2002.
- Nyländer 1814 – *Nyländer G.R.* Grammar and vocabulary of the Bullom language. London: Church Missionary Society, 1814.
- Obikudo 2008 – *Obikudo E.* On the reduction of vowel harmony in Nkoroo. 22nd CLAN, Maiduguri, 9–13 November 2008.
- Ohiri-Aniche 1991 – *Ohiri-Aniche C.* A reconstruction of Proto-Igboïd–Yoruboid–Edoid. Ph. D. Thesis. Port Harcourt: University of Port Harcourt, 1991.
- Ohiri-Aniche 1999 – *Ohiri-Aniche C.* Language Diversification in the Akoko Area of Western Nigeria // *Blench R., Spriggs M.* (eds). *Archaeology and Language IV: Language Change and Cultural Transformation.* London; N. Y.: Routledge, 1999. P. 79–94.
- Olson 1996 – *Olson K.* On the comparison and classification of Banda dialects // *Chicago Linguistic Society (CLS).* 1996. 32(1). P. 267–283.
- Olson 2001 – *Olson K.* The phonology and morphology of Mono. Vol. 1. Ph. D. Thesis. Chicago: University of Chicago, 2001.
- Omamor 1976 – *Omamor A.* The Place of Isekiri in Relation to Yoruba // *Research Notes.* Ibadan: University of Ibadan, 1976. 7. 1–2.
- Omamor 1988 – *Omamor A.* Okpe and Uvwie: a Case of Vowel Harmony Galore // *Journal of West African Languages.* 1988. 18. 1. P. 47–64.
- Orupabo, Williamson 1980 – *Orupabo G.J., Williamson K.* Okrika // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2.* Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980.
- Oyama, Barnwell 1985–1995 – *Oyama E., Barnwell K.* Mbembe-English Dictionary. 1985–1995. Manuscript.
- Painter 1980a (1974) – *Painter C.* Gonja // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). *West African Language Data Sheets 2.* Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1974).

- Painter 1980b (1974) – *Painter C.* Hill Guang // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1974).
- Paradis 1983 – *Paradis C.* Description phonologique du guéré. Abidjan: Université d'Abidjan, 1983.
- Parker 1991 – *Parker E.* Conditionals in Mundani // *Anderson S. Comrie B.* Tense and Aspect in Eight Languages of Cameroon. Arlington: Univ. of Texas, 1991. P. 165–188.
- Parker, Durrant 1990 – *Parker E., Durrant C.* Mundani-English Lexicon. Yaoundé: SIL Cameroon, 1990.
- Pasch 1986 – *Pasch H.* Die Mba Sprachen. Die Nominalklassensysteme und die genetische Klassifikation einer Gruppe von Ubangi-Sprachen. Ph. D. Theses. Beihefte zu SUGIA 6. Hamburg: Helmut Buske, 1986.
- Perrin 1980 (1973) – *Perrin M.* Mambila // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Person 1966 – *Person Y.* Des kru en Haute-Volta // *Bulletin de l'IFAN.* 1966. Sér. B, 23. P. 485–491.
- Persson, Persson 1980 – *Persson A., Persson J.* Ligbi // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980.
- Philpot 1935 – *Philpot W.T.A.* Notes on the Igala Language // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* 1935. 7. P. 897–912.
- Pichl 1966 – *Pichl W.* The Cangin Group: A Language Group in Northern Senegal // Pittsburg: Institute of African Affairs, 1966.
- Pichl 1980a (1973) – *Pichl W.* Lehar // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Pichl 1980b (1973) – *Pichl W.* Nduť // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Pichl 1980c (1973) – *Pichl W.* Non // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Pichl 1980d (1973) – *Pichl W.* Safen // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1973).
- Platiel 1982 – *Platiel S.* Notes de recherche sur le tyanga et le shanga // *Mandenkan.* 4. P. 71–93.
- Pohlig 1981 – *Pohlig J.* The Mbe Verb: a Description of the Verb System of Mbe, a Language of the North Cross River State, Nigeria. 1981. Manuscript.
- Pozdniakov 2010 – *Pozdniakov K.* Analogical changes in Niger-Congo pronominal systems // Personal pronouns in Niger-Congo languages. International Workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers. P. 121–131.

- Pozdniakov, Segerer 2001 – *Pozdniakov K., Segerer G.* Les marques personnelles dans les langues atlantiques. 32th ACAL, Berkeley, March 2001.
- Pozdniakov, Segerer 2004a – *Pozdniakov K., Segerer G.* Reconstruction des pronoms atlantiques et typologie des systèmes pronominaux // *Ibrizimow D., Segerer G.* (eds). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et Langage». Louvain; Paris: Peeters, 2004. 8. P. 151–162.
- Pozdniakov, Segerer 2004b – *Pozdniakov K., Segerer G.* Reconstruction des pronoms personnels du proto-cangin // *Ibrizimow D., Segerer G.* (eds). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrique et Langage». Louvain; Paris: Peeters, 2004. 8. P. 163–183.
- Preston 1854 – *Preston B.* A Grammar of the Bak\u{e}le Language, with Vocabularies. N. Y.: J.P. Prall, 1854.
- Priest, manuscript – *Priest P.* Jibu Dictionary. Manuscript.
- Prokhorov 2010 – *Prokhorov K.* Towards a reconstruction of the Proto-Dogon pronominal system // Доклад на Междунар. конф. «Personal pronouns in Niger-Congo languages». СПб., 13–15 сентября 2010 г.
- Prost 1964 – *Prost A.* Contribution à l'étude des langues voltaïques // Dakar: IFAN, 1964.
- Prost 1967 – *Prost A.* Le loghoma, esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire // Documents linguistiques. Dakar: Institut fondamental de l'Afrique Noire, 1967. № 13.
- Prost 1968 – *Prost A.* La langue bisa. Grammaire et dictionnaire. Ouagadougou: IFAN, 1968.
- Prost 1971 – *Prost A.* Eléments de sembla: phonologie, grammaire, lexique // Afrique et Langages Documents. Lyon, 1971. 5.
- Prost 1972a – *Prost A.* Enquête sommaire sur le ko, langue gourounsi de Haute-Volta // Bulletin de l'IFAN. 1972. 18.
- Prost 1972b – *Prost A.* Le dogose ou langue des godobe ou doghossié // Bulletin de l'IFAN. 1972. 19.
- Prost 1974 – *Prost A.* Les langues de l'Atakora, VII. Le Notre, langue des Notaba dits Bulba // Bulletin de l'IFAN. 1974. 36. Sér. B, 3.
- Prost 1976 – *Prost A.* Essai de description grammaticale de la langue boko ou boussa de Ségbana (Dahomey) // Annals of the University of Abidjan. 1976. Sér. H, IX. P. 10–246.
- Prost 1979 – *Prost A.* Le viemo // Bulletin de l'IFAN. 1979. 23.
- Prost 1983 – *Prost A.* Essai de description grammaticale du dialecte bobo de Tansila, Haute-Volta // Mandenkan. 1983. 5.
- Quint 2006 – *Quint N.* Do you speak Kordofanian? Report at the 7th International Sudan Studies Conference «Fifty Years After Independence: Sudan's Quest for Peace, Stability and Identity». Bergen, 6–8 April 2006.
- Quintino 1951 – *Quintino F.* Algumas notas sobre a gramatica balanta // Boletim Cultural da Guiné Portuguesa. 1951. 6, 1. P. 1–52.
- Ramirez 1998 – *Ramirez C.* The Kenyang Noun Phrase. Yaoundé: SIL Cameroon, 1998.
- Rattray 1918 – *Rattray R.S.* An elementary Môle grammar with a vocabulary of over 1000 words. Oxford, 1918.
- Rédei 1988 – *Rédei K.* (ed.). Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.
- Reh 1985 – *Reh M.* Die Krongo-Sprache. Berlin: Reimer, 1985.

- Reineke 1972 – *Reineke B.* The Structure of the Nkonya Language. Leipzig: VEB, 1972.
- Rennison 2000 – *Rennison J.* Koromfe – English/French/German dictionary. 2000. Manuscript.
- Richardson 1957 – *Richardson I.* Linguistic Survey of the Northern Bantu Borderland, Vol. 2. London: Oxford University Press (for the International African Institute), 1957.
- Rickard 1970 – *Rickard D.* Kru grammar (a preliminary study). Monrovia: United Methodist Church, 1970.
- Riis 1853 – *Riis A.* Elemente des Akwapim-Dialekts der Odschi-Sprache. Basel: Bahnmeier, 1853.
- Rikoto et al. 2002 – *Rikoto B., Senchi P., Dettweiler S., Dettweiler S.* K'Batksa: C'Lela – C'Turanci – C'Gana Dictionary. Lelna Language Development / Translation Association. 2002.
- Rodewald 1985 – *Rodewald M.* From morpheme to clause in Bandi: a language learning grammar. 1985. Manuscript.
- Rodney 1970 – *Rodney W.* A history of the Upper Guinea coast, 1545–1800. Oxford Studies in African Affairs. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Roulon-Doko 1993 – *Roulon-Doko P.* Les personnels et les modalités de vouvoiement en gbaya 'bodoë (Centrafrique) // Linguistique africaine. 1993. 11. P. 67–82.
- Rowland Oke 2003 – *Rowland Oke M.* Description systématique de la langue obolo-andoni. Paris: L'Harmattan, 2003.
- Rowland, Rowland 1965 – *Rowland R., Rowland M.* Collected field reports on the phonology of Sisala. Accra: University of Ghana, 1965.
- Ruelland 1988 – *Ruelland S.* Dictionnaire tupuri-français-anglais. Région de Mindaore, Tchad. Paris: SELAF, CNRS, 1988.
- Rüppell 1829 – *Rüppell E.* Reisen in Nubien, Kordofan und dem peträischen Arabien. Frankfurt-am-Main: F. Wilmans, 1829.
- Sa'quee 1990 – *Sa'quee T.* Tense in Kono. B. A. Thesis. Freetown: University of Sierra Leone, 1990.
- Sadler 1951 – *Sadler W.* Untangled Loma. Baltimore: United Lutheran Board, 1951.
- Sadler 2006 (1949) – *Sadler W.* A complete analysis of the Looma language // Mandenkan. 2006 (1949). 42. P. 5–109.
- Salffner, Sands 2012 – *Salffner S., Sands B.* Why Ukaan is hard to classify // Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Samarin 1966 – *Samarin W.* The Gbeya language: grammar, texts and vocabularies. Berkeley; Los Angeles: University of California, 1966.
- Samarin 1970 – *Samarin W.* Sango: langue de l'Afrique centrale. Leiden: Brill, 1970.
- Samarin 1971 – *Samarin W.* Adamawa-Eastern // *Sebeok T.* (ed.). Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics. Vol. 7. The Hague; Paris, 1971. P. 213–244.
- Sambiéni 2005 – *Sambiéni C.* Le Proto-Oti-Volta-Oriental. Essai d'application de la méthode historique comparative. Köln: Rüdiger Köppe, 2005.
- Sampson 1997 – *Sampson D.* The pronouns of Banda-Tangbago of Sudan // Occasional papers in the study of Sudanese languages. 1997. 7. P. 91–102.

- Santandrea 1950 – *Santandrea S.* Indri – Togoyo – Ndogo – Feroge – Mangaya – Mondu: Comparative Linguistics. Verona: Missioni Africane, 1950.
- Sapir 1971 – *Sapir E.* West Atlantic: an inventory of the languages, their noun class systems and consonant alternations // *Sebeok T.* (ed.). Current Trends in Linguistics. Vol. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. 1971. P. 45–112.
- Sauder, Wright 2000 – *Sauder D., Wright P.* Krahn-English Dictionary (Tchien dialect). Mississauga: Pentecostal Assemblies of Canada, 2000.
- Saxon 1982 – *Saxon D.* Linguistic evidence for the eastward spread of Ubangian peoples // *Ehret C., Posnansky M.* (eds). The Archaeological and linguistic reconstruction of African history. Berkeley: University of California, 1982. P. 66–77.
- Schadeberg 1981a – *Schadeberg T.* A Survey of Kordofan. Vol. 1. The Heiban Group. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1981.
- Schadeberg 1981b – *Schadeberg T.* A Survey of Kordofan. Vol. 2. The Talodi Group. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1981.
- Schadeberg 1981c – *Schadeberg T.* The Classification of the Kadugli Language Group // *Schadeberg T., Bender L.* (eds). Nilo-Saharan. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1981. P. 291–305.
- Schadeberg 1985 – *Schadeberg T.* A Small Sketch of Ewe // *Afrikanistische Arbeitspapiere.* Universität zu Köln, 1985.
- Schadeberg 1986 – *Schadeberg T.* The lexicostatistical base of Bennett and Sterk's reclassification of Niger-Congo with particular reference to the cohesion of Bantu // *Studies in African Linguistics.* 1986. 17. P. 69–83.
- Schadeberg 1989 – *Schadeberg T.* Kordofanian // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 66–80.
- Schadeberg 2003 – *Schadeberg T.* Historical Linguistics // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu Languages. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 143–163.
- Schadeberg 2011 – *Schadeberg T.* The unique nature of the Niger-Congo noun class system. B4ntu Conference. Berlin, April 2011.
- Schadeberg, Elias 1979 – *Schadeberg T., Elias P.* A Description of the Orig Language (Southern Kordofan) // *Archief voor Antropologie.* 26. Tervuren: Centre Royal de L'Afrique Centrale, 1979.
- Schaefer, Egbokhare 2007 – *Schaefer R., Egbokhare F.* A dictionary of Emai, an Edoid language of Nigeria. Köln: Rüdiger Köppe, 2007.
- Schaub 1985 – *Schaub W.* Babungo. London: Croom Helm, 1985.
- Schleicher 1891 – *Schleicher A.* Afrikanische Petrefakten. Ein Versuch die grammatischen Bildungen der Formwurzeln der afrikanischen Sprachen durch Sprachvergleichung festzustellen. Berlin, 1891.
- Scholz 1976 (1973) – *Scholz H.-J.* Igbirra // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Schuh 1995a – *Schuh R.* Aspects of Avatime phonology // *Studies in African Linguistics.* 1995. 24. 1. P. 31–67.

- Schuh 1995b – *Schuh R.* Avatime noun classes and concord // *Studies in African Linguistics*. 1995. 24. 2. P. 123–149.
- Schulz 1997 – *Schulz G.* Kom Language Grammar Sketch. Part 1. Yaoundé: SIL Cameroon, 1997.
- Schwarz 2005 – *Schwarz A.* Aspekte der Morphosyntax und Tonologie im Buli mit Schwerpunkt auf dem Buli von Wiaga. Ph. D. Thesis. Berlin: Humboldt-Universität, 2005.
- Sebeok 1971 – *Sebeok T.* (ed.). *Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics*. Vol. 7. The Hague; Paris, 1971.
- Segerer 1997 – *Segerer G.* L'origine des bijogo: hypotheses de linguiste // Paper presented at the Colloque de Lille: Migrations anciennes et peuplement actuel des basses cotes guineennes (1–3 Dec 1997).
- Segerer 2000 – *Segerer G.* Description de la langue bijogo (Guinée Bissau). Thèse de doctorat sous la direction de France Cloarec-Heiss, 2000.
- Segerer 2002 – *Segerer G.* La langue bijogo de Bubaque (Guinée Bissau). Louvain; Paris: Peeters, 2002.
- Segerer 2002–2007 – *Segerer G.* Les marques personnelles dans les langues africaines [base de données en ligne]. 2002–2007. <http://sumale.vjf.cnrs.fr/pronoms>.
- Segerer 2008 – *Segerer G.* Les langues Niger-Congo // *Желтов А.Ю.* Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Segerer 2010 – *Segerer G.* The Atlantic languages: state of the art // *Genealogical classification of African languages beyond Greenberg*. Berlin, Humboldt-Universität, 21–22 février 2010.
- Segerer, manuscript – *Segerer G.* Wordlist for Proto-Yoruboid. Manuscript.
- Sengova 1981 – *Sengova M.J.* A classification of tense, aspect and time specification in the verb system of Mende. Ph. D. Thesis. Madison: University of Wisconsin, 1981.
- Shimizu 1971 – *Shimizu K.* Comparative Jukunoid: an introduction. Ph. D. Thesis. Ibadan: University of Ibadan, 1971.
- Shimizu 1971–1980 – *Shimizu K.* Comparative Jukunoid. Vols 1–3. Vienna: Afro-Pub, 1971–1980.
- Shimizu 1975 – *Shimizu K.* A Lexicostatistical Study of Plateau Languages and Jukun // *Anthropological Linguistics*. 1975. 17. P. 413–418.
- Shimizu 1979 – *Shimizu K.* A comparative study of the Mumuye dialects (Nigeria). Berlin: Reimer, 1979.
- Shimizu 1996 – *Shimizu K.* A Kulu vocabulary and fragments of Kulu grammatical structures // *AFLANG*. 1996. http://www.aa.tufs.ac.jp/~P_aflang.
- Sibomana 1981 – *Sibomana L.* Tarok III: Das Verbalsystem // *Afrika und Übersee*. 1981. 64. P. 237–247.
- Sibomana 1985 – *Sibomana L.* A Phological and Grammatical Outline of Eggon // *Afrika und Übersee*. 1985. 68. P. 43–68.
- Sibomana 1986 – *Sibomana L.* An outline of Nkem language // *Afrika und Übersee*. 1986. 69. P. 251–292.
- Siewierska 2004 – *Siewierska A.* Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Sika 1995 – *Sika L.* Okrika Dictionary. 1995. Manuscript.

- Singler 1979 – *Singler J.* The segmental phonology of verb suffixes in Talo Klao. M. A. Thesis. Los Angeles: University of California, 1979.
- Smith 1980 (1967) – *Smith N.* Nupe // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.) West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre.
- Snider 1989 – *Snider K.* The vowels of Proto-Guang // *Journal of West African languages*, XIX, 2. P. 29–50.
- Snider 1990a – *Snider K.* The consonants of Proto-Guang // *Journal of West African languages*, XX, 1. P. 3–26.
- Snider 1990b – *Snider K.* Tone in Proto-Guang nouns // *African Languages and Cultures*. 3, 1. P. 87–105.
- Solomiac 2007 – *Solomiac P.* Phonologie et morphosyntaxe du dzùungoo de Samogohiri. Thèse doctorat. Lyon: Université Lumière Lyon 2, 2007.
- Soukka 2000 – *Soukka M.* A descriptive grammar of Noon, a Cangin language of Senegal. München: LINCOM Europa, 2000.
- Spears 1967 – *Spears R.* Basic course in Mende. Evanston: Northwestern University, 1967.
- Spratt, Spratt 1972 – *Spratt D., Spratt N.* Kusal syntax // *Collected Language Notes*. № 13. Accra: University of Ghana, 1972.
- Spreda 1995 – *Spreda K.W.* Draft and Notes Towards a Sketch Grammar of Meta'. Yaoundé: SIL Cameroon, 1995.
- Sprigge 1976 (1973) – *Sprigge R.G.S.* Ewe (Adangbe dialect) // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Stanford 1976 (1973) – *Stanford B.* Bekwarra // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1973).
- Stanley 1991 – *Stanley C.* Description morpho-syntaxique da la langue tikar (parlée au Cameroun). Lille: Société International de Linguistique, 1991.
- Starostin 1999 – *Starostin S.* Methodology Of Long-Range Comparison // *Shevoroshkin V., Sidwell P.* (eds). Historical Linguistics & Lexicostatistics. Melbourne, 1999. P. 61–66.
- Starostin 2000 – *Starostin S.* Comparative-historical linguistics and lexicostatistics // *Time Depth in Historical Linguistics*. V. 1. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 2000. P. 223–265.
- Starwalt 2008 – *Starwalt C.* The Acoustic Correlates of ATR Harmony in 7- and 9vowel African Languages: a Phonetic Inquiry into Phonological Structure. Ph. D. Thesis. Arlington: University of Texas, 2008.
- Sterk 1977 – *Sterk J.P.* Elements of Gade Grammar. Ph. D. Thesis. Madison: University of Wisconsin, 1977.
- Sterk 1979 – *Sterk J.P.* Fortis / Lenis Contrast in Upper Cross Consonants: a Survey // *Kiabàrà*. 1979. 2. 2. P. 57–68.
- Stevenson 1957 – *Stevenson R.C.* A Survey of the Phonetics and Grammatical Structure of the Nuba Mountain Languages // *Afrika und Übersee*. 1957. 41. 3. P. 117–196.
- Stewart 1973 – *Stewart J.* The lenis stops of the Potou Lagoon languages and their significance for pre-Bantu reconstruction // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). Papers in Ghanaian

- Linguistics, 2. Research Review supp. 4. Legon: Institute of African Studies, University of Ghana, 1973. P. 1–49.
- Stewart 1976 – *Stewart J.* Towards Volta-Congo reconstructions (inaugural lecture). Leiden: Leiden University Press, 1976.
- Stewart 1989 – *Stewart J.* Kwa // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 217–245.
- Stewart 1993 – *Stewart J.* The second Tano consonant shift and its likeness to Grimm's law // *Journal of West African Languages.* 1993. 23(1). P. 3–39.
- Stewart 1994 – *Stewart J.* The Comparative Phonology of Gbe and Its Significance for That of Kwa and Volta-Congo // *Journal of African Languages and Linguistics.* 1994. 15. P. 175–193.
- Stewart 1999 – *Stewart J.* An explanation of Bantu vowel height harmony in terms of a pre-Bantu nasalized vowel lowering // *Journal of African Languages and Linguistics.* 1999. 21. P. 161–178.
- Stewart 2000 – *Stewart J.* Symmetric versus asymmetric vowel height harmony and e, o versus I, U in Proto-Bantu and Proto-Savanna Bantu // *Journal of West African Languages.* 2000. 28. 1. P. 45–58.
- Stewart 2001a – *Stewart J.* South Volta-Congo (Benue-Kwa) subclassification: The position of Tano (Akanoid) // Paper read at the 32nd Annual Conference on African Linguistics. Berkeley: University of California, 2001.
- Stewart 2001b – *Stewart J.* The stem-initial consonant system of Proto-Potou-Tano-Bantu: An update // Paper read at the Benue-Congo Workshop at the 32nd Annual Conference on African Linguistics. Berkeley: University of California, 2001.
- Stewart 2002 – *Stewart J.* The potential of Proto-Potou-Akanic-Bantu as a pilot Proto-Niger-Congo, and the reconstructions updated // *Journal of African Languages and Linguistics.* 2002. 23. P. 197–224.
- Stewart 2004 – *Stewart J.* The Proto-Potou-Akanic-Bantu Reconstructions Updated. Manuscript.
- Stewart, manuscript – *Stewart J.* Word List for African Languages. Manuscript.
- Stofberg 1978 – *Stofberg Y.* Migili grammar // *Language Data, African Series,* 12. Dallas: SIL, 1978.
- Storch 2005 – *Storch A.* Jukun Pronominal Systems from an Areal Perspective. Paper presented at the Jukun Conference, Vienna, 18–20 Nov 2005.
- Storch 2011 – *Storch A.* (ed.). Copy pronouns. Case studies from African languages. Köln: Rüdiger Köppe, 2011.
- Strub 1915–1916 – *Strub E.* Essai d'une grammaire de la langue kukuruku // *Anthropos.* 1915–1916. Vol. 10. P. 450–465; Vol. 11. P. 888–907.
- Surugue 1979 – *Surugue B.* Études gulfanes (Haute-Volta). Phonologie, Classes nominales, Lexiques. Paris, 1979.
- Swadesh 1955 – *Swadesh M.* Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // *International Journal of American Linguistics.* 1955. 21. P. 121–137.
- Swadesh et al. 1966 – *Swadesh M. et al.* A preliminary glottochronology of Gur languages // *Journal of West African Languages.* 1966. 3, 2.

- Sweetman 1981a – *Sweetman G.* A Comparative study of Fali dialects. Yaoundé: SIL, 1981.
- Sweetman 1981b – *Sweetman G.* Lexique français – fali – français. Yaoundé: SIL, 1981.
- Tamanji 2006 – *Tamanji P.* Concord and DP structure in Bafut // *Afrikanistik online*. 2006. № 595.
- Tamanji 2010 – *Tamanji P.* A sketch grammar of the Bafut language. 2010. Manuscript.
- Tendeng 2007 – *Tendeng O.* Le Gusiilay: un essai de systématisation. Une contribution à l'étude de Jóola. Bern; Berlin: Peter Lang, 2007.
- Thach, Dwyer 1981 – *Thach S., Dwyer D.* Kpelle: a reference handbook of phonetics, grammar, lexicon, and learning procedures. East Lansing: African Studies Center, Michigan State University, 1981.
- Thalmann 1980 – *Thalmann P.* Phonologie du kroumen. Abidjan: Université d'Abidjan, 1980.
- Thalmann 1987 – *Thalmann P.* Eléments de grammaire kroumen tépo (parler kru de la Côte d'Ivoire). Thèse doctorat. Paris: Université Paris 7, 1987.
- Thoiré 1933 – *Thoiré G.* Le dialecte plaoui (Côte d'Ivoire) // *Journal de la Société des Africanistes*. 1933. 3, 2. P. 319–333.
- Thomann 1905 – *Thomann G.* Essai de manuel de la langue néoulé. Paris, 1905.
- Thomas, Williamson 1967 – *Thomas E., Williamson K.* Wordlists of Delta Edo: Epie, Engenni, Degema // *Occasional Papers* 8. Accra; Ibadan: Institute of African Studies, University of Ibadan, 1967. P. 105.
- Thomas 1976 (1968) – *Thomas E.* Engenni // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1976 (1968).
- Thwing 1987 – *Thwing R.* The Vute Noun Phrase and the Relationship Between Vute and Bantu. Paper presented to the Faculty of the Graduate School of the University of Texas. Arlington: University of Texas, 1987.
- Timyan-Ravenhill 1980 – *Timyan-Ravenhill J.* Baule // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980.
- Timyan-Ravenhill 1983 – *Timyan-Ravenhill J.* L'abron // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 83–128.
- Tisserant 1930 – *Tisserant C.* Essai sur la grammaire Banda. Paris: Institut d'ethnologie, 1930.
- Torrend 1891 – *Torrend J.* A Comparative Grammar of South-African Bantu Languages. London: Kegan Paul, 1891.
- Toukam 2008 – *Toukam D.* Parlons bamiléké. Paris: L'Harmattan, 2008.
- Touré 2004 – *Touré A.* Parlons soso. Paris: L'Harmattan, 2004.
- Tresbarats 1983 – *Tresbarats C.* L'abidji // *Hérault G.* (ed.). Atlas des langues kwa de Côte d'Ivoire 1. Paris; Abidjan: Agence de Coopération Culturelle et Technique; Institut de Linguistique Appliquée, Université d'Abidjan, 1983. P. 41–65.
- Trifković 1969 – *Trifković M.* Le mancagne. Étude phonologique et morphologique. Dakar: IFAN, 1969.

- Tucker 1940 – *Tucker A.N.* The Eastern Sudanic Languages. Vol. 1. London; N. Y.; Toronto: Oxford University Press, 1940.
- Tucker 1959 – *Tucker A.N.* Le groupe linguistique zandé. Tervuren: Musée Royal du Congo belge, 1959.
- Tucker, Bryan 1956 – *Tucker A.N., Bryan M.A.* The Non-Bantu languages of North-Eastern Africa. Oxford: Oxford University Press, 1956.
- Ukere 2005 (1986) – *Ukere A.* Urhobo-English Dictionary. Benin City: Elupeju Press, 2005 (1986).
- Ulfers 2007 – *Ulfers R.E.* Dictionnaire karang – français. Yaoundé: SIL, 2007.
- Vallaëys 1991 – *Vallaëys A.* La langue mondo: esquisse grammaticale, textes et dictionnaire. Tervuren: Musée Royal de l’Afrique Centrale, 1991.
- Vanhoudt 1992 – *Vanhoudt B.* Description du bisa de Zabre, langue mande du groupe sud-est. Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, 1992.
- Vansina 1990 – *Vansina J.* Paths in the Rainforest: Toward a History of Political Tradition in Equatorial Africa. Madison: University of Wisconsin Press, 1990.
- Vansina 1995 – *Vansina J.* New linguistic evidence and «the Bantu expansion» // *Journal of African History*. 1995. 36. P. 173–195.
- Vogler 1974 – *Vogler P.* Le problème linguistique kru: éléments de comparaison // *Journal of Studies in Africa*. 1974. 44. 2. P. 147–176.
- Vogler 1987 – *Vogler P.* Le parler vata // *Travaux de l’Institute d’ethnologie de Strasbourg*. Strasbourg: CEDEX, 1987.
- Voorhoeve 1980 (1972) – *Voorhoeve J.* Bamileke // *Kropp Dakubu M.E.* (ed.). West African Language Data Sheets 2. Legon; Leiden: West African Linguistic Society; African Studies Centre, 1980 (1972).
- Voorhoeve, De Wolf 1969 – *Voorhoeve J., De Wolf P.* Benue-Congo Noun Class Systems. Leiden: Afrika-Studiecentrum, 1969.
- Vydrin 2008 – *Vydrin V.* Lélé: présentation d’une langue. Доклад на 2 Междунар. конф. по языкам манде. СПб., сентябрь 2008 г.
- Vydrin 2009a – *Vydrin V.* Areal features in South Mande and Kru languages // *Cyffer N., Ziegelmeyer G.* (eds). When languages meet: Language contact and change in West Africa. Köln: Rüdiger Köppe, 2009. P. 91–116.
- Vydrin 2009b – *Vydrin V.* On the problem of the Proto-Mande homeland // *Journal of Language Relationship*. 2009. Vol. 1. P. 107–142.
- Vydrin 2012 – *Vydrin V.* Towards Proto-Mande // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction*. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Vydrin, Vydrina 2010 – *Vydrin V., Vydrina A.* Impact of Pular on the Kakabe language (Futa Jallon, Guinea) // *Journal of Language Contact*. Thema 3. 2010. P. 86–105.
- Wakama 1999 – *Wakama C.G.* A mixed language in Okrika. Port Harcourt: University of Port Harcourt, 1999.
- Ward 1938 – *Ward I.C.* The Phonetic Structure of Bamum // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London, 1938. 9. 2. P. 423–438.
- Watters 1981 – *Watters J.* A Phonology and Morphology of Ejagham, with notes on dialect variation. Ph. D. Thesis. Los Angeles: University of California, 1981.

- Watters 1989 – *Watters J.* Bantoid overview // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 401–420.
- Watters 2003 – *Watters J.* Grassfields Bantu // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu Languages. London; N. Y.: Routledge, 2003. P. 225–256.
- Watters, Leroy 1989 – *Watters J.R., Leroy J.* Southern Bantoid // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 431–449.
- Wedekind 1972 – *Wedekind K.* An outline of the grammar of Busa (Nigeria). Kiel, 1972.
- Weiss 1939 – *Weiss H.* Grammaire et lexique diola du Fogny // BIFAN. 1939. Vol. 1. P. 412–578.
- Welmers 1946 – *Welmers W.* A Descriptive Grammar of Fanti // *Language.* 1946. 22. 3. P. 3–78.
- Welmers 1949 – *Welmers W.* Speaking Jukun (Takum Dialect). Lupwe, 1949.
- Welmers 1950 – *Welmers W.* Notes on two languages in the Senufo group I. Senadi // *Language.* 1950. 26. 1. P. 126–146.
- Welmers 1952 – *Welmers W.* Notes on the structure of Bariba // *Language.* 1952. 28. 1. P. 82–103.
- Welmers 1962 – *Welmers W.* The phonology of Kpelle. // *Journal of African languages.* 1962. 1(1). P. 69–93.
- Welmers 1973 – *Welmers W.* African language structures. Berkeley; Los Angeles; London: University of California, 1973.
- Welmers 1977 – *Welmers W.* The Kru languages: a progress report. // *Language and Linguistic Problems in Africa. Proceedings of the 7th Conference of African Linguistics.* Columbia: Hornbeam. P. 344–350.
- Werle, Gbalehi 1976 – *Werle J.-M., Gbalehi D.J.* Phonologie et morphologie du bété de la region de Guiberoua. Abidjan: University of Abidjan, 1976.
- Werner 1915 – *Werner A.* The language-families of Africa. London: Kegan Paul, 1915.
- Werner 1919 – *Werner A.* Introductory Sketch of the Bantu Languages. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.; N. Y.: E.P. Dutton & Co, 1919.
- Westermann 1903 – *Westermann D.* Die Logbasprache in Togo: Kurzer Abriss der Grammatik und Texte // *Zeitschrift für Afrikanische und Ozeanische Sprachen.* 1903. 7. P. 23–39.
- Westermann 1911 – *Westermann D.* Die Sudansprachen, eine sprachvergleichende Studie. Hamburg, 1911.
- Westermann 1921 – *Westermann D.* Die Gola-Sprache in Liberia. Grammatik, Texte und Wörterbuch. Hamburg: Frederichsen, 1921.
- Westermann 1922 – *Westermann D.* Vier Sprachen aus Mitteltogo: Likpe, Bowili, Akpafu und Adele, nebst einigen Resten der Borosprachen // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen.* 1922. 25. S. 1–59.
- Westermann 1926 – *Westermann D.* Das Edo in Nigerien // *MSOS.* 1926. 29. 3. P. 32–58.
- Westermann 1927 – *Westermann D.* Diewestlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin: de Gruyter, 1927.
- Westermann 1928 – *Westermann D.* Die Westatlantische Gruppe der Sudansprachen // *MSOS.* 1928. 31. 3. P. 63–86.

- Westermann, Bryan 1952 – *Westermann D., Bryan M.* The Languages of West Africa // Handbook of African Languages 2. London: Oxford University Press, 1952.
- Wichmann et al. 2010 – *Wichmann S. et al.* ASJP World Language Tree of Lexical Similarity: Version 3 (July 2010). <http://email.eva.mpg.de/~wichmann/WorldLanguageTree-003.pdf>.
- Wichser 1994 – *Wichser M.* Description grammaticale du kar, langue senoufo du Burkina Faso. Thèse en vue de l'obtention du diplôme de l'école pratique. Paris: CNRS, 1994.
- Wiesemann 1986 – *Wiesemann U.* 1986. Introduction // *Wiesemann U.* (ed.). Pronominal Systems. Tübingen: Narr, 1986. P. viii–ix.
- Wilhoit 1999 – *Wilhoit L.* A principles and parameters approach to Loma grammar. M. A. Thesis. Arlington: University of Texas, 1999.
- Williamson 1972 – *Williamson K.* (ed.). Igbo-English dictionary based on the Onitsha dialect. Benin City: Ethiope Publishing, 1972.
- Williamson, manuscript a – *Williamson K.* Comparative Ijoid wordlist. Manuscript.
- Williamson, manuscript b – *Williamson K.* Reconstruction of Proto-Ijoid. Manuscript.
- Williamson 1965 – *Williamson K.* A grammar of the Kolokuma dialect of Ijo // *Wafri monographs*. № 2. Cambridge: Cambridge University, 1965.
- Williamson 1967 – *Williamson K.* Gender systems in Ijo // Paper read at the 7th West African Languages Congress. Lagos, 1967.
- Williamson 1969 – *Williamson K.* Ijo // *Dunstan E.* (ed.). Twelve Nigerian languages: a handbook on their sound systems for teachers of English. London: Longman, 1969.
- Williamson 1971 – *Williamson K.* The Benue-Congo Languages and Ijo // *Sebeok T.* (ed.). Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics. Vol. 7. The Hague; Paris, 1971. P. 245–306.
- Williamson 1973 – *Williamson K.* Benue-Congo Comparative Wordlist. Vol. 2. Ibadan: West African Linguistic Society, 1973.
- Williamson 1985 – *Williamson K.* How to become a Kwa language // *Makkai A., Melby A.* (eds). Linguistics and Philosophy. Essays in Honor of Ruben S. Wells. Current Issues in Linguistic Theory, 42. Amsterdam: JohnBenjamins, 1985.
- Williamson 1988 – *Williamson K.* Linguistic evidence for the prehistory of the Niger Delta // *Alagoa E.J., Anozie F.N., Nzewunga N.* (eds). The early history of the Niger Delta. Hamburg: Helmut Buske, 1988.
- Williamson 1989 – *Williamson K.* Benue-Congo Overview // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 247–274.
- Williamson 2004 – *Williamson K.* Proto-Ijoid reconstructions. Manuscript.
- Williamson, Shimizu 1968 – *Williamson K., Shimizu K.* Benue-Congo Comparative Wordlist. Vol. 1. Ibadan: West African Linguistic Society, 1968.
- Williamson, Blench 2000 – *Williamson K., Blench R.* Niger-Congo // *Heine B., Nurse D.* (eds). African Languages – An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 11–42.
- Williamson, Blench, manuscript – *Williamson K., Blench R.* Dictionary of Kolokuma Izon. Manuscript.

- Williamson et al. 2007 – *Williamson N., Williamson K., Blench R.* A Dictionary of Kana, an Ogoni Language of the Niger Delta, Nigeria. 2007. Manuscript.
- Willis 2007 – *Willis B.* A Grammar of a Susu Xutuba. 2007. Manuscript.
- Wils 1935 – *Wils J.* De Nominale Klassificatie in de Afrikaansche-Negertalen. Nijmegen, 1935.
- Wilson 1961a – *Wilson W.* Outline of the Balanta Language // *African Language Studies*. 1961. 2. P. 139–168.
- Wilson 1961b – *Wilson W.* An outline of the Temne language. London: University of London, 1961.
- Wilson 1963 – *Wilson W.* Temne and the West Atlantic group // *SLLR*. 1963. 2. P. 26–29.
- Wilson 1989 – *Wilson W.* Atlantic // *Bendor-Samuel J.* (ed.). *Niger-Congo Languages*. Lanham; N. Y.; London: University Press of America, 1989. P. 81–104.
- Wilson 1993 – *Wilson W.* An outline description of Biafada // *Journal of West African Languages*. 1993. 23. 2. P. 59–90.
- Wilson 2007 – *Wilson W.* Guinea languages of the Atlantic group. Description and internal classification. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2007.
- Wolff 1969 – *Wolff H.* A Comparative Vocabulary of Abuan Dialects. Evanston: Northwestern University Press, 1969.
- ZheltoV et al. 2012 – *ZheltoV A., Lyakhovich A., Anikina T.* Towards a comparative description of the Adamawa languages of Mumuye-Yendang and Leko-Nimbari groups: A preliminary analysis of the field data // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction*. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Zogbo 2012 – *Zogbo L.* Kru revisited, Kru revealed // *Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction*. International Congress. Paris, 18–21 September 2012.
- Zwernemann 1996 – *Zwernemann J.* Documents kpɛ̀ɛ̀go // *Cahiers Voltaïques / Gur Papers*. 1996. Vol. I. P. 147–164.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Формы личных показателей в языках банту

Языки в таблицах отсортированы по зонам и группам согласно классификации М. Гасри. Номер группы языков указан после его названия в левом столбце таблицы. Пустые ячейки таблиц обозначают отсутствие информации, но не отсутствие формы в соответствующем языке. Источником большинства форм являются материалы работы [Nurse 2007].

1 лицо единственного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ороко A11e	\dot{N} -, $n\grave{a}$ -	- \grave{n} -		<i>mba</i>
акосе A15	$m\grave{e}/N$			
маненгуба A15	* $m\grave{e}$ -		*- $\grave{e}m$	
мокпве A22	$n\grave{a}$			
дуала A24	na			
бенга A34	mbi -			
басаа A43	$m\epsilon$	$m\epsilon$		$m\epsilon n$
нен A44	$m\epsilon$			
кпа A53	ma/N	$m\dot{V}$	- $\grave{e}m$	$m\dot{V}$
бафия A53	$m\dot{V}$, \grave{n} -	$m\dot{V}$	- $\grave{e}m$	$m\dot{V}$
нугуну A62	N -			
эвондо A72a	$m\grave{a}$			
булу A74	m , $m\epsilon$			
макаа A83	$m\grave{a}$	$m\grave{a}$	- $\acute{a}m$	
конзиме A84	$m\epsilon$	$m\epsilon$, $m\epsilon n$ (эмфат.)	- $\acute{a}m$	$m\epsilon m$
квакум A91	ji -	- $\grave{e}\grave{e}$, ji	$gw\acute{a}\acute{a}mb\grave{o}$	ji
како A93	mi/N -			
мпонгве B11a	mi/my			
кота B25	$m(a)$ -			
вия B301	$m\grave{e}$ -		- $\grave{a}m\acute{e}$	$m\acute{e}(ni)$
химба B302	$ma/m\epsilon/me$			
тсого B31	$n\grave{a}$ -	- $m\acute{a}$ -	- $\grave{a}m\acute{i}$	$m\acute{e}$
пинджи B33	na		- $ay\acute{i}$	$\acute{i}m\grave{e}$
пуну B43	nyi			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
пове (вове) B34	<i>nà</i>	<i>-ní-</i>	<i>-àmé</i>	<i>mé(ní)</i>
нзеби B52	<i>mε</i>			
ндуму B63	<i>n</i>			
ийаа B73с	<i>n-/ni-</i>			
бома B82	<i>n-/na-</i>			
кеянзи B85	<i>Mε</i>			
леке C14	<i>i-</i>	<i>N-</i>		
баболе C20	<i>nì-ñ-/n-</i>	<i>àmé</i>	<i>àmé</i>	<i>àmé</i>
аква C22	<i>i-</i>	<i>nga</i>	<i>-nga</i>	<i>nga</i>
мбоши C25	<i>í-</i>	<i>ngá</i>		<i>ngá</i>
бобанги C32	<i>na-</i>			
лингала C36	<i>na-</i>			<i>ngái</i>
лингомбе C41	<i>na-</i>			
доко C50	<i>nà-</i>	<i>-mbi-</i>		<i>mbí</i>
келе C55	<i>ne-/i-</i>	<i>-i-</i>	<i>-hǎ</i>	<i>eme</i>
монго C61	<i>n-/njV-</i>			
нкенго C61	<i>ny-</i>	<i>-ny-</i>	<i>-námí</i>	<i>emi</i>
кела C75	<i>n-/nd-/ndo-</i>			
бушоонг C83	<i>la-</i>		<i>éem</i>	<i>mtiim</i>
ленгола D12	<i>ní-/e-</i>	<i>-i-</i>	<i>-amí</i>	<i>emi</i>
митуку D13	<i>ní-/ne-</i>	<i>-n-</i>	<i>-ani</i>	<i>nǒ</i>
энья D14	<i>n-</i>			
куму D23	<i>ni-</i>			
лега D25	<i>ní-</i>	<i>-nne-</i>	<i>-áné</i>	<i>nne</i>
холохоло D28	<i>n-</i>	<i>-ñ-</i>	<i>-ané</i>	<i>nne</i>
била D30	<i>m(i)-</i>		<i>-mǎ, -mi</i>	<i>imε</i>
ньяли D33	<i>tu-</i>			
нанде D42	<i>ji-</i>			
ньянга D43		<i>-n-</i>		
рури E253	<i>(e)ni-</i>			
чагга E30			<i>-akwa</i>	
гусии E42	<i>ne-/n-/ji-</i>			
курия E43	<i>ne-/ni-/n-</i>	<i>-ne-/ni-/n-</i>	<i>-ane</i>	<i>uni</i>
кикуйю E51	<i>ni-/shi-/N-</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
машами E62a			<i>-akwa, shi-</i>	<i>(y)éjì</i>
моши E62a	<i>nji-</i>		<i>-ako</i>	<i>ìní</i>
вунджо E62b	<i>ngi-</i>			
ромбо E62c	<i>ngi-</i>		<i>-akwa</i>	<i>ìní</i>
гвено E65	<i>ni- / θi-</i>	<i>-ni-</i>	<i>-akwá</i>	
гирьяма E72a	<i>ni-</i>			
дурума E72d	<i>ni-</i>			
диго E73	<i>n-</i>			<i>nene</i>
таита (дабида) E74a	<i>ni-</i>	<i>-ni-</i>	<i>-apo</i>	<i>ìní</i>
тонгве F11	<i>N-, nsi-</i>			
сукума F21	<i>n-/ná-</i>			<i>neene</i>
нямвези F22	<i>n-/na-</i>	<i>-ni-</i>	<i>-ne</i>	<i>neene</i>
ниламба F31	<i>n-</i>			<i>me</i>
реми F32	<i>ngu-/qu-</i>	<i>-ngu-/qu-</i>		
нятуру F32	<i>n(e)-</i>			
ланги F33	<i>n-</i>			
гого G11	<i>n-, n(i)-</i>			<i>ane</i>
часу G22	<i>ni-</i>	<i>-n-</i>		
шамбала G23	<i>ni-/n-</i>			<i>imi</i>
заламо (зарамо) G33	<i>ni-</i>			<i>niye</i>
ругуру G35	<i>n(i)-</i>			<i>ne(ne)</i>
мвани G403 (G44c)	<i>ni-</i>			
суахили G42	<i>ni-/n-</i>	<i>-ni-</i>		<i>mimi</i>
коморо G44d	<i>tsi-/ni-</i>			
поголу G51	<i>ni-/nu-</i>	<i>-n-</i>		
хехе G62	<i>s-/nd-</i>			<i>nene</i>
бена G63	<i>ndi-</i>			<i>nene</i>
кинга G65	<i>nde-</i>	<i>-nde-</i>		
туба H10a	<i>mono</i>			
вили H12	<i>mì-/yì-/ì-</i>	<i>kùṅ</i>	<i>-à-m(i)</i>	<i>mìnú</i>
куньи H13				

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
лаади (лаари) Н16f	<i>n-/nj-/ni-/m-</i>	<i>-m</i>	<i>-aani</i>	<i>mèno</i>
маньянга Н16b	<i>ngi-</i>			
конго (киконго) Н16	<i>ndi-/i-, N-</i>	<i>-N-, -ndi-</i>	<i>-àmè</i>	<i>móno</i>
нтанду Н16g	<i>n-/gi-</i>			
мбунду Н21	<i>ngi-</i>			
суку Н32	<i>N-/yi-</i>			
хунгу Н33	<i>i-/N-/ngi-</i>			
мбала Н41	<i>i-/n-/ngi-</i>			
хайя J22	<i>N-</i>			<i>ije</i>
ха J66	<i>n-</i>			<i>je(we)</i>
руанда J61	<i>na-/n-</i>			
ганда J22	<i>n-</i>			
ши J53	<i>ñ-</i>	<i>ń-</i>		
чокве К11	<i>ngu-</i>	<i>-ngu-</i>		
луимби К12	<i>ni-</i>			
лучази К13	<i>nji-</i>			
лувале К14	<i>ngu-</i>	<i>-ngu-</i>		<i>àmi</i>
луэна К14	<i>ngu-</i>	<i>-ngu-</i>		
лози К21	<i>n(i)-</i>			
луяна К31	<i>(s)i-</i> (прош.), <i>ni-, ñ-</i>	<i>-ni-, -N-</i>		<i>mene</i>
квангари К33	<i>ni-</i>	<i>-nge-</i>		<i>ame</i>
гчирику К39	<i>n(i)-</i>	<i>-N-</i>		<i>amè</i>
мбукушу К40	<i>ni-</i>	<i>-ni-</i>		<i>(y)ame</i>
икухане К42	<i>ni-</i>			
квезо L13	<i>ngú-</i>	<i>-ngu-</i>		
кете L21	<i>n-</i>			
сонге L23	<i>n-</i>			
луба L30	<i>n-</i>	<i>-ń-</i>		
каньок L32	<i>ná-</i>			
каонде L41	<i>n-</i>			
лунда L52	<i>ni-</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
лувунда L53	<i>ni-</i>			
нкоя L62	<i>ni-</i>			
пимбве M11	<i>n-</i>			
лунгу M14	<i>ń-</i>			
ньяка M23	<i>n-</i>			
сафуа M25	<i>in-</i>			
ндали M301	<i>N-</i>			
ньякьюса-нгонде M31	<i>ndi-/ni-</i>	<i>-ndi-</i>		<i>one</i>
бемба M42	<i>na-</i>			
ламба M54	<i>n-, nsi-</i> (отр.)			
лендже M61	<i>ndi-</i>	<i>-ndi-</i>		
ила M63	<i>(i)n-</i>	<i>-nd-</i>		
ндендеуле N101	<i>ni-</i>			
тумбука N21	<i>ni-</i>			
ньянджа N30	<i>ndi-</i>			
манганджа N31c	<i>ndi-</i>	<i>-ndi-</i>		
сена N44	<i>ndi-</i>			
матуумби P13	<i>n(i)-</i>	<i>-ni-</i>	<i>-aánga</i>	<i>neénga</i>
яо P21	<i>n-</i>	<i>-n-</i>		
мвера P22	<i>ngu-/ni-/na-</i>	<i>-ngu-</i>		
маконде P23	<i>ni-, nga-</i>	<i>ngu-</i>		
мабиха P25	<i>ngu-, ni-</i>	<i>-ngu-</i>		
макхува P31	<i>k(i)-</i>			
коти P311	<i>ki-</i>			
умбунду R11	<i>nd(i)-/ndu-/n-</i>	<i>-ndi-/ndu-/n-</i>		
ндонга R22	<i>nd(i)-</i>	<i>-ndje-</i>		<i>ngame</i>
гереро R31	<i>mb(i)-</i>	<i>-ndji-</i>	<i>-ándjé</i>	<i>àmi</i>
йеи R41	<i>ndi-</i>	<i>-ndi-</i>		<i>yèmé</i>
шона S10	<i>ndi-</i>		<i>-ngù</i>	<i>iní</i>
венда S20	<i>ndi-, -thi-</i>	<i>-N-</i>	<i>-ngá</i>	<i>ìné</i>
тсвана S31a	<i>ke-/kr-, n-</i>	<i>-N-</i>	<i>mé</i>	<i>nna</i>
юж. сото S33	<i>k'e, k(i)-, n-</i>	<i>-ń-</i>		
зулу S42	<i>ngi-</i>		<i>-mi</i>	<i>míná</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
тсва S51			-ngu	míná
тсонга S53	ndzi-	-ndzi-		
чопи S61			-ngu	àní
гитонга S62	nyi-	-nyi-	-ngu	ení

2 лицо единственного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ороко A11e	ò-	-ò-		owa
акосе A15	wè/è			
маненгуба A15	*wè- ?		-óŋ	
мокпве A22	ò			
дуала A24	o-			
бенга A34	o			
басаа A43	u-	wε		wεn
нен A44	o			
кпа A53	wò-, ù-	wò	-òó	wò
бафия A53	wò		-òó	wò
нугуну A62	ɔ			
эвондо A72a	o			
макаа A83	wò	wò-	óó	
конзиме A84	gɔa, go	go	-ó	-gõn
квакум A91	ò-	òò, gwè	gwóó	gwè
како A93	wε			
мпонгве B11a	ò-			
кота B25	u			
вия B301	ò-		-òó	wè(ní)
химба B302	ó-			
тсого B31	ò-	-γó-	-ó	èwè
пинджи B33	o-			éwè
пове (вове) B34	ò-	-γó-	-òó	èwè
пуну B43	u			
нзеби B52	u			
ийаа B73c	wú			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бома В82	<i>ɔ</i>			
кеянзи В85	<i>ne</i>			
бома В82	<i>ɣo-</i>	<i>-ɣo-</i>		
леке С14	<i>o-</i>			
баболе С20	<i>ò-</i>	<i>àwé</i>	<i>àwé</i>	<i>àwé</i>
аква С22	<i>o-</i>	<i>nɔ</i>	<i>-nɔ</i>	<i>nɔ, wo, yo</i>
мбоши С25	<i>nɔ, ó-</i>	<i>nɔ</i>		
бобанги С32	<i>o-</i>			
болиа С35b	<i>o-</i>	<i>-ko-</i>		
лингала С36	<i>o-</i>	<i>-ko-</i>		<i>yó, yǒ</i>
лингомбе С41	<i>o-</i>			
доко С50	<i>dò-</i>	<i>é</i>		<i>é</i>
келе С55	<i>o-</i>	<i>-ɔ-</i>	<i>-hǒ</i>	<i>ɔhe</i>
монго С61	<i>o-</i>	<i>-ko-</i>		
нкенго С61	<i>u-</i>	<i>-k-</i>	<i>-náwε</i>	<i>wε</i>
кела С75	<i>o-</i>			
бушоонг С83	<i>a-</i>		<i>-áa, -o</i>	<i>wεen</i>
ленгола D12	<i>o-</i>	<i>-né-</i>	<i>-oyi</i>	<i>owe</i>
митуку D13	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-abé</i>	<i>uwe</i>
энья D14	<i>o-</i>			
куму D23	<i>ɔ-</i>			
лега D25	<i>u-</i>	<i>ugwe</i>	<i>óbé</i>	<i>ugwe</i>
холохоло D28	<i>u/o-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-ogé</i>	<i>gwe</i>
била D30	<i>ɔ/ε, o/e</i>		<i>-kɔ</i>	<i>uwe</i>
ньяли D33	<i>u-</i>			
нанде D42	<i>u-</i>			
ньянга D43	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
рури E253	<i>(o)u-</i>			
чагга E30			<i>-afɔ</i>	
гусии E42	<i>o-/w-, gw-/kw-</i>	<i>-gw-/kw-/ -ko-/go-</i>		
курия E43	<i>o-/u-/w-</i>	<i>-ku-/gu-/ -ko-/go-</i>	<i>-ao</i>	<i>uwe</i>
кикуйю E51	<i>o-</i>	<i>-kɔ-</i>		

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
машами E62a	<i>ku-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-afo</i>	<i>(y)éwè</i>
моши E62a	<i>o-/u-</i>	<i>kù-, o-/u-</i>	<i>-apfo</i>	<i>iyò</i>
хаи E62a	<i>ku-</i>	<i>-ku-</i>		
вунджо E62b	<i>u-</i>			
ромбо E62c	<i>u-</i>	<i>-kù-/u-</i>	<i>-afo</i>	<i>ifè</i>
гвено E65	<i>ku-/u-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-apfó</i>	
гирьяма E72a	<i>u-</i>			
дурума E72d	<i>o-</i>	<i>-ko-</i>		<i>βeβe</i>
диго E73	<i>ku-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-ako</i>	<i>óhò</i>
таита (дабида) E74a	<i>ku-</i>	<i>-ku-</i>		
тонгве F11	<i>u-</i>			
сукума F21	<i>o-</i>	<i>-ku-</i>		<i>βeβe</i>
нямвези F22	<i>o-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-ko</i>	<i>βeβe</i>
ниламба F31	<i>o-</i>	<i>-ko-</i>		<i>ve</i>
реми F32	<i>u-</i>	<i>-ngu-/qu-</i>		
ньятуру F32	<i>o-</i>			
ланги F33	<i>o-</i>			
гого G11	<i>u-/ku-</i>			<i>gwegwe</i>
кагуру G12	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
часу G22	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
шамбала G23	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		<i>iwe</i>
заламо (зарамо) G33	<i>u-/ku-</i>			
мвани G403 (G44c)	<i>u-/ku-</i>			
суахили G42	<i>u-/w-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-ako</i>	<i>wewe</i>
коморо G44d	<i>u-/hu-</i>	<i>-hu-</i>		
поголу G51	<i>gu-</i>	<i>-gu-/gw-</i>		
хехе G62	<i>u-</i>			<i>veve</i>
бена G63	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		<i>veve</i>
кинга G65		<i>-ku-</i>		
туба H10a	<i>ngé</i>			
вили H12	<i>wù-/ù-</i>	<i>-kù-</i>	<i>-ààkù</i>	<i>ndèyì</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
куньи Н13	<i>ù-/ò-</i>	<i>-kù-</i>	<i>-àkù</i>	<i>ngè, ngéyè</i>
лаади (лаари) Н16f	<i>ù-</i>	<i>-kù-</i>	<i>aaku</i>	<i>ngègié</i>
мбунду Н21	<i>u-</i>			
суку Н32	<i>wu-/w-</i>			
хунгу Н33	<i>u-</i>			
мбала Н41	<i>u-/gu-</i>			
хайя J22	<i>o-</i>	<i>-ku-</i>		<i>iwe</i>
ха J66	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		<i>we(we)</i>
руанда J61		<i>ku/gu/kw/gw</i>		
ганда J22	<i>u-/o-</i>	<i>-ku-</i>		
ши J53	<i>ù-</i>	<i>-kù-</i>		
чокве К11	<i>wu-</i>			
лучази К13	<i>u-</i>			
лувале К14	<i>u-</i>			
луэна К14	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
лози К21	<i>u-/ku-</i> (после <i>á-</i>)			
луяна К31	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		<i>wene</i>
квангари К33	<i>o-</i>	<i>-ku-</i>		<i>ove</i>
гчирику К39	<i>yu-/u-/w-</i>	<i>-ku-</i>		<i>ofè</i>
мбукушу К40	<i>ghu-</i>	<i>-ku-</i>		<i>(y)owe</i>
икухане К42	<i>u-</i>			
квезо L13	<i>ù-</i>			
кете L21	<i>o-</i>			
сонге L23	<i>o-</i>	<i>-ku-</i>		
луба L30	<i>ù-, ku-</i>			
каньок L32	<i>ù-</i>			
каонде L41	<i>u-</i>			
лунда L52	<i>ù-</i>			
лувунда L53	<i>u-</i>			
нкоя L62	<i>ù-</i>			
пимбве M11	<i>o-</i>			
лунгу M14	<i>ù-</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ньяка M23	<i>u-</i>			
сафуа M25	<i>u-</i>			
ндали M301	<i>u-/gu-</i>			
ньякьюса-нгонде M31	<i>u-/gu-/gw-</i>	<i>-gu-/gw-/ku-</i>		<i>ugwe</i>
бемба M42	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
ламба M54	<i>u-</i>			
лендже M61	<i>u-</i>	<i>-nd-</i>		
ила M63	<i>u-</i>			
ндендеуле N101	<i>u-</i>			
тумбука N21	<i>u-</i>			
ньянджа N30	<i>u-</i>			
манганджа N31c	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
сена N44	<i>u-</i>			
матуумби P13	<i>o-</i>	<i>-ko-</i>	<i>-aáko</i>	<i>weénga</i>
яо P21	<i>u-/tu-</i>	<i>-tu-</i>		
мвера P22	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
маконде P23	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
мабиха P25	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>		
макхува P31	<i>u-</i>		<i>-ínyu, áa, áo</i>	
коти P311	<i>o-</i>			
умбунду R11	<i>ò-</i>	<i>-ku-</i>		<i>òvè</i>
ндонга R22	<i>u-</i>	<i>-kú-</i>		<i>ngoyé</i>
гереро R31	<i>-ù-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-óè</i>	<i>òvè</i>
йеи R41	<i>u-</i>	<i>-kú-</i>		<i>yèwé</i>
шона S10	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-kò</i>	<i>ìwé</i>
венда S20	<i>ù-/w-</i>	<i>-ù-/w-</i>	<i>ù</i>	<i>ìwè</i>
тсвана S31a	<i>o/w</i>	<i>-o-/w-</i>		
юж. сото S33	<i>u-</i>	<i>-ku-</i>	<i>-khò</i>	<i>wèná</i>
зулу S42			<i>-ko</i>	<i>wèná</i>
тсва S51	<i>ò-</i>	<i>-go-</i>	<i>gago</i>	<i>wéna</i>
тсонга S53	<i>ù-/w-</i>	<i>-ku-/ù-/w-</i>		
чопи S61			<i>-ko</i>	<i>awe</i>
гитонга S62	<i>u-/w-</i>	<i>yu-</i>	<i>-yo</i>	<i>uwe</i>

I лицо множественного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
лунду A10	<i>si</i>			
ороко A11e	<i>lò-</i>	<i>-lò-</i>		<i>isε</i>
акосе A15	<i>sé</i> (э.), <i>dè</i> (и.)			
маненгуба A15	<i>*sî-</i>		<i>*-àcí</i>	
мокпве A22	<i>ì</i>			
дуала A24	<i>li</i>			
бенга A34	<i>di</i>			
басаа A43	<i>hu/ho</i>			
нен A44	<i>di</i>	<i>βēs</i>		<i>βēs</i>
кпа A53	<i>tú</i>			
бафия A53	<i>tì-</i>	<i>mìní</i>	<i>-ís</i>	<i>mìní</i>
нугуну A62	<i>tì-</i>	<i>mìní</i>	<i>-ís</i>	<i>mìní</i>
эвондо A72a	<i>de</i>			
булу A74	<i>bíí</i>			
макаа A83	<i>sà</i> (э.), <i>shà</i> (и.)	<i>sà</i> (э.), <i>shà</i> (и.)	<i>sú</i> (э.), <i>shé</i> (и.)	
конзиме A84	<i>bīs</i>	<i>bīs</i>	<i>-ís</i>	
квакум A91	<i>shè</i>	<i>shè</i>	<i>gwúshú</i>	<i>shè</i>
како A93	<i>wuse</i>			<i>wuse</i>
мнонгве B11a	<i>zu-/zw-</i>			
кота B25	<i>míni</i>			
вия B301	<i>tù-</i>		<i>-àtó</i>	<i>itú</i>
химба B302	<i>to-</i>			
тсого B31	<i>tò-</i>	<i>-tó-</i>	<i>-àsó</i>	<i>wé</i>
пинджи B33	<i>to-</i>		<i>-aso</i>	<i>àsé</i>
пове (вове) B34	<i>tò-</i>	<i>-tó-</i>	<i>-àtó</i>	<i>itó</i>
пуну B43	<i>tu-</i>			
нзеби B52	<i>lə-</i>			
ндуму B63	<i>le-</i>			
ийаа B73c	<i>dì-</i>			
бома B82	<i>ε/li-</i>			
кеянзи B85	<i>bí-</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
нгонди С11	<i>to-</i>			
леке С14	<i>to-</i>			
баболе С20	<i>tò-</i>	<i>bísé</i>	<i>bísé</i>	<i>bísé</i>
аква С22	<i>le-/lo-</i>	<i>bisu</i>	<i>bisu</i>	<i>bisu/biso</i>
мбоши С25	<i>le-</i>			
бобанги С32	<i>bísí</i>	<i>bísí</i>		<i>bísí</i>
лингала С36	<i>lo-</i>			
лингомбе С41	<i>to-</i>	<i>-lo-</i>		<i>bísó</i>
доко С50	<i>lo-</i>			
келе С55	<i>ò-</i>			
монго С61	<i>to-</i>	<i>-to-</i>	<i>-só</i>	<i>esú</i>
нкенго С61	<i>to-</i>			
кела С75	<i>t-</i>	<i>-t-</i>	<i>-nísó</i>	<i>ísó</i>
бушоонг С83	<i>to-</i>			
болиа С35b	<i>ta-</i>		<i>-iit</i>	<i>bïit</i>
ленгола D12	<i>to-</i>			
митуку D13	<i>tu-</i>	<i>-tú-</i>	<i>-asú</i>	<i>júe</i>
энья D14	<i>tu-</i>	<i>-tú-</i>	<i>-ïtú</i>	<i>bïtê</i>
куму D23	<i>t-</i>			
лега D25	<i>bi-</i>			
холохоло D28	<i>tu-</i>	<i>bíswé</i>	<i>-itú</i>	<i>bíswé</i>
била D30	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>	<i>-etú</i>	<i>beetwé</i>
ньяли D33	<i>βi-/βi-</i>		<i>-sú</i>	<i>βésú</i>
нанде D42	<i>ki-</i>	<i>-su, usú</i>		<i>usú</i>
ньянга D43	<i>tu-</i>			
рури E253	<i>tu-</i>			
чагга E30	<i>(e)ci-</i>			
гусии E42			<i>-ehu</i>	
курия E43	<i>to-/tw-</i>	<i>-to-/-tu-/-tw-</i>	<i>-ito</i>	<i>baito</i>
кикуйю E51	<i>to-/tu-/tw-</i>			
камба E55	<i>to-</i>			
машами E62a	<i>ti-, to-</i>			
моши E62a	<i>lu-</i>	<i>-lu-</i>	<i>-eru</i>	<i>(e)ésè</i>
ромбо E62c	<i>lu-</i>	<i>-lu-</i>	<i>-eðu</i>	<i>só</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
вунджо E62b	<i>ɖu-</i>	<i>ɖú-</i>	<i>-eɖu</i>	<i>só</i>
гвено E65	<i>lu-</i>			
гирьяма E72a	<i>fu-</i>			
ньяка E72	<i>fu-</i>	<i>-fú-</i>	<i>-erú</i>	
диго E73	<i>fú-</i> (э.), <i>hu-</i> (и.)			
таита (дабида) E74a	<i>hu-</i>			
тонгве F11	<i>ko-</i>			<i>sese</i>
сукума F21	<i>ɖi-</i>	<i>-ɖi-</i>	<i>-eɖu</i>	<i>ísì</i>
нямвези F22	<i>tu-</i> (утв.), <i>nsi-</i> (отр.)	<i>-tu-</i>	<i>-ise</i>	<i>iise/iiswe</i>
ниламба F31	<i>to-</i>			<i>βiiswe</i>
ньятуру F32	<i>to-</i>			<i>iswe</i>
ланги F33	<i>ko-</i>			<i>isye</i>
гого G11	<i>qo-</i>			
кагуру G12	<i>to-</i>			
часу G22	<i>ci-/ku-</i>			<i>ase</i>
шамбала G23	<i>tsi-</i>			
бондеи G24	<i>to-</i>			
зигула G30	<i>tu-/ti-</i>			
заламо (зарамо) G33	<i>ti-</i>			
ругуру G35	<i>ti-</i>			
мвани G403 (G44c)	<i>tu-</i>			<i>ifwi</i>
суахили G42	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>	<i>-etu</i>	<i>sisi</i>
коморо G44d	<i>ti-</i>			
поголу G51	<i>tu-/tw-</i>			
хехе G62	<i>ri-</i>			
бена G63	<i>tu-</i>			
кинга G65	<i>tu-</i>			<i>hwehwe</i>
туба H10a	<i>tu-</i>			<i>nefwe</i>
вили H12	<i>ti-, tu-</i>			
конго (киконго) H16	<i>béto</i>			<i>béto</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
маньянга Н16b	<i>bès, tù-/t-</i>	<i>-tú-</i>	<i>-ìtú</i>	<i>bèsò</i>
лаади (лаари) Н16f	<i>tù-</i>	<i>-tù-</i>	<i>-ètò</i>	<i>yétò</i>
мбунду Н21	<i>tu-</i>			
суку Н32	<i>tù-</i>	<i>-tù-</i>	<i>-ètò</i>	<i>yétò</i>
хунгу Н33	<i>tu-</i>			
мбала Н41	<i>tu-</i>			
хайя J22	<i>tu-</i>			
ха J66	<i>du-</i>			
руанда J61	<i>le-, tu-</i>			<i>icwe</i>
ганда J22	<i>tu-</i>			<i>twe(bwe)</i>
ши J53	<i>tu-/du-</i>			
чокве К11	<i>tu-</i>			
лучази К13	<i>rhu-</i>			
лувале К14	<i>tu-</i>			
луэна К14	<i>tu-</i>			
лози К21	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		<i>ètu</i>
луяна К31	<i>tu-</i>			
квангари К33	<i>lu-</i>			
гчирику К39	<i>tù-</i>	<i>-tù-</i>		<i>aci</i>
мбукушу К40	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		<i>ose</i>
икухане К42	<i>tu-/tw-</i>	<i>-tu-/tw-</i>		<i>(a)twè</i>
квезо L13	<i>tu-</i>			<i>yatwe</i>
кете L21	<i>tu-</i>			
сонге L23	<i>dú-</i>			
луба L30	<i>cwu-</i>			
каньок L32	<i>tu-</i>			
каонде L41	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		
лунда L52	<i>tú-</i>			
лувунда L53	<i>tu-</i>			
нкоя L62	<i>tu-</i>			
пимбве M11	<i>tu-</i>			
лунгу M14	<i>tú-</i>			
сафуа M25	<i>to-</i>			
ндали M301	<i>tú-</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ньякьюса-нгонде М31	<i>tu-</i>			
бемба М42	<i>tu-</i>			
ламба М54	<i>to-/tw-</i>			<i>oswe</i>
ила М63	<i>tu-</i>			
ндендеуле N101	<i>tu-</i>			
тумбука N21	<i>tu-</i>			
ньянджа N30	<i>ti-</i>			
манганджа N31с	<i>ti-</i>			
сена N44	<i>ti-</i>			
ньюнгве N50	<i>ti-</i>			
магуумби P13	<i>ti-</i>			
яо P21	<i>ti-</i>			
маконде P23	<i>to-</i>	<i>-to-</i>	<i>íto</i>	<i>tweénga</i>
макхува P31	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		
коти P311	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		
умбунду R11	<i>n(i)-</i>		<i>ihu</i>	
ндонга R22	<i>ni-</i>			
йеи R41	<i>tù-</i>	<i>-tù-</i>		<i>étù</i>
гереро R31	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		<i>tsé</i>
шона S10	<i>ti-</i>	<i>-ti-</i>		<i>yetshwe</i>
венда S20	<i>tù-</i>	<i>-tu-</i>	<i>-étù</i>	<i>ètè</i>
тсвана S31a	<i>ti-</i>		<i>-ìdù</i>	<i>ìsú</i>
юж. сото S33	<i>re-/r(i)-</i>	<i>r(i)-</i>	<i>-shú</i>	<i>rìné</i>
зулу S42	<i>re-</i>	<i>-re-</i>	<i>rona</i>	<i>rona</i>
тсва S51	<i>r(i)-</i>	<i>r(i)-</i>		
тсонга S53	<i>si-</i>		<i>-ìthù</i>	<i>thìná</i>
чопи S61			<i>-iru</i>	<i>hìná</i>
гитонга S62	<i>h(i)-</i>			

2 лицо множественного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
акосе A15	<i>né (э.), bé</i>			
маненгуба A15	<i>*nyí-</i>		<i>*-ànyí</i>	

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
мокпве A22	<i>è</i>			
дуала A24	<i>lɔ-</i>			
бенга A34	<i>o...ni</i>			
басаа A43	<i>ni</i>	<i>βee</i>		<i>βee</i>
нен A44	<i>ní</i>			
кпа A53	<i>βi-</i>	<i>βisi</i>	<i>-ín</i>	<i>βisi</i>
бафия A53	<i>lɔ-, -ni, βi-</i>	<i>-lo-</i>	<i>-ín</i>	<i>βisi</i>
нугуну A62	<i>nɔ</i>			
эвондо A72a	<i>mií</i>			
макаа A83	<i>bí</i>	<i>bí</i>	<i>-ín</i>	
коонзиме A84	<i>bm</i>	<i>bm</i>		
квакум A91	<i>nè</i>	<i>nè</i>	<i>gwuń</i>	<i>dĩě</i>
како A93	<i>wunɛ</i>			<i>wunɛ</i>
мпонгве B11a	<i>nw-</i>			
вия B301	<i>nù-</i>		<i>-àno</i>	<i>inú</i>
химба B302	<i>no-</i>			
тсого B31	<i>nò-</i>	<i>-nó-</i>	<i>-àno</i>	<i>àné</i>
пинджи B33	<i>no-</i>		<i>-ano</i>	<i>àné</i>
пуну B43	<i>nò-</i>	<i>-nó-</i>	<i>-ènú</i>	<i>inó</i>
пове (вове) B34	<i>du-</i>			
нзеби B52	<i>lɔ-</i>			
ийаа B73c	<i>dì-</i>			
бома B82	<i>bɔ-</i>	<i>-bɔ-</i>		
кеянзи B85	<i>lɔ-</i>			
леке C14	<i>o-</i>			
баболе C20	<i>bò-</i>	<i>bíné</i>	<i>bíné</i>	<i>bíné</i>
аква C22	<i>le-/lo-</i>	<i>binu</i>	<i>binu</i>	<i>binu/bino</i>
мбоши C25	<i>bíní</i>			
нгири C31b		<i>mi</i>		
бобанги C32	<i>bɔ-</i>	<i>-bɔ-</i>		
лингала C36	<i>bo-</i>			
болиа C35b	<i>lo-</i>			
лингомбе C41	<i>bo-, o...-ni</i>			
доко C50	<i>ò-</i>	<i>nú, núní</i>		<i>nú, núní</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
келе С55	<i>bo-</i>	<i>-ɔ-</i>	<i>-nó</i>	<i>ení</i>
монго С61	<i>lo-</i>			
нкенго С61	<i>l-</i>	<i>-l-</i>	<i>-nínyó</i>	<i>ínyó</i>
кела С75	<i>do-</i>			
бушоонг С83	<i>bu-</i>		<i>-iin</i>	<i>-bwiin</i>
ленгола D12	<i>ni-</i>	<i>-né-</i>	<i>-aní</i>	<i>nié</i>
митуку D13	<i>mi-/mo-</i>	<i>-mú-</i>	<i>-ínú</i>	<i>míné</i>
энья D14	<i>b-</i>			
куму D23	<i>bo-</i>			
лега D25	<i>mi-</i>	<i>bijwé</i>	<i>-ínú</i>	<i>bijwé</i>
холохоло D28	<i>mi-/mo-</i>	<i>-mi-</i>	<i>-enyú</i>	<i>beenywé</i>
била D30	<i>bo-/be-</i>		<i>-nú</i>	<i>βénú</i>
ньяли D33	<i>ni-</i>			
нанде D42	<i>mi-</i>			
ньянга D43	<i>mi-</i>			
рури E253	<i>(o)mi-</i>			
чагга E30			<i>-anu</i>	
гусии E42	<i>mo-/mw-</i>	<i>-ba-</i>		
курия E43	<i>mo-/mi-/mw-</i>	<i>-ba-</i>	<i>-iju</i>	<i>baiju</i>
кикуйю E51	<i>mo-</i>	<i>-mo-</i>		
машами E62a	<i>mi-</i>	<i>mi-</i>	<i>-aŋ</i>	<i>(y)éni</i>
моши E62a	<i>mi-</i>	<i>-mi-</i>	<i>-enu</i>	<i>-jó</i>
ромбо E62c	<i>mi-</i>		<i>-enu</i>	<i>jó/jwé</i>
вунджо E62b	<i>m(u)-</i>			
гвено E65	<i>m-</i>	<i>-m-</i>	<i>-enú</i>	
гирьяма E72a	<i>mi-</i>			
ника E72	<i>mi-</i>	<i>-ba-</i>		
диго E73	<i>mo-</i>			<i>jepe</i>
таита (дабида) E74a	<i>m-/mi-</i>	<i>-mi-</i>	<i>-enu</i>	<i>ínú</i>
покомо E71	<i>mi-</i>	<i>-mi-</i>		
тонгве F11	<i>mi-</i>			
сукума F21	<i>m-</i>			<i>βijwé</i>
ньямвези F22	<i>mi-, m-</i>	<i>-mi-</i>	<i>-imwe</i>	<i>ijwé</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ниламба F31	<i>mɔ-</i>	<i>mɔ-</i>		<i>ɪne</i>
ньятуру F32	<i>mɔ́-</i>	<i>-mɔ́-</i>		
ланги F33	<i>mɔ-</i>			
гого G11	<i>mi-</i>			<i>ape</i>
часу G22	<i>mi-</i>			
шамбала G23	<i>mi-/m-</i>			<i>ɪnwi</i>
заламо (зарамо) G33	<i>mi-</i>	<i>-wa-</i>		<i>mwe(mwe)</i>
ругуру G35	<i>m(u)-</i>			<i>mwe(mwe)</i>
мвани G403 (G44c)	<i>mi-</i>			
суахили G42	<i>m(w)-</i>	<i>-wa-</i>	<i>-enu</i>	<i>nɪni / ɲɪni</i>
коморо G44d	<i>hu-</i>	<i>-hu-</i>		
поголу G51	<i>m(u)-</i>	<i>-mi-</i>		
хехе G62	<i>mi-</i>	<i>-mi-/wa-</i>		
бена G63	<i>mi-</i>			
туба H10a	<i>beno</i>			
вили H12	<i>(bè-)n, l-/lù-</i>	<i>-lù-</i>	<i>-ì-ní</i>	<i>bè-nò</i>
куньи H13	<i>du-</i>			
конго (киконго) H16	<i>lù-, nù-</i>	<i>-lù-</i>	<i>-è-nò</i>	<i>yénò</i>
маньянга H16b	<i>lu-</i>			
лаади (лаари) H16f	<i>lù-</i>	<i>-lù-</i>	<i>eeno</i>	<i>bèè-nó</i>
мбунду H21	<i>mi-</i>			
суку H32	<i>lu-</i>			
хунгу H33	<i>mi-</i>			
мбала H41	<i>mi-</i>			
хайя J22	<i>mi-</i>	<i>-mi-</i>		<i>ɪnwe</i>
ха J66	<i>mi-</i>			<i>mwe(mwe)</i>
руанда J61	<i>mi-</i>	<i>-mi-, -ba-</i>		
ганда J22	<i>mi-</i>	<i>-ba-</i>		
ши J53	<i>mi-</i>	<i>-mi-</i>		
чокве K11	<i>mi-</i>			
лувале K14	<i>mi-</i>	<i>-mi-</i>		<i>èni</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
лучази К13	<i>ти-</i>			
лози К21	<i>ли-</i>			
луяна К31	<i>ти-</i>	<i>-ти-</i>		<i>апуи</i>
квангари К33	<i>ти-</i>	<i>-ти-</i>		<i>оне</i>
гчирику К39	<i>ти-/mw-</i>	<i>-ти-/mw-</i>		
мбукушу К40		<i>-ти-</i>		<i>(y)amwe</i>
икухане К42	<i>ти-</i>			
квезо L13	<i>ти́-</i>			
кете L21	<i>т-</i>			
сонге L23	<i>ни-</i>			
луба L30	<i>ни-</i>	<i>-ни-</i>		
каньок L32	<i>ни́-</i>			
каонде L41	<i>ти-</i>			
лунда L52	<i>ти́-</i>			
лувунда L53	<i>и-</i>			
нкоя L62	<i>ти́-</i>			
пимбве M11	<i>т(о)-</i>			
лунгу M14	<i>ти́-</i>			
ньяка M23	<i>ти-</i>			
сафуа M25	<i>ти-</i>			
ндали M301	<i>ти-</i>			
ньякьюса-нгонде M31	<i>тo-/mw-</i>	<i>-ба-</i>		<i>umwe</i>
бемба M42	<i>ти-</i>	<i>-ти-</i>		
ламба M54	<i>ти-</i>			
ила M63	<i>ти-</i>			
ндендеуле N101	<i>ти-</i>			
тумбука N21	<i>ти-</i>			
ньянджа N30	<i>ти-</i>			
манганджа N31c	<i>ти-</i>			
сена N44	<i>ти-</i>			
матуумби P13	<i>тo-</i>	<i>-тo-</i>	<i>-ijiŋo</i>	<i>mweénga</i>
яо P21	<i>ти-/т-</i>	<i>-wa-/ти-</i>		<i>vaŋamwe</i>
мвера P22	<i>ти-</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
маконде P23	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		<i>twepo</i>
мабиха P25	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		
коти P311	<i>tu-</i>			
макхува P31	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		
умбунду R11	<i>bu-/vù-</i>	<i>-ku-</i>		<i>éñè</i>
ндонга R22	<i>tu-</i>	<i>-tu-</i>		<i>né</i>
гереро R31	<i>tù-</i>	<i>-tu-</i>	<i>-éñù</i>	<i>èñè</i>
йеи R41	<i>ni-</i>	<i>-ni-</i>		<i>yènwé</i>
шона S10	<i>tu-</i>		<i>-ìyù</i>	<i>ì mí</i>
венда S20	<i>n(i)-</i>	<i>n(i)-</i>	<i>-ìnwí</i>	
тсвана S31a	<i>lo-</i>	<i>-lo-</i>	<i>lona</i>	<i>lona</i>
юж. сото S33	<i>l(i)-</i>	<i>-l(i)-</i>		
зулу S42	<i>tu-</i>	<i>-ni-</i>	<i>-ìyù</i>	<i>níná</i>
тсва S51			<i>-inu</i>	<i>nywíná</i>
тсонга S53	<i>m(i)-</i>	<i>mì-</i>		
чопи S61			<i>-nu</i>	<i>anu</i>
гитонга S62	<i>tu-/mw-</i>	<i>-tu-/mw-</i>	<i>-nu</i>	<i>anu</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Формы личных показателей в центрально-нигерийских языках

1. Платоидные языки

А	алумоидные;
Б	беромоидные;
СЦ	северно-центральные;
ЮЦ	южно-центральные;
ЮВ	юго-восточные;
С	северные;
ЮЗ	юго-западные;
З	западные;
СЗ	северо-западные;
Н	нинзоидные;
Т	тарокоидные.

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
тесу (А) ²⁵⁹				<i>туá</i>
аю ²⁶⁰				<i>тè</i>
бером (Б) ²⁶¹	<i>má-, mé</i>	<i>me, mé/mé</i>	<i>hɔŋ, -náŋ</i>	<i>mé</i>
чара (СЦ) ²⁶²	<i>mini</i>			
изере (ЮЦ) ²⁶³	<i>mì</i> (наст.), <i>tí</i> (прош.)	<i>ní</i> (наст.), <i>tìn</i> (буд.)	<i>-naan</i>	
иригве (ЮЦ) ²⁶⁴	<i>ñjé</i>	<i>níŋ, N'-</i>	<i>ñjé</i>	<i>ñjé</i>
фьям (ЮВ) ²⁶⁵	<i>náá, ín</i>	<i>-uŋ, -iŋ</i>	<i>-naŋ, náŋ</i> (эмфат.)	<i>mé</i>
хором (ЮВ) ²⁶⁶	<i>me</i>			
хьям ²⁶⁷	<i>mi</i>			

²⁵⁹ [Blench, Kato 2007].

²⁶⁰ [Blench 2006e].

²⁶¹ [Bouquiaux 1970].

²⁶² [Blench 2006h].

²⁶³ [Blench, Kaze 2006].

²⁶⁴ [Blench, Daniel 2008].

²⁶⁵ [Nettle 1998].

²⁶⁶ [Blench 2006g].

²⁶⁷ [Blench 2006b].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
кулу (С) ²⁶⁸		<i>mi</i>	<i>mii</i>	<i>amin, amii</i>
кануфи (Н) ²⁶⁹	<i>inbɔ</i>			
бу (Н) ²⁷⁰				<i>ame</i>
мада (Н) ²⁷¹	<i>ɲgə</i>	<i>ɲgə</i>	<i>ɲgə</i>	
эггон (ЮЗ) ²⁷²	<i>me</i>	<i>me</i> (пр.), <i>nè</i> (непр.)	<i>mě</i>	
че (ЮЗ) ²⁷³		<i>mì</i>		
куанка (ЮЗ) ²⁷⁴				<i>туе</i>
аке (ЮЗ) ²⁷⁵				<i>àtù</i>
идун (СЗ) ²⁷⁶	<i>mi</i> (буд., прог.), <i>mít</i>			
йескуа (СЗ) ²⁷⁷	<i>ɛta/ma</i> , <i>má</i> (прош.), <i>màá</i> (буд.), <i>máá</i> (прог.), <i>mma</i> (усл.)	<i>ma</i>	<i>-ma/ma</i>	<i>gɛta</i>
тарок (Т) ²⁷⁸	<i>N, mi</i> (буд.)	<i>mi</i>	<i>mi, -jimi/ nyimi</i>	<i>m̀m̀ati</i>
сур (Т) ²⁷⁹	<i>mi</i>			
торо ²⁸⁰				<i>туа</i>
лиджили (Ю) ²⁸¹	<i>n</i>		<i>me</i>	<i>ìtɛ</i>
2 л. ед. ч.				
тесу (А)				<i>ǹn</i>

²⁶⁸ [Shimizu 1996].

²⁶⁹ [Blench 2006d].

²⁷⁰ [Blench 2006f].

²⁷¹ [Blench 2006c].

²⁷² [Sibomana 1985: 54 61].

²⁷³ [Blench et al. 2006].

²⁷⁴ [Blench 2007b].

²⁷⁵ [Blench 2007a].

²⁷⁶ [Blench 2008a].

²⁷⁷ [Blench 2008b].

²⁷⁸ [Sibomana 1981; Longtau, Blench 2007; Longtau 2008].

²⁷⁹ [Blench 2006i].

²⁸⁰ [Blench 2006j].

²⁸¹ [Stofberg 1978: 331].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
аю				<i>ɲuk</i>
бером (Б)	<i>hó-, ò-</i>	<i>hò</i>	<i>-mò, mo</i>	<i>hó, ó</i>
чара (СЦ)				<i>wun̄ti</i>
изере (ЮЦ)	<i>wán</i> (наст.), <i>tá</i> (прош.)	<i>ká</i> (наст.), <i>tàa</i> (буд.)	<i>-fwan</i>	
иригве (ЮЦ)	<i>ɲwe</i>	<i>ré</i>	<i>ɲwé</i>	<i>ɲwé</i>
фьям (ЮВ)	<i>tí, wí</i>	<i>-o</i>	<i>-mé, náme</i> (эмфат.)	<i>wéé</i>
хором (ЮВ)				<i>awɔ</i>
хьям	<i>ɲu</i>			
кулу (С)	<i>un, ɲu</i>	<i>ɲ</i>	<i>ɲ</i>	<i>aɲgu</i>
кануфи (Н)	<i>wɔ</i>			
бу (Н)				<i>awu</i>
мада (Н)	<i>wə</i>	<i>wə</i>	<i>wə</i>	
эггон (ЮЗ)		<i>ɲwo</i> (пр.), <i>dɲwò</i> (непр.)	<i>-ɲo, bɲo/bmo</i>	<i>ɲwo</i>
че (ЮЗ)	<i>ɲu</i>		<i>ì-min</i>	
куанка (ЮЗ)	<i>wo</i>			
аке (ЮЗ)				<i>àɲɔ</i>
идун (СЗ)	<i>ɲwu</i> (буд., прог.), <i>ɲɔ</i>			
йескуа (СЗ)	<i>ɛti, tí</i> (прош.), <i>míú</i> (буд.), <i>míú</i> (прог.), <i>mtti</i> (усл.)	<i>ti</i>	<i>-tu/tu</i>	<i>gɛti</i>
тарок (Т)	<i>bí, u</i>	<i>bí</i>	<i>bí,</i> <i>-jibú/-nyibu</i>	<i>ɲtàbí</i>
сур (Т)				<i>bu</i>
торо	<i>apɔ</i>			
лиджили (Ю)	<i>ɔ</i>		<i>wɔ</i>	<i>ìwɔ</i>
1 л. мн. ч.				
тесу (А)				<i>mbɔrɔ</i>
аю				<i>bibîr</i>
бером (Б)	<i>wot</i>	<i>wot, hót</i>	<i>-mòt, mot</i>	<i>hót, wót</i>
чара (СЦ)	<i>futte</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
изере (ЮЦ)	<i>yír...yír</i> (наст.), <i>tí...yír</i> (прош.)	<i>ní...yír</i> (наст.), <i>tìn...yír</i> (буд.)	<i>-feyir</i>	
иригве (ЮЦ)	<i>njí</i>	<i>níŋ</i>	<i>njì</i>	<i>n̄jí</i>
фьям (ЮВ)	<i>tí, tik</i>	<i>-té</i>	<i>-mót, námun</i> (эмфат.)	<i>móti</i>
хором (ЮВ)	<i>taŋ</i>			
хьям	<i>hera</i>			
кулу (С)	<i>andil</i>	<i>yaa</i>	<i>(ε)ndəl</i>	
кануфи (Н)	<i>tot</i>			
бу (Н)				<i>kita</i>
мада (Н)	<i>tə</i>	<i>tə</i>	<i>tə</i>	
эггон (ЮЗ)	<i>gi</i>	<i>gi</i> (пр.), <i>dàgi</i> (непр.)	<i>bì</i>	
че (ЮЗ)			<i>ì-mot</i>	<i>tút</i>
куанка (ЮЗ)				<i>wòrà</i>
аке (ЮЗ)				<i>ani</i>
идун (СЗ)	<i>mên</i>			
йескуа (СЗ)	<i>εmbi, mbí</i> (прош.), <i>mbiì</i> (буд.), <i>mbíi</i> (прог.), <i>mbi</i> (усл.)	<i>mbi</i>	<i>-mbi/mbi</i>	<i>gεmbi</i>
тарок (Т)	<i>í, í'í</i> (буд.)	<i>yí</i>	<i>yí, -jiyi/-nyiyí</i>	<i>m̀m̀àyí</i>
сур (Т)	<i>yíyí</i>			<i>yíyí</i>
торо	<i>apɔɔ</i>			
лиджили (Ю)	<i>la</i>		<i>la</i>	<i>ila</i>
2 л. мн. ч.				
тесу (А)				<i>mɔɔ</i>
аю				<i>bibìn</i>
бером (Б)	<i>yin/hyin</i>	<i>hín, yín, én</i>	<i>-min, min</i>	<i>hín, yín, én</i>
чара (СЦ)	<i>yimi</i>			
изере (ЮЦ)	<i>jin...jin</i> (наст.), <i>tá...jin</i> (прош.)	<i>ká...jin</i> (наст.), <i>tàa...jin</i> (прош.)	<i>-fejin</i>	
иригве (ЮЦ)	<i>ji</i>	<i>níŋ</i>	<i>ji</i>	<i>ji</i>
фьям (ЮВ)	<i>ti ...-n, wín</i>	<i>-mín</i>	<i>-mín, námot</i> (эмфат.)	<i>míni</i>
хором (ЮВ)	<i>min</i>			
хьям	<i>jiì</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
кулу (С)	<i>aniŋ</i>	<i>ta</i>	<i>(ε)niŋ</i>	<i>aniŋ</i>
кануфи (Н)	<i>ayin</i>			
бу (Н)				<i>biyi</i>
мада (Н)	<i>gyə</i>	<i>gyə</i>	<i>gyə</i>	
эггон (ЮЗ)	<i>gimi</i>	<i>gyɪmi/bmi/ mo</i> (пр.), <i>dàto</i> (непр.)	<i>bmí</i>	
че (ЮЗ)	<i>yheɲi</i>		<i>bamin</i>	
куанка (ЮЗ)	<i>ɲinà</i>			
аке (ЮЗ)				<i>ánù</i>
идун (СЗ)	<i>mbí</i>			
йескуа (СЗ)	<i>εmi, mí</i> (прош.), <i>mìi</i> (буд.), <i>míi</i> (прог.), <i>mi</i> (усл.)	<i>mi</i>	<i>-mi/mi</i>	<i>gεmi</i>
тарок (Т)	<i>ó</i>	<i>wó</i> (пр.), <i>orəp</i> (непр.)	<i>wó,</i> <i>-jìwó/-nyìwó</i>	<i>m̀m̀awó</i>
сур (Т)	<i>ɲinɲin</i>			<i>ɲinɲin</i>
торо	<i>apɛnɔ</i>			
лиджили (Ю)	<i>yi</i>		<i>yi</i>	<i>iyi</i>

2. Языки зап. каинджи

Д дука

О языки оз. Каинджи

К камуку

Кб камбари

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
реше ²⁸²	<i>N-</i>	<i>mε</i>		<i>ámé</i>
хун-сааре (Д) ²⁸³	<i>εm/ət, mε</i> (отр., буд.)	<i>mε</i>	<i>re, de</i>	<i>mε(ka)</i>
члела (Д) ²⁸⁴	<i>ət</i>	<i>ət, mε, mí</i>	<i>rí</i>	<i>mí</i>

²⁸² Материалы по языкам зап. каинджи, если это не обозначено особыми ссылками на источники, предоставлены автору С. Мак-Гиллом.

²⁸³ [Cressmann, Skitch 1980 (1974)].

²⁸⁴ [Rikoto et al. 2002].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
роп (Д) ²⁸⁵	<i>ɔ̄m/mɛ̄</i>	<i>mé</i>		<i>ɔ̄m</i>
лару (О) ²⁸⁶				<i>máá</i>
лопа (О)				<i>mĕĕ</i>
баса (баса) ²⁸⁷	<i>n</i> (прош.), <i>ta</i> (наст.)	<i>ta</i>		
понгу (К) ²⁸⁸	<i>N-</i>	<i>N-</i>		<i>gĕm, gəmì</i>
камуку-чинда (К)	<i>nə-</i>	<i>nə̀</i>		<i>gɛtu, g'ə̀</i>
камуку-реги (К)	<i>tu-</i>	<i>tu</i>		<i>gɛtu</i>
камуку-тиял (К)				<i>g'om</i>
фунгва (К)				<i>káà</i>
баучи (К)				<i>gĕm, kám, ká</i>
тсувади (Кб) ²⁸⁹				<i>òmú</i>
чичипу (Кб) ²⁹⁰	<i>mù, m-, N-</i>	<i>-n, -mù</i>	<i>vô</i>	<i>ámú</i>
чишингини (Кб)	<i>N-</i>	<i>-mù</i>		<i>ámú</i>
2 л. ед. ч.				
реше	<i>hù-</i>	<i>hɔ</i>		<i>áhó</i>
хун-сааре (Д)	<i>o, wɔ</i>	<i>wɔ</i>	<i>ru, du</i>	<i>wɔ</i>
члела (Д)	<i>əv</i>	<i>vò, vu</i>	<i>róvò</i>	<i>vo</i>
роп (Д)	<i>bɔ̄</i>	<i>bɔ̄</i>		
лару (О)				<i>φúú</i>
лопа (О)				<i>àhè</i>
понгу (К)	<i>bi-</i>	<i>mâ-</i>		<i>gà</i>
камуку-чинда (К)	<i>bu-</i>	<i>bù</i>		<i>gabú, gǒ</i>
камуку-реги (К)	<i>bu-</i>	<i>bu</i>		<i>gabú</i>
камуку-тиял (К)				<i>gabo</i>
фунгва (К)				<i>kú</i>
баучи (К)				<i>gáá, kààtá, k'á</i>

²⁸⁵ [Blench, manuscript a].

²⁸⁶ [Blench, manuscript b].

²⁸⁷ [Blench et al. 1991].

²⁸⁸ [Blench, manuscript a].

²⁸⁹ [Blench 2007c].

²⁹⁰ [McGill].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
тсувади (Кб)				<i>avó, òvú</i>
чичипу (Кб)	<i>vù, v-, C²⁹¹</i>	<i>-vù</i>	<i>ávù</i>	<i>ìvó</i>
чишингини (Кб)	<i>vì-</i>	<i>-ù</i>		<i>ávú</i>
3 л. ед. ч.				
реше	<i>ù-</i>	<i>ne</i>		<i>úwàndò</i>
хун-сааре (Д)	<i>wu</i>	<i>wə</i>		<i>wəka</i>
члела (Д)	<i>u</i>	<i>vu</i>		<i>unwa</i>
роп (Д)	<i>wəp</i>	<i>wəp</i>		<i>wəp</i>
лару (О)				<i>wóó</i>
лопа (О)				<i>ègwíà</i>
понгу (К)	<i>bwa</i> (м.), <i>bye</i> (ж.)	<i>bwa</i> (м.), <i>bye</i> (ж.)		<i>bùbwà</i>
камуку-чинда (К)	<i>bu</i> (м.), <i>i</i> (ж.)	<i>bwa</i> (м.), <i>ṛā</i> (ж.)		<i>ṛèbá/ṛebi</i> (м.), <i>bàbá/bob</i> (ж.)
камуку-реги (К)	<i>bu</i> (м.), <i>ee</i> (ж.)	<i>bwa</i> (м.), <i>ṛā</i> (ж.)		<i>ṛyā</i> (м.), <i>bwa</i> (ж.)
камуку-тиял (К)				<i>ṛeba</i> (м.), <i>boba</i> (ж.)
фунгва (К)				<i>búvwá</i>
баучи (К)				<i>bwá, vrwá</i>
тсувади (Кб)				<i>èyí</i>
чичипу (Кб)	<i>u-</i>	<i>-vì</i>		<i>òtù</i>
чишингини (Кб)	<i>ù-</i>	<i>-ì</i>		<i>áyí</i>
1 л. мн. ч.				
реше	<i>tsù-</i>	<i>tsɔ</i>		<i>átsó</i>
хун-сааре (Д)	<i>a</i> (и.), <i>te</i> (э.)	<i>na/a</i> (и.), <i>te</i> (э.)	<i>na</i> (и.), <i>te</i> (э.)	<i>cínna</i> (дв.?), <i>teka</i> (э.), <i>naka</i> (и.)
члела (Д)	<i>cín</i> (дв.), <i>na</i> (и.), <i>əc</i> (э.)	<i>cín</i> (дв.), <i>na</i> (и.), <i>co</i> (э.)	<i>á'cò</i>	<i>cín</i> (дв.), <i>swán</i> (и.), <i>cínna</i> (э.)
роп (Д)	<i>in</i> (и.), <i>it</i> (э.)	<i>ín</i> (и.), <i>īt</i> (э.)		<i>ín</i> (и.), <i>īt</i> (э.)
лару (О)				<i>tíí</i>

²⁹¹ Уподобление первой согласной последующей основы глаголы.

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
лопа (О)				<i>εε (?)</i>
понгу (К)	<i>tí, tə-</i>	<i>tu-</i>		<i>gáátù</i>
камуку-чинда (К)	<i>ci-</i>	<i>ci-</i>		<i>gitu, gətú</i>
камуку-реги (К)	<i>ci-</i>	<i>tu-</i>		<i>ghetu</i>
камуку-тиял (К)				<i>gitu</i>
фунгва (К)				<i>kátù</i>
баучи (К)				<i>gátí, kátù</i>
тсувади (Кб)				<i>gáátù, òtsú</i>
чичипу (Кб)	<i>ti-</i>	<i>-tù</i>	<i>ttù</i>	<i>òtù, ótú</i>
чишингини (Кб)	<i>tsi-</i>	<i>-tsù</i>		<i>átsú</i>
2 л. мн. ч.				
реше	<i>nù-</i>	<i>nɔ</i>		<i>ánó</i>
хун-сааре (Д)	<i>nɔ</i>	<i>nɔ</i>	<i>nɔ</i>	<i>nəka</i>
члела (Д)	<i>ən</i>	<i>no</i>		<i>nwa</i>
роп (Д)	<i>nɔ̄</i>	<i>nɔ̄</i>		<i>nɔ̄</i>
лару (О)				<i>yéé</i>
лопа (О)				<i>éénè</i>
понгу (К)	<i>ĩ-</i>	<i>má...má</i>		<i>gáhi</i>
камуку-чинда (К)	<i>i-</i>	<i>yì</i>		<i>hyi (?), gəhíyà</i>
камуку-реги (К)	<i>i-</i>	<i>g^hehi</i>		<i>g^hehi</i>
камуку-тиял (К)				<i>gihi</i>
фунгва (К)				<i>káhi</i>
баучи (К)				<i>gáhi, káhi</i>
тсувади (Кб)				<i>gáhì</i>
чичипу (Кб)	<i>i-</i>	<i>-dò</i>	<i>dđó</i>	<i>ídó</i>
чишингини (Кб)	<i>ii-</i>	<i>-dũ</i>		<i>ádũ</i>
3 л. мн. ч.				
реше	<i>bà-</i>	<i>ba</i>		<i>ábù</i>
хун-сааре (Д)	<i>ε</i>	<i>ε</i>		<i>εka</i>
члела (Д)	<i>a</i>	<i>nə</i>		<i>ən'a</i>
роп (Д)	<i>ən</i>	<i>ə̄n</i>		<i>ə̄n</i>
лару (О)				<i>ʔyú</i>
лопа (О)				<i>én</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
понгу (К)	<i>ba-</i>	<i>ɕã</i>		<i>àbà</i>
камуку-чинда (К)	<i>A</i> ²⁹²	<i>gà</i>		<i>hyi, àbíyà</i>
камуку-реги (К)	<i>hʷəʔə</i> (?)	<i>hʷəʔə</i>		<i>hyəʔə</i>
камуку-гиял (К)				<i>hyi</i>
фунгва (К)				<i>mbà</i>
баучи (К)				<i>mbà, ábá</i>
тсувади (Кб)				<i>élé</i>
чичипу (Кб)	<i>A-</i>	<i>-rè</i>		<i>éré</i>
чишингини (Кб)	<i>A-</i>	<i>-lè</i>		<i>élé</i>

3. Джукунонидные языки

Ц центральные
 ЮК юкубен-кутеб

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
1 л. ед. ч.				
джукун (Ц) ²⁹³	<i>m, m</i>	<i>m</i>	<i>ń</i>	<i>ám</i>
джибу (Ц) ²⁹⁴	<i>m, mi</i>			
хоне (Ц) ²⁹⁵	<i>n-, ín-, mi</i>	<i>-i</i> (пр.), <i>-é</i> (отр.), <i>yám/yimì</i> (непр.)	<i>-mi, -um</i>	<i>ámì</i>
уапан (Ц) ²⁹⁶	<i>ń, ñ</i> (перед <i>m, n, d</i>)	<i>ń, mi</i> (непр.)	<i>-ń</i>	<i>ámì</i>
эткиван (Ц) ²⁹⁷				<i>ámē</i>
бете				<i>mba</i>
юкубен (ЮК) ²⁹⁸		<i>ń</i>		<i>ámà</i>
кутеб (ЮК)	<i>m</i>	<i>m, me</i>	<i>- 'm, anám</i>	<i>ame</i>
луфу	<i>m</i>			<i>mma</i>

²⁹² В этой таблице обозначает гласную, гармонизирующуюся с гласной последующей основой в амплитуде [а, е, о, ø].

²⁹³ [Welmers 1949; Koops 2007: 258].

²⁹⁴ [Priest, manuscript].

²⁹⁵ [Storch 2005].

²⁹⁶ [Evenhouse, manuscript].

²⁹⁷ Формы языков эткиван, бете, кутеб и луфу даны по материалам работы [Koops 2007].

²⁹⁸ [Rennison 2000].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
2 л. ед. ч.				
джукун (Ц)	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>ú</i>	<i>áui</i>
джибу (Ц)	<i>wù</i>			
хоне (Ц)	<i>ɔ-, vùù</i>	<i>-ù</i> (пр.), <i>-ó</i> (непр. отр.), <i>yùù</i> (непр.)	<i>-wuu</i>	<i>ávùù</i>
уапан (Ц)	<i>ù</i>	<i>ù</i>	<i>-û</i>	<i>áù</i>
эткиван (Ц)				<i>ābō</i>
бете				<i>owu</i>
юкубен (ЮК)		<i>mī</i>		<i>àmī/òmī</i>
кутеб (ЮК)	<i>u</i>	<i>fū</i>	<i>-fu, anáfū</i>	<i>afu, abi</i>
луфу	<i>u</i>			<i>āu</i>
1 л. мн. ч.				
джукун (Ц)	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>í</i>	<i>ái</i>
джибу (Ц)	<i>yi</i>			
хоне (Ц)	<i>i-, yùù</i>	<i>-yì</i> (пр.), <i>yéyì</i> (непр.)	<i>-yii</i>	<i>áyùù</i>
уапан (Ц)	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>-i</i>	<i>ái</i>
эткиван (Ц)				<i>ājē</i>
бете				<i>dēdē</i>
юкубен (ЮК)		<i>zī</i>		<i>ādī/ēdī/āzī/ ēzī</i>
кутеб (ЮК)	<i>tī</i>	<i>tī</i>	<i>-'tī, anátī</i>	<i>atī</i>
луфу	<i>ī</i>			<i>ái</i>
2 л. мн. ч.				
джукун (Ц)	<i>ni</i>	<i>ni</i>	<i>ní</i>	<i>ánī</i>
джибу (Ц)	<i>nìŋ</i>			
хоне (Ц)	<i>nón/nòn</i>	<i>-nón</i> (пр.), <i>yánòn</i> (непр.)	<i>-nən</i>	<i>ánən</i>
уапан (Ц)	<i>ni</i>	<i>ni</i>	<i>-ni</i>	<i>áni</i>
эткиван (Ц)				<i>ánē</i>
бете				<i>lēlē</i>
юкубен (ЮК)		<i>nī</i>		<i>ānī/ēnī</i>
кутеб (ЮК)	<i>nī</i>	<i>nī</i>	<i>-'nī, anánī</i>	<i>anī</i>
луфу	<i>nī</i>			<i>ánī</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Формы показателей 3 лица в языках ква

В скобках через запятую указаны названия групп и, если необходимо, подгрупп в виде следующих сокращений:

Гб	гбе
АН	аватиме-ньянгбо
Кп	кпосо
КА	кебу-анимере
А	агнеби
АА	авикам-алладиан
ГД	га-дангме
БА	басила-аделе
Л	лелеми
СБ	сев. биа
ЮБ	юж. биа
Г	гуанг
ЗТ	зап. тано.

3 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	независ.
эве (Гб)	<i>é/ wò, né</i> (юсс.)	<i>e</i>	<i>é/è</i>	<i>éya</i>
ген (Гб)	<i>é, bě</i> (косв. речь)	<i>è/ê</i>	<i>é</i>	<i>éyà</i>
гун (Гб)	<i>é</i>	<i>e/ɛ/i</i>	<i>é-tàn</i>	<i>éð/ùð</i>
фон (Гб)	<i>é(yè)</i>	<i>é(yè)</i>	<i>é-tàn</i>	<i>é(yè)</i>
ньянгбо (АН)	<i>ye/yε</i>	<i>yé</i>	<i>yε</i>	<i>ye/yε</i>
аватиме (АН)	<i>é/á</i>	<i>yē/yē</i>	<i>ye-</i>	<i>yē</i>
бовили (Кп)	<i>o/yè, e-/ε-</i>			<i>o/yε</i>
кебу (КА)				<i>ɥwá</i>
анимере (КА)	<i>ye</i>			<i>ye</i>
абе (А)	<i>ná/á</i>			<i>nà</i>
абиджи (А)	<i>n-</i>	<i>-ni</i>		<i>ènè</i>
адьюкру (А)	<i>o, nā, lu</i>		<i>o, nān</i>	<i>li</i> (од.), <i>ow, in</i> (косв. речь од.), <i>ow'n</i> (косв. речь)
алладиан (АА)	<i>l-/n-</i> (гл.), <i>li-/ni-</i> (согл.), <i>ne/no/o</i>	<i>-r</i>	<i>in, ne</i>	<i>e, ne</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
авикам (АА)	<i>e/è</i>		<i>è</i>	<i>e/è</i>
га (ГД)	<i>è</i>	<i>lè</i> (од.), \emptyset (неод.)	<i>è</i>	<i>lè</i>
дангме (ГД)	<i>e</i>	<i>ε, a, ə</i>	<i>e</i>	<i>lè</i>
аделе (БА)	<i>é, ε</i> (буд., перф. отр.), <i>ya</i> (перф.)		<i>o</i>	<i>εwɔ́</i>
эга	<i>lí</i>	<i>jí</i>	<i>j-</i>	<i>ɪjí</i>
логба	<i>ɔ</i>	<i>ε/o, lε</i> (од.), <i>yε</i> (неод.)	<i>o</i> (од.), <i>alε</i> (неод.)	<i>ɔlε</i> (од.), <i>mε</i> (неод.)
секпеле (Л)	<i>o/u</i> (од.), <i>a/e</i> (неод.)	<i>wε</i> (од.)	<i>wé</i>	<i>wé</i>
селе (Л)	<i>o</i>	<i>ɔ</i>	<i>nɔ́ɔ</i>	<i>ɲʷɔ́ɔ</i>
сиву (Л)	<i>ɔ́</i>	<i>ǎ́</i>	<i>ǎ́</i>	<i>ǎ́</i>
лелеми (Л)	<i>o-</i>	<i>-ɲ</i>	<i>ɲwa</i>	<i>àɲu</i>
аттие	<i>e</i>		<i>e</i>	<i>o, e</i>
эбрие (поту)	<i>a/e</i>		<i>mi</i>	<i>a/ã/ĩ</i>
мбато (поту)	<i>ě</i>		<i>è</i>	<i>hě́</i>
аньи (СБ)	<i>o-/ɔ-</i> (+C), <i>y-</i> (+V)	<i>yí</i>	<i>o-/yé</i> (+C), <i>i</i> (+V)	<i>yé, i/èi</i>
аньи-санви	<i>o/a</i>		<i>i</i>	<i>i/èi</i>
бауле (СБ)	<i>ɔ</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>(y)i</i>
нзема (ЮБ)	<i>o-/ɔ-, ye-</i>		<i>o, i</i>	<i>èi/a</i>
аханга (ЮБ)	<i>ɪ</i>	<i>yɪ</i>	<i>ɪ</i>	<i>mɛɪ</i>
аброн (акан)	<i>wo/u</i>		<i>we</i>	<i>wo</i>
акан-ашанти	<i>ɔ-/o-/wa-</i> (од.), <i>ε-/e-/a-</i> (неод.)	<i>ɔno</i> (од.), <i>ɛno</i> (неод.)		
акан-аквапим	<i>(o)no</i>	<i>(o)no</i>	<i>ne/n-</i>	<i>nóara, nehú</i> (возв.)
акан-фанти	<i>o-/wa-, nu/na</i>		<i>nú-</i>	<i>owo</i>
гичоде (Г)	<i>ò/ɔ́</i>	<i>mɔ́</i>	<i>mè/m-/mɔ́</i>	<i>mɔ́</i>
гиньянга (Г)	<i>ó/ɔ́/ò/ɔ́</i>	<i>è/à</i>	<i>nè</i>	<i>wa</i>
домпо (Г)				<i>nyíne</i>
гонджа (Г)	<i>è</i> (од.), <i>kí</i> (неод.)	<i>mò</i> (од.), <i>kítú</i> (неод.)	<i>m̀bá</i> (од.), <i>kítú</i> [́] <i>bá</i> (неод.)	<i>m̀ò</i> (од.), <i>kítú</i> (неод.)
нконья (Г)	<i>ɔ-</i> (од.), <i>e-/i-</i> (неод.)		<i>mɔ́</i> (од.)	<i>(e)mɔ́</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
нчумуру-банда (Г)	ǝ-	mò/m̃		mò
нчумуру-беджамсо-груби (Г)		mù (од.), kè̃m (неод.)	mù̃/mè̃/mè̃̃	mù̃ (од.), kéyà̃ (неод.)
черепон (Г)	á (од.), é̃ (неод.)	mò	mò̃	mò
абуре (ЗТ)	o/a/e		i/u	e
эотиле (ЗТ)	o	o		wo
кробу	o			ó

3 лицо множественного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эве (Гб)	wó, wóné̃ (юсс.)	wó	wó	wó/áwó
ген (Гб)	ó/ò	ó	óá	óáó
гун (Гб)	yé̃	yé̃	yé̃-t̃ɲ̃	yé̃lé̃
фон (Гб)	yé̃	yé̃	yé̃-t̃ɲ̃	yé̃
нъянгбо (АН)	balé̃	balé̃/alé̃	balé̃	ba/be/balé̃, balé̃fú̃ (возв.)
аватиме (АН)	bã̃		ba-	bã̃
бовили (Кп)	ba/bè̃, bi-		bε̃	
кебу (КА)				m̃pà̃
анимере (КА)	bε̃			bε̃
абе (А)				kè̃l̃ó̃
абиджи (А)	n-..-ní̃			n-è̃nè̃
адьюкру (А)	bè̃, lĩ, wè̃		en	bè̃, -lĩ (од.), wε̃l̃, ε̃l̃ (косв. речь)
алладиан (АА)	l-/n- (гл.), li-/ni- (согл.)	ε̃l̃	ε̃l̃, yẽ	
авикам (АА)	aõ̃		ā̃	aõ̃, ā̃
га (ГД)	àm̃ē̃	àm̃ē̃	àm̃ē̃	àm̃ē̃
дангме (ГД)	a	mè̃	à	mè̃
аделе (БА)	bé̃ε̃ (наст.), bé̃ε̃ (прог.), bá̃ (перф.), bε̃ (буд., перф. отр.)		bε̃	bε̃

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
эга	<i>mō</i>	<i>mé</i>	<i>m-'</i>	<i>īmé</i>
логба	<i>e</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>aɛ</i>
секпеле (Л)	<i>ba, má</i>	<i>nyε/mε (од.), má</i>	<i>máta</i>	<i>má</i>
селе (Л)	<i>boo</i>	<i>ta</i>	<i>lètmā</i>	<i>m̄mā</i>
сиву (Л)	<i>mā, mǎ</i>	<i>mā</i>	<i>mā</i>	<i>mā`</i>
лелеми (Л)	<i>ba-</i>	<i>-mà</i>	<i>bàná/màná</i>	<i>àta</i>
аттие	<i>ba</i>		<i>ba</i>	<i>ba</i>
эбрие (поту)	<i>o</i>		<i>o/lo</i>	<i>lo</i>
мбато (поту)	<i>bo/mō</i>		<i>bḥ</i>	<i>bḥ</i>
аньи (СБ)	<i>bé/b-</i>	<i>bé</i>	<i>bé/b-</i>	<i>bé</i>
аньи-санви	<i>be</i>		<i>be</i>	<i>be</i>
бауле (СБ)	<i>be</i>	<i>be</i>	<i>be</i>	<i>be</i>
нзема	<i>be-/be-</i>		<i>be</i>	<i>be</i>
аханта (ЮБ)	<i>be/bɔ</i>	<i>be</i>	<i>be/bɔ/b</i>	
аброн	<i>be</i>		<i>be</i>	<i>be</i>
акан-ашанти	<i>wɔ-/wo-/wɔa- (од.), ɛ-/e-/a-(неод.)</i>	<i>wɔŋ (од.), ɛno(nom) (неод.)</i>	<i>wɔŋ (од.), no (неод.)</i>	<i>wɔŋ (од.), n(e) (неод.)</i>
акан-аквапим	<i>voñ</i>	<i>voñ</i>	<i>voñ</i>	<i>vóñara, voñhú (возв.)</i>
акан-фанги	<i>wo-/wa-, hon</i>			<i>òhon</i>
гичоде (Г)	<i>mǎ</i>	<i>mmǒ</i>	<i>mǒǒ</i>	<i>mǒmǒ</i>
гиньянга (Г)	<i>mé/m-/mǎ</i>	<i>mǎ (од.), á (неод.)</i>	<i>mǎ</i>	<i>mǎ</i>
домпо (Г)				<i>bat</i>
гонджа (Г)	<i>bǎ/bò (од.), à (неод.)</i>	<i>bòmò (од.), átú (неод.)</i>	<i>bómó bá (од.), átú bá (неод.)</i>	<i>bòmò (од.), átú (неод.)</i>
нконья (Г)	<i>be-/be-/bo-/bɔ-/ bu- (од.), e-(неод.)</i>		<i>amō</i>	<i>amō</i>
нчумуру-банда (Г)	<i>bì-</i>	<i>batu/bat</i>		<i>batu</i>
нчумуру-беджамсо-груби (Г)		<i>bát</i>	<i>báté/bát-</i>	<i>báté</i>
черепон (Г)	<i>ètó</i>	<i>ètò</i>	<i>ètò</i>	<i>ètò</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
абуре (ЗТ)	<i>ue</i>		<i>ue/u-</i>	<i>owe</i>
эотиле (ЗТ)				<i>wa</i>
кробу	<i>a</i>			<i>á</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Формы личных показателей в языках гур

Формы, указанные через запятую, являются диалектными вариантами или алломорфами, чьё распределение значений в источниках не указано. Источниками большинства данных являются работы [Prost 1964; Manessy 1969; 1975; Mensah, Tchagbale 1983; Listes 1983; Miehе 2004]. Ссылки на другие источники даны в виде постраничных сносок к таблице форм 1 л. ед. ч.

Языки в таблицах распределены по группам, которые указаны аббревиатурами:

БК	були-кома	КТ	кирма-тьюрама
ВОВ	вост. оти-вольта	ГД	ган-догосе
ЗОВ	зап. оти-вольта	КД	кхе-догосо
ЙН	йом-наудем	ЛД	лоби-джан
ВГ	вост. грузи	УН	уара-натъоро
СГ	сев. грузи	С	сенуфо
ЗГ	зап. грузи		

1 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	независ.
Центральные языки				
були (БК) ²⁹⁹	<i>Ñ, m̀-, m̀</i>	<i>-m̀, m̀, m̀</i>	<i>Ñ-, m̀</i>	<i>m̀, m̀</i>
конни (БК) ³⁰⁰	<i>Ñ, m̀</i>	<i>m̀m̀, m̀, m̀</i>	<i>Ñ, Ñ</i>	<i>m̀m̀m̀, m̀m̀</i>
биале (ВОВ)	<i>N</i>	<i>N</i>		<i>ŋwe</i>
дитаммари (ВОВ)	<i>N</i>	<i>N</i>	<i>moun</i>	<i>m̀(ĩ), moun</i>
ваама (ВОВ)	<i>N</i>	<i>N</i>		<i>mɛn</i>
натени (ВОВ)	<i>n, m̀</i>	<i>n, a</i>		<i>mm̀</i>
дагаари (ЗОВ)	<i>m̀</i>	<i>m̀</i>		<i>m̀m̀</i>
бирифор (ЗОВ)	<i>ĩ</i>	<i>m̀</i>		<i>m̀</i>
фарефаре (ЗОВ) ³⁰¹	<i>m̀, m̀, m̀m̀</i>	<i>m̀, m̀</i>	<i>m̀, m̀m̀</i>	<i>m̀m̀</i>
мооре (ЗОВ) ³⁰²	<i>m̀, em, m̀, em</i>	<i>m̀, m̀m̀, m̀m̀</i>	<i>m̀m̀</i>	<i>m̀m̀, m̀m̀</i>
нотре (ЗОВ) ³⁰³	<i>Ñ</i>	<i>m̀, m̀, m̀</i>		<i>m̀m̀, m̀, m̀</i>

²⁹⁹ [Schwarz 2005].

³⁰⁰ [Cahill 1999].

³⁰¹ [Niggli, Niggli 2007; Blench 2005d].

³⁰² [Ratray 1918].

³⁰³ [Prost 1974].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
дагбани (ЗОВ)	<i>N</i>	<i>ta</i>		<i>máni</i>
ханга (ЗОВ)	<i>N</i>	<i>ta</i>		<i>maN, maní</i>
камара (ЗОВ)	<i>N</i>	<i>na, ta</i>		<i>mani</i>
кусаал (ЗОВ) ³⁰⁴	<i>N, nēN</i>	<i>mám, na, m</i>	<i>m</i>	<i>māne, mánē,</i> <i>mat</i>
мампрули (ЗОВ)	<i>Ń</i>	<i>má, ma</i>	<i>N</i>	<i>màn, man(i)</i>
сафалиба (ЗОВ)	<i>Ñ</i>	<i>má</i>		<i>máàŋ</i>
нчам (гурма) ³⁰⁵	<i>m̄, m̄́, máá</i>	<i>m̄, -m̄</i>	<i>m̄-</i>	<i>māmā, māñ,</i> <i>mān</i>
нгангам (гурма)	<i>n̄, n-</i>	<i>nnī</i>		<i>mīn</i>
гурманчема (гурма) ³⁰⁶	<i>N</i>	<i>nnì</i>		<i>mìnì</i>
акаселем (гурма)	<i>Ń</i>	<i>m, m̄m̄è, mba</i>		<i>m̄m̄è, mba</i>
конкомба (гурма) ³⁰⁷	<i>N</i>	<i>mi</i>	<i>m-</i>	<i>mε, mme, mìn</i>
моба (гурма)	<i>N, ma</i>			<i>mìn</i>
наудем (ЙН) ³⁰⁸	<i>mà, mán</i>	<i>má, mà</i>	<i>mà</i>	<i>mán</i>
йом (ЙН) ³⁰⁹	<i>mà, mā</i> (пот.)	<i>mā</i>	<i>mà</i>	<i>māā, māá</i>
бвamu	<i>ĩ, mì</i>	<i>mi</i>	<i>mì</i>	
коромфе ³¹⁰	<i>m(ə), maá</i> (отр.)	<i>m(ε)</i>		<i>mэкэ</i>
баго (ВГ)	<i>mà, mó</i>	<i>mε</i>		
кусунту (ВГ)	<i>mà</i>	<i>-mε</i>		<i>máŋ</i>
чала (ВГ)	<i>mà</i>	<i>-maŋ</i>		<i>máŋ</i>
дело (ВГ)	<i>mε, má</i>	<i>-ta</i>		
кабийе (ВГ) ³¹¹	<i>mεŋ</i>	<i>m</i>	<i>m, ma</i>	<i>má</i>
лама (ВГ)	<i>mè, má, m</i>		<i>m</i>	
лукпа (ВГ)	<i>ma(a)</i>	<i>m(a)</i>		
тем (ВГ) ³¹²	<i>ma, máká, m</i>	<i>mái, mā</i>	<i>mede, māde</i>	<i>mā</i>

³⁰⁴ [Spratt, Spratt 1972].³⁰⁵ [Cox 1998].³⁰⁶ [Surugue 1979].³⁰⁷ [Adouna 2009].³⁰⁸ [Albro 1998].³⁰⁹ [Beacham 1968].³¹⁰ [Rennison 2000].³¹¹ [Delord 1976; Marmor 1979].³¹² [Müller 1905].

	субъект	объект	притяжат.	независ.
касем (СГ) ³¹³	<i>a</i>	<i>ато, né, Ñ, -ni</i>	<i>a</i>	<i>атv, ато</i>
льеле (СГ)	<i>à</i>	<i>né</i>		<i>атè, тyе</i>
нуни (СГ)	<i>à</i>	<i>ne, nà, na</i>	<i>á</i>	<i>ато, атe</i>
пана (СГ) ³¹⁴	<i>à</i>	<i>à, ne</i>	<i>á</i>	<i>мé, mi, amese</i>
каламсе (СГ)	<i>à</i>	<i>тé</i>		<i>тé</i>
чакали (ЗГ) ³¹⁵	<i>ḡ</i>	<i>-N</i>	<i>N</i>	<i>тиḡ, miḡ, meḡ</i>
дег (ЗГ)	<i>ḡ</i>			<i>теḡ</i>
пхуйе (ЗГ)	<i>Ñ, ð</i>	<i>nà, -nà, re</i>		<i>nà</i>
сисаала (ЗГ) ³¹⁶	<i>ḡ</i>	<i>ḡ, è, é, -n</i>	<i>n</i>	<i>miyaḡ, nà, m inà</i>
тампулма (ЗГ)	<i>n, то</i>	<i>тон, то, теn, теn</i>		<i>теn, теn</i>
вагла (ЗГ) ³¹⁷	<i>N</i>	<i>ḡ</i>	<i>ḡ</i>	<i>тиḡ</i>
винье (ЗГ) ³¹⁸	<i>mi, тə</i>	<i>mi, т, те, тəne, тe</i>		<i>тè, тə</i>
черма (КТ) ³¹⁹	<i>mi</i>	<i>mi, miē (непр.)</i>	<i>mêI, mi</i>	<i>mêi, miš, mō</i>
турка (КТ)	<i>тə, те, то, ти</i>	<i>t</i>		<i>тáá</i>
каанса (ГД)	<i>ti</i>	<i>ti</i>		<i>типа</i>
догосе (ГД) ³²⁰	<i>t, ti, те</i>	<i>те, те</i>	<i>ti</i>	<i>ti, тie</i>
кхиса (ГД)	<i>ti</i>	<i>t</i>		<i>типа</i>
кхе (КД)	<i>N, mi</i>	<i>тиné</i>		
джан (ЛД)	<i>ti</i>	<i>ti</i>		<i>tie</i>
лоби (ЛД) ³²¹	<i>mi, í, та (буд.)</i>	<i>mi, mor (непр.)</i>		<i>ми́ri, ми́re</i>

³¹³ [Niggli, Niggli 2008].

³¹⁴ [Beyer 2006].

³¹⁵ [Brindle 2009].

³¹⁶ [Rowland, Rowland 1965; Moran 2006].

³¹⁷ [Crouch, Smiles 1966].

³¹⁸ [Prost 1972a].

³¹⁹ [Prost 1964; Cerma Dictionary].

³²⁰ [Prost 1972b].

³²¹ [Lamothe 1966].

Периферийные языки				
	субъект	объект	притяжат.	независ.
теен	<i>mi/mi</i>	<i>mi/mi</i>		<i>mi</i>
куланго ³²²	<i>mi, me, mi/mi</i> (перф.), <i>mi</i> (имперф.), <i>ma</i> (хаб.), <i>mi</i> (сосл.)	<i>mi, m, men, -mi</i>		<i>mia(n), myaa,</i> <i>meà</i>
баатонум ³²³	<i>na, n</i>	<i>nan</i>	<i>nen</i>	<i>ne</i>
вьемо ³²⁴	<i>mi, ma</i>	<i>na</i>	<i>na</i>	<i>ma, ma</i>
тьефо	<i>no, na</i>	<i>no</i>	<i>no</i>	
юж. тусиа (тусиа)	<i>me</i>	<i>n, ne</i>	<i>m</i>	<i>mo</i>
сев. тусиа (тусиа)	<i>me</i>	<i>m</i>		<i>mbe</i>
уара (УН)	<i>ni, N</i>	<i>n, na</i>		
мамара (С) ³²⁵	<i>me, ne, ni, ne, na,</i> <i>ma</i> (перф.), <i>naʔa</i> (буд.)	<i>na, ne, mi</i>	<i>na, ne, mi</i>	<i>naʔe,</i> <i>neʔe</i> (возв.), <i>ne < niya, me</i>
супьире (С)	<i>mi</i>	<i>mi, na</i>		
сенара (С)	<i>m(i), n,</i> <i>mia</i> (перф.)			
вост. караборо (С) ³²⁶	<i>N-</i>	<i>ta, ra</i>		<i>ndò</i>
зап. караборо (С)	<i>n</i>	<i>la</i>	<i>la</i>	<i>nugo</i>
чебаара (С) ³²⁷	<i>mi, mi</i>	<i>mi, mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>
джимини (С)	<i>mi</i>			
тагвана (С) ³²⁸	<i>mi, mi</i>	<i>na, mi</i>	<i>na, mi</i>	<i>mi</i>
палака (С)	<i>ni</i>			
нафаанра (С)	<i>mi, na, mi</i>			

³²² [Elders 2007].

³²³ [Welmers 1952].

³²⁴ [Prost 1979].

³²⁵ [Prost 1964; Jose 2008].

³²⁶ [Wichser 1994].

³²⁷ [Mills 2003; Welmers 1950].

³²⁸ [Casimir 1988].

2 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	независ.
Центральные языки				
були (БК)	<i>fi-, fí, fe, fí</i>	<i>-fu, fo, fɔ</i>	<i>fi-, fí</i>	<i>fí</i>
конни (БК)	<i>ø, fu, fi, fí</i>	<i>fu, fɔ</i>	<i>fi, fí</i>	<i>finiŋ</i>
биале (ВОВ)	<i>a</i>	<i>a</i>		<i>awe</i>
дитаммари (ВОВ)	<i>ā</i>	<i>a</i>	<i>ā</i>	<i>fð̃, fð̄, fa</i>
ваама (ВОВ)	<i>Ó</i>			<i>fɛn</i>
натени (ВОВ)	<i>a</i>	<i>a</i>		<i>fʃ̃, fð̄</i>
дагааре (ЗОВ)	<i>fu</i>			<i>fuún</i>
дагара (ЗОВ)	<i>b-, fo</i>	<i>fu, -b</i>		<i>fũi, fð̄</i>
дагаари (ЗОВ)	<i>bō</i>	<i>hɔ</i>		<i>hooŋ</i>
бириффор (ЗОВ)	<i>fu</i>	<i>fu</i>		<i>fuun</i>
фарефаре (ЗОВ)	<i>fo, fɔ</i>		<i>fɔ</i>	<i>fom, hom, hòm, fɔn</i>
мооре (ЗОВ)	<i>f-</i>		<i>fo</i>	<i>fom</i>
нотре (ЗОВ)	<i>fi, fo</i>	<i>fo</i>		<i>nfo, fð̄, fð̄</i>
дагбани (ЗОВ)	<i>a</i>			<i>nini, níne</i>
ханга (ЗОВ)	<i>e</i>	<i>i</i>		<i>nini</i>
камара (ЗОВ)	<i>i, e</i>			<i>nini</i>
кусаал (ЗОВ)	<i>fo, fũ</i>	<i>(é)fo, (é)f</i>		<i>fone, fowa, fɔn</i>
мампрули (ЗОВ)	<i>ì, yi</i>	<i>i, yi</i>	<i>i</i>	<i>nín(i)</i>
сафалиба (ЗОВ)	<i>ɪ</i>			<i>ɪná</i>
нчам (гурма)	<i>ā, á, áá</i>	<i>sī, -sī</i>	<i>ā-</i>	<i>sīsī, sī</i>
нгангам (гурма)	<i>ā</i>	<i>ɲē, ɲe</i>		<i>sīn</i>
гурманчема (гурма)	<i>à</i>	<i>a</i>		<i>fín(i)</i>
акаселем (гурма)	<i>é, i</i>			<i>ésē, isē</i>
конкомба (гурма)	<i>i, aa</i>	<i>si</i>		<i>ise</i>
моба (гурма)	<i>a, fa</i>			<i>fun, fín</i>
наудем (ЙН)	<i>bé, vé</i>	<i>vé</i>	<i>bé, bè</i>	<i>biná, vén</i>
йом (ЙН)	<i>bð̄, bə (пот.), ø-</i>	<i>-ó, -o</i>	<i>bð̄</i>	<i>bī, bīi</i>
бваму	<i>fo, go, ko, ù-</i>	<i>fð̄</i>		
коромфе	<i>N</i>	<i>n(ɛ)</i>	<i>N</i>	<i>ɲkɔ</i>
баго (ВГ)	<i>Ñ</i>	<i>ni, -ni</i>		<i>ná</i>
кусунту (ВГ)	<i>Ñ</i>	<i>ni, -ni</i>		<i>náŋ</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
чала (ВГ)	<i>nà, n</i>	<i>naŋ, -aŋ</i>		<i>náŋ</i>
дело (ВГ)	<i>Ñ</i>	<i>ni, -ni</i>		<i>ná</i>
кабийе (ВГ)	<i>N</i>	<i>ŋ</i>	<i>ŋ</i>	<i>ná, né</i>
лама (ВГ)	<i>Ñ</i>		<i>nē</i>	<i>ná</i>
лукпа (ВГ)	<i>N</i>	<i>N, na, ŋ</i>		<i>na</i>
тем (ВГ)	<i>N, ná</i>	<i>nã, na-</i>	<i>nede, nãde</i>	<i>nã</i>
касем (СГ)	<i>n</i>	<i>-m, mo, ñ</i>		<i>nmɔ</i>
льеле (СГ)	<i>Ñ, Ñ</i>	<i>mɔ</i>		<i>nmè</i>
нуни (СГ)	<i>N</i>	<i>mo, amò, mí</i>		<i>ñmò, mme</i>
пана (СГ)	<i>ñ</i>	<i>ñ</i>	<i>ñ</i>	<i>nò</i>
каламсе (СГ)	<i>Ñ, Ñ</i>	<i>Ñ</i>		
чакали (ЗГ)	<i>ì</i>	<i>ɪ</i>	<i>ɪ</i>	<i>hiŋ, hìiŋ</i>
дег (ЗГ)	<i>hì, ?ì</i>			<i>hìŋ</i>
пхуйе (ЗГ)	<i>ì</i>	<i>-yà, ɪ, e, narɛ</i>		<i>yàá</i>
сисаала (ЗГ)	<i>e, i, ii</i>	<i>-e</i>	<i>e</i>	<i>ene, ñná</i>
тампулма (ЗГ)	<i>ɪ</i>			<i>hín</i>
вагла (ЗГ)	<i>ì, i</i>	<i>ɪ</i>	<i>ì</i>	<i>hiŋ</i>
винье (ЗГ)	<i>ĩ, ě</i>	<i>i, ɛ, mɛ</i>		<i>ĩne, epe, en</i>
черма (КТ)	<i>ŋ, n, ni</i>	<i>ni, niẽ (непр.)</i>	<i>náŋ</i>	<i>náŋ, núǎ, nõ</i>
турка (КТ)	<i>n</i>	<i>n</i>		<i>yíí, yi</i>
каанса (ГД)	<i>mɔ</i>	<i>mɔ</i>		<i>mɔna</i>
догосе (ГД)	<i>mɔ, mo</i>	<i>mɔ, mo</i>	<i>mo</i>	<i>mo</i>
кхиса (ГД)	<i>mɔ</i>	<i>mɔ</i>		<i>mɔna</i>
кхе (КД)	<i>hì</i>	<i>mì, mìné</i>	<i>híné</i>	
джан (ЛД)	<i>fi</i>	<i>fi</i>		<i>fiɛ</i>
лоби (ЛД)	<i>fí, fi, fa</i> (буд.)	<i>fi, for (непр.)</i>		<i>firi, fèr, fire</i>
Периферийные языки				
теен	<i>ɔ</i>	<i>ɔ, gɔ, kɔ</i>		<i>gãa</i>
куланго	<i>ɔ, wɔ, wó, wò</i>	<i>ɔ, kɔ, gɔ, wɔ, -wɔ, -gɔ</i>		<i>waa, woá</i>
баатонум	<i>ã</i>	<i>nün</i>	<i>wúnén</i>	<i>wúnē</i>
вьемо	<i>a</i>	<i>wu, wo, u</i>	<i>wo</i>	<i>wa, waa</i>
тьефо	<i>mɔ, mià</i>	<i>mɔ</i>	<i>mɔ</i>	

	субъект	объект	притяжат.	независ.
юж. тусиа	<i>ó</i>	<i>ḡ</i>	<i>o</i>	<i>awo</i>
сев. тусиа	<i>a</i>	<i>ṡ</i>		<i>are, are</i>
уара (УН)	<i>ta, mi, t</i>	<i>ta, ṡ</i>		
мамара (С)	<i>ta, mi</i>	<i>mi, ta</i>	<i>mi, ta</i>	<i>maʉe</i> (возв.), <i>m'i,</i> <i>mudi</i> (независ.)
супьире (С)	<i>mi, mā</i>	<i>mi, ta</i>		
сенара (С)	<i>mi,</i> <i>mià</i> (перф.)			
вост. караборо (С)	<i>mā</i>	<i>mā</i>		<i>ḡbōḡ</i>
зап. караборо (С)	<i>te</i>	<i>te</i>	<i>te</i>	<i>tigo</i>
чебаара (С)	<i>mí, mi</i> (перф.), <i>maa</i> (имперф.)	<i>mi, mɔ</i>	<i>mi</i>	<i>mɔ̄</i>
джимини (С)	<i>mā, mō</i>	<i>mā, mō</i>		
тагвана (С)	<i>mā, mō</i>	<i>mā, mō, mɔ̄</i>	<i>mā, mɔ̄</i>	<i>mɔ̄</i>
палака (С)	<i>to</i>			
нафаанра (С)	<i>mi</i>			

3 лицо единственного числа (показатели именного класса лиц ед. ч.)

	субъект	объект	притяжат.	независ.
Центральные языки				
були (БК)	<i>wà-, ḡ-, wá</i>	<i>-wa</i>	<i>wà-, ḡ-, wá</i>	<i>wá(lá)</i>
конни (БК)	<i>ò, ù</i>		<i>ò, ù</i>	
биали (ВОВ)	<i>ù</i>			
дитаммари (ВОВ)	<i>ò, ḡ</i>		<i>ḡ</i>	
ваама (ВОВ)	<i>ò</i>			
натени (ВОВ)	<i>ò</i>			
фарефаре (ЗОВ)	<i>a</i>		<i>a</i>	<i>ēḡa, ṡ</i>
мооре (ЗОВ)	<i>a</i>		<i>ne, a</i>	<i>a</i>
нотре (ЗОВ)	<i>a</i>	<i>ně</i>		<i>něṡ</i>
ханга (ЗОВ)	<i>o, wupe</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>wupe</i>
кусаал (ЗОВ)	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>on, ona</i>
мампрули (ЗОВ)	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>ḡwan(a)</i>
нчам (гурма)	<i>ù, ú, wáá</i>	<i>-ù</i>	<i>-ū</i>	
гурманчема (гурма)	<i>ô</i>			<i>wōn</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
конкомба (гурма)	<i>ù</i>			<i>úma</i>
наудем (ЙН)	<i>à</i>	<i>wé, wè</i>	<i>à</i>	
йом (ЙН)	<i>à, wə</i>	<i>à, -ò</i>	<i>à, ā</i>	<i>āε</i>
коромфе	<i>d-, də, daa</i> (отр.), <i>ga</i> (уменьш.)	<i>d(i),</i> <i>ga</i> (уменьш.)		<i>dəko, gako</i> (уменьш.)
начам (грузи)	<i>ò, ù</i>			
лама (грузи)	<i>i, ni</i>		<i>ni</i>	
тем (грузи)	<i>e-, w-</i>	<i>yi, i, e</i>	<i>ede</i>	<i>εεε</i>
кабийе (ВГ)	<i>o, ε</i>	<i>i, I</i>	<i>o, ε</i>	
касем (СГ)	<i>o</i>	<i>-o</i>		<i>wom, wonto</i>
льеле (СГ)	<i>h, t</i>	<i>mə</i>		
нуни (СГ)	<i>ò</i>			
пана (СГ)	<i>ò</i>		<i>ó</i>	<i>ónò</i>
чакали (ЗГ)	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>wa</i>
дег (ЗГ)	<i>ʔo</i>			
сисаала (ЗГ)	<i>o</i>	<i>-o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
вагла (ЗГ)	<i>ù, o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>wabo</i>
винье (ЗГ)	<i>a</i>	<i>o</i>		<i>uye</i>
черма (КТ)	<i>u, o</i>	<i>u, o</i> (пр.), <i>yo</i> (непр.)		
турка (КТ)	<i>o, u, wi</i>	<i>yè, yə, è</i>		<i>wu, wa</i>
догосе (ГД)	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
лоби (ЛД)	<i>a, ana</i> (буд.)	<i>á, or</i> (непр.)		<i>oro, uré, or</i>
Периферийные языки				
теен	<i>a</i>			
куланго	<i>hɔ̃</i>	<i>-ε</i>		
баатонум	<i>u, ù</i>	<i>nìn, ùi</i>	<i>wín</i>	<i>wí</i>
вьем	<i>yi</i>			
юж. тусиа	<i>ò</i>	<i>ò</i>	<i>t</i>	<i>mò</i>
мамара (С)	<i>(w)u, wa</i> (перф.)	<i>u</i>	<i>ù, ú</i>	
супьире (С)	<i>wāa, wū</i>			
сенара (С)	<i>u, wa</i> (перф.)			
зап. караборо (С)	<i>(w)u</i>	<i>(w)u</i>	<i>u</i>	<i>ugo</i>
вост. караборо (С)	<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>wòò</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
чебаара (С)	<i>wī, wī̄, u, wāā</i> (имперф.)	<i>wōrò, wí, ú</i>	<i>wōrò</i>	<i>wōrò</i>
тагвана (С)	<i>wi, wii, wí</i>	<i>wi</i>	<i>wi, wu</i>	<i>wi</i>
джимини (С)	<i>wi</i>			
палака (С)	<i>u</i>			

1 лицо множественного числа

	субъект	объект	притяжат.	независ.
Центральные языки				
були (БК)	<i>ti, te, tì-, tàámá, tàā</i>	<i>-ti, ti, te</i>	<i>tì-, tàámá, tàā</i>	<i>tāmā, tàā</i>
конни (БК)	<i>ti, tì</i>	<i>ti</i>	<i>tì, tí</i>	<i>tínij, tinam</i>
биали (ВОВ)	<i>tə, ti</i>	<i>tə, ti</i>		<i>tebe</i>
дитаммари (ВОВ)	<i>tī</i>	<i>tī</i>	<i>tī</i>	<i>tī, tīntī</i>
ваама (ВОВ)	<i>ti</i>	<i>ti</i>		<i>tinti</i>
натени (ВОВ)	<i>tí, t</i>	<i>tí, t</i>		<i>tīntī, tindi</i>
дагаари (ЗОВ)	<i>tí, ti</i>	<i>tí</i>		<i>tìn, tìn</i>
бирифор (ЗОВ)	<i>si</i>	<i>si</i>		<i>simi</i>
фарефаре (ЗОВ)	<i>to, ti</i>		<i>ti</i>	<i>temām, tn, tōma, tùmá</i>
мооре (ЗОВ)	<i>ton, əd, d, ed</i>	<i>dó, dú, tóndò</i>	<i>ton</i>	<i>tondo, tóndò, dò</i>
нотре (ЗОВ)	<i>ti, tì</i>	<i>to</i>		<i>tòntó</i>
дагбани (ЗОВ)	<i>ti, te</i>	<i>ti, te</i>		<i>tinima, tenemá, temli</i>
ханга (ЗОВ)	<i>ti</i>	<i>te</i>		<i>tirma</i>
камара (ЗОВ)	<i>ti</i>	<i>ti</i>		<i>tidima</i>
кусаал (ЗОВ)	<i>te, ti, ti</i>	<i>ěté, te</i>		<i>tenám, tinam</i>
мампрули (ЗОВ)	<i>tì, ti</i>	<i>tí, ti</i>	<i>ti</i>	<i>tón, tidim(a)</i>
сафалиба (ЗОВ)	<i>ti</i>			<i>tìŋú</i>
нчам (гурма)	<i>tī, tí</i>	<i>tī, -tī</i>	<i>tī-</i>	<i>tīm̀b̀i</i>
нгангам (гурма)	<i>tī, ti-</i>	<i>tē, te-</i>		<i>tūnb̀i</i>
гурманчема (гурма)	<i>tì</i>	<i>tì</i>		<i>tím̀b̀à</i>
акаселем (гурма)	<i>té</i>	<i>tem, te</i>		<i>tèm</i>
конкомба (гурма)	<i>ti, ti</i>	<i>timi</i>		<i>timb̀è, timi</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
моба (гурма)	<i>tí, t</i>			<i>tím</i>
наудем (ЙН)	<i>té, tè</i>	<i>té</i>	<i>té, tē</i>	<i>tén</i>
йом (ЙН)	<i>tà, tè</i>	<i>té, tē</i>	<i>tə</i>	<i>tīnī, tīnī</i>
бваму	<i>wà</i>	<i>wíá</i>		
коромфе	<i>o, waa</i> (отр.)	<i>hɔ̃</i>	<i>o</i>	<i>okɔ</i>
баго (ВГ)	<i>dì</i>	<i>ro, dʊ</i>		<i>dá</i>
кусунту (ВГ)	<i>dì</i>	<i>-ro</i>		<i>dánɲ</i>
чала (ВГ)	<i>dì</i>	<i>dáà, -dáà</i>		<i>dáà</i>
дело (ВГ)	<i>dè</i>	<i>-dáà</i>		<i>dá</i>
кабийе (ВГ)	<i>dí, dʊ</i>	<i>dʊ</i>		<i>dá</i>
лама (ВГ)	<i>də, tā</i>		<i>tā</i>	<i>dá</i>
лукпа (ВГ)	<i>tə</i>	<i>to, ta</i>		<i>ta</i>
тем (ВГ)	<i>d-, dá</i>	<i>da</i>	<i>dede</i>	<i>da, dáká</i>
касем (СГ)	<i>dí, dá, ná, rá</i>	<i>díbam</i>		<i>díbam, dóbàɲ</i>
льеле (СГ)	<i>né</i>	<i>neba</i>		<i>némè</i>
нуни (СГ)	<i>ne, ná, na</i>	<i>neba, dóbà,</i> <i>níbá</i>		<i>nemo, nəmme,</i> <i>dómò</i>
пана (СГ)	<i>è</i>	<i>è</i>	<i>é</i>	<i>émá</i>
каламсе (СГ)	<i>ì</i>			<i>yírí</i>
чакали (ЗГ)	<i>yà</i>	<i>ya, -ye</i>	<i>ya</i>	<i>yawa, yáwáá</i>
дег (ЗГ)	<i>yà</i>	<i>yáá, yáà, yāā</i>		
пхуйе (ЗГ)	<i>á</i>	<i>-àà, ámá,</i> <i>amare</i>		<i>àà</i>
сисаала (ЗГ)	<i>á, à</i>	<i>-a</i>	<i>a, ma,</i> <i>mamaa</i>	<i>a, ámaa, [ánà</i>
тампулма (ЗГ)	<i>ya</i>	<i>yà</i>		<i>ya</i>
вагла (ЗГ)	<i>yáá</i>	<i>yaa</i>		<i>yáá</i>
винье (ЗГ)	<i>ā</i>	<i>ā, ābe, an</i>		<i>áám̀bè, ābe</i>
черма (КТ)	<i>í, yíe</i> (прош.)	<i>yíe, í, y(e),</i> <i>ye</i> (непр.)		<i>míě</i>
турка (КТ)	<i>yi, i</i>	<i>yè</i>		<i>hám̀íí, hami</i>
каанса (ГД)	<i>a</i>	<i>ʔa</i>		<i>abe</i>
догосе (ГД)	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>a</i>	<i>á</i>
кхиса (ГД)	<i>a</i>	<i>ʔa</i>		<i>abe</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
кхе	<i>ì</i>	<i>íwéì</i>		<i>ì</i>
джан (ЛД)	<i>si</i>	<i>si</i>		<i>sie</i>
лоби (ЛД)	<i>sì, sa</i> (буд.)	<i>si, sor</i> (непр.)		<i>sìrì, sèr, sire</i>
Периферийные языки				
теен	<i>bi</i>	<i>bi</i>		<i>bée</i>
куланго	<i>bi, bì, be bê</i>	<i>bi, bi</i>		<i>byaa, bia beâ</i>
баатонум	<i>sā, su</i>	<i>sūn</i>	<i>bèsén</i>	<i>bèsé, bèsé</i>
вьемо	<i>sa, sə</i>	<i>sa</i>	<i>sa</i>	<i>sava</i>
тьефо	<i>ʔeyuò, ʔeyuà</i>	<i>ʔeyuò</i>	<i>ʔeyuò</i>	
юж. тусиа	<i>á</i>	<i>á</i>	<i>a</i>	<i>api</i>
сев. тусиа	<i>ne</i>	<i>net</i>		<i>neré</i>
уара (УН)	<i>si, ti</i>	<i>si, ti</i>		
мамара (С)	<i>wèe, woro, wère, wù, wo, we</i>	<i>we, wo</i>	<i>we</i>	<i>wùye</i> (возв.)
супьире (С)	<i>wùu, wū</i>	<i>wùu, wu</i>		
сенара (С)	<i>wù, ura</i> (перф.)			
вост. караборо (С)	<i>wó</i>	<i>wó</i>		<i>wī</i>
зап. караборо (С)	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wougo</i>
чебаара (С)	<i>wò, wō</i> (перф.), <i>wāā</i> (имперф.)	<i>wò, wòlè</i>	<i>wòlō</i>	<i>wòlō, wòle, wòlò</i>
джимини (С)	<i>su, wo, we</i>	<i>wo</i>		
тагвана (С)	<i>wo, wòó</i>	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wo</i>
палака (С)		<i>wo</i>		<i>álē</i>
нафаанра (С)	<i>o</i>	<i>o</i>		

2 лицо множественного числа

	субъект	объект	притяжат.	независ.
Центральные языки				
були (БК)	<i>nì-, ni, ne</i>	<i>-ni, ni, ne</i>	<i>nì-, nàtá, nāā</i>	<i>nàtā, nāā</i>
конни (БК)	<i>nì, ni</i>	<i>ni</i>	<i>nì</i>	<i>níníj</i>
биали (ВОВ)	<i>i, yí</i>	<i>i, yí</i>		

	субъект	объект	притяжат.	независ.
дитаммари (ВОВ)	<i>dī, di</i>		<i>dī</i>	<i>dīndī</i>
ваама (ВОВ)	<i>i, yi</i>			<i>iyi, yiyi</i>
натени (ВОВ)	<i>ne, na</i>	<i>ne, na</i>		<i>néná, nena</i>
дагааре (ЗОВ)	<i>yè</i>	<i>yε</i>		<i>yèén</i>
дагаари (ЗОВ)	<i>jo</i>			
дагара (ЗОВ)	<i>ji</i>			
бириффор (ЗОВ)	<i>ji</i>	<i>ji</i>		<i>jimi</i>
фарефаре (ЗОВ)	<i>ya</i>			<i>yámá(m), yāma</i>
мооре (ЗОВ)	<i>jam, yi, ri, ì, i</i>	<i>yám̀bà, yā, ila</i>	<i>jam</i>	<i>jamma, jámbà</i>
нотре (ЗОВ)	<i>i, ì</i>	<i>hi, ɪ, i</i>		<i>hingi, ìni</i>
дагбани (ЗОВ)	<i>yi, ye</i>	<i>ya</i>		<i>yinimá</i>
ханга (ЗОВ)	<i>ya, e</i>	<i>ya, i</i>		<i>yarma, jini</i>
камара (ЗОВ)	<i>ya, yε</i>			<i>yadima</i>
кусаал (ЗОВ)	<i>e, i, yá</i>	<i>(é)ya</i>	<i>ya, nam</i>	<i>yinám, yawá</i>
мампрули (ЗОВ)	<i>yì, yà</i>	<i>yí, yá</i>	<i>ya</i>	<i>yán, yedim(a)</i>
сафалиба (ЗОВ)	<i>ya</i>			<i>bámá</i>
нчам (гурма)	<i>nī, ní</i>	<i>nī, -nī</i>	<i>nī-</i>	<i>nīm̀bì</i>
нгангам (гурма)	<i>nī</i>	<i>nē-</i>		<i>nūnbi, nim</i>
гурманчема (гурма)	<i>i</i>	<i>ì</i>		<i>yimba</i>
акаселем (гурма)	<i>né, be, bi, ni</i>	<i>net, ne</i>	<i>ne, ni</i>	<i>bé</i>
конкомба (гурма)	<i>ni, ni</i>	<i>nimi</i>		<i>nimbè, nimi</i>
моба (гурма)	<i>yi</i>			<i>yim</i>
наудем (ЙН)	<i>nè</i>	<i>né</i>	<i>ne</i>	<i>neh</i>
йом (ЙН)	<i>ì</i>	<i>ī</i>	<i>ì</i>	<i>ī, ī</i>
бваму	<i>mì</i>			<i>míá</i>
коромфе	<i>na</i>	<i>na</i>	<i>na</i>	<i>nakɔ</i>
баго (ВГ)	<i>ì</i>	<i>ɲε, -ɲε</i>		<i>ámé</i>
кусунту (ВГ)	<i>ì</i>	<i>ámé</i>		<i>ámé</i>
чала (ВГ)	<i>ì</i>	<i>ámìè</i>		<i>ámìè</i>
дело (ВГ)	<i>è, ì</i>	<i>ε, -ε</i>		<i>ámè</i>
кабийе (ВГ)	<i>í, é</i>	<i>mí</i>		<i>mí, mé</i>
лама (ВГ)	<i>i, mī</i>		<i>mī</i>	<i>mi</i>
лукпа (ВГ)	<i>i</i>	<i>mε</i>		<i>mə</i>
тем (ВГ)	<i>ɪ, mi, mí</i>	<i>mi, míí</i>	<i>mide</i>	<i>mi, míká</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
касем (СГ)	á, áa	abam, ábàŋ, ábǎ		abam, ábàŋ, ábǎ
льеле (СГ)	á	aba		aba
нуни (СГ)	á	ába, ámò, ábǎ		ámo, áme
пана (СГ)	ò	ò, o	ó	òmá
каламсе (СГ)	yà	yàrí		yàrí
чакали (ЗГ)	ma, màá	ma	ma	mawa, máwáá
дег (ЗГ)	hí, pí			híyà
пхуйе (ЗГ)	ʔyá	-ʔyá, yahǒ		ʔyá
сисаала (ЗГ)	é, ma	-é, ma, èwá, mataa	é	éne, mataa
тампулма (ЗГ)	ma	mà		
вагла (ЗГ)	í	ia		íí
винье (ЗГ)	nā, na	na, mabe		nábè, mabe
черма (КТ)	ná	něi, ná, nae (непр.)	ná	námǎ, namma
турка (КТ)	ʒi	ʒǎ		ʒimǎá, ʒima
каанса (ГД)	ɪ	ʔɪ		imbe
догосе (ГД)	ì, ě	ì, e	e	ĩě, ě
кхиса (ГД)	ɪ	ʔɪ		imbe
кхе	ìN	ĩ(ŋ)wéì		ìN
джан (ЛД)	yì	yì		yie
лоби (ЛД)	nì, na (буд.)	ni, nor (непр.)		nírí, nèr, nire
Периферийные языки				
теен	ɪ	ɪ		bɔɔ
куланго	ʔĩ, ě é ĩ	ʔĩ, yǎ, yě, yĩ		ʔyǎá, neá
баатонум	i, ĩ	bèe, bèé	bèén	bèe, bèé
вьемо	ã	ãvi, ãve	ãve	ãva
тьефо	buò, buà	buò	buò	
юж. тусиа	ye	ye	ye	yepi
сев. тусиа	ye, yir	yem		
уара (УН)	mi	mi		
мамара (С)	ye, mi	ye	ye	miyɛ (возв.)
супьире (С)	yüi	yüi, yi		

	субъект	объект	притяжат.	независ.
сенара (С)	<i>yí,</i> <i>yera</i> (перф.)			
вост. караборо (С)	<i>yé</i>	<i>yé</i>		<i>yéè</i>
зап. караборо (С)	<i>ye</i>	<i>ye</i>	<i>ye</i>	<i>yeyege</i>
чебаара (С)	<i>yè, yē</i> (перф.), <i>yāā</i> (имперф.)	<i>yèlē, yèlè</i>	<i>yèlē</i>	<i>yèlē, yèlè</i>
джимини (С)	<i>ye</i>			<i>yele</i>
тагвана (С)	<i>ye, yé</i>	<i>ye</i>	<i>ye</i>	<i>ye, yele</i>
палака (С)		<i>ye</i>		<i>yilē</i>
нафаанра (С)	<i>e</i>	<i>e</i>		

3 лицо множественного числа (аффиксы именного класса лиц мн. ч.)

	субъект	объект	притяжат.	независ.
Центральные языки				
були (БК)	<i>bà-, bá</i>	<i>-ba</i>	<i>bà-, bá</i>	<i>bá(lá)</i>
конни (БК)	<i>bà</i>		<i>bà</i>	
биали (ВОВ)				
дитаммари (ВОВ)	<i>bē</i>		<i>bē</i>	
ваама (ВОВ)	<i>bà</i>			
фарефаре (ЗОВ)	<i>ba</i>		<i>ba</i>	<i>bāma, bāmá</i>
мооре (ЗОВ)	<i>bam, b-</i>		<i>bam</i>	<i>bamma</i>
нотре (ЗОВ)	<i>ba</i>	<i>ba</i>		<i>bamba</i>
ханга (ЗОВ)	<i>ba, a</i>	<i>ba, a</i>	<i>ba, a</i>	<i>barma</i>
кусаал (ЗОВ)	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>ban</i>
мампрули (ЗОВ)	<i>ba</i>	<i>ba, a</i>	<i>ba, a</i>	<i>ban, badəm(a)</i>
нчам (гурма)	<i>bì, bàá</i>	<i>-bì</i>	<i>bī-</i>	<i>bím̀bì</i>
гурманчема (гурма)	<i>bì</i>			<i>bānī</i>
конкомба (гурма)	<i>bì</i>			
наудем (ЙН)	<i>bε</i>		<i>bá, bε</i>	
йом (ЙН)	<i>bà</i>	<i>bà</i>	<i>bà</i>	<i>bepa</i>
коромфе	<i>ba, baá</i> (отр.)	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>ba, bakɔ</i>
кабийе (ВГ)	<i>pa, po, pε, po</i>	<i>pε, pε</i>	<i>pa, po, pε, po</i>	
лама (ВГ)	<i>wa, mpá</i>		<i>mpā</i>	
тем (ВГ)	<i>b-, be-</i>	<i>we</i>	<i>bede, bade</i>	<i>bεle</i>

	субъект	объект	притяжат.	независ.
касем (СГ)	<i>ba</i>	<i>-ba</i>		<i>bat, bantv</i>
льеле (СГ)	<i>be, bæ</i>	<i>be</i>		
нуни (СГ)	<i>bà</i>			
пана (СГ)	<i>ò</i>		<i>ó</i>	<i>òmá</i>
чакали (ЗГ)	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>ba</i>	<i>bawa</i>
дег (ЗГ)	<i>bà</i>			
сисаала (ЗГ)	<i>ba</i>	<i>-ba</i>	<i>ba</i>	<i>ba</i>
вагла (ЗГ)	<i>ba</i>	<i>a</i>		
винье (ЗГ)	<i>ta</i>	<i>ta</i>		<i>mabe</i>
черма (КТ)	<i>bà, báa</i> (прош.)		<i>bà</i>	
турка (КТ)	<i>ba</i>	<i>ba</i>		<i>ba</i>
догосе (ГД)	<i>pe</i>	<i>me</i>	<i>pe</i>	<i>be</i>
лоби (ЛД)	<i>wv, u</i>	<i>wé, wer</i> (непр.)		<i>wer, were</i>
Периферийные языки				
куланго	<i>bò</i>	<i>-be</i>		
баатонум	<i>bu</i>			
юж. тусиа	<i>pe</i>	<i>pe</i>	<i>pe</i>	<i>peri</i>
мамара (С)	<i>pi, pe, pə,</i> <i>pa</i> (перф.), <i>páʔá</i> (буд.)	<i>pə</i>	<i>pi</i>	<i>piye</i> (возв.)
сенара (С)	<i>pe, pa</i> (перф.)			
зап. караборо (С)	<i>pi</i>	<i>pi</i>	<i>pi</i>	<i>perige</i>
вост. караборо (С)	<i>pē</i>	<i>pē</i>	<i>pē</i>	<i>pōò</i>
чебаара (С)	<i>pē/bē, pāā/bāā</i> (имперф.)	<i>pōrò, bé</i>	<i>pōrò</i>	<i>pōrò, pèlè, bēlē</i>
тагвана (С)	<i>pe, pé, pèé</i>	<i>pe</i>	<i>pe</i>	<i>pe</i>
джимини (С)	<i>pe</i>			
палака (С)	<i>pe</i>			
нафаанра (С)	<i>pe</i>			

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Формы личных показателей в языках манде

Для ЮЗМ языков даны праформы в соответствии с реконструкциями в Главе 7, для ЮМ языков – по реконструкции в работе [Выдрин 2006b]. Формы языков группы манден даны в одну строку, без указания на конкретный язык. Формы, указанные через запятую, являются диалектными вариантами или алломорфами, чьё распределение значений в источниках не указано. Грамматическое обозначение, указанное в скобках, относится ко всем предшествующим формам, данным через косую черту. Источниками данных там, где это не указано, являются работы [Long 1971; Vimson 1978; Vydrin 2009b]. Ссылки на другие источники даны в виде постраничных сносок к таблице форм 1 л. ед. ч.

Языки в таблицах распределены по группам, которые указаны аббревиатурами:

ЮМ	южные
ЮЗМ	юго-западные
ВМ	восточные
С	самого
М	моколе
Д	джого-джери.

1 лицо единственного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ЮМ	* <i>N</i> (сосл.), * <i>Ṇ</i> (опт.)	* <i>N</i>	* <i>N</i>	* <i>mā</i>
сан (ВМ)	<i>ma, má</i>			
биса (ВМ) ³²⁹	<i>min, m̄/n̄</i>		<i>én/yén</i>	
биса-лебир ³³⁰	<i>ñ, mó, ma</i>	<i>ñ, mó, ñ</i> (возв.)	<i>ñ, mó</i>	<i>mó</i>
боко (ВМ) ³³¹	<i>mále/máa</i> (наст.), <i>mā</i> (прош.), <i>má</i> (буд., стат.), <i>mà</i> (сосл.), <i>mi</i> (хаб.)	<i>má, -mεε</i> (бен.), <i>-(m)a</i> (дат.)	<i>má</i> (но.)	<i>má, mé</i>
бокобару (ВМ) ³³²	<i>méε/mága</i> (наст.), <i>mā</i> (прош.), <i>má</i> (стат.), <i>mà</i> (сосл.), <i>mé</i> (буд.), <i>mεè</i> (хаб.)	<i>ma, -mε</i> (бен.), <i>-ma</i> (дат.)	<i>ma</i>	<i>mámbe</i>

³²⁹ [Prost 1968: 28–29].

³³⁰ [Vanhoudt 1992: 418].

³³¹ [Prost 1976: 181; Jones 2004a].

³³² [Jones 2004b].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
кьенга (ВМ) ³³³	<i>mā</i> (прош.), <i>mai</i> (наст.), <i>má</i> (буд., стат.), <i>mà</i> (сосл.)	<i>ma</i>	<i>ma</i>	<i>mani</i>
шанга (ВМ) ³³⁴	<i>mā</i>		<i>ma</i>	
буса (ВМ) ³³⁵	<i>-mā, mā, má</i> (прог., стат., просп.), <i>mà</i> (имп.), <i>méé</i> (прог.), <i>mèè, mi</i> (хаб.)	<i>ma, -mεε</i> (бен.), <i>-(m)a</i> (дат.)	<i>ma</i>	<i>mā(-pi), má, mé</i>
сонинке ³³⁶	<i>ń, ne, ín, je</i>	<i>ń</i>	<i>ń, ín</i>	<i>ńké</i>
бозо ³³⁷	<i>ń, na, t, ñ/ñ, je</i>	<i>n/m</i>	<i>n, na, t</i>	<i>ntɔ</i>
кпеен (С) ³³⁸	<i>N</i> (прош., буд.), <i>mé</i> (аор., сосл.), <i>má</i> (наст.)	<i>Ń</i>	<i>ń</i> (но.), <i>nè</i> (о.)	
дуун (С) ³³⁹	<i>mĩ, mi, mip</i>			
банка (С)	<i>mi</i>			
сеенку (С) ³⁴⁰	<i>m/n, ntò</i> (завис.)		<i>nen</i> (о.), <i>to</i> (но.)	<i>to</i>
джовулу (С) ³⁴¹	<i>mĩ, mǎá</i> (буд.), <i>mĩĩ</i> (наст.)	<i>mĩ</i>	<i>mĩ, mǎó</i>	<i>ĩ</i> (возв.)
дзуун (С) ³⁴²	<i>mĩn/mín/mĩ, má</i> (портм.)	<i>ń</i>	<i>ń</i>	<i>N</i> (возв.), <i>mín</i> (сосл. +возв.)
бобо ³⁴³	<i>ma, me</i>		<i>ne</i> (но.), <i>mé</i> (эмфат.), <i>ná</i> (о.), <i>mĩ</i> (абс.)	<i>mé</i>

³³³ [Platiel 1982; Jones 2010: 12–13].

³³⁴ [Jones 2010: 19].

³³⁵ [Wedekind 1972: 21–23; Jones 2004c].

³³⁶ [Diagana 1990; Halaoui 1992; Diagne 2006].

³³⁷ [Monteil 1932: 292, 300].

³³⁸ [Zwernemann 1996: 160–163].

³³⁹ [Carlson 1981].

³⁴⁰ [Prost 1971].

³⁴¹ [Carlson 1993].

³⁴² [Solomiac 2007: 327–328].

³⁴³ [Le Bris, Prost 1981: 43–46].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бобо-тансила ³⁴⁴	<i>ā</i>	<i>ā/à</i>	<i>ā</i>	<i>āyē</i>
манден ³⁴⁵	<i>*ŋ</i>			<i>né, ní, ñte, ñlé</i>
леле (М) ³⁴⁶	<i>ń</i>			<i>ndé</i>
какабе (М)	<i>ń</i>			
могофин (М) ³⁴⁷	<i>ń</i>	<i>ń</i>	<i>ń</i>	
коранко (М) ³⁴⁸	<i>ń, ne</i>			<i>ndé</i>
лигби (Д) ³⁴⁹	<i>ń, na/ne/Ñ, ù?</i>	<i>na/ne/Ñ, ù?</i>	<i>na/N/ñ, ù?</i>	<i>ma/mma, m̀m̀a, nan, main</i>
джерри (Д)	<i>nà</i>			
сусу ³⁵⁰	<i>ń</i>	<i>ń</i>	<i>ń</i>	<i>ń</i>
джалонке ³⁵¹	<i>ŋ/ń, an</i> (после носового)			
ваи ³⁵²	<i>ŋ</i>	<i>ŋ</i>	<i>ná</i>	<i>ŋ</i>
коно ³⁵³	<i>ń, mbé</i> (наст.), <i>mbe</i> (буд.)			
ЮЗМ	<i>*ŋé</i>	<i>*ŋ-</i>	<i>*ŋ-</i> (но.), <i>*ŋi-/*ŋi-</i> (о.)	<i>*nà < *ŋya</i>

2 лицо единственного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ЮМ	<i>*ĩ/*ē, *í</i> (опт.), <i>*bè</i> (имп.)			<i>*bi/*yi</i>
сан(ВМ)	<i>n, ń</i>			
биса(ВМ)	<i>éré, é</i>		<i>é/yé</i>	

³⁴⁴ [Prost 1983: 34–39].

³⁴⁵ [Davydov 2010].

³⁴⁶ [Vydrin 2008: 7–8].

³⁴⁷ [Janse 1996: 17; Выдрин, полевые материалы].

³⁴⁸ [Kastenholz 1987].

³⁴⁹ [Persson, Persson 1980; Kastenholz 1995].

³⁵⁰ [Touré 2004; Willis 2007].

³⁵¹ [Lüpke 2005].

³⁵² [Heydorn 1970/71].

³⁵³ [Sa'quee 1990: 7].

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
биса-лебир	<i>i, ibí</i>	<i>ì, ibí, yíbí</i> (просп.), <i>ìì</i> (возв.)	<i>i, ibí</i>	<i>ibí</i>
боко (ВМ)	<i>ńle</i> (наст.), <i>n</i> (прош.), <i>ń</i> (стат.), <i>ń</i> (сосл.), <i>ńyḍ</i> (буд.), <i>ni</i> (хаб.)	<i>n/ń, -ne</i> (бен.), <i>-ma</i> (дат.)	<i>n/ń</i> (но.)	<i>nmé</i>
бокобару (ВМ)	<i>ńé/ńga</i> (наст.), <i>n</i> (прош.), <i>ń</i> (стат.), <i>ń</i> (сосл.), <i>ńé</i> (буд.), <i>neè</i> (хаб.)	<i>n, -nne</i> (бен.), <i>-mma</i> (дат.)	<i>n</i>	<i>mbe</i>
кьенга (ВМ)	<i>ń</i> (прош.), <i>mbí</i> (наст.), <i>ń</i> (буд., стат.), <i>ń</i> (сосл.)	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>nni</i>
шанга (ВМ)	<i>mí</i>			
буса (ВМ)	<i>n, ń</i> (прог., стат., просп.), <i>ń</i> (имп.), <i>ńé</i> (прог.), <i>neè</i> (хаб.)	<i>n, nne</i> (бен.), <i>ma</i> (дат.)	<i>n</i>	<i>n(-pi), ń mé</i>
сонинке	<i>án, ā</i>	<i>án</i>	<i>án</i>	<i>án kè</i>
бозо	<i>an, á/á</i>	<i>an</i>	<i>an</i>	<i>annɔ</i>
кпеен (С)	<i>wɔnè,</i> <i>wɔnà</i> (прош.)		<i>wɔ</i> (но.), <i>wɔnè</i> (о.)	
дуун (С)	<i>wa, va, wo, á, ba</i>			
банка (С)	<i>wɔ</i>			
сеенку (С)	<i>à, àwò</i> (завис.)		<i>àà</i> (о.), <i>à</i> (но.)	<i>àwò</i>
джовулу (С)	<i>mī, māá</i> (буд.), <i>mī</i> (наст.)	<i>mī</i>	<i>mī, mɔɔ</i>	<i>ḡ</i> (возв.)
дзуун (С)	<i>á, wó, wá</i> (портм.)	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó, a'</i> (возв.)
бобо	<i>be</i>	<i>be</i>	<i>be</i> (но.), <i>biá</i> (о.)	<i>bí</i>
бобо-гансила	<i>ē</i>	<i>ē</i>	<i>ē</i>	<i>ōyó</i>
манден	<i>í, é</i>			<i>ítè, ilè, élè</i>
леле (М)	<i>í</i>			
какабе (М)	<i>í</i>			
коранко (М)	<i>í</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
могофин (М)	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>í</i>	
лигби (Д)	<i>i, é, é (V+), N?</i>	<i>é (V+), N?</i>	<i>éyà, é (но.), N?</i>	<i>étá, étà, étain, éra</i>
джерид (Д)	<i>í</i>			
сусу	<i>í</i>			
джалонке	<i>í</i>			
ваи	<i>í</i>	<i>í</i>	<i>yá</i>	<i>í</i>
коно	<i>í, é (наст., буд.)</i>			
ЮЗМ	<i>*i/*é</i>	<i>*i/*é</i>	<i>*i/*é</i>	<i>*íyá/*bíyá</i>

3 лицо единственного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ЮМ	<i>*è, *é (опт.), *yà (портм.)</i>	<i>*à</i>		<i>*e (возв.), *yè, *yà (эрг.)</i>
сан (ВМ)	<i>á, à</i>			
биса (ВМ)	<i>ara, a, an/n/m (сосл.)</i>		<i>a/ya</i>	
биса-лебид	<i>à</i>	<i>à, yá (просп.), àà (возв.)</i>	<i>à</i>	<i>à</i>
боко (ВМ)	<i>àlè (наст.), à (прош.), a (буд., стат.), aà (сосл.), ì (хаб.)</i>	<i>aà, -è (бен.), -wà (дат.)</i>	<i>aà (но.)</i>	<i>ɔ́mé</i>
бокобару (ВМ)	<i>èe (наст.), à (прош., стат., сосл.), eé (буд.), è (хаб.)</i>	<i>à (дат.), -nè (бен.)</i>	<i>à</i>	<i>àmbe</i>
кьенга (ВМ)	<i>ì, (прош., буд., стат.), ìḿ/bī (наст.), ìnā (сосл.), ā (лог.)</i>	<i>ì (од.), a (неод.)</i>	<i>ì (од.), a (неод.)</i>	<i>ìni</i>
шанга (ВМ)	<i>ì, ā (лог.)</i>			
буса (ВМ)	<i>-à, ā, á (прог., стат., просп.), à (имп.), èè (прог.), è (хаб.), wà (неопр.)</i>	<i>aà, -è (бен.), -wà (дат.)</i>	<i>aà</i>	<i>ā(-pi), ɔ́mé</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
сонинке	<i>a, ao</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
бозо	<i>a, à, ñ/m</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>arɔ</i>
кпеен (С)	<i>à/è, ànà</i> (прош.)	<i>à</i>	<i>à</i> (но.), <i>àlè</i> (о.)	
дуун (С)	<i>a</i> (м.), <i>ní</i> (ж.)			
банка (С)	<i>ní</i> (ж.?)			
сеенку (С)	<i>à, mó</i> (завис.)		<i>à</i> (но.), <i>àa</i> (о.)	<i>àwo</i>
джовулу (С)	<i>ú</i> (м.), <i>ní</i> (ж.), <i>ɲ</i> (нелич.)	<i>ú</i> (м.), <i>ní</i> (ж.), <i>ɲ</i> (нелич.)	<i>úwɔ</i> (м.), <i>níɲɔ</i> (ж.)	<i>à</i> (возв.)
дзуун (С)	<i>à, wò, àyà</i> (портм.)	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>à, è, e'</i> (возв.)
бобо	<i>à</i>	<i>à/á</i>	<i>à/á</i> (но.), <i>àtá</i>	<i>àwè, le</i>
бобо-тансила	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>àanè</i>
манден	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>àtè/àlè</i>
леле (М)	<i>à</i>			
какабе (М)	<i>a</i>			
могофин (М)	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>à</i>	
коранко (М)	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>àlè</i>
лигби (Д)	<i>è, e, a</i>	<i>è</i>	<i>è</i>	<i>è má, é main, é ra</i>
сусу	<i>à</i>			
джалонке	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
ваи	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>àá</i>	<i>à</i>
коно	<i>a, è</i> (наст., буд.)			
ЮЗМ	<i>*i/*è, *i/*é</i> (завис.)	<i>*ɲ-</i>	<i>*ɲ-</i> (но.), <i>*ɲi-</i> (о.)	<i>*à</i>

1 лицо множественного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ЮМ	<i>*yi/*o</i> (э.), <i>*ko/*kɔ</i> (и.), <i>*koa</i> (э.)	<i>*yi/*o</i> (э.), <i>*ko/*kɔ</i> (и.), <i>*koa</i> (э.)		<i>*yi/*o</i> (э.), <i>*ko/*kɔ</i> (и.), <i>*koa</i> (э.)
сан (ВМ)	<i>wi?, wɔ</i>			

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
биса (ВМ)	<i>oro, o</i>		<i>o/yo</i>	
биса-лебир	<i>ò, wó</i>	<i>ò, wó, òò</i> (возв.)	<i>ò, wó</i>	<i>wó</i>
боко (ВМ)	<i>wále/wáa</i> (наст.), <i>wa</i> (прош.), <i>wá</i> (буд., стат.), <i>wà</i> (сосл.), <i>wi</i> (хаб.)	<i>wá, -wɛɛ</i> (бен.), <i>-wá</i> (дат.)	<i>wá/á</i>	<i>wá mé</i>
бокобару (ВМ)	<i>wéé/wága</i> (наст.), <i>wa</i> (прош.), <i>wá</i> (стат.), <i>wà</i> (сосл.), <i>wé</i> (буд.), <i>wè</i> (хаб.)	<i>wa, -we</i> (бен.), <i>-wa</i> (дат.)	<i>wa/a</i>	<i>wámbe</i>
кьенга (ВМ)	<i>wā</i> (прош.), <i>wāī</i> (наст.), <i>wó</i> (буд.), <i>wò</i> (сосл.)	<i>wo</i>	<i>wo</i>	<i>wonina</i>
шанга (ВМ)	<i>wā</i>			
буса (ВМ)	<i>o, wā, wá</i> (прог., стат., просп.), <i>wà</i> (имп.), <i>wèè</i> (прог.), <i>wè</i> (хаб.)	<i>wá, wē</i> (бен.)	<i>wá/á</i>	<i>wā(-pi), wámé</i>
сонинке	<i>ò, ó, qoro</i> (и.)	<i>ó</i>	<i>ó</i>	<i>ó kú</i>
бозо	<i>in, yin'</i> (э.) <i>ki</i> (и.)	<i>in, yin'</i> (э.) <i>ki</i> (и.)	<i>in, yin'</i> (э.) <i>ki</i> (и.)	<i>innɔ, kirɔ</i>
кпеен (С)	<i>mò/mùsè</i> (и.), <i>mùná</i> (и. прош.), <i>mìyè</i> (э.)	<i>mò</i>	<i>mò</i> (и. но.) <i>míyélè</i> (э. о.)	
дуун (С)	<i>ɲɛ, ɲe, ɲe</i>			
банка (С)	<i>ɲɛ</i>			
сеенку (С)	<i>mí, míi</i> (завис.)		<i>mí</i> (но.), <i>míi</i> (о.)	<i>mí</i>
джовулу (С)	<i>ɪʔbɛ̀ɛ̀, yì/yìbɛ̀ɛ̀,</i> <i>ibɛ́á</i> (буд.)	<i>ɪʔbɛ̀ɛ̀, yì/yìbɛ̀ɛ̀</i>	<i>ibɔ́ɔ́</i>	<i>yì</i> (возв.)
дзуун (С)	<i>mùn, mà</i> (и.), <i>ɲɛ́/ɲé, ɲà</i> (э.)	<i>mùn</i> (и.), <i>ɲe</i> (э.)		<i>ɛ́'</i> (возв.)
бобо	<i>mè</i> (э.), <i>kè</i> (и.)	<i>mè</i> (э.), <i>kè</i> (и.)	<i>mè</i> (но.), <i>mìá</i> (о.), <i>mì</i> (абс.), <i>mìè</i> (абс. мн.), <i>kè, kìá, kì, kìè</i>	<i>mɛ́</i> (э.), <i>kɛ́</i> (и.)

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бобо-тансила	<i>mà, mè</i> (перф.)	<i>mà</i>	<i>mà</i>	<i>(á)mḡyḡ</i>
манден	<i>á, án, áḡ, ñ, ḡ</i>			<i>ñtelu, antelu, nèlú, ánnigu, ánnù, annu, áne, ádo</i>
леле (М)	<i>mà, ñ</i>			
какабе (М)	<i>má</i> (э.), <i>ḡma</i> (и.)			
могофин (М)	<i>mḡ/mḡḡ</i> (э.), <i>mḡbe</i> (и.)	<i>mḡ</i> (э.)	<i>mḡ/mḡḡ</i> (э.)	
коранко (М)	<i>mà</i>			
лигби (Д)	<i>á</i>	<i>á</i>	<i>áyà</i> (о.), <i>á</i> (но.)	<i>átòḡḡ, átḡḡḡ</i>
джерри (Д)	<i>à</i>			
сусу	<i>wḡn</i> (и.), <i>mùxú</i> (э.)			
джалонке	<i>on</i> (и.), <i>nxo</i> (э.)			
ваи	<i>mí</i>	<i>mí</i>	<i>míá</i>	<i>mí</i>
коно	<i>ń, mbè</i> (наст., буд.)			
ЮЗМ	<i>*mí</i> (дв.), <i>*átí</i> (и.), <i>*nè</i> (э.)			

2 лицо множественного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ЮМ	<i>*kā, *kà</i> (имп.), <i>*ká</i> (опт.)	<i>*kā</i>		<i>*kā</i>
сан (ВМ)	<i>ka, ká</i>			
биса (ВМ)	<i>ará, á</i>		<i>á/yá</i>	
биса-лебир	<i>à, àwḡ</i>	<i>à, àwḡ, yàwḡ</i> (просп.), <i>àà</i> (возв.)	<i>à, àwḡ</i>	<i>àwḡ</i>
боко (ВМ)	<i>ále</i> (наст.), <i>a</i> (прош.), <i>á</i> (буд., стат.), <i>à</i> (сосл.), <i>i</i> (хаб.)	<i>á, -é</i> (бен.), <i>-wá</i> (дат.)	<i>á</i>	<i>á mé</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
бокобару (ВМ)	<i>éel/ága</i> (наст.), <i>a</i> (прош.), <i>á</i> (стат.), <i>à</i> (сосл.), <i>é</i> (буд.), <i>eè</i> (хаб.)	<i>a, -are</i> (бен.), <i>-awa</i> (дат.)	<i>a</i>	<i>ámbe</i>
кьенга (ВМ)	<i>ā</i> (прош.), <i>āī</i> (наст.), <i>á</i> (буд., стат.), <i>à</i> (сосл.)	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>anina</i>
шанга (ВМ)	<i>ā</i>			
буса (ВМ)	<i>-ā, ā, á</i> (прог., стат., просп.), <i>à</i> (имп.), <i>éē</i> (прог.), <i>ēē</i> (хаб.)	<i>á, ārē/-é</i> (бен.), <i>-wá</i> (дат.)	<i>á</i>	<i>ā(-pi), á mé</i>
сонинке	<i>xá, xà</i>	<i>xá, axa</i>	<i>xá</i>	<i>xá kí</i>
бозо	<i>xa</i>	<i>xa</i>	<i>á, xa</i>	<i>xarɔ</i>
кпеен (С)	<i>yèr nà</i> (прош.)		<i>yè</i> (но.), <i>yèlè</i> (о.)	
дуун (С)	<i>ye, yé, i</i>			
банка (С)	<i>ye</i>			
сеенку (С)	<i>ī, īwo</i> (завис.)	<i>īwo</i>	<i>īwō</i> (о.), <i>ī</i> (но.)	<i>īwo</i>
джовулу (С)	<i>abe, ábèè, ábēē,</i> <i>ábēá</i> (буд.)	<i>abe, ábèè, ábēē</i>	<i>ábóó</i>	<i>á</i> (возв.)
дзуун (С)	<i>ě, yé, yā</i> (портм.)	<i>yé</i>		<i>ě'</i> (возв.)
бобо	<i>kā</i>	<i>kā</i>	<i>kā</i> (но.), <i>kíà</i> (о.), <i>kíi</i> (абс.), <i>kíè</i> (абс.мн.)	<i>kí, kíé</i>
бобо-гансила	<i>ɲē</i>	<i>ɲē, yè/yé</i>	<i>ɲē</i>	<i>ɔyɔ</i>
манден	<i>á, álù, áli, áyi</i>			<i>àù, álù, áluu,</i> <i>ál(i)telu, álugu,</i> <i>áloori, álee</i>
леле (М)	<i>wó</i>			<i>wónò</i>
какабе (М)	<i>wɔ</i>			
коранко (М)	<i>wó</i>			<i>wónu</i>
могофин (М)	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>ó/wó</i>	

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
лигби (Д)	<i>nó</i>	<i>nó</i>	<i>nóà</i> (о.), <i>nó</i> (но.)	<i>nómtǝgǝ</i>
сусу	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wó</i>
джалонке	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
ваи	<i>wó</i>	<i>wó</i>	<i>wóá</i>	<i>wó</i>
коно	<i>wè, wé</i> (буд.)			
ЮЗМ	<i>*wó, *á/*ká</i> (имп.)			

3 лицо множественного числа

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
ЮМ	<i>*wò, *wó</i> (опт.), <i>*wà</i> (портм.)	<i>*àni</i>		<i>*wò</i>
сан (ВМ)	<i>ʼn</i>			
биса (ВМ)	<i>ḡ, né</i> (отр.), <i>nep</i> (сосл.)		<i>èp/yèp</i>	
биса-лебир	<i>ḡ/ni/i</i>	<i>ḡ, yḡn</i> (просп.)	<i>ḡ</i>	<i>ḡ</i>
боко (ВМ)	<i>aale</i> (наст.), <i>aa</i> (прош., буд., сосл.), <i>aaí</i> (хаб.)	<i>ḡ, -né</i> (бен.), <i>-má</i> (дат.)	<i>ḡ</i>	<i>aa té</i>
бокобару (ВМ)	<i>aǝde/aǝḡga</i> (наст.), <i>aǝ</i> (прош.), <i>aǝḡ</i> (стат.), <i>aǝde</i> (буд.), <i>aǝde</i> (хаб.)	<i>ḡ, -ḡne</i> (бен.), <i>-mḡa</i> (дат.)	<i>aǝ</i>	<i>aǝmbe</i>
кьенга (ВМ)	<i>à</i> (прош., буд., стат.), <i>àí</i> (наст.), <i>àna</i> (сосл.), <i>wò</i> (лог.)	<i>à</i>	<i>à</i>	<i>àniḡa</i>
шанга (ВМ)	<i>ǝà</i>	<i>ǝà</i>		
буса (ВМ)	<i>àpǝ, àpǝ</i> (прог., стат., просп.), <i>àpǝ</i> (имп.), <i>àpǝē</i> (прог.), <i>àpǝde</i> (хаб.)	<i>ḡ, -né/ḡné</i> (бен.), <i>-má</i> (дат.)	<i>aǝ/ḡ</i>	<i>àpǝ(-pǝ), aapḡé</i>
сонинке	<i>i, u</i>	<i>i, u</i>	<i>i, u</i>	<i>i, u</i>
бозо	<i>i, e, ye</i>	<i>i, e, ye</i>	<i>i, ye</i>	<i>yerǝ</i>

	субъект.	объект.	притяжат.	независ.
кпеен (С)	<i>i, è</i>	<i>i, è</i>	<i>i</i> (но.), <i>ilè</i> (о.)	
дуун (С)	<i>ya, ye, e, i, vye</i>			
банка (С)	<i>i</i>			
сеенку (С)	<i>i/è, iè</i> (завис.)		<i>i/è</i> (но.), <i>iè</i> (о.)	<i>iwo</i>
джовулу (С)	<i>ki/kibèè/kí</i> (лич.), <i>ñí</i> (нелич.), <i>yìrì</i> (нелич.)		<i>kóó</i>	<i>àrì</i> (возв.)
дзуун (С)	<i>è, ye, èyà</i> (портм.)	<i>è</i>		<i>è'</i> (возв.)
бобо	<i>yè</i>	<i>yè/è/é</i>	<i>yè/è/é</i> (но.), <i>yètà</i> (о.)	<i>yèwò, lɔ</i>
бобо-тансила	<i>è</i>	<i>è</i>	<i>è</i>	<i>èèè</i>
манден	<i>ù, àlú, i, àyi, ii, òlu, àa</i>			<i>àtelú, itelú, ilee, àlélù, óle, olo, wólugu, àlugu</i>
леле (М)	<i>àn(ò)</i>			
какабе (М)	<i>an(u)</i>			
коранко (М)	<i>ànu</i>			
могофин (М)	<i>ànú</i>	<i>ànú</i>	<i>àn/ànú</i>	
лигби (Д)	<i>nò</i>	<i>nò</i>	<i>nò</i>	<i>nò, ènò, nomono, numonon</i>
сусу	<i>è</i>	<i>è</i>	<i>è</i>	<i>è</i>
джалонке	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
ваи	<i>ànú</i>	<i>ànú</i>	<i>ànúá</i>	<i>ànú</i>
коно	<i>an, an</i> (наст., буд., перф.)			
ЮЗМ	<i>*ti</i>	<i>*ti-</i>	<i>*ti-</i>	<i>*tiyà</i>

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

!хонг (къхонг) 35

А

абар 103, 107, 110–111, 114–115
абе 175, 181, 185, 188–191, 557–559
абиджи 175, 180–185, 188–189, 286,
557–559
аброн 173, 177, 182, 186, 190, 192,
558–560
абуа 120–125, 169
абуре 174, 177, 182–183, 186, 190, 251,
559–561
авак 261–268
аватиме 175, 181, 185, 188–191, 557–
559
авикам 70, 175, 179–185, 189, 191,
558–559
агем 101, 103, 108–114, 451
аделе 173, 176, 178, 181–185, 188–189,
454, 558–559
адьюкру 173–175, 181, 185, 188–191,
286–289, 557–558
айере 146–149
айзи 275–277, 285–290, 293–297
акан 24–25, 34, 42, 46, 50, 57, 172–173,
177–186, 190–191, 251, 558–560
акаселем 201, 563–573
аке 132–135, 169, 548–551
акосе 112, 191, 448–450, 527–541
акпес 77–78, 139, 158–161
али 227–249
алладиан 70, 175–191, 557–559
ампари 418–422
анимере 175–189, 557–559
аньин 42, 173–191
аригиди 147–152, 161, 165, 168, 191

атгие 181–191, 557–559
афа 148–149
ахан 146–152
аханта 177–189, 558–560
аю 134, 169, 549–550

Б

баатонум 196–210, 214–215, 404, 567–
576
баболе 86, 96, 115, 168, 191, 468, 528–
542
бага-кога 385–387
бага-мадури 370, 384–390
бага-сигему 385–387
баго 563–573
баи 228–252
байнук 397–398, 402–404, 471
бака 221–250, 254, 447
бакве 275, 281–299
баланта 361, 364, 370–379, 401, 403
бали 258, 262–271, 468
бамбара (бамана) 305, 348–356
бамбари 226–249
бамбили 101–115, 451
бамилеке 103–115, 168–169, 184
бамум 103–114, 169
банганду 227–250
банги-ме (бангери-ме) 424
банда 221, 226, 231–255
банди (гбанди) 67, 308–315, 336–346,
349–354
банка 350, 353, 578–587
барамбу 228–250
басаа 95, 112, 115, 121, 168, 527–542
басари (ониян) 393–396, 401, 403, 448
басса 273–299

бауле 42, 174–191, 286, 558–560
баучи 552–555
бафанджи 103–110
бафия 527–542
бафут 99–115
бвазза 104–115, 168–169
бвamu 199–204, 563–573
бедик 38, 42, 371, 393–396
бекварра 119–125, 167–169
бемба 531–545
бен 349
бена (группа банту) 529–544
бена (семья адамауа) 261–269
бенга 527–542
бени 418–423
бером 130, 133–134, 168–169, 547–550
бете (джукуноидная группа) 135, 168, 441, 555–556
бете (семья кру) 274, 281–299
биале 562, 566
биафада 62, 362–371, 392–396
биджого 364–372, 392, 398–405, 436, 439–440, 443–460, 468
била 168–169, 191, 528–543
бириффор 199, 204, 562–573
биса 305, 348–356, 577–586
бобанги 528–542
бобо 45, 349–358, 448–450, 470–471, 579–587
бовили 175–189, 557–559
бозо 306, 338, 348–358, 580–586
бозом 67, 218, 223–249
боки 119–125, 168, 184
боко 306, 349–358, 577–586
бокобару 306, 351–357, 577–586
бокото 226–251
бома 528–542
бофи 222–224, 227–251
бу 132, 168, 548–551
бубу 238
були 199–202, 208
булло-сеи 386–389
булло-со (ммани) 364, 384, 386–390

буллу 527, 537
буноге 418–422
бурак 261–269
буса 306, 349–358, 578–586
бушоонг 528–543

В

ваама 208, 214, 468, 562–575
вагла 210, 564–576
ваджа 256–257, 261–272, 445
ваи 305, 339–358, 581–587
вакка 262–271
вара 226–249
варнанг 426–430
венго 104–115
венда 168, 531–546
вили 168–169, 529–544
винье 199, 564–576
вия 121, 159, 169, 527–542
волоф 361–364, 369–371, 389–404
воро 261–269
вунджо 529–543
вуте 102–115
вьемо 196, 201, 205–207, 214–215, 404, 567–574

Г

га 25, 175–191, 558–559
гаа 102–113
ганда 530–544
гбагьи 153–156, 168
гбайи 222, 227–250, 447, 450
гбан 350–356
гбанзири 227–250
гбану 222, 227–249
гбари 153–156
гбая-босангоа 227–249
гбая сев.-зап. 226–249
гбая юго-зап. 226–249
гвено 529–543
гемме 219, 228–250

ген 175–188, 557–559
гереро 168–169, 531–546
гирьяма 529–543
гитонга (тонга) 532–546
гого 85, 169, 529–544
годие 277, 281–299
гокана 120, 122
гола 45, 362–369, 384–392, 403
гонджа 177, 182–190, 558–560
гребо 273–278, 282–299
гула-зура 238
гула-сара 238
гун 175–188, 557–559
гурманчема 563–575, 194, 204–205,
468
гуро 57, 352–356
гуси 85, 89, 528–543
гчирику (дчирику) 530–545

Д

дабида (таита) 529–543
дагааре 566, 573
дагаари 562–573
дагара 210, 566, 573
дагбани 205, 210, 563–573
дадия 261–268
дай 191, 256–271, 462
дан 349–356
дангме 176–189, 558–559
девойн 273, 275, 279, 282–301
дег 201, 204, 210, 215, 564–576
дегема 31, 64, 140–144, 168
дело 563–573
денгебу 427–431
денья 103–115
дефака 407–416
джаад (бадьяра) 392–396, 455
джалонке (дьялонке) 304, 306, 338–
358, 445, 581–587
джамсай 418–422
джан 199, 564–574
джарава 98–114, 168

джеро (джеро) 98–114, 168
джибу 136, 555–556
джимини 201, 565–576
джовулу (джо) 348–356, 578–587
джукун 130–131, 135, 167, 555–556
джула (дьюла) 339, 351, 355, 357
дза 261–269
дзуун 349–354, 578–587
диго 112, 167–168, 529–543
дида 274–301
дии 258, 262–271, 449
диола 33, 361–380
дитаммари 204–205, 562–575
догосе 195, 199–211, 564–576
доко 73, 90, 528–542
домпо 177, 182, 186, 190–191, 558–560
донг 102, 107–113
донго-ко 73, 228–251
донно-со 418–422
дуала 527–542
дугури 104–111, 169
дурума 529, 534
дуун 350–357, 578–587

З

заламо (зарамо) 529–544
занде 68, 218–255, 353, 392, 463, 466–
467
зарма 477
зиало 44, 65–66, 69, 305, 308–311,
327–356
зулу 168, 531–546

И

ибани 408–415
ибибии 119–125, 167, 187
ивбие 139–144
игала 146–152, 167–168, 187
игаси 148–151
игбо 42, 117, 147–152, 167–169
игеде 154–157, 168–169

иго 175, 180–185
 иджо юго-вост. 411–413
 идома 154–157, 164, 168–169, 468
 идун 548–551
 изере 130, 134–135, 169
 изи 150–152
 изон 407–415
 ийаа 528–542
 иквере 150–152, 167–169
 икухане 168, 530–545
 ила 531–545
 иригве 135, 169, 547–550

Й

йеи 531–546
 йекхее 139–144, 168
 йемба 58, 100–115, 121, 167–168, 449
 йенданг 259, 262–272
 йескуа 548–551
 йом 202, 204, 288, 563–575
 йорно-со 418–420
 йоруба 27, 42, 46, 146–152, 167–168,
 184, 187

К

каан 261–269
 каанса 564–574
 кабийе 563–575
 кагоро (гворок) 305, 353–356
 кадугли (каду) 478–479
 какабе 348–356, 449, 579–587
 како 527–542
 калабари 68, 407–416
 каламсе 203, 208, 567–574
 камара 563–573
 камуку-реги 552–555
 камуку-тиял 552–555
 камуку-чинда 134, 552–555
 канна 120–125
 кануфи 133–134, 169, 548–551
 каньок 530–545

каонде 530–545
 караборо вост. 565–576
 караборо зап. 565–576
 каранг 258–269, 460
 каре 218, 262–269
 карон 372–375
 касанга 361, 397–398
 касем 200, 564–576
 квакум 85, 527–542
 квангари 168, 530–545
 квезо 530–545
 кебу 175–191, 557–559
 кела 528–543
 келе 168–169, 528–543
 кеньянг 100–115, 123, 167–169, 184
 кете 530–545
 кеянзи 528–542
 кикуйю 528–543
 кинга 529–539
 кирика 408–416
 киси 359–371, 386–390
 клао 273–299
 ко 426–430
 коалиб 427–430
 кобиана 362, 367–368, 397–398
 койра-чини 477
 койраборо-сенни 477
 колбила 259–269
 ком 104–114, 449–450
 коморо 529–544
 конго (киконго) 530–545
 кони 205, 288, 562–575
 конкомба 160, 200–204, 563–575
 конзиме 83, 115, 240, 527–542
 коно 305, 349–357, 581–587
 коньяги 369, 393–396, 401–403, 437
 коранко 348–357, 579–587
 коромфе 195, 199, 206, 566–575
 кота 527–537
 коти 531–546
 кохумоно 119–125, 167–169, 468
 кошин 103–115
 кпа 527–542

кпасам 262–269
 кпеен 349–357, 448, 578–587
 кпелле 280, 294, 308–311, 323–326,
 336–356, 449
 кран вост. 72, 274, 277, 282–302
 кран зап. 274, 280–301
 кробу 171, 182–190, 559–561
 кронго 478
 крумен 273, 279, 282–301
 куанка 132–135, 548–551
 куатай 372–378
 куваа 275, 284, 287–302
 кукеле 119–125, 168–169, 190, 449
 куланго 72, 195, 199–215, 403, 567–576
 кулу 132–135, 169, 548–551
 кулунг 104–111
 куму 168, 528–543
 куньи 529–544
 курия 91, 528–543
 кусаал 563–575
 кусунту 213, 563–573
 кутеб 130–132, 135, 168–169, 184, 441,
 555–556
 кхе 199, 201, 205, 208, 210, 564–574
 кхиса 564–574
 кьенга 349–356, 578–586
 кьяк 261–269

Л

лаади (лаари) 530–544
 лала 261–269
 лама 199, 261, 563–575
 ламба 531–545
 ламнсок (ламнсо) 103–115, 169, 184,
 449
 лангбаше (лангбаси) 226–249, 448
 ланги 83, 529–544
 ландума (ландома) 369, 385–391, 468
 ларо 426–430
 лару 169, 552–554
 лафофа 425–431
 лега 168, 380, 449, 528–543
 легбо 119–125, 190
 леелау 261–269
 леке 445, 528–542
 леле 348–357, 579–587
 лелеми 171–192, 558–560
 ленгола 169, 528–543
 лендже 531, 536
 лехар 370–371, 381–384, 453
 лигби 191, 306, 339, 348, 351–353, 357,
 579–587
 лиджили (мигили) 130–134, 167–168,
 548–551
 лимба 45, 361–372, 389, 392, 398–404,
 455
 лимбум 103, 106–114, 168, 450
 лингала 528–542
 лингомбе 528–542
 лобби 200–208, 251, 564–576
 логба 171, 173, 176–191, 454, 468,
 558–560
 логол 426–430
 лози 535–545
 локаа 119–124, 168
 локо 308–311, 319–320, 336–346, 351
 лонгуда 262–270
 лоо 261–269
 лоома (тома) 44, 71, 308–311, 331–333,
 336–346, 349–357, 449
 лопа 552–554
 луба 169, 530–545
 лувале 168–169, 530–545
 лувунда 531–545
 луимби 530
 лукпа 563–573
 лунгу 531–545
 лунда 530–545
 луфу 135, 555–556
 лучази 530–545
 луэна 530–540
 луяна 121, 530–545
 льеле 564–576

М

ма 228–250
мабиха 531–546
мада 134, 169, 548–551
майого 227–250
мак 261–269
макаа 191, 240, 450, 527–542
маконде 531–546
макхува 531–546
мамара 201, 203, 209, 565–576
мамбай 262–265
мамбила 102, 107–113, 168–169, 450
мампрули 201, 563–575
манганджа 531–545
мангбету 477
манджак 362–379
мандинка 354, 357
маненгуба 98, 123, 527–541
манза 227–231, 236–248
манинка 68, 348–357, 392, 448
манкань (манканья) 372–379
мано 64, 348–355
маньянга 209, 530–544
матуумби 168, 531–545
махди 261–269
машами 529–543
мба 73, 219–255, 392, 463, 466, 467
мбала 530–544
мбанджа 226–251
мбато 176–192, 454, 558–560
мбе 107–110, 114, 167–169
мбембе 119–124, 167–169
мбодомо 226–249, 468
мбои 261–269
мбонгно 102, 107–115
мбоши 528–542
мбрес-бука 230, 235, 245
мбрес-мбере 230, 245
мбрес-сабанга 235, 245, 249
мбу 103–115
мбукушу 530–545
мбула 104–111

мбум 256–272, 445, 453, 456, 463, 468
мбунду 530–544
мвани 529–544
мвера 531–545
менде 38, 73, 308–309, 315–316, 336–356
месака 102–115, 169
мета 103–114, 169
митуку 528–543
моба 204–205, 563–573
могофин (миксифоре) 351–357, 579–587
мокпве 527–542
мом 262–269
момбо 418–422
монго 528–543
монзомбо 227–253
моно 226–245
моо 261–266
мооре 201, 204, 208, 562–575
мороз 426–431
моши 529–543
мпонгве 527–542
муан 348–355
мумуйе 262–272, 456, 462
мундабли 101–115, 451
мунданг 262–271
мундани 103–115, 167
мунду 227–250, 254

Н

наджамба-киндиге 418–422
наки 102–115
налу 362–372, 376, 392, 398–404
нанга 418–423
нанде 85, 528–543
натени 199–201, 205, 562–573
наудем 201–204, 563–575
нафаанра 203, 565–576
нгангам 563–573
нгбака 73, 219, 227–254, 462, 466, 477
нгбака-мабо 227–250

нгиле 427–431
 нгити 477–478
 ндали 531–545
 нделе 226–249
 ндендеуле 531–545
 ндинг 427–431
 ндонга 531–546
 ндуму 167, 528, 537
 ндунга 227–251
 ндунда 102–113
 ндут 363, 381–384, 401
 нейо 274, 282–299
 нен 169, 527–542
 нзакара 68, 223, 228–255
 нзеби 528–542
 нзема 42, 176–190, 558–560
 низаа 102, 107–114
 ниламба 115, 529–544
 нкем 103–115
 нкенго 168, 528–543
 нконья 177–178, 182–191, 558–560
 нкоро 407–414
 нкоя 531–545
 нони 101–115, 167–169, 209, 449–451
 ноон 63, 170, 381–384, 453
 нотре 201, 208, 510, 562–575
 нтанду 530
 нугуну 527–542
 нуни 564–576
 нупе 153–157
 нчам 160, 201, 563–575
 нчумуру-банда 177–190, 559–560
 нчумуру-беджамсо-груби 177–190,
 559–560
 ньеллим 259–270
 ньика 531–545
 ньякьюса 89, 168, 531–545
 ньяли 528–543
 ньямвези 529–543
 ньянга 528–543
 ньянгбо 557–559, 175–191
 ньянджа 531–545
 ньятуру 168, 529–544
 нябва 283–299

О

оболо 119–125, 168–169, 407
 огба 150–151, 187
 огбиа 121–125, 168
 оге 148–151
 ойин 148–149
 око 77–78, 139, 152, 158–165, 168–169,
 454, 468
 окпамхери 140–142, 168, 190
 окпе 141–144, 168
 ороко 93, 167, 527–537
 оторо 426–430

П

палака 565–576
 палор 368, 371, 381–384, 448
 памбиа 228–250
 пана 203, 208, 564–576
 пангсенг 262–267
 пепель 366, 372–376
 пимбве 167–168, 531–545
 пинджи 168, 527–542
 пове (вове) 90, 95, 528–542
 поголу 529–544
 понгу 135, 169, 552–555
 пуну 85, 527–542
 пхуйе 564–574

Р

ранг 262–269
 реми 529, 534
 реше 128, 132–137, 159, 552–554
 ромбо 168–169, 529–543
 рор 132–135, 448, 552–554
 руанда (киньяруанда) 168, 530–544
 ругуру 529–544
 рури 528–543

С

самба-дака 102–113, 167, 257
 самба-леко 259, 262–271, 462
 сан (само) 349–358, 577–586
 сара-каба 238
 сафалиба 204, 563–573
 сафен 370, 381–385, 401
 сафуа 531–545
 сеенку (сеeku, сембла) 348–357, 578–587
 секпеле (ликпе) 348–357, 578–587
 селе 173, 176–190, 558–560
 семе 196, 275–299
 сена 531–545
 сенара 565–576
 сере 219–220, 228–254, 440, 466
 сереер 42, 361–369, 398–404, 440
 сиву 176–189, 558–560
 сисаала 564–576
 сонге 168, 530–454
 сонинке 304, 339, 348, 353–357
 сото юж. 531–546
 суа 364, 366, 369, 385–391, 401–405
 суахили 71, 529–544
 суку 530–544
 сукума 168–169, 528–543
 супьире 209, 565–574
 сур 135, 548–551
 сусу 304, 306, 337–340, 349–357, 449, 452, 581–587

Т

тагвана (тагбана) 215, 565–576
 тагой 426–432
 тадаксахак 477
 талоди 45, 425–433, 452, 463
 тампулма 564–574
 тарок 128–133, 168, 548–551
 тегаи 427–428
 тее 120–125, 167, 190
 теен 195–196, 205, 207–215, 403, 565–574

тем 563–575
 темне 361–370, 386–391
 тесу 134, 547–550
 тив 102–116, 153, 167–168, 184
 тикар 98–115, 121, 168
 тира 427–431
 того-кан 418–421
 томмо-со 418–423
 тонгве 167, 529–543
 торо 132–135, 169, 549–551
 торо-тегу 418–422
 точо 427–431
 тсва 532–546
 тсвана 167–168, 531–546
 тсо 261–268
 тсого 90, 168, 527–542
 тсонга 532–546
 тсувади 132, 136, 552–555
 туба 529–544
 тула 261–271, 460
 тумбука 531–545
 тупури 262–271
 тура 337, 349–356
 турка 199, 564–576
 тусиа (тусиан) сев. 289, 297, 565–576
 тусиа (тусиан) юж. 202, 209, 289, 565–576
 тха 261–269
 тьефо 195–196, 201–210, 214–215, 565–574

У

уало 418, 420
 уапан 130, 135, 168–169, 441, 555–556
 уара 198, 201, 203, 214, 404, 565–574
 увбие 141–142, 168
 удо 148–149
 укаан 77–78, 139, 152, 158, 160–165, 187, 191
 умбунду 95, 115, 531–546
 уобе 279–301
 уро 148–149

урхобо 141–145, 168–169
уэ юж. 282–299

Ф

фали 257–258, 262–268
фарефаре 208, 562–575
фер 477–478
фон 175–188, 557–559
фула 25, 28–29, 33, 38, 42, 73, 260,
359–360, 362, 369–371, 392, 399–
405, 447, 455–456, 468
фунгва 552–555
фьям 133–134, 169, 547–550

Х

ха 530–544
хайя 167, 530–544
ханга 563–575
хасонка 348, 354, 357
хауса 127, 208, 260, 479
хейбан 212, 425–433, 445, 452
хехе 529–544
химба 527–542
холохоло 528–543
хомбори-сенни 477
хоне 133, 135, 167, 555–556
хором 133–134, 168, 547–550
хунгу 530–544
хун-сааре 133, 135, 168–169, 450, 551–
554
хьям 133–135, 549–550

Ч

чага 528–543
чакали 201, 564–576
чала 563–573
чара 133–134, 547–550
часу 529–544
че 133–134, 169, 549–551
чебаара 201, 209, 215, 565–577

черепон 177–191, 559–560
черма 564–576
чичипу 132, 136, 169, 552–555
чишингини 132, 134, 136, 169, 552–
555
члела 132–133, 169, 551–554
чокве 530–540
чопи 169, 532–546

Ш

шамбала 168, 529–544
шанга 349, 355, 578–586
шваи 427–430
шербро 364, 369, 386–390
ши 167–168, 530–544
шона 531–546

Э

эбира 153–156, 168
эбрие 176–192, 558–560
эбугу 123
эве 179–188, 251, 557–559
эвондо 527–542
эга 171, 180–191, 558–560
эггон 133, 168, 549–551
эде 149
эджагам 103–115
эдо 140–145, 168, 190
экпейе 147–152, 167–169, 187, 449
элеме 70, 120–125, 167–168
элойи 128, 154–157, 164, 168
эмай 140–144
энванг 123
энгенни 141–145, 168, 190, 407
энья 167, 528–543
эотиле 177–191, 559–561
эпие 141–144, 168
эрушу 148–149
эсимби 100–115, 168
эткиван 135, 555–556

этуло 154–157

эфик 27, 31, 119–124, 168, 187

эчие 150–151

Ю

юкубен 134, 442, 555–556

юлу 238, 477–478

Я

якома 222, 227–254

янгере 226–249

янда 418–420

яо 85, 167, 531–545

яурэ 351, 356

Proto-Niger-Congo. Personal Pronouns

Abstract

The monograph aims at presenting a detailed comparative analysis of person marking systems in the languages of Sub-Saharan Africa belonging to the postulated Niger-Congo macrofamily. Although their genetic unity was proposed long ago by Bleek and Westermann, and further shaped by Greenberg in the 1960s by means of his “multilateral comparison” method, the relationship between over 1,500 Niger-Congo languages was never satisfactorily confirmed by the conventional comparative method. Attempts made in this field in recent decades were focused mainly on lexicon and lexicostatistics. The comparison of paradigmatic morphological systems such as the system of person markers may provide valuable evidence for affirming distant relationship hypotheses and genetic classifications.

The importance of person marking for Niger-Congo comparative studies in this regard may only be compared to that of noun class systems. But while the latter have been deeply researched and have proved efficient for comparative analysis, the study of personal pronouns and person marking in general has not yet been projected to the level of the whole macrofamily. This is exactly the aim of the current study which seeks an answer to the question of the validity of Niger-Congo as a genetic unity from the perspective of person marking, and makes an attempt to reconstruct the shape and the functions of the person marking system of Proto-Niger-Congo which might have been in use some 10,000 years ago in West Africa.

The reconstructed paradigm should satisfy two criteria: be as economical and as uncontroversial as possible. The idea, however, is not only to reconstruct the general appearance of the morphemes which used to mark person / number in Proto-Niger-Congo, but also to show the function and the place of person marking in the proto-languages and to trace the ways of its transformation from Proto-Niger-Congo to the contemporary languages of the region. Finally, the research seeks to demonstrate clear-cut boundaries of Niger-Congo, showing that there *are* languages in Sub-Saharan Africa which by no means demonstrate person marking systems traceable to Proto-Niger-Congo.

The Introduction to the monograph presents a brief overview of the Niger-Congo languages and the milestones in their comparative studies over the past two centuries, as well as a critical analysis of methods applied for Niger-Congo language comparison

and classification in earlier studies. It is followed, in Chapter 1, by the description of the methodology adopted for the research. Bearing in mind the gigantic volume of the macrofamily, the analysis is based on a step-by-step reconstruction method according to the latest and widely accepted classification of Niger-Congo. Each of the language families constituting the core of Niger-Congo is accorded a chapter. The first and easiest task is always the reconstruction of a subgroup / group proto-language system of person markers, based on synchronic data. At a later stage, proto-forms for various subgroups are compared with each other to achieve the family proto-language level. It is emphasised that, in view of a total lack of phonological reconstructions in the majority of Niger-Congo stocks, lexical data will be attracted where possible, serving as a proof for postulated phonetic correspondences between short person marking morphemes. Otherwise, the method of phonetic approximation will be applied, in accordance with the phoneme classification proposed by Aharon Dolgopolsky, but modified for the phonological realities of the Sub-Saharan Africa linguistic area.

Subsequently, chapters 2 to 8 are devoted to the core language families within Niger-Congo: Benue-Congo, Kwa, Gur and Senufo, Ubangi and Adamawa, Kru, Mande, and Atlantic. For each of them, an overview of the characteristic features of person marking is followed by uniform charts assembling synchronic language data, and detailed analysis of the latter. Overall, the monograph contains data from about 650 Niger-Congo languages, making it one of the largest reference databases for person markers in Africa. The author divides person markers into four distinct series according to their syntactic function within the clause or phrase: verb subject markers, verb object markers, possessive markers, and independent (usually focalised) pronouns. This typology, although not at all universal for the Niger-Congo languages, is adopted out of pragmatic considerations. Chapter 9 summarises the basic information on person marking in three smaller and so far less studied families: Ijoid, Dogon, and Kordofanian. Finally, Chapter 10 draws conclusions on the reconstructed Proto-Niger-Congo system of person markers and their diachronic development to the present day. For the purposes of proof *ad absurdum*, it also presents paradigms of person markers in some of the languages of Sub-Saharan Africa which are geographically close or were once considered genetically close to Niger-Congo: Songhai, Central Sudanic, Kadugli-Krongu, and Chadic.

The fundamental conclusions of the research allow to reconfirm that most language families unified by Greenberg and his predecessors into a single genetic unity are indeed related. The basic paradigm of person markers, consisting of four members (two persons, two numbers) and probably distinguishing between two syntactic series, can be reconstructed (p.) and is still traceable in today's languages (p.). The closest relationship is demonstrated by the languages of the mid-level Volta-Congo unity (comprising Benue-Congo, Kwa, Gur with Senufo, Adamawa-Ubangi, and Kru) (p.). The Dogon and Kordofanian languages also present solid proof of their kinship with Volta-Congo, even though they are rightly classified outside Volta-Congo.

Several important suggestions on the subclassification of Niger-Congo are put forward, based on the accomplished analysis. The languages usually assembled under the “Atlantic” label should be considered as constituting at least three independent language families some of which may well be placed under Volta-Congo. The Kwa family does not show enough evidence to be distinguished from a wider Benue-Kwa (Benue-Congo + Kwa) unity. Some of the groups previously treated under the Gur brand (the “peripheral Gur” languages and the Senufo languages) should be given a closer look as probably independent language branches or even isolates within Niger-Congo. The same should be true for a number of small subgroups assembled today within the Adamawa branch. Most of these conclusions are in line with the recent research on lexical comparison in Niger-Congo.

At the same time, the person marking systems of two language families, Mande and Ijoid, do not show enough evidence to fully confirm their Niger-Congo origins. However, the lack of supporting evidence may well be the result of drastic loss of segmental phonology in the person marking paradigm (in both Ijoid and Mande) or a relationship too deep to retain isoglosses even in such a stable microsystem of language as person markers. More research will be needed to disclose all the opportunities offered by morphosyntax for the comparative and historical study of languages in Africa.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Список использованных сокращений	19
Предисловие. Нигеро-конголезская макросемья языков и её изучение	23
Глава 1. Принципы и методы исследования	43
§ 1. Описание методов сравнительного анализа нигеро-конголезских языков.....	43
§ 2. Синхронная и диахроническая типология личных показателей в нигеро-конголезских языках	63
Глава 2. Реконструкция личных показателей в бенуэ-конголезских языках	75
§ 1. Общая характеристика бенуэ-конголезских языков	75
§ 2. Языки банту	78
§ 3. Бантоидные языки	96
§ 4. Языки кроссривер	117
§ 5. Платоидные, каинджи и джукуноидные языки	127
§ 6. Западные бенуэ-конголезские языки	138
§ 7. Реконструкция системы личного маркирования в бенуэ-конголезском праязыке	161
Глава 3. Реконструкция личных показателей в языках ква	170
Глава 4. Реконструкция личных показателей в языках гур	194
Глава 5. Реконструкция личных показателей в языках адамауа и убанги	216
§ 1. Личные показатели в языках убанги	216
§ 2. Личные показатели в языках адамауа.....	256
Глава 6. Реконструкция личных показателей в языках кру	273
Глава 7. Личное маркирование в языках манде	303
§ 1. Реконструкция личных показателей в юго-западных языках манде	308
§ 2. Опыт реконструкции личных показателей праязыка манде.....	348
Глава 8. Личные показатели в атлантических языках	359
§ 1. Личные показатели в языках бак	372
§ 2. Личные показатели в языках чангин	381
§ 3. Личные местоимения в южноатлантических языках.....	385
§ 4. О возможности реконструкции праатлантической системы личного маркирования	392

Глава 9. Личные показатели в иджоидных, догонских и кордофанских языках	406
§ 1. Личные показатели в иджоидных языках	406
§ 2. Личные показатели в языках догон	416
§ 3. Личные показатели в кордофанских языках	425
Глава 10. Реконструкция нигеро-конголезской системы личных показателей	434
§ 1. Реконструкция вольга-конголезской системы личных местоимений.....	435
§ 2. Реконструкция путей развития местоименных систем после распада праязыка	464
§ 3. О системах личных показателей других семей языков Субсахарской Африки	474
Заключение	481
Библиография	485
Приложение 1. Формы личных показателей в языках банту	527
Приложение 2. Формы личных показателей в центрально-нигерийских языках	547
Приложение 3. Формы показателей 3 лица в языках ква	557
Приложение 4. Формы личных показателей в языках гур	562
Приложение 5. Формы личных показателей в языках манде	577
Алфавитный указатель языков.....	588
Abstract	598
Оглавление	601
Список карт.....	603

Список карт

Карта 1. Нигеро-конголезские языки	<i>см. прилож.</i>
Карта 2. Макроареалы языков в Африке	40
Карта 3. Бенуэ-конголезские языки Бенина, Нигерии и Камеруна	<i>см. прилож.</i>
Карта 4. Распределение языков банту по зонам М. Гасри	80
Карта 5. Языки гур	<i>см. прилож.</i>
Карта 6. Языки кру	276
Карта 7. Языки манде	<i>см. прилож.</i>
Карта 8. Языки манде юго-западной группы	308
Карта 9. Атлантические языки	360
Карта 10. Иджоидные языки	408
Карта 11. Местоимения 2 л. ед. ч. модели mU	443
Карта 12. Распределение категории ключивности в нигеро-конголезских языках	446
Карта 13. Распределение категории ключивности в языках Африки	446

Кирилл Владимирович Бабаев

НИГЕРО-КОНГОЛЕЗСКИЙ ПРАЯЗЫК

Личные местоимения

Корректор Е. Сметанникова

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 24.04.2013. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 49,02. Тираж 700 экз. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

№ госрегистрации 1027701010435.

Phone: **8-495-959-52-60**. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел./факс: 8-499-255-77-57, тел.: (499) 793-57-01, e-mail: gnoxis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, ул. Бултерова, д. 17 «Б», офис 313

